ЭТНОГРАФИЯ

ЭТНОГРАФИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Ю. В. БРОМЛЕЯ И Г. Е. МАРКОВА

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника
для студентов исторических специальностей вузов

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1982

ББК 63.5
Э91

Рецензенты:

кафедра этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова; доктор исторических наук А. И. Першиц

Этнография: Учебник / Под ред.
Э91 Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. — М.: Высш. школа, 1982. — 320 с., ил. — Авт. указ. в предисловии и оглавлении.

В пер.: 1 р. 40 к.

В учебнике рассматриваются этнические черты народов мира на различных исторических этапах: в древности, средневековье, в новое время и в наши дни. Изложение дается по регионам. Специальный раздел посвящен проблемам этнической истории народов СССР, вопросам формирования новой исторической общности — советского народа.

Учебник снабжен этнографическими картами, иллюстрациями и указателем этнических терминов.

Э $\frac{0503000000-039}{001(01)-82}$ 10—81

ББК 63.5
902.7

© Издательство «Высшая школа», 1982

Предисловие

Учебник подготовлен сотрудниками кафедры этнографии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Института этнографии АН СССР. Он написан в соответствии с новой программой курса «Основы этнографии» и отвечает по материалу и в теоретическом отношении современному уровню этнографической науки.

Крупные исследования последних полутора десятилетий по этнографии ввели в научное обращение много новых фактических данных, а также теоретических обобщений и выводов. Особенно это касается теории этноса и этнических процессов. Учебник содержит специальные разделы, посвященные характеристике объекта, предмета и задач этнографии, а также важнейших этапов этнической истории человечества включая развивающиеся в наши дни этнические процессы; дана новая, современная классификация народов мира по антропологическим, хозяйственно-культурным и прочим признакам; подробно освещена история происхождения народов, историческая динамика хозяйства, социальной структуры, семьи и семейных отношений, материальной и духовной культуры.

Описательная часть включает данные, почерпнутые из новейшей отечественной и зарубежной литературы, а также материалы, собранные авторами учебника в многолетних этнографических экспедициях. Сведения по классификации и численности народов, границы их расселения и другие характеристики приводятся в соответствии с этно-демографическим справочником «Население мира» С. И. Брука (М., 1981). Исключение составляет глава «Народы Америки», в которой принята классификация «Атласа народов мира» (М., 1964).

В учебник включены указатель этнических терминов, иллюстративный материал и этнографические карты, основой для которых послужили карты из первого тома двадцатитомного издания «Страны и народы» (М., Мысль, 1978).

Авторами учебника являются:

Ю. В. Бромлей, Г. Е. Марков (руководители коллектива), Г. И. Анохин, Г. Г. Громов, Л. Б. Заседателева, М. В. Крюков, К. И. Козлова, Л. П. Лашук, С. П. Поляков, П. И. Пучков, Г. А. Шпажников.

Введение

Предмет и задачи этнографии

Этнография — наука, основным объектом изучения которой являются народы мира. Однако такое представление об исследовательском объекте этнографии установилось далеко не сразу. В прошлом одни ученые считали ее объектом человека, другие — культуру, третьи — общество. И хотя одновременно было распространено мнение, что объект этнографии — народы, при этом принимались во внимание главным образом народы бесписьменные, находившиеся на ранних ступенях социально-экономического развития. Распространенность такого представления в значительной мере связана с тем, что, сложившись как наука в эпоху расцвета колониализма буржуазной Европы, этнография была первоначально нацелена преимущественно на изучение народов внеевропейских территорий, в большинстве отставших в своем развитии. Этнография при этом резко противопоставлялась истории, которая считалась наукой, изучающей «исторические» народы на основании письменных источников. Этнографии же отводилась роль науки о «неисторических» народах. Подобные концепции, однако, безнадежно устарели. Уже давно стала очевидна несостоятельность деления народов на «исторические» и «неисторические». Широкое признание среди специалистов получило представление о том, что объектом этнографии являются все народы, как отставшие в своем развитии, так и высокоразвитые, как малочисленные, так и многомиллионные, как существовавшие в прошлом, так и существующие ныне.

Подобно большинству названий наук, термин «этнография» является производным от древнегреческих слов. Одно из них «этнос» переводится как народ, другое — «графейн» значит писать, описывать[1].

Слово «народ» и в русском, и в других современных языках имеет много различных

---

[1] В некоторых зарубежных странах для обозначения науки, занимающейся изучением этнографической проблематики, употребляется термин «этнология». При этом последняя рассматривается иногда как теоретическая дисциплина и противопоставляется этнографии, которой отводится роль чисто описательной науки. Однако в марксистско-ленинской литературе термин «этнология» не получил

значений. Под народом понимаются и трудящиеся массы, и национальные группы, и просто множество людей. Поэтому для тех случаев, когда слово народ употребляется в том значении, которое оно имеет в словосочетании «народы мира», в науке обычно используется обобщающее понятие «этнос» (древнегреч.— народ).

Каково же конкретное содержание этого понятия? В науке на этот счет имеются разные точки зрения. Согласно преобладающему в настоящее время среди советских ученых представлению, этнос (народ) — это особый вид социальной группировки, возникающей не по воле людей, а в результате естественно-исторического процесса. Характерная черта этносов — их значительная устойчивость: они, как правило, сохраняются многие и многие столетия. Каждый этнос обладает определенным внутренним единством, а также специфическими чертами, отличающими его от всех образований того же типа. Значительную роль при этом играет самосознание людей, составляющих отдельный этнос: как их взаимная идентификация, так и различение от других подобных общностей в форме антитезы «мы» — «они». Вместе с тем было бы неверно, как это делают многие буржуазные ученые, сводить сущность этноса лишь к самосознанию. За таким самосознанием, которое принято именовать этническим, стоят объективные, реально существующие свойства входящих в этносы людей.

Это прежде всего общие черты и отличительные особенности, проявляющиеся в различных сферах образа жизни членов этноса. Одну из важнейших среди этих сфер представляет язык. Он служит главным средством общения лиц, входящих в соответствующий этнос, и вместе с тем обычно отграничивает их от представителей всех или по крайней мере большинства других этносов. Наряду с языком первостепенная роль в функционировании этносов принадлежит культуре. В первую очередь это касается тех ее компонентов, которые имеют традиционный, массовый характер, проявляясь в повседневном быту. В области материальной культуры таковы традиционные виды жилища, хозяйственной утвари, одежды, пищи и т. п. В духовной культуре это обычаи, обряды, народное искусство, религия и т. д. Культурное единство членов этноса в свою очередь неразрывно связано с некоторыми особенностями их психики, главным образом оттенками, стилем проявления общечеловеческих свойств психики. Эти особенности в своей совокупности составляют так называемый этнический (национальный) характер.

Следует особо подчеркнуть, что каждый из указанных этнических признаков совсем не обязательно должен быть специфическим только для одного этноса. (Например, на одном и том же английском языке говорят представители различных этносов: англичане, североамериканцы, англо-канадцы и т. д.) Своеобразие каждого этноса создается не каким-то отдельным компонентом, а присущим только ему сочетанием всех его объективных свойств. Но это вместе с тем не значит, что этнос — простая сумма признаков; он представляет собой определенное целостное образование, в котором основную системообразующую роль могут выполнять различные его компоненты. В одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других — хозяйственно-бытовым особенностям, в третьих — характерным чертам поведения.

распространения, и этнография объединяет как описательную, так и теоретическую стороны исследования народов мира. В русской дореволюционной литературе в качестве синонима этнографии иногда употреблялся термин «народоведение». В странах, где распространен немецкий язык, этнографии соответствует совокупность таких двух дисциплин, как «Volkskunde» (изучение собственного народа) и «Völkerkunde» (изучение зарубежных, главным образом внеевропейских народов). В англоязычных странах этнография во многом совпадает с культурной и социальной антропологией, которые вместе с физической антропологией рассматриваются как наука о человеке в целом. Однако претензии антропологии в англоязычных странах на всеобъемлющее изучение человека и человечества обычно остаются не подкрепленными реальными исследованиями; более того, отсутствие четких критериев определения предмета культурно-социальной антропологии создает угрозу ее «растворения» в смежных дисциплинах, прежде всего в социологии.

Непременным свойством этноса, как уже отмечалось, является этническое самосознание — осознание членами этноса своей принадлежности к нему, связанное с отграничением от других этносов и проявляющееся прежде всего в употреблении общего самоназвания (этнонима). Важный компонент этнического самосознания — представление об общности происхождения, реальную основу которого составляет определенная общность исторических судеб членов этноса и их предков на всем протяжении его существования.

Многовековое существование этносов обеспечивается путем передачи от поколения к поколению языка, характерных черт культуры и быта. Существенную роль в обеспечении самовоспроизводства этноса играет преимущественное заключение браков внутри каждого из них (фактическая эндогамия).

Возникновение каждой этнической общности (этногенез) обусловлено непосредственными контактами входящих в него людей. Это, как правило, возможно лишь в том случае, если люди живут по соседству, т. е. на одной территории. Общность территории выступает, таким образом, прежде всего как условие формирования этноса. Вместе с тем она является также важнейшим условием самовоспроизводства этноса, обеспечивая развитие хозяйственных и других видов связей между его частями; природные условия этой общей территории влияют на жизнь людей, отражаясь в некоторых общих особенностях их хозяйственной деятельности, культуры, быта и психики. Однако и территориально разобщенные группы этноса могут длительное время сохранять свои специфические черты в области культуры и психики, а также прежнее самосознание общности; даже находясь на значительном расстоянии друг от друга, они обычно обладают некоторыми общими этническими свойствами (например, армяне в СССР, Сирии, США и т. д.).

Таким образом, выступив как условие формирования этноса, целостность территории не является строго обязательным фактором существования всех его частей. Имея в виду это обстоятельство, принято выделять собственно этнические общности или этносы в узком значении данного термина. Такая общность представляет собой исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований, фиксированном в этнониме. За таким значением термина этнос недавно предложено закрепить наименование «этникос».

Широкое значение термина этнос отражает тесную связь собственно этнических явлений с социально-экономическими, которыми они в конечном счете и обусловлены. В объективной реальности этникосы не существуют вне определенных социальных организмов: либо потестарных (от лат. потестас — власть) единиц в доклассовых обществах (племен), либо государственно-политических образований в классовых. Нередко этникос целиком или большей частью входит в состав одного социального организма. В этих случаях мы имеем дело с особыми образованиями — этносоциальными организмами (сокращенно — ЭСО). В отличие от этникосов такого рода образования непременно имеют единую территорию и обладают не только этнической, но и социально-экономической общностью. Именно поэтому для типологизации подобных этносоциальных образований решающую роль играет принадлежность их к той или иной социально-экономической формации. Этот факт и положен в основу принятой в нашей обществоведческой литературе классификации этносоциальных общностей. Согласно данной классификации принято выделять три типа ЭСО: племя, характерное для первобытной эпохи, народность — для рабовладельческой и феодальной эпох, и нация — для эпох капитализма и социализма. Этникосы же капиталистических и социалистических обществ, а иногда и докапиталистических, принято именовать национальностями (кроме того, этот термин употребляется для обозначения принадлежности тех или иных людей к определенной этнической общности). Если, к примеру, украинцы, проживающие в СССР, ЧССР, Канаде и других странах мира, представляют нацио-

нальность (этникос), то украинское население УССР — нацию (ЭСО).

Этникосы и этносоциальные организмы — основные виды этнических общностей. Но ими этническая структура человечества не исчерпывается. Многие этносы, особенно крупные, нередко сами состоят из так называемых этнографических групп или субэтносов. Этими терминами принято обозначать территориальные части этноса, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта, имеющие иногда самоназвание и как бы двойственное самосознание. Этнографические группы часто ведут свое происхождение от вошедших в народность или нацию племенных компонентов. Иногда они возникают при социально-религиозной дифференциации этноса, а также в результате сильного расширения этнической территории, когда мигрирующие части этноса попадают в различную природную среду, взаимодействуют с различными соседними этносами и т. д.

Наряду с внутренним членением этносов они нередко сами составляют более крупные комплексы; одни из таких комплексов, образующиеся на основании языково-культурной близости народов, именуются этнолингвистическими группами, другие, складывающиеся внутри многонациональных государств, представляется целесообразным именовать межэтническими общностями. Таким образом, одна и та же группа людей может одновременно входить в состав нескольких этнических общностей различных уровней. Русские, например, представляя собой этносоциальную общность — социалистическую нацию, одновременно являются частью более широких комплексов: с одной стороны, восточнославянского, с другой — общеславянского комплекса в целом. Если добавить к этому внутреннее деление русских на этнографические группы, то мы окажемся перед сложной иерархией этнических общностей.

Этнические общности всех уровней, как и основные этнические подразделения — этникосы и ЭСО, отличаются значительной устойчивостью. Тем не менее для всех этих общностей характерна не только преемственность, но и изменения во времени. Такого рода изменения принято именовать этническими процессами.

Процессы эти чрезвычайно многообразны. Прежде всего выделяются две их основные разновидности, различающиеся в зависимости от последствий происходящих с этносом изменений. Одна из них ведет в конечном счете к изменению этнического самосознания у людей, входящих в данный этнос. Такие процессы именуются этнотрансформационными, поскольку они связаны с переходом из одного этнического состояния в другое. Вторую разновидность представляют этноэволюционные процессы, выражающиеся в значительном изменении любого из основных параметров этноса, но не ведущие непосредственно к перемене этнического самосознания. Основным объективным содержанием таких этнических процессов является изменение культурной специфики этнических общностей.

Учитывая наличие двух форм существования этнических явлений, одна из которых выражена этносом в узком смысле слова, другая — этносоциальным организмом, представляется важным различать собственно этнические и этносоциальные процессы. Собственно этнические процессы представляют собой изменения этникосов (их языково-культурных параметров, самосознания и т. п.). Этносоциальные процессы — это изменения, касающиеся этносоциальных общностей (прежде всего их социально-экономических параметров).

Такое разграничение обусловлено прежде всего различиями в типах изменений собственно этнической и социально-экономической сфер деятельности общества. Известно, что во всей совокупности общественных явлений социально-экономические наиболее подвижны. Поэтому именно они, несомненно, являются определяющими в изменении этносоциальных систем. Что касается этнокультурных явлений, то, как уже говорилось, они, наоборот, отличаются большей устойчивостью. Этим и обусловлена значительная замедленность этнических процессов по сравнению с социально-экономическими. В результате скачки в собственно этнических процессах не совпадают с «разрывами постепенности», революциями в социально-экономической истории, а соотв-

ственно и со скачками в развитии этносоциальных систем. Переход от одной социально-экономической формации к другой неизбежно влечет за собой изменение основных типологических черт ЭСО. Но этникос может существовать на протяжении нескольких формаций (двух, трех, а подчас даже четырех).

При изучении собственно этнических процессов принято различать два их основных вида: разделительные, когда прежде единый народ делится на несколько самостоятельных этносов или от него отделяются части, становящиеся самостоятельными этносами, и объединительные, когда этнически разнородные группы людей сливаются в единый этнос. Диалектика этнического развития проявляется здесь в том, что почти каждый объединительный процесс ведет — правда, уже на новом уровне — к этническому обособлению втянутых в него этносов от других. Разделительные этнические процессы были особенно распространены в первобытнообщинную эпоху и вызывались чрезмерным увеличением численности племен или просто миграциями частей их на далекое расстояние. Наиболее типичными для нового времени были и остаются объединительные процессы, отражающие исторически закономерную и прогрессивную тенденцию к укрупнению народов.

Представление о народах как основном объекте этнографии не исключает расхождений, касающихся определения ее предмета. Это, в частности, отчетливо проявилось в период становления советской этнографической науки. Тогда, с одной стороны, пытались ограничить задачи этнографии изучением только архаических, пережиточных явлений, с другой — рассматривать этнографию как некую супердисциплину, претендующую на изучение едва ли не всех компонентов жизнедеятельности общества. Подобные расхождения в определении предмета этнографии в известной мере сохраняются и поныне как у нас в стране, так и особенно за рубежом (прежде всего в таких аналогичных этнографии дисциплинах, как этнология, культурная и социальная антропология). Очевидно, однако, что первая из указанных тенденций неизбежно влечет за собой представление о предмете этнографии как о «шагреневой коже», ибо для современности характерно все большее исчезновение архаики из жизни народов. Несмотря на кажущуюся широту, не более перспективна для науки об этносах и вторая тенденция. Она создает непреодолимые трудности для разграничения познавательных задач этнографии и других научных дисциплин, изучающих различные аспекты жизни народов (социологии, лингвистики, искусствоведения, фольклористики и т. д.).

Все это настойчиво выдвигает вопрос о критериях определения предметной области этнографической науки, ее размежевания со смежными дисциплинами. При выборе такого рода критериев следует исходить из того, что предмет каждой науки определяется далеко не произвольно и прежде всего зависит от выделения из всей совокупности присущих ее объекту свойств именно тех, что исследуются данной наукой. Следовательно, типичный для нее угол зрения определяется не произвольным набором проблем, а наличием у объекта определенных специфических свойств. Поскольку объектом этнографии являются этносы — народы, очевидно, среди их типологизирующих, характерных свойств и следует искать критерии для определения предмета этой научной дисциплины. Напомним, что такими свойствами являются те, благодаря которым этносы могут быть выделены среди других человеческих общностей, т. е. те, которые могут быть названы этническими. Это, с одной стороны, функция объединения всех членов этноса (внутриэтническая интеграция), а с другой — функция отграничения их от представителей других подобных общностей (межэтническая дифференциация). Как уже говорилось, такого рода функции наряду с языком выполняют преимущественно традиционно-бытовые компоненты культуры (обычаи, обряды, народное искусство, устное творчество и т. п.), специфические особенности которых отличают один этнос от другого.

Соответственно основанием для выделения предметной области этнографии должно служить рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций. При этом в силу большей наглядности этно-

дифференцирующих свойств (этнической специфики) именно такие свойства обычно выступают в качестве отправного ориентира для выделения предметной области этнографических исследований.

Но, разумеется, этнография призвана раскрывать весь облик этноса — не только его отличительные особенности, но и черты, общие с другими этносами. Определение особенного и общего всегда представляет единый процесс. Поэтому сравнительное изучение компонентов этноса как основной метод установления его специфических особенностей неизбежно предполагает выявление и черт, общих с другими этносами. При этом одни из таких черт могут оказаться присущими всем существующим и существовавшим этносам, т. е. иметь общечеловеческий характер, другие — лишь группе этносов и, следовательно, быть по-своему тоже специфичными.

Итак, к уже известному нам определению этнографии как науки, основным объектом которой являются этносы — народы, следует добавить, что эта наука исследует их сходство и различия.

Представление о том, что этнография рассматривает свои объекты сквозь призму выполнения их компонентами этнических функций, позволяет выделить основное ядро ее предметной области. Очевидно, что при таком подходе это ядро составит тот слой культуры в широком смысле слова, который выполняет этнические функции, т. е. прежде всего традиционно-бытовая культура. Одним из примеров ее многообразия у народов мира может служить традиционное жилье. Здесь и свайные постройки (например, у части меланезийцев и микронезийцев), и плавучие жилища (у некоторых народов Юго-Восточной Азии), и переносные жилища — юрты, чумы, типи (у кочевников Средней Азии, народов Севера, индейцев прерий), и дома-башни (у народов Кавказа, у части арабов, некоторых народов Афганистана), и жилища из снега — иглу (у «полярных» эскимосов) и т. п.

Весьма наглядно этнические особенности прослеживаются в сфере такого компонента материальной культуры, как пища. При этом различия между народами касаются и состава потребляемой пищи, и способов ее приготовления, и времени ее приема. Так, для одних народов основу пищевого рациона составляют продукты земледелия (например, для славянских народов), для других — мясо (например, для многих народов Севера), третьи являются ихтиофагами, т. е. употребляют в пищу главным образом рыбу (например, нанайцы, нивхи, ульчи). Хорошо известно существование у многих народов запретов на употребление отдельных видов пищи. В частности, народы Индии в большинстве своем не едят говядину; народы, исповедующие ислам и иудаизм, — свинину; ряд народов почти не употребляют в пищу молока (например, мон-кхмеры); у некоторых народов еще недавно деликатесом считалось мясо собаки (например, у полинезийцев) и т. п.

Существенно различаются у народов мира также семейный быт, брачные обычаи и обряды. Наряду с моногамной (единобрачной) семьей, распространенной в настоящее время у подавляющей части человечества, до сих пор у ряда народов все еще сохраняется как полигамия (многоженство), так и полиандрия (многомужество). Чрезвычайно многообразны брачные церемонии. У одних народов (например, у племени пунанов на острове Калимантан) для заключения брачного союза достаточно, чтобы жених и невеста в присутствии старейшины рода заявили о взаимном согласии вступить в брак, у других (например, у племени коши в Афганистане) свадебная церемония длится двое суток, у третьих (некоторых народов Индии) — восемь суток. Наряду с характерными для большинства европейских народов свадьбами, на которых присутствуют лишь ближайшие родственники и знакомые, у некоторых этносов (например, у народов Кавказа) на свадьбу по традиции приглашались сотни гостей. Вместе с тем на Кавказе до недавнего времени нередко встречалась «свадьба без новобрачных»: обычай запрещал жениху и невесте присутствовать на собственной свадьбе. По-разному обстоит дело и с разводом: есть народы (в частности, католического вероисповедания), у которых брак трудно расторжим, и есть народы (главным образом испо-

ведующие ислам), у которых для того, чтобы развестись, мужу достаточно объявить об этом жене.

В сфере повседневного поведения этнические особенности бывают настолько своеобразными, что нередко воспринимаются представителями других народов как нечто странное и удивительное. Индийца, скажем, удивляет, что жена европейца называет мужа по имени, обращаясь к нему в присутствии его матери и без ее разрешения. Японцу кажется странным, как может человек в жилом доме находиться в той же обуви, что и на улице. Болгары, в отличие от многих других народов, кивают головой в знак отрицания, а в знак согласия покачивают ею из стороны в сторону. Когда японцы, например, рассказывают о печальном событии, они улыбаются, чтобы не огорчить слушателя.

На разных ступенях общественного развития традиционно-бытовому слою культуры принадлежит далеко не одинаковая роль. Более того, различны и временны́е параметры традиций, в одних случаях это преимущественно давние, архаические, в других — новые, формирующиеся традиции.

В доклассовых и раннеклассовых обществах архаический традиционно-бытовой слой почти полностью охватывает культуру. Этим и объясняется тот уже давно признанный факт, что у отставших в своем развитии бесписьменных народов этнография изучает культуру целиком: от способов ведения хозяйства до религиозных верований и языка. Более того, поскольку у таких народов этнической спецификой пронизана и вся социальная сфера, она также в целом оказывается в поле зрения этнографов. Фактически ведущее положение этнографии в исследовании архаических черт у непосредственно изучаемых отставших в своем экономическом развитии народов обусловило ее активное участие в разработке проблем первобытнообщинной формации.

Однако в современную эпоху научно-техническая революция и социальный прогресс сопровождаются, как известно, быстрым исчезновением архаики. Отсюда одна из важнейших задач этнографов в настоящее время и на ближайшее будущее — фиксация еще сохранившихся архаических явлений. Характер этой фиксации и ее значимость, в свою очередь, во многом зависят от того, имеет ли этнограф дело с архаикой отставших в своем развитии народов или с пережиточными явлениями, существующими в промышленно развитых обществах. В первом случае данные об архаических компонентах жизни народов обычно в той или иной мере проливают дополнительный свет на проблемы истории раннеклассовых, а подчас даже и доклассовых обществ. Что касается еще кое-где сохранившихся в наше время архаических форм быта народов промышленно развитых стран, то изучение этих явлений нередко позволяет хотя бы частично заглянуть в прошлую повседневную жизнь этих народов, отстающую от нас по крайней мере на столетие, а то и более. Следует иметь в виду, однако, что в рассматриваемом случае остатки архаики особенно быстро вытесняются профессиональной, урбанизированной культурой. Поэтому проблема их фиксации приобретает большую остроту. Не случайно этнографы, изучающие народы промышленно развитых стран, уделяют этому самое пристальное внимание.

При всей значимости для этнографии выявления архаики было бы, однако, неверно полагать, что эта дисциплина ориентирована лишь на изучение «живой старины». Особенно это относится к этносам развитых классовых обществ. Дело в том, что в таких обществах существенно меняется содержательная сторона объекта этнографических исследований. Он становится чрезвычайно сложным, многогранным. В результате развития производительных сил отдельные сферы общественной жизни получают значительную обособленность. Происходит специализация в области экономики, разделение сфер производства и потребления, особенно усилившееся в эпоху капитализма. Усложняется социальная структура. Исчезает былой синкретизм в области культуры, дифференцируются ее виды. Появляются глубокие различия в образе жизни классов и социальных групп, сельских и городских жителей, между бытовой и профессиональной культурой.

Огромное воздействие на этнические общ-

ности оказывает научно-техническая революция. Правда, воздействие это имеет двоякий характер: с одной стороны, оно способствует выравниванию культурного уровня этнических общностей, взаимопроникновению культур, их стандартизации и унификации, а с другой — благодаря развитию средств массовой информации может вызвать усиление этнического самосознания у самых широких масс населения. А это, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на духовную культуру, придавая этническую значимость тем ее компонентам, которые прежде имели таковую лишь в самой малой степени или совсем не выполняли этнических функций. Вообще, по мере распространения различных стандартизированных форм культуры этническая специфика современных народов из сферы материальной культуры постепенно как бы перемещается в сферу духовную.

Нельзя не учитывать и возникновения новых традиций, в том числе в сфере повседневной культуры. Вместе с тем в промышленно развитых странах все большую этническую роль начинает играть профессиональная духовная культура, особенно в тех случаях, когда ее достижения проникают в повседневную жизнь народа. В результате у народов развитых стран основные этнические функции уже выполняют не столько остатки архаики, сколько сложившиеся в повседневном образе жизни новые сравнительно устойчивые компоненты духовной культуры, которые, впрочем, нередко включают, хотя и в модифицированном виде, элементы давних традиций.

Все это выдвигает перед этнографией особый комплекс задач, связанных с рассмотрением современных народов (в том числе индустриально развитых стран) как живой действительности. Разумеется, и в этом случае главное внимание должно быть уделено тем сферам жизни народов, в которых наиболее отчетливо проявляются их характерные черты. А это, как уже отмечалось, главным образом относится к духовной культуре народов, к их общественной психологии.

Так как этносы — динамические системы, одна из важнейших задач этнографии — изучение этнических процессов. При этом основное внимание уделяется двум диаметрально противоположным периодам в этнической истории человечества. С одной стороны, к относящемуся главным образом к далекому прошлому возникновению этнических общностей (этногенезу), с другой — к современным этническим процессам. Все большая интенсификация этнических процессов в современном мире придает соответствующим этнографическим исследованиям особую значимость и перспективность. Таким образом, этнография — научная дисциплина, изучающая сходство и различие всех народов мира, а также происходящие с ними изменения на протяжении всей истории человечества, с древнейших времен до наших дней.

В нашей стране этнографические исследования получили широкий размах. Их проводят Институт этнографии Академии наук СССР вместе с многочисленными этнографическими научными коллективами, существующими в союзных и автономных республиках, а также университеты. Немалую лепту в этнографическое изучение страны вносят музеи.

Экспедиции в отдаленные, нередко труднодоступные районы СССР и зарубежных стран придают деятельности этнографов романтический налет, а особое внимание к народам, повседневная жизнь которых отличается отдельными архаическими чертами, — даже некоторую экзотичность. Все это, однако, не исключает большой практической значимости этнографических исследований. Не случайно уже с первых лет Советской власти рекомендации этнографов широко использовались при решении вопросов, связанных с преобразованием хозяйства, культуры и быта народов, шагнувших в социализм прямо из феодального или даже родового строя. Без этнографических знаний, в частности, невозможно выработать правильное отношение к огромному хозяйственно-культурному наследию народов, отделить содержащиеся в нем прогрессивные, рациональные традиции от вредных пережиточных явлений. Особенно большую роль рекомендации этнографов сыграли в социалистическом переустройстве жизни малых народов Севера — коряков, ительменов, эскимосов, эвенков, ненцев и др. Учет их традиционных

культурно-бытовых особенностей существенно облегчил гигантский социальный скачок, проделанный ими в кратчайший исторический срок.

Сосредоточивая внимание прежде всего на традиционно-бытовой культуре, этнография тем самым способствует разработке одного из существенных аспектов всей культурной истории человечества, которая отнюдь не сводится к развитию лишь профессиональных форм культуры. Особую роль этнографические исследования играют в воссоздании истории культуры на ранних ступенях общественного развития. В целом же этнографические историко-культурные исследования убедительно показывают, что все народы в равной степени способны к культурному прогрессу. Поэтому таким исследованиям принадлежит значительная роль в борьбе с реакционными расистскими концепциями и различными националистическими предрассудками. Например, историко-этнографические исследования, раскрывшие миру яркие самобытные цивилизации многих негритянских народов, существовавшие до европейского вторжения в Африку, основательно подорвали легенды о неспособности этих народов к культурному творчеству.

В связи с попытками идеологов антикоммунизма опровергнуть важнейшее марксистское положение о том, что частная собственность, классы и государство являются преходящими общественными институтами, особую остроту приобретает разработка советскими этнографами (вместе с представителями других исторических дисциплин) истории первобытного общества.

Существенное значение историко-этнографические знания имеют и для понимания современной жизни народов. Без таких знаний, например, невозможно правильно ориентироваться в процессах, происходящих в настоящее время на Африканском континенте. Дело в том, что при создании колоний империалисты не считались с исторически сложившимися племенами и этнолингвистическими общностями. В результате в пределах многих колоний образовалась мозаика из отдельных, рассеченных на части племен и народностей. Отсюда большая этническая пестрота многих молодых государств.

Одно из центральных мест в этнографических изысканиях занимает изучение современных этнических процессов. Научно-техническая революция середины XX в., необычайно сократившая расстояния между всеми народами, сделала особенно ощутимым и нетерпимым наследие их былого неравномерного развития. Правда, при изучении усилившихся во всем мире национальных процессов этнограф сталкивается со своеобразными трудностями. Особенно это относится к изучению народов высокоразвитых стран, образ жизни которых постепенно все более унифицируется. Однако следует иметь в виду, что народы и в высокоразвитых странах обладают своими этническими особенностями, притом не только сохранившимися от далекого прошлого, но и возникшими сравнительно недавно. Этнографу важно получить отчетливое представление о сохранении и модификации традиционных форм культуры и быта, росте национально-смешанных браков, изменении национального самосознания.

При изучении современности работа этнографов особенно близко соприкасается с конкретно-социологическими исследованиями. Ученых обеих специальностей нередко интересуют одни и те же сферы общественной жизни (быт, семья и т. п.) Однако социолог и этнограф отнюдь не дублируют друг друга: они как бы под разными ракурсами рассматривают свои объекты. При изучении, например, семьи социолога главным образом интересуют воплощенные в ней социальные связи, тогда как этнографа — ее этнические особенности. Вместе с тем в силу теснейшего переплетения социально-классовых и этнических отношений их подчас практически невозможно изучать порознь.

Одной из важнейших задач советских этнографов является исследование этнических аспектов национальных процессов в СССР. Значение этой проблематики для такого многонационального государства, как наше, трудно переоценить. В СССР достигнут невиданный расцвет социалистических наций и народностей, происходит их все более тесное сбли-

жение, возникла новая историческая общность людей — советский народ. Отношения между народами нашей страны представляют собой образец межнационального сотрудничества и дружбы. Однако нельзя забывать, что эти отношения сложились не стихийно, а как результат ленинской национальной политики КПСС, что партия и впредь будет, руководствуясь объективными законами развития общества, создавать наиболее благоприятные условия для расцвета и сближения народов нашей страны. Это, в свою очередь, диктует необходимость углубленного исследования различных типов современных этнических процессов в СССР, их тенденций и перспектив, их особенностей и темпов, факторов, влияющих на развитие и сближение социалистических наций. Большое познавательное значение историко-этнографических процессов предопределило пристальное внимание советских этнографов к созданию обобщающих характеристик народов мира в форме сводных трудов, историко-этнографических атласов, этнических карт.

Задача всесторонней характеристики народов-этносов и этнических процессов может быть решена лишь на основе специального исследования всех их компонентов, в которых проявляется этническая специфика. Отсюда следует особое значение для этнографии комплексного подхода к предмету исследования и использования данных, полученных другими науками, как гуманитарными, так и естественными. При этом этническая специфика выступает в качестве основного ориентира для определения ее взаимоотношения со смежными дисциплинами, со многими из которых она тесно связана. Будучи одной из исторических дисциплин, этнография имеет, в частности, немало точек соприкосновения с общей гражданской историей в изучении первобытнообщинной эпохи и в вопросах этнической истории. Исследуя вопросы этногенеза, этнограф постоянно обращается к материалам археологии; археология же для своих реконструкций, в том числе для определения этнической принадлежности археологических памятников, широко использует данные этнографии. С историей культуры, искусствоведением, фольклористикой этнография соприкасается при изучении народного художественного творчества, с экономическими науками — при изучении хозяйственной деятельности. С конкретной социологией этнографию, как уже отмечалось, связывает изучение взаимодействия социально-классовых и этнокультурных явлений (этническая социология). С социальной психологией этнография имеет общий раздел — этническую психологию. С лингвистикой этнографию связывают изучение языкового родства народов, взаимных языковых влияний и заимствований, диалектологические и ономастические исследования, взаимодействие языковых и этнических процессов (этнолингвистика). С географией этнография контактирует в изучении взаимодействия этноса и природной среды, типов расселения, а также по вопросам этнического картографирования. В исследовании численности народов мира, миграционных процессов этнография смыкается с демографией (этнодемография). С антропологией этнография наиболее тесно сопряжена в исследовании этногенеза (этническая антропология), а также истории первобытного общества. В той или иной мере этнография взаимодействует и со многими другими естественнонаучными дисциплинами (ботаникой, зоологией, океанологией и т. д.), данные которых способны дополнить этническую историю человечества.

Классификация народов мира

Этнографическое изучение и описание народов мира имеет в своей основе их научную систематизацию. Путем классификации выделяются народы и группы народов, обитающие в одном географическом регионе, стоящие на одном уровне хозяйственного и социального развития, обладающие общими культурными чертами. Каждый из этих признаков, положенный в основу классификации, важен при исследовании тех или иных этнических явлений. Так, выявление родства по происхождению и культуре позволяет классифицировать родственные народы, что лежит в основе этногенетических исследований. Однако полную характеристику народа, его места

среди прочих народов мира дает только совокупность наиболее существенных и фундаментальных классификационных признаков. К их числу можно отнести географическую, антропологическую, языковую и хозяйственно-культурную принадлежность. Существуют и иные, второстепенные принципы классификации, например по религиозному признаку. Таким образом, систематизация народов мира основывается на сумме классификации естественнонаучных и социальных явлений, характеризующих этносы и присущие им черты.

Рассмотрим значение каждого из названных видов классификации народов.

Географическая классификация предусматривает распределение человечества по отдельным группам и народам в соответствии с местами их обитания. Но при этом она не учитывает их происхождения, уровня развития хозяйственных и социальных отношений, облика культуры. Поэтому географическая классификация больше используется при описании народов, чем при их исследовании. Вместе с тем расселенные по соседству народы нередко имеют общее происхождение и сходную культуру.

Географические регионы, по которым распределяются народы мира, определяются в литературе по-разному. Так, в советской науке принято выделение Средней Азии в самостоятельную область, в буржуазной литературе ее часто включают в Центральную Азию. Во многих изданиях прошлых лет Центральная Азия включалась в Восточную Азию, хотя правильнее выделять ее в качестве самостоятельного региона. По-разному классифицируются географические регионы Африки. В буржуазной науке принято подразделение народов на европейские и внеевропейские. Советские ученые не согласны с таким приемом классификации. Наконец, по понятным причинам, только в советской этнографии «Зарубежная Европа» и «Зарубежная Азия» выделяются как самостоятельные географические регионы.

В общем виде географическая классификация народов мира, принятая в советской этнографии, выглядит следующим образом:

Народы СССР с подразделением на народы европейской части СССР, Сибири и Дальнего Востока, Кавказа, Средней Азии.

Народы Зарубежной Азии. Это понятие чрезмерно общее и объединяет совершенно различные по происхождению, историческим судьбам и культуре народы, численность которых превышает два миллиарда человек. Поэтому можно выделять в виде самостоятельных регионов области Западной, Южной, Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии.

Народы Африки. Условно Африку можно разделить на Восточную, Западную, Северную и Южную. В литературе нередко ограничиваются выделением Северной и Тропической Африки.

Народы Австралии и Океании. Ареал подразделяется на области: Австралия и Тасмания, Полинезия, Микронезия, Меланезия.

Народы Америки. Америка делится на три крупные области: Северную, Центральную и Южную.

Народы Зарубежной Европы.

Антропологическая классификация. Антропология исследует физические различия между людьми, исторически сложившиеся в ходе их развития в различной естественно-географической среде. Физические различия между группами людей, живущими на значительном друг от друга расстоянии, в разных природных условиях, называются в науке расовыми. Расы — это исторически сложившиеся группы людей, связанные единством происхождения, которое выражается в общих наследственных морфологических и физиологических признаках, варьирующихся в определенных пределах. Расы постоянно смешиваются, поэтому они имеют не столько наследственный, сколько исторически сложившийся характер. Антропология считает расы совокупностью территориальных групп людей, а не отдельных особей. По всем главным морфологическим, физиологическим и психологическим особенностям, которые характеризуют современных людей, сходство между всеми расами очень велико, а различия не существенны. Можно полагать, что современные расы начали складываться в позднем палеолите, и с тех пор они все время изменяются вследствие смешений и других

причин. Расовые признаки не имели и не имеют никакого значения для исторического развития людей, уровня развития разных групп человечества, их культуры. Тем не менее данные антропологии играют существенную роль при этнографических исследованиях, так как дают важные сведения о происхождении народов, их этногенезе. Одновременно исследование рас и расовых признаков позволяет бороться с антинаучными, расистскими концепциями реакционных буржуазных ученых.

Признаки, по которым выделяются расы, очень различны. Одни из них описательные, другие сугубо специальные. Существенным расовым признаком является форма волос головы и степень развития третичного волосяного покрова (усы, борода). У большей части обитателей Европы волосы обычно мягкие, прямые или волнистые. У монголоидов, обитателей Восточной и Юго-Восточной Азии и ряда других областей мира, они тугие и прямые. У африканцев — жесткие и курчавые. Третичный волосяной покров сильно развит у обитателей Европы, Передней Азии, Закавказья, коренного населения Австралии. Значительно слабее он выражен у многих групп африканцев, населения некоторых частей Азии.

Определенное значение при расовой диагностике имеет окраска (пигментация) кожи и волос. Так, слабо пигментированы некоторые группы населения Северной Европы. Темная окраска кожи и волос свойственна большей части африканцев. Темные волосы, но более светлая пигментация кожи у обитателей Южной Европы, у значительной части коренного населения Азии.

Несколько меньшее значение как расовому признаку придается росту, весу и пропорциям тела. По росту и пропорциям тела выделяются главным образом некоторые малорослые (пигмейские) группы в Южной Африке и негритосы Юго-Восточной и Южной Азии.

Немалое значение для выделения расовых типов имеет изучение признаков головы и лица. Но так называемый «головной указатель», т. е. соотношение длины и ширины черепа (длинно-средне-короткоголовость), очень сильно варьируется в каждой расе и сам по себе расовым показателем не является. Имеют классификационное значение и некоторые другие признаки, например форма носа.

Для антропологических исследований привлекаются и многие специальные признаки: данные о генах, группах крови, узорах на пальцах (папиллярные узоры), форме зубов и др.

Антропологи выделяют обычно четыре большие расы, связанные между собой общностью происхождения. Это европеоидная, монголоидная, негроидная и австралоидная расы. Но ареалы распространения расовых типов перекрывают друг друга, вследствие чего возникают переходные, контактные расы. Кроме того, существуют древние, а также смешанные расы.

Европеоиды обитают в наши дни на всех континентах и подразделяются на многие расы «второго порядка» (или малые расы). Среди европеоидов выделяются светло-пигментированные (блондины), темно-пигментированные (брюнеты) и промежуточные (шатены, темно-русые) группы. Европеоиды образуют в некоторых областях смешанные с монголоидами группы, главным образом в СССР, Зарубежной Азии и Америке.

Основные области расселения монголоидов — Сибирь и Зарубежная Азия. Нередко к монголоидам причисляют антропологически очень своеобразных американских индейцев. Монголоидная раса подразделяется на континентальную, тихоокеанскую, арктическую, или эскимосскую, ветви. Монголоиды образуют также смешанные и переходные типы. К числу контактных групп относятся южноазиатский, полинезийский и некоторые другие расовые типы.

Области распространения негроидной расы находятся в Африке. Негроиды, потомки выходцев из Африки, широко расселены в Новом Свете. К негроидной расе относятся негры, негрили, бушмены и готтентоты.

К австралоидной расе принадлежат коренное население Австралии, папуасы и меланезийцы, негритосы и веддоиды — малорослые обитатели внутренних частей островов Юго-Восточной Азии и Шри Ланки.

Существует много переходных групп между негроидной, австралоидной и европеоидной

расами. К ним могут быть отнесены дравиды Южной Азии, эфиопы, смешанные группы населения в Америке, Африке и в других областях земли.

Контактную курильскую (айнскую) расу составляют айны, сочетающие в себе черты монголоидов и австралоидов.

Языковая классификация. Данные о истории языка имеют подчас решающее значение при этногенетических исследованиях, выявление языкового родства означает обычно и установление генетического родства между народами. Вместе с тем этнические общности, имеющие общее происхождение и пользующиеся общими по происхождению языками, могут сильно различаться по хозяйству и культуре, что объясняется историческими причинами. Это обстоятельство несколько ограничивает значение данных о языке и языковой классификации при этнографических исследованиях, поэтому они используются в этнографии наряду с другими данными.

История языка восстанавливается сравнительно-историческим языкознанием путем сопоставления родственных по происхождению языков, входящих в одну языковую семью, развивающуюся из диалектов общего языка-основы. Язык-основа — это реальная общность диалектов древних племен или народностей, к которым в конечном счете генетически восходят все языки той или иной группы (языковой семьи) родственных языков. Два или более языка называются родственными в том случае, когда они являются следствием эволюции одного и того же языка. Совокупность родственных языков обозначается понятием языковая семья. Так, русский, таджикский и английский языки родственны между собой, так как восходят к общему индоевропейскому языку-основе. Если язык развивается на сплошной этнической территории, то со временем в разных ее областях возникают некоторые языковые особенности, называемые диалектами.

Язык представляет собой общественное явление и существует только в обществе; общество не может существовать без языка. Язык возник вместе с человечеством и формировался в ходе антропогенеза и последующих исторических эпох. Как историческое явление язык непрерывно развивается, изменяются главные его элементы: грамматика, лексика, фонетика. Чаще всего совершается спонтанное изменение, являющееся следствием преемственности поколений и накоплением новшеств в языке без заимствования из чужих языков. Наблюдаются также изменения, связанные с заимствованиями из чужих языков. Наконец, происходит смена населением языка. Как считают лингвисты, в областях с давно сложившимися цивилизациями, смена языка была по крайней мере один раз, но нередко и чаще. При этом прежний язык как субстрат оказывал влияние на развитие нового языка. Все эти явления приводили к разветвлению первоначального языка-основы, складыванию языковых семей, их ветвей и более мелких групп.

Рассматриваемые процессы лучше всего видны на примере наиболее изученной индоевропейской семьи. В нее входят в наши дни славянские, германские, романские, балтийские, индийские, иранские, кельтские, армянский, греческий, албанский языки. Многие индоевропейские языки (древнегреческий, латинский, санскрит, авестийский, индоевропейские языки Хеттского царства, хорезмийский, согдийский, скифские и др.) давно вышли из употребления и называются «мертвыми».

К индоевропейским относят языки, которые восходят к индоевропейскому языку-основе и продолжают его в непрерывной преемственности. Индоевропейская языковая семья, как и все прочие семьи, явление чисто историческое и не предполагает какой-либо общей для всех входящих в нее языков, грамматической, лексической или фонетической характеристики. Поэтому сейчас нет ни одной черты, по которой можно определить тот или иной язык как индоевропейский. Констатация индоевропейской семьи только устанавливает факт, что некогда существовал момент, когда эти языки входили в индоевропейский язык-основу и, таким образом, генетически родственны между собой. Общность у них только по происхождению.

Время сложения индоевропейской семьи языков точно не известно, но произошло это

не позднее эпохи бронзы, а в дальнейшем складывались языковые ветви. Еще позже дифференцировались современные языки. Так обстояло дело, например, со славянскими языками, из языка-основы которых выделились в свое время восточнославянские, южнославянские и западнославянские языки. В свою очередь уже в относительно позднее историческое время из восточнославянской ветви выделились русский, украинский и белорусский языки; из южнославянской — болгарский, сербо-хорватский, словенский, македонский; из западнославянской — польский, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкий. В каждом из перечисленных языков выделяются локальные диалекты и говоры.

Существуют гипотезы о том, что и современные языковые семьи восходят к каким-то очень древним языкам-основам и что, таким образом, между ними существует генетическое родство. Так, высказывалось предположение об очень древних связях индоевропейских языков с другими семьями, в частности семито-хамитской. Но данные, которыми располагает в настоящее время лингвистика, еще не позволяют достаточно выяснить наличие таких генетических связей.

Помимо индоевропейской имеются и другие крупные языковые семьи:

Семито-хамитская, с ветвями семитской, кушитской, берберской и чадской.

Уральская семья с финно-угорской и самодийской ветвями.

Алтайская семья с ветвями тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской.

Кавказская семья с ветвями картвельской, абхазо-адыгской, нахско-дагестанской.

Конго-кордофанская (нигеро-кордофанская), нило-сахарская и койсанская семьи.

Австроазиатская семья, в которую входят группы вьет, мяо-яо, мон-кхмер, мунда и др.

Австронезийская или малайско-полинезийская семья.

Китайско-тибетская.

Тайская.

Индейские семьи.

Дравидийская семья.

Папуасские семьи.

Кроме того, существуют более мелкие языковые семьи, а также отдельные языки, не входящие ни в какую языковую семью (такие, как японский и корейский).

Хозяйственно-культурная классификация. Среди перечисленных видов классификаций народов мира только хозяйственно-культурная является собственно этнографической и основывается на этнографических методах изучения хозяйства и культуры. Рассматриваемый вид классификации имеет существенное значение для этнографии и необходим при исследовании проблем этнической истории, истории возникновения и развития хозяйства и материальной культуры, исторических и культурных связей между народами, наконец, при установлении глобальной непрерывности и общности человеческих культур.

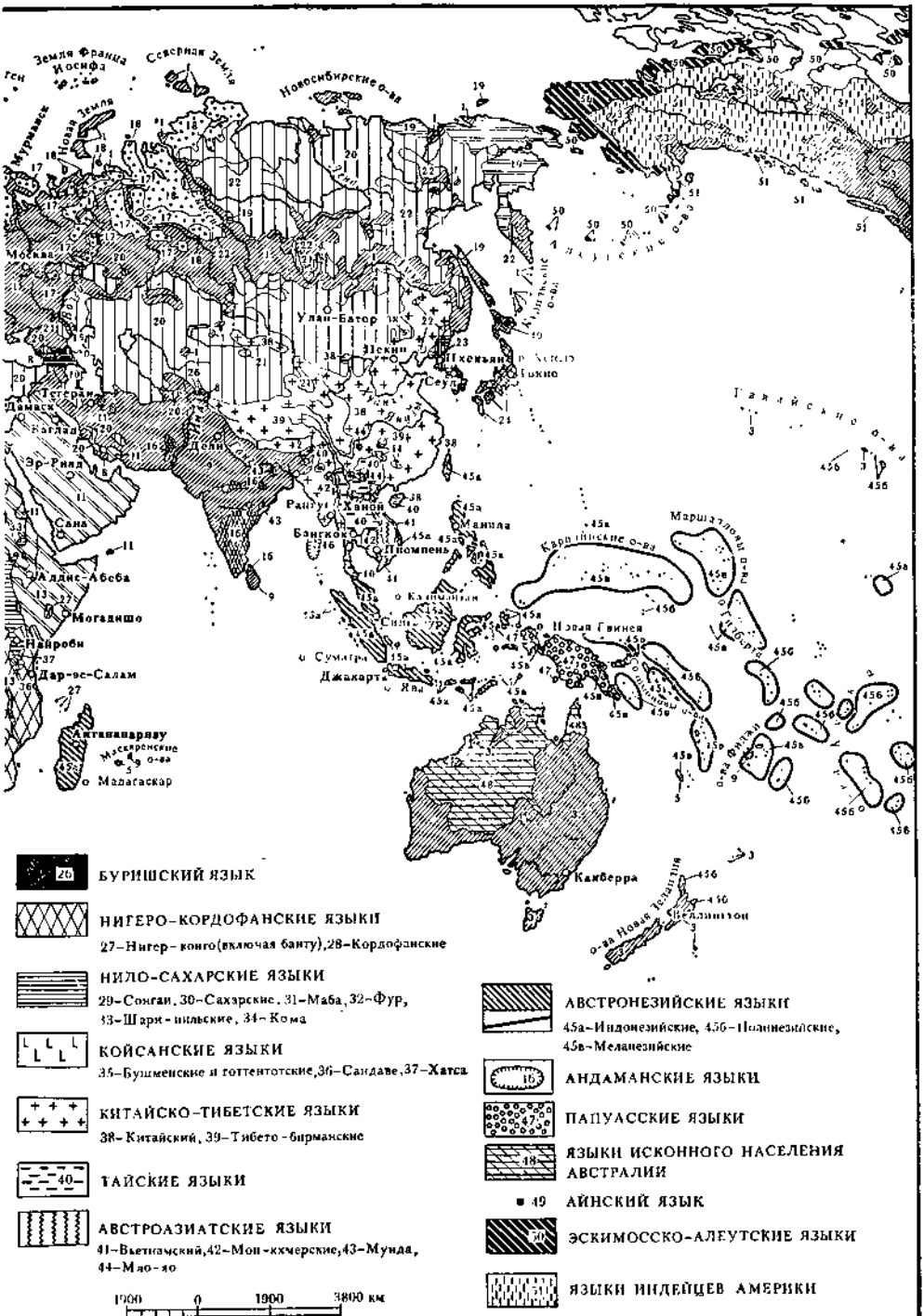
Этнографические данные показывают, что при одном и том же уровне социально-экономического развития и в одинаковых условиях природно-географической среды у народов, даже не связанных между собой исторически и относящихся к разным этническим и языковым группам, возникают сходные явления в хозяйстве и материальной культуре. Сходные по этим признакам народы классифицируются по хозяйственно-культурным типам (ХКТ). Под хозяйственно-культурным типом понимают в этнографии комплекс особенностей хозяйства и культуры, который исторически складывается у разных народов, близких по социально-экономическому развитию и обитающих в сходных условиях среды.

Хозяйственно-культурные типы формировались на протяжении всей человеческой истории в ходе приспособления людей к окружающей среде. При этом одни типы очень древние, другие возникли позднее.

Почти ничего не известно о хозяйственно-культурных типах, существовавших до времени возникновения человека современного вида, и высказываемые по этому поводу предположения не идут далее рабочих гипотез.

Хозяйственно-культурные типы, просуществовавшие до нового времени, начали формироваться в позднем палеолите. Значительные изменения произошли в традиционных хозяйственно-культурных типах по мере становления капитализма, а затем мировой системы

Языки народов мира


Земля Франца Иосифа
Северная Земля
Новосибирские о-ва
Новая Земля
Мурманск
Москва
Улан-Батор
Пекин
Пхеньян
Токио
Тегеран
Дамаск
Багдад
Дели
Эр-Рияд
Сана
Аддис-Абеба
Могадишо
Найроби
Дар-эс-Салам
Антананариву
Мадагаскар
Рангун
Бангкок
Хошимин
Пномпень
Манила
Джакарта
Суматра
Ява
Новая Гвинея
Каролинские о-ва
Маршалловы о-ва
Соломоновы о-ва
Фиджи
Канберра
Веллингтон
Новая Зеландия
Гавайские о-ва
Алеутские о-ва
БУРИШСКИЙ ЯЗЫК
НИГЕРО-КОРДОФАНСКИЕ ЯЗЫКИ
27–Нигер-конго(включая банту),28–Кордофанские
НИЛО-САХАРСКИЕ ЯЗЫКИ
29–Сонгаи, 30–Сахарские, 31–Маба, 32–Фур, 33–Шари-нильские, 34–Кома
КОЙСАНСКИЕ ЯЗЫКИ
35–Бушменские и готтентотские, 36–Сандаве, 37–Хатса
КИТАЙСКО-ТИБЕТСКИЕ ЯЗЫКИ
38–Китайский, 39–Тибето-бирманские
ТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ
АВСТРОАЗИАТСКИЕ ЯЗЫКИ
41–Вьетнамский, 42–Мон-кхмерские, 43–Мунда, 44–Мяо-яо
АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ
45а–Индонезийские, 45б–Полинезийские, 45в–Меланезийские
АНДАМАНСКИЕ ЯЗЫКИ
ПАПУАССКИЕ ЯЗЫКИ
ЯЗЫКИ ИСКОННОГО НАСЕЛЕНИЯ АВСТРАЛИИ
49 АЙНСКИЙ ЯЗЫК
ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКИЕ ЯЗЫКИ
ЯЗЫКИ ИНДЕЙЦЕВ АМЕРИКИ
1000 0 1000 3000 км

социализма. Поэтому хозяйственно-культурная классификация имеет исторически ограниченное значение и мало применима к современным условиям, за исключением периферии развитых индустриальных обществ. Существенным образом изменяется со временем содержание и значение отдельных хозяйственно-культурных типов, например типа плужного земледелия в эпоху возникновения цивилизации, в средние века и в наши дни.

Основными, определяющими элементами ХКТ являются характер и уровень развития хозяйства. Уровень развития культуры имеет в этом виде классификации второстепенное значение, так как человеческие культуры исключительно разнообразны и не дают возможности построить четкую систематику. В соответствии с уровнем хозяйственного развития ХКТ могут быть распределены по трем группам. Первая группа характеризуется преобладанием присваивающих отраслей деятельности (охота, рыболовство, собирательство). Вторая — преобладанием ручного мотыжного земледелия и животноводства. Третья объединяет плужных земледельцев.

Первая группа ХКТ наиболее архаична и соответствует первобытнообщинному уровню социально-экономического развития. Самый отсталый в этой группе — тип бродячих охотников и собирателей, сохраняющийся кое-где и сейчас в географически изолированных областях тропической зоны. Племена, относящиеся к этому ХКТ, не знакомы с выплавкой металла и обработкой его в горячем виде. Орудия труда и оружие они изготовляют из камня, дерева, кости, раковин и тому подобных материалов.

Уровень социально-экономического и культурного развития у некоторых народов, занимающихся на побережьях морей и океанов главным образом рыбной ловлей и собирательством, примерно такой же, как и у бродячих охотников и собирателей. В наше время этот хозяйственно-культурный тип исчезает.

Более развиты социально-экономические отношения у охотников северной лесной зоны Северной Америки и Северной Евразии. В прошлом этот хозяйственно-культурный тип имел широкое распространение у многих племен Канады, США, обитателей лесов севера Сибири.

К следующему хозяйственно-культурному типу могут быть отнесены прибрежные жители северной зоны, занимавшиеся на побережьях рек, морей, океанов рыболовством и жившие оседло.

Специализированный хозяйственно-культурный тип охотников на морского зверя имел в прошлом большое распространение в высоких широтах на берегах Ледовитого океана. В наше время он сохраняется только у отдельных групп зарубежных эскимосов.

Две следующие группы хозяйственно-культурных типов связаны с производящим хозяйством. Земледелие и животноводство возникло примерно 10—11 тыс. лет тому назад в Восточном Средиземноморье, на юго-западе Средней Азии, возможно, и в Юго-Восточной Азии, позднее — в Америке.

К эпохе развитого родового строя и времени разложения первобытнообщинных отношений относится тип ручного мотыжного земледелия, сложившийся еще в первичных центрах возникновения производящего хозяйства. В древности он получил распространение в зоне умеренного климата, а впоследствии — в тропиках, на периферии классовых обществ.

Дальнейшее развитие производящего хозяйства привело к возникновению в древнейших государствах Азии и Африки ХКТ плужного орошаемого земледелия. Позднее, с начала нашей эры, плужное земледелие получило широчайшее распространение почти во всех природно-географических зонах земли, за исключением Арктики и Австралии. Одновременно с плужным земледелием развилось и животноводство. По мере социально-экономического развития плужных земледельцев все большее значение у них приобретало сначала ремесло, а затем промышленность.

В ходе общественного разделения труда в конце эпохи бронзы и начале железного века во многих засушливых областях Азии, позднее и Африки выделился самостоятельный ХКТ в виде кочевого и полукочевого скотоводства. Кочевничество представляло

собой экстенсивное пастбищное скотоводство в условиях среды, непригодной для ведения интенсивного земледелия. Наибольшего развития кочевничество достигло в средние века, но постепенно стало изживать себя как экстенсивная форма хозяйства, и кочевники либо переходили к товарным видам животноводства, либо к оседлому земледелию и другим видам занятий. В наше время кочевничество сохраняется только в отдельных, наиболее отсталых районах Зарубежной Азии и Африки.

В I тысячелетии до н. э. в Южной Сибири и Северной Азии развивается по примеру кочевного скотоводства особая ветвь животноводческого хозяйства — оленеводство. Но оленеводство было главным источником существования только у немногих групп обитателей Сибири. У большей части оленеводов олени служили главным образом транспортным средством, а основные средства существования доставляли охота, рыболовство и собирательство.

Нередко в этнографии используют классификацию народов мира по историко-этнографическим областям (ИЭО). ИЭО складывались в ходе исторического развития соседних родственнных и неродственных народов, у которых вследствие длительного общения возникали сходные черты в хозяйстве и культуре. Однако из-за сложности установления объективных критериев ИЭО этот вид классификации не получил всеобщего распространения.

История этнографической науки

Развитие человеческого общества сопровождалось расширением знаний людей об окружающем мире, накоплением сведений о соседних и дальних народах. Уже в древности наряду с этнографическими наблюдениями, в основе которых лежали естественная человеческая любознательность и военная, политическая и экономическая необходимость, предпринимались попытки теоретического обобщения фактических данных. Так, еще в античное время сложилась гипотеза «трехступенчатого» развития хозяйства: от собирательства и охоты к скотоводству, а затем к земледелию. Она получила широкое распространение и оказывала влияние на взгляды многих ученых до конца прошлого века. В средние века продолжалось накопление этнографических наблюдений, но в условиях засилья церкви они не получили теоретического осмысления.

Развитие этнографических воззрений всегда было теснейшим образом связано с актуальными политическими и экономическими проблемами и борьбой идеологий. Это ясно проявилось в XVIII в., когда материализм пошел на штурм схоластического учения церкви. Взгляды просветителей и энциклопедистов имели большое значение для развития этнографических представлений, а затем и этнографии как науки. Складывается концепция об универсальных закономерностях всемирно-исторического процесса. При этом «дикие» народы рассматриваются как ранний этап истории человечества. Разрабатывается метод ретроспективного анализа: представления о внеевропейских отсталых народах переносятся на европейскую древность. Зарождается сравнительно-исторический метод исследования явлений общественной и культурной жизни, который позднее в качестве сравнительно-этнографического применил для этнографии Ф. Лафито. Складывание этнографии как самостоятельной науки относится к середине XIX в. и связано с успехами естествознания, с развитием эволюционного учения, противопоставленного прогрессивными учеными того времени метафизическим канонам церкви. В борьбе с теологическими взглядами основоположники эволюционизма Ж. Б. Ламарк, Ч. Дарвин и многие другие создали теорию, согласно которой все в мире развивается и изменяется от простого к сложному, причем эволюция идет не случайно, а подчиняется определенным, универсальным закономерностям, и историческое развитие означает прогресс.

Это учение было положено в основу новой науки о народах — этнографии (этнологии), что выдвинуло ее на передний край борьбы материалистических и идеалистических идей. Используя теоретические положения эволюционизма, ученые стали исследо-

вать историю первобытного общества и человеческую культуру, пользуясь при этом сравнительно-этнографическим методом. Среди создателей и классиков эволюционного направления в зарубежной буржуазной этнографии XIX в. следует назвать в первую очередь А. Бастиана, И. Бахофена, Д. Т. Мак-Леннана, Эд. Тейлора, Дж. Леббока, Л. Г. Моргана.

Особое место среди крупнейших ученых-эволюционистов занимает Л. Г. Морган, чьи труды были высоко оценены классиками марксизма. Ф. Энгельс отмечал, что Морган в границах своего предмета самостоятельно пришел к материалистическому пониманию истории. Морган был первым, кто предпринял попытку создать периодизацию истории первобытного общества на основе развития производства и культуры. Он показал исторический характер и значение рода как основной универсальной исторической ячейки первобытного общества. Большое внимание уделено в его трудах эволюции семьи и брака, системам родства. Широко известны его труды по этнографии североамериканских индейцев. Вместе с тем Морган, как и большая часть других представителей эволюционистского направления, занимал идеалистические позиции по ряду методологических проблем. Ошибочными оказались некоторые его взгляды по истории семьи и брака. Нуждается в пересмотре на основании современных научных данных его периодизация истории первобытного общества. Однако все это не снижает заслуг Л. Г. Моргана в развитии этнографической науки и создании теории первобытного общества.

Развитие эволюционизма в этнографии и эволюционная теория в целом оказали на науку своего времени огромное прогрессивное влияние и объективно способствовали победе материализма над учением церкви. В этом, как и в признании наличия закономерностей в историческом процессе и развитии культуры, в признании общности всей человеческой культуры, состоят важнейшие заслуги эволюционизма. Эволюционизм был также направлен против расизма и прочих антигуманных концепций.

Однако со временем, особенно к концу XIX в., все в большей степени стали проявляться слабые стороны эволюционной теории и метода. Стало очевидно, что новый обширный фактический материал плохо согласовывался с эволюционистскими схемами и зачастую противоречил им. Так, оказалась ошибочной эволюционистская теория непрерывного прямолинейного развития общества от простого к сложному путем количественных изменений. Действительность же подчинялась не простым эволюционным, а более сложным, диалектическим законам развития. К ошибкам нередко приводил и сравнительно-этнографический метод, особенно в тех случаях, когда сопоставлялись явления, относящиеся к разным историческим эпохам и географическим ареалам, что часто встречалось в произведениях эволюционистов. К ошибочным выводам приводил зачастую ретроспективный «метод пережитков», когда те или иные явления рассматривались как пережитки прошлого и по ним пытались реконструировать предшествующие этапы развития. В действительности оказывалось, что многие «пережитки» были на самом деле живыми, действующими общественными институтами. Для некоторых представителей эволюционистского направления была характерна биологизация общественных процессов, а также преувеличение значения в них психологических явлений.

К концу XIX и особенно в начале XX в. все в большей степени стала развертываться критика теоретических и методических концепций эволюционизма. Причем велась эта критика как со стороны реакционных, так и прогрессивных ученых. Во многом она была справедливой и отмечала действительные недостатки эволюционистского учения. Но обычно отрицалось и то наиболее ценное, что было достигнуто эволюционистским учением: представление об универсальности исторических законов развития общества, идеи единства человечества и его культуры.

В ходе критики эволюционистской теории и метода стали возникать новые этнографические учения, немало, впрочем, заимствовавшие у эволюционизма. Следует подчеркнуть, что эти учения не внесли существенного вкла-

да в теорию и их методологические позиции были, как правило, шагом назад по сравнению с эволюционизмом. Многие антиэволюционистские направления имели ярко выраженный реакционный идеалистический характер, а часть их вообще ставила своей целью реабилитацию библейского учения.

В конце XIX — начале XX в. все большее распространение получают концепции, основанные в той или иной степени на признании диффузии как главного фактора в развитии культуры, а этнографии — как науки о культуре. Явления культурной диффузии были хорошо известны и в прошлом. О них писали еще античные авторы, не говоря уже об эволюционистах. Но только в рассматриваемых направлениях миграция вещей и идей принималась за основу «исторического» развития культуры. Социально-экономическое развитие и универсальные исторические законы при этом частично или целиком отвергались. Большая часть сторонников диффузионизма рассматривала культуру в отрыве от ее живого носителя — этноса — как совокупность единичных, неповторяемых явлений.

Одним из первых направлений, связанных с идеей диффузии, было учение, известное под названием антропогеографии. Основатель этого учения Фридрих Ратцель и многие его последователи полагали, что определяющую роль в развитии культуры и общества играют диффузия и географическая среда.

Характерными представителями диффузионистского течения были школа «культурной морфологии» Лео Фробениуса, школа «культурных кругов» Фритца Гребнера и венская католическая «культурно-историческая» школа Вильгельма Шмидта, получившие большое распространение в начале XX в. Хотя и с разных позиций, сторонники этих направлений вели критику эволюционизма, выступали против принципа историзма в этнографии, а тем самым против признания исторических закономерностей в развитии этнографических явлений.

Л. Фробениус разработал учение о «культурной морфологии», рассматривавшее развитие культуры с точки зрения биологических закономерностей. Вместе с тем трудами Фробениуса и его учеников был собран значительный фактический материал по этнографии народов периферии классовых обществ. Ф. Гребнер предпринял попытку объяснить развитие культуры не историческими закономерностями, а взаимодействием «культурных кругов», произвольно сконструированных им из некоторых явлений материальной и духовной культуры. Вильгельм Шмидт и его соратники, хотя и называли свою школу «исторической», в действительности выступали против историзма, понимая историю как диффузию вещей, идей, «культурных кругов». Выводы представителей школы строились по большей части на субъективных суждениях, что нередко сказывалось и на методике полевых исследований и достоверности собираемого материала. В. Шмидт в течение всей жизни безуспешно пытался «обосновать» ряд библейских положений: идею единобожия, представление об извечности моногамной семьи, об извечности частной собственности. В несколько более сдержанном и осторожном виде идеи диффузионизма развивались в трудах известных этнологов Р. Гейне-Гельдерна, У. Риверса и др.

Как определенное направление диффузионизм потерял свое значение еще в эпоху между двумя мировыми войнами, но некоторые представления, связанные с явлениями диффузии, играют известную роль и в современных этнографических концепциях.

Неокантианские философские идеи о непознаваемости исторического процесса оказали определенное влияние на формирование крупного течения в буржуазной этнологии, получившего наименование функционализма. Его создатель и глава Бронислав Малиновский видел задачи этнологии прежде всего в изучении функций культурных явлений, их взаимосвязей и взаимообусловленности. Положительным в учении Малиновского, А. Рэдклиф-Брауна и других сторонников функциональной теории был призыв изучать культуру каждого общества как единое явление, в котором все части связаны между собой выполнением определенных функций. Функционалистами был собран большой и достоверный полевой материал. Однако в целом теория

функционализма отличалась крайним антиисторизмом и использовалась, особенно в Британской империи, для целей колониального управления.

В Америке в конце XIX в. возникло новое учение — «американская школа исторической этнологии», основоположником которой был Франц Боас. Положительной стороной этого учения была борьба с расизмом и колониализмом. Но в целом Боас и его последователи относились отрицательно к широким теоретическим обобщениям и возможности выведения общеисторических закономерностей, к идее общности человеческой культуры. Боас считал, что культурные ценности разных народов несопоставимы. Эта же идея легла в основу другого направления в американской этнологии, так называемого культурного релятивизма.

Примерно в то же время во Франции складывается «социологическая» школа Эмиля Дюркгейма, исходившая из философских идей неопозитивизма. Дюркгейм и его сторонники избрали предметом своего исследования общество, в котором они изучали системы нравственных связей, этнопсихологию. При этом они рассматривали каждое общество как изолированное явление, отрицая тем самым исторические законы развития.

Подобные же тенденции наблюдались в 1920—1930-х годах в Германии и США. Так, в Германии представителем этнопсихологии выступил Рихард Турнвальд, создавший новое антиисторическое и реакционное по своей сущности направление — этносоциологию. Он был также одним из основателей учения аккультурации (восприятие одним народом культуры другого), много заимствовавшего у диффузионизма. Преемником Турнвальда стал В. Мюльман. В то же время в США возникает психологическое, или этнопсихологическое направление, сложившееся в значительной мере под влиянием идей З. Фрейда и его последователей.

Зигмунд Фрейд, известный врач-психиатр, создал учение о психоанализе и затрагивал в своих трудах некоторые проблемы истории первобытного общества и этнографии. Согласно его взглядам, поведение индивида и жизнь целых обществ зависят в значительной мере от вытесненных в подсознание представлений и чувств. Явления культуры оказывались, по Фрейду, связанными с неврозами. Ими же он объяснял многие явления у первобытных народов. Таким образом, по Фрейду и близким ему по духу исследователям, обществом управляли не социально-экономические, а психологические, биологические законы. Эта концепция была крайне антиисторичной и объективно вела к так называемому психорасизму. Последний проявился, в частности, в названном выше этнопсихологическом направлении в США, представленном Р. Бенедикт, А. Кардинером и др. Они считали, что каждое общество обладает своей особой «моделью культуры», причем одни «модели» качественно выше, а другие ниже. Высшим психологическим типом объявлялся тот, на основе которого сложился пресловутый «американский образ жизни».

Дальнейшее развитие буржуазных школ и направлений привело к возникновению культурного релятивизма (М. Херсковиц и др.), структурализма (Э. Эванс-Притчард, К. Леви-Стросс и др.) и ряда других течений. Каждое из этих течений очень неоднородно и, несмотря на громкие фразы, призванные «доказать» их материалистический характер, в своем существе они антиисторичны. Так, «культурный релятивизм» приходит в конечном счете к идее абсолютизации каждой культуры и отрицанию единства человечества. Структурализм сводится к концепции о вечной и неизменной структуре общества, что является якобы отражением извечных свойств человеческого сознания.

В послевоенное время в Англии и США делаются попытки возродить эволюционизм (Л. Уайт) или модернизировать его в виде неоэволюционизма (Дж. Стюард, Дж. Мердок). В американской этнологии наблюдаются некоторые тенденции возврата к Моргану, но при этом его нередко противопоставляют Энгельсу. Попытки представителей всех этих направлений преодолеть ошибки и заблуждения буржуазных этнологических учений, игнорируя или извращая при этом марксизм, не дают и не могут дать положительных результатов.

Откровенно реакционный, неоколониалистский характер имели неудавшиеся попытки применить к этнологии так называемую теорию конвергенции, призванную доказать, что все народы развиваются по пути, который приведет в конечном счете к капитализму.

В ФРГ в послевоенное время заметна тенденция вообще отрицать необходимость теоретических разработок, ограничиваясь эмпирическими исследованиями. Впрочем, эта тенденция вообще характерна для многих современных буржуазных этнологов.

По поводу большинства современных концепций в зарубежной буржуазной этнологии следует заметить, что, как правило, они недолговечны, получают временно, как мода, более или менее широкое распространение, а затем быстро исчезают, не оставляя заметного следа в науке.

Русская этнография сложилась в виде научного направления в то же время, что и на Западе, в середине XIX в. Дореволюционные ученые-этнографы проводили широкие исследования как русского населения, так и других народов, живших в царской России. При этом большое внимание уделялось изучению устного народного творчества (фольклора), общественной жизни, общины, семьи, материальной и духовной культуры. Крупнейшие ученые (Д. Н. Анучин, В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Л. Я. Штернберг и др.) создавали труды, в которых исследовались отдельные народы и теоретические проблемы этнографии. Широким признанием и в наше время пользуется концепция Д. Н. Анучина о комплексном методе исследования при решении сложных историко-культурных проблем (с использованием данных этнографии, археологии и антропологии). Выдающиеся успехи были достигнуты при изучении зарубежных народов (Н. Н. Миклухо-Маклай и др.).

На развитие русской дореволюционной этнографии немалое влияние оказал эволюционизм. Наиболее известными представителями этого направления были М. М. Ковалевский, Ю. Э. Петри, Л. Я. Штернберг и др. Но уже в начале XX в. появляются работы, в которых эволюционизм подвергался серьезной критике (А. Н. Максимов). В то же время получает распространение марксизм, оказавший значительное влияние на развитие русской этнографической мысли. Особое значение в популяризации марксизма применительно к этнографическим исследованиям имели труды Н. И. Зибера, посвященные изучению производственных отношений в доклассовом обществе. На идеях марксизма основывались взгляды Ф. Кона, в известной степени М. М. Ковалевского и многих других ученых.

Характерными особенностями русской этнографии были последовательный гуманизм, глубоко враждебный любым проявлениям расизма, а также ее материалистическая направленность. Воспринимая те или иные учения зарубежной этнографии, русские ученые использовали обычно только их положительные, главным образом методические стороны, отвергая идеалистические основы.

Решающее значение для превращения этнографии в подлинно историческую науку имел марксизм-ленинизм. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин придавали большое значение этнографии при исследовании ранних социально-экономических формаций. Это нашло выражение в трудах К. Маркса «Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество», «Формы, предшествующие капиталистическому производству», Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а также в ряде замечаний и заметок. Развитие государства, социально-экономических укладов в докапиталистических обществах рассматривалось во многих трудах В. И. Ленина. И если этнография оформилась как самостоятельное научное направление в середине XIX в., то в подлинную историческую науку ее превратили классики марксизма-ленинизма, развившие ее на философских основах диалектического и исторического материализма.

Дальнейшее развитие марксистская материалистическая этнография получила после Великого Октября в нашей стране. Развиваясь на основе лучших традиций дореволюционной прогрессивной русской этнографии, она с первых лет Советской власти признала марксизм своей методологической основой.

Отличительной чертой советской этнографии уже на первых порах становления была ее тесная связь с решением насущных практических задач. Советские этнографы принимали самое активное участие в осуществлении мероприятий по проведению в жизнь ленинской национальной политики, социалистических преобразований культуры и быта. Этнографы живо откликнулись на решение задач в связи с национальным размежеванием, строительством национальных культур. Глубоко изучалось научное наследие классиков марксизма-ленинизма, велись дискуссии о предмете и задачах этнографических исследований. Уже к концу 1930-х годов марксистская методология полностью вытеснила бытовавшие до этого эволюционистские взгляды (Л. Я. Штенберг, Ю. Э. Петри и др.), представления, связанные с теорией «культурных кругов» и «культурно-исторические школы» (Б. А. Куфтин и др.), а также эклектические концепции (В. Г. Богораз-Тан, П. Ф. Преображенский и др.).

Еще в предвоенный период советские этнографы поднимали важные вопросы теории этнографии и истории первобытного общества в связи с обсуждением проблем периодизации первобытного общества, истории хозяйства, семейных и общественных отношений, культуры, религии.

Особенно интенсивно развернулись практические и теоретические работы советских этнографов после окончания Великой Отечественной войны. Стали проводиться широкие полевые работы. Значительно расширились и углубились исследования в области теории. Особенно большое значение имела постановка проблемы этноса как самостоятельного исторического явления, исследование теории этноса и этнических процессов. В 1960—1970-х годах окончательно формулируются предмет и задачи советской этнографии. Осуществляется ряд капитальных исследований по отдельным проблемам науки. Большое внимание при этом уделяется изучению этногенеза разных народов, их этнической истории.

К крупным достижениям советской этнографической науки следует отнести теоретические исследования по проблемам истории первобытного общества, истории хозяйства и материальной культуры, семьи и семейно-брачных отношений, социальной структуры, духовной культуры. По всем этим вопросам проводятся плодотворные дискуссии, получающие отражение в журнале «Советская этнография», на страницах других журналов и в монографиях. Предпринимаются публикации обобщающих трудов («Народы мира», «Страны и народы» и многие другие издания).

Значительным вкладом в теоретическую этнографию является разработанное советскими исследователями учение о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях. Широко известны труды советских этнографов по общим проблемам этнографии и истории религии. Ведется плодотворная работа по изучению и критике буржуазных этнологических учений. Больших успехов достигла советская этнография в области этнографического изучения отдельных народов и этнического картографирования.

В настоящее время перед советской этнографией стоят большие задачи по изучению современных этнических и культурных процессов в нашей стране и за рубежом, осуществляемого совместно с социологами.

Марксистская этнография успешно развивается также в странах социализма в тесном контакте с советской этнографией.

Источники и методы исследования этнографической науки

Как уже отмечалось, потребность в тех или иных знаниях об особенностях жизни, быта, о языке соседей зародилась очень давно. Чаще всего такие знания собирались и передавались очевидцами — купцами, путешественниками, послами. Из подобных сообщений иногда составлялись своды, описания тех или иных областей, в которых наряду со сведениями географического характера были и данные о населении. Таковы труды многих древних авторов — Геродота, Цезаря, Тацита и др. При использовании их как ранних этнографических источников выявляется одна из особенностей этнографии — в своих исследованиях она опирается кроме других источни-

ков на материалы непосредственного наблюдения действительности. Описания народов, публикуемые в виде книг, становились разновидностью обширной категории письменных источников. Особенно много таких материалов стало поступать в распоряжение европейских ученых начиная с эпохи Великих географических открытий. Отчеты капитанов о своих путешествиях, заметки купцов, описания миссионеров — все это постепенно составило огромный свод сведений о жизни самых разных народов земного шара. И до сегодняшнего дня этнография черпает оттуда важнейшие сведения о народах, их культуре, обычаях, нравах. Ценность этих источников еще и в том, что в них содержатся данные о таких народах, которые исчезли с лица земли в ходе колониальной экспансии. Количество подобных источников со временем пополняется, так как на свет извлекаются материалы из архивов монастырей, колониальных ведомств, рукописных хранилищ библиотек.

Становление этнографии как науки в значительной степени базировалось на материалах непосредственного изучения жизни народов, или, как принято это называть среди этнографов, на полевых наблюдениях, полевых исследованиях. Немалую роль в совершенствовании этих наблюдений сыграл тот факт, что с начала XIX в. наряду с изучением народов далеких экзотических стран ученые стали все больше обращать внимания на исследование собственного народа, преимущественно крестьянства, составлявшего в то время большинство населения. Вместе с тем возраставшая роль колоний в хозяйственной системе капитализма, необходимость управления их населением, изучение рынков сбыта в зависимых странах — все это вызывало потребность иметь более систематизированные знания о народах, их хозяйстве, социальном устройстве, обычаях, верованиях. Полевые наблюдения перестают быть случайными заметками, зависящими от вкусов наблюдателя. Создаются программы для собирания тех или иных сведений, появляются и первые анкеты с перечнем вопросов (например, анкета Русского географического общества 1845 г.). Разумеется, программирование, упорядочение полевых наблюдений в конкретных случаях подчинялись разным потребностям и задачам, но сама тенденция сделала полевые наблюдения в целом более систематическими и полными. Примером научного подхода к организации полевых наблюдений может служить подвиг Н. Н. Миклухи-Маклая, изучавшего жизнь папуасов Новой Гвинеи и соседних народов Юго-Восточной Азии и Океании. Появляются и другие программы изучения этнографии разных народов, по которым работали уже целые группы исследователей, начинают разрабатываться и особые приемы, методы наблюдений, обработки их результатов (методика описаний, картографирования явлений, правила записи фольклорных произведений и многое другое). Полевые наблюдения становятся методом накопления источников этнографии со своей методикой получения необходимых сведений.

Превращение этнографии в историческую науку, изучающую не просто население тех или иных стран, а закономерности исторического развития народов, особенности их культуры и быта, намного расширило базу источников этнографии.

Для этнографии, как и для других исторических наук, особенно важны письменные свидетельства прошлого, поскольку в них есть сведения о народах, их названиях (этнонимах), местах расселения, особенностях жизни, культуры, обычаях, обрядах, верованиях и т. п. Наибольший интерес вызывают, конечно, самые древние письменные свидетельства — клинопись, папирусы и т. п., в которых немало материалов этнографического характера. Столь же внимательно исследуются и различного рода летописи, хроники. Уникальные по этнографическому значению сведения содержатся в начальном Своде русских летописей, где дается этническая карта расселения народов в Восточной Европе в VI—IX вв. С расширением роли письменности в общественной жизни возрастает и количество этнографических сведений в источниках, хотя их поиск и анализ — дело нелегкое. Различные описи имущества, судебные отчеты, посольские донесения и многие другие виды доку-

ментов имеют много ценной этнографической информации, особенно важной для исторического исследования развития объектов этнографического изучения. Еще более разнообразные виды письменных источников (архивные, мемуарные, эпистолярные и др.) оказываются в распоряжении этнографии в эпоху широкого распространения грамотности и обширной письменной фиксации различных событий и явлений жизни. Практически в этнографии используются все виды письменных источников, которые изучаются и историками, причем удельный вес их в этнографических исследованиях все время возрастает.

Особую категорию источников составляют изобразительные материалы: рисунки, барельефы, скульптуры, мелкая пластика и т. п. Установление места и времени создания, стиль изображения, традиции художественных школ, материал изготовления — все это важно для этнографического исследования. Так, графические источники позволяют этнографам представить себе не только факт бытования тех или иных явлений, но и то, как выглядели орудия труда, одежда, жители, как исполнялись обряды. Во многих случаях рисунки намного древнее письменности и позволяют заглянуть в весьма отдаленное прошлое. Например, наскальная живопись верхнего палеолита позволяет сделать интересные предположения об охотничьей магии древнейших племен. Интересно, что похожие ритуалы наблюдали этнографы и у многих отсталых в своем развитии народов в XIX в. По изобразительным материалам стало известно об очень раннем возникновении лунного календаря и пятеричного счета, так как элементы украшений часто группируются по пять, семь, четырнадцать, двадцать восемь (в лунном месяце двадцать восемь дней). Особый раздел изобразительных источников составляют народные орнаменты. Проведенные учеными исследования показали, что в орнаменте выражены сюжеты и образы древней мифологии, древних религиозных представлений. Несмотря на почти тысячелетнюю борьбу православной церкви с язычеством, в вышивках и тканье крестьян Восточной Европы до XIX в. продолжали жить символы языческих божеств. Интересны и другие особенности орнамента — стиль изображения, хроматическая гамма. Все это дает много интереснейших сведений, которые трудно получить из других источников.

Столь же важны для этнографа и специальные этнографические зарисовки, фотографии, кинодокументы, полученные в ходе полевых исследований и из других источников, а также различные планы, чертежи, схемы, карты.

Особая категория этнографических источников — музейные собрания. В мире насчитывается не один десяток специальных этнографических музеев, где собраны более или менее полно предметы быта и культуры народов мира или отдельных групп народов. В них отражены самые разные стороны жизни народов: хозяйство, одежда, жилище, украшения, утварь, предметы культа, образцы искусства. Богатейшими коллекциями располагают и музеи нашей страны — музеи народов СССР и Музей антропологии и этнографии в Ленинграде, краеведческие музеи и др. При МГУ был создан музей (ныне Музей антропологии), включавший этнографические, археологические и антропологические коллекции.

Музейные собрания позволяют наглядно представить себе особенности культуры и быта различных народов, проводить сравнительно-типологическое изучение предметов, устанавливая их сходство и различия. Музейные экспонаты несут в себе и скрытую информацию, так как развитие методики анализа, расширение объема самих материалов нередко позволяют сделать новые выводы и обобщения.

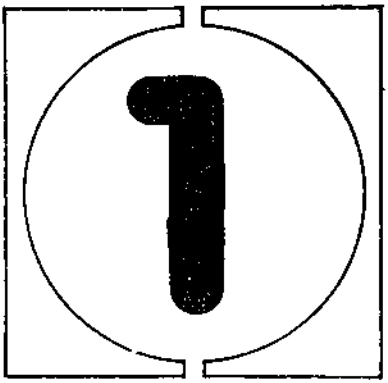
Этнография, изучающая различные стороны жизни народов, историю развития этнических общностей в разные эпохи, историю культуры народов, не может обойтись без применения источников и выводов соседних, пограничных с нею наук, извлекая для себя то, что отражает этнические процессы и этническую специфику. Так, широко используются материалы фольклора во всем их многообразии: песни, сказки, предания, загадки, танцы, народная музыка. Наряду с ролью

пользуясь статистико-математической методикой.

Применение методов количественной оценки явлений потребовало перестроить и практику полевой работы. Вместо описательной методики стали применяться методы анкетирования, когда в опросный лист (анкету) выносится группа вопросов, получаемые ответы фиксируются в определенной стандартизированной форме. После накопления материалы поступают на статистическую обработку. Уже первые шаги в этом направлении показали большую эффективность такого метода для изучения этнических процессов современности (соотношение родного языка и предпочитаемого языка обучения в школе, межнациональные браки и степень их распространенности в разных условиях и др.). Количественные методы анализа позволяют привлечь для решения этнографических проблем и дополнительные группы источников (данные демографических, страховых переписей, данные торговли о потреблении разных товаров и т. п.). Интересные результаты дали опыты применения метода количественной оценки и при изучении отдельных элементов культуры (жилища, орнаменты и др.), особенно в сочетании с картографированием явлений. Выявились и его недостатки. Они чаще всего коренятся в начальной стадии составления программ — в отборе типологических групп для анализа. Не всегда правильно и обоснованно выделяются этнически-специфичные признаки явлений культуры.

В зарубежной этнографии стали также широко применять счетную технику и методы формально-типологического анализа. Особенности методики варьируются у разных исследователей (структурно-типологический метод, экономическая антропология и др.). Зарубежные исследователи получают очень интересные результаты. Но отсутствие правильной методологии исследования, влияние концепций буржуазной философии на понимание законов развития человеческой культуры сводят к минимуму ценность таких работ. Несмотря на громкие, почти рекламные названия новых методов и методик (системный метод, структурный метод, структурно-системный метод и т. п.), все они продолжают концентрироваться вокруг отдельных, частных принципов изучения, не умея или не желая охватить предмет в целом. Противопоставляя свои методы марксизму прямо или в форме «развития», «преодоления» марксизма, они часто заимствуют в марксизме какую-либо одну сторону, один принцип, превращая его в универсальный метод. Недаром исследования в буржуазной этнографии меняются так же часто, как и концепции науки.

Несмотря на появление новых методов, новых источников, новых направлений в современной этнографии, сохраняется и роль методов полевого наблюдения, полевого исследования. Общая методология научного подхода к изучению этнографии в советской науке благотворно сказалась и на разработке принципов полевых исследований. Накопленный исследователями опыт изучения культуры и быта народов СССР методом непосредственного наблюдения позволил определить два его направления — стационарный, дающий углубленное изучение, но на ограниченной территории, и экспедиционный, дающий широкий географический охват изучаемых явлений, позволяющий установить области их распространения. Определились и способы обследования во время экспедиций (маршрутный, кустовой). Были разработаны приемы изучения отдельных явлений и элементов культуры, правила их фиксации в полевых документах. Совершенствовались и правила сбора музейных экспонатов (комплексность коллекций, оформление экспонатов как будущих источников научных обобщений и др.). Методами научной работы овладевают не только специалисты, получающие этнографическое образование, но и широкий круг работников местных музеев, краеведов.



Народы зарубежных стран

Глава 1

Народы Австралии и Океании

Австралия и Океания — самая малая часть света, площадь которой составляет только 9 млн. кв. км, из них 7,7 млн. кв. км приходится на австралийский материк, острова же Океании, разбросанные по огромному водному пространству, имеют в совокупности сравнительно небольшую площадь. Невелико и население этой части света (25 млн., из них 14 млн. живет в Австралии и Тасмании).

Однако, несмотря на свои скромные размеры, Австралия и Океания давно являются объектом пристального внимания со стороны этнографов. Такой интерес связан в первую очередь с тем, что здесь вплоть до недавнего времени сохранялись (а отчасти встречаются и в наши дни) весьма архаичные формы хозяйства, общественного быта и культуры, давно исчезнувшие в большинстве других районов мира. В частности, коренное население Австралии и особенно Тасмании к моменту контактов с европейцами стояло на самом низком уровне социально-экономического и культурного развития, какой только был знаком писаной истории. Сильно отставали по своему общественному развитию от большинства народов земного шара и некоторые этносы Океании.

Отсталость народов Австралии и Океании может быть объяснена географическим положением этой части света, отдаленностью от важнейших центров мировой цивилизации, территориальной раздробленностью региона, не вполне благоприятными (в ряде мест) природными условиями, ограниченностью природных ресурсов. Трудность освоения австралийского материка и Тасмании усугублялась тем, что пришедшие туда десятки тысяч лет назад группы переселенцев находились еще на весьма низком уровне социально-экономического развития. На большинство же островов Океании (кроме Новой Гвинеи) люди попали значительно позже; они стояли уже на гораздо более высокой ступени развития, и это позволило им легче справиться с трудностями освоения новой территории.

Невысокий уровень хозяйственного и общественного развития, разобщенность австралийских и океанийских народов сделали их легкой добычей колониальных хищников, в роли которых выступали страны Западной Ев-

ропы, США, а затем и Японии. Более того, пользуясь слабостью стран этого региона, империалистические державы даже в условиях кризиса колониальной системы, последовавшего после второй мировой войны, сумели вплоть до начала 60-х годов сохранить здесь свои позиции. Океания превратилась в своего рода заповедник колониализма.

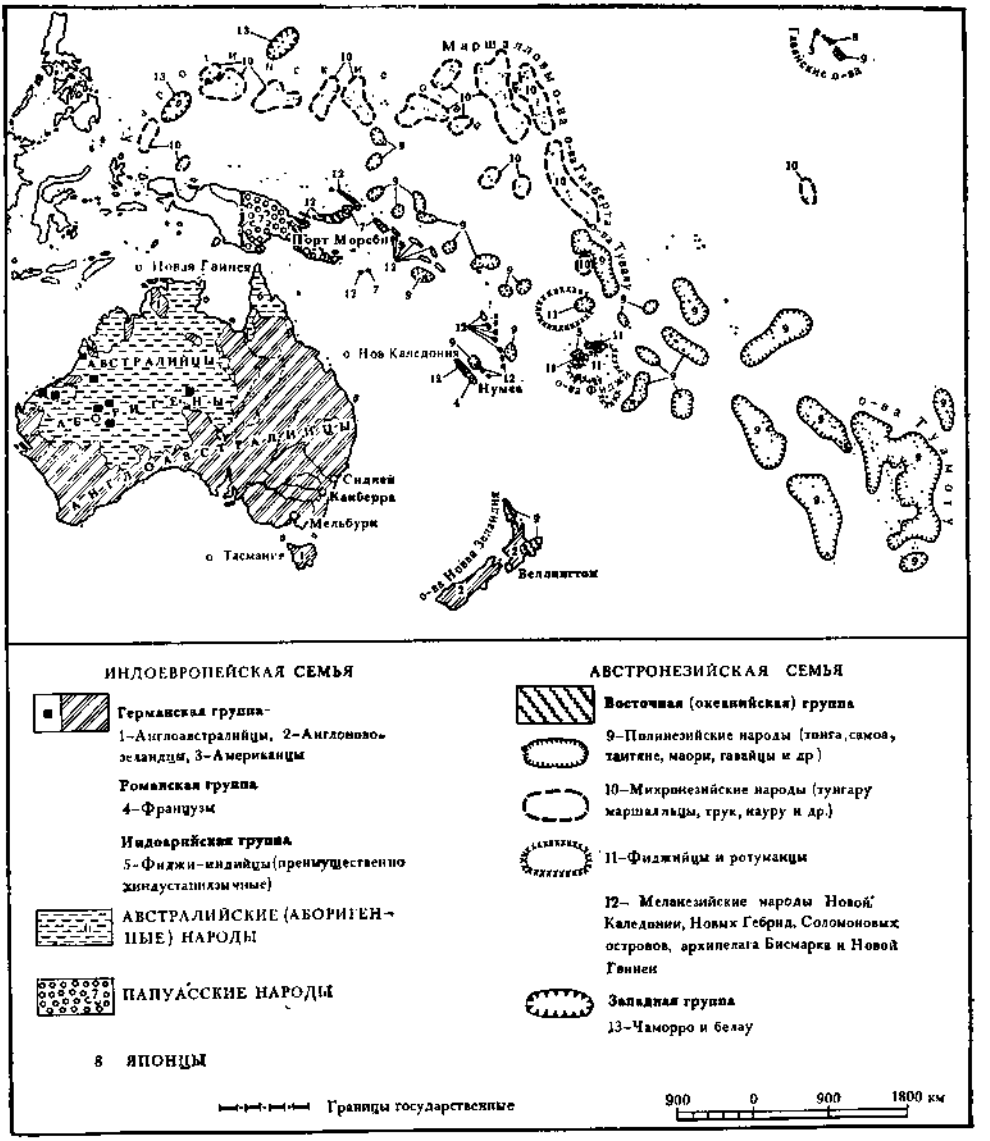
Естественно, что такое положение не могло сохраняться долго. Пламя освободительной борьбы постепенно охватывало один архипелаг Океании за другим. И с 1960-х годов начавшийся после второй мировой войны процесс деколонизации распространился и на страны рассматриваемого региона.

Историко-культурное районирование Австралии и Океании. Австралию и Океанию традиционно делят на четыре историко-этнографические области: Австралию, Меланезию, Микронезию и Полинезию. К Австралии обычно присоединяют расположенный на юго-востоке от нее остров Тасманию. В состав Меланезии включают Новую Гвинею, архипелаг Бисмарка, острова Д'Антркасто, Тробриан, архипелаг Луизиада, Соломоновы острова, острова Санта-Крус, Новые Гебриды, Новую Каледонию, острова Луайоте, Фиджи и Ротуму. Под названием Микронезия объединяют Марианские, Каролинские и Маршалловы острова, острова Гилберта, а также изолированные острова Ошен и Науру. Наконец, Полинезия состоит из групп островов Тонга, Самоа, Уоллис, Хорн, Тувалу (прежнее название — Эллис), Токелау, Кука, Тубуаи, Общества, Туамоту, Маркизских, Гамбье, Гавайских, а также Новой Зеландии и изолированных островов Ниуэ, Пасхи и некоторых других.

Такая группировка довольно прочно вошла в этнографическую и географическую литературу, однако проведенные в последние годы исследования по океанистике, равно как и более тщательный анализ старого материала показали существенные недостатки прежнего деления, в основу которого была положена в первую очередь расовая принадлежность населения. Из трех традиционных историко-этнографических областей Океании только Полинезия (и та лишь в доколонизационный период) обнаруживала достаточно определенное историко-культурное единство. Меланезия же не представляет в культурном отношении чего-либо однородного. Разные ее части существенно различаются между собой по уровню социально-экономического развития, наличию или отсутствию гончарства, типам жилища, характеру фольклора, традиционным религиозным верованиям и т. п. Единственное, что четко объединяет Меланезию (помимо близости расового типа) — это принадлежность большей части ее населения к одному хозяйственно-культурному типу ручных земледельцев тропического пояса. На территории Меланезии (в традиционном ее понимании) достаточно определенно выделяются следующие районы: Папуасия (Новая Гвинея), собственно Меланезия (архипелаг Бисмарка, острова Д'Антркасто, Тробриан, архипелаг Луизиада, Соломоновы острова, острова Санта-Крус, Новые Гебриды, возможно, также Новая Каледония, острова Луайоте) и Мелане-Полинезия (Фиджи, Ротума). Сильно отличаются друг от друга также Западная и Восточная Микронезия. Эти отличия наблюдаются в соотношении земледелия и рыболовства в хозяйстве, наборе сельскохозяйственных культур, наличии или отсутствии поливного земледелия и т. п.

Однако как традиционное районирование Австралии и Океании, так и отмеченные выше его уточнения, отражают культурно-бытовую специфику разных регионов этой части света лишь к началу контактов с европейцами. После установления этих контактов в Австралии и Тасмании, а также на ряде островов Океании (Новой Зеландии, Гавайских островах, Фиджи, Новой Каледонии) произошли коренные изменения в структуре населения и его культурном облике.

Проблемы этногенеза народов Австралии и Океании и основные этапы этнической истории этого региона. Происхождение народов Австралии и Океании уже давно волнует умы многих ученых. Однако на подлинно научный фундамент эта проблема была поставлена лишь в последние 10—15 лет, чему способствовали проведенные в Австралии и на ряде островов Океании археологические раскопки,



Народы Австралии и Океании

а также глубокий лексико-статистический анализ многих океанийских языков. Согласно сделанным из этих исследований выводам, раньше всего были освоены в австралийско-океанийском регионе Австралия и Новая Гвинея.

В Австралию первые люди проникли из Юго-Восточной Азии около 40 тыс. лет назад. Древнейшее из известных археологических местонахождений, расположенное у озера Манго на востоке Австралии и включающее очаги и каменные орудия, имеет возраст 32 тыс. лет. У этого озера найдены и остатки человека 25-тысячелетней древности. Интересно отметить, что тип человека, жившего поблизости от озера Манго, был очень близок к типу современного коренного жителя Австралии. Судя по всему, миграция в Австралию не была единичной: за первыми мигрантами последовали новые группы. Пройдя Австралию, какая-то группа переселенцев довольно рано попала и в Тасманию: во всяком случае возраст древнейшей археологической находки на этом острове (точнее, на одном из примыкающих к нему островков) достигает 22 тыс. лет.

Основными занятиями ранних поселенцев в Австралии и Тасмании были охота и собирательство. Каменные орудия пришельцев имели верхнепалеолитический облик. Если тасманийцы так и остались к моменту прихода европейцев на палеолитической ступени развития, то австралийцы усовершенствовали свою каменную индустрию. Уже около 23 тыс. лет назад появляются топоры, отшлифованные по краю (это древнейшие из известных частично шлифованных орудий).

На Новую Гвинею мигранты попали также из Юго-Восточной Азии не менее 30 тыс. лет назад (а по мнению некоторых ученых, гораздо раньше). Они, как и австралийцы, принадлежали к австралоидной расе. Весьма характерными орудиями этих ранних мигрантов были топоры или тесла, сделанные из каменных отщепов и имеющие двустороннее сужение. Предполагается, что одним из основных занятий переселенцев был сбор дикорастущего панданса (древовидное растение, плоды которого идут в пищу, а волокнистые листья используются для плетения различных изделий).

Позже Новой Гвинеи достигло еще несколько волн мигрантов. Одна из самых крупных примерно 10 тыс. лет назад привела на остров поселенцев, пользующихся своеобразными частично полированными топорами или теслами с линзовидным поперечным сечением. Некоторые исследователи полагают, что эти топоры применялись для расчистки леса как при охоте, так и при зачаточных формах подсечно-огневого земледелия. Если эта гипотеза будет доказана, то новогвинейцы окажутся одними из самых древних земледельцев на земном шаре.

Потомков всех вышеперечисленных мигрантов на Новую Гвинею называют папуасами. Они говорят на языках нескольких генетически между собой не связанных групп (эти языки условно именуют папуасскими). Предки папуасов расселились не только на Новой Гвинее, но и на архипелаге Бисмарка и некоторых других, более южных островах, возможно вплоть до Новой Каледонии.

Еще одна миграционная волна в Океанию, достигшая ее архипелагов 5 тыс. лет назад или несколько ранее, связана с переселенцами, принадлежавшими в языковом отношении к австронезийской семье. По своему антропологическому типу они, вероятно, являлись южными монголоидами. Мигранты осели где-то на северо-восточном побережье Новой Гвинеи или на одном из островов архипелага Бисмарка и какое-то время вся переселенческая группа существовала как единое целое. Предполагаемый язык этой группы лингвисты называют протоокеанийским, в связи с тем что он послужил основой для большинства австронезийских языков Океании. Наиболее характерным орудием группы австронезийскоязычных мигрантов был четырехгранный топор. Культура этих переселенцев носила неолитический характер. Мигранты занимались подсечно-огневым земледелием, разводили свиней.

Вскоре протоокеанийская общность распалась, и различные ее «осколки» расселились в ряде районов Новой Гвинеи, по архипелагу Бисмарка, северо-западным Соломоновым

островам, Новым Гебридам, Новой Каледонии, островам Луайоте. Большинство мигрантов смешались затем с ранее жившими здесь папуасскими народами.

Один из этих «осколков» протоокеанийской общности, попавший на центральные Новые Гебриды, избежал при переселениях значительного смешения с окружающим папуасским населением. Из него сформировалась восточноокеанийская этническая и языковая общность, приобретшая определенную культурную специфику. Для нее характерна особая керамика типа Лапита (керамика эта либо совершенно лишена орнамента, либо имеет орнамент в виде разных фигур и линий, нанесенных зубчатым штампом).

Примерно 4 тыс. лет назад эта общность распалась и «восточные океанийцы» расселились по северным островам архипелага Новых Гебрид, юго-восточным Соломоновым островам, архипелагу Фиджи и некоторым другим островам. «Восточные океанийцы» при дальнейших переселениях в большинстве своем растворились среди преобладавшего местного чернокожего населения, однако в ряде случаев передали автохтонам свой язык. В результате таких сложных миграционных и этно-языковых процессов, а также процессов расового смешения население Меланезии представляет собой пеструю мозаику в языковом, этническом, культурном и антропологическом отношениях.

С Фиджи группа слабо смешавшихся «восточных океанийцев» попала примерно в 1200 г. до н. э. на Тонга, а с последнего архипелага за 1000 лет до н. э. были заселены острова Самоа. В результате тысячелетней изоляции здесь сформировалась особая полинезийская этническая общность и сложилась весьма специфическая, во многих своих чертах неповторимая, полинезийская культура.

Начиная с рубежа нашей эры, полинезийцы начали свое великое расселение по многочисленным архипелагам Океании. На рубеже нашей эры с Самоа произошла миграция на Маркизские острова, а оттуда были заселены другие острова Восточной Полинезии и Новая Зеландия. С островов Самоа происходило постепенное заселение остальных архипелагов Западной Полинезии и некоторых мелких островов Меланезии и Микронезии. Между различными островами Полинезии на протяжении столетий поддерживались контакты, способствовавшие сохранению значительной культурной близости разных полинезийских этносов.

Таковы основные моменты ранней этнической истории полинезийцев в свете современных научных данных. Эти данные заставили пересмотреть прежние представления о происхождении полинезийцев. Еще недавно в океанистике преобладала гипотеза, выводившая полинезийцев непосредственно из Юго-Восточной Азии. Ее сторонники (В. Гумбольдт, Р. Гейне-Гельдерн, Те Ранги Хироа и др.) в доказательство своей точки зрения справедливо указывали на родство между полинезийскими языками и языками Индонезии, а также на тот факт, что почти все культурные растения и все домашние животные, известные полинезийцам, происходят из Юго-Восточной Азии. Сторонники гипотезы американского происхождения полинезийцев (прежде всего норвежский исследователь Т. Хейердал) делали упор на то, что ряд элементов материальной и духовной культуры полинезийцев (культивирование батата, сооружение огромных каменных статуй и т. д.) мог появиться лишь из Америки. Новые же факты опровергли не только гипотезу Т. Хейердала (хотя многие ученые не отрицают того, что какие-то полинезийско-американские связи могли существовать), но и в какой-то мере точку зрения тех его оппонентов, кто выводил полинезийцев прямо из Азии. В определенном смысле можно сказать, что полинезийцы стали полинезийцами в самой Полинезии.

«Восточные океанийцы» проникли и на север Океании, в Восточную Микронезию (с Новых Гебрид). Раньше всего они достигли восточной части Каролинских островов, позже — западной части этого архипелага, островов Маршалловых и Гилберта. Что же касается Западной Микронезии (Марианских островов и островов Палау), то она была заселена из совершенно другого района — из

Индонезии или с Филиппин. Произошло это событие по крайней мере в начале II тысячелетия до н. э.

Европейское проникновение в Австралию и Океанию и его последствия. Европейцы впервые увидели Океанию в 1511 или 1512 г. Это были португальцы А. д'Абреу и Ф. Серран, проплывшие мимо Новой Гвинеи, но не ступившие на ее землю. Через десятилетие, в 1521 г., знаменитый Магеллан, совершавший кругосветное плавание, проплыл мимо островов Туамоту, а затем достиг Марианских островов, где высадился на Гуаме. В 1565 г. Марианы были формально объявлены колонией Испании, в 1668 г. произошла их фактическая аннексия, и с этого времени начинается эра колониальной экспансии европейских государств в Океанию.

Австралия была открыта европейцами (голландский мореплаватель Виллем Янсзон) несколько позже Океании — в 1606 г.

В XVI в. наибольшую активность в бассейне Тихого океана проявляли испанцы, в XVII в. их заменили в этой роли голландцы, со второй половины XVIII в. резко усилилось проникновение в Океанию Великобритании и Франции, а в конце XIX в. к ним присоединились Германия и США.

В результате экспансии европейских держав и США к началу XX в. Австралия и все архипелаги Океании оказались в их руках. После первой мировой войны Германия была вытеснена из Океании, и часть ее владений (бóльшая часть Микронезии) попала в руки Японии. Поражение Японии во второй мировой войне позволило США установить контроль над этими архипелагами. На некоторых островах были созданы американские военно-морские базы. Кроме того, США неоднократно проводили в Микронезии испытания атомного и термоядерного оружия.

Колониальное иго приняло в различных странах Тихого океана разные формы. Там, где природные (и особенно климатические) условия были достаточно благоприятными, европейцы создали переселенческие колонии, отобрав у аборигенов лучшие земли. В Австралии и Новой Зеландии европейское население уже в XIX в. стало резко преобладать над коренным (обе эти страны были сперва колониями Великобритании, а в начале XX в. получили статус доминиона). Значительное европейское либо американское население появилось также на Новой Каледонии, Таити и особенно на Гавайских островах. На Гавайи, Фиджи, Таити, Новую Каледонию и некоторые другие острова, где европейцами и американцами были созданы плантации или начали разрабатываться минеральные богатства, стали ввозиться законтрактованные рабочие из азиатских стран (Японии, Китая, Индии и др.), многие из которых по истечении срока контракта остались в Океании.

На острова с тяжелым, жарким тропическим климатом (прежде всего на Новую Гвинею, архипелаг Бисмарка, Соломоновы острова, Новые Гебриды) или на архипелаги, бедные природными ресурсами (большинство островов Микронезии и Полинезии), въезд из других частей света был незначительным, однако и они подвергались жестокой эксплуатации со стороны колонизаторов.

Последствия европейской колонизации были очень тяжелыми. Грабеж и беспощадная эксплуатация, захват земель привели к обнищанию населения ряда островов. Аборигенная культура многих океанийских народов либо была полностью разрушена, либо пришла в упадок. Некоторые этнические группы (например, тасманийцы) вымерли, другие (аборигенное население Австралии, жители многих островов Океании) сильно сократились в численности. Депопуляция была вызвана многими причинами: прямым истреблением, усилением междоусобиц в результате продажи европейско-американскими торговцами огнестрельного оружия местным вождям, распространением новых болезней, против которых у аборигенов еще не выработался иммунитет, и т. д.

Народы Австралии и Океании не были пассивными жертвами творившегося колонизаторами произвола. В ряде случаев они оказывали упорное сопротивление захватчикам, не раз на различных архипелагах вспыхивали вооруженные восстания. Героически боролось со своими поработителями население Марианских островов, ставших первым

объектом колониальной экспансии. В середине 40-х годов XIX в. стойко сопротивлялось французской интервенции население Таити. Коренные жители Новой Зеландии вели борьбу с английскими колонизаторами в течение почти трех десятков лет. Многократно поднимали восстания аборигены Новой Каледонии. Однако экономическая и социальная отсталость коренных жителей Австралии и Океании предопределила исход этой борьбы.

Несмотря на поражения, освободительная борьба океанийцев продолжалась. Она особенно усилилась после второй мировой войны. В 1962 г. получило независимость Западное Самоа, в 1968 г. — Науру, в 1970 г. — Тонга и Фиджи, в 1975 г.— Папуа-Новая Гвинея, в 1978 г.— Соломоновы острова и Тувалу, в 1979 г.— Кирибати, в 1980 г.— Вануату (Новые Гебриды).

* *
*

Современная культура народов Австралии и Океании в разной мере сохранила свой самобытный характер. В тех случаях, когда контакты аборигенов с европейцами долгое время носили ограниченный характер (например, во внутренних областях Австралии и Новой Гвинеи), культура коренных жителей осталась почти в первозданном виде и влияние европейской цивилизации чувствуется довольно слабо. На другом полюсе находятся океанийские народы, давно вступившие в тесные связи с европейцами и американцами (например, местное население Гавайских островов, Новой Зеландии, Таити и др.): у них мы видим лишь остатки традиционной культуры, весь их культурный облик претерпел коренные изменения. Однако имеются также этносы, у которых и традиция, и инновация играют весьма значительную, иногда примерно равную роль (например, фиджийцы, аборигены островов Кука и т. д.).

Следует отметить, что при этнографической характеристике народов Австралии и Океании основное внимание обычно уделяется рассмотрению традиционной культуры в том ее виде, в каком она находилась к началу европейской колонизации. Такой крен в сторону архаических черт культуры в какой-то мере оправдан, — уже отмечалось, что Австралия и Океания представляют огромный интерес для этнографов прежде всего именно из-за сохранявшихся еще недавно элементов первобытности. Однако не меньшее значение имеет и изучение современного культурного состояния австралийских и океанийских народов, позволяющее проследить сложное соотношение традиции и инновации (вопрос, также относящийся к числу важнейших в этнографии).

Народы Австралии

Население Австралии (вместе с Тасманией) в настоящее время более чем на 98% состоит из потомков европейских переселенцев, а также иммигрантов, приехавших из различных европейских стран. Аборигены Австралии составляют сейчас (вместе с метисами) лишь 1% населения, коренные же жители Тасмании, как отмечалось, полностью вымерли.

Австралийцы-аборигены. Коренное население Австралии, прежде расселенное в пределах всего материка, кроме некоторых, наиболее неблагоприятных по природным условиям областей, в настоящее время сосредоточено преимущественно в его северных, западных и центральных районах.

Антропологически австралийские аборигены весьма специфичны и образуют особый тип австралоидной расы. Тип этот характеризуется темнокоричневой кожей, черными волнистыми волосами, обильной растительностью на лице, сильно выступающим надбровьем, широким носом, сравнительно толстыми губами. Рост у австралийских аборигенов средний или выше среднего, голова длинная, лицо прогнатное (т. е. с несколько выступающими вперед челюстями).

Аборигены Австралии говорят более чем на 200 языках, относящихся к особой австралийской филе, или надсемье, т. е. языковой группировке, родство внутри которой более отдаленное, чем внутри семьи. Фила эта подразделяется на 20 с лишним групп, крупнейшей из которых является пама-ньюнга, объ-

единяющая свыше двух третей всех языков коренного населения.

Тасманийские языки (всего их было два) очень слабо изучены, но, судя по всему, не родственны австралийским языкам.

Языки коренных жителей Австралии и Тасмании относительно бедны отвлеченными понятиями, зато могут очень точно передавать все детали конкретных предметов и все оттенки действий. Небогаты австралийские языки и понятиями, обозначающими количества.

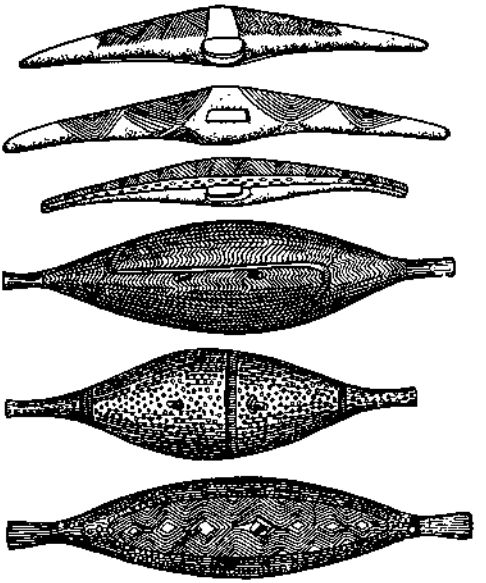
Основным занятием австралийцев и тасманийцев были охота и собирательство, причем охотились преимущественно мужчины. Женщины и дети оказывали посильную помощь мужчинам во время охоты, а также собирали различные съедобные дикорастущие растения и ловили мелких животных.

Главными объектами охоты были кенгуру и другие сумчатые животные, птицы. Охотились австралийцы с помощью копий (иногда составленных из нескольких частей), а также различных метательных палиц, в частности бумеранга. Некоторые бумеранги обладали способностью возвращаться, описав круг или петлю, к метателю. Для увеличения дальности полета копья применялась особая дощечка с упором на конце — копьеметалка. Тасманийцы бумерангов и копьеметалок не знали. Лук и стрелы встречались в Австралии только на полуострове Йорк, где они были заимствованы у папуасов Новой Гвинеи.

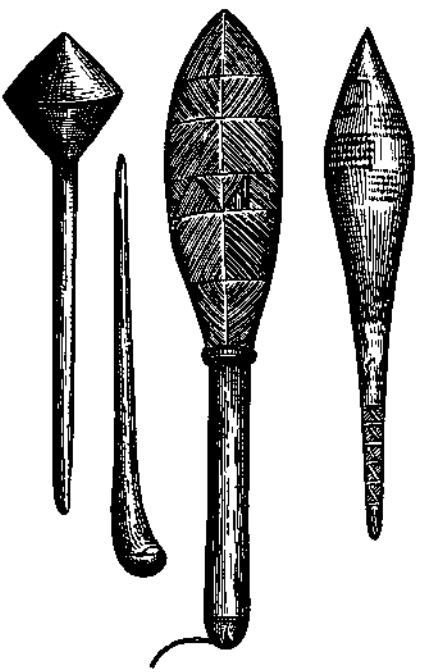
Из способов охоты более характерными были активные: преследования животного, облавы и т. д. Вместе с тем австралийцы применяли при охоте сети, силки, разные ловушки и т. п.

Выкапывали съедобные растения с помощью длинной заостренной палки. Ею же разрывали норы мелких животных.

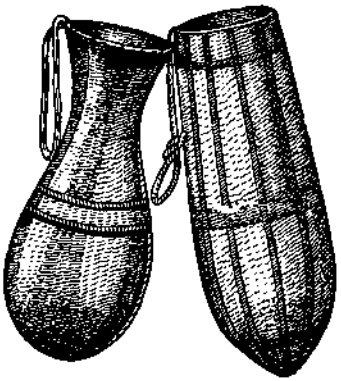
Рыболовство было менее распространено, чем охота и собирательство, что в значительной мере объясняется бедностью гидрографической сети на большей части австралийской территории. Рыбу ловили с помощью крючковой снасти, сетями, корзинами, а то и просто руками, лучили копьем, острогой и гарпуном. Иногда реки перегораживались заколами, практиковалось и отравление во-



Щиты из Виктории



Ударные и метательные палицы австралийцев



Плетеные из травы корзины австралийцев

доемов растительными ядами. Тасманийцы рыболовства не знали.

Земледелие не было знакомо ни австралийцам, ни тасманийцам. Из домашних животных австралийцам была известна полудикая нелающая собака динго. Орудия производства, охотничье и боевое оружие, а также домашняя утварь изготовлялись из камня, кости, раковин, дерева, растительных волокон и т. п. Металл населению Австралии и Тасмании был незнаком, не умели аборигены изготовлять и гончарные изделия.

Наиболее совершенными по обработке орудиями следует считать каменные топоры, частично или целиком шлифованные. Кроме них применялись тесла, ножи, скребки, зернотерки и некоторые другие орудия. Техника обработки камня носила у австралийцев мезолитический и ранненеолитический характер. Уровень каменной индустрии тасманийцев был существенно ниже австралийского. Они не знали техники шлифовки камня, не имели и зернотерок.

Как австралийцы, так и тасманийцы вели бродячий образ жизни и (если не считать нескольких групп австралийцев) не создавали постоянных поселений, а жили стойбищами. Жилищем служили шалаши, примитивные хижины, иногда ветровые заслоны. Тасманийцы жили также в дуплах больших деревьев.

Тасманийцы, да и многие австралийские племена не знали никакой одежды и ходили совсем нагими. В некоторых районах Австралии были известны набедренные повязки, пояса с передниками, а кое-где и плащи из шкурок кускуса.

Пища австралийцев и тасманийцев состояла из различных продуктов охоты и собирательства. Отдельные австралийские племена употребляли в пищу и рыбу. Мясо и рыба жарились на огне, раскаленных углях или камнях, иногда пеклись в горячей золе или песке. Австралийцам была знакома земляная печь, представлявшая собой яму, в которой разводился костер и нагревались камни. Тасманийцы земляной печи не знали.

Растительные продукты порой ели сырыми. Однако в большинстве случаев продукция собирательства перед употреблением в пищу проходила различную обработку (размалывание, растирание, вымачивание, печение и т. д.).

Способы добывания огня были разнообразными (пиление, сверление, высекание).

Невысокому уровню развития материальной культуры австралийцев соответствовали архаические формы их социальной жизни. Наиболее крупным объединением в большинстве случаев было племя. Однако оно являлось скорее этнической общностью, чем общностью социально-потестарной. Племя не имело какой-либо постоянной организации, не возглавлялось вождем. Величина разных племен колебалась от 100 человек до 3 тыс. Несколько близкородственных племен иногда образовывали племенную группу, представители которой осознавали общность происхождения.

Бо́льшая часть племен подразделялась на локальные группы, владевшие определенными участками земли и бывшие основными производственными ячейками.

Каждое из австралийских племен обычно делилось также на две экзогамные половины — фратрии. Фратрии в свою очередь подразделялись на роды. Большей частью принадлежность к фратрии и роду передавалась по отцовской линии, но существовал и счет происхождения по материнской линии.

Помимо деления на роды каждая фратрия распадалась еще на два или четыре брачных класса. Брачные классы как бы вели счет

поколениям внутри фратрий и регулировали брачные связи между представителями этих поколений. Брак у австралийцев был парным. Австралийская семья обычно состояла из живших в одной хижине мужа, его жены (иногда двух-трех жен) и детей.

Несколько семей составляли локальную группу — уже известное нам подразделение племени. Локальные группы, как и племена в целом, не знали ни экономического расслоения, ни социальной дифференциации. Существовали лишь поло-возрастные группы: группа взрослых мужчин-охотников и группа женщин и подростков, занимавшихся в основном собирательством. По достижении определенного возраста мальчики, пройдя обряды инициации (приучавшие обычно к перенесению физической боли и других невзгод и целью которых была подготовка к будущей трудовой жизни и воспитание выносливости), переходили в группу взрослых мужчин.

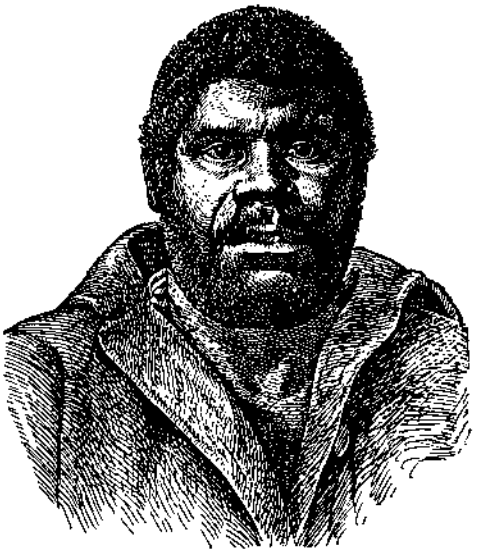
Производственный процесс в локальной группе мог в зависимости от обстоятельств носить либо коллективный, либо индивидуальный характер, но распределение охотничьей добычи и продукции собирательства всегда было равнообеспечивающим.

Для общественных отношений австралийцев очень характерно влиятельное положение пожилых мужчин. Наиболее авторитетный из них избирался главой локальной группы.

Отношения между различными локальными группами и племенами носили обычно мирный характер, в частности они вели натуральный обмен. Конечно, иногда по разным причинам случались вооруженные столкновения, но они не приводили к большому кровопролитию и быстро улаживались.

Общественный строй тасманийцев плохо известен. Они делились на два десятка племен, внутри которых имелись более дробные подразделения, каждое из которых не превышало полсотни человек. Организация власти и семейно-брачные отношения у тасманийцев напоминали австралийские.

Очень мало известно и о верованиях тасманийцев. Однако с уверенностью можно сказать, что высказывавшиеся порой предположения о безрелигиозности тасманийцев бес-



Уильям Лейс, последний тасманиец

почвенны. У них существовали какие-то примитивные формы верований, в которых переплетались элементы тотемизма, магии, анимизма, веры в загробную жизнь и т. д.

Религия австралийских аборигенов изучена довольно хорошо. Преобладающей формой верований австралийцев был тотемизм, т. е. вера в сверхъестественное родство между какой-то группой людей, с одной стороны, и определенным видом животных или растений, либо каким-то минералом, явлением природы — с другой. Весьма характерны для австралийцев и магические верования, т. е. представления о возможности человека сверхъестественным путем влиять на других людей и природу. Менее выражены в австралийской религии анимистические представления, хотя вера в злых духов и душу вообще существовала. Аборигены Австралии не имели храмов и жрецов, хотя «специалисты» культа — колдуны и знахари — у них уже выделились.

Народное творчество австралийцев весьма оригинально. Фольклор их был тесно связан с религиозными верованиями (тотемические мифы и т. д.), но имелось и немало произве-

дений без религиозных сюжетов (например, сказки). Очень характерны для австралийцев пляски, называемые корробори, имевшие обычно изобразительный характер и выполнявшие как культовые, так и развлекательные функции. Пляски сопровождала музыка, преимущественно вокальная, однако известны и некоторые примитивные музыкальные инструменты (бумеранги, палочки и т. д.).

Изобразительное искусство аборигенов Австралии, так же как и фольклор, часто было тесно связано с религией. Широко практиковалась резьба, выжигание, раскраска, орнаментация птичьим пухом и т. д.

Тасманийцам также были известны по крайней мере некоторые формы искусства. Их рисунки носили как условный, так и реалистический характер. Пляски жителей Тасмании напоминали австралийские корробори.

Таковы основные черты жизни аборигенов Австралии и Тасмании к моменту начала контактов с европейцами.

Европейская культура в разной мере затронула различные племена коренных жителей, и в этом отношении они могут быть разделены на несколько групп.

Более всего сохранили прежний быт австралийские аборигены, живущие в Западной Австралии и Северной территории на специально отведенных для них участках — в резервациях и иных районах. Здесь по-прежнему занимаются охотой и собирательством, используют орудия из камня, кости и дерева, придерживаются старых обычаев.

В других резервациях европейское влияние чувствуется сильнее. Для загнанных сюда аборигенов построены бараки, им выдается европейская одежда, готовая пища. Условия существования в таких резервациях, как правило, очень тяжелые, выдаваемая пища скудна, медико-санитарное состояние крайне неудовлетворительно.

Еще дальше отошли аборигены от своего старого племенного быта в так называемых миссионерских станциях, организованных различными церквами и сектами, и особенно в небольших поселках, расположенных поблизости от некоторых крупных австралийских городов. Однако уровень жизни в этих поселениях немногим отличается от уровня в других местах сосредоточения аборигенов.

Австралийские власти в течение многих десятилетий проводили политику откровенной расовой дискриминации. Аборигены были полностью лишены каких-либо гражданских прав, не участвовали в выборах в парламент и органы местного самоуправления, им было запрещено свободное передвижение по стране.

В последнее время, особенно во время нахождения у власти лейбористского правительства Австралии, под напором усилившейся борьбы аборигенов за свои права, были приняты некоторые меры, направленные на улучшение условий жизни аборигенов: небольшое число коренных австралийцев принято в высшие учебные заведения страны, улучшено преподавание в школах для аборигенов и т. д. Однако все эти меры явно недостаточны. Образовательный уровень коренных жителей по-прежнему очень низок, а многие из них и вовсе неграмотны.

Этническое развитие разных групп австралийских аборигенов идет неодинаковым путем. Бóльшая часть их (особенно живущие в резервациях) сохраняют племенное самосознание, отдельные же группы (в пригородных поселках) постепенно дейтрайбализируются (т. е. у них происходит разрушение племенного строя и стирание племенной специфики). Что же касается все увеличивающейся группы европейско-австралийских метисов, то они в большинстве случаев полностью утратили связь с родными племенами, перешли на английский язык и приблизились к англоавстралийцам в культурном отношении. Их полная интеграция в англоавстралийское общество пока невозможна, так как ей препятствует распространенный в Австралии бытовой расизм.

Англоавстралийцы. Англоавстралийская нация сформировалась в начале XX в. после объединения австралийских колоний Великобритании и получения новой страной статуса доминиона. Возникновению Австралии как единого государства и рождению англоавстралийской нации благоприятствовали тесные экономические и культурные связи, устано-

вившиеся между разными районами Австралии еще в колониальный период.

В формировании англоавстралийцев основную роль сыграли потомки выходцев из Англии, Шотландии и Ирландии, начавших селиться с конца XVIII в. сперва в качестве ссыльных, а позднее (особенно с 30—50-х годов XIX в., когда на континенте стали быстро развиваться овцеводство и золотопромышленность) и в качестве свободных поселенцев. Белое население Австралии росло стремительными темпами. Если в 1828 г. оно составляло лишь около 40 тыс. человек, то к настоящему времени его численность перевалила за 14 млн.

Хотя все компоненты, из которых сложилась англоавстралийская нация, в значительной мере перемешались, большинство белых австралийцев хорошо помнит страну исхода своих предков, и между потомками выходцев из Англии, Шотландии и Ирландии до сих пор сохраняются некоторые культурные отличия, чему способствуют, в частности, различия в религиозной принадлежности. Потомки выходцев из Англии обычно англикане либо (в меньшей части) методисты, население шотландского происхождения исповедует преимущественно кальвинизм, ирландского — католицизм.

Англоавстралийцы по своему культурному облику во многом схожи с населением Британских островов, хотя есть у них и свои специфические черты. Появление этой культурной специфики связано в первую очередь со значительным периодом самостоятельного исторического развития, а также со своеобразием природной среды, в условиях которой формировалась англоавстралийская нация.

Большинство англоавстралийцев живет в индивидуальных одно- и двухэтажных домах. Особенностью этих жилищ по сравнению с жилыми домами в Великобритании является наличие в них веранд. Сравнительно недавно австралийские жилища в крупных городах строили в основном из кирпича и крыли черепицей; в небольших городах, пригородах и сельских поселениях дом сооружался чаще всего из дерева, а в качестве кровли использовалось гофрированное железо. В последнее время в строительстве все более применяются такие современные материалы, как железобетонные конструкции, панели.

Подавляющая часть (86%) англоавстралийцев живет в городах, причем основная масса горожан — жители столиц шести австралийских штатов, расположенных на побережье или вблизи от него. Города Австралии сравнительно молоды: самые «старые» из них не насчитывают и 200 лет существования. В начале 1970-х годов лица, работающие по найму (рабочие, включая батраков, и служащие) составляли 87% всего самодеятельного населения. Подавляющая часть их занята либо в промышленности, либо в торговле, финансовых учреждениях и сфере обслуживания. Доля населения, занятого сейчас в сельском хозяйстве, невелика (в три раза меньше числа лиц, занятых в промышленности).

Народы Папуасии (Новой Гвинеи)

Новая Гвинея — второй по величине остров мира — в настоящее время подразделяется в политическом отношении на две части. Восточная ее часть образует основной массив государства Папуа Новая Гвинея (которое включает, кроме того, архипелаг Бисмарка, Бугенвиль и некоторые другие острова), западная (Ириан-Джая) — входит в состав Индонезии.

Подавляющее большинство населения острова (свыше 90%) составляют папуасские народы (так обычно называют бóльшую часть коренного новогвинейского населения, которая говорит на различных языках, не входящих в австронезийскую семью). Общее число папуасов превышает 3 млн. В этническом отношении папуасское население делится почти на 700 отдельных этносов. Языки, на которых говорят эти народы, не образуют единой генетической группы, а распределяются между несколькими не родственными между собой филами, или надсемьями. Самой крупной из них является трансновогвинейская надсемья, на языках которой говорит 85% всех папуасов и которая распространена в пределах большей части Новой Гвинеи, кроме некоторых ее периферийных районов. Языки

следующей по величине надсемьи сепик-раму (северо-западная часть Папуа Новой Гвинеи) являются родными для 8% всех папуасов. Остальные 7% папуасского населения говорят на языках надсемей торричелли (также северо-запад Папуа Новой Гвинеи), западнопапуасской (крайний запад Ириан-Джая) и ряда других, а также на нескольких совершенно изолированных языках.

Бо́льшая часть папуасских народов очень невелика и насчитывает от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Самые крупные из папуасских этносов: энга (почти 200 тыс.), чимбу (около 180 тыс.), хаген, или медлпа (более 130 тыс.), и камано (свыше 110 тыс. человек). Все эти народы относятся к трансновогвинейской языковой надсемье и живут на Центральном нагорье.

Кроме папуасов на Новой Гвинее обитают также народы, говорящие на австронезийских языках. Их обычно называют меланезийцами. Они расселены в нескольких прибрежных районах острова, самым крупным из которых является область бассейна реки Маркхэм. По своей численности (около 200 тыс.) меланезийцы сильно уступают папуасам.

В антропологическом отношении среди коренного австралоидного населения Новой Гвинеи различают два основных типа, идентичных по названию с этно-языковыми группами острова: папуасский и меланезийский. Для обоих типов характерны темная кожа, курчавые волосы, толстые губы, широкий нос, однако представители папуасского типа выделяются более узким лицом и особенно своеобразной формой носа, имеющего крючковидный изгиб в хрящевой части (так называемый ложносемитический нос). Хотя говорящие на папуасских языках группы обычно принадлежат к папуасскому типу, а на австронезийских — к меланезийскому, полного соответствия здесь не наблюдается.

По своим занятиям подавляющее большинство папуасов — мотыжные земледельцы. Основные возделываемые культуры — таро, ямс, батат, бананы, сахарный тростник, кокосовая и саговая пальма, хлебное дерево. Сейчас у папуасов можно встретить и заимствованные от европейцев культуры (бобы, картофель, выращиваемое как товарная культура кофейное дерево и т. д.). Традиционные орудия — каменный топор или тесло, сажальный кол и узкая лопата. Реже встречаются мотыги. Каменный топор и тесло постепенно вытесняются железными топорами и ножами, традиционные орудия огородничества держатся более стойко.

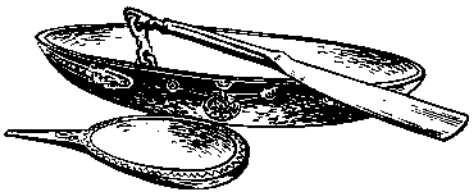
Выдающийся русский этнограф Н. Н. Миклухо-Маклай, проведший более двух лет среди папуасов, так описывал их подсечно-огневой способ обработки земли. Папуасы, «выбрав участок земли для плантации, срубают подлесок, а затем и более крупные сучья больших деревьев... Срубленное быстро увядает и засыхает. Тогда разводят огонь и сжигают срубленный кустарник и засохшие сучья. Остаются только большие деревья, их постепенно поджигают у корня несколько дней подряд, а иногда и срубают большими каменными топорами». На расчищенном участке мужчины вскапывают землю, глубоко втыкая сажальные колы в землю. Женщины и дети размельчают и растирают вскопанную землю. После следует посадка, уход за участком и сбор урожая, причем все эти работы выполняют женщины. Подобным же образом ведутся земледельческие работы и в настоящее время.

Из домашних животных папуасы разводят свиней, кур и собак.

Земледелие обычно совмещается с охотой. Охотятся папуасы с помощью копья, лука и стрел. Объектом охоты служат дикие свиньи, казуары, мелкие птицы, кускусы, ящерицы, змеи.

Рыболовство, если не считать нескольких прибрежных поселений, развито слабо.

Ремесло пока не отделилось от земледелия. Еще недавно все орудия, с помощью которых трудился папуас, изготовлялись из дерева, камня, кости, раковин. Из этого же материала делалось и оружие, как охотничье, так и боевое (здесь помимо одинакового с охотой оружия применялись также деревянные палицы и щиты, костяные кинжалы, тростниковые панцири). Как уже отмечалось, сейчас все шире распространяются более совершенные, покупные орудия, но многое



Деревянные блюда и мутовка. Новая Гвинея

папуасы по-прежнему делают сами: лодки, часть орудий труда, одежду, утварь и т. д.

Из выше сказанного следует, что для папуасов характерен хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев. Однако к этому типу принадлежит не все папуасское население. В ряде болотистых районов Новой Гвинеи (например, по реке Бамy), сохранился и другой, более примитивный хозяйственно-культурный тип, где основным занятием населения является сбор плодов дикорастущей саговой пальмы.

Папуасы селятся обычно небольшими деревнями. В большинстве папуасских деревень число жителей не превышает 100—150 человек. Сельские поселения, в которых проживает свыше 1 тыс. человек, встречаются редко.

Как и в некоторых других районах Океании, в деревнях Новой Гвинеи взрослые мужчины живут отдельно от остальных жителей, в особом мужском доме, что отражает имевшее здесь место поло-возрастное разделение труда.

Хижины — свайного типа или наземные. Пол в свайных постройках — из бамбуковых стволов, в наземных — земляной. Стены сооружаются из бамбука и древесной коры, иногда — из грубо обработанных досок. Хижины кроются пальмовыми листьями. Форма дома прямоугольная, реже — круглая.

Традиционное жилище сохраняется довольно стойко. Домов современного типа в деревнях довольно мало.

Одежда мужчин-папуасов состоит из пояса, изготовленного из тапы (вымоченной и отбитой древесной коры). Он несколько раз обертывается вокруг бедер и пропускается между ног. Женская одежда представляет собой юбочку из растительных волокон или травы.

Украшения носят преимущественно мужчины. Это браслеты, ожерелья, своеобразные серьги, носовые вставки и т. д. Украшением служат также татуировка и окраска тела. Женщины украшают себя значительно реже.

Европейская одежда проникла на Новую Гвинею еще слабо, главным образом в городские поселения. Однако некоторые элементы традиционной одежды, например юбки, стали часто делать из покупного современного материала.

Пища в основном растительного происхождения. Мясо (свиней, кур, собак, а сейчас иногда и кошек) употребляют редко. Приготовляют пищу в земляной печи, в золе или на открытом огне. Огонь прежде добывали трением, однако в настоящее время для этой цели применяются купленные или выменянные спички. Покупают теперь и соль (раньше добывали из золы), сахар и некоторые другие продукты.

Общественный строй папуасов сложен, некоторые элементы их социальной организации кажутся на первый взгляд запутанными, что в значительной мере связано с недостаточной еще изученностью общественных отношений у папуасских народов.

Папуасы делятся на племена, но они, как и у австралийцев, представляют собой скорее не социально-потестарные, а этнические общности. Это довольно аморфные объединения, связанные единством языка и культуры, но не имеющие какой-либо племенной организации, племенных вождей и т. п.

Род у папуасов отцовский, точнее ранняя его форма (материнский род встречается на Новой Гвинее только у меланезийцев). Несколько родов как правило объединены в союзы, но это не племена, а либо группа родов, связанная общностью происхождения (т. е. фактически фратрия), либо группа соседних родов, находящихся в постоянном контакте. Союз родов — самая крупная социальная организация, какая имелась у папуасов к моменту контактов с европейцами.

Основными хозяйственными ячейками на

Новой Гвинее являются общины. Среди них выделяются три основные группы, различающиеся в зависимости от соотношения общинного и семейного начал. Наиболее распространена родовая община. Для нее характерна общинная собственность на результаты совместной трудовой деятельности ее членов. Вместе с тем в рамках общинной собственности имеются также владения частей общины и личные. В родовой общине отсутствуют наследственные вожди, а авторитета и руководящего положения ее члены добиваются в силу своих личных качеств. Важным признаком родовой общины является то, что бóльшая ее часть (мужчины, их сестры и дочери) принадлежат к одному роду. Вне этого рода только те женщины, которые попадают в общину в результате брака с кем-нибудь из общинников.

Гораздо реже встречается у папуасов другая форма — гетерогенная община, где хозяйство ведется преимущественно отдельными частями общины (большими семьями). В собственности общины остаются лишь леса, болота, пустоши и некоторые другие угодья; собственность же на огороды, большие лодки и т. д. принадлежит большим семьям. Гетерогенная община в отличие от родовой в качестве своего основного ядра включает уже не лиц одного рода, а нескольких, правда связанных между собой родственными узами.

Третья форма общины — соседская — возникла у папуасов под влиянием внешних контактов с европейцами и индонезийцами и обычно распространена в сельских поселениях, расположенных поблизости от городов.

У папуасов встречаются как парные семьи, состоящие из мужа, жены и их детей, так и большие семьи, объединяющие несколько родственных парных семей.

Весьма оригинальна и духовная культура папуасов. Традиционные верования папуасских народов заметно различаются между собой. У некоторых групп (например, маринд-аним) важную роль играла такая примитивная форма религии, как тотемизм. Весьма широкое распространение получила также вера в магию. Для многих групп папуасов было характерно почитание предков в примитивной форме культа черепов.

Папуасский щит. Новая Гвинея

Деятельность миссионеров на Новой Гвинее, особенно активизировавшаяся за последние десятилетия, привела к тому, что сейчас бóльшая часть населения острова формально исповедует христианство (в форме протестантизма и католицизма). Однако очень часто христианизация папуасов носит поверхностный характер. Кроме того, в последнее время здесь наблюдается тенденция к созданию отдельных христианских церквей, более или менее независимых от миссионерских организаций.

С традиционными верованиями тесно связан папуасский фольклор. Так, у маринд-аним широко бытуют мифы о деяниях тотемичес-

ких предков полуживотной-получеловеческой природы, так называемых демов. Распространены у папуасских племен и различные сказки о духах, носящие не столько магический, сколько нравоучительный характер.

Большое развитие получило у папуасов прикладное искусство, в частности художественная резьба по дереву.

Вековая отсталость папуасских народов после освобождения от колониальной зависимости начинает постепенно преодолеваться. Правительство независимой Папуа Новой Гвинеи проводит различные мероприятия с целью подъема экономического и культурного уровня населения, однако на пути ликвидации тяжкого колониального наследия пока еще стоит немало препятствий.

Народы Меланезии

Меланезия (здесь этот регион рассматривается в узком его понимании, о котором говорилось выше) имеет весьма сложный этнический состав населения, хотя все же уступает в этом отношении Папуасии. В Меланезии проживает более 200 этносов. Так же как в Папуасии, они подразделяются по языку на две основные группы: народы, говорящие на австронезийских языках, и народы, говорящие на папуасских языках. Однако соотношение этих групп в Меланезии иное, чем на Новой Гвинее: здесь резко преобладают австронезийскоязычные группы (свыше 0,6 млн. человек), папуасов же сравнительно немного (несколько больше 70 тыс.).

Все распространенные в Меланезии австронезийские языки относятся к восточноавстронезийской, или океанийской, ветви. Океанийская ветвь распадается на ряд групп, крупнейшей из которых является восточноокеанийская. Народы, говорящие на языках восточноокеанийской группы, живут на северных и центральных островах из архипелага Новых Гебрид, островах Банкс и юго-восточных островах из группы Соломоновых. К восточноокеанийской группе относятся по языку и так называемые «внешние полинезийцы» — население небольших полинезийских колоний на некоторых периферийных островах Меланезии (Тикопиа, Реннелл и др.). Народы, относящиеся по языку к другим группам океанийской ветви, расселены в некоторых районах Новой Гвинеи, на архипелаге Бисмарка, островах Д'Антркосто и Тробриан, архипелаге Луизиада, в северо-западной части Соломоновых островов, в южной, а отчасти и в северной части архипелага Новых Гебрид.

Этносы, говорящие на папуасских языках (в Меланезии представлена восточнопапуасская надсемья), обитают на архипелаге Бисмарка (главным образом на северо-востоке Новой Британии), некоторых из Соломоновых островов (Велья-Лавелья и др.).

Народы Меланезии невелики. Самый крупный из них — толаи на Новой Британии насчитывает около 90 тыс. человек, численность же большинства других этносов составляет лишь несколько сот или несколько тысяч человек.

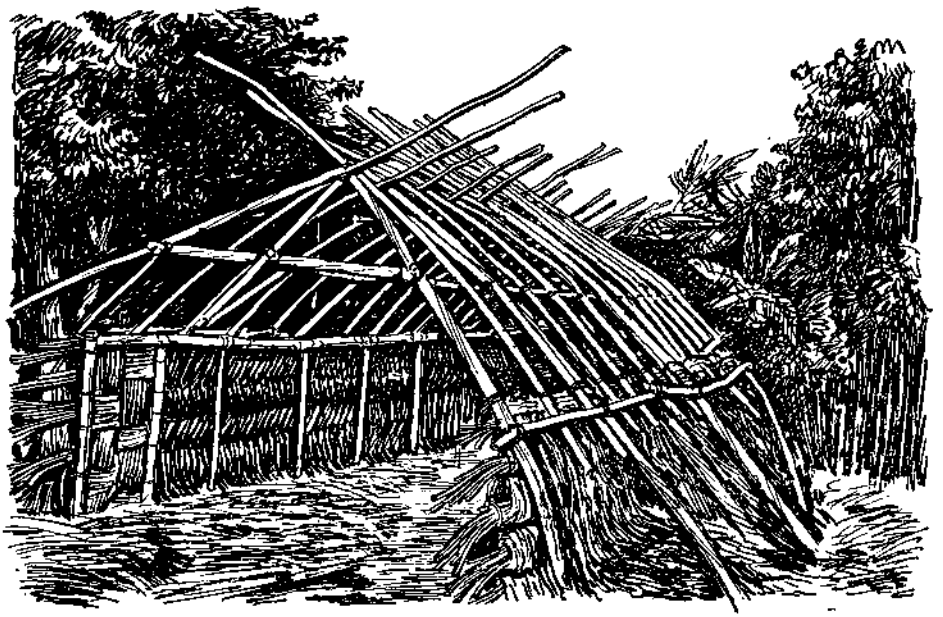
Среди коренного населения Меланезии преобладает меланезийский антропологический тип, для которого характерны темная кожа, толстые губы, широкий нос, умеренно курчавые волосы, среднешироколицо.

Бо́льшую часть коренного населения Меланезии (кроме папуасов и полинезийцев) принято называть меланезийцами, хотя, как уже отмечалось, эта группа не имеет генетического характера.

Основное занятие меланезийцев — ручное земледелие. Важнейшие из возделываемых культур — ямс, таро, кокосовая пальма, хлебное дерево, банан, пизанг, саговая пальма. Кокосовая пальма является сейчас главной товарной культурой. В последние десятилетия добавился ряд новых культур: какао-бобы, маниока и др.

В Меланезии распространена подсечно-огневая система земледелия: подготовка нового участка к посеву напоминает аналогичную процедуру в Папуасии.

Вторая по значению отрасль экономики — рыболовство (почти исключительно морское), причем на небольших островах эта отрасль иногда служит единственным средством существования. Рыболовные снасти весьма разнообразны: различные сети, верши, корзины, заколы, крючки. Рыбу бьют также острогой, стреляют в нее из лука, травят ядом. Рыбо-



Строительство хижины. Новые Гебриды

ловство в Меланезии считается исключительно мужским занятием. Охота в связи с бедностью животного мира никогда не имела существенного значения. Главный объект охоты — птицы, охотничьим оружием служат копье и лук со стрелами.

В Меланезии до контактов с европейцами были известны три вида домашних животных: свинья, собака и курица. Сейчас на острова завезены также крупный рогатый скот, овцы, козы.

Из отраслей ремесла, которое к моменту европейской колонизации лишь начинало обособляться в самостоятельное занятие, весьма развито плетение из растительных волокон циновок, корзин, сумок и т. п. Ткачество подавляющему большинству меланезийцев (кроме жителей архипелага Санта-Крус и некоторых других мелких островов) было неизвестно и вместо тканей часть меланезийцев изготовляла из отбитой колотушками древесной коры особую материю — тапу. Слабое развитие получило и гончарство, на многих островах оно совсем отсутствовало. Интересно отметить, что гончарством занимаются только женщины.

В предколонизационный период меланезийцы, так же как и другие народы Океании, не знали металла. Производимые ими орудия и оружие изготовлялись из камня, раковин, черепаховых панцирей, костей, зубов животных и, конечно, из дерева и бамбука. Главным каменным орудием был искусно отшлифованный и вправленный в деревянную рукоять топор. Из боевого оружия больше всего была распространена палица. Применялись также копье, лук и стрелы, праща, боевой топор, кинжал. В настоящее время традиционные орудия довольно быстро уступают место покупным изделиям, изготовленным из железа и других современных материалов.

Меланезийцы до сих пор остаются в основном сельскими жителями. Они живут либо в многодворных деревнях, либо в поселках-однодворках.

В большинстве случаев меланезийские традиционные дома прямоугольные в плане. Как

правило, крыша у них массивна и нависает над стенами. По форме она двускатная, слегка выпуклая. В качестве кровельного материала используются листья пальмы, банана или пандануса. Стены делаются из плетня, циновок, травы, досок, бамбука, тростника. Иногда стен нет совсем и жилище состоит из крыши на столбах. Встречаются дома на каменных фундаментах. Гораздо реже, чем прямоугольные, строят овальные и круглые в плане хижины (Новая Британия, Новая Ирландия). Кроме жилищ для отдельных семей в Меланезии прежде были широко распространены весьма вместительные мужские дома.

Сейчас наряду с традиционными жилищами, которые пока преобладают, в меланезийских деревнях и особенно в городах можно встретить также дома, построенные по европейскому плану или с применением современных строительных материалов. В них живут иностранцы и обеспеченные аборигены.

Из средств передвижения важнейшее значение по-прежнему сохраняют лодки. На Новых Гебридах до сих пор используются однодеревки, выдолбленные из ствола хлебного дерева. Имеются также крупные, сшитые из досок лодки. Весьма характерен для Меланезии балансир — прикрепленное поперечными жердями бревно, придающее судну устойчивость. Лодки снабжены веслами, однако иногда имеется и парус.

Одежда меланезийцев в доколониальные времена была минимальной. Кое-где она отсутствовала совсем. В большинстве же случаев одеждой служили набедренные повязки, передники, юбочки, пояса с пучком травы спереди. Они изготовлялись из тапы, травы, листьев, циновок и другого материала.

В одежде элементы нового потеснили традицию гораздо существеннее, чем в жилище. В меланезийских поселениях можно встретить немало людей, одетых в современный европейский костюм. Вместе с тем в деревнях, особенно во внутренних районах островов, по-прежнему широко бытует традиционная одежда. Сохраняются кое-где в Меланезии и традиционные украшения (гребни, серьги, ожерелья, браслеты и т. д.), причем их носят преимущественно мужчины.

Пищу меланезийцу приносит прежде всего его хозяйство. Свиное мясо, как, впрочем, и мясные продукты других видов, употребляются редко. Зато довольно часто аборигены едят рыбу. Мясо и рыба приготовляются обычно в земляной печи. Огонь прежде добывался почти повсюду «выпахиванием» (трением острым концом палочки вдоль дощечки). Сейчас используют покупные спички. Что же касается состава пищи и способов ее приготовления, то здесь традиция держится очень прочно.

По уровню общественного развития меланезийцы превосходили папуасов, но заметно уступали своим восточным соседям — полинезийцам. В целом можно сказать, что основная часть меланезийцев (не считая фиджийцев и новокаледонцев) находилась на ранней стадии разложения первобытнообщинного строя.

Большие споры вызывает среди ученых вопрос о наличии в Меланезии племен. Если не считать Новой Каледонии и Фиджи, то племенная организация существовала только на южных островах архипелага Новых Гебрид, выделявшихся вообще более высоким уровнем социального развития. В других местах племена существуют лишь в качестве этнических общностей; известны и острова, главным образом небольшие, где племен совсем нет, а бытуют рано сложившиеся этнотерриториальные общности.

Наиболее характерной общественной организацией является сельская община. Внутри общины выделяется несколько больших семей, которые могут принадлежать к разным родам. Собственность на все земельные угодья обычно общедеревенская, однако каждая семья или отдельное лицо, обработавшие конкретный участок, сохраняют право на эту землю в течение всего времени, пока ее возделывают.

Род на большинстве островов Меланезии (кроме ее южной части) — материнский. Повсюду строго соблюдается обычай экзогамии. Жена обычно поселяется в общине мужа.

Разложение первобытнообщинных отношений в доколониальной Меланезии проявилось, в частности, в заметном имущественном и со-

циальном неравенстве. Выделились богатые «большие люди» (часто вожди), скопившие немалые материальные ценности. Накоплению богатств способствовал широко развитый обмен (в этом отношении Меланезия превосходила все другие районы Океании). Роль всеобщего эквивалента при обмене на некоторых островах играли связки отшлифованных раковин, циновки и ряд других изделий. Особая форма ритуального обмена — кула — сложилась на островах Тробриан: сделанные из раковин браслеты и ожерелья все время обменивали друг на друга, в результате чего они постоянно циркулировали по всему архипелагу.

В ряде районов Меланезии материнский род распался, сменившись отцовским родом. Средством борьбы с материнско-родовыми устоями, а также органом общественной власти выделившейся богатой верхушки стали «мужские союзы» — своеобразные внеродовые объединения мужчин. Терроризируя население, члены мужских союзов держали в повиновении не вступивших в союз общинников и использовали это для дальнейшего своего обогащения.

Установление колониального господства ускорило шедший в Меланезии процесс разложения первобытного общества. Колониальная администрация делала все от нее зависящее, чтобы утвердить взамен отмирающих традиционных устоев нормы буржуазного общественно-семейного быта.

Подобные же мероприятия проводились и в области духовной культуры, в частности в религии. Сейчас подавляющее большинство населения Меланезии христианизировано. На Новых Гебридах христиане (пресвитериане и др.) образуют 84% населения, а на Соломоновых Островах (англикане и др.) — даже 95%. Однако христианизация в ряде случаев имеет здесь, как и на Новой Гвинее, поверхностный, формальный характер.

Наиболее типичным традиционным верованием Меланезии является вера в некую безличную силу «мана». Мана, по представлениям меланезийцев, присуща разным предметам и явлениям природы, отдельным могущественным людям, их душам после смерти, а также всевозможным духам. Распространение получили также анимистические верования, культ предков, разные формы магии. Меланезийцам не были известны великие боги, возвышавшиеся над общим сонмом духов. Культ отправляли колдуны, гадатели, шаманы и т. д.

В отличие от фольклора папуасов меланезийский фольклор не столь тесно связан с религиозными верованиями. Он представлен мифологическим эпосом, где повествуется о культурных героях (часто в этой роли выступают братья — «умный» и «глупый»); рассказами типа быличек о встречах людей с духами; сказками, анекдотами, историческими преданиями.

Традиционное изобразительное искусство Меланезии хорошо сохранилось вплоть до нашего времени. Искусство это носит в значительной мере прикладной характер. Так, тщательно орнаментируются разные предметы утвари, лодки, оружие. Орнамент сильно стилизован, он может наноситься красками или резьбой. Из дерева вырезают статуи, головы, а также маски и наголовники. Прежде художественная пластика была тесно связана с культом.

Самобытно и меланезийское музыкальное искусство. Мелодический строй обычно основан на пятиступенной гамме. Из музыкальных инструментов представлены ударные — барабаны или чаще гонги, и духовые — рог из раковины, разного рода флейты. Музыка всегда сопровождает пляски, в которых обычно присутствует изобразительный элемент (имитируются трудовые операции, военные действия и т. д.).

Народы Новой Каледонии и островов Луайоте

Новая Каледония и соседние с ней острова Луайоте, которые обычно относят к южной периферии Меланезии, заметно отличались от последней по своему культурному облику еще в предколонизационный период, после же установления колониального режима эти отличия стали гораздо более существенными.

Объявив в 1853 г. об аннексии Новой Каледонии, Франция превратила ее в место каторги, и до 1894 г., когда ссылка на остров была прекращена, сюда было отправлено несколько десятков тысяч каторжан (прежде всего уголовников, но частично и политических ссыльных, в частности парижских коммунаров).

Многие из каторжников после отбытия срока наказания остались на острове. От этих бывших ссыльных и небольшой группы вольных поселенцев ведут свое происхождение современные франкоязычные жители Новой Каледонии (франконовокаледонцы), которые составляют сейчас свыше трети всего населения владения (вместе с островами Луайоте) и которые уже несколько обособились в этнокультурном отношении от французов метрополии.

Для работы на плантациях и рудниках (на Новой Каледонии были обнаружены богатейшие месторождения руд никеля и других металлов) с 90-х годов прошлого века начали ввозить рабочих из азиатских стран, и яванцы вместе с вьетнамцами в настоящее время образуют заметную группу в населении острова.

Несмотря на приток европейских и азиатских переселенцев, коренные жители Новой Каледонии и островов Луайоте до сих пор составляют более двух пятых населения. Они говорят на трех десятках языков океанийской ветви австронезийской семьи и принадлежат в расовом отношении к особому новокаледонскому типу австралоидной расы. Для этого типа характерны узковолнистые волосы, значительное развитие третичного волосяного покрова, сравнительно высокий рост.

Новокаледонская традиционная культура имела существенные отличия от культуры других островов Меланезии. Так, в земледелии Новой Каледонии широко применялось искусственное орошение. Если в остальной части Меланезии преобладают дома прямоугольного плана, то для Новой Каледонии очень характерны круглые жилища. В противоположность большинству островов Меланезии здесь был распространен не материнский, а отцовский род, существовала племенная организация и даже довольно крупные племенные объединения.

Сейчас от традиционной культуры Новой Каледонии мало что осталось. Даже местные деревушки сильно «европеизированы». Старый тип жилища можно встретить лишь в самых удаленных от Нумеа, административного центра владения, уголках страны. Почти ничего не сохранилось у коренных жителей и от их традиционного быта, общественного уклада.

В настоящее время наблюдается процесс постепенной консолидации коренного населения острова в единый этнос.

Народы Фиджи

Существенно изменился за последние 100 лет и этнокультурный облик архипелага Фиджи (численность населения свыше 600 тыс.), лежащего на стыке между Меланезией и Полинезией.

Как в антропологическом, так и в культурном отношении коренное население островов Фиджи занимает промежуточное положение между меланезийцами и полинезийцами. По языку фиджийцы относятся к восточноокеанийской группе океанийской ветви австронезийской семьи. Фиджийцы (особенно прибрежные) стояли по сравнению с жителями Меланезии на значительно более высоком уровне общественного и культурного развития и не уступали в этом отношении жителям многих полинезийских архипелагов. Высоко было развито ремесло, особенно строительство лодок. В фиджийском обществе имело место имущественное и социальное неравенство, большую власть приобрели вожди. Существовало рабство. Появились довольно крупные территориальные объединения.

Контакты с европейцами на первых порах форсировали дальнейшее общественное развитие Фиджи и привели к созданию на архипелаге раннеклассового государства. Однако европейским и американским дельцам удалось захватить на Фиджи лучшие земли, опутать страну кабальными долгами. А в 1874 г. фиджийская независимость была и

формально ликвидирована: архипелаг стал колонией Великобритании.

Европейцы стали создавать на Фиджи плантации, специализированные в первую очередь на производстве сахарного тростника. Так как фиджийцы не желали батрачить на колонизаторов, плантаторы организовали с 1879 г. ввоз в страну законтрактованных рабочих из Индии, бывшей тогда британской колонией. И хотя в 1916 г. система контрактов была отменена, индийское население продолжало быстро расти благодаря высокому естественному приросту.

В настоящее время индийцы (говорящие преимущественно на хиндустани, а также на некоторых других индоарийских и на дравидийских языках) составляют половину населения страны, заметно превосходя по численности аборигенов-фиджийцев. Большинство индийцев занимается выращиванием сахарного тростника на арендуемых земельных участках.

В хозяйствах фиджийцев главной культурой является кокосовая пальма. Их деревни продолжают во многом сохранять свой прежний облик. Живут фиджийцы частично в традиционных, круглых в плане хижинах, сооруженных из листьев пандануса и другого местного материала, частично в домах современного типа. Многие фиджийские мужчины продолжают носить свою традиционную поясную одежду в виде своеобразной юбки, женщины же предпочитают сейчас одеваться по-европейски. Сохранились на Фиджи и многочисленные элементы прежнего общественного устройства, в частности весьма влиятельны здесь традиционные вожди.

Достижение Фиджи независимости в 1970 г. открыло перед страной перспективу более быстрого прогресса в различных областях жизни, однако этому во многом препятствует тяжкое наследие колониального прошлого.

Народы Полинезии

Несмотря на большую территориальную распыленность по многочисленным, нередко далеко отстоящим друг от друга архипелагам, все полинезийские народы довольно близки между собой по своему антропологическому типу, языкам и традиционной культуре.

Расовый тип полинезийцев весьма специфичен. Для него характерны темно-смуглая кожа, высокий рост, широковолнистые волосы, средняя степень развития третичного волосяного покрова, слегка прогнатное лицо и средневыступающий, довольно широкий нос.

По мнению ряда исследователей, полинезийцы в антропологическом отношении представляют собой контактный тип между монголоидной и австралоидной расами.

Полинезийские языки, как уже отмечалось, относятся к восточноокеанийской группе океанийской ветви австронезийской семьи. Всего насчитывается три десятка отдельных полинезийских языков.

Число полинезийских народов несколько больше — около 40, так как в Полинезии разные этносы, живущие на далеко отстоящих друг от друга островах, иногда говорят на различных диалектах одного и того же языка. 14 полинезийских народов живут не в самой Полинезии, а в Меланезии и Микронезии. Среди полинезийских этносов имеется пять сравнительно крупных и хорошо консолидированных народов: новозеландские маори (280 тыс. человек), самоа (222 тыс.), тонга (94 тыс.), гавайцы (120 тыс.) и таитяне (82 тыс.).

К моменту европейской колониальной экспансии в Полинезии был распространен особый хозяйственно-культурный подтип или даже тип, который называют островным, или океанийским.

Основными занятиями полинезийцев являлись, да и сейчас являются ручное земледелие и рыболовство. Главные возделываемые культуры — кокосовая пальма, хлебное дерево, банан, таро, ямс, батат (на Новой Зеландии), тыква, кабачки. Наиболее распространенным традиционным земледельческим орудием был деревянный кол, который сейчас вытеснен покупной железной лопатой. В отличие от Меланезии в Полинезии земледелием занимаются и мужчины, и женщины, а на Тонга — даже только мужчины.

Из домашних животных прежде были из-

вестны нелающая собака местной породы (разводили ее только для мяса), свиньи и куры. Сейчас появились и другие домашние животные (например, на острове Пасхи важнейшей отраслью хозяйства стало овцеводство).

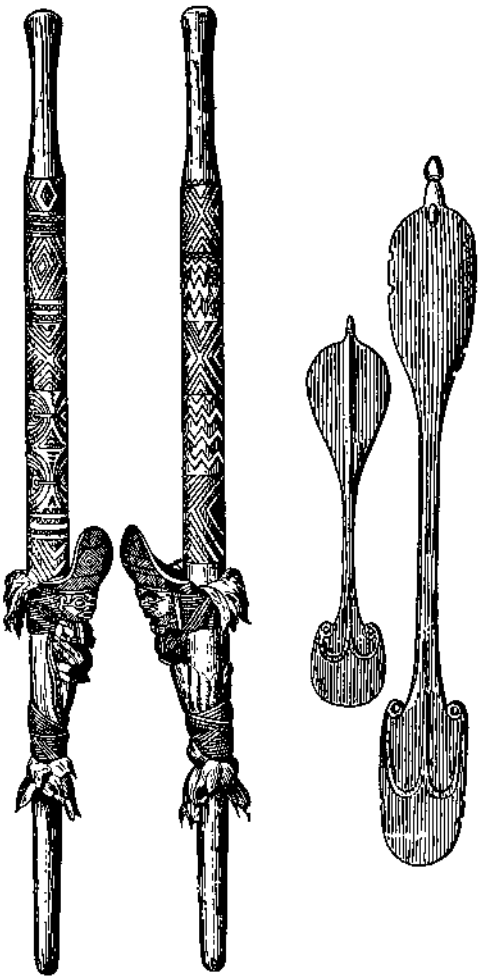
Рыболовство повсюду в Полинезии играет весьма важную роль. Орудиями лова служат крючки, сети, устраивают полинезийцы и запруды, бьют рыбу копьем, стреляют в нее из лука и т. д. Охота же имеет в этом регионе еще меньшее значение, чем в Меланезии.

Полинезийцы — искусные ремесленники. Они изготовляют разнообразные изделия из дерева, плетут циновки, сумки и т. п. Прежде всего широко распространено производство тапы (более совершенной, чем в Меланезии), ткачество же совершенно отсутствует. Не получило развития и гончарство. На отдельных архипелагах оно ранее было известно, но затем забыто. Не знали полинезийцы и металла. Орудия, оружие, утварь изготовлялись из камня, кости, зубов животных, раковин и дерева. Важнейшими видами оружия были палицы, копья, секиры, деревянные мечи, пращи, а также каменные топоры.

Полинезийцы известны как прекрасные мореплаватели. Они пересекали водные пространства, ориентируясь по солнцу и звездам, морским течениям и постоянным ветрам, на обладавших великолепными мореходными качествами лодках разных типов (одиночных, двойных, с одним или двумя балансирами).

Очевидно, уже предки полинезийцев, переселившиеся во второй половине II тысячелетия до н. э. с Фиджи на Тонга, обладали определенными навыками мореходства. Многовековая жизнь на Тонга и Самоа, состоящих из разрозненных небольших островов, необходимость пополнять свой рацион продуктами морского рыболовства способствовали еще большему развитию мореходного искусства полинезийцев, что позволило им переселяться на дальние архипелаги.

Население Полинезии до сих пор живет преимущественно в деревнях. Раньше преобладали мелкие поселения, но затем под влиянием миссионеров, стремившихся с



Танцевальные ходули (слева). Маркизские о-ва; танцевальное весло (справа). О-в Пасхи

целью усиления контроля над своей паствой собрать ее в одном месте, стала наблюдаться тенденция к укрупнению поселений.

Традиционное полинезийское жилье имеет столбовую конструкцию, в плане прямоугольно или овально. Стены дома обычно плетут из листьев травы и т. п., иногда же они отсутствуют, и тогда жилье состоит в первую очередь из массивной низко свешивающейся крыши из пальмовых листьев или соломы.

В настоящее время многие полинезийцы живут в домах европейского типа, построенных из современных материалов.

Полинезийская одежда состояла из набедренной повязки или передника у мужчин и юбочки либо передника у женщин. Материалом для изготовления одежды служила тапа, трава, циновки, растительные волокна, иногда птичьи шкурки, перья. Теперь такую одежду можно увидеть только во время празднеств, в обиход же прочно вошла дешевая покупная одежда европейского типа. Очень распространены в Полинезии различные украшения, причем их носят и мужчины, и женщины. Одно из самых излюбленных украшений — цветы.

Социальное расслоение зашло в Полинезии так далеко, как нигде в других регионах Океании. Почти на всех архипелагах выделились наследственные вожди и связанная с ними элита (арики, ари, алии и т. д.). Представители знати делились на ранги и обычно были связаны между собой родственными узами. Вожди собирали по́дать с остального населения. Знатным семьям принадлежали лучшие земли на островах.

Следующим социальным слоем были свободные общинники, а за ними шла группа несвободного населения, включавшая и рабов. В целом общественный строй полинезийцев можно охарактеризовать как сословно-кастовый.

Основной общественной ячейкой была большая патриархальная семья, считавшаяся обычно собственником земли. Между большими семьями не было равенства. Несколько живших в одной деревне больших семей объединялись в территориальную общину. Последняя управлялась советом, в котором решающую роль играли главы патриархальных семей.

Формы собственности в Полинезии разнообразны. Кроме общинной собственности на землю существовала также частная собственность на движимое имущество.

Для полинезийских архипелагов было характерно сравнительно слабое развитие обмена. В этом отношении Полинезия существенно уступала отставшей от нее по общему уровню социально-экономического развития Меланезии.

Интересной особенностью Полинезии является отсутствие в ней родовой организации. В ходе разложения первобытного общества в этом регионе род не сложился, хотя возникшие вместо него большие семьи и носили, безусловно, патриархальный характер.

Разложение первобытнообщинного строя в Полинезии ускорялось в ходе военных столкновений между вождями. В конце XVIII — начале XIX в. у ряда полинезийских народов (гавайцев, таитян, тонга) стали складываться раннеклассовые государства.

Традиционный общественный строй в разной степени сохранился у различных групп полинезийцев. Он совершенно разрушился у гавайцев, мало что осталось от него у маори и таитян. На Тонга, Самоа и других архипелагах Полинезии прежние социальные порядки в значительной мере сохранились.

В противоположность этому традиционная религия полинезийцев практически везде отошла в прошлое, лишь кое-где можно увидеть сильно измененные ее остатки, пережитки. Сейчас подавляющее большинство населения Полинезии христианизировано. Из направлений христианства наибольшее распространение получил протестантизм, представленный разными течениями.

Что же касается прежней полинезийской религии, то она достигла довольно развитых форм. Характерному для полинезийцев сословно-кастовому строю соответствовала иерархия в пантеоне, где выделялись четыре верховных бога природы: Тангароа (Тангалоа, Тагалоа, Каналоа и т. д.), Тане (Кане), Ронго (Лоно, Ро'о) и Ту (Ку). Души умерших вождей причислялись к пантеону. Значительное развитие получили космологические представления.

В Полинезии в своеобразной форме существовала известная нам по Меланезии вера в безличную силу мана. Наибольшая мана приписывалась вождям, которые часто пользовались связанным с мана правом табу — наложением запрета на любую вещь, представлявшую для них какой-либо интерес.

Культ отправляли жрецы, связанные с вождями родственными узами и пользовавшиеся большим влиянием.

Спектр положительных знаний полинезийцев был весьма широк. Они различали звезды и планеты, имели верные представления об окружающих их водных пространствах и соседних архипелагах, составляли примитивные карты из палочек. Все это позволяло полинезийцам совершать отдаленные путешествия.

Глубиной отличались и представления полинезийцев о своем прошлом (исторические предания, генеалогии вождей и родов).

В Полинезии существовали своеобразные школы с 4—5-летним обучением, носившим сословный характер. Жители острова Пасхи создали свою идеографическую письменность. К сожалению, бóльшая часть дощечек, на которых писали полинезийцы, была уничтожена ретивым миссионером, увидевшим в местных иероглифах дьявольские письмена. Это очень затрудняет расшифровку записанных текстов.

Народное творчество у полинезийцев было более развитым, чем у их западных соседей. Изобразительное искусство представлено резьбой по камню (в Восточной Полинезии), дереву и кости. Жители острова Пасхи прежде вытесывали из мягкого камня огромные статуи.

Широкое развитие получило и музыкальное искусство. Музыкальные инструменты, главным образом ударные (гонг и барабан, погремушки, трещотки) и духовые (различные трубы, флейты), но есть и струнные («музыкальный лук»). Полинезийцы очень любят песни, особенно хоровые, и танцы.

Перечисленные формы народного творчества довольно хорошо сохранились и поныне в большей части современной Полинезии. Что же касается полинезийского фольклора, то он, к сожалению, в значительной мере позабыт. Наряду с космогоническими мифами полинезийцам были известны исторические предания, сказания о необожествленном культурном герое Мауи и богатырях Тафаки и Рата, сказки о животных, пословицы, поговорки и т. п.

Народы Гавайских островов

Когда в 1778 г. Гавайские острова были открыты Джеймсом Куком, их население было близко по своему культурному и социальному облику к жителям других островов Полинезии. В конце XVIII в. один из гавайских вождей Камеамеа I объединил под своей властью весь архипелаг, создав раннеклассовое государство. Однако на протяжении XIX в. на острова все более усиливалось проникновение европейцев и американцев. Ими были созданы крупные плантации сахарного тростника и ананасов. Для обеспечения плантаций рабочей силой начался ввоз законтрактованных рабочих из стран Азии (сначала из Китая, а затем из Японии и с Филиппин) и с принадлежащих Португалии островов Азорских и Мадейра. Местное же полинезийское население, сильно страдая от жестокой эксплуатации и занесенных болезней, стало быстро вымирать, разрушению подверглась и старая культура. В 1898 г. уже фактически подчиненные США Гавайи были официально аннексированы, а в 1959 г. превращены в штат США.

В настоящее время этнический и культурный облик Гавайских островов коренным образом отличается от прежнего. Здесь сложилось многорасовое и многонациональное общество, причем ни одна этническая группа не составляет сейчас большинства. Американцы образуют свыше трети населения, японцы — около трети. Немало также филиппинцев (главным образом илоков), китайцев, португальцев и представителей ряда других народов. Гавайцы же составляют сейчас менее одной десятой населения штата, причем подавляющее большинство их — метисы, знающие гавайский язык, но чаще говорящие на английском языке и сохраняющие лишь отдельные элементы традиционной культуры.

Лучше сохранили свою культуру японцы, филиппинцы и некоторые другие живущие на Гавайях группы. И хотя архипелаг представляет собой своего рода котел, где сплавляются в единое целое различные этнокультурные элементы, до полного культурного однообразия здесь еще далеко.

Народы Новой Зеландии

До начала европейской колонизации двойной остров Новой Зеландии был заселен полинезийцами — маори. Хотя основные черты маорийской культуры носили общеполинезийский характер, своеобразие природной среды и отдаленность Новой Зеландии от остальных островов Полинезии придали специфику культуре ее населения. Так, ввиду сравнительно прохладного климата типичные для остальной Полинезии кокосовая пальма, хлебное дерево и банан произрастать на новозеландской земле не могут, и главной земледельческой культурой маори служит батат. Беднее была Новая Зеландия и домашними животными: ее население разводило только собак. Отличался от общеполинезийского образца и маорийский дом: он строился из дерева. Вместо тапы, которую на Новой Зеландии не производили, для изготовления одежды маори использовали материю, сплетенную из дикого новозеландского льна. По уровню общественного развития маори несколько уступали таким полинезийским народам, как таитяне, гавайцы, тонга.

Хотя Новая Зеландия была открыта А. Тасманом еще в 1642 г., она более ста лет не посещалась европейцами. Лишь с конца XVIII в. здесь начинают обосновываться первые европейские поселенцы (беглые каторжники из Австралии и дизертировавшие матросы с английских кораблей). В связи с быстрым развитием текстильной промышленности в Англии британские власти организовали колонизацию Новой Зеландии с целью превращения этой страны в крупного производителя овечьей шерсти.

Начался массовый захват земель у маори, что вызвало упорное сопротивление коренных жителей. Несмотря на самоотверженную борьбу (так называемые маорийские войны 1843—1872 гг.), аборигены потерпели поражение. Приток британских переселенцев все более усиливался, и уже в 1858 г., по данным переписи, европейцы несколько превышали по численности маори.

К настоящему времени основная часть европейского населения, представляющая собой потомков переселенцев из Англии, Шотландии и Ирландии и сложившаяся в англо-новозеландскую нацию, насчитывает примерно 2,4 млн. человек (около 80% всех жителей страны). Еще 10% населения образуют примыкающие к англо-новозеландцам в культурном отношении переселенцы из Великобритании и других англоязычных стран. Коренные жители — маори — составляют сейчас лишь 8% населения.

Хозяйство и культура современных маори заметно отличаются от своего предколонизационного состояния. Маори, занимающихся сельским хозяйством на своих участках, сей-

Легендарный прапрадед племени арава. Рисунок по дереву. Новая Зеландия

час меньшинство. Бо́льшая их часть — рабочие, либо на скотоводческих и иных фермах, принадлежащих англоновозеландцам, либо на промышленных предприятиях и в строительных организациях. Обычно маори выполняют неквалифицированную, низкооплачиваемую работу.

Одеваются коренные новозеландцы в настоящее время преимущественно в одежду европейского типа, существенные инновации заметны также в их жилище и пище, хотя здесь традиция все же сохранилась лучше.

Значительно изменилась и духовная культура маори. Сейчас подавляющее большинство их христиане (главным образом протестанты).

Что же касается преобладающего ныне этноса Новой Зеландии — англоновозеландцев, то их культура близка к англо-шотландской, отличаясь все же рядом местных особенностей.

Англоновозеландцы живут в основном в городах, хотя в Новой Зеландии нет таких крупных городских центров, как в Австралии. Наиболее значительная группа городских жителей — это рабочие различных промышленных предприятий.

Народы Микронезии

Микронезия по этническому составу своего населения намного проще не только Папуасии и Меланезии, но и Полинезии: здесь живет лишь полтора десятка народов. Все народы Микронезии говорят на языках австронезийской семьи, причем на западе распространены языки западноавстронезийской ветви этой семьи, на востоке — восточноавстронезийской (океанийской). На западноавстронезийских языках говорят два народа Микронезии — чаморро (73 тыс.) и белау, или палау (15 тыс.). Среди остальных народов, относимых по языку к океанийской ветви, наиболее многочисленны тунгару, или гилбертцы (64 тыс.), трук (39 тыс.), маршалльцы (25 тыс.), понапе (20 тыс.).

Как уже отмечалось, жители Западной и Восточной Микронезии существенно отличаются друг от друга не только в языковом, но и в культурном отношении. Различаются они и по своему расовому облику. Если на архипелагах Восточной Микронезии можно наблюдать в разных сочетаниях смешение полинезийского и меланезийского расовых типов, то в Западной Микронезии явственно прослеживается южноазиатский расовый элемент (в южной части Западной Микронезии, на островах Палау чувствуется примесь меланезийского типа). Впрочем, исконный антропологический тип западномикронезийских народов установить трудно, так как они сейчас в сильной степени метисированы. Современные чаморро представляют собой потомков от смешанных браков между женщинами древних чаморро и испанскими солдатами (в числе которых было немало филиппинцев и мексиканцев).

Ко времени первых контактов с европейцами население Микронезии занималось земледелием и рыболовством. Земледелие получило наибольшее развитие в Западной Микронезии. Чаморро — единственный народ Океании, возделывавший рис, белау же было известно искусственное орошение. В Западной Микронезии выращивались также ямс, таро, бананы, кокосовая пальма, хлебное дерево, сахарный тростник. Земля обрабатывалась палкой с заостренным концом или каменной мотыгой.

В Восточной Микронезии земледелие явно уступало рыболовству. Из сельскохозяйственных культур особенно широкое распространение получили плодовые деревья (кокосовая пальма, хлебное дерево, пандакус, бананы), меньшее значение имело возделывание клубнеплодов (таро, ямса, батата). Рыболовство достигло высокой степени совершенства. Сети достигали 30—40 м в длину и снабжались поплавками из колен бамбука.

Охота в Микронезии была развита слабо. Ее объектами были птицы, летучие мыши, черепахи. Охотились островитяне с помощью копья и пращи.

Из домашних животных были известны лишь куры и собаки.

Западная и Восточная Микронезия существенно различались по характеру ремесленного производства. На Западе было известно

гончарство, отсутствовавшее на Востоке. Зато в Восточной Микронезии (на Каролинских островах) знали горизонтальный ткацкий станок.

Дома на Марианских островах, Палау и Яп возводились на каменных столбах и сваях. Крыши и стены делались из пальмовых листьев. Жилище на Каролинских, Маршалловых и Гилберта островах представляло собой четырехугольное строение с двускатной крышей и без стен. Иногда дома знати сооружались на каменном фундаменте.

В качестве средства передвижения использовались лодки (обычно двойные или с балансиром).

Одежда повсюду была минимальной. Мужчины носили набедренные повязки, женщины — юбочки из травы или разрезанных листьев. На некоторых островах замужние женщины обертывали бедра кусками лыка. Кое-где одежда полностью отсутствовала.

В пищу шли рыба, плоды выращиваемых растений, реже — куры и собаки, а также добытые на охоте летучие мыши, птицы и черепахи.

Для Микронезии был характерен первобытнообщинный строй, находившийся на стадии разложения. Население делилось на сословия, между которыми стояли непреодолимые социальные барьеры. На некоторых островах, например на Яп, представители высших и низших сословий не должны были даже совместно есть, знатные не могли принимать пищу, которую готовили в одном горшке с едой простолюдинов.

На некоторых островных группах неравны были по своему социальному положению также различные деревни и округа. Население же ряда атоллов, расположенных к востоку от островов Яп, находилось от последних в даннической зависимости (такое положение, кстати, сохраняется до сих пор).

Вместе с тем на большинстве архипелагов продолжал сохраняться материнский род. На островах Палау и Яп существовали мужские и женские союзы.

Брак был преимущественно парным, женщина занимала в семье и обществе в большинстве случаев высокое положение.

Основной хозяйственной ячейкой была большая семья, а самой крупной социальной единицей — род. Лишь на островах Яп и Маршалловых возникли более крупные объединения.

Между отдельными островами наблюдался оживленный обмен, что привело к появлению своеобразных денег: раковин, бус и т. п. Особенно широкую известность получили огромные каменные диски с просверленными отверстиями, считавшиеся на островах Яп всеобщим эквивалентом при обмене.

Традиционная религия населения Микронезии плохо изучена. Здесь были отмечены культ предков и культ мертвых, вера в душу и духов, некоторые элементы шаманизма.

Микронезийский фольклор по уровню своего развития занимал промежуточное положение между полинезийским и меланезийским. Широкое распространение получили сказания о мифических героях, сказки о злых духах и глупых великанах-людоедах, анекдоты о «глупых» родах и т. д.

Население островов Палау создало своеобразную пиктографическую письменность.

В настоящее время от прежней культуры в Западной Микронезии, и особенно на Марианских островах, почти ничего не осталось. На Марианах сейчас господствует так называемая испанская колониальная культура, распространенная также в большинстве стран Латинской Америки. На нее оказали некоторое влияние культуры более поздних хозяев этого архипелага (США, Германии, Японии).

Земледелие до сих пор носит подсечно-огневой характер, однако поля обрабатываются с помощью старинного плуга, в который впрягаются некогда интродуцированные волы или буйволы («карабао»). Современные чаморро выращивают на своих полях в качестве основной культуры кукурузу. Земля находится в частной собственности отдельных семей.

Из домашних животных разводят крупный рогатый скот (в том числе буйволов), свиней, кур.

Одежда современных чаморро — европейского типа, мало сохранились традиционные элементы и в пище, утвари, жилище. Дома стали сооружаться из оцинкованного железа,

хотя, как и прежде, ставятся на столбах высотой 0,5—1 м.

Прежние общественные устои заменены капиталистическими отношениями. Ушли в прошлое старинные обычаи и традиции. Подавляющее большинство чаморро в настоящее время являются католиками.

В то же время язык древних чаморро, обогащенный заимствованиями из испанского, продолжает господствовать в быту островитян.

Особенно большой культурной трансформации подвергся самый крупный из Марианских островов — Гуам, ставший в конце XIX в. владением США, а позже превращенный в американскую военно-морскую базу. Наряду с чаморро здесь сейчас проживает несколько десятков тысяч американцев, а также большая группа филиппинцев, ввезенных на остров по контракту.

Сильно изменился и культурный облик островов Палау. Тем не менее традиционные элементы на этом архипелаге все же выражены значительно сильнее, чем на Марианах.

В противоположность Западной Микронезии культура Восточной Микронезии осталась в своей основе традиционной. Это касается и материальной культуры (особенно таких ее элементов, как жилище и пища), и общественного быта, и духовной культуры (фольклора, песен, танцев, в меньшей степени — религии).

Совершенно особое положение занимают в настоящее время в Микронезии остров Науру и острова Яп. На Науру, где основой хозяйства стала организованная на базе современной технологии добыча фосфоритов, от местной культуры почти ничего не осталось и быт аборигенов полностью европеизирован. На островах Яп, наоборот, традиция держится чрезвычайно стойко. Земледелие и рыболовство сохраняют свой прежний характер. Правда, появились новые культуры (маниока, какао-бобы и др.) и при обработке земли наряду с сажальным колом сейчас используются также железные орудия. Большинство домов здесь, как и раньше, сооружаются на каменном фундаменте, а стены и крыша делаются обычно из пальмовых листьев. Дома нового типа встречаются редко. Мужчины, как и в старину, носят набедренные повязки, женщины — юбочки из травы и разрезанных листьев. В качестве украшения продолжает применяться татуировка.

В полной неприкосновенности остался старый общественный строй. Население по-прежнему делится на различные сословия. Вожди, как и раньше, пользуются очень большой властью. На островах в ходу старинные деньги, о которых говорилось выше.

На островах Яп прочно держатся местные верования, хотя бо́льшая часть населения сейчас формально обращена в христианство (католицизм).

Наиболее образованные, передовые микронезийцы, бережно относясь к культурному наследию своих предков, в то же время прекрасно понимают необходимость и полезность определенных перемен, прогрессивного общественного развития. Они отдают себе отчет и в том, что подлинный прогресс их родной земли возможен только после достижения ею независимости.

Глава 2

Народы Зарубежной Азии

Зарубежная Азия занимает часть Евразийского континента и чрезвычайно разнообразна по природно-географическим условиям, этническому составу населения, историческому прошлому. Она подразделяется на Западную (или Переднюю), Южную, Юго-Восточную, Восточную и Центральную Азию. Почти три четверти ее площади составляют высочайшие горные хребты Гималаев, Каракорума, высокие плоскогорья и только четвертую часть ее территории занимают равнины и низменности. Большая часть Зарубежной Азии расположена в зоне тропиков, влажных и сухих субтропиков, и лишь северные ее области лежат в зоне умеренно-континентального климата. Обширные аллювиальные долины орошаются водами Тигра и Евфрата, Инда, Ганга, Брахмапутры, Иравади, Салуэна, Меконга, Янцзы, Хуанхэ и многих других рек. Значительные по площади области на западе и севере Зарубежной Азии аридны и представляют собой песчаные, глинистые или каменистые пустыни. Это пустыни Аравийского полуострова, Центрально-Иранское нагорье, Гоби, Такламакан и др. Зарубежная Азия очень богата полезными ископаемыми. Разнообразны ее флора и фауна.

Население региона превышает 2,2 млрд. человек, однако располагается оно весьма неравномерно: густо заселены плодородные аллювиальные долины великих рек, побережья морей и озер, но мало обитаемы многие области тропических лесов, высокогорья, пустыни. Население Зарубежной Азии живет по большей части в сельских местностях, но во многих странах наблюдается быстрый рост городского населения.

Исключительно сложны этногенез и этническая история народов Зарубежной Азии, их этнический состав, языковая и антропологическая принадлежность.

Существует предположение, что в некоторых тропических областях Зарубежной Азии проходили начальные этапы антропогенеза, о чем, в частности, могут свидетельствовать костные остатки рамапитека, обнаруженные в Южной Азии, находки остатков питекантропа, древнейшего представителя ископаемого человека Homo erectus, обитавшего около одного миллиона лет тому назад на Яве. Почти во всех частях Азии обнаружено значительное число палеоантропологических и археологических находок, относящихся к разным этапам раннего палеолита и более позднему времени, когда сложился человек современного вида.

В конце мезолитической эпохи в некоторых субтропических предгорных областях Азии были одомашнены первые на земле растения и животные, что имело огромное значение для дальнейшей истории человечества. Первичные центры одомашнения растений и животных находились в Западной Азии, на юго-западе Средней и, возможно, в Юго-Восточной Азии. В X—IX тысячелетиях до н. э. в этих центрах стало возникать комплексное хозяйство, сочетавшее в себе традиционные занятия: охоту, рыболовство, собирательство и разведение растений и животных. Постепенно земледелие и животноводство становились господствующими видами хозяйственной деятельности, и в VIII—V тысячелетиях до н. э., в ходе так называемой «неолитической революции» складываются культуры ранних земледельцев. Сначала они появляются в Западной, затем в Средней, Южной и Юго-Восточной, а позднее в Восточной Азии. Бурному процессу развития производительных сил способствовали введение орошаемого земледелия, изобретение керамического производства, металлургии. Складываются города, ремесленные центры, расширяется торговля. Наконец, на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. возникает одно из древнейших в истории классовых обществ — государство Шумеров. Развивается плужное земледелие, садоводство, ткацкое производство, появляются письменность, деньги. Быстро растет имущественное и социальное расслоение. Вскоре после Шумера в Зарубежной Азии возникают

и другие государства: Элам, государственные образования Южной Азии (Мохенджо-Даро, Хараппа). Значительно позднее, в II—I тысячелетиях до н. э. складывается классовое общество в Восточной и Юго-Восточной Азии.

В засушливых степных, пустынных и предгорных областях Азии бытовало с давних пор комплексное хозяйство, включавшее присваивающие и производящие отрасли. К концу II тысячелетия до н. э. все большее распространение там стало получать пастушеское животноводческое хозяйство. В начале I тысячелетия до н. э. в этих местах вследствие различных социально-экономических и природно-климатических причин возникает кочевое и полукочевое скотоводство.

Одновременно во многих тропических, географически изолированных областях Зарубежной Азии, на периферии классовых обществ продолжали обитать племена охотников, рыболовов и собирателей, сохранявшие первобытнообщинный строй. Постепенно и они переходили к земледелию и втягивались в более развитые социально-экономические отношения. Но и в наши дни еще сохраняются, главным образом в Юго-Восточной Азии, небольшие группы населения, стоящие на разных уровнях разложения первобытнообщинных отношений.

Самое неблагоприятное воздействие на социально-экономическое и культурное развитие народов Зарубежной Азии оказали колониальные захваты, установление колониальной и полуколониальной зависимости.

Исключительная сложность этнического состава населения Зарубежной Азии объясняется разного рода историческими причинами. К их числу относятся многочисленные миграции, обширные завоевательные походы и другие события, имевшие следствием этнические смешения и перемещения крупных групп населения.

Среди народов Зарубежной Азии можно встретить представителей всех больших человеческих рас. При этом численно преобладают монголоиды и европеоиды. Много смешанных, контактных и реликтовых групп. Имеются группы папуасов, меланезийцев, малорослых пигмеев-негрито, австралоидов (или веддо-австралоидов).

Столь же сложна картина языкового состава. В Зарубежной Азии распространены крупные языковые семьи, на которых говорят десятки и сотни миллионов людей (например, тибето-китайская, индоевропейская, семито-хамитская, алтайская, австронезийская и др.), мелкие языковые семьи и отдельные изолированные языки.

Вследствие значительного природно-климатического разнообразия Зарубежной Азии и особенностей исторического и социально-экономического развития ее населения там сложилось значительное число разнообразных хозяйственно-культурных типов, относящихся как к производящему, так и присваивающему типу хозяйства. Это хозяйственно-культурные типы бродячих охотников, рыболовов, собирателей; примитивных мотыжных земледельцев; мотыжных земледельцев, использующих искусственное орошение; кочевых и полукочевых скотоводов; плужных ирригационных земледельцев. Кроме того, имеется ряд смешанных и переходных хозяйственно-культурных типов. В настоящее время все большее число народов Зарубежной Азии, завоевавших национальную, политическую и экономическую независимость, идут по пути индустриально-аграрного развития.

Народы Западной Азии

Западная, или Передняя Азия, представляет собой обширную область Евразийского континента площадью более 6 млн км^2 с населением около 140 млн. человек.

Географически она включает полуостров Малую Азию, Месопотамию, Левант, Аравийский полуостров и Иранское нагорье. Общая черта природы Передней Азии — господство засушливых, аридных ландшафтов с широким распространением, особенно на юге, пустынь и полупустынь. Только на побережьях Средиземного, Черного и Каспийского морей, на юго-западе Аравийского полуострова, а также в некоторых предгорных местностях климат более влажный, субтропический. Из крупных рек в Западной Азии протекают Тигр и Евфрат, орошающие аллювиальные

долины Месопотамии. Прочие реки сравнительно небольшие.

Равнины и горы Передней Азии некогда были покрыты густыми лесами, где водились крупные звери: слоны, львы, тигры, носороги, разнообразные копытные. В историческое время большая часть лесов была истреблена, что повело к исчезновению крупных животных.

На территории Западной Азии расположен ряд государств: Турецкая Республика (44 млн. человек), Исламская Республика Иран (35,8 млн.), Демократическая Республика Афганистан (15,5 млн.), Иракская Республика (12,2 млн.), Сирийская Арабская Республика (8,9 млн.), Королевство Саудовская Аравия (8,8 млн.), Йеменская Арабская Республика (6,9 млн.), Государство Израиль (3,7 млн.), Ливанская Республика (3 млн.), Иорданское Хашимитское Королевство (2,2 млн.), Народная Демократическая Республика Йемен (1,9 млн.), Султанат Оман (ок. 800 тыс.), Объединенные Арабские Эмираты (910 тыс.), Государство Бахрейн (320 тыс.), Государство Кувейт (св. 1,3 млн.), Государство Катар (ок. 250 тыс.) и Республика Кипр (620 тыс.).

Этногенез и этническая история. В науке еще не решен вопрос, входили ли области Западной Азии в ареал, где проходили начальные этапы антропогенеза. Вместе с тем памятники эпохи раннего палеолита широко представлены в этой области, особенно в Восточном Средиземноморье. В гротах Табун, Схул, Барадост и других обнаружены кости и орудия палеоантропов. Существует гипотеза, что в Передней Азии на рубежах раннего и позднего палеолита происходило формирование человека современного вида. Это предположение основывается на исследовании ископаемых костных останков, в которых обнаруживается сочетание неандерталоидных и сапиентных антропологических признаков. Выводы о превращении в Передней Азии неандертальцев в людей современного вида не бесспорны, что не исключает, однако, возможности формирования Homo sapiens в рассматриваемом регионе.

В эпоху мезолита в Восточном Средиземноморье складывается натуфийская культура, а к северу от нее зарзийская, типологически близкая балханской культуре Западной Туркмении. Судя по археологическим данным, во времена мезолита в этих областях начались опыты по одомашниванию растений и приручению животных, которые завершились на последних этапах этой эпохи, в X—IX тысячелетиях до н. э., доместикацией первых животных (козы и овцы) и появлением культурных злаковых растений.

Этнический состав населения Западной Азии в это время установить пока невозможно. Антропологически оно было, очевидно, европеоидным. Его европеоидность точно установлена для последующей эпохи, во время которой развернулась так называемая «неолитическая революция», заключавшаяся в том, что производящее хозяйство, победившее сначала только в отдельных, «первичных» центрах, начало затем быстро распространяться в других субтропических областях, а затем и в полосе умеренного климата.

Первые свидетельства об этническом составе Передней Азии появляются на рубеже IV и III тысячелетий до н. э., когда шумеры создали в Южной Месопотамии древнейшее государство и изобрели клинопись. Язык шумеров не принадлежал ни к одной известной языковой семье и вместе с некоторыми другими древними языками включается иногда в условную «каспийскую» группу. Следует подчеркнуть, что этнический и языковый состав Передней Азии как в древности, так и в последующие эпохи был очень пестрым. Наряду с народами «каспийской» группы в Западной Азии обитали также семитоязычные народы, о чем свидетельствуют памятники письменности середины III тысячелетия до н. э., оставленные народом аккадов. Вместе с другими народами Двуречья аккады создали Вавилонскую цивилизацию. Письменность имели и многие другие народы: финикияне—создатели первого известного алфавита, ставшего основой большинства древних и современных алфавитов (арабского, греческого, латинского, русского и др.); древние евреи, на языке которых написана Библия; арамеи, язык которых был столь распространен, что его называли «восточной латынью» (в конце

I тысячелетия до н. э. он вытеснил ряд разговорных языков Восточного Средиземноморья, в том числе древнееврейский).

Установлено, что в IV—III тысячелетиях до н. э. на западе Передней Азии существовало по крайней мере два европеоидных антропологических типа. Как полагают, один был распространен среди шумеров, другой среди семитоязычного населения.

Во II тысячелетии до н. э. продолжалось расселение семитоязычных народов. Хананеи, арамеи заселили области к юго-западу от Двуречья. По Аравийскому полуострову расселились предки арабов.

К середине II тысячелетия до н. э. относятся первые памятники клинописной и иероглифической письменности, засвидетельствовавшие появление в Передней Азии народов, говоривших на индоевропейских языках и создавших Хеттское царство.

В IX в. до н. э. в областях Армянского нагорья и Южного Закавказья возникло государство Урарту, а к VII в. до н. э. относится формирование армянского народа. Армяне создали свое государство, просуществовавшее около тысячи лет.

В I тысячелетии до н. э. в областях, где расселялись народы, говорившие главным образом на индоевропейских языках, возникли мощные деспотические государства Мидия, Персия, позднее Бактрия и Парфия. При этом происходили многообразные и сложные этнические процессы, складывались различные языковые и этнические общности. В ходе этих взаимодействий в античную эпоху и в средневековье из народов, населявших эти области, сформировалась бóльшая часть этнических групп, говорящих на языках западноиранской ветви и обитающих ныне в Иране, Афганистане, в пограничных северных областях Ирака и в Восточной Турции.

Существенное влияние на этнические и еще в большей степени на культурные процессы в Западной Азии оказали арабские завоевания VII—VIII вв. К VIII в. арабы подчинили себе бóльшую часть населения Передней Азии, при этом они смешивались с покоренными народами Месопотамии, Леванта и других стран. Образовывались новые этнические общности, шло формирование современных арабских народов. Широкое распространение получил литературный арабский язык и письменность на основе арабского алфавита. Важным следствием арабских завоеваний была исламизация населения в покоренных странах. Походы арабов приводили также к вытеснению некоторых групп населения из мест их обитания, что приводило к складыванию новых этнических групп.

Большое воздействие на этнический состав Передней Азии оказали переселения из Средней Азии тюркских народов, начавшиеся в X в. и продолжавшиеся в последующие столетия. Особенно велики были последствия походов тюрков-сельджуков, покоривших в XI в. народы Малой Азии и некоторые смежные области Закавказья. Проникновение тюрок в Западную Азию продолжалось и в XII в., и в эпоху монгольских нашествий. В результате последовавших этнических процессов сформировались такие народы, как турки, азербайджанцы и др. Сами монголы не оказали существенного влияния на языковый и антропологический состав, а также на культуру народов Передней Азии. Но происходившие вследствие этих походов перемещения и смешения крупных масс населения имели большие этнические последствия. Многие народы окончательно сложились в послемонгольское время. Важные этнические процессы развертывались и в последующие эпохи. Так, в XVII в. насильственно было переселено в Иран некоторое число грузин и армян. В XVII и XIX вв. правительства Ирана и Турции неоднократно переселяли из стратегических соображений ряд курдских племен в Хоросан, Южную Туркмению, Центральную Анатолию, на юг Турции. В 1915 г. турецкое правительство спровоцировало резню армян и айсоров. Следствием геноцида было уничтожение сотен тысяч армян, 1,5 млн. армян было изгнано со своей родины.

Народы Западной Азии относились в древности и раннее средневековье к числу наиболее развитых в социально-экономическом, а также культурном отношении: они первыми осуществили «неолитическую революцию», одновременно с обитателями Египта создали

древнейшую в мире цивилизацию. Однако затем, вследствие сложных внутренних и внешних причин, они стали быстро отставать от Европы, а затем и Северной Америки. Западная Азия избежала, за исключением отдельных областей на Аравийском полуострове, прямой европейской колонизации. Но империалистический политический и экономический гнет в соединении с отсталым феодальным развитием привел к тому, что страны Передней Азии превратились в полуколонии. В результате национально-освободительной борьбы, усилившейся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, народы Западной Азии добились независимости. Однако в их социально-экономических отношениях и культуре еще заметно некоторое отставание. Окончательному возрождению экономики и культуры народов Передней Азии препятствуют происки империализма. Империалистические страны способствуют агрессии Израиля против арабских стран, разжигают между народами внутренние противоречия с целью воспрепятствовать их развитию по социалистическому пути. Страны социализма, и в первую очередь СССР, оказывают огромную помощь народам Западной Азии в их борьбе с империализмом за достижение экономического, социального и культурного прогресса, поддерживают справедливые требования палестинского народа и народов других арабских стран о ликвидации последствий израильской агрессии.

Современный этнический состав. В Западной Азии распространено значительное число языков. Они относятся к различным ветвям трех языковых семей: индоевропейской, семито-хамитской и алтайской.

Индоевропейская семья представлена в Западной Азии главным образом иранской ветвью: в нее входят языки фарси, пушту, таджикский, курдский, лурский, бахтиарский, белуджский и др. Кроме того, некоторое распространение имеют языки новогреческий, армянский, албанский. Встречаются небольшие группы населения, говорящие на индийских языках.

Среди семитических языков наиболее многочисленна их южная ветвь, представленная арабским литературным языком и многими областными арабскими говорами и диалектами. На языках других семитских ветвей говорят атурая (новоассирийцы), евреи и некоторые группы населения Сирии, Ливана и других стран.

Алтайская семья представлена несколькими тюркскими языками, входящими в разные ветви: турецким, азербайджанским, татарским, туркменским, гагаузским, афшарским и др.

Выходцы с Кавказа говорят на различных кавказских языках.

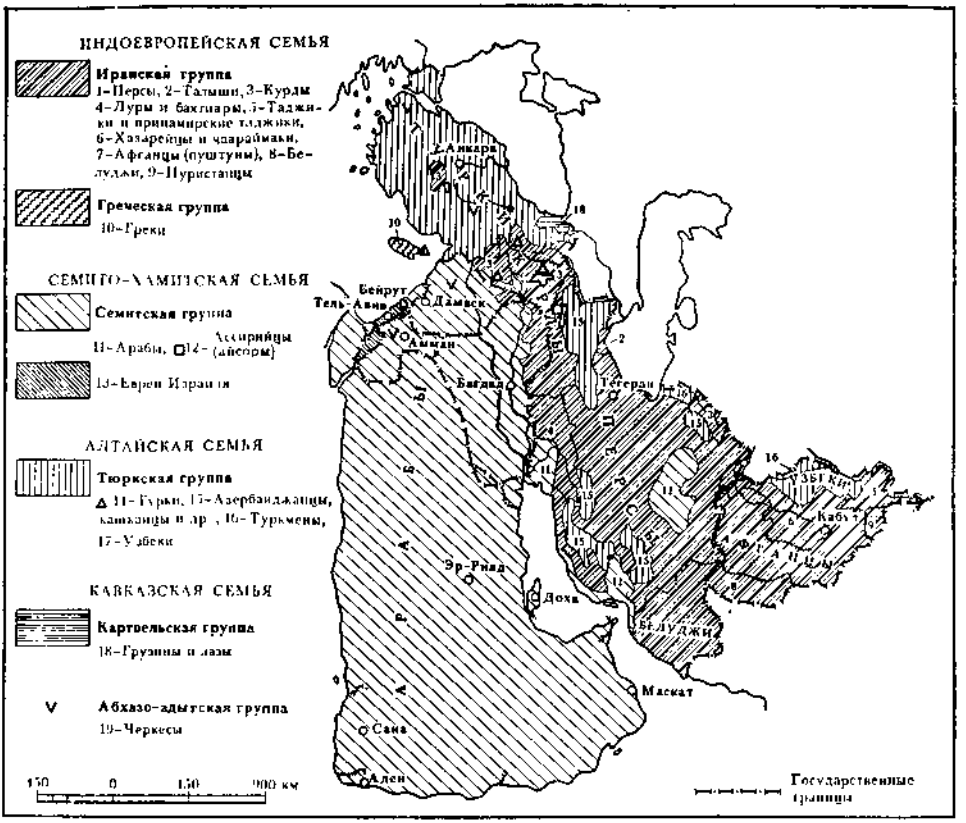
По антропологическому признаку почти все население Западной Азии принадлежит к различным расовым типам большой европеоидной расы. На Аравийском полуострове встречаются негроиды — выходцы из Африки. На юге полуострова у некоторых групп арабского населения заметна негроидная примесь. Монголоиды — хазарейцы Афганистана. Небольшая монголоидная примесь имеется у некоторых групп тюркоязычного населения.

Современный этнический состав почти всех стран Передней Азии сложен, и бóльшая их часть многонациональна.

С известными трудностями связано установление этнического состава Турции, так как в стране проводится активная ассимиляционная политика, и многие этнические группы искусственно причисляются к туркам. По данным на 1978 г. в Турции обитало 39900 тыс. человек, говорящих по турецки, бóльшая часть их турки. К этой группе относится своеобразная этнографическая группа кочевых в прошлом юрюков. В Турции живет более 4 млн. курдов, а также азербайджанцы, туркмены, арабы, татары, грузины, греки, албанцы, евреи, армяне, черкесы, лазы, небольшая группа русских-старообрядцев, поселившихся в Турции в XVIII в.

Современные этнические процессы в Турции характеризуются прежде всего слиянием национальных меньшинств с турками. Официальная письменность с 1928 г. латинская.

Еще более сложен этнический состав Ирана. По данным первой всеобщей переписи 1956 г., менее половины его населения составляли собственно персы, говорящие на фарси,



Народы Западной Азии

Остальные — свыше 80 народов — говорят на называемых иранскими источниками «местных языках». Это около 4 млн. азербайджанцев, около 400 тыс туркмен, более 300 тыс. кашкайцев, афшары, курды, гилянцы, мазендаранцы (три последних народа насчитывают каждый более чем 1 млн. человек), луры, бахтиары, белуджи. Кроме того, в Иране живут армяне, евреи, айсоры и многие другие небольшие группы населения.

В последние десятилетия в Иране развертываются крупные этнические процессы, в ходе которых происходит оформление новых наций (азербайджанцы; возможно гилянцы и мазендаранцы), народностей (кашкайцы), консолидируются мелкие этнические группы в более крупные.

В Иране принята официальная письменность на основе арабского алфавита.

Многочационально и население Афганистана. Более половины его — пуштуны. Значительно число таджиков (кроме так называемых «равнинных таджиков», говорящих на языке западноиранской ветви, на Памире расселены «горные таджики», язык которых относится к восточно-иранской ветви). В Афганистане обитают также туркмены, узбеки, белуджи, нуристанцы, более 1 млн. хазарейцев, говорящих на языке фарси, евреи и др.

В ходе современных этнических процессов идет консолидации крупных народов, в частности пуштунов и таджиков, а также и других групп населения. Важной проблемой, оставшейся от колониальной эпохи, является раз-

деление пуштунов между Афганистаном и Пакистаном.

Наряду с основным официальным языком страны пушту, вторым по значению языком является фарси, который получает все большее распространение. Письменность — на основе арабского алфавита.

Население арабских стран более однородно в этническом отношении, хотя и в некоторых из них национальные меньшинства довольно многочисленны. Кроме арабов во многих странах обитают курды, персы, индийцы, выходцы из Африки, айсоры, туркмены, белуджи, евреи, потомки средневековых выходцев из Европы — левантинцы.

Официальный язык и письменность — арабские. Существует единый арабский литературный язык и значительное число его областных диалектов и говоров.

Население Израиля состоит главным образом из евреев, как местных уроженцев, так и выходцев из разных стран Африки, Азии, Европы и Америки. В Израиле обитает также значительное число арабов, подвергающихся гонениям и дискриминации со стороны правящей сионистской верхушки.

Официальный язык — иврит. Письменность на основе древнееврейского алфавита.

Хозяйство. Подавляющее большинство населения Передней Азии занято в сельском хозяйстве. Страны Западной Азии по преимуществу аграрные и, за отдельными исключениями, промышленность в них только развивается. Вместе с тем во многих областях этого региона имеются значительные запасы нефти, что накладывает определенный отпечаток на их экономическое развитие. Долгое время бо́льшая часть стран Западной Азии были главным образом поставщиками сырья и продовольственных товаров, а также рынком сбыта для империалистических государств. В известном смысле это положение сохраняется и в наши дни, но в последние десятилетия много сделано в области развития национальной промышленности. Многим государствам очень большую помощь в ее создании оказывают СССР и другие страны социалистического содружества. Но ряд стран Передней Азии еще зависимы от империалистических государств и монополий в области экономики и политики. В первую очередь, это касается Израиля и тех государств, где еще сильны феодальные пережитки.

В Передней Азии преобладают два хозяйственно-культурных типа: орошное земледелие и кочевое скотоводство (номадизм). Имеются также различные промежуточные типы и подтипы.

Земледелие в странах Западной Азии имеет много общих черт, так как в условиях жаркого климата, недостатка естественных осадков оно ведется главным образом в орошаемой форме. Однако вследствие различий в природных условиях существует несколько разновидностей ирригационного хозяйства.

В областях, орошаемых крупными и средними по полноводности реками, поля обводняются сложной системой ирригационных сооружений из плотин, дамб, магистральных и второстепенных каналов. Поддержание их в рабочем состоянии требует огромного труда по очистке водных артерий от ила, ремонту ирригационных устройств. Для регулярного орошения полей выработана сложная система распределения воды. Минеральные и органические частицы, которые несут в большом количестве воды рек естественным образом удобряют поля при ирригации, повышая тем самым урожаи. Поля орошаются при этом двумя способами: самотеком, когда пашни, огороды и сады лежат ниже уровня реки, и перекачкой воды, когда уровень воды ниже возделываемых полей. В последнем случае орошение требует затраты значительных средств и сил. Далеко не везде существуют сложные ирригационные системы в виде водохранилищ, плотин и т. п., обеспечивающих подъем воды. Во многих местах действуют еще старинные малоэффективные приспособления в виде водоподъемных колес, приводимых в движение механизмами или тягловой силой животных. Недостаточное внимание властей к очистке каналов, расширение посевных площадей, что увеличивает расход воды, приводят к тому, что самотечное орошение становится в отдельных местах невозможным и приходится устраивать водоподъемные сооружения.

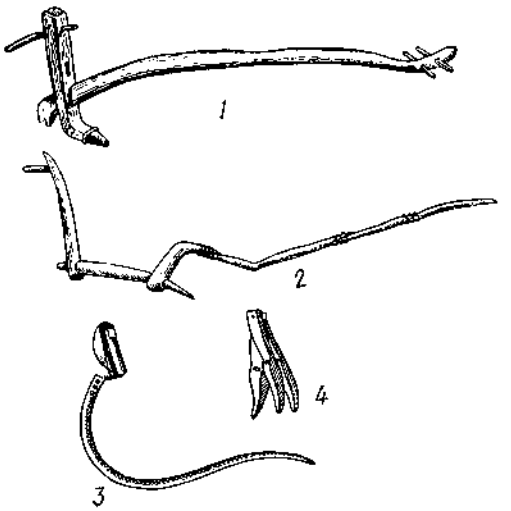
Из мелких рек и ручьев вода выводится обычно непосредственно на поля, вследствие чего не нужны сложные ирригационные сооружения. Однако уровень воды в небольших речках обычно не постоянен и сильно колеблется в зависимости от дождей или засухи, что создает большие трудности для земледелия.

Рассматриваемые виды ирригационного хозяйства распространены в аллювиальных долинах и предгорной полосе Восточного Средиземноморья, в Месопотамии, Турции, Иране и Афганистане.

Во многих предгорных местностях Афганистана, Ирана и Турции, где нет рек и ручьев, практикуется так называемое «кяризное» орошение. Кяризы представляют собой системы водосборных галерей, по которым выводятся на дневную поверхность подпочвенные воды. При строительстве кяриза копают цепь колодцев, удаленных один от другого на несколько десятков метров. Колодцы соединяются между собой подземной водозаборной галереей. Самый глубокий колодец — верхний на склоне. Каждый следующий колодец мельче и в конце концов вода выходит на равнину в виде ручья. Длина кяризов достигает 5—6 км и более. Сооружение кяризов требует много сил и средств, они нуждаются в периодической очистке и ремонте. Зато они позволяют орошать плодородные, но безводные земли и обеспечивают устойчивое поступление воды. Многие кяризные системы исправно действуют столетиями.

В пустынных и засушливых местностях небольшие поля орошаются из искусственных водоемов, в которых скапливается дождевая или талая снеговая вода, а также из колодцев. Но колодезной водой можно оросить только маленькие участки. При этом воду достают из колодцев с помощью верблюдов, лошадей, в наше время — и автомобилей, кожаными (а теперь и резиновыми) бадьями и пускают ее по деревянным лоткам на поле.

В некоторых странах Передней Азии, особенно в Иране и Афганистане, в горах имеет место «богарное» земледелие, при котором поля не поливают, рассчитывая на естественное увлажнение дождем. Если дожди не выпадают или их мало, то посевы дают незначительный урожай или гибнут. Но при благоприятных условиях один раз в несколько лет богарные посевы дают на горных целинных землях исключительно высокие урожаи.



Формы сохи (*1, 2*), серп и приспособление для защиты руки при жатве (*3, 4*)

В странах Западной Азии возделываются различные сельскохозяйственные культуры. В большей части арабских стран главными являются пшеница, ячмень, финиковая пальма, в отдельных местностях технические культуры, рис, цитрусовые и огородные, в Йемене кофе. В субтропических районах Восточного Средиземноморья разводят яблоки, виноград, цитрусовые, финики и другие культуры. В Турции, Иране, Афганистане наряду с зерновыми выращивают много хлопка, винограда, табака, плодовых деревьев. В Иране сеют особо высококачественные сорта риса. Имеются плантации опийного мака.

Современные механизированные земледельческие орудия имеют только отдельные, наиболее зажиточные хозяйства. Прочее население использует самые примитивные орудия, известные в Передней Азии еще с глубокой древности. Землю обрабатывают деревянным плугом с железным сошником. Огороды и сады вскапываются мотыгами и лопа-

тами. Еще недавно в глухих местностях встречались сохи из кривой ветви с суком, на который надевается сошник. Боронуют простейшими приспособлениями: досками с железными или деревянными зубьями, связанными сучковатыми ветвями. В качестве тягловой силы употребляются волы, реже — другие животные. Урожай убирается вручную с помощью серпов или ножей. Молотят либо ударяя по снопам досками, усеянными острыми зубьями, либо прогоняя по снопам животных. Во многих местах зерно еще размалывают на ручных мельницах.

Земледельцы разводят различных домашних животных как тягловую силу, так и на мясо, для получения молока и шерсти. Большая часть крестьян держат волов, коз, овец, ослов, птицу. Лошадей имеют только зажиточные хозяева. Используют их главным образом под верх. Верблюдов разводят некоторые группы земледельцев на Аравийском полуострове, реже в Турции, Иране и Афганистане. Животноводство ведется земледельцами в стойловой и отгонной формах. В связи с этим во многих горных или пограничных с пустыней местностях распространен полуоседлый хозяйственно-культурный тип.

В пустынях, полупустынях и горах Западной Азии распространен кочевнический хозяйственно-культурный тип, включающий кочевое, полукочевое и полуоседлое (так называемый трансгуманс) скотоводство. При этом основные средства существования доставляются главным образом экстенсивным пастбищным скотоводством. Но кочевое скотоводство всегда включает и различные подсобные виды занятий: примитивное мотыжное земледелие, караванную торговлю, в прошлом вооруженные набеги и грабежи.

Кочевым, полукочевым и отгонным скотоводством занимаются в Передней Азии часть арабов, пуштунов, курдов, белуджей, некоторые племена Ирана и Афганистана, полукочевые тюрки-юрюки, туркмены.

Кочевание ведется в различных формах: «меридиональной», «вертикальной», «стационарной».

При кочевом «меридиональном» скотоводстве сезонные передвижения стад совершаются в меридиональном направлении, иногда на значительные расстояния. Так, некоторые группы арабов-бедуинов совершают в год кочевания на 2—2,5 тыс. км. Летние сезонные пастбища располагаются обычно в северных областях, около колодцев или других источников водоснабжения, иногда на границах оазисов. На зиму перекочевывают на юг, на пустынные пастбища с хорошей травой, где в ямах держатся талые и дождевые воды. Основных сезонных перекочевок бывает обычно четыре (летняя, осенняя, зимняя, весенняя).

Бедуины Аравии разводят главным образом одногорбых верблюдов-дромедаров и в небольшом количестве породистых скакунов. Верблюды используются под верх, под вьюк, от них получают молоко и шерсть. Мясо верблюдов арабы обычно не едят.

С 1920-х годов бедуинское скотоводство резко пошло на убыль из-за развития современных средств сообщения, вытеснивших караванную торговлю, приносившую бедуинам хороший доход, а также вследствие политики правительства ряда арабских стран, насильственно переводящих кочевников на оседлость.

Меридиональное кочевание распространено также у полукочевников Аравийского полуострова и скотоводов других стран Передней Азии: части курдов, пуштунов, белуджей и др. Но кочуют они на сравнительно недалекие расстояния и разводят мелкий рогатый скот, верблюдов, лошадей.

В горных областях Ирана, Афганистана и некоторых других стран ведется кочевое и полукочевое «вертикальное» скотоводческое хозяйство. Этот вид кочевания заключается в том, что лето скотоводы проводят на альпийских пастбищах, а на зиму спускаются в укрытые от холодных ветров горные долины.

У туркмен и некоторых других групп скотоводов практикуется «стационарное» кочевание, при котором сезонные перекочевки очень невелики: от нескольких до десятков километров. Тем не менее и этот вид скотоводства относится к кочевничеству, так как основные средства существования доставляет разведение животных в условиях выпаса на сезонных пастбищах.

За исключением кочевых бедуинов Цент-

ральной Аравии все прочие кочевники и полукочевники занимаются в бо́льших или меньших размерах простейшим земледелием на небольших полях и огородах. У полукочевников нередко часть семьи занимается кочеванием со скотом, а часть проводит земледельческий сезон — несколько месяцев в году — около своих посевов, где они ведут полуоседлую жизнь.

Для полукочевого скотоводства характерно также, что только зажиточные хозяйства, располагающие достаточным количеством транспортных животных, имеют возможность кочевать на значительные расстояния в поисках лучших пастбищ. С ними двигается часть беднейшего населения, которая работает на богачей и пользуется за это их транспортными животными. Прочее население кочует на меньшие расстояния. В остальном большой разницы между кочевым и полукочевым хозяйством нет.

Некоторое распространение в Передней Азии имеет полуоседлое скотоводство. При этой форме хозяйства, как и при стойловом оседлом содержании животных, разводится не только мелкий, но и крупный рогатый скот, верблюды, лошади, нередко для продажи земледельческому населению.

Своеобразная форма полуоседлого скотоводства, связанная с разведением ангорских коз, бытует у некоторых групп населения Турции.

Свиней, как правило, население Передней Азии вследствие религиозных запретов не разводит.

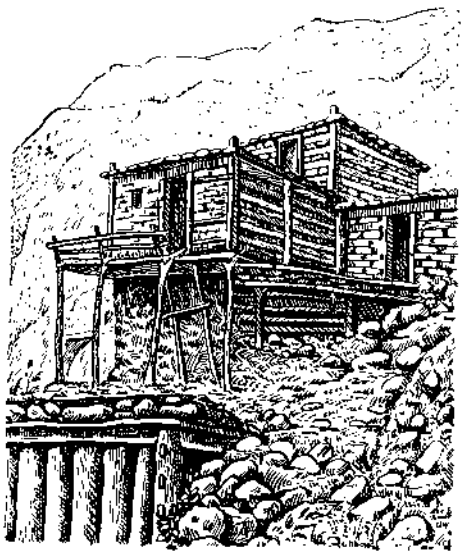
Высокое развитие и древние традиции имеют в Передней Азии ремесла и домашние производства. Еще в глубокой древности славились там мастера по выплавке и обработке металлов, была изобретена знаменитая оружейная дамасская сталь. Ценятся высокохудожественные ювелирные изделия из драгоценных металлов и камней. Особенно излюблены украшения с бирюзой и красными камнями (рубинами, сердоликами). Большого совершенства достигают резчики по камню, кости, дорогим сортам дерева. В Западной Азии выделываются лучшие в мире ковры. Особенно славятся изделия иранских, турецких, туркменских мастеров. Ковры ткутся из шерсти, а самые дорогие экземпляры выделываются с добавкой шелковых и хлопковых нитей, что придает изделиям особую красоту. В старину вырабатывались шелковые ворсовые ковры. Многие тысячи лет насчитывают традиции изготовления гончарной посуды. В прошлом большое распространение имело ткачество. Сейчас этот вид ремесла почти исчез, и только в отдаленных сельских местностях кое-где еще сами ткут шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани для национальных костюмов. Кочевники выделывают овчины, каракуль, валяют кошмы.

В последнее столетие ремесла и домашние производства неуклонно сокращались, вытесняемые фабричными изделиями. Однако в наши дни в связи с широким развитием туризма и спросом на сувениры и этнографические предметы вновь расцветают многие традиционные народные промыслы.

Материальная культура. Население Западной Азии обитает главным образом в сельских поселениях. Число городов сравнительно невелико, хотя в последние десятилетия наблюдается заметный их рост. Облик поселений значительно отличается в зависимости от природных условий и местных традиций. В Турции поселения тяготеют к морскому побережью и тянутся по долинам, в Иране преобладают в предгорьях и по долинам рек, в Афганистане сосредоточиваются в горных долинах, на Аравийском полуострове располагаются на равнинах и в горах.

Поселения земледельцев Передней Азии обычно крупные, кучевые в плане, с беспорядочной застройкой кварталов. Небольшие поселения встречаются в горной местности. Правильную планировку имеют только поселения, основанные переселенцами, или возникшие в последние десятилетия. В горах и по соседству с воинственными кочевыми племенами строили в прошлом сильно укрепленные поселения. Теперь они встречаются сравнительно редко.

Как правило, в центре каждого крупного поселения находится базарная площадь, мечеть или церковь, кофейня, чайная, административные постройки. От центра тянутся



Дом в горной зоне Афганистана

кривые улочки, образованные глухими стенами усадеб, без окон, с воротами и небольшими дверными проемами. Обычно улицы настолько узки, что там с трудом могут разъехаться две повозки. Водопроводы имеются только в центре самых крупных городов, и бóльшая часть населения берет воду из каналов, где купаются животные и стирают белье. Современные здания, асфальтированные улицы, электрическое освещение имеются только в центральных кварталах крупнейших городов. Но их окраины ничем не отличаются от самых невзрачных сельских поселений.

Селения кочевников и полукочевников — временные, сезонные. Наиболее крупные и долговечные возникают летом. У бедуинов Центральной Аравии такие летние лагери насчитывают порой несколько сотен и даже тысяч кочевых жилищ, группирующихся вокруг колодцев или других источников водоснабжения. Скопления жилищ родственных семей образуют своего рода кварталы. Палатка главы кочевой группы ставится у въезда, с тем чтобы гости попадали прежде всего к предводителю.

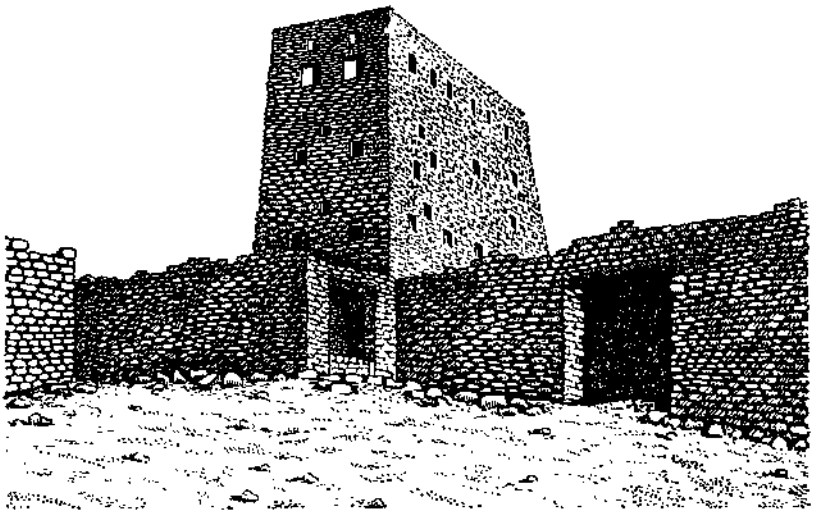
У полукочевников Аравии и кочевого населения прочих областей Западной Азии летние поселения обычно менее многочисленны, чем у бедуинов, но также крупнее, чем в другие сезоны года. На зиму и весну кочевники рассыпаются по пастбищам небольшими группами или каждое хозяйство кочует по отдельности.

Типы жилищ у земледельческого и скотоводческого населения разнообразны. Земледельцы равнин и предгорий сооружают обычно прямоугольные или квадратные в плане дома из сырцового кирпича или глинобитные, с плоской крышей. В горных местностях распространен прием строительства домов из обломков камня, скрепленных глиняным раствором. Как исключение в Турции встречаются срубные деревянные дома, которые строят русские старообрядцы. Уникальные 8—10-этажные постройки из сырцового кирпича и глины распространены на юге Аравийского полуострова. Там же встречаются дома в виде укрепленных башен. Сельские богатеи и представители местной администрации строят дома из обожженного кирпича.

Планировка жилищ различна и зависит от состоятельности владельцев дома и местных традиций. Бедняки, а также обитатели многих горных областей имеют чаще всего однокамерные жилые постройки. Прочее население сооружает многокамерные дома. При этом передняя часть дома считается мужской, а задняя — куда доступ посторонним закрыт — женской. В зависимости от местных условий хозяйственные постройки пристраиваются к жилому дому или ставятся отдельно. Усадьбы окружаются высокими оградами.

Внутреннее убранство ограничивается в отдельных областях подстилками-войлоками, коврами на полах, топчанами-кроватями, сундуками с имуществом. В других (Турция, многие местности Ирана) обстановка состоит из невысокой мебели. В городах у зажиточного населения — фабричная современная мебель.

Кочевые жилища представляют собой у туркмен кибитки из разборного деревянного каркаса, обтянутого войлоком. У всех прочих скотоводов — палатки из шерстяной ткани



Жилище горца. Йемен

или брезента, натянутого на шесты. В зависимости от состоятельности семьи различаются размеры и внутреннее убранство кибиток и шатров. Сидят и спят в кочевом жилище на полу. Иногда занавеской помещение разделяется на переднюю (мужскую) и заднюю (женскую) части жилища.

Традиционная утварь у земледельцев и скотоводов состоит главным образом из глиняной и металлической посуды. Характерны металлические сосуды с длинным носиком для хранения воды, умывания, используются и сосуды из дерева, высушенной тыквы. Кочевники пользуются кожаными бурдюками для молока и воды. Пищу готовят в котлах. Кофе, чай, молочные напитки пьют из глиняных или фарфоровых сосудов без ручек. Постепенно все большее распространение, особенно вблизи крупных городских центров, получают фабричные изделия, вытесняющие традиционную утварь.

Костюм большей части населения Передней Азии сходен по типу, разнообразие наблюдается в головных уборах, причем у некоторых, особенно кочевых народов форма и детали головного убора связаны с племенной принадлежностью.

Наиболее распространенный мужской костюм состоит из широкой, ниже пояса или до колен рубашки с рукавами, штанов с широким шагом и наплечной одежды — халата или плаща. Зимой носят шубу из овчины. Так, например, арабы-бедуины носят широкие рубахи и штаны, плащи с рукавами или прорезями для рук. Цвет одежды различен у разных племен. Крестьяне-турки одевают поверх рубахи и штанов жилетку и суконную куртку. В Иране наплечной одеждой служил в старину кафтан. Костюм пуштунов дополняется плащом из серого или белого войлока с прорезями для рук, прикрываемыми ромбовидными кусками войлока. Значительно легче одежда обитателей тропической зоны Западной Азии. На юге арабских стран земледельцы работают в набедренных повязках и куртках-безрукавках.

Земледельцы используют для одежды по большей части хлопчатобумажные ткани. У кочевников зимняя одежда шьется из шерстяной ткани. Мужской головной убор у арабов состоит из специального платка (куфия), обвязанного вокруг головы шерстяным шнурком с узлами. В Турции до 1925 г. мужчины носили фески, но затем они были законода-

Персидская городская кухонная утварь:

1 — сосуд для варки риса; 2, 3 — медные кастрюли с крышками; 4 — глиняный кувшин для воды; 5 — железный лист для выпечки лепешек; 6 — сосуд из тыквы для хранения масла; 7 — медная луженая ложка; 8 — шумовка

тельно запрещены. В Иране и Афганистане зимой и летом распространено ношение меховых шапок из каракуля. Люди, совершившие паломничество в Мекку, и священнослужители носят чалму. Земледельцы обуваются в сандалии, туфли. Кочевники ходят в сапогах.

Традиционный костюм сохраняется в наши дни главным образом у кочевников, хотя и к ним широко проникает городская покупная одежда. Мужчины многих воинственных племен арабов, луры, бахтиары, пуштуны, белуджи и другие носят на себе целые арсеналы холодного и огнестрельного оружия, патронташи и т. п. В городах преобладает европейская или смешанная одежда.

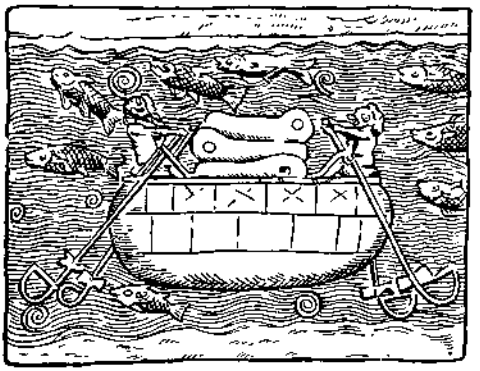
Традиционная женская одежда состоит по большей части из длинной, до щиколоток рубахи-платья и узких, длинных, как и платье, штанов. Платья дополняются в разные сезоны безрукавками, кафтанами, плащами, халатами. Различия проявляются в цвете ткани, деталях костюма, головных уборах. На голову надевается платок, украшенный зачастую ювелирными изделиями. У многих кочевников женские головные уборы представляют собой затейливые сооружения. У ряда земледельческих народов широко в прошлом бытовал обычай закрывания женщинами лица волосяной сеткой и чадрой или паранджой (особым образом накидываемым на голову халатом с ложными рукавами). В наши дни закрывание лица бытует только в среде купечества и мелкой буржуазии арабских стран и в Иране. У кочевников закрывание лица обычно не практиковалось, но женщины должны были при посторонних прикрывать рот краем платка. Традиционный женский костюм дополняется разнообразными украшениями: кольцами, гривнами, браслетами, серьгами, монистами. Распространено сурмление бровей, у некоторых народов принято красить хной волосы и ногти.

Женский костюм, так же как и мужской, испытал сильное городское влияние, и традиционные черты сохраняются главным образом у кочевников и в глухих сельских местностях.

Традиционные транспортные средства состоят в Передней Азии из верхового, вьючного, колесного и водного транспорта. Под седло и вьюк используются верблюды, лошади, ослы. Повозки — двухколесные, в виде арбы с громадными колесами, и тяжелые четырехколесные телеги, запряженные волами, для перевозки тяжестей. По Тигру и Евфрату до сих пор плавают круглые, плетеные из прутьев и обмазанные асфальтом лодки, известные в Месопотамии с эпохи шумеров. Для каботажного плавания и рыбной ловли применяются небольшие деревянные суда с парусом. Современные транспортные средства быстро вытесняют традиционные, однако последние имеют и сегодня еще достаточно широкое распространение.

Крестьянка из Восточной Анатолии в национальной одежде

Традиционный пищевой рацион включает у земледельцев и кочевников главным образом пшеничные лепешки, блюда из растительной и молочной пищи. Масло земледельцы употребляют по большей части растител-



Ассирийская круглая лодка (слева), современная гуффа (справа)

ное, а кочевники животное. Мясо как повседневная пища доступно только очень зажиточным людям. Большое значение в пищевом рационе имеют разные напитки: черный и зеленый чай, чай с мятой, кофе. Кочевники используют различные кисломолочные продукты.

Семья. Социальные отношения. Семья и семейные отношения основываются у многих групп населения Передней Азии на нормах религиозного и обычного права. Мусульманское право — шариат — допускает полигамию, но на практике она имеет небольшое распространение только среди некоторых социальных слоев, придерживающихся старинных обычаев. Распространен брак-покупка с выплатой калыма, причем не только у кочевников и в сельских местностях, но зачастую и в городах. Для мусульман наиболее желателен ортокузенный брак (между двоюродными братьями и сестрами по мужской линии). У кочевников прочно бытует племенная эндогамия, запрещающая вступать в брак за пределами племени, и левират. У земледельцев семьи повсеместно малые. Среди наиболее зажиточных кочевников можно еще встретить большие неразделенные семьи, но они стали уже редкостью. Положение женщин в большей части стран Передней Азии неполноправное. За исключением наиболее прогрессивных слоев общества, женщина считается еще собственностью мужа и семьи, и в ее отношении действуют патриархальные порядки. Под известным влиянием религиозных установлений находится семейная жизнь в Израиле.

В общественных отношениях народов Передней Азии наблюдается до наших дней значительная пестрота. В наиболее передовых странах проводятся реформы социалистического характера. Однако в отдельных странах Аравийского полуострова еще бытуют феодальные отношения. Сильны феодальные пережитки в Турции. Но особенно устойчивы патриархальные отношения в кочевых областях. Пережитки архаических форм социальных отношений поддерживаются реакционным духовенством и другими реакционными кругами.

Во многих местностях в связи с ирригационной формой земледельческого хозяйства и наличием общих угодий сохраняются общинные отношения, разлагаемые постепенно капитализмом. Наиболее развит капитализм в Израиле. Среди земледельческого населения Израиля получила распространение своеобразная форма производственных объединений (кибуц), которыми заправляют зажиточные слои общества.

Своеобразные общественные отношения существуют у кочевников и полукочевников. Еще в ходе возникновения кочевого скотоводства сложились частная собственность на скот и общинное пользование сезонными

пастбищами. Частная собственность на скот и военный образ жизни породили глубокое имущественное и социальное расслоение, но в условиях экстенсивного экономического базиса развитые классовые отношения не сформировались. Сложился социальный строй, для которого была характерна многоукладность. На первых порах истории кочевничества преобладали отношения военной демократии. В новое время, когда кочевники оказались зависимыми от земледельческих государств или были тесно с ними связаны, социальные отношения приобрели патриархальный характер. Развитые классовые, в прошлом феодальные, а теперь капиталистические отношения возникают у кочевников, когда они переходят к оседлости.

Общественная организация кочевников строится по общинно-племенному принципу. В арабских странах племенная форма организации сохраняется у бедуинов (например, племена аназа, шаммар и др.), в других странах — у юрюков, туркмен, курдов, луров, бахтиаров, кочевых пуштунов, белуджей и др. Наряду с отношениями эксплуатации сохраняются общинно-племенные традиции в виде кровной мести, племенной взаимопомощи, общинной демократии.

Духовная культура. Творчество народов Передней Азии настолько многообразно и имеет столь древние традиции, что можно дать только самую общую его характеристику.

Богато народное творчество арабов. Оно включает разные жанры фольклора: эпические произведения, сказки, легенды, генеалогические легенды о происхождении племен и их родоначальников, исторические предания. Особенно развито было устное творчество у кочевых, в прошлом почти поголовно неграмотных арабов-бедуинов. У оседлых земледельцев и кочевников существует развитая народная музыкальная культура. Бытуют различные музыкальные инструменты — щипковые, ударные, духовые. В праздничные дни обязательно проводятся военно-спортивные и музыкальные соревнования, устраиваются пляски. Народная медицина основывается на многовековом опыте врачевания и использовании природных средств в соединении с религиозно-магическими поверьями, суевериями. В средние века многие городские центры арабского мира были средоточием образованности, науки, искусств, обогативших европейскую и общемировую культуру. Однако с установлением полуколониальной зависимости от империалистических государств культура пришла в упадок, и в наше время образование в арабских странах развито слабо, много неграмотных. Большое число арабской молодежи обучается в Советском Союзе, оказывающем значительную помощь в подготовке национальных кадров ученых и специалистов народного хозяйства.

Разнообразно турецкое народное искусство. Множество жанров насчитывает фольклор: сказки, легенды, сатирические произведения. Мировую известность имеет цикл рассказов о народном мудреце Ходже Насреддине. Национальную традицию фольклора поддерживают многочисленные певцы-сказители, без которых не обходится ни один сельский праздник. В селах и городах популярен уличный народный театр марионеток и теней. Профессиональное турецкое искусство многое заимствовало из народных мотивов, но в последние десятилетия пагубное влияние оказывает на него «массовая культура» капиталистического мира. В деревнях и бедных городских кварталах велико число неграмотных, высшее образование доступно только обеспеченным слоям населения. Неблагоприятное влияние на образование оказывает духовенство, хотя церковь в Турции отделена от государства.

Исключительно широко распространено устное народное творчество в Иране, где до недавнего времени трудящиеся были почти поголовно неграмотными. В настоящее время проводятся некоторые меры по ликвидации неграмотности, для чего широко привлекаются учителя и грамотная молодежь.

Фольклор включает исторические предания, знаменитые циклы древних и средневековых эпических произведений. Под музыкальный аккомпанемент исполняются песни, любовные романсы. По городам и селам странствуют труппы актеров, кукольные те-

атры. Популярны спортивные состязания, во время которых устраиваются конкурсы народных поэтов и музыкантов.

В Афганистане за последние десятилетия проведена очень большая работа по ликвидации неграмотности, подготовке национальных кадров учителей, ученых, специалистов. Однако в селах и особенно кочевых областях число неграмотных еще велико. Народное искусство включает фольклор, музыкальные произведения, народный театр, песни, пляски. У пуштунов распространено исполнение коротких песен, сказок. Известен эпический цикл сказаний об Адан-Хане и Дурхане. Существуют различные музыкальные инструменты: щипковые, барабаны, пастушеские свирели. Славятся пуштунские боевые пляски. На праздниках обязательно устраиваются военно-спортивные состязания по борьбе, стрельбе в цель, скачки.

Разнообразна и красочна духовная культура других народов Передней Азии. Так, славятся курдские массовые и одиночные пляски, которые исполняют мужчины, женщины и дети.

Как и в арабских странах, народная медицина сочетает полезные приемы врачевания, выработанные веками, с шарлатанским «лечением» колдунами и знахарями. Профессиональная медицина пока еще не может охватить в Западной Азии все слои населения, тем более в отдаленных местностях и на кочевьях.

По религиозной принадлежности большая часть населения Западной Азии принадлежит к разным толкам ислама. Ислам — монотеистическая религия, сложившаяся в Аравии на основе древних верований и многое заимствовавшая у других религий, в частности христианства. Священная книга мусульман — Коран. В соответствии с мусульманским учением каждый верующий обязан признавать догмат единобожия, исполнять обязательные молитвы, соблюдать пост, уплачивать религиозный налог закят и совершить паломничество в Мекку.

Из религиозных течений ислама наибольшее число приверженцев имеют суннизм и шиизм. Сунниты почитают наряду с Кораном и устное предание — сунну, отрицающее у человека наличие свободной воли. Шииты особо почитают пророка Али и не признают суннитских халифов. К суннитам относятся большая часть арабов, пуштунов, туркменов, некоторые группы курдов и белуджей и многие другие. Приверженцы шиизма — персы, азербайджанцы, часть курдов и белуджей, некоторые жители Аравийского полуострова.

В Саудовской Аравии и некоторых других странах распространена мусульманская секта ваххабитов, сложившаяся в XVIII в., в эпоху борьбы арабов против турецкого господства. Ваххабиты проповедуют строгое соблюдение заветов первоначального ислама.

В Сирии и некоторых других арабских странах имеются приверженцы шиитской секты исмаилитов.

Христианство, возникшее в Передней Азии и широко там до арабского завоевания распространенное, имеет в наши дни сравнительно небольшое число приверженцев из числа ливанских арабов (маронитов), православных греков, айсоров, армян и некоторых других групп.

Существуют в Западной Азии синкретические религии, представляющие результат смешения христианства, ислама, древних языческих верований. Такова, например, дуалистическая религия йезидов, бытующая у части курдов. В Северо-Западной Сирии обитают алавиты (нусайриты), в религии которых сочетаются шиизм и христианство. Из христианских, мусульманских и других элементов состоит религия друзов Ливана и Сирии. До наших дней сохраняются группы гебров, почитателей древней маздеистской религии. В Израиле государственной религией является иудаизм.

Религия удерживает в странах Передней Азии еще довольно сильные позиции и оказывает влияние на семейно-брачные отношения, образование, порой и политическую жизнь.

Народы Южной Азии

К Южной Азии относятся полуостров Индостан, остров Шри Ланка (до 1972 г. Цейлон), Ликкадивские, Аминдивские, Андаманские и Никобарские острова.

Население Южной Азии насчитывает около 800 млн. человек. В политическом отношении в нее входят Республика Индия (около 650 млн.), Народная Республика Бангладеш (около 87 млн.), Исламская Республика Пакистан (79,9 млн.), Республика Шри Ланка (около 15 млн.), Королевство Непал (свыше 13,7 млн.), Королевство Бутан (1,3 млн.) и Мальдивская Республика (144 тыс.).

С севера Южная Азия обрамлена высочайшей в мире горной системой Гималаев и Каракорума, с северо-запада — Белуджистанским нагорьем и Гиндукушем, на северо-востоке возвышаются Бирмано-Ассамские горы. Юг Индостанского субконтинента и острова Южной Азии омываются водами Индийского океана, Аравийского и Андаманского морей, Бенгальского залива.

Бо́льшую часть южной Азии составляют обширные плоскогорья и низменности. Так, значительную часть Индостанского полуострова занимает Деканское плоскогорье с Западными и Восточными Гатами. На юге плоскогорья возвышаются Нильгирийские и Кардамоновы горы и горы Анималаи. Огромную площадь занимает Индо-Гангская равнина. Значительны по площади низменности на острове Шри Ланка.

В Южной Азии протекают великие реки: Инд, Ганг, Брахмапутра, Джамна и многие другие, орошающие обширные аллювиальные долины.

Несмотря на огромное разнообразие природной среды Южной Азии, во всех ее областях, кроме высокогорья, господствуют главным образом тропические, а в предгорьях субтропические климатические условия. Вследствие этого на большей части территории этого региона выпадает много осадков. В году выделяются три или два сезона (жаркий, дождливый, прохладный, или сухой и дождливый). Вместе с тем на северо-западе и западе субконтинента в Белуджистане, Синде, Раджастхане расположены засушливые, пустынные области.

Исключительно богаты флора и фауна Южной Азии. Некогда ее равнины и предгорья были покрыты сплошными тропическими лесами — джунглями, значительно сейчас поредевшими в результате деятельности человека. Но и сейчас еще в лесах много ценных пород деревьев (тик, сал и др.). Большие площади заняты вечнозелеными «дождевыми» лесами. Распространены фикусы, разного рода пальмы и кустарники, древовидные папоротники. В приморской полосе, в зоне приливов и прибоя, произрастают мангровые леса.

Существует предположение, впервые высказанное крупнейшим советским биологом Н. И. Вавиловым, что в Южной Азии были культивированы многие важные сельскохозяйственные растения. За несколько тысячелетий до нашей эры там разводили рис, пшеницу, сахарный тростник, бобовые, масличные и разнообразные технические культуры, в том числе и азиатский хлопчатник. Позднее получили распространение заимствованные из других стран банановая и кокосовая пальмы, чайный куст.

Богат животный мир, хотя за последние тысячелетия он заметно оскудел. Из домашних животных разводятся индийский горбатый зебу, индийский буйвол. В засушливых районах держат верблюдов, овец, коз, лошадей.

Этногенез и этническая история. До настоящего времени не решен вопрос о том, входила ли Южная Азия в число областей, где происходил антропогенез. Вместе с тем, установлено, что десятки миллионов лет тому назад там обитали дриопитековые обезьяны, считающиеся предками гоминид. Примерно за десять миллионов лет до нашей эры в этом регионе обитали рамапитеки, возможные предки человека. Но в Южной Азии до сих пор не найдены костные остатки древнейших и древних людей (археоантропов и палеоантропов), хотя неоднократно были обнаружены орудия труда культур раннего палеолита. Существует мнение, что на юге Индостанского субконтинента люди обитали уже за 1 млн. лет до нашей эры. Высказаны также предположения, что Южная Азия входила

в ареал становления человека современного вида (Homo sapiens). Известны многочисленные культуры позднего палеолита и последующих эпох каменного века.

Прямые свидетельства об этническом составе населения Южной Азии на ранних этапах развития человека современного вида (время палеолита — мезолита) отсутствуют. К тому же, как полагают, население этого региона было тогда немногочисленным. Существуют гипотезы о том, что значительная часть населения полуострова Индостан и острова Шри Ланка была в те эпохи веддоидной по антропологическому признаку. Что касается языков, то судить об этом еще труднее, и лишь гипотетически они могли быть схожи с языками австралоидов азиатско-океанийской зоны, с которыми по антропологическим признакам обнаруживают сходство потомки древнейшего населения Южной Азии — ведды и андаманцы.

Многие ученые считают, что в III—II тысячелетиях до н. э. в рассматриваемые области стали проникать и расселяться племена, говорившие на дравидских языках и языках мунда. При этом дравиды, по антропологическому типу южные европеоиды, были создателями первой цивилизации в долине Инда, откуда могли расселяться на восток и на юг. В ходе миграций дравиды и мунда сталкивались с веддоидами и по большей части их ассимилировали. Одним из следствий этого процесса было формирование южноиндийской дравидоидной расовой группы.

Предки мунда, принадлежавшие к австралоидным и монголоидным расовым типам, смешивались с местным веддоидным населением, следствием чего было сложение народов мунда Центральной Индии.

Во II тысячелетии до н. э. в Северной Индии начинают расселяться группы южных европеоидов-ариев, говоривших на индоарийских языках. Частично они проникли далеко на юг, где их ассимилировали дравиды.

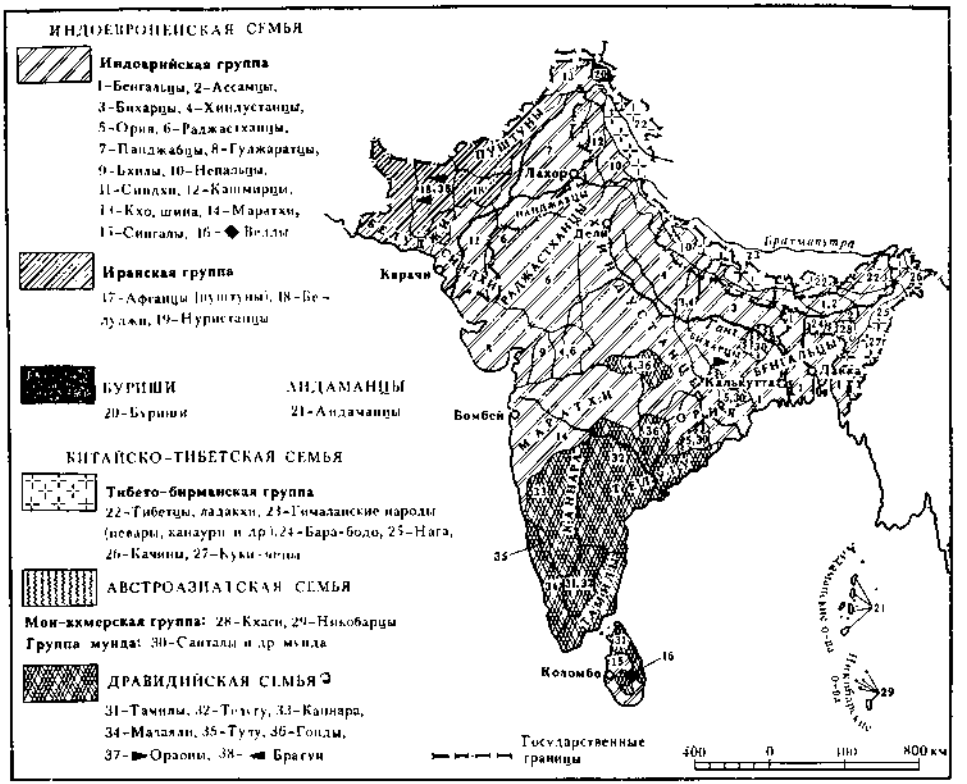
Группы населения, говорившие на индоевропейских (иранских, тохарских) языках, попадали в Южную Азию с севера и северо-запада и позднее, в частности на рубежах нашей эры, в индоскифскую эпоху.

Расселявшиеся во II — начале I тысячелетия до н. э. на севере Южной Азии индоарии были скотоводами и оседлыми земледельцами. Их история известна по археологическим данным, а также сборникам гимнов, жертвенных и магических формул, описаний ритуала, толкований и комментариев к священным текстам, объединяемых понятием «веды». Древнейшая из вед — «Ригведа» («Веда гимнов»). Арии основали несколько раннеклассовых государств, для которых было характерно сложное классовое и сословное (варно-кастовое) деление общества. Арии смешивались с местным дравидским и мундоязычным населением, что вело к интенсивному обмену культурными ценностями.

На северо-востоке полуострова еще в древности формировались монголоидные по антропологическому типу группы, говорившие на языках тибето-бирманской семьи. И с ними происходил у индоариев интенсивный культурный обмен.

В середине I тысячелетия до н. э. на остров Шри Ланка переселились предки современных сингалов, говоривших на индоарийском языке. Примерно в то же время туда проникают дравиды, предки тамилов. Переселенцы вступали в тесное общение с коренным населением острова, веддами, которые были ими в значительной мере ассимилированы.

В XVI—XVII вв. в Южную Азию начинают проникать европейские колонизаторы: сначала португальцы, а вслед за ними голландцы, англичане, французы. В середине XIX в. Индия превращается в британскую колонию. Эпоха колониальной зависимости оказала чрезвычайно отрицательное влияние на социально-экономическое и культурное развитие народов Южной Азии. Колониальная эксплуатация вызывала постоянный отпор со стороны угнетенных народов. В 1947 г. Индия и Пакистан добились национальной независимости. Однако английские власти провели границы между новыми государствами без учета этнических, исторических и экономических факторов, что привело к длительным межгосударственным и межнациональным разногласиям. Позднее национальную неза-



Народы Южной Азии

висимость завоевали и другие страны Южной Азии.

Современный этнический состав. В Южной Азии насчитывается около 200 народов, бо́льшая часть которых невелика количественно. Так, из распространенных в Индии 187 языков, на 23 языках говорит 97% всего населения. В рассматриваемом регионе сложился ряд наций, многие этносы представляют собой народности. Но многие малые народы Южной Азии составляют так называемое «племенное» население, сохраняющее в разной степени пережитки первобытнообщинных отношений.

Население Южной Азии говорит на языках индийской (индоарийской), иранской и дардской ветвей индоевропейской семьи; на языках дравидийской, австроазиатской и китайско-тибетской семей.

Наиболее многочисленны народы, говорящие на индоевропейских языках, — они составляют до двух третей всего населения Южной Азии. К языкам индийской ветви принадлежат хинди (официальный язык Республики Индии), урду (официальный язык Пакистана), бенгали (официальный язык Республики Бангладеш), непали (официальный язык Непала), сингальский (официальный язык Шри Ланки), ленджабский, раджастханский, маратхский, гуджератский, лахнда, бихарский, ория, ассамский и др. К иранской ветви относятся языки пушту, белуджский (балочи) и др. На дардских языках говорит большинство населения Кашмира. Английский язык временно является вторым официальным языком Республики Индии.

Дравидская семья представлена многими крупными и мелкими языками. Самые круп-

ные из них телугу, тамильский, каннара, малайяли. Из мелких дравидийских «племенных» языков можно назвать тода, языки кадаров, кота, ирула, ченчу и многие другие.

На языках австроазиатской и китайско-тибетской семей говорит сравнительно небольшое число населения Южной Азии. К числу представителей австроазиатской языковой семьи можно отнести санталов, хо, корку, мунда, кхаси, никобарцев; к китайско-тибетской — дзонгкэ (официальный язык Бутана), нага, гаро.

В Южной Азии происходят интенсивные языковые процессы, выражающиеся, в частности, в переходе многих малых народов на языки своих более многочисленных соседей, что сопровождается их ассимиляцией.

В антропологическом отношении население севера Южной Азии принадлежит к южным европеоидам. Своеобразен антропологический тип дравидов, в котором, как отмечалось, сочетаются южные европеоидные и австралоидные черты. На севере и северо-востоке Южной Азии расселяются монголоиды. Много смешанных и переходных антропологических типов. К числу малорослых австралоидных пигмейских народов могут быть отнесены андаманцы. Представители веддоидного антропологического типа австралоидной расы — ведды. Веддоидные черты обнаруживаются у многих современных антропологических групп Южной Азии.

Хозяйство. Южная Азия, судя по современным археологическим, палеоботаническим и палеозоологическим данным, не входила в ареал первичного, наиболее древнего одомашнения растений и животных. Тем не менее уже довольно рано стало возникать производящее земледельческо-животноводческое хозяйство. Характерной особенностью Южной Азии была сильная неравномерность хозяйственного, социально-экономического и культурного развития разных областей этого обширного региона. Примерно до IV тысячелетия до н. э. повсеместно господствовали занятия, связанные с присваивающим хозяйством. Постепенно в долинах рек начали возникать поселения древнейших земледельцев и животноводов. Вслед за тем производящее хозяйство стало все шире распространяться по Индо-Гангскому междуречью, а затем проникать в южные области Индии и на Шри Ланку. В середине III тысячелетия до н. э. по Инду, в области Мохенджо-Даро — Хараппа, складывается древнейшая в Южной Азии цивилизация. Но интенсивное хозяйственное, социально-экономическое и культурное развитие шло главным образом на относительно открытых пространствах аллювиальных долин. Редкое население бескрайних джунглей еще долгое время было слабо втянуто в эти процессы, и только обитатели окраин тропического леса испытывали более сильное влияние со стороны соседних, более развитых народов. Следствием этого было сохранение во многих областях Южной Азии отсталых форм хозяйства и культуры, чему позднее способствовали условия колониального режима.

Поэтому еще в конце прошлого столетия в обширных, редко заселенных тропических лесах и горных местностях сохранились группы населения с очень отсталыми формами хозяйства и культуры. И только в XX в., особенно после завоевания народами Южной Азии национальной независимости, эти народы стали постепенно втягиваться в современные процессы развития. Уже сейчас в этом отношении достигнуты немалые успехи. Но вследствие определенных социальных, экономических и политических условий и сегодня еще встречаются небольшие племенные группы и племена, которые ведут либо целиком присваивающее хозяйство, либо сочетают его с элементами примитивного производящего хозяйства.

Разнообразие природно-географических условий Южной Азии определило и разнообразие хозяйственно-культурных типов и подтипов.

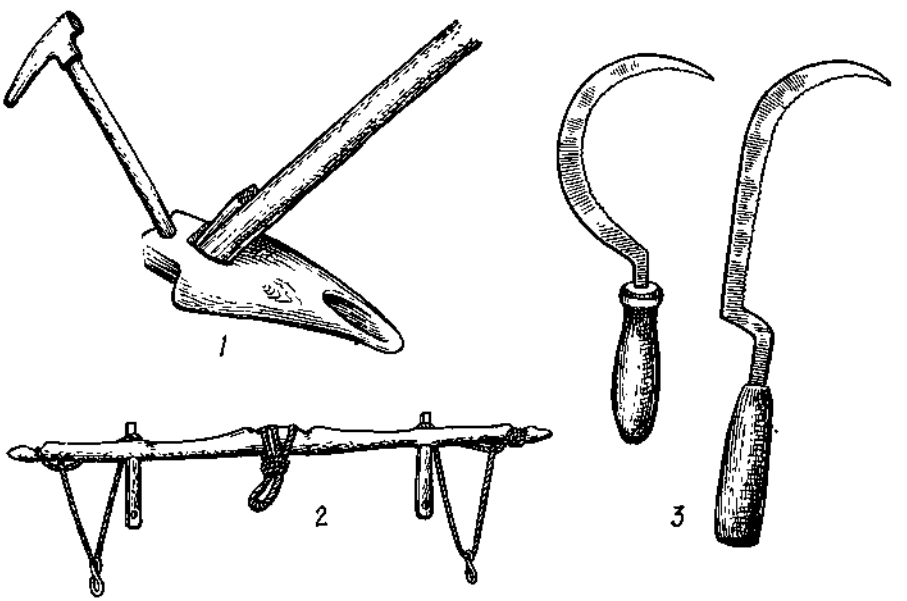
Народы Южной Азии по большей части земледельцы. Сравнительно небольшая часть населения живет в городах и занята в промышленности, торговле, сфере обслуживания.

Плужное земледелие, сочетавшееся с животноводством и ремесленным производством, стало наиболее распространенным хозяйственно-культурным типом еще до начала нашей эры. В позднеантичное и раннефеодальное

время этот хозяйственно-культурный тип стал господствующим. Вместе с тем и в древности, и потом вплоть до современности хозяйственно-культурный тип плужного земледелия включал много разновидностей и подтипов. Различия между ними состояли как в уровне хозяйственного развития, так как к числу плужных земледельцев относились и самые развитые, и менее развитые народы, так и в содержании хозяйственного комплекса (в соотношении отдельных видов занятий, значении ремесла, отходничества, сохранении традиционных видов занятий и др.). Особенно заметны стали эти различия в позднеколониальное время, когда начали складываться индийская национальная буржуазия и национальная промышленность. Таким образом, при наличии общих черт, свойственных всем представителям хозяйственно-культурного типа плужных земледельцев, в разных частях и областях Южной Азии бытуют самобытные хозяйственно-культурные подтипы. Вместе с тем все народы, относящиеся к рассматриваемому хозяйственно-культурному типу, имеют развитые классовые отношения и издавна живут в условиях государственности.

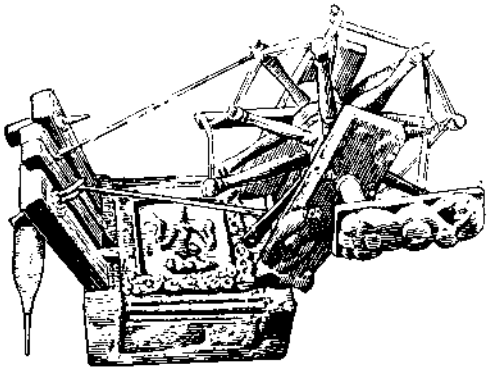
Земледельческие области располагаются главным образом по плодородным долинам рек Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри Ланки, по предгорьям и долинам Непала. Данными земледельцами являются все крупные народы, говорящие на индийских языках: бенгальцы, хиндустанцы (хинди, урду и др.), ассамцы, гуджератцы, маратхи, бихарцы, ория, сингальцы и др.; названные выше крупные дравидские народы, а также некоторые более мелкие этнические группы.

В Республике Индии основная продовольственная культура — рис, и только на северо-западе преобладает пшеница. На втором месте после пшеницы стоят просяные и бобовые. Разводятся другие злаковые, разнообразные овощи, фрукты. Большое значение в земледелии имеют технические и плантационные культуры: хлопок, сахарный тростник, джут, масличные, каучуконосы, кокосовая пальма.



Сельскохозяйственные орудия, распространенные у малых народов бихара (Восточная Индия):

1 — легкий плуг; 2 — деревянное ярмо; 3 — серпы (хансуг и датром)



Прялка с резьбой и росписью. Непал

Выращиваются кофе, табак, широко известный «индийский» чай из Ассама. Значительная часть культур имеет экспортное назначение. Индия занимает первое место в мире по поголовью крупного рогатого скота. Скот считается священным, и по традиции его нельзя убивать, поэтому велико число непродуктивных животных, что создает затруднения для сельского хозяйства. В предгорьях Гималаев разводят также коз и овец. Как транспортные и тягловые животные используются слоны, ослы, в засушливых областях верблюды. Лошадей держат мало.

Довольно сходен с индийским облик сельского хозяйства в Бангладеш и Шри Ланке.

В Пакистане выращивают рис, пшеницу, просо, масличные культуры, хлопок, сахарный тростник. На северо-западе Пакистана и в Синде ведется кочевое и полукочевое скотоводство. Разводятся мелкий рогатый скот, верблюды, лошади.

Плужное, как отчасти и мотыжное, земледелие ведется в Южной Азии с древности в орошаемой форме. Но в годы колониальной зависимости ирригационные системы пришли в катастрофическое состояние, что приводило к засухам и разрушительным наводнениям. Только после того как народы Южной Азии добились независимости, значительные средства стали вкладываться в оросительные сооружения. Но и в наши дни еще не редки сохранившиеся от средневековья ирригационные приспособления в виде водоподъемных колес, приводящихся в действие силой животных или вручную.

Плуг известен в Южной Азии с древнейших времен. Хотя в наши дни получают распространение сельскохозяйственные орудия фабричного изготовления, немалая часть земледельцев продолжает пользоваться, как и тысячелетия назад, традиционными легкими деревянными плугами с железными сошниками. В качестве тягловой силы используются буйволы или зебу. Вспаханная земля обрабатывается своеобразной бороной с упором. Посевы заравниваются бревном-волокушей. Сеют вручную. Жнут серпами, либо срывают колосья руками. Молотят цепами, либо прогоняют по снопам животных. Зерно часто еще мелют на ручных мельницах или толкут в каменных ступах.

В последние десятилетия в государствах Южной Азии проведена большая работа по подъему сельского хозяйства. Постепенно осуществляется его механизация, организуются опытно-показательные станции, где крестьяне знакомятся с новейшими достижениями агротехники, получают сортовые семена и т. п. Устраиваются кооперативные машинно-тракторные станции. Крестьян снабжают минеральными удобрениями. Но современная техника доступна по большей части только зажиточным хозяевам.

Высокого развития достигли у плужных земледельцев еще в глубокой древности разнообразные домашние промыслы и ремесла. Они исключительно многообразны, и многие из них имеют характер художественной кустарной промышленности. С древности в Южной Азии производятся шелковые, хлопчатобумажные, а в некоторых областях и шерстяные ткани, значительная часть которых шла на экспорт. В колониальную эпоху многие ремесла пришли в упадок, но в наши дни они вновь возрождаются, для чего предпринимаются различные меры: устраиваются кооперативы, артели, помогающие кустарям в получении сырья, сбыте готовой продукции. Древние традиции имеют металлургия, обработка железа, литье и чеканка меди и бронзы. Знамениты ювелирное искусство, резьба

Обработка хлопка с помощью дхунки. Индия

по дереву и кости, ковроткачество и многое другое.

Последние десятилетия ознаменовались значительным ростом промышленности в Южной Азии. Развиваются тяжелая металлургия и машиностроение, в чем большую помощь оказывают страны социализма, и прежде всего СССР (в качестве примера можно назвать металлургический комбинат Бхилаи, построенный в Республике Индии при участии СССР). Растет рабочий класс, техническая интеллигенция.

Кроме рассмотренного типа плужного земледелия в Южной Азии бытует его менее развитый подтип, существующий и в наши дни у части «племенного населения»: санталов Бихара, гондов Центральной Индии и др. Они пользуются примитивными оросительными системами и менее совершенными орудиями труда. В их хозяйстве много экстенсивных черт, оно малотоварно. Соответственно и в быту этого населения сохраняется немало архаических черт.

По крайней мере, с рубежей нашей эры, а возможно, и с более раннего времени, на северо-западе Южной Азии, в засушливых полупустынных и пустынных областях сложился хозяйственно-культурный тип кочевых и полукочевых скотоводов. Этот тип хозяйства бытует довольно широко и в наше время среди некоторых групп белуджей и пуштунов, а также и у других народов. Их хозяйство, основанное на разведении мелкого рогатого скота, лошадей, верблюдов и сезонных перекочевках, похоже на распространенное у кочевников Западной Азии и имеет патриархальный облик. Пшеницу, рис и другие виды растительной пищи кочевники получают в обмен на продукты скотоводства. Занимаются они также транспортировкой караванов и некоторыми другими вспомогательными видами хозяйственной деятельности. Как и у прочих скотоводов, хозяйство у пуштунов и белуджей бывает кочевым или полукочевым. Степень подвижности зависит в большинстве случаев от среды обитания и зажиточности хозяйства. При этом каких-либо принципиальных различий между кочевниками и полукочевниками в приемах ведения скотоводческого хозяйства, в племенной организации и специфических многоукладных социально-экономических отношениях нет. Некоторые различия имеются в степени подвижности, в значении земледелия и подсобных видов занятий в хозяйственном комплексе, а также в порядке кочевания. Иногда кочевниками на-

зывают древних ариев в эпоху их переселения в Южную Азию. Это едва ли справедливо, так как у ариев существовали глубокие традиции земледелия, и животноводство лишь на время длительных переселений стало главным видом их занятий. При первой возможности они вновь вернулись к оседлой жизни.

В условиях кочевничества существовала значительная имущественная и социальная дифференциация. Кочевники подчинялись государствам, на землях которых обитали, но часто номинально. Развитые классовые отношения стали у них возникать только после перехода к оседлости и земледелию. Эти процессы широко развертываются в наше время.

Самое широкое распространение в прошлом имел хозяйственно-культурный тип мотыжных земледельцев, не утерявший своего значения и в наши дни. В отличие от рассмотренных хозяйственно-культурных типов для мотыжных земледельцев еще сравнительно недавно были характерны менее развитые социально-экономические отношения: от формирующихся классовых до последних этапов разложения первобытнообщинного строя. В рамках этого хозяйственно-культурного типа особенно много подтипов, связанных как с уровнем развития хозяйства и культуры, так и с локальными особенностями.

Прежде всего могут быть выделены две основные его разновидности: мотыжное земледелие с применением искусственного орошения, и более архаическое хозяйство на выжженных участках леса. Часть племен, занимавшихся подсечно-огневым земледелием, жила еще в прошлом веке в условиях первобытнообщинных отношений.

Мотыжные земледельцы, ведущие ирригационное хозяйство, нередко обрабатывают террасные поля (например, бхотии Непала, часть кхаси Ассама). Зачастую мотыжное земледелие сочетается с плужным. Санталы, гонды, нага возделывают рис, просо, бобовые, овощи. Все большее распространение получают технические культуры. У кхаси, нага и некоторых других племен развито садоводство.

Мотыжное земледелие в подсечно-огневой форме сохраняется и сейчас у некоторых лесных и горных гондов, горных мунда, палайянов и уладанов Южной Индии, горных бхотиев Непала; части нага и кхаси Ассама и др. Но если 100—150 лет тому назад мотыжное земледелие в подсечно-огневой форме велось на огромных площадях, то затем, вследствие законодательного запрещения вырубки и выжега леса, что было связано с охраной окружающей среды, области, где имел распространение этот хозяйственный тип, стали быстро сокращаться.

При подсечно-огневом земледелии в начале сухого сезона расчищали под поля участки леса. После того как деревья и кустарники высыхали, их сжигали. Образовывались минеральные удобрения — зола, сгорали сорняки. Сеяли на таких полях главным образом рис, просо, кукурузу, масличные растения. Нага разводят также ямс и таро.

Известное значение в хозяйстве рассматриваемых народов долгое время сохраняли традиционные присваивающие виды занятий: охота, собирательство и рыболовство, полностью не утратившие своего значения и сейчас. Так, у кхаси до недавнего времени была распространена охота с луком и стрелами. Старинное оружие (луки и стрелы, копья и т. п.) используется еще некоторыми мотыжными земледельцами, обитающими в джунглях. Нередко собирательство ведется в специализированной форме. Каучук, камфара и другие смолы, ценная древесина продаются специальным скупщикам. У горных непальских народов (горные бхотии, кирати) некоторое распространение имело животноводство.

Законодательное запрещение вырубки леса во многих областях Южной Азии привело к большим изменениям в жизни значительной части этих народов. Им пришлось искать себе новые источники существования. При этом некоторые обратились к плужному земледелию, что оказалось нелегким процессом. Многие стали наниматься в качестве батраков, сезонных рабочих и т. п. И только небольшое их число продолжает вести традиционное хозяйство.

В качестве промежуточного, но имевшего в прошлом сравнительно большое распрост-

ранение хозяйственно-культурного типа можно выделить комплексное хозяйство довольно отсталых лесных народов, основывавшееся на примитивном мотыжном земледелии и традиционных присваивающих отраслях: охоте, собирательстве, рыболовстве. В наши дни этот хозяйственно-культурный тип почти исчез.

Также промежуточный характер имеет хозяйственно-культурный тип, связанный с прибрежным рыболовством; обычно это занятие дополняется и другими способами добывания средств существования.

Очень своеобразный, уникальный хозяйственно-культурный тип, основанный на отгонном общинном скотоводстве, бытовал до недавнего прошлого у тода Нильгирийских гор. Они разводили крупный молочный скот, представлявший собой общинную собственность и вели молочное хозяйство. Тода живут оседло, их пастухи отгоняют скот на сезонные пастбища. В обмен на продукты своего хозяйства они получают у соседей растительную пищу и другие необходимые им товары. В настоящее время общинное хозяйство у них разлагается, получают распространение другие виды занятий.

Наконец, наиболее древний и архаический хозяйственно-культурный тип охотников, собирателей и рыболовов, в наши дни почти исчезнувший, некогда был широко распространен в Южной Азии. Народы, принадлежавшие к этому хозяйственно-культурному типу, и небольшие группы, у которых он еще бытует в наши дни, стоят на разных уровнях первобытнообщинного строя. В пределах этого типа могут быть выделены подтипы: от специализированной охоты, собирательства и рыболовства до наиболее отсталого бродячего хозяйства. К последнему подтипу принадлежат мелкие группы населения, обитающие в самых глухих, географически изолированных областях тропического леса. К началу нашего века к числу бродячих охотников, рыболовов и собирателей относились андаманцы, бóльшая часть веддов, часть ченчу и других мелких мунда и дравидоязычных народов. В настоящее время большинство их перешли к оседлости и земледелию, а традиционным занятием остались верны только андаманцы и часть «горных» веддов. Весь год, изо дня в день, они бродят по определенным участкам тропического леса, где собирают все съестное, занимаются рыбной ловлей, охотой на морских черепах и других зверей. Добывание жизненных благ было для этих народов всегда нелегким делом, и часто они страдали от голода. Ведды и андаманцы охотятся луком и стрелами. Особенно своеобразен S-образный андаманский лук. Существует сложный ассортимент стрел для разных видов охоты. При охоте и рыбной ловле андаманцы использовали сухопутный и морской гарпун. Все народы рассматриваемого типа использовали копья, дубинки, умели делать разного рода ловушки. Распространенным видом занятий было добывание меда диких пчел. Металл эти народы не умели добывать и обрабатывать горячим способом. Они пользовались им, получая его путем «немого обмена» (т. е. без непосредственного контакта обменивающихся сторон) или, как андаманцы, снимая железо с кораблей, потерпевших крушение, и обрабатывая его холодным «неолитическим» способом.

Материальная культура. Значительная часть населения Южной Азии живет в сельских местностях. Планировка поселений земледельцев, типы их жилищ очень различны. В Индо-Гангской равнине преобладают поселения уличного плана из нескольких десятков домов. Чаще всего глинобитные, с плоской крышей. На севере Южной Азии встречаются небольшие кирпичные дома из одной-двух комнат с верандой. В южных областях в качестве строительного материала применяются камень и дерево. Своеобразны постройки в пригималайских областях, где обычен прием сооружения домов на столбах или высоких фундаментах. В долине Ганга имеются также кучевые поселения, встречаются каркасные дома. По традиции члены разных каст селятся в различных кварталах, причем самые бедные и неблагоустроенные принадлежат низшим кастам и «неприкасаемым».

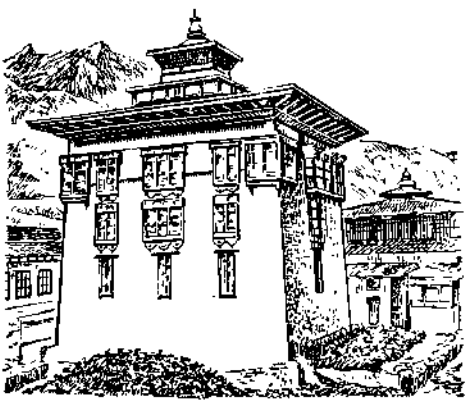
В Пакистане у синдхов распространены крупные поселения, состоящие из небольших усадеб. Дома делаются либо глинобитными, либо каркасными из плетня, обмазанного гли-

ной. Крыши плоские. Усадьбу обносят глинобитной стеной или плетеной изгородью. У зажиточной части населения дома сложены из сырцового кирпича.

В Бенгалии и Бихаре встречаются крупные поселения, в которых живут по нескольку тысяч человек. В Бенгалии часты и хуторские поселения, когда усадьбы разбросаны на значительном расстоянии одна от другой. Постройки каркасные и глинобитные. Чаще всего жилые дома одно- и двухкомнатные. Только зажиточные слои населения имеют дома из нескольких комнат.

Столь же разнообразны поселения и жилища в Южной Индии и на Шри Ланке. Так, у андхра чаще встречаются небольшие, а у тамилов крупные поселения. Дома андхра строят глинобитные или каркасные, тамилы — из кирпича или бамбука. Представители низших каст сооружают хижины из ветвей, крытые пальмовыми листьями. На Шри Ланке встречаются как крупные деревни, так и поселения из отдельных усадеб. Дома строятся чаще всего на платформе и состоят из плетеного каркаса, обмазанного глиной. К одной стороне дома пристраивается веранда. Имущественное неравенство проявляется в размере домов, материале, хозяйственных постройках, внутреннем убранстве.

В крестьянских домах имеются обычно низкие топчаны, покрытые циновками, на которых сидят и спят, низкая резная мебель: табуретки, столики. В городах наряду с национальным интерьером имеются и предметы европейского убранства. Очень велики контрасты в городах Южной Азии. Их центральная часть застроена обычно современными многоэтажными домами, где размещаются крупные магазины, банки, учреждения, живут богачи и интеллигенция. Окраины состоят из грязных кривых улочек и лачуг, где ютится беднота. Много бездомных.



Дом состоятельного бхотии. Бутан

Кочевое и полукочевое население западных областей Южной Азии хотя постепенно и переходит к оседлости, но в значительном большинстве живет еще во временных кочевых поселениях на сезонных кочевьях около источников водоснабжения. Кочевые пуштуны и белуджи живут в палатках из шерстяной ткани или брезента, натянутых на шесты. Посередине шатра находится очаг. На полу, в зависимости от зажиточности, подстилки или ковры. На шестах развешены переметные сумки, вооружение, различные хозяйственные предметы.

Жилища и поселения плужных и мотыжных земледельцев тропических лесов и горных областей очень разнообразны. Например, нага живут по большей части в больших деревнях, разделенных на кварталы и расположенных на холмах или на террасах по склонам гор. Каждая деревня укреплена мощной оградой и представляет собой настоящую крепость. Дома у них, как и у кхаси, сооружаются либо из стволов деревьев на сваях, либо строятся небольшие наземные каркасные жилища. Санталы живут в поселениях, которые состоят обычно из одной улицы, вдоль которой располагаются хижины из бамбука или тростника, обмазанные глиной. Внутреннее убранство домов самое простое. Палайяны, уладаны и другие малые народы Южной Индии живут в небольших поселениях, разбросанных в лесах. Хижины обычно легкие, часто сооружаются на сваях. Для тода были характерны небольшие поселения из своеобразных «ульевидных» домов из ветвей и пальмовых листьев, с навесом, без окон и с узким дверным проемом. У андаманцев бытовали в старину поселения в глубине островов, состоявшие из одного или нескольких боль-

ших домов, в каждом из которых жило по многу десятков или даже более сотни человек, составлявших родовую или локальную группу. Овальный в плане дом состоял из двух рядов опорных столбов, на которых покоилась крыша из пальмовых листьев, спускавшаяся до земли и образовывавшая стены. По периметру шло возвышение, на котором спали обитатели дома, в середине хижины располагался общинный очаг, ближе к выходу танцевальная площадка с «музыкальной доской» (выдолбленным стволом дерева с отверстиями). Около каждого спального места находился отдельный семейный очаг. В более позднее время андаманцы стали сооружать поселения на побережьях из небольших ветровых заслонов, в каждом из которых обитала одна парная семья. При этом планировка поселения, расположение очагов и танцевальной площадки, повторяли устройство старой общинной большой хижины. Многие группы веддов еще в прошлом веке обитали в пещерах. Во время охотничьих экспедиций сооружались ветровые заслоны на земле или ветвях деревьев.

Красочная и своеобразная одежда населения Южной Азии, несмотря на ее разнообразие, может быть сведена к нескольким основным типам. Распространены сшитая и несшитая одежда. Последняя состоит у мужчин из дхоти — длинной или короткой набедренной повязки, штанов, рубахи, куртки. На голове мужчины носят шапочки. Бенгальцы и часть панджабцев — тюрбаны. Ритуал запрещает индуистам носить кожаную обувь, и сейчас еще немалая часть сельского населения ходит босиком. Распространена тряпичная обувь. Женская несшитая одежда — сари — представляет собой длинное полотнище ткани, которое обертывается вокруг талии и ног. Один конец сари перебрасывается через плечо. Иногда им прикрывают и голову. Сари дополняют кофточки, шали. Существуют и сшитые виды одежды. У некоторых народов женский костюм составляют платья, широкие юбки, шаровары. Таков костюм женщин у кочевников. Все женщины носят много украшений: браслеты на руках и ногах, серьги в ушах, носу, кольца на пальцах рук и ног, ожерелья.

Индийская женщина в традиционном костюме. Майсур

Традиционная одежда широко бытует в Южной Азии и в наши дни. Но в городах, особенно у мужчин, принято сочетать предметы национальной и европейской одежды. В городах носят кожаную обувь, пиджаки, шляпы, плащи.

У кочевых скотоводов распространена та же одежда, что и у их соплеменников в Афганистане и Иране.

Еще более традиционны одежда и украшения мотыжных земледельцев и бродячих охотников-собирателей. Одежда по большей части легкая. У наиболее развитых племен, например у санталов, она напоминает общеиндийскую. Мужчины-гонды носят небольшие дхоти и тюрбан. Женщины ходят в сари. Мужчины горных племен нага довольствуются несшитой набедренной повязкой или дхоти и

передником. Женщины обертывают тело куском ткани. На плечи набрасываются накидки или шарфы. Очень пышны праздничные наряды мужчин нага, дополняемые сложными головными уборами. Своеобразна одежда тода, состоящая у мужчин и женщин из рода плаща или тоги, один конец которой перебрасывается через плечо. Ведды носили некогда передники из коры, которые сменили теперь хлопчатобумажные повязки. Женщины обертывают куском ткани бедра до колен, оставляя открытой верхнюю часть тела. Андаманцы ходили до недавнего времени в набедренных повязках, юбочках из травы или обнаженными.

Утварь у населения состоит главным образом из металлической, глиняной, деревянной посуды. В деревнях используются сосуды из высушенной тыквы, бамбука. В качестве посуды применяют «тарелки» из листьев, с которых едят руками.

Пища у большей части населения Южной Азии растительная и молочная. Едят много овощей, фруктов, на побережьях морей и рек рыбу. Мясо в пищу, особенно коровье, индуисты не употребляют. Мусульмане не едят свинину.

Традиционные транспортные средства — тяжелая повозка с упряжкой из волов или зебу, вьюк. В кочевых областях используют под вьюк и под верх верблюдов и лошадей. В джунглях все тяжести транспортируются на спинах носильщиков.

Семья и общественный строй. Семья и семейные отношения различаются в Южной Азии в соответствии с уровнем социально-экономического развития той или иной группы населения, а также принадлежности к индуистской, мусульманской или какой-либо иной религии. У индуистов и мусульман семьи были в прошлом большие, патриархальные. В настоящее время преобладают малые семьи. При этом у мусульман они строятся по нормам духовного права — шариата. Шариат допускает полигамию, но многоженство распространено только среди определенных слоев населения: торговцев, ростовщиков, мелких предпринимателей.

О браках договариваются по традиции родители. При этом до недавнего времени браки допускались только между членами одной касты. Брак вне касты считался позорным. Во многих областях Южной Азии практиковались в прошлом очень ранние браки: обручались в 2—4 года, бракосочетание происходило в 6—8 лет. Сейчас они законодательно запрещены, но явление это полностью не изжито, так же как и кастовые перегородки между вступающими в брак. У многих народов, особенно на севере Индии, традиция запрещает вдове вторично выходить замуж, даже если «муж» умер в самом раннем возрасте. У некоторых народов Индии, например у наиров, в семейно-брачной организации сильны матрилокальные и матрилинейные пережитки. Имя и наследование ведутся по материнской линии. Женщины имеют равные с мужчинами права.

Брачная церемония включает многочисленные обряды и по большей части завершается тем, что жених вешает на шею новобрачной особый медальон (тали). В наши дни в области семейно-брачных отношений у народов Южной Азии происходят очень серьезные изменения: разрушаются кастовые перегородки, брак демократизируется, молодежь завоевывает право вступать в брак по любви. Но выкуп за невесту у мусульман бытует еще прочно.

В семейно-брачных отношениях малых народов («племенного населения») преобладает парная семья и формы семьи, переходные к моногамии. Парные семьи бытуют еще у части санталов, курумба, нага и многих других. У некоторых мелких народов прослеживаются в брачных отношениях черты матрилокальности. Так, у кхаси молодой муж поселяется в доме жены, и дети наследуют имя матери. У гаро существовали материнские роды. Своеобразная форма многомужества в виде братской и неродственной полиандрии бытовала некогда у тода. Эта форма семьи сложилась как следствие разделения труда в специфических условиях жизни.

У наиболее отсталых народов Южной Азии — андаманцев, ведда и некоторых других, семья неустойчивая, парная. Для них характерна система возрастных классов, в связи с которой молодежь проходит возрастные

инициации. При этом юношей посвящают в тайны племени, испытываются их охотничьи навыки, стойкость, мужество. Девушки знакомятся со своими будущими обязанностями.

У большинства крупных народов Южной Азии классовые отношения возникли столетия и тысячелетия тому назад. Вместе с тем своеобразие исторического развития и развития социально-экономических отношений обусловили их бо́льшую многоукладность, самобытность. И в наше время у некоторых народов заметны не только феодальные и патриархальные, но и первобытнообщинные пережитки. У отдельных мелких групп первобытнообщинные отношения находятся только еще в стадии разложения.

Для общественного строя крупных народов Южной Азии долгое время была характерна исключительная живучесть общинных отношений, которые пережили века и разрушаются лишь сейчас под влиянием капиталистических порядков.

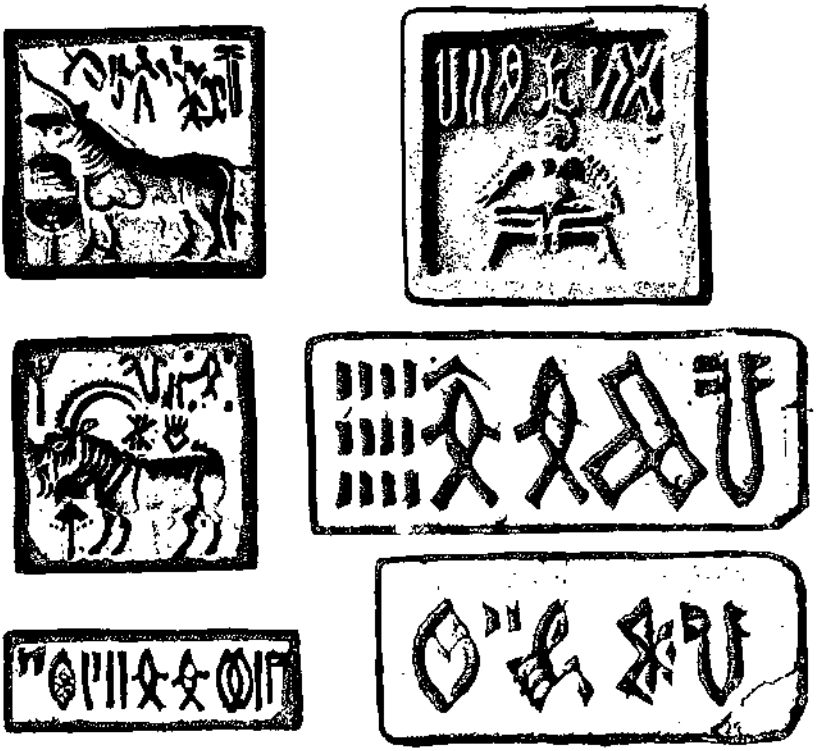
Индийская община имела несколько разновидностей. Она представляла собой замкнутый коллектив с общинным землепользованием и местным самоуправлением. Общину возглавляли наиболее богатые ее члены и жрецы (брахманы). В XVI в. сложилось крупное помещичье землевладение земиндари, укрепившееся в колониальную эпоху. Рост крупного землевладения сочетался с системой откупов земельного налога.

В настоящее время в странах Южной Азии проведена или проводится земельная реформа, подорвавшая основы помещичье-феодального строя и класса помещиков. Однако в ряде стран пережитки феодализма еще сильны и положение крестьянства довольно тяжелое.

Другая особенность общественного строя большой части народов Южной Азии — кастовая система, истоки которой восходят к эпохе разложения общинно-родовых отношений. По происхождению состав каст очень сложен. Часть каст восходит к древним варнам, многие появились вследствие развития в древнем обществе разделения труда. Многие касты имеют этническое происхождение. Наконец, множество профессиональных каст. Кастовая система была освящена религией и на тысячелетия стала основой общественного строя. В древности существовали четыре «классические касты» (варны): брахманы — жрецы, кшатрии — воины, вайшья — земледельцы, шудра — слуги. В состав шудр влилось значительное число местного населения, покоренного некогда ариями. В наше время насчитываются многие тысячи каст (джати). Касты эндогамны. Одни из них считаются низшими, особенно некоторые профессиональные, связанные с «нечистыми» занятиями (например, кожевенники, мусорщики и др.). Кроме того, существуют так называемые «неприкасаемые» и внекастовое население, стоявшие всегда на самой низшей ступени социальной лестницы. По традиции «неприкасаемые» не имеют права селиться вместе с людьми из высших каст, пользоваться их вещами, брать воду из одного колодца. «Неприкасаемые» должны по обычаю выполнять самую тяжелую, грязную, плохо оплачиваемую работу. Угнетенным положением части каст и внекастового населения объясняется успех пропаганды мусульманской религии в Южной Азии. Переходя в ислам, человек до некоторой степени вырывается из кастовой системы. Но и у мусульманского населения Южной Азии существуют определенные кастовые ограничения. В конституции Республики Индии и некоторых других стран кастовая сегрегация запрещена. Но в действительности кастовая система еще сильна, и прогрессивным силам приходится вести тяжелую борьбу с бытовыми кастовыми предрассудками.

В наши дни для большинства крупных народов Южной Азии характерны капиталистические отношения, но в деревнях живы еще многие феодальные и патриархальные пережитки, тормозящие развитие этих народов.

У части мотыжных земледельцев, особенно занимающихся подсечно-огневым земледельческим хозяйством, долгое время сохранялись сильные родовые пережитки, как, например, у кхаси, нага и др. Но в наше время родовые отношения в чистом виде уже не встречаются. Что касается наиболее отсталого в социально-экономическом отношении населения — бродячих охотников, собирателей, ры-



Печати и надписи памятников древнейших цивилизаций долины Инда

боловов, то для их общественных отношений, как и для ряда схожих по уровню развития народов Юго-Восточной Азии, характерно отсутствие родовой организации и в прошлом. Общественная организация у веддов, андаманцев и ряда мелких групп населения Центральной и Южной Индии представляет собой локальные группы, объединяющиеся в аморфные, мало консолидированные племена.

Духовная культура. Духовная культура народов Южной Азии имеет многовековые традиции, обогащающиеся новыми достижениями. До наших дней в народе распространены древние эпические произведения Махабхарата, Рамайяна и др. Их читают, декламируют, поют. На их темы ставят театральные представления. Популярна форма театрального представления катакали, основанная на давних народных традициях. Бытует кукольный театр. Каждый праздник сопровождают песни и танцы. Популярны в народе представления фокусников.

Многообразна музыка народов Азии. Различны музыкальные инструменты, из них наиболее популярны щипковые (вина), смычковые, барабаны.

Высокого развития достигли в Южной Азии изобразительное искусство и архитектура. Знаменит архитектурный комплекс средневековой Агры, куда входит всемирно известный мавзолей эпохи Великих Моголов — Тадж-Махал. Поражают своей красотой храмы Бенареса и другие памятники. С древности существует традиция живописи. Знамениты настенные росписи пещерных храмов Аджанты. Развиты резьба по дереву, миниатюра, которые сочетают в себе высокое профессиональное мастерство и народность мотивов.

Далеко за пределами Южной Азии славится ее народная медицина, основанная на природных лекарственных средствах и воздействии на психику человека. Широко известно учение йоги.

В колониальную эпоху образование, наука, искусство пришли в значительный упадок. Наследием того времени являются миллионы неграмотных. Упорным трудом это отставание постепенно преодолевается.

В Южной Азии распространены различные религиозные верования. Наибольшее число последователей имеют индуизм, ислам и буддизм. Отдельные группы населения исповедуют джайнизм, сикхизм и христианство. Имеется небольшое число последователей разновидности маздеизма (парсы). Индуизм своими корнями восходит к религиям древних ариев и местных племен. Индуизм — политеистическая религия. Из божеств в наше время наиболее почитаются Вишна и Шива. При этом в каждой деревне наряду с главным почитается и местное божество. Некоторое значение в верованиях имеет культ предков.

Буддизм возник в Северной Индии примерно в VI—V вв. до н. э. Его появление было связано с ответной реакцией на брахманизм, на жесткую и широко разветвленную систему каст. Буддизм признает всех равными. Но наряду с этим он проповедует пассивное отношение к жизни и несправедливости. В настоящее время он распространен главным образом в Непале, Бутане и Шри Ланке. Несколько миллионов буддистов имеется в Индии.

Джайнизм возник примерно в то же время, что и буддизм. Как и буддизм, джайнизм не признает кастовой системы и призывает к непротивлению злу и самосовершенствованию.

В XVI—XVII вв. сложилась религия сикхов. Наряду с элементами индуизма сикхизм содержит также черты ислама и других религий. Сикхи поклоняются единому богу, не признают каст, монашества, изображений божеств. Распространена эта религия главным образом в Пенджабе.

Племенные религии в Южной Азии очень разнообразны, причем на верования многих народов известный отпечаток наложил индуизм. Малые народы Южной Азии поклоняются стихийным силам — ветру, грозе, воде, и т. п. По религиозным представлениям мир населен добрыми и злыми духами. Встречаются пережитки тотемизма. Бытует вера в души и их переселение. Повсеместно распространен культ предков.

В настоящее время происходит довольно интенсивный процесс перехода от племенных верований к индуизму, исламу, христианству и другим религиям.

Народы Юго-Восточной Азии

В состав Юго-Восточной Азии входят полуостров Индокитай с Малаккой и Сингапуром, Индонезийский (или Малайский) архипелаг, Ириан-Джая (западная часть острова Новая Гвинея), Филиппинские острова. Общая площадь рассматриваемого региона составляет примерно 4 млн. кв. км, население насчитывает более 324 млн. человек. Юго-Восточная Азия состоит из материковой и островной частей, которые лежат во влажном тропическом поясе. Рельеф Юго-Восточной Азии сильно пересечен, в горах климат прохладный, иногда засушливый. За исключением нескольких больших рек — Меконга, Менама, Иравади, Салуэна — прочие реки значительно менее протяженны и полноводны. На Малакке и на островах много обширных заболоченных участков. В древности почти вся территория Юго-Восточной Азии была покрыта густыми тропическими лесами. И в наши дни они занимают большие площади. Но постепенно леса сокращаются вследствие специфической формы подсечно-огневого земледелия и вырубки ценных пород деревьев. Юго-Восточная Азия располагает значительными запасами полезных ископаемых. Богат ее животный и растительный мир.

Этническая история. Как уже отмечалось, некоторые области Юго-Восточной Азии входили в ареал, где происходили ранние процессы антропогенеза, о чем свидетельствуют находки питекантропа на Яве. Археологические данные указывают на наличие в Юго-Восточной Азии развитых культур каменного века и палеометаллической эпохи. В глубокой

древности Юго-Восточная Азия соединяла Азиатский континент с Австралией и представляла собой мост, по которому в позднем палеолите шло заселение Австралии. Предполагают, что из Юго-Восточной Азии пришел один из потоков переселенцев в Океанию.

Этнический состав многих областей Юго-Восточной Азии сильно отличался в древности от современного. До конца III тысячелетия до н. э. население Малайского архипелага, Малакки и Филиппин относилось по антропологическому признаку к австралоидной (или веддо-австралоидной) расе. Австралоидная раса была представлена разными типами, и в частности малорослыми пигмейскими группами негрито, меланезийскими и папуасскими типами. И в наши дни древние антропологические черты сохраняются у аэта Филиппин, семангов Малакки, обитателей севера о-ва Хальмахеры, у большей части обитателей Ириан-Джая. Веддо-австралоидные черты характерны для современного населения некоторых внутренних частей островов Индонезии: кубу Суматры, тоала Сулавеси и др.

В первой половине II тысячелетия до н. э. в рассматриваемые области началось проникновение южных монголоидов, по языку австронезийцев (австронезийская, или малайско-полинезийская семья), переселявшихся с континента. Миграции южных монголоидов растянулись на длительное время, до начала нашей эры. Следствием этих длительных процессов было сложение различных расовых и этнических групп и постепенная победа в большинстве областей австронезийских языков. Потомками ранних переселенцев-австронезийцев (протоиндонезийская волна) были батаки, ниасцы, ментавейцы и многие другие народы, монголоидные по основным антропологическим признакам, но с некоторой примесью черт, полученных от смешения с древним автохтонным населением. Более поздние волны переселенцев-монголоидов этой примеси не имеют (например, минангкабау, яванцы, малайцы — жители побережий Малакки и островов, тагалы Филиппин и др.). Около середины I тысячелетия н. э. стала формироваться сложная этническая общность, получившая наименование малайцев, представители которой широко расселены в Индонезии и на Малакке. Обитают они главным образом на побережьях.

В начале нашей эры произошло переселение на Яву и Суматру некоторого числа выходцев из Южной Азии и как следствие этого — распространение европеоидных черт среди отдельных этнических групп, новых религий (брахманизм, индуизм, буддизм) и многих культурных навыков. Возникли первые государства. С XI—XII вв. в Индонезию и на Малакку начинает проникать ислам, постепенно завоевывавший все большее число приверженцев и вытеснивший в конце концов почти все прочие религии.

В XVI в. началась эпоха колониальных захватов, которая завершилась установлением на большей части островов Индонезийского архипелага голландского, на Восточном Тиморе португальского, на Малакке и севере Калимантана английского владычества. Только в ходе длительной национально-освободительной борьбы в 1945 г. добилась независимости Индонезия. В 1963 г. образовалось государство Малайзия, в которое вошли территория Малакки и две бывшие английские колонии на севере Калимантана. Получил независимость Сингапур.

Филиппины, так же как Индонезия, были заселены австронезийцами, частично смешавшимися с древним местным населением. В XVI в. Филиппины были колонизованы Испанией. Вследствие длительных и сложных культурных и этнических процессов там сложились три группы населения: равнинные жители, наиболее развитые в социально-экономическом и культурном отношениях, христиане по религиозной принадлежности; обитатели южных островов, до недавнего времени сохранявшие отсталое феодальное устройство, исповедующие ислам; горные племена, стоящие по большей части на разных уровнях разложения первобытнообщинных отношений, исповедующие первобытные племенные религии.

В 1946 г. Филиппины добились политической независимости. В настоящее время наиболее крупные этнические процессы развиваются в центральных областях Филиппин, где

идет сближение ряда этнических общностей при ведущей роли тагалов.

По-разному развивались этнические процессы в странах Индокитайского полуострова. Древнейшим населением Бирмы были народы, относившиеся по антропологическому признаку к веддо-австралоидам. В той или иной степени они составляли древнейший пласт населения всего рассматриваемого региона. Некоторые веддоидные и австралоидные черты проявляются и в современном облике многих народов Бирмы. Монголоиды начали переселяться в Бирму еще за три тысячи лет до н. э., причем двигались они несколькими волнами. В конце I тысячелетия до н. э. по долине р. Иравади с севера на юг продвигались предки мьянма (собственно бирманцев). На рубеже II и I тысячелетий до н. э. в Бирму приходят предки тайских народов. В первых веках нашей эры в Бирме возникает первое государство собственно бирманцев. Позднее других, начиная с XIII в., в Бирму проникают качины, которые тоже, как и некоторые другие этнические группы, основывают государство. В середине XIX в. Бирма становится объектом колониального захвата Великобритании. И только после длительной национально-освободительной борьбы народы Бирмы добились в 1948 г. независимости.

Древнейшим населением Таиланда были скорее всего народы, говорившие на монкхмерских языках. Еще до начала нашей эры в Таиланд начали переселяться народы тайской (сиамцы, лао) и других языковых групп, в значительной мере ассимилировавшие прежнее население. В этническом отношении наиболее консолидированы таи (сиамцы) Центрального Таиланда, оказывающие значительное влияние на многие другие этнические группы страны, особенно родственные им по языку. Вместе с тем в Таиланде имеются многие национальные группы, сохраняющие этническую и культурную обособленность. Таиланд был единственной страной Индокитайского полуострова, избежавшей прямой колониальной зависимости. Однако империалистические страны оказали и там неблагоприятное воздействие на культурное и этническое развитие народов Таиланда.

Каким было древнейшее население Лаоса, наукой еще не установлено. Известно, что во второй половине I тысячелетия до н. э. на его территорию начали продвигаться предки народов лао и горных таи. Процессы этнических миграций растянулись на длительное время. К XII в. относится сложение в Лаосе государства. Самая крупная этническая группа страны — лао консолидировалась к XIV в. в борьбе с кхмерами за независимость и создала свое первое, относительно централизованное феодальное государство. В XIX в. в пределы Лаоса переселились группы мяо-яо, и некоторое число населения, говорившего на языках тибето-бирманской ветви. В конце XIX в. Лаос, несмотря на ожесточенное сопротивление населявших его народов, попал в колониальную зависимость от Франции, что сильно задержало социально-экономическое и культурное развитие страны. В 1945 г., вследствие упорной национально-освободительной борьбы, была признана политическая независимость и целостность Лаоса. Еще в ходе антиимпериалистической борьбы развернулись процессы этнического и культурного сближения народов Лаоса. В настоящее время эти процессы развиваются в еще больших масштабах.

Древнейшая этническая история Вьетнама изучена еще недостаточно. По некоторым данным можно заключить, что в позднем палеолите на его севере обитали группы населения южномонголоидного типа. Но это предположение еще недостаточно подтверждено фактическими данными. Бóльшая часть территории Вьетнама, как и весь восток полуострова Индокитая, был заселен в глубокой древности веддо-австралоидами, которые постепенно вытеснялись южными монголоидами. Существует предположение, что в зоне контактов монголоидов и австралоидов шло формирование австроазиатских языков. Предки вьетов, основного населения современного Вьетнама, пришли в него из более северных областей еще в I тысячелетии до н. э. К середине I в. н. э. в ходе ожесточенной борьбы с китайскими завоевателями упрочилось этническое самосознание вьетов. Китай безуспешно пытался покорить Вьетнам и при этом мно-

го заимствовал у него в культурном отношении. Предполагают, что из Вьетнама пришли в Китай культуры апельсинов, мандаринов и других растений, а также многие производственные навыки и секреты ремесла. В X в. у вьетов складывается централизованное феодальное государство. Во второй половине XIX в. Вьетнам, как и другие страны восточной части Индокитайского полуострова, оказался объектом колониальной экспансии Франции. Сразу, вслед за установлением во Вьетнаме колониального режима, развернулась широкая национально-освободительная борьба народов Вьетнама, завершившаяся в ходе августовской революции 1945 г. провозглашением Демократической Республики Вьетнам. Однако еще долгие годы прошли в борьбе против империализма, пока не произошло объединение всей страны в рамках Социалистической Республики Вьетнам.

Начало сложения кхмерской народности в Кампучии относят обычно к середине I тысячелетия н. э. В конце этого тысячелетия возникает первое кхмерское государство. В середине XIX в. Кампучия попадает в колониальную зависимость от Франции. В это же время усиливаются тенденции национальной консолидации кхмеров. В 1945 г. кхмерский народ добился национальной независимости.

Страны, народы, языки. На полуострове Индокитай расположены Социалистическая Республика Бирманский Союз (32,57 млн. человек), Королевство Таиланд (46 млн.), Лаосская Народно-Демократическая Республика (3,7 млн.), Социалистическая Республика Вьетнам (св. 53 млн.), Народная Республика Кампучия (4,5 млн.). Большую часть Малаккского п-ва и север о. Калимантан занимает Федерация Малайзия (13,5 млн.). На Калимантане расположено также небольшое владение Султанат Бруней (200 тыс.), находящееся под протекторатом Великобритании, а на Малакке — Республика Сингапур (2,4 млн.). На огромных пространствах Зондских и Молуккских островов и на Ириан-Джая (Западный Ириан) раскинулась Республика Индонезия (св. 148 млн.). На востоке о. Тимор находится область Восточный Тимор (0,7 млн.), бывшая португальская колония, еще не определившая своего политического статуса. Наконец, на Филиппинском архипелаге располагается Республика Филиппины (около 45 млн. человек).

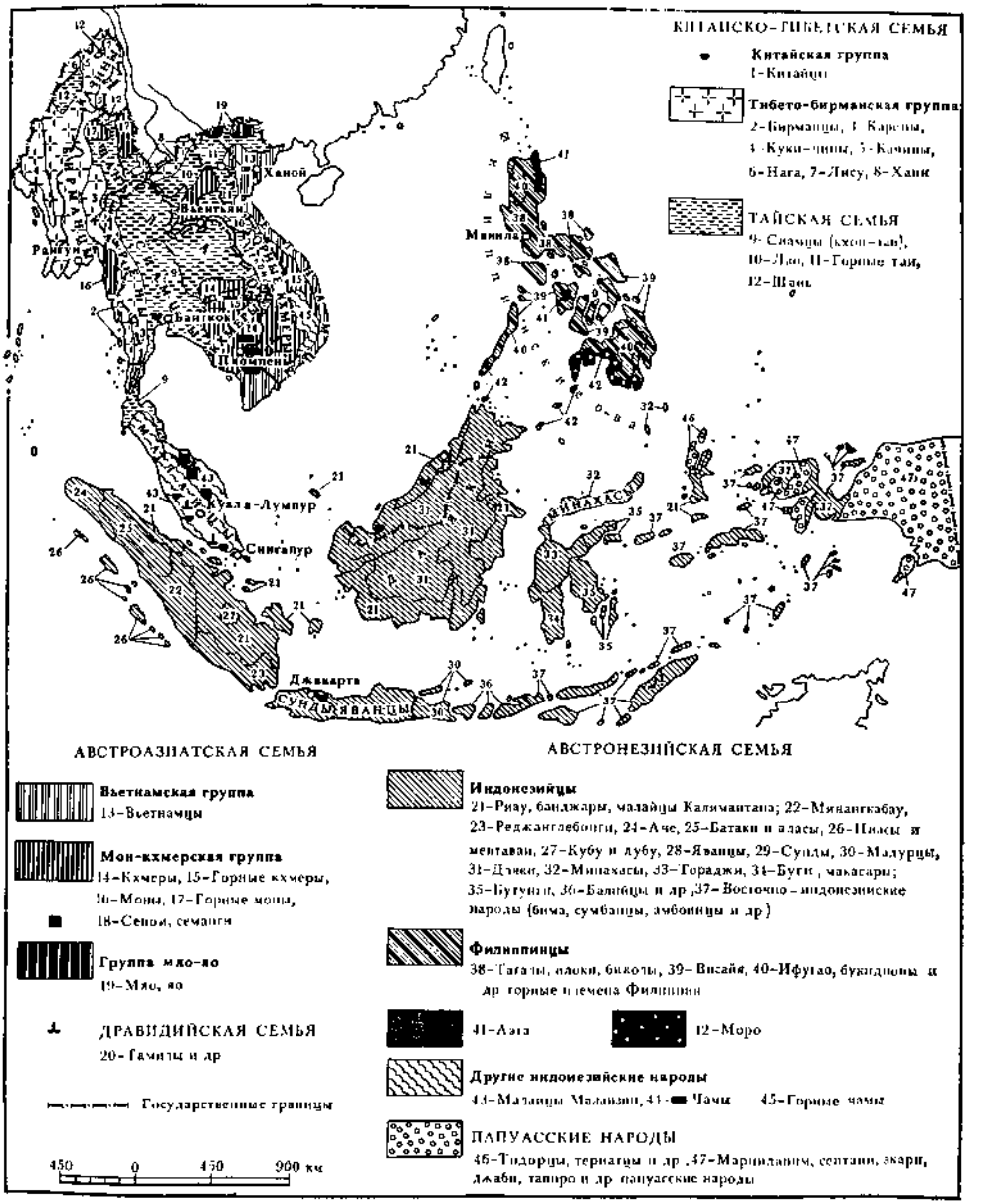
Обширную область Юго-Восточной Азии населяет множество народов, общее количество этнических групп которых точно не установлено. Буржуазные ученые нередко преувеличивают их число, выделяя в качестве самостоятельных народов этнографические группы, этнически близкие между собой или различающиеся только по названию. Как показывают исследования советских ученых, в действительности в Юго-Восточной Азии самостоятельных этнических общностей значительно меньше, чем указывается в зарубежной литературе. Тем не менее их число довольно велико.

Этнические общности в Юго-Восточной Азии находятся на различных уровнях развития: от социалистических и капиталистических наций до народностей и племенных групп. Во многих странах продолжаются интенсивные процессы этнической консолидации наций и народностей и складывания новых этнических общностей.

Народы Юго-Восточной Азии говорят на языках сино-тибетской семьи (включает китайскую и тибето-бирманскую группы); тайской семьи; австроазиатской и австронезийской семей и некоторых других языках, чья принадлежность к определенным семьям еще не установлена.

По странам Юго-Восточной Азии народы и языки распределены следующим образом. В Бирме обитает несколько десятков народов, число которых определяется от 25 до 50. На языках бирманской ветви говорят собственно бирманцы, составляющие $^2/_3$ населения страны, карены, кая, качины, нага. На языках ветви тай говорят шаны. К числу народов австроазиатской языковой семьи относятся моны, палауны, ва и др.

В Таиланде на языках тайской семьи говорят сиамцы (кхонтаи), лао, шаны, лы, кюн, фуан и др. Австроазиатская семья представлена монской ветвью — языками монов, лава, и кхмерской ветвью — языками куи, чонг, калонг, сеноев, семангов. На языках австронезийской семьи говорят малайцы, тямы и др.



Народы Юго-Восточной Азии

На языках китайской ветви говорят китайцы; тибето-бирманской — тибетцы, бирманцы, карены, лису. Кроме того, в Таиланде обитают выходцы из Южной Азии, Европы и Америки, которые говорят на своих языках.

В Лаосе проживает более 30 этнических групп. К группе лао-тхай таиской ветви относятся языки народа лао, составляющего более 60% населения республики, тхай, лы и др. Австроазиатская семья представлена языками многих народов: кхму, ламет, тхай-фон и др. Обитают в Лаосе также представители языковой группы мяо-яо, относящейся к австроазиатской языковой семье. Имеются группы населения, говорящие на китайском и вьетнамском языках.

Многообразен языковый и национальный состав Вьетнама. Примерно $^3/_5$ его населения говорит на вьетском (вьетнамском) языке. Существует мнение, что вьетский язык представляет собой самостоятельную ветвь австроазиатской семьи. Но окончательно это еще не доказано. Близки к вьетам мыонги. Многие малочисленные группы Вьетнама говорят на мон-кхмерских языках: кхмеры, десятки этнографических групп горных кхмеров и др. Во Вьетнаме проживает значительное число китайцев, а также представители тайской семьи: таи, горные таи и др. Тхай и ряд этнографических групп говорят на языках ветви тхай. Кроме того, имеется население, которое говорит на языках мяо-яо и языках тибето-бирманской ветви: уни, коте, орула и др. Относительно многочисленны во Вьетнаме представители австронезийской семьи: тямы, горные индонезийцы и др. Кроме того, во Вьетнаме имеются этнические группы, языки которых еще не изучены: кхунунг, хазянг и др.

Население Кампучии более однородно по этническому составу, чем в других странах Индокитайского полуострова. Бóльшую часть его составляют кхмеры, говорящие на кхмерском языке мон-кхмерской группы. К этой же группе относятся языки горных кхмеров. В стране также живет небольшое число вьетнамцев, малайцев, тямов, лао, индийцев и несколько мелких этнографических групп.

В Сингапуре большая часть населения состоит из китайцев. Несколько меньше там малайцев, имеется и некоторое число выходцев из Южной Азии, которые говорят на своих языках.

Население Малайзии состоит главным образом из народов, говорящих на малайских (индонезийских) языках. Наиболее многочисленны среди них разные группы малайцев. К той же ветви относится часть так называемых «аборигенных» языков джакунов и даяков Северного Калимантана. В Малайзии довольно много китайцев и индийцев. Кроме того, там обитают немногочисленные племена семангов и сеноев, языки которых относятся к малаккской группе и также причисляются к «аборигенным» языкам.

Население Индонезии — преимущественно индонезийцы, которые составляют подавляющую часть населения республики и говорят на языках малайской (индонезийской) ветви малайско-полинезийской семьи языков. Однако эти народы не образуют единого этнического целого, а распадаются на ряд родственных по языку народов. Существует общегосударственный язык бахаса индонесиа, однако им владеет еще не все население. Самый крупный из индонезийских народов — яванцы. Близки к ним сунда Западной Явы и мадурцы, живущие на востоке Явы и на острове Мадура. На Яве обитают также мелкие горные племена — тенггеры и др.

На островах Нуса Тенггара (Малых Зондских), прилегающих к Яве с востока, живут балийцы, ломбокцы, сумбаванцы.

Многонационален состав Суматры. Наряду с многочисленными народами минангкабау, батаками, аче, лампонгцами там обитают и небольшие племена кубу, сакаи и др. На соседних с Суматрой островах обитают миасы, ментавеи и др.

Побережья Калимантана заселены выходцами с других островов Индонезии, банджарами и китайцами. Во внутренних областях живут племена разного происхождения, называемые собирательным именем даяков.

Также сложна этническая картина Сулавеси. В его прибрежных областях расселены большие народы: буги, макассары, минахасы, а во внутренних — немногочисленные тораджи, племена тоала и др.

Часть коренного населения островов Молуку — жители островов Амбон, Банде и др. — была истреблена или вывезена в качестве рабов в колониальную эпоху. Большую часть современного населения Восточной Индонезии составляют выходцы из западных областей Индонезийского архипелага.

Помимо населения, говорящего на австронезийских языках, в Индонезии имеются группы населения, принадлежащие по языковому признаку к папуасским и меланезийским языкам. Они расселены на севере Хальмахеры и на Западном Ириане. На побережьях Западного Ириана поселилось в последние столетия значительное число выходцев из Западной и Восточной Индонезии.

На многих островах Индонезии, особенно в городах, проживает значительное число китайцев — торговцев и ростовщиков.

На индонезийских языках говорит основное население Султаната Брунея и Восточного Тимора.

Подавляющая часть населения Филиппин говорит на австронезийских языках. Наиболее многочисленны равнинные народы, а среди них тагалы, обитающие на островах Лусон, Мариндуке, Полилью и др. На языках этой же группы говорят висайя, илоки (илоканы), биколы и др. К группе горных народов, говорящих на австронезийских языках, относятся ифугао Лусона, калинга, бонтоки, аэта и многие другие мелкие этнические группы. На языках той же ветви говорят обитатели южных островов Филиппин: магинданао, ланао (маранао), яканы, сулу-самаль. На Филиппинах обитает также несколько сот тысяч китайцев. Имеется небольшое число арабов, малайцев, выходцев из Индонезии, Европы, Америки.

Хозяйство. В Юго-Восточной Азии распространены самые разнообразные виды хозяйственной деятельности, существует большое многообразие хозяйственно-культурных типов — от очень примитивных до высокоразвитых.

До наших дней в трудно доступных тропических лесах еще встречаются небольшие группы населения, добывающие средства к существованию бродячей охотой и собирательством.

Более распространен хозяйственно-культурный тип мотыжных земледельцев, обрабатывающих поля на выжженных участках леса (подсечно-огневой тип земледелия) без применения искусственного орошения, а также на примитивно орошаемых полях.

На острове Мадура часть населения занята животноводством.

На берегах морей и озер живут рыболовы. Впрочем, рыболовство сочетается обычно с другими видами хозяйственной деятельности.

Главным видом занятий подавляющего большинства обитателей Юго-Восточной Азии является плужное земледелие, в первую очередь рисосеяние на заливных равнинных или террасных полях.

Все большее число населения Юго-Восточной Азии трудится в промышленности и других современных отраслях хозяйства.

Перечисленные хозяйственно-культурные типы далеко не исчерпывают всего разнообразия форм хозяйственной деятельности населения рассматриваемого региона. Существует много промежуточных хозяйственных подтипов. Например, подтипы охотников-собирателей — мотыжных земледельцев; мотыжных земледельцев — рыболовов; мотыжных земледельцев — специализированных собирателей даров тропического леса (смо́лы, каучук, ценная древесина и др.), предназначаемых для продажи; плужных земледельцев, занимающихся также отходничеством, и многие другие подтипы.

Основные тенденции в современном развитии хозяйства народов Юго-Восточной Азии состоят в расширении орошаемого плужного земледелия, росте промышленности и сферы обслуживания.

Рассмотрим в отдельности основные хозяйственно-культурные типы в Юго-Восточной Азии, начиная с самых древних.

Еще в конце прошлого и начале нашего столетия в болотистых и гористых местностях многих островов и на п-ве Малакке встречалось довольно много групп бродячих охотников и собирателей. Кое-где они сохранились и до наших дней, но постепенно и они пере-

ходят к оседлости и земледелию. Бродячей охотой и собирательством занимались на Малакке семанги, некогда и сенои, на Суматре кубу и часть сакая, на Яве тенггеры, на Калимантане пунаны и букиты, на Сулавеси тоала, на Филиппинах аэта и некоторые другие мелкие племенные группы. Добывание средств существования было связано для них с большими трудностями, так как тропические леса не богаты съедобными растениями и мелкими и средними животными, доступными слабому вооружению бродячих охотников. На крупных животных охотились изредка с помощью ловчих ям-западней. Ели также мясо животных, убитых крупными хищниками. Из-за недостатка добычи в пищу употребляли все мало-мальски съедобное. И тем не менее во многие сезоны года обитатели тропических лесов жестоко голодали и были вынуждены довольствоваться малосъедобной пищей в виде орехов горького миндаля и т. п. Крайне экстенсивное присваивающее хозяйство, скудость пищевых ресурсов требовали для охоты и собирательства обширных лесных угодий. Группы охотников и собирателей не могли долго кормиться на одном участке и были поэтому вынуждены все время передвигаться с места на место. Почти весь день они проводили в движении и останавливались только для короткого отдыха и на ночлег. Локальные группы распределяли между собой лесные угодья с таким расчетом, чтобы их пути не пересекались. Каждая группа двигалась по своим «владениям» концентрическими кругами, возвращаясь на пройденное место только через несколько месяцев, когда там естественным путем восстанавливались пищевые ресурсы. Хозяйственная деятельность этих народов включала помимо охоты и собирательства некоторые виды домашних производств: изготовление оружия, украшений, циновок и некоторых видов утвари из дерева, камня, кости, раковин, луба (материала из обработанной коры дерева). Металлургическое производство и изготовление керамики им не известно. При этом металлические предметы, главным образом наконечники копий, украшения, встречались у охотников и собирателей еще в прошлом веке. Но получали они их от соседей в готовом виде, и в лучшем случае металлические заготовки обрабатывались «неолитическим» способом — проковкой в холодном виде. Обмен, вследствие изолированности рассеянных по тропическому лесу локальных групп охотников и собирателей, имел ограниченное распространение. Часто он велся в так называемой «немой» форме. При «немом» обмене стороны не вступали в непосредственное общение, а каждая группа оставляла предметы, предназначенные для обмена, в определенном, обусловленном традицией месте, где их по очереди брали представители каждой из сторон.

В наше время бродячие охотники и собиратели все чаще начинают заниматься простейшим мотыжным земледелием, обрабатывая время от времени небольшие участки земли под посевы главным образом клубневых растений. Постепенно земледелие начинает занимать все большее место в их хозяйственной деятельности. Этот процесс стимулируется правительствами стран Юго-Восточной Азии, предоставляющими бывшим охотникам и собирателям помощь при переходе к новым видам занятий. Однако этот процесс встречается с определенными трудностями, вследствие чего рассматриваемый хозяйственно-культурный тип полностью еще не изжит.

Большое число населения Юго-Восточной Азии принадлежит к хозяйственно-культурному типу мотыжных земледельцев. Мотыжное земледелие ведется обычно в подсечно-огневой форме, примерно тем же образом, что и в Южной Азии. После завершения сезона дождей мужчины рубят лес и кустарник на участках, предназначенных для полей. При этом племенные группы, располагающие более совершенными навыками труда и орудиями, корчуют лес или срубают его под корень. Но во многих местностях лес не только не корчуется, но и не срубается под корень, так как деревья у основания слишком толстые и срубить примитивными топорами их трудно. В таких случаях дерево рубится на некотором расстоянии от земли, где оно тоньше. В течение сухого сезона срубленный лес и кустарник высыхают, после чего их сжигают. Выжег леса не только освобождает землю для по-

лей, но и снабжает почву минеральными удобрениями (золой) и, что очень существенно, уничтожает сорные травы — страшный бич тропического земледелия. Естественно, что поля, где лес срублен не полностью, дают плохой урожай. На выжженных и удобренных золой полях палками или мотыгами выкапывают ямки, в которые сажают семена риса, кукурузы, клубни. Эту часть работы выполняют по большей части женщины. В зависимости от традиции и хозяйственных навыков семена либо закапываются в ямках, либо, как это нередко встречалось, например, у даяков Калимантана и других племен, оставляются в ямках незасыпанными. В этом случае часть семян расклевывается птицами, уносится ветром и дождевой водой, что пагубно сказывается на урожае. Далеко не все мотыжные земледельцы ухаживают за посевами. Они зарастают сорняками, что еще ухудшает урожай. Вследствие этого во многих областях, несмотря на сравнительно большие земельные площади, обрабатываемые под посевы, урожаи бывают скудные, что приводит к голодовкам и заставляет изыскивать дополнительные средства существования. Занимаются охотой, рыболовством и собирательством. При этом собирают не только съедобные растения и мелких животных, но и дары леса: камфару, различные смолы, каучук, ротан (побеги гибкой пальмы, используемые для плетения). Промысловое значение имеет также ловля змей. Их кожу, а также смолы и прочее, собранное в лесу, продают скупщикам. Змеиная кожа дает большой доход, но уничтожение большого количества змей подрывает земледелие, так как массами начинают плодиться грызуны — вредители полей.

Вследствие того что выжженные участки леса быстро зарастают сорняками, их можно использовать под поля не более двух-трех лет, потом они забрасываются и расчищаются новые участки. Поэтому поля постепенно удаляются от поселения, и в конце концов его приходится оставлять и основывать новое.

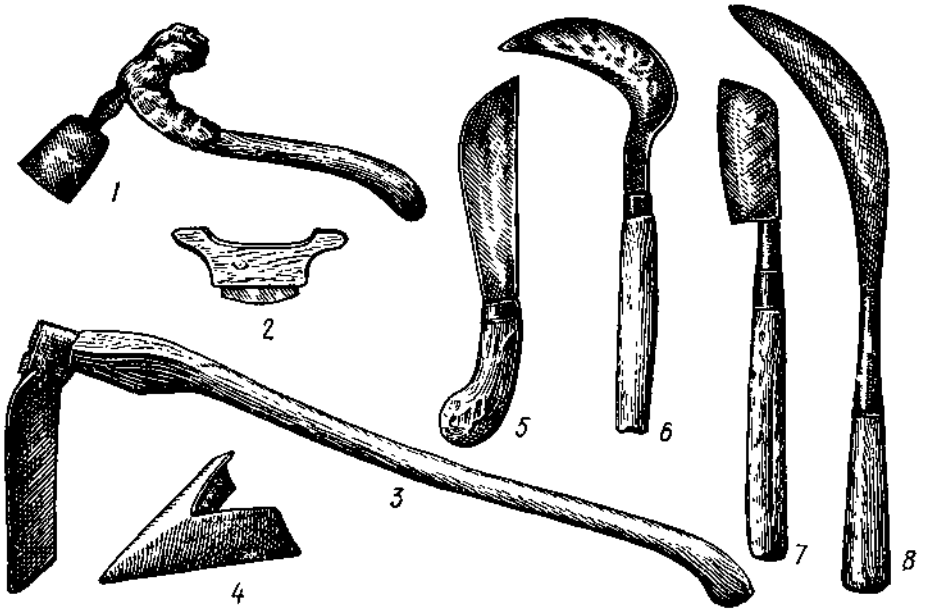
У большей части мотыжных земледельцев широкое распространение получили различные домашние производства. Многие их изделия представляют собой настоящие произведения искусства. Постепенно из домашних производств развиваются ремесла. Существует отходничество. Важное значение для хозяйства имеют обмен и торговля.

Рассматриваемый хозяйственно-культурный тип имел в прошлом очень большое распространение в Юго-Восточной Азии. И в наше время мотыжным земледелием занимаются многие народы: часть горных монов и кхмеров, горные таи, часть нага п-ва Индокитай; большинство даяков в Индонезии и Малайзии; часть тораджей, небольшие группы горных батаков, папуасы и меланезийцы Западного Ириана в Индонезии; ифугао на Филиппинах и др.

Основное занятие подавляющего большинства населения Юго-Восточной Азии составляет плужное земледелие. Благоприятные природные условия — плодородная почва, влажный и жаркий климат — позволяют вести интенсивное хозяйство и получать во многих местах по два урожая в год. Главная продовольственная культура в рассматриваемом регионе — рис. Выращиваются также бобовые, кукуруза, клубневые растения, садово-огородные. Большие площади заняты под технические культуры. Культивируются каучуконосы, кофейное дерево, кокосовая пальма и множество других растений.

Земледелие ведется большей частью в поливной и заливной формах на равнинах и на террасных полях по склонам гор. Вода из источника на вершине холма используется сначала для орошения верхних, а затем нижних террас. Только в отдельных горных местностях плужное земледелие ведется в неполивной форме. Там сеют суходольный рис и кукурузу.

Основные земледельческие орудия сходны у разных народов Юго-Восточной Азии. Это легкий плуг без отвала или плуг с отвалом; «вертикальная» борона с косо поставленными длинными зубьями и упором в виде рамы. В качестве тягловой силы используются главным образом буйволы. Снимают урожай серпами и ножами. Обмолачивают зерно разными способами: укладывают снопы на циновки и оббивают их палками; прогоняют по снопам животных; обмолачивают колосья в ступе.



Сельскохозяйственные орудия яванцев:
1 — топорик; 2 — жатвенный нож ани-ани; 3 — мотыга пачол; 4 — металлический наконечник сошника; 5, 7 — ножи-резаки; 6, 8 — серповидные ножи для срезания травы

Земледельцы разводят по большей части молочный и рабочий скот, во многих странах Индокитая — также свиней. Повсеместно держат птицу.

Во Вьетнаме главными продовольственными культурами, как и во всей Юго-Восточной Азии, являются рис, кукуруза. Возделывается много клубневых растений. Из плантационных наиболее распространены каучуконосы, чай, хлопок. Выращивают разнообразные масличные культуры.

Основа земледелия в Лаосе — выращивание розового клейкого риса для собственного потребления и белого на экспорт, а также овощей, фруктов. Часть населения Лаоса занимается животноводством. Разводят крупный и мелкий рогатый скот. Большое значение в хозяйстве имеет рыболовство.

В самой плодородной части Таиланда, в долине реки Менам, ведется товарное рисовое хозяйство. На юге много земель занято под плантации каучуконосов. Довольно значительны посевы под опийным маком. Немалая часть опиума-сырца и выработанных из него подпольным образом наркотиков переправляется контрабандой за рубеж.

Земледелие, огородничество, садоводство — основа бирманского сельского хозяйства. В летние дождливые месяцы выращивается рис, жаркой зимой — кукуруза, бобовые. В некоторых местностях культивируются чайный куст, кофейное дерево, сахарный тростник, кокосовые и банановые пальмы. Наиболее развито товарное рисосеяние в Нижней Бирме.

В Кампучии главная отрасль хозяйства — рисосеяние. Важную роль играют также рыбная ловля, разведение каучуконосов, лесозаготовки ценных пород деревьев.

Повсеместно у плужных земледельцев значительное развитие получили домашние производства и ремесла, распространено отходничество.

Сходно с индокитайским хозяйство плужных земледельцев Индонезии, Малайзии, Филиппин. Рис, кукуруза, бобовые, овощи, фрукты — важнейшие продовольственные культуры. На Филиппинах выращивается много сахарного тростника, волокнистых растений. В Индонезии, помимо прочего, выводятся высокие сорта кофе. На островах большую роль играет рыболовство.

Рис, рыба, овощи, фрукты, растительное масло — основа существования населения Юго-Восточной Азии. Мясо едят редко, только по праздникам, и чаще — птичье. Немусульмане едят также свинину.

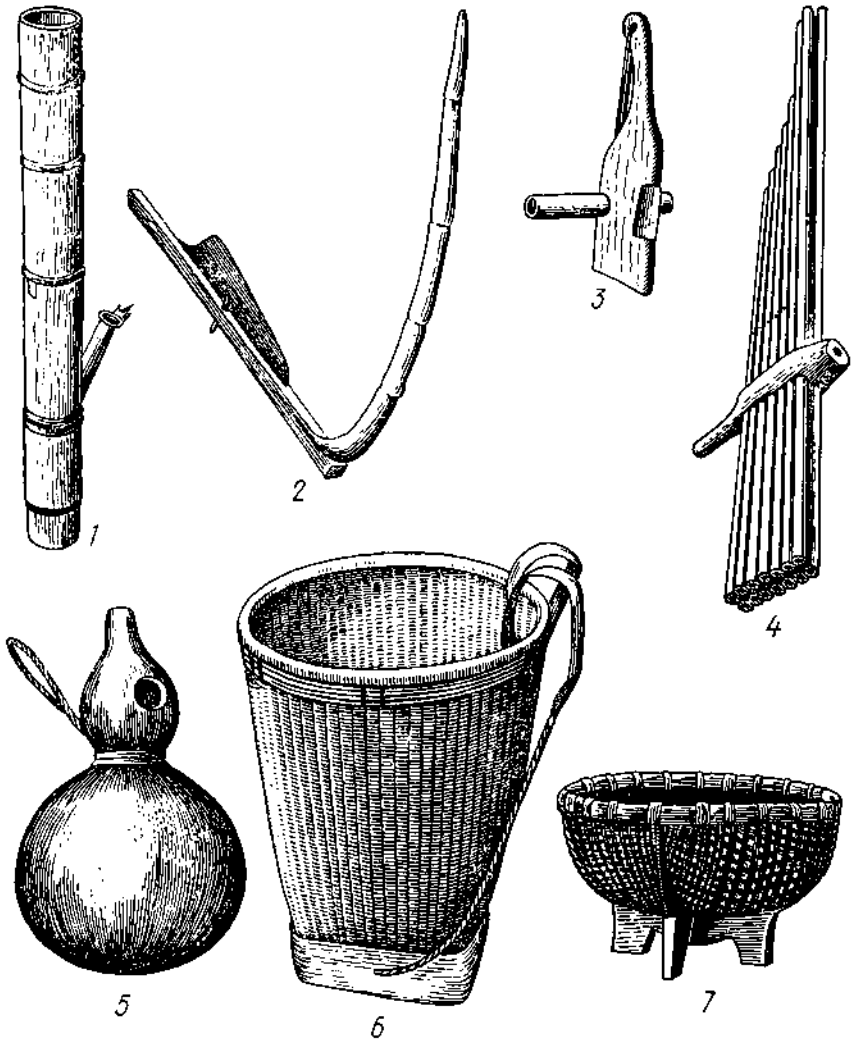
Промышленность развивается в Юго-Восточной Азии довольно интенсивно. Ряд стран, и в первую очередь Социалистическая Республика Вьетнам, стали экономически независимы от империалистических монополий. В колониальное время в странах Юго-Восточной Азии существовала главным образом только мелкая и пищевая промышленность. В наши дни большое развитие получают горнодобывающая, средняя и тяжелая промышленность. Большую помощь в экономическом развитии прогрессивных стран Юго-Восточной Азии оказывают Советский Союз и другие страны социалистического содружества.

Материальная культура. Орудия труда очень различны у народов, стоящих на разных уровнях социально-экономического развития и относящихся к разным хозяйственно-культурным типам. Орудия труда развитых народов Юго-Восточной Азии имеют современный облик и, за исключением простейшего крестьянского инвентаря, они фабричного производства. Ручные мотыжные земледельцы уже значительно больше орудий и предметов вооружения изготовляют в домашних условиях или покупают у ремесленников, поэтому они имеют более традиционный облик. Мотыги далеко не всегда сделаны из металла и тем более не обязательно фабричного производства. Железные мотыги выковывает обычно деревенский кузнец или сам владелец. Но часто мотыга — это всего лишь палка-копалка (или сажальный кол), представляющая собой заостренную и обожженную на огне палку. Столь же просты и другие орудия труда из дерева, кости, камня, раковин, металла. Охотничье и боевое оружие чаще покупное, но встречаются и традиционные предметы вооружения: луки и стрелы, иногда отравленные, духовые трубки, мечи, ножи. Традиционное вооружение составляет, как правило, обязательную принадлежность мужского праздничного костюма. У многих народов, например у даяков, мечи считаются священными предметами и передаются по наследству от отца к сыну.

Традиционные орудия и вооружение бытуют у народов, обитающих на периферии классовых обществ. Они довольно разнообразны у охотников и собирателей Юго-Восточной Азии и часто представляют собой настоящие произведения искусства. В горных областях полуострова Индокитай распространены лук и стрелы, копья, топоры, ножи. Сенои, а в новейшее время и семанги, охотятся с помощью духового ружья и маленьких отравленных стрелок, изготовленных из сердцевины пальмового листа. Копья и дубинки были еще недавно основным вооружением кубу, лубу, тоала, аэта и других народов.

Поселения и жилища в Юго-Восточной Азии очень разнообразны, но вместе с тем имеют и много общего. Земледельцы селятся по большей части вдоль берегов рек, озер, по морскому побережью. Преобладают поселения рядового плана. Кучевые встречаются реже, преимущественно в удаленных от водоемов лесных областях. Обитатели побережий рек, озер и морей нередко проводят всю жизнь на воде, где они устраивают плавучие поселки на плотах и лодках. Горные поселения обычно небольшие, кучевые в плане. В недавнем прошлом широко были распространены укрепленные поселения. Они и сейчас еще встречаются в отдаленных горных местностях, где ведутся межплеменные войны.

Значительная часть народов Юго-Восточной Азии сооружает постройки на сваях, на которые настилается пол, устанавливаются стены и крыша. Традиция эта сложилась в приморской полосе, где прилив и прибой заливали дома, стоящие прямо на земле. Материалом для полов жилищ и стен служат бамбук, расщепленные стволы пальм. Крыша



Орудия труда и быта национальных меньшинств Вьетнама:

1 — курительная трубка, 2 — серп для жатвы риса, 3 — жатвенный нож; 4 — музыкальный инструмент; 5 — сосуд для воды из тыквы; 6 — заплечная корзина из бамбука; 7 — чашка для вареного риса

обычно двускатная (прямая или седловидная), иногда коническая. Кроется листьями пальмы. Зажиточное население нередко строит теперь коттеджи современного типа из покупных материалов. В городах центральные улицы застроены современными многоэтажными домами, покрыты асфальтом. На окраинах беднота ютится в жалких хижинах сельского типа.

Во Вьетнаме обычны наземные дома с кирпично-глинобитным или земляным заполнением каркасных стен. Легкими перегородками они разделяются на 2—3 помещения. Дома вместе с хозяйственными постройками

Крестьянский свайный дом. Таиланд

окружаются колючей живой изгородью. У сельского населения Лаоса, Таиланда, некоторых местностей Бирмы и Малакки дома возводятся на сваях и сооружаются из подручных материалов. В Индонезии на разных островах распространены различные типы жилых и хозяйственных построек. Яванцы и сунда строят легкие постройки из 2—3 помещений на небольшом фундаменте без свай. В старое время у минангкабау сооружались длинные дома на сваях, в каждом из которых жила материнско-родовая группа. Когда девушка вступала в брак, для нее и ее мужа пристраивалось к торцовой стороне дома новое помещение. Каждую пристройку венчала седловидная крыша, что придавало всему дому оригинальный вид. Батаки также строили дома на сваях — большого размера, из толстых стволов деревьев, окруженные верандой. В таком доме жила большая патриархальная семья. Крыши сооружались четырехскатными, сложной конструкции с резными украшениями на коньке. Хранилища для риса у минангкабау и батаков повторяли в миниатюре форму их жилищ. Новые дома строятся у них чаще в расчета на одну семью. Все даяки Калимантана жили в прошлом в длинных домах, располагавшихся вдоль берегов рек. Целая сельская община размещалась в одном или нескольких длинных домах. Селения укреплялись мощными валами и палисадами из бамбука и колючих растений. В наше время эти ограды исчезают. Вдоль каждого дома устраивается крытая галерея, где хранится разнообразное имущество и куда выходят двери семейных комнат. Молодые неженатые мужчины живут либо в такой галерее, либо в специальном «мужском доме», предназначенном для общественных целей. У многих групп даяков в наши дни преобладают небольшие свайные постройки, рассчитанные на одну малую семью.

Столь же своеобразны постройки и на других островах Индонезии. Сходны с малайскими и филиппинские жилые и хозяйственные постройки. В старину многие народы сооружали в центре своих поселений общинные дома. Сейчас их уже почти не строят, а сохранившиеся служат гостиницами или музеями старого быта. Такие музеи широко

распространены, например, у минангкабау и батаков.

Внутреннее убранство домов в странах Юго-Восточной Азии очень просто и не слишком различается у разных народов. Полы устилаются циновками, на которых сидят и спят. Иногда по стенам развешиваются утварь, старинная посуда, оружие. В центральных районах городов, в богатых кварталах нередко обставляют дома по-европейски.

Бродячие охотники и собиратели лесистых горных и болотистых областей довольствуются легкими хижинами из бамбука и травы или даже ветровыми заслонами. Для кратковременного ночного отдыха сооружаются платформы и навесы на ветвях деревьев. До конца прошлого века многие группы тоала жили в пещерах. В настоящее время они сооружают легкие хижины.

Одежда народов Юго-Восточной Азии внешне разнообразна, особенно в отделке, но имеет в основных чертах много общего. В старину были широко распространены различные виды несшивной одежды, постепенно вытесняемой сшивной. Так, во Вьетнаме мужская одежда состояла из набедренной повязки, широких штанов и короткой куртки или халата. На голову надевали конусовидную шляпу. Традиционный женский костюм состоял из нательной распашной кофты, длинных штанов, в холодное время стеганой куртки или халата. Головной убор составляла плетеная шляпа. И мужчины и женщины носили на ногах сандалии. Излюбленным цветом одежды был белый и черный. В настоящее время традиционная одежда вышла, особенно у мужчин, из употребления. Лаосцы-мужчины ходят в широких коротких штанах, куртке, сандалиях. Женщины носят несшивную одежду из куска ткани, обернутого вокруг тела от подмышек до колен, и опоясанного шарфом. Поверх надевают кофту, а на плечи набрасывают еще один шарф. На голову надевается плетеная шляпа из бамбука, или повязка. Основа традиционного мужского таиландского костюма — широкое полотнище ткани, которое обертывается вокруг бедер. Его конец пропускается между ног и получается род штанов. Старинный женский костюм состоит из куска ткани, которым обертывают бедра наподобие юбки. На плечи набрасывается накидка или надевается жакет. Ходят босиком или в кожаных сандалиях. И мужчины и женщины носили в прошлом короткую стрижку, сейчас она сохранилась лишь у части мужчин. В настоящее время многие горожане и часть зажиточных сельских жителей ходят в европейском костюме.

У бирманцев традиционный костюм бытует до настоящего времени. У мужчин он состоит из широкого прямоугольного куска ткани, который обертывают вокруг бедер на манер юбки, и распашной рубашки или куртки. Костюм дополняют шляпа и сандалии. Женский костюм схож с мужским, но его покрой шире. Старинная мужская одежда кхмеров представляла собой кусок ткани, обернутый вокруг бедер и пропущенный между ног, и тесно прилегающую куртку. Женщины вместо куртки носили кофту. И мужчины и женщины стриглись очень коротко — «под щетку». В наше время традиционный костюм почти исчез, его вытеснил саронг — основа одежды многих малайских и индонезийских народов. Он состоит из длинного куска ткани, который обертывается вокруг туловища. Саронг может быть до колен или до щиколоток. Но у яванцев саронг используется только как домашняя одежда. Уличная современная одежда у мужчин состоит из длинных брюк и куртки. На голову надевается батиковый платок или бархатная черная шапочка. Национальная женская одежда состоит из полотнища ткани, которым обертываются от груди до пяток, и кофты или жакета. На плечи набрасывается шарф.

Одежда охотников-собирателей джунглей состоит у мужчин из набедренной повязки или юбочки, у женщин — также из юбочки. Набедренные повязки и юбки делаются по традиции из выделанной коры дерева (луба). Костюм дополняется разнообразными самодельными и покупными украшениями. Широко распространен обычай татуировки из религиозных или эстетических соображений. У некоторых народов принято чернить и подпиливать зубы.

Семья и общественный строй. Различия в уровне социально-экономического развития разных народов Юго-Восточной Азии имели следствием большое разнообразие в формах семейно-брачных и социальных отношений. У охотников-собирателей бытуют парные семьи и многие архаические обычаи в области семейно-брачных отношений. Для более развитых народов до недавнего времени было характерно сохранение традиций родовых общин и больших семей главным образом в патриархальной, но, как исключение, и в матрилокальной форме (например, у минангкабау). Эти архаические формы семьи повсеместно сменились моногамными семьями. На семейно-брачные отношения большей части народов Юго-Восточной Азии сильный отпечаток наложили религиозные обычаи: в Индокитае — буддийские, в Индонезии и на Малакке — мусульманские, на Филиппинах — христианские. Так, в областях, где получил распространение ислам, существует полигамия.

Общественные отношения в странах Юго-Восточной Азии весьма разнообразны. Ряд стран идут по пути строительства социалистического общества, как-то: Вьетнам, Лаос, Кампучия. В других странах господствуют капиталистические отношения наряду с сохранением пережитков самых разнообразных укладов. В Таиланде и Малайзии, на юге Филиппин еще сильны пережитки феодальных отношений.

В прошлом у мотыжных земледельцев, а в наши дни у части охотников и собирателей тропических лесов Юго-Восточной Азии сохраняются элементы первобытнообщинных отношений. Интересная форма в виде так называемого «трехродового союза» бытовала у батаков. У минангкабау существовал материнский род. У мотыжных земледельцев уже с начала нашего века общинные отношения стали интенсивно разлагаться под воздействием социальной и имущественной дифференциации, сложения классовых отношений. Тем не менее и сейчас еще встречаются в отдельных местах поселения племен или их подразделений (у даяков, тораджей, горных племен Индокитайского полуострова, нага и др.). Обычно несколько поселений составляют племя. Происхождение и значение рода в Юго-Восточной Азии еще не совсем ясны, так как у многих народов периферии классовых обществ четкая родовая организация отсутствует и нет бесспорных свидетельств о ее бытовании в прошлом. Тем более это относится к бродячим охотникам-собирателям тропических лесов Юго-Восточной Азии. Они живут небольшими локальными группами, которые объединяются в племена, пользующиеся определенной территорией. Племена и поселения возглавляют вожди. У наиболее отсталых племен предводители нередко являются одновременно и священнослужителями. Немалую роль в общественных делах этих народов играют колдуны, лекари.

Духовная культура. Духовная культура и народное творчество народов Юго-Восточной Азии исключительно богаты и разнообразны. Для них характерны глубокие народные традиции и связи с культурой соседних народов. Уже в средние века во многих странах этого региона существовали развитые наука, культура, искусство, была создана обширная духовная и светская литература. Неблагоприятные последствия для духовной культуры, как и для всей жизни народов Юго-Восточной Азии в целом, имела колониальная эпоха. Колонизаторы проводили политику угнетения и эксплуатации, подавления культурной самостоятельности, тормозили развитие образования населения. Только в ходе национально-освободительной борьбы и после достижения национальной независимости развернулись процессы культурного возрождения и быстрого культурного развития. Но тяжелые последствия колониального режима сказываются до сих пор. Громадные усилия прилагаются для ликвидации неграмотности, подготовки кадров специалистов — во всем этом постоянно большую помощь оказывают Советский Союз и другие страны социалистического содружества. Развиваются народное и профессиональное искусство, среднее и высшее образование, массовые средства информации.

Тысячелетние традиции имеет народное творчество. Так, у вьетнамцев широко рас-

Исполнение классического яванского танца серимпи

пространены различные жанры эпических произведений, музыкально-драматические представления. Разнообразны народные танцы и песни. Богато представлен фольклор в Таиланде. Успехом пользуются театральные представления: театр жестов, кукол, маскированных актеров. Знамениты бирманский и кхмерский балет. Широко популярен у этих народов театр, где исполняются пьесы на мотивы местных и индийских произведений, а также театр теней. В Индонезии издавна большой любовью пользуется народный театр теней ваянг-пурво, в котором исполняют пьесы героического содержания. Не менее распространены представления марионеток, костюмированных актеров. Большую известность имеет яванский национальный оркестр гамелан, состоящий из десятков и сотен ударных инструментов. Оригинально народное творчество лесных народов: их воинственные охотничьи пляски, песни, мимические представления интересны и своеобразны.

Большинство земледельческих народов полуострова Индокитай — бирманцы, таиландцы, лаотянцы, вьетнамцы, кампучийцы — исповедуют различные толки буддийской религии со множеством самых различных пережитков древних верований: аграрных культов, культа предков, магических представлений и т. д. Большая часть жителей Малайзии и Индонезии — мусульмане суннитского толка. Своеобразна религия жителей острова Бали, представляющая собой смесь буддийских и индуистских верований. Племена охотников-собирателей сохраняют древние верования в стихийные силы природы, духов, душу. В связи с магическими представлениями в прошлом бытовала охота за головами.

Народы Восточной и Центральной Азии

Этот обширный регион охватывает Китайскую Народную Республику (970 млн. человек), Японию (115,2 млн.), Корейскую Народно-Демократическую Республику (св. 17 млн.), Южную Корею (37 млн.) и Монгольскую Народную Республику (1,5 млн.).

Этногенез и этническая история. Изучение лингвистических, антропологических, исторических и собственно этнографических данных позволяет в общих чертах проследить историю сложения современных народов Восточной Азии, а также уяснить закономерности их взаимодействия и развития.

В конце V — начале IV тысячелетия до н. э. на территории Восточной Азии существовало несколько центров формирования неолитических культур. Один из них был расположен в восточном приморском районе современного Китая (провинции Цзянсу и Чжэцзян), где возникла культура Цинляньган. Ее создатели возделывали рис, жили в свайных домах. Судя по костным остаткам, цинляньганцы практиковали обряд инициации, сопровождавшийся выламыванием передних резцов у достигших совершеннолетия юношей (обычай, существовавший в более позднее время у

многих народов Океании и зафиксированный также в древнейших археологических памятниках Японии). Вероятно, именно на основе населения культуры Цинляньган сложилась группа этносов, австронезийская по языку, которая позднее получила наименование «восточные и».

Одновременно с культурой Цинляньган на западе, в долине главного притока Хуанхэ — реки Вэйхэ возникла в конце V — начале IV тысячелетия до н. э. другая развитая неолитическая культура — Яншао. Хозяйство яншаосцев основывалось на возделывании чумизы (разновидности проса). Жили они в непосредственной близости от речных пойм в полуземлянках каркасно-столбовой конструкции. Одной из ведущих отраслей ремесла было у яншаосцев производство керамических сосудов, украшавшихся ярким полихромным орнаментом. Говорили яншаосцы, вероятнее всего, на протосинотибетском языке. Примерно в середине IV тысячелетия до н. э. общность яншаоских племен разделилась на две ветви: одна из них переместилась в западном направлении, в верховья р. Хуанхэ, другая — на восток, в среднее течение Хуанхэ. Относительная территориальная изоляция привела к появлению локальных различий в культуре и языке. Западная ветвь яншаосцев явилась впоследствии основой формирования предков тибето-бирманских народов, восточная же вошла в состав древнекитайского этноса.

В III тысячелетии до н. э. восточные яншаосцы столкнулись на Средне-Китайской равнине с племенами более южного происхождения. На основе взаимодействия этих двух этнических групп возник протокитайский язык, обнаруживающий, с одной стороны, в области лексики явное родство с тибето-бирманскими, с другой—резко отличающийся от них по особенностям своего грамматического строя. Протокитайские племена ся и шан (инь) создали во II тысячелетии до н. э. крупные союзы племен, в недрах которых интенсивно происходили процессы классообразования и сложения форм ранней государственности.

Погребения военнопленных, которых иньцы захватывали в бою и приносили затем в жертву своим предкам в Великом Городе Шан (совр. город Аньян в провинции Хэнань), позволяют судить о том, что протокитайские племена контактировали в конце II тысячелетия до н. э. с многочисленными этническими группами, принадлежащими к разным расовым типам. Среди них были «классические» континентальные монголоиды с очень широкой, но низкой мозговой коробкой, широким и в то же время высоким сильно уплощенным лицом; южноазиатские монголоиды с узким черепом, очень высокой мозговой коробкой и широким носом; наконец, восточноазиатские монголоиды, близкие как к самим иньцам, так и к современному северокитайскому типу. Эти данные дают основание считать, что тибетоязычные цяны, расселявшиеся к западу от иньцев, по своему антропологическому типу лишь незначительно отличались от протокитайских племен. На основе древней цянской общности сформировались впоследствии все народы, говорящие ныне на языках тибето-бирманской группы сино-тибетской семьи.

В это время Северо-Восточный Китай и часть Корейского полуострова были населены народами, отличавшимися от протокитайцев как по своему физическому типу, так и по языку. Это были предки современных тунгусо-маньчжурских народов. Трудно определить время проникновения на Японские острова их первозасельников — протоайнов, сформировавшихся вероятнее всего в южной части Юго-Восточной Азии. Несомненно, тем не менее, что неолитические культуры, получившие собирательное название «дземон», возникли в Японии в результате взаимодействия протоайнского и австронезийского этнических компонентов. Племена южного происхождения участвовали и в формировании древних корейцев.

В начале I тысячелетия до н. э. на Среднекитайской равнине завершается длительный процесс сложения древнекитайского этноса, самоназванием которого стало «хуася». Консолидация этнической общности древних китайцев явилась одной из предпосылок объединения древнекитайских царств, существовавших в ту эпоху в бассейнах Хуанхэ и

Янцзы, и создания в III в. до н. э. централизованных империй Цинь и Хань.

Примерно в тот же период в степях Монголии складывается этническая общность алтаеязычных кочевников-сюнну. В результате длительных войн с Ханьской империей сюнну оказались в первых веках нашей эры разделенными на две части: одна из них, жившая на северных границах древнекитайского государства, признала власть Хань, и через несколько столетий была почти полностью ассимилирована; другая — переместилась на северо-запад и позднее, впитав в себя инородные этнические компоненты, стала известна под именем гуннов.

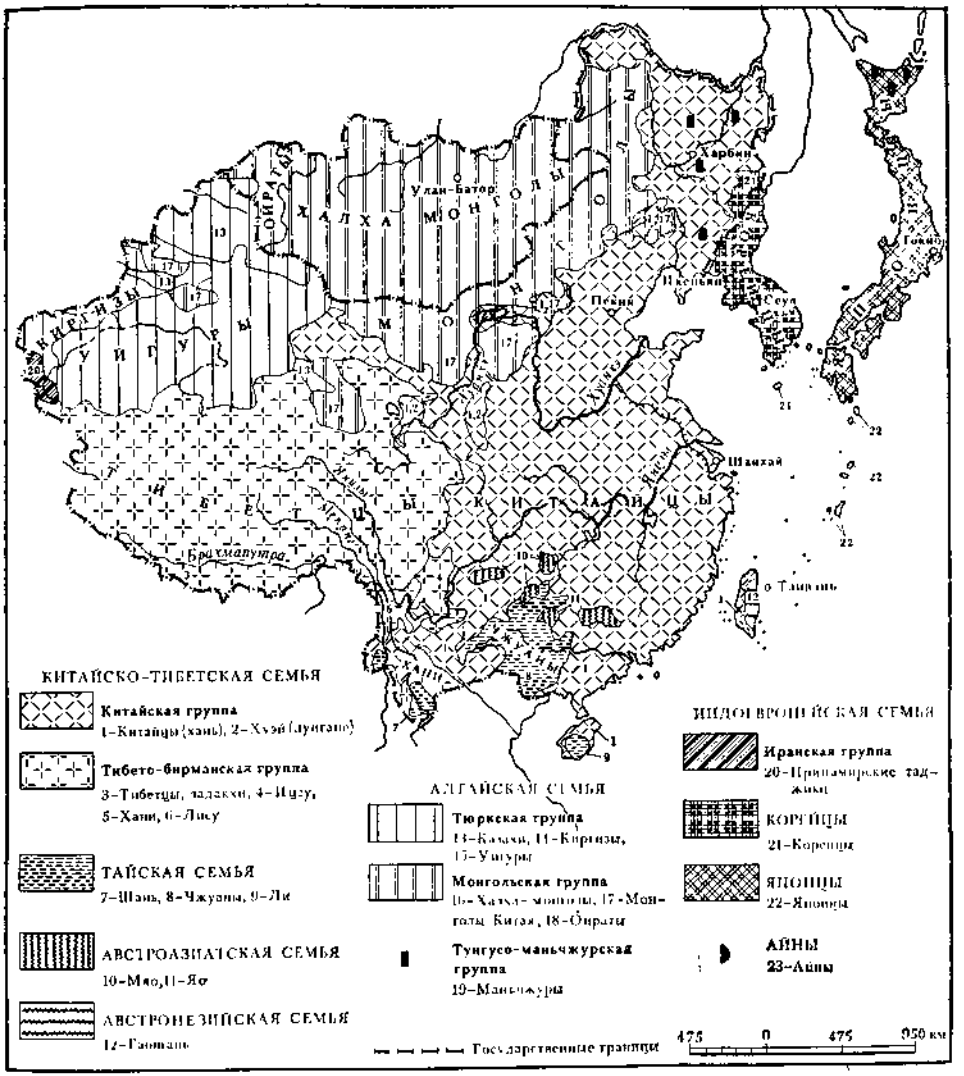
На смену сюнну в лесостепной зоне Монголии в первых веках нашей эры пришли монголоязычные сяньбийцы. Примерно в это же время на территории северной части Кореи, где несколько столетий до этого существовало государство Чосон, возникла держава Когуре, а в более южных частях полуострова — Силла и Пэкче. На Японских островах в этот период складываются древнейшие государственные образования, среди которых выделялось Ямато. В культуре народов, населявших все эти территории в первых веках н. э., обнаруживаются общие черты, обусловленные прямым или косвенным влиянием кочевников.

III—VI века нередко называют эпохой «восточноазиатского переселения народов». Под влиянием разнообразных исторических причин огромные массы населения Восточной Азии пришли в движение, создавая почву для интенсивных этнических контактов, в значительной мере изменивших лицо взаимодействовавших народов. По своим социально-политическим последствиям эти события сопоставимы с тем, что происходило в это время в Европе: результатом их было создание на севере Китая многочисленных «варварских» государств. В эту эпоху начинает отчетливо прослеживаться противопоставление северных и южных китайцев (первые заимствовали многие элементы культуры и языка у своих соседей-кочевников, вторые—трансформировались под влиянием коренного населения юга). Здесь к этому времени консолидировалось несколько этнических групп, среди которых наибольшее значение имели «наньмань» (предки современных народов мяо-яо) и «ляо» (этот этноним до сих пор сохраняется в самоназваниях ряда тайских народов).

К VII—XII вв. на территории Восточной Азии сложились все основные народы, которые могут рассматриваться в качестве предков современного населения Восточной Азии. Этот период отмечен процессом консолидации японского и корейского этносов, формированием предков современных маньчжуров, сложением тюркской этнолингвистической общности, обособлением отдельных народов тайской группы, созданием государственности у предков современных тибетцев, завершением процесса этногенеза монголов и сложением этнической общности современных китайцев.

К началу XX в. из всех крупнейших этносов Восточной Азии лишь японцы сформировались как современная нация. После победы народной революции в Китае, Корее и Монголии сложились условия для успешного развития в этих странах процессов этнической консолидации. Социалистические преобразования в Монголии явились основой для преодоления былой разобщенности между отдельными этнографическими группами монголов. В наши дни халха-монголы, составляющие основное ядро монгольского населения страны, складываются в единую социалистическую нацию. Особую проблему составляет ситуация, исторически сложившаяся в среде китайских эмигрантов, в течение длительного времени проживающих в ряде стран Юго-Восточной Азии, Америки и Океании. В некоторых странах «хуацяо», изолированные от своего основного этнического массива, приобретают черты культуры и быта, которые отличают их от китайцев КНР. Постепенно трансформируется и их этническое самосознание. Так, китайцы Сингапура обнаруживают тенденцию формирования самостоятельной этнической группы, называя себя сингапурцами и не отождествляя себя полностью с китайцами.

Этнолингвистическая классификация. Народы Восточной Азии говорят на языках, степень генетической близости которых является



Народы Восточной и Центральной Азии

основой для их этнолингвистической классификации. В Восточной Азии представлены 5 крупных языковых семей — алтайская, синотибетская, австронезийская, тайская и австроазиатская. Исключение в этом смысле составляют корейцы, японцы и айны, занимающие в этой классификации изолированное положение. Однако за последнее время все более определенно утверждается точка зрения, согласно которой корейский и японский языки имеют отдаленное родство с языками алтайской семьи.

Алтайская семья языков делится на три основные группы. К первой из них — тюркской — принадлежат в Центральной Азии уйгуры, салары, казахи и киргизы (ареал рас-

селения основной массы тюркских народов находится в Синьцзяне — в Западном Китае). В монгольскую группу входят монголы МНР и Внутренней Монголии на территории КНР, а также проживающие в КНР дунсян, ту (монгоры) и др. Тунгусо-маньчжурская группа представлена главным образом на Северо-Востоке КНР — это прежде всего маньчжуры, а также сунгарийские народы (хэчжэ), эвенки и орочены.

Сино-тибетская семья может быть подразделена на две группы языков — китайскую и тибето-бирманскую. К первой из них относится китайских язык с его многочисленными диалектами, степень расхождения между которыми сопоставима с различиями между отдельными тюркскими, славянскими или романскими языками. В тибето-бирманскую группу входят тибетцы, а также ицзу, бай, туцзя, хани, лису, наси (все эти народы населяют юго-западную часть КНР).

Австроазиатские языки распространены в наше время главным образом за пределами рассматриваемого региона — в Юго-Восточной Азии. На территории Китая они представлены двумя группами — мяо-яо (народы мяо, яо, шэ, гэлао) и мон-кхмер (кава, бэнлун, булан).

В большинстве прежних этнолингвистических классификаций тайские языки рассматривались как имеющие близкое генетическое родство с сино-тибетскими и объединялись с ними в пределах одной семьи. Новейшие исследования показали несостоятельность такой точки зрения, почему тайские языки и выделяются теперь в самостоятельную семью. Они объединяются в три группы — тай (чжуан, буи, тай, населяющие Южный и Юго-Западный Китай), кадай (язык этой группы распространен у ли о-ва Хайнань, а также за пределами Восточной Азии — в Северном Вьетнаме) и кам-суй (или дун-шуй, по названию двух небольших народов Южного Китая).

Наконец, австронезийская семья, на языках которой говорят преимущественно за пределами Восточной Азии — в Юго-Восточной Азии и Океании, представлена лишь языками коренного населения о-ва Тайвань (они известны в этнографической литературе под собирательным названием гаошань).

Антропологический состав. Подавляющее большинство коренного населения Восточной Азии принадлежит к монголоидной большой расе, первоначальное формирование которой происходило именно в этом регионе. В расовом отношении народы Восточной Азии обнаруживают, таким образом, гораздо большее единство, чем в языковом. Монголоидная большая раса может быть подразделена на две малые расы, обычно именуемые в советской антропологической литературе тихоокеанскими и континентальными монголоидами.

Дифференциация тихоокеанских и континентальных монголоидов прослеживается уже в палеоантропологических находках эпохи верхнего палеолита. Древние черепа из Шаньдиндуна и Люцзяна (Китай), обладающие признаками принадлежности к людям современного вида — неоантропам, обнаруживают некоторые черты тихоокеанских монголоидов — значительную высоту мозговой коробки, альвеолярный прогнатизм, известную тенденцию к широконосости. Позднее среди тихоокеанских монголоидов выделились две группы антропологических типов — восточноазиатская и южноазиатская.

Среди современного населения Восточной Азии, относящегося к восточноазиатской группе тихоокеанских монголоидов, представлены следующие расовые типы: северокитайский, распространенный у китайцев провинций Шаньдун, Хэбэй, Хэнань, Шаньси, Шэньси и Ганьсу; корейско-маньчжурский — у большинства тунгусо-маньчжурских народов КНР и корейцев; амурский (сложившийся, вероятно, в результате контактов с континентальными монголоидами) — у нанайцев (хэчжэ); характеризующийся «американоидными» чертами восточнотибетский — у тибетоязычных народов Кама и Сычуани.

Южноазиатская группа тихоокеанских монголоидов представлена многочисленными народами, обитающими на юге КНР. Она включает следующие антропологические типы: таймалайский, к которому принадлежат тайские народы; восточно-гималайский — идзу, некоторые группы мяо и др. В южной части Китая выделяются также типы, представляющие

собой результат смешения восточноазиатских и южноазиатских монголоидов; они распространены главным образом у южных китайцев.

Сложен вопрос о месте, занимаемом в антропологической классификации народов Восточной Азии современными японцами. Морфологически они занимают промежуточное положение между восточноазиатскими и южноазиатскими монголоидами, причем в их антропологическом типе прослеживаются также и отдельные австралоидные черты. Австралоидная примесь обнаруживается также и в облике мон-кхмерских народов южного Китая (кава, бэнлун, булан).

Своеобразен антропологически тип айнов, отличающийся относительной светлокожестью и сильным развитием третичного волосяного покрова. Распространенная прежде гипотеза о «европеоидности» айнов в настоящее время окончательно отброшена. Айны являются единственным народом на территории Восточной Азии, в физическом типе которого преобладают австралоидные (хотя и значительно трансформированные) черты.

Что касается континентальных, или «классических», монголоидов, то к ним принадлежат прежде всего монгольские народы, составляющие большинство населения МНР и Внутренней Монголии (КНР), а также некоторые тюркские народы. Континентальные монголоиды представлены двумя группами типов — центральноазиатской и южносибирской. На западной периферии ареала континентальных монголоидов распространены типы, сложившиеся в процессе метисации с европеоидами (уйгуры, отчасти — казахи).

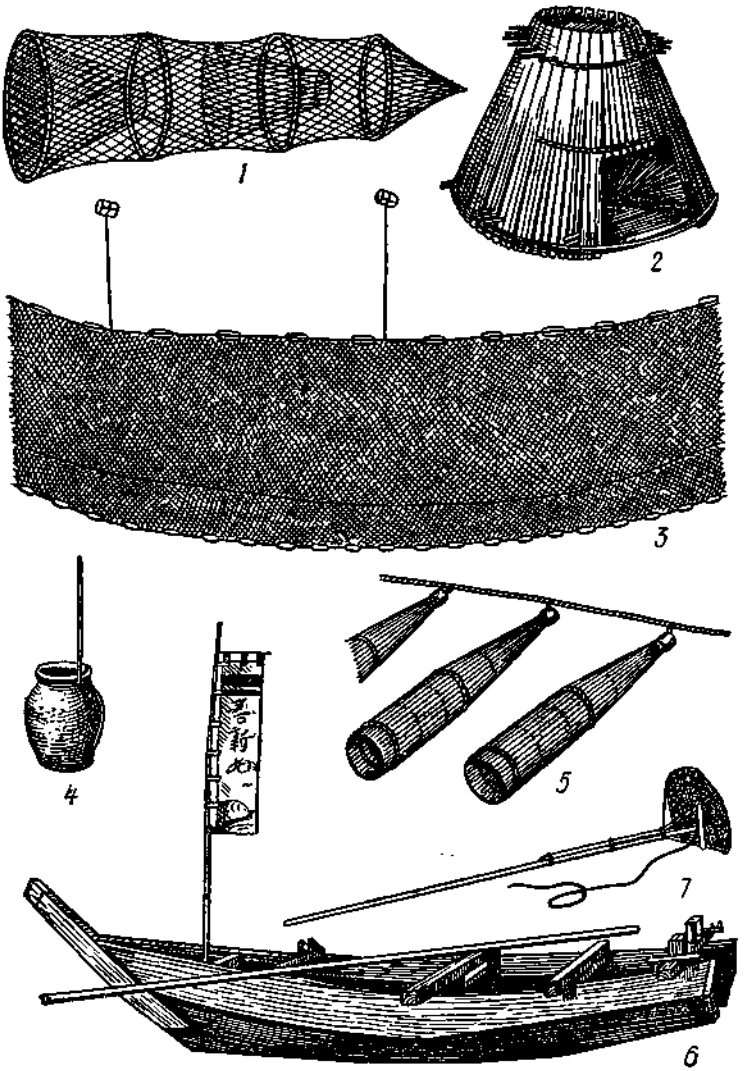
Хозяйственно-культурные типы. Многообразие хозяйственной деятельности и связанных с нею особенностей культуры населения Восточной Азии может быть сведено к нескольким хозяйственно-культурным типам, имеющим как пространственные, так и хронологические рамки.

В Восточной Азии весьма отчетливо прослеживается непосредственная связь хозяйственно-культурных типов с географической средой, прежде всего с природно-климатической зональностью, характером ландшафта. С этой точки зрения в данном регионе представлены различные хозяйственно-культурные типы двух географических поясов — теплого (субтропического и отчасти тропического) и умеренного. Существенное влияние на формирование хозяйственно-культурных типов оказывает степень увлажненности: в аридной зоне умеренного пояса исторически сложились совершенно иные типы хозяйственной деятельности, нежели в других зонах того же пояса. Большое значение имеет в этом отношении и вертикальная зональность (в высокогорных районах складываются специфические хозяйственно-культурные типы).

С другой стороны, мы можем проследить, как на протяжении истории народов Восточной Азии в одном и том же районе по мере развития производительных сил общества происходит смена одного хозяйственно-культурного типа другим, основанным на более продуктивных формах хозяйства. При этом, однако, многие черты прежнего хозяйственно-культурного типа зачастую продолжают сохраняться в трансформированном виде, определяя специфику культуры и быта населения данного района.

В целом большинство хозяйственно-культурных типов, распространенных в прошлом у народов Восточной Азии, претерпели в наше время значительные изменения, а часть из них сохранилась лишь в виде пережитков. Они могут быть объединены в четыре группы.

Хозяйственно-культурные типы охотников, рыболовов и собирателей — исторически самые древние на территории Восточной Азии. Они возникли здесь еще в эпоху мезолита и в чистом виде не сохранились ни у одного народа этого региона. Тем не менее отдельные черты хозяйственно-культурных типов лесных собирателей и охотников теплого пояса можно и в наши дни обнаружить, например у мон-кхмерских народов КНР (кава, бэнлун, булан). В северо-восточной части региона вплоть до сравнительно недавнего времени существовал хозяйственно-культурный тип собирателей и рыболовов умеренного пояса (у айнов, отчасти — у японцев; в специфическом варианте — у хэчжэ). В качестве пережитка у некоторых тунгусо-маньчжурских



Орудия и средства рыболовства японцев:
1 — ловушка для карпов; 2 — бамбуковая западня для крабов; 3 — сеть; 4 — крынка для ловли осьминогов; 5 — бамбуковая ловушка для ловли форелей; 6, 7 — лодка с черпаком для собирания ракушек

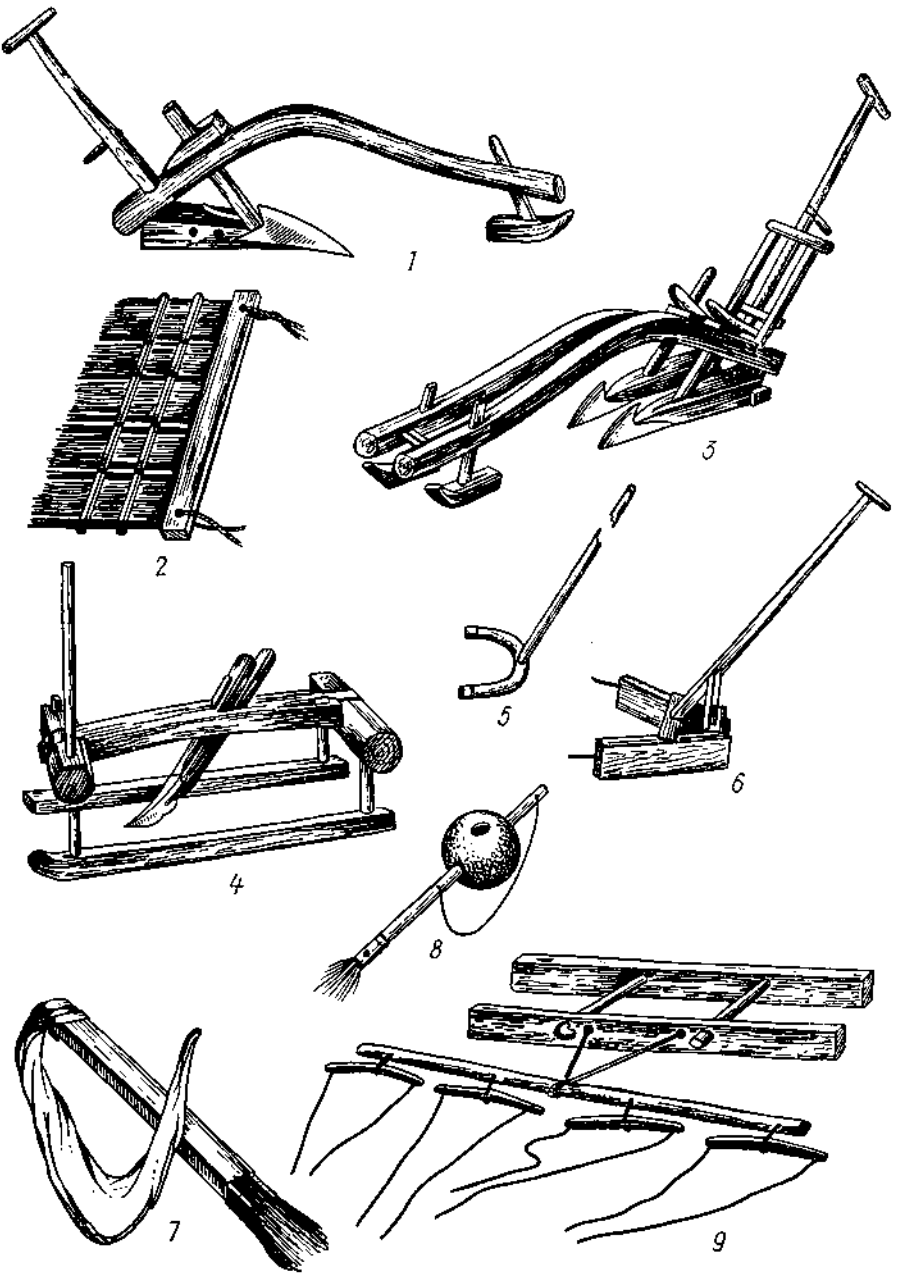
народов КНР прослеживаются отдельные черты хозяйственно-культурного типа пеших таежных охотников.

С эпохой неолита связано формирование второй группы хозяйственно-культурных типов, связанных с ручным (или «мотыжным», как принято в этнографической литературе, хотя это не вполне точно) земледелием. Хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев умеренного пояса сложился на Средне-Китай-

ской равнине еще в конце V тысячелетия до н. э. Выращивание в поймах рек таких относительно засухоустойчивых культур, как чумиза и просо, осуществлялось с помощью копательных орудий типа лэй (двузубая деревянная палка с упором для ноги). Для сбора урожая использовались каменные или керамические жатвенные ножи. С земледелием было связано разведение свиней и собак (мясо и тех и других шло в пищу). Если на севере Китая ручное земледелие просуществовало вплоть до середины I тысячелетия до н. э., когда оно сменилось пашенным, то в южных районах Восточной Азии не менее древний хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев теплого пояса вплоть до наших дней представлен некоторыми хозяйственными и культурными особенностями у таких народов, как тайваньские гаошань, а также хайнаньские ли, отчасти — мяо и яо. Для этого хозяйственно-культурного типа характерно возделывание различных клубнеплодов и корнеплодов (главным образом таро и ямса, позднее — сладкого картофеля). Наряду с этим с глубокой древности здесь было распространено рисосеяние. Практиковалась подсечно-огневая система земледелия. Основными орудиями служили палка-копалка и мотыга, кроме того, у некоторых народов землю перед посевом рыхлили, прогоняя по полю буйволов. У ицзу и отчасти у тибетцев сформировался специфический хозяйственно-культурный тип ручных земледельцев высокогорий, основанный на возделывании холодоустойчивых культур — овса, ячменя, гречихи.

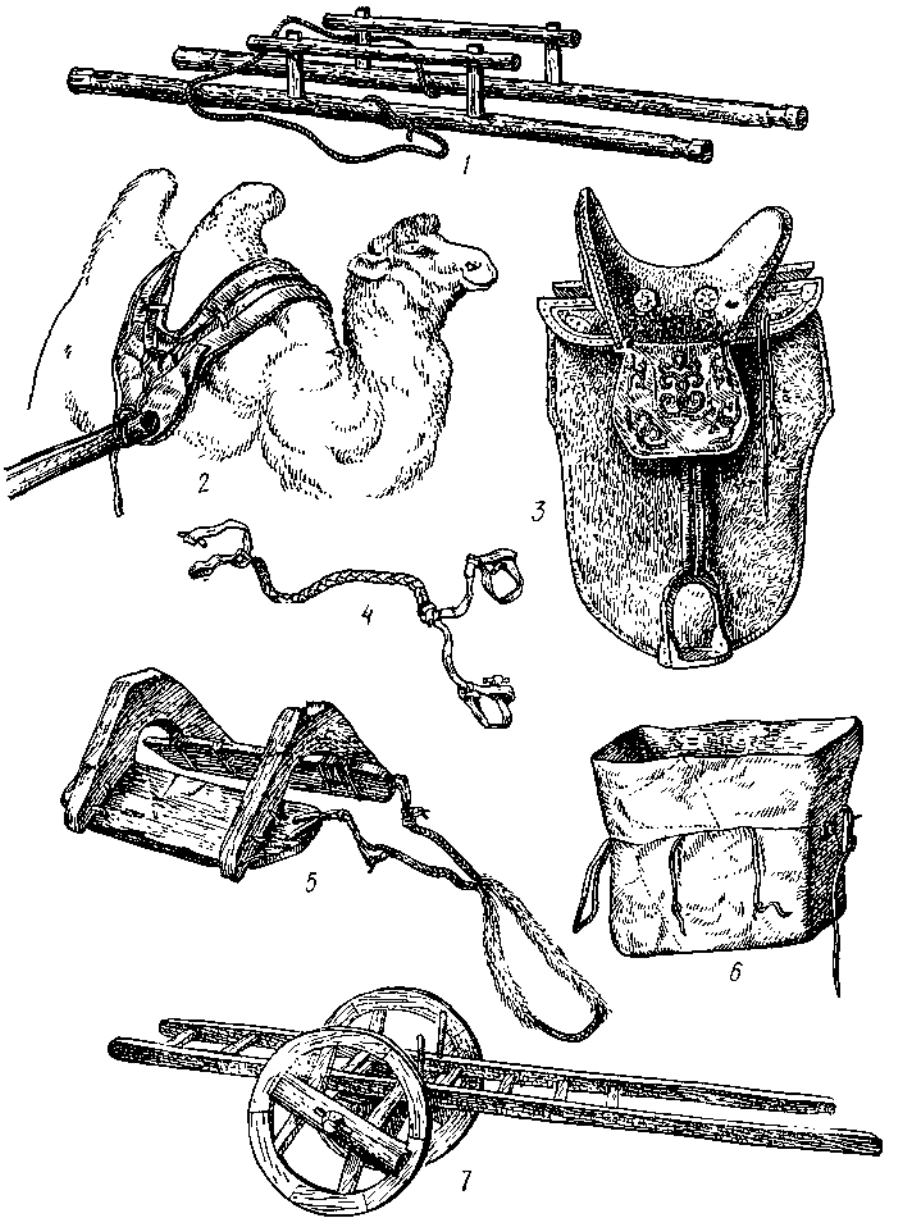
Третья группа хозяйственно-культурных типов связана с распространением пашенного земледелия. Применение железных орудий труда создало условия для появления в середине I тысячелетия до н. э. на севере Китая хозяйственно-культурного типа пашенных земледельцев умеренного пояса, ставшего впоследствии господствующим у китайцев, корейцев, маньчжуров и т. д. Основой его является применение пахотных орудий типа рала (позже — плуга) с железными наконечниками. В качестве тяглового животного чаще всего используются быки. Урожай зерновых убирают железными серпами характерной формы (лезвие закрепляется перпендикулярно рукоятке). Помимо зерновых культур (пшеницы, проса, чумизы, в меньшей мере — риса) для этого хозяйственно-культурного типа характерно выращивание бобовых, в особенности соевых бобов, из которых готовят соленый соевый соус и соевый творог. Среди технических культур наибольшее значение имеет хлопчатник, рами, тутовое дерево. Значительную долю в рационе составляет батат. У многих народов юга Восточной Азии, а также в Японии и на юге Кореи распространен хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев теплого климата. Для выращивания заливного риса — главной сельскохозяйственной культуры — применяется бесполозный плуг, приводимый в движение буйволами. Значительна роль овощеводства и садоводства (цитрусовые, личжи). Среди технических культур преобладают хлопчатник, масличные и чай. У народов, населяющих горные районы юга Восточной Азии (тибетцы, ну, дулун, ицзу), сложился хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев высокогорий. Он основан на возделывании гречихи, овса, ячменя с применением в качестве основного пахотного орудия тяжелого плуга с полозом и широким лемехом.

Четвертая группа хозяйственно-культурных типов, экономической базой которых является скотоводство, сформировалась преимущественно у монгольских, тюркских и отчасти у тунгусо-маньчжурских народов. На территории современной МНР уже в I тысячелетии до н. э. начал складываться хозяйственно-культурный тип кочевников-скотоводов аридной зоны умеренного пояса. Исторически с ним так или иначе связаны все народы, населявшие степи и полупустыни Монголии — сюнну, сяньби, древние тюрки, киданы, монголы. Разведение овец и лошадей (в меньшей мере — крупного рогатого скота и верблюдов) основано на сезонных перекочевках. Гораздо позднее на тибетском плато сформировался хозяйственно-культурный тип кочевников-скотоводов высокогорий, специфика которого состоит в преимущественном разведении яков (а также гибридов коровы с яком), хорошо приспособленных к суровым усло-



Сельскохозяйственные орудия китайцев:

1 — плуг; 2 — плетеная борона; 3 — двухстрочный плуг для пшеницы; 4 — маркер-бороздник; 5 — валик-волокуша для заделки семян; 6 — гребок-волокуша для заделки семян; 7 — ручная сеялка с мешком; 8 — ручная сеялка с тыквой-горлянкой; 9 — беззубая борона — рама-волокуша для выдирания сорняков



Средства передвижения монголов:

1 — верблюжье вьючное седло; 2 — верблюжья упряжь; 3 — седло для верховой езды; 4 — треножа; 5 — вьючное седло для быка; 6 — вьючная сума; 7 — телега

Типы традиционного сельского жилища некоторых народов Азии:
1 — северных китайцев; 2 — японцев; 3 — корейцев; 4 — тай; 5 — монголов

виям местного климата. Наконец, на северо-востоке КНР у отдельных групп ороченов и эвенков может быть выделен особый хозяйственно-культурный тип таежных оленеводов, возникший под влиянием восточноазиатского очага кочевого животноводства. Однако оленеводство возможно лишь в местах произрастания ягеля, что привело к локализации данного ХКТ в районе Большого Хингана.

Материальная культура. Разнообразие типов жилища у народов Восточной Азии определяется прежде всего особенностями хозяйственно-культурного типа. Образ жизни оседлых земледельцев обусловил распространение у них постоянных, долговременных жилищ, тогда как у кочевников-скотоводов преобладают различного рода разборные и переносные жилища. Специфика хозяйственного уклада и естественно-природной среды сказывается также в конструкции дома и традиционном наборе строительных материалов.

У земледельческих народов Восточной Азии жилище может быть дифференцировано в зависимости от уровня пола относительно поверхности земли. У ручных земледельцев умеренного пояса в IV—III тысячелетиях до н. э. были распространены полуземлянки; позднее на смену им пришли наземные жи-

лища. В то же время у земледельцев теплого пояса преобладали свайные жилища с полом, приподнятым над землей, что было весьма рационально в условиях влажного климата и обилия ядовитых пресмыкающихся.

Другой отличительной особенностью жилища у большинства народов Восточной Азии является так называемая каркасно-столбовая конструкция (основная тяжесть кровли ложится на каркас из столбов и балочных перекрытий, а стены как таковые не несут сколько-нибудь значительной нагрузки и даже вообще могут отсутствовать). Каркасно-столбовая конструкция характерна как для углубленных и наземных, так и для свайных жилищ древних и современных народов Восточной Азии — китайцев, корейцев, японцев, тайских и мон-кхмерских народов. В противоположность этому, у уйгуров Синьцзяна, а также у тибетцев и ицзу имеют распространение дома с несущими стенами, возводимыми из сырцового кирпича или тесаного камня.

Определенное значение для классификации постоянных типов восточно-азиатского жилища имеет наличие и расположение очага. В свайных домах, типичных для теплого пояса, очаг служит лишь для приготовления пищи (огонь чаще всего разводится здесь в плоском ящике, набитом землей). В наземных домах южных китайцев и японцев постоянный очаг отсутствует, и в холодное время года здесь обогреваются переносными жаровнями. У северных китайцев и корейцев получили распространение специальные отапливаемые лежанки (кит. «кан»).

Переносные жилища кочевников-скотоводов не оставались неизменными по своей конструкции на протяжении истории этих народов. Сюнну, насколько можно судить по сообщениям китаеязычных источников, жили в шалашах, остов которых сооружался из веток ивы и покрывался сверху войлоком. В середине I тысячелетия н. э. у кочевников Восточной Азии появилась юрта с разборным деревянным каркасом, сохранившаяся в быту современных монгольских и тюркских народов. Основным типом жилища кочевников-скотоводов высокогорий является шатер из кошм или грубой шерстяной ткани (чаще всего — черного цвета), натягиваемый на каркас из жердей.

На протяжении длительных этнических контактов между народами Восточной Азии происходил процесс заимствования отдельных элементов жилища, приводивший к трансформации его первоначальных типов. Под влиянием китайцев многие тайские народы перешли от свайных к наземным жилищам, а китайцы, живущие на юге страны, стали широко использовать такой нехарактерный для севера строительный материал, как расщепленный бамбук. В процессе перехода некоторых групп кочевников к оседлому образу жизни у них стали распространяться постоянные наземные жилища, которые нередко еще сохраняли некоторые черты традиционного разборного дома типа юрты (например, круглую в плане форму). Кан, столь характерный для современного северокитайского жилища, был в действительности заимствован китайцами у тунгусо-маньчжурских народов в X—XII вв. и т. д.

Черты одежды кочевников-скотоводов издревле отражали специфику их хозяйственно-культурного уклада. В частности, «изобретением» кочевников были штаны, совершенно необходимые при верховой езде и лишь сравнительно поздно заимствованные земледельческими народами. Помимо штанов основным компонентом костюма кочевников Восточной Азии была наплечная распашная одежда типа халата, причем вплоть до позднего средневековья у них преобладала манера запахивать халат на левую сторону (правая пола наверху). Наконец, неотъемлемой частью костюма скотовода-кочевника были высокие кожаные или войлочные сапоги.

В отличие от них у земледельцев умеренного пояса наплечная одежда запахивалась направо, причем с точки зрения древних китайцев эта черта была главным признаком их отличия от «северных варваров» (правый запах сохранился у китайцев вплоть до настоящего времени). Существенные изменения в костюме древних китайцев произошли в IV—III вв. до н. э., когда они заимствовали такой элемент «варварской одежды», как штаны, ранее им совершенно не известные. На

первых порах их стали носить только воины, но затем они превратились в постоянный компонент как мужского, так и женского повседневного костюма (для состава древней и средневековой китайской одежды вообще было характерно отсутствие резких различий по признаку пола).

У народов юга Восточной Азии, принадлежавших к ХКТ ручных земледельцев теплого пояса, первоначально были распространены набедренные повязки (у мужчин) и несшитые юбки типа саронга (у женщин), а наплечная одежда и обувь зачастую отсутствовали вовсе. Однако на протяжении веков одежда этих народов значительно изменилась (главным образом, под влиянием китайцев, чему способствовали эпохальные изменения климата — перемещение на юг северной границы субтропиков). В настоящее время у большинства народов КНР распространена правозастежная наплечная одежда, сохраняющая значительные локальные различия в покрое и орнаментации. Своеобразна традиционная одежда корейцев, в особенности женская, состоящая из короткой кофты, широких шаровар и юбки, подвязываемой выше талии длинным кушаком.

На фоне прогрессирующей нивелировки особенностей материальной культуры народов Восточной Азии обращает на себя внимание прочное сохранение этнических традиции одежды в такой индустриально развитой стране, как Япония.

В пище народов Восточной Азии противопоставлены друг другу два различных комплекса. Первый из них характерен для скотоводов-кочевников, второй — для земледельцев. Основу рациона кочевых народов Восточной Азии составляют мясные и молочные продукты. Согласно представлениям монголов, лошади и бараны относятся к животным с «горячим дыханием», поэтому конина и баранина считаются наиболее полезными сортами мяса и им отдается предпочтение перед говядиной. Молоко, которое, кстати, никогда не употребляется ими в сыром виде, используют для приготовления большого числа продуктов — простокваши, кумыса, масла, сыров. Мучные блюда (монг. «борцог» — кусочки теста, сваренные в бараньем жире; «хальмаг» — поджаренное тесто, замешанное на пенках, и т. д.), хотя и популярны, но их удельный вес в общем рационе незначителен.

Напротив, практически у всех земледельческих народов Восточной Азии в той или иной форме существует противопоставление «основной еды», приготовленной из крупы или муки (кит. «чжуши», япон. «сюсёку»), и «второстепенной еды», представляющей собой овощное, мясное или рыбное блюдо (кит. «фуши», япон. «фукусеку»). Среди различных видов «основной еды» абсолютно преобладает рис, сваренный на пару; у северных китайцев вместо риса часто употребляют вареные на пару несоленые хлебцы из пшеничной или кукурузной муки («маньтоу» и «вовотоу»), а также разнообразные лепешки. «Второстепенная еда» готовится из мелко порезанных продуктов, приготавливаемых чаще всего путем жарения в глубокой полусферической сковороде. Особенностью японской кухни является употребление в пищу сырой рыбы, сдобренной различными приправами («сасими»). Вареный рис подается на стол обязательно в горячем виде и раскладывается по пиалам, а «дополнительное» блюдо (их по возможности стараются готовить несколько) ставится в одной большой чашке, откуда участвующие в трапезе достают его с помощью деревянных палочек. Молоко и в особенности кисломолочные продукты большинство восточноазиатских земледельческих народов в пищу не употребляют.

Многие народы юга Восточной Азии (в частности, таи) предпочитают обычному рису клейкие сорта, которые на севере используются только в праздничной пище. Кроме того, в рационе народов юга Восточной Азии большую роль играет рыба. Из нее приготавливают и специальный соус или пасту, широко используемые для заправки блюд. Несколько особняком стоит пища тибетцев, в которой элементы скотоводческого комплекса сочетаются с регулярным использованием мучных продуктов. Наиболее популярное блюдо тибетцев — «цзамба» (поджаренная ячменная мука), которую едят, смешивая с чаем или молоком. Из ячменя тибетцы гото-

вят и «чан» (подобие пива); у других восточно-азиатских народов в настоящее время популярностью пользуются различные сорта рисовой водки.

Социальная организация. У многих народов Восточной Азии вплоть до недавнего времени сохранялись пережиточные формы клановой (патронимической) организации, накладывавшей отпечаток на многие стороны общественного сознания и семейного быта. У китайцев патрилинейная группа родственных семей, поддерживающих определенное общественное, идеологическое, а отчасти также и хозяйственное единство, в конце XIX — начале XX в. была одной из ячеек социальной структуры деревни. Наличие такой патронимии («цзунцзу») в значительной мере определяло характер земельной собственности (помимо участков, находившихся во владении всего клана, его члены были связаны отношениями, в известной мере ограничивавшими право частной собственности отдельных семей). Этим объясняется длительное сохранение в Китае права предпочтительной покупки земли членом клана; перед совершением акта продажи владелец участка обязан был получить согласие на это со стороны сначала близких, а затем и дальних родственников. Единство цзунцзу поддерживалось общим культом предков. Браки внутри такой группы семей были запрещены. Во многих цзунцзу регулярно велись специальные родословные книги. В условиях сохранения феодальных пережитков в деревне предписываемая традицией взаимопомощь членов клана маскировала отношения имущественного неравенства и эксплуатации. Традиционная клановая организация послужила основой объединения китайцев-эмигрантов (хуацяо) в условиях чуждой для них среды обитания. Во всех странах, где сейчас есть более или менее значительные общины хуацяо, повсеместно существуют корпоративные объединения однофамильцев, своей структурой и функциями имитирующие цзунцзу. Социальные ячейки, типологически сходные с китайскими цзунцзу, существуют у многих народов южного Китая, а также у корейцев и, в виде отдельных пережитков, у японцев.

Особенности социальной организации в известной мере находят свое отражение и в специфике систем личных имен.

Внешним признаком принадлежности к определенной группе родственных семей (клану) у народов Восточной Азии чаще всего является общее клановое имя. Исторически оно восходит к имени или прозвищу первопредка, иногда к названию места первоначального поселения клана. Из клановых имен возникли современные фамилии, на позднем этапе существования клановой организации выполняющие функцию общего наследственного имени членов клана. Фамилии некоторых народов Восточной Азии возникли очень рано (у древних китайцев, например, еще в последних веках до н. э.). У китайцев, корейцев, японцев фамилия является первым компонентом наименования лица. У некоторых народов Восточной Азии фамилий не возникло, и принадлежность человека к тому или иному клану обозначается посредством цепочки имен предков — отца, деда, прадеда и т. д. (такая система существует у современных ицзу).

Личное (индивидуальное) имя, являющееся у китайцев, корейцев, японцев вторым компонентом наименования, нередко не только отличает данное лицо от других, но и указывает на его место в рамках родственной группы. У китайцев родственники одного поколения часто имеют в составе индивидуального имени какой-то общий элемент (аналогичное явление характерно и для монголов). У многих народов Восточной Азии существует табу на употребление личных имен старших родственников или других уважаемых лиц (поэтому к старшему обращаются, употребляя термин родства).

Духовная культура. Многие черты культуры народов Восточной Азии сформировались под воздействием тех или иных религиозных представлений. Хотя ни одна из мировых религий не возникла на территории данного региона, большинство из них в той или иной мере получили распространение у восточноазиатских народов. В меньшей мере это касается христианства; оно было занесено в Китай в VII—VIII вв. в виде несторианства, но

Образец древнекитайской письменности. Стела I в.

не пустило там глубоких корней. Позднее, начиная с XV—XVII вв., в некоторые страны Восточной Азии проникли европейские миссионеры, деятельность которых в целом не привела к значительным результатам.

Гораздо большую роль сыграло в истории народов Восточной Азии мусульманство, распространившееся прежде всего среди тюркских народов Китая. Принятие мусульманства способствовало формированию особой этнографической группы китайцев — хуэй (та ее часть, которая в конце XIX в. переселилась в Среднюю Азию, получила название «дунгане»).

Наибольшее воздействие на культуру народов Восточной Азии оказал буддизм. Он проник в Китай, а оттуда в Корею и Японию в первых веках нашей эры. Гибко приспосабливаясь к новым условиям, буддизм значительно трансформировался, что нашло свое выражение, в частности, в появлении многочисленных сект. Наибольшее историческое значение имела среди них школа «чань» (япон. «цзэн»). У монголов и тибетцев господствующей религией стал ламаизм.

Особенностью религиозных систем, сложившихся у большинства народов Восточной Азии, был их глубокий синкретизм. Пришлые религии впитали в себя различные традиционные местные верования, зачастую причудливо переплетаясь с развитыми местными религиями. В народных верованиях китайцев, например, сочетаются черты буддийских представлений, с одной стороны, с другой — элементы морально-этического учения конфуцианства и исконной китайской религии — даосизма, который характеризуется чрезвычайно обширным пантеоном, культом отшельничества и ярко выраженным мистицизмом. В Японии происходил процесс постепенного слияния буддизма и синтоизма — религии, возникшей на японской почве.

Лишь у некоторых народов Восточной Азии религиозные представления не подвергались заметному воздействию буддизма. У маньчжуров, например, вплоть до XX в. был распространен шаманизм (маньчжуры — единственный народ, создавший и сохранивший религиозные сочинения, связанные с практикой шаманизма). Анимистические и шаманистские представления сохранялись вплоть до недавнего времени у мяо.

Богатая мифология народов Восточной Азии типологически может быть разделена на несколько отдельных циклов, причем выявление совпадающих или сходных вариантов мифа, существующих у разных народов, нередко может явиться указанием на древние генетические или ареальные связи.

Одним из важнейших является цикл космогонических мифов, повествующих о трансформации первоначального хаоса и появлении из него земли, неба и человеческих существ, созданных богиней Нюйва (китайцы), Аматерасу (японцы) и т. д.

Самостоятельный цикл составляют этногонические мифы, в которых отражаются древние тотемистические представления: древние тюрки вели свое происхождение от волка, народы группы мяо-яо — от пятицветной собаки Паньху; многие мифы этого цикла отражают идею «непорочного зачатия» предка (в одних случаях прародительница проглотила яйцо Пурпурной птицы; в других — первопредок появился на свет после того, как его мать наступила на след великана, и т. д.). Воз-

можно, что эта группа мифов представляет собой трансформированное отражение древнейшей социальной реальности, связанной с матрилинейной филиацией.

Мифы о культурных героях рассказывают о персонифицированных «творцах» важнейших культурных достижений того или иного народа. Этот цикл особенно полно представлен в мифологическом творчестве китайцев, почитавших Суйжэня как первого человека, добывшего огонь трением; Фуси, сделавшего первый лук и стрелы; Шэньнуна, научившего людей изготовлять земледельческие орудия; Хуанди, открывшего способ варить зерно на пару, и т. д. При этом многие из этих героев представлялись китайцам в виде полулюдей-полуживотных — Фуси с телом змеи, Шэньнун с головой быка и пр.

В устном народном творчестве многих народов Восточной Азии значительное место занимает эпос. Немало сходных сюжетных линий можно обнаружить в героическом эпосе монгольских и тюркских народов — улишери о Гэсэр-хане у монголов, в сказании «Манас» у киргизов. При этом некоторые образы героического эпоса обнаруживают параллели с произведениями древнего изобразительного искусства. Так, мотив борющихся богатырей, позади которых стоят их боевые кони, встречается как на декоративных украшениях «звериного стиля» I тысячелетия до н. э., так и в сказании о единоборстве бесстрашного Хан-Хулюга и его соперника Алдай-Мергена: «Заступится за меня лишь мой конь Хан-Шилги!» — восклицает один из богатырей, другой вторит ему: «И за меня никто не заступится, кроме Ак-Сарыг-коня» и т. д. Эпос занимает важное место в фольклоре китайцев (цикл «Троецарствие»), ицзу («Ашма») и других народов Восточной Азии. Особенностью китайского героического эпоса является своеобразное переплетение устных и книжных версий, легших в основу средневековых народных романов. Высоким уровнем художественных достоинств отличается народная поэзия, наиболее древние образцы которой представлены в антологиях «Шицзин» и «Юэфу» (Китай), «Манъёсю» и «Кокинсю» (Япония). У многих восточноазиатских народов поэтическое творчество по-прежнему неотделимо от музыки; это органическое единство до сих пор характерно для фольклорных произведений мяо (обрядовая и любовная песня), наси (любовная лирика) и т. д.

Одной из важных особенностей духовной культуры народов Восточной и Центральной Азии является существование у них длительной письменной традиции. Древнейшей системой письма в этом регионе была древнекитайская иероглифика, возникшая в начале II тысячелетия до н. э. и непрерывно развивающаяся вплоть до настоящего времени. Знаки китайской письменности фиксируют значимые единицы языка прежде всего в плане их смысла, а не звучания. Эта особенность иероглифики облегчила ее заимствование соседними народами. В средние века китайская иероглифика играла в Восточной Азии примерно такую же роль, как латинская письменность в Европе. Вьетнамцы и корейцы, пользовавшиеся иероглифами, перешли затем на собственные системы письма; японцы в настоящее время используют иероглифы наряду со слоговыми знаками (катакана и хирагана). В V!—IX вв. древние тюрки пользовались руническим письмом, а позднее у многих кочевых народов Центральной Азии распространился уйгурский алфавит, на основе которого затем сформировался монгольский. С 40-х годов нашего века монголы приняли алфавит, большинство букв которого восходит к кириллице.

Глава 3

Народы Африки

Общие сведения: природа, страна и население Африки

Географическая среда. Географические условия Африки отличаются специфическим многообразием природных элементов и их региональных сочетаний, которые по отношению к практической жизнедеятельности населяющих Африку народов выступают в качестве необходимых экологических условий, пищевых и технических ресурсов. Идущий из глубины тысячелетий процесс овладения этими природными условиями и силами составляет материальную основу всей хозяйственно-культурной истории африканских народов.

Африка — второй по величине после Евразии материк — занимает примерно пятую часть земной суши (вместе с примыкающими островами 30,3 млн. кв. км). Африканский континент почти равными долями расположен как в северном, так и в южном полушарии, причем большая его часть находится в тропическом поясе. С севера на юг континент протянулся на 8000 км, с запада на восток в его северной части — на 7000 км, а в южной части — более чем на 3000 км. На севере Африка омывается водами Средиземного моря, на западе — Атлантического океана, на востоке — Индийского. Береговая линия Африки развита слабо; наиболее крупный полуостров Африканский Рог; морские акватории неглубоко вдаются в материк; многие внутренние области континента удалены от Мирового океана на расстояние от 1000 до 1500 км. Самый большой остров, примыкающий к африканскому континенту с юго-востока, — Мадагаскар.

Пять наиболее крупных рек — Нил, Конго, Нигер, Замбези и Оранжевая; их бассейны занимают свыше трети всей территории Африки. Крупнейшие озера — Виктория, Танганьика, Ньяса и другие являются естественной границей между Центральной и Восточной Африкой. На остальной территории выделяются своими размерами мелководные, с неустойчивыми уровнями озера Чад и Нгами. Воды ряда африканских рек (Нила, отчасти Нигера и др.) используются для орошения. Некоторые реки (например, Нил, Нигер, Конго, Гамбия и др.) служат на значительном своем протяжении как транспортные пути.

Африка считается самым жарким материком, так как бóльшая часть ее территории расположена в тропических широтах и имеет высокие среднегодовые температуры — свыше 25°С. В пределах тропической климатической зоны в северном полушарии находятся: Западная Сахара, центральная и южная части Марокко, Алжир и Тунис, Мавритания, северные части областей Чада и Нигера, Судана, Эфиопии и Сомали. На этой территории господствует исключительно сухой континентальный климат. Местами осадки не выпадают в течение нескольких лет. Тропическая зона южного полушария — Ангола, Намибия, Ботсвана, Зимбабве, Мозамбик, ЮАР, часть Мадагаскара — характеризуется более низкими температурами и меньшей засушливостью (за исключением некоторых районов Намибии и Ботсваны), чем это наблюдается в Сахаре. Узкие полосы на севере и юге Африки лежат в зоне более влажного и ровного субтропического климата.

Растительность Африки богата и разнообразна. Под лесами занято приблизительно 16% общей площади Африки, под травяным покровом степей — 37; территория пустыни составляет 39%. В центральной и западной экваториальной частях Африки, вдоль северного побережья Гвинейского залива и во впадине Конго произрастают тропические вечнозеленые «дождевые» леса (гилеи). В этих лесах многие растения имеют хозяйственно-потребительную ценность, особенно дающие ценную древесину черное, красное, желтое, эбеновое, сандаловое деревья, каучуконосная лиана ландольфия, дерево кола, либерийское кофейное дерево, масличная и винная пальмы. В тропических лесах в диком виде произрастают многие съедобные плоды и коренья.

Севернее и южнее гилей растут узкими полосами муссонные леса, которые затем переходят в лесостепную и степную саванну, занимающую около 30% территории Африки.

Значительные площади саванн используются под пастбища и пашни.

Бóльшую часть Северной Африки занимает пустыня Сахара. В Южной Африке к зоне пустынь относятся западная и южная части Калахари и пустыня Намиб. В редких оазисах севера растет финиковая пальма, плоды которой имеют важное продовольственное значение.

По побережью Средиземного моря, по склонам Атласских гор развита средиземноморская субтропическая растительность — оливковые деревья, пальмы, мирты и др. В горных районах растут вечнозеленые каменный дуб, пробковый дуб, атласский кедр. В этом районе сосредоточено до 50% мировой площади, занятой пробковым дубом. На юге Африки, в Капской области, сходной по климатическим условиям со Средиземноморской, растут вечнозеленые кустарники, дикая маслина и др.

Животный мир Африки, когда с ней впервые познакомились арабы и европейцы, был очень богат и разнообразен. И сейчас в субтропических лесах Северной Африки встречаются олени и лани, кабаны и дикие бараны, леопарды и обезьяны. В саваннах преобладают антилопы (до 40 видов), зебры, жирафы. Водятся африканские слоны и носороги. По рекам живут многочисленные бегемоты, водяные кабаны, крокодилы, пресноводные черепахи. Много хищников — леопардов, гепардов, степных рысей, гиен, шакалов; встречаются львы. Большие бедствия людям и животным доставляют мухи цеце, переносящие опасные заболевания (сонная болезнь, болезнь нагана). Особый интерес представляет фауна Мадагаскара, где многие виды мелких животных и птиц характерны только для этого острова.

С отдаленнейших времен наземная фауна, так же как и дикорастущая флора, служила африканским народам важнейшим источником пропитания. Охота и собирательство диких растений не утратили своего значения и тогда, когда в передовых областях древней и средневековой Африки стали развиваться земледелие и скотоводство. Но к настоящему времени многие виды животных находятся на грани исчезновения. Сохранение животного мира становится важной задачей молодых национальных правительств.

По природохозяйственным условиям современная Африка делится на несколько поясов или зон. На севере и северо-западе это Атлас с плодородными, удобными для зернового земледелия коричневыми почвами. Южнее простирается огромная Сахара — зона пустынь, полупустынь и степей, пригодных для кочевого и отгонного скотоводства. Далее к югу — Судан, протянувшийся полосой параллельно экватору от Сенегала до р. Голубой Нил, — зона саванны, где население занимается степным земледелием и скотоводством. Еще южнее — Северо-Гвинейская возвышенность, или Гвинейское побережье, поросшее густыми тропическими лесами на юге и влажными саваннами на севере, обитатели которых возделывают различные корнеплоды, выращивают злаковые растения и древесные культуры, занимаются охотой и собирательством. Тропическое земледелие с культурами просо, сорго, ямса, маниоки, масличной пальмы и других растений распространено также в Центральной Африке (впадина Конго). Тропическое земледелие — весьма трудоемкое занятие, требующее постоянной борьбы с лесом и многих рабочих рук для мотыжной обработки полей и возделывания саженцев. На северо-востоке континента выделяется зона очень древнего зернового земледелия и кочевого скотоводства — Эфиопское нагорье и степи полуострова Африканский Рог. Вся Восточная Африка от Эфиопского нагорья до р. Замбези представляет собой зону степного земледелия с засухоустойчивыми культурами и отгонным скотоводством. В Южной Африке (в том числе и на острове Мадагаскар) со смешанными природными условиями — от субтропических до степных и пустынных — распространены почти все виды хозяйственных занятий (включая охоту и собирательство), характерных для Африки в целом.

В общем большое разнообразие климатических и почвенных условий позволяет современным африканцам выращивать все известные человечеству земледельческие культуры и разводить скот самых различных пород. Натуральное и мелкотоварное сельское хозяйство до сих пор составляют основу экономики многих стран Африки, однако это хозяйство находится в тяжелом или неуравновешенном состоянии, не обеспечивая полностью продовольственные потребности возросшего населения. Технико-экономический подъем и развитие товарности этой ведущей отрасли хозяйства есть самая насущная задача развивающихся стран Африки. Попытки буржуазии ряда стран решить эту проблему на капиталистических началах ведения сельского хозяйства приводят к росту товарной продукции и обогащению предпринимателей, но по-прежнему оставляют в бедности основную массу непосредственных производителей. Прогрессивные тенденции общего подъема сельского хозяйства и благосостояния крестьян яснее всего обнаруживаются в странах социалистической ориентации (Эфиопия, Алжир, Ангола и др.).

Недра африканского континента, еще недостаточно исследованные, таят в себе различные ископаемые: богатейшие залежи нефти на севере и в районах Гвинейского побережья; на юге крупные запасы золота; уран в Центральной Африке; громадные запасы меди в провинции Шаба (Заир) и в Медном Поясе (Замбия); алмазы — по всей территории Южной и Западной Экваториальной Африки, но особенно в ЮАР, Намибии, Заире и др.; из остальных полезных ископаемых — платина, полиметаллы, кобальт, марганец, олово, железные руды, каменный уголь и др.

На базе этих природных богатств в ряде районов Африки (Заир, Замбия, ЮАР и др.) развивается горнорудная, добывающая и перерабатывающая промышленность, создаются крупные производственные центры, индустриальные города и поселения городского типа, в которых концентрируется значительная масса рабочего класса и переходящих к городскому образу жизни переселенцев из сельской местности.

Страны и государства. По установившейся в африканистике традиции народы Африки обычно распределяются по общим большим историко-географическим областям: Северная Африка — страны Магриба и Египет; Северо-Восточная Африка — Эфиопия и Сомали; Западная Африка, или Западная Тропическая Африка, — страны Западного Судана и Гвинейского побережья; Центральная Тропическая Африка — бассейн Конго и соседние области; Восточная Тропическая Африка — Межозерье и приморские области; Южная Африка и Мадагаскар. Такое членение отвечает задачам общего обзора хозяйственно-культурных особенностей обширных регионов, но оно недостаточно для характеристики политического деления современной Африки.

Превращение большинства африканских стран в колонии европейских держав относится в основном к последней четверти XIX в. — периоду империалистического раздела мира. Колониализм расхищал природные богатства, нещадно эксплуатировал коренное население Африки. Африканцев совершенно устранили от политической жизни, лишили самых элементарных прав. К колониальным территориям надолго были привешены ярлыки: «Британская», «Французская», «Бельгийская», «Испанская», «Португальская» (например, «Британская Западная Африка», «Французская Экваториальная Африка», «Бельгийское Конго» и др.).

Исторический перелом в судьбах народов Африки произошел по окончании второй мировой войны. Образование мировой социалистической системы необычайно ускорило развитие национально-освободительного движения. С этого времени понадобилось всего полтора десятилетия, чтобы в корне подорвать колониальную систему, складывавшуюся столетиями. Если в 1945 г. на африканском континенте было только три независимых государства — Египет, Либерия и Эфиопия (в настоящее время соответственно называются Арабская Республика Египет, Республика Либерия и Социалистическая Эфиопия), то в настоящее время их уже 50. В 1950-х годах независимость получили Ливия (Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джа-

махирийя), Демократическая Республика Судан, Королевство Марокко, Тунисская Республика, Республика Гана, Гвинейская Народная Революционная Республика.

1960 год называют «Годом Африки», когда 17 стран получили государственную независимость. Это Исламская Республика Мавритания, Республика Сенегал, Мали, Берег Слоновой Кости, Народная Республика Бенин, Верхняя Вольта, Того, Объединенная Республика Камерун, Федеративная Республика Нигерия, Нигер, Чад, Центральноафриканская Республика, Габон; Народная Республика Конго, Заир, Сомалийская Демократическая Республика, Демократическая Республика Мадагаскар.

В 1960-х годах свободными стали Алжирская Народно-Демократическая Республика, Гамбия, Сьерра-Леоне, Уганда, Кения, Объединенная Республика Танзания, Руанда, Бурунди, Малави, Замбия, Ботсвана, Маврикий, Экваториальная Гвинея, Королевство Лесото, Королевство Свазиленд. В 1970-х годах после многолетней вооруженной борьбы и свержения фашистской диктатуры в Португалии независимость получили Гвинея-Бисау, Острова Зеленого Мыса, Демократическая Республика Сан-Томе и Принсипи, Народная Республика Ангола, Народная Республика Мозамбик; Сейшельские острова, Коморские острова и Джибути. В 1980 г. независимость получила Зимбабве. Но существует еще государство, где у власти стоит расистская империалистическая верхушка, — Южно-Африканская Республика. Вопреки решениям Организации Объединенных Наций, милитаристская ЮАР продолжает незаконно удерживать за собой страну Намибию. Коренное африканское население этих стран ведет упорную борьбу за свободу и независимость.

Политическая независимость, завоеванная большинством африканских народов, сама по себе еще не означает полного национального освобождения и становления на путях ускоренного социально-экономического развития. Второй, не менее важный шаг — это достижение экономической независимости и установление равноправных отношений в мировом экономическом и культурном взаимообмене. Достигнуть этого без опоры на широкие слои трудящихся в своей стране, без прочного союза с государствами социалистического содружества по-настоящему невозможно. Вот почему многие африканские страны — Алжир, Ливия, Гвинея, Бенин, Конго, Эфиопия, Ангола, Мозамбик, Мадагаскар и др. — избрали определенные ориентации прогрессивного развития, которые в одних случаях раньше, а в других случаях позже способны подвести их к коренным социальным преобразованиям, к социализму.

Население. Насильственное приобщение африканцев к колониальной «цивилизации» имело демографическим последствием то, что если до прихода европейцев население Африки составляло около 20% жителей земного шара, то к 1960 г. — только 8%. Карательные экспедиции, эпидемии и массовое недоедание в период колониализма уносили множество человеческих жизней. Так, за период бельгийского владычества, менее чем за 80 лет, население Конго (ныне Заир) сократилось в два раза.

Напротив, в период начавшегося независимого развития, во второй половине нашего столетия, численность населения стран Африки возрастала быстрее, чем в других частях света. К концу 1970-х годов она приблизилась к 450 млн. человек.

Однако и сейчас средняя плотность населения на африканском континенте более чем в два раза ниже, чем на всем земном шаре, и составляет 13—14 человек на кв. км. Население распределено по континенту неравномерно. Огромные территории Сахары и пустынь Южной Африки, районы влажных тропических лесов заселены очень редко. Плотнее заселены возвышенные районы Африки, например: Эфиопское нагорье, Атлас, Восточноафриканское нагорье, горные районы Мадагаскара. Наиболее густонаселенным районом является долина Нила (до 1000 человек на кв. км), из государств — Руанда, Бурунди, Реюньон, Маврикий.

Свыше 75% населения Африки являются сельскими жителями, остальные горожанами. Особенно интенсивный рост городского населения наблюдается в период независимого

развития. В 1965 г. на континенте имелось более 100 городов с населением свыше 100 тыс. человек в каждом. В некоторых государствах удельный вес городского населения превышает треть жителей — в Джибути (60%), Египте (44%), Алжире (52%), Марокко (39%), Конго (48%), Тунисе (50%), ЮАР (48%), БСК (32,4%), Замбии (36,3%), Маврикии (43%), Намибии (37%), Экваториальной Гвинее (35%). Массовая урбанизация африканских стран отличается стихийностью и не всегда сопровождается ростом промышленно-экономического потенциала городов и подъемом культуры мигрантов из сельских местностей. Регулирование процессов урбанистического развития — еще одна важная задача правительств развивающихся стран Африки.

Антропологический состав населения. На Африканском континенте в разных вариантах представлены носители физических черт трех больших рас — европеоидной, негроидной и отчасти монголоидной, а также смешанных и переходных между ними расовых типов.

Вся Северная Африка заселена народами, относящимися к европеоидной большой расе, — это арабы и берберы, для которых характерны темный цвет волос и глаз, смуглая кожа, слегка волнистые волосы, узкое лицо, тонкий прямой нос. К этой же расе, точнее к ее среднеевропейскому типу, принадлежит и европейское население, проживающее главным образом на юге континента, — африканеры (потомки голландцев), англичане, французы, немцы и др. — отличающееся светлым цветом волос, глаз и кожи, прямыми или слегка волнистыми волосами, узким лицом, тонким прямым носом.

Подавляющее большинство населения стран к югу от Сахары относится к негроидной (или африканской) большой расе, представленной тремя региональными типами. Носителям негрского типа свойственны такие специфические черты: темная кожа различных оттенков от очень темных до светло-кофейных, темный цвет глаз и волос, курчавые волосы, нередко выдающиеся вперед челюсти (прогнатизм), различные формы губ от средней величины до очень крупных («вздутых»), широкий нос с низким переносьем и широко открытыми ноздрями, слабо развитый на теле третичный волосяной покров. Антропологические отличия в пределах этого типа довольно значительны и касаются таких признаков, как рост, цвет кожи, строение лица и головы, носа и губ, наличие или отсутствие прогнатизма.

Носители особых расовых типов — негриллького и бушменского — проживают к югу от Сахары. Первые представлены пигмеями Экваториальной Африки, которые выделяются очень малым ростом, более светлым цветом кожи, более развитым третичным волосяным покровом на теле, более тонкими губами. Вторые — южноафриканские бушмены и готтентоты — характеризуются желтоватым цветом кожи, средним или малым ростом, узким носом с уплощенным переносьем, нередким наличием эпикантуса и стеатопигии (выступающих жировых образований в области ягодиц), рано появляющейся морщинистостью кожи лица и тела.

К смешанным и переходным формам между негроидной и европеоидной расами относится эфиопский тип (Эфиопия, Сомали и др.), для которого характерны: темный цвет волос и глаз, смуглая или темная кожа, волнистые волосы, узкое лицо и тонкий нос, губы тонкие или средней толщины, более высокий рост и т. д. К особому смешанному расовому типу (негроидной и монголоидной рас) относятся малагасийцы — коренное население острова Мадагаскар.

Этно-лингвистический состав населения. Многие языки Африки научно малоисследованы, что затрудняет их классификацию. Более основательно выделены языковые семьи и группы, которые объединяют близкие между собой языки.

Всю Северную Африку, значительную часть Северо-Восточной, а также отчасти Восточную и Западную Тропическую населяют народы, говорящие на языках семито-хамитской, или афразийской, семьи (свыше трети населения континента), которая в свою очередь подразделяется на четыре группы: семитскую, берберскую, кушитскую и чадскую. Среди семитской языковой группы выделяются две подгруппы: арабская (свыше 80 млн. человек) и эфиопская (около 20 млн.). На диалектах араб-

ского языка говорит население Египта, большая часть Магриба — Ливии, Туниса, Алжира, Марокко. Кроме того, он распространен в Мавритании, на большей части территории Судана, частично в Мали, Нигере, Чаде и других странах, где проживают кочевые арабские племена. На языках второй подгруппы говорит главным образом население Эфиопии — амхара, тигре, тиграи и др.

На языках берберской группы говорит население главным образом Северо-Западной Африки (Магриба) — кабилы, рифы, шлех, шавийя, тамазигт, зенага и др. Кроме того, к ней относятся и племена туарегов, кочующих на обширных пространствах Центральной Сахары. В общей сложности бербероязычных народов насчитывается около 9 млн. человек.

Кушитские языки распространены от юго-востока Египта до Северной Кении и Танзании, но в основном на юге и востоке Эфиопии и в Сомали. Это языки народов галла, сомали, беджа, сидамо, ираку и др.— всего 19,5 млн. человек.

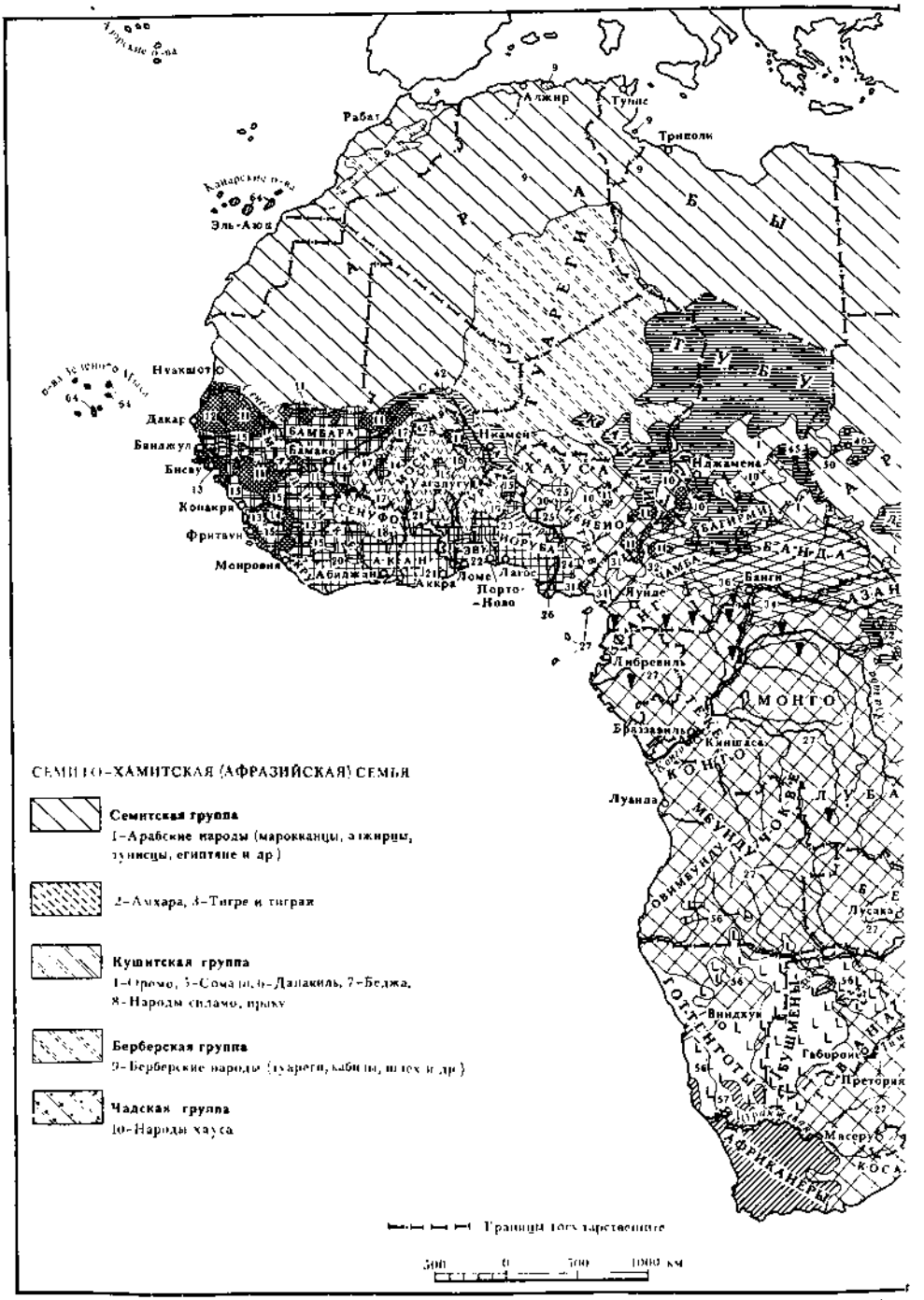
На языках четвертой группы — чадской — говорит до 22 млн. человек, живущих в Северной Нигерии (народ хауса — 18 млн. человек) и соседних государствах Нигера, Чада и Северного Камеруна.

Исторически к особой группе семито-хамитской семьи принадлежали языки племен Древнего Египта и сложившийся на их основе письменный древнеегипетский язык. Самой поздней ступенью в развитии египетского языка был коптский, на котором, начиная с III—IV вв., говорило христианизированное население Египта. К XVII в. арабский язык окончательно вытеснил бытовой язык коптов. В настоящее время он сохраняется как язык богослужения среди коптов-христиан.

В странах Тропической и Южной Африки распространены многочисленные языки, относящиеся к трем основным языковым семьям: нигеро-кордофанской (или конго-кордофанской), охватывающей свыше 244 млн. человек; нило-сахарской — более 25 млн. человек; а также немногочисленной (менее 250 тыс. человек) койсанской.

Нигеро-кордофанская семья языков распространена от Атлантического океана на западе до Индийского океана на Востоке, от Сенегала и Центральноафриканской Республики на севере до Южноафриканской Республики на юге. Эта весьма обширная семья подразделяется на две этнолингвистические группы — нигеро-конго и кордофанскую. Первая из них включает в себя почти все языки Западной Тропической, Центральной Тропической, Восточной Тропической и Южной Африки. К ним относятся языки следующих подгрупп (начиная от западного Атлантического побережья и к востоку): западноатлантическая — 20 млн. человек (фульбе, волоф, серер и др.); манде — 11 млн. (бамбара, малинке и др.; вольта — 12 млн. (моси, груси, сенуфо и др.); ква — 52 млн. (акан, эве, йоруба, ибо и др.); адамава-восточная — около 7 млн. (азанде, банда, гбайя и др.); бенуэ-конго (в том числе и народы банту) — 140 млн. человек, Нигерии (ибибио, тив и др.), Камеруна (бамилеке, буте и др.), многочисленные языки банту южной половины Африки (фанг, конго, луба, мбунду, бемба, ньямвези, ганда, малави, тонга, коса и др.). Кордофанская (460 тыс. человек) этнолингвистическая группа объединяет небольшие народы, проживающие главным образом в центральных районах Демократической Республики Судан.

Нило-сахарская семья распространена тремя массивами от среднего течения р. Нигер на западе и до оз. Рудольфа на востоке Африки. Генетически языки этой семьи объединяются в несколько групп. Самая многочисленная — шари-нильская, — насчитывающая 18,5 млн. человек. Это подгруппа восточносуданских народов, ранее называвшихся нилотами, которые проживают на юге Судана, в Уганде, Кении и Танзании (динка, нуэр, ачоли, луо, масаи, нубийцы и др.); подгруппа центральносуданских народов на юге Чада (багирми и др.), в Заире (мору-мади и др.); и два языка, составляющие самостоятельные подгруппы берта (Судан) и кунама (Эфиопия). Сахарская группа языков (около 4 млн. человек) представлена тубу центральной Сахары, канури, населяющих северо-восток Нигерии. Третья группа — сонгаи (1,8 млн. человек), к которой относятся главным образом народы сонгаи и джерма, заселяющие среднее тече-



СЕМИТО-ХАМИТСКАЯ (АФРАЗИЙСКАЯ) СЕМЬЯ

Семитская группа
1–Арабские народы (марокканцы, алжирцы, тунисцы, египтяне и др.)

2–Амхара, 3–Тигре и тиграи

Кушитская группа
4–Оромо, 5–Сомалийцы, 6–Данакиль, 7–Беджа, 8–Народы сидамо, ирку

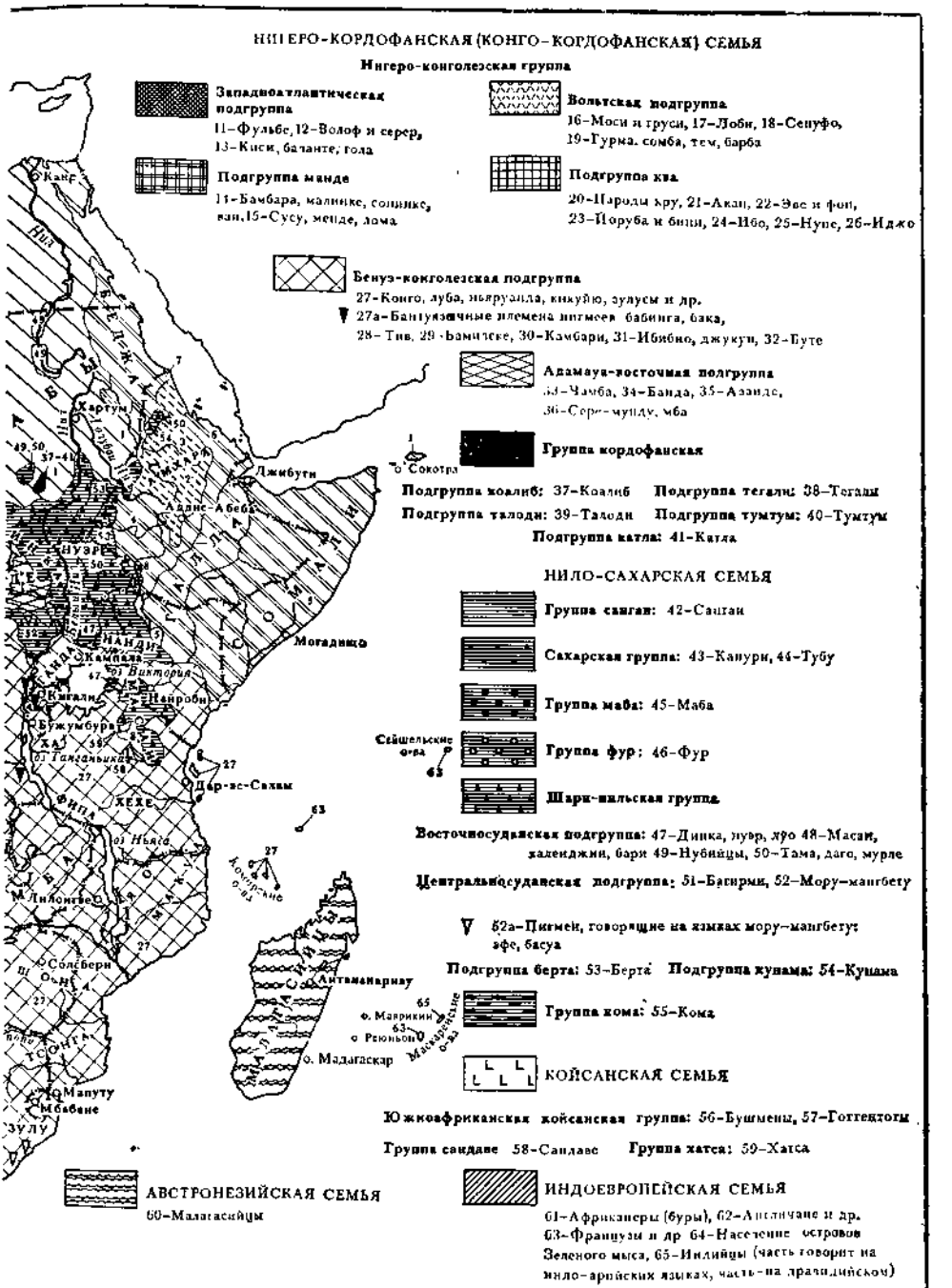
Берберская группа
9–Берберские народы (туареги, кабилы, шлех и др.)

Чадская группа
10–Народы хауса

Граница государства

500 0 500 1000 км

Народы Африки


НИГЕРО-КОРДОФАНСКАЯ (КОНГО-КОРДОФАНСКАЯ) СЕМЬЯ
Нигеро-конголезская группа
Западноатлантическая подгруппа
11–Фульбе, 12–Волоф и серер, 13–Киси, баланте, гола
Вольтская подгруппа
16–Моси и груси, 17–Лоби, 18–Сенуфо, 19–Гурма, сомба, тем, барба
Подгруппа манде
14–Бамбара, малинке, соninке, вай, 15–Сусу, менде, лома
Подгруппа ква
20–Народы ару, 21–Акан, 22–Эве и фон, 23–Йоруба и бини, 24–Ибо, 25–Нупе, 26–Иджо
Бенуэ-конголезская подгруппа
27–Конго, луба, мбундала, кикуйю, зулусы и др.
27а–Бантуязычные племена пигмеев бабинга, бака,
28–Тив, 29–Бамилеке, 30–Камбари, 31–Ибибио, джукун, 32–Буте
Адамауа-восточная подгруппа
33–Чамба, 34–Банда, 35–Азанде, 36–Сере–мунду, мба
Группа кордофанская
Подгруппа коалиб: 37–Коалиб Подгруппа тегали: 38–Тегали
Подгруппа талоди: 39–Талоди Подгруппа тумтум: 40–Тумтум
Подгруппа катла: 41–Катла
НИЛО-САХАРСКАЯ СЕМЬЯ
Группа сангаи: 42–Сангаи
Сахарская группа: 43–Канури, 44–Тубу
Группа маба: 45–Маба
Группа фур: 46–Фур
Шари-нильская группа
Восточносуданская подгруппа: 47–Динка, нуэр, луо 48–Масаи, халенджин, бари 49–Нубийцы, 50–Тама, даго, мурле
Центральносуданская подгруппа: 51–Багирми, 52–Мору-мангбету
52а–Пигмеи, говорящие на языках мору-мангбету: эфе, басуа
Подгруппа берта: 53–Берта Подгруппа кунама: 54–Кунама
Группа кома: 55–Кома
КОЙСАНСКАЯ СЕМЬЯ
Южноафриканская койсанская группа: 56–Бушмены, 57–Готтентоты
Группа сандаве 58–Сандаве Группа хатса: 59–Хатса
АВСТРОНЕЗИЙСКАЯ СЕМЬЯ
60–Малагасийцы
ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ
61–Африканеры (буры), 62–Англичане и др.
63–Французы и др 64–Население островов Зеленого мыса, 65–Индийцы (часть говорит на индо-арийских языках, часть–на дравидийском)
Канг
Ниа
Хартум
Джибути
Аддис-Абеба
Могадишо
Кампала
Виктория
Кигали
Найроби
Бужумбура
Дар-ес-Салам
Хехе
Ньяса
Солсбери
Мапуту
Мбабане
Зулу
Сокотра
Сейшельские о-ва
Коморские о-ва
Антананариву
о. Маврикий
о. Реюньон
Мадагаскарские о-ва
о. Мадагаскар

ние р. Нигер, — в Мали, Нигере, Нигерии и Бенине. Кроме того, в эту семью включены отдельные языки — маба, фур, кома, которые ни в одну из этих групп не входят.

Койсанская семья языков в Юго-Западной Африке включает бушменов, готтентотов и горных дамаров, говорящих на различных по происхождению, но исторически сблизившихся языках, которым свойственна специфическая особенность — употребление в речи «щелкающих» звуков, с великим трудом воспроизводимых европейцами. В эту семью входят также языки хатса (хадзапи или тиндига) и сандаве — двух небольших народов, проживающих во внутренних районах Танзании.

На острове Мадагаскар местное население говорит на диалектах и наречиях малагасийского языка, относящегося к индонезийской группе австронезийской языковой семьи (8 млн. человек).

Среди жителей Африки примерно 11 млн. человек говорят на языках индоевропейской семьи. Из них свыше 7 млн. человек относятся к германоязычным народам. Это потомки колонистов из Западной Европы — африканеры, англичане, немцы и др., а также «цветные» ЮАР, американо-либерийцы (Либерия) и некоторые другие. Африканеры ЮАР употребляют язык африкаанс, который строится на основе староголландского, испытавшего влияние языков местных африканцев. К романоязычным группам принадлежат африканские французы, итальянцы, испанцы, португальцы и др. (всего 1,5 млн.). На языках индоарийской группы (ок. 2 млн. человек) разговаривают выходцы из Северной Индии, Пакистана и Бангладеш, — в основном это население Маврикия и ЮАР, отчасти стран Восточной Африки. Кроме того, в Африке проживают греки (65 тыс.), евреи, армяне, дравиды, китайцы и др.

Религии. До сих пор в мировоззрении и общественно-политической жизни подавляющего большинства африканского населения значительную роль играют различные формы религиозных верований и культов, конфессиональных организаций и союзов. Это «группы вероисповеданий», тесно связанные с традиционными (чисто африканскими) религиями, верованиями и культами, а также занесенными в Африку «мировыми религиями» — исламом, христианством и созданными на основе последнего христианско-африканскими церквами и сектами.

Что касается традиционных верований и культов африканцев, то нет оснований видеть в них некую единую африканскую религию. Напротив, эти верования и культы представляют собой пестрое разнообразие различных религиозных форм в виде фетишизма как почитания священных предметов; колдовской магии; веры в ману — всесильную и безликую сверхъестественную силу, довлеющую над природой и человеком; более сложного анимизма, утверждающего веру в многочисленных «духов и душ» — персонифицированных вершителей судеб мира, общины и личности и т. д. Существенную роль в идеологической жизни африканцев играет традиционный культ предков, наиболее влиятельный в странах Тропической и Южной Африки. На Гвинейском побережье столь же влиятельны культы в «эзотерических (тайных) сообществах» (например, культы в мужском союзе Поро, женском союзе Санде и др.). У целого ряда народов, переживших в свое время стадию создания самобытной государственности, — йоруба, акан, луба, зулу и других сохранились «действующие» пережитки «государственных» религий с развитым пантеоном богов. В современной Африке традиционных верований и культов придерживается около 30% всего населения континента.

Вероятно, значительно большее (до 41—42% населения) число африканцев — приверженцы ислама, главным образом его суннитского направления. Около половины африканских мусульман сосредоточено в Северной Африке — в Египте и странах Магриба. В Западной Тропической Африке мусульмане составляют свыше трети населения, из которых половина — в Нигерии. Исторически ислам начал распространяться в Северной Африке в связи с арабским завоеванием VII—XI вв. Позднее он проник и в страны южнее Сахары.

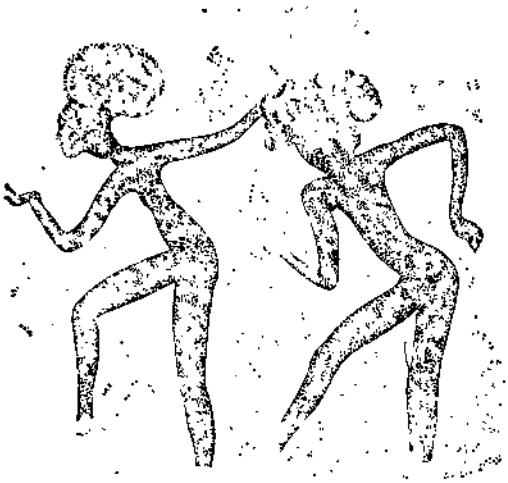
Христианскую религию различных ее толков ныне исповедует примерно четверть аф-

риканского населения разных стран Северо-Восточной, Тропической и Южной Африки. Первоначальные очаги христианства (со II в. н. э.) складывались в Египте, где эта религия, несмотря на давление ислама, и сейчас сохранилась среди части египтян (православных, коптов) и у большинства населения Эфиопии. С XV в. по западному побережью Африки португальские миссионеры стали насаждать католичество. В период колониального господства европейских держав составной частью их политики являлось поощрение миссионерской деятельности католической и протестантских церквей. С падением колониального господства после второй мировой войны эти церкви активно поддерживали создание самоуправляющихся христианских организаций в развивающихся странах Африки.

Нынешние христианско-африканские церкви и секты в странах Тропической и Южной Африки представляют собой религиозные общины с собственной догматикой и ритуалами, сочетающими элементы традиционных культов с элементами, воспринятыми от христианства. Поначалу эти организации носили антиколониалистский идейно-политический характер, в настоящее время они декларируют чисто религиозный характер своей деятельности, хотя нередко стоят в оппозиции к правительствам своих стран. Удельный вес приверженцев этих организаций невелик и составляет примерно 3—5% населения Африки.

Этническая история и социальные структуры доколониальной Африки

Чтобы по-настоящему понять социально-историческую действительность африканских народов, необходимо обратиться к богатейшим напластованиям их этнокультурных традиций, истоки которых восходят к самобытным цивилизациям африканского средневековья и более глубокой древности. Вопреки утверждениям апологетов европейского колониализма о «врожденной неспособности» африканцев к высоким культурам и развитой государственности, современная передовая наука шаг за шагом раскрывает объективную картину как причин действительного отставания Африки



Наскальные изображения танцовщиц. Хоггар. Сахара

от европейских стран в новое время, так и вполне самостоятельного и своеобразного, насыщенного многими культурными приобретениями исторического пути, проделанного африканскими народами за тысячелетия в русле общих закономерностей мирового человеческого прогресса.

Древняя история. В свете новейших научных открытий африканский континент, особенно его восточная и северная части, представляется древнейшей «колыбелью человечества» — очагом возникновения самых первых протолюдей, которые уже более двух миллионов лет назад умели изготовлять простейшие каменные орудия (олдовайская «галечная культура» в Восточной Африке).

В виде ископаемых форм в Африке обнаружены костные останки древнейших людей последующих стадий формирования — питекантропа и неандертальца, а также останки человека вида Homo sapiens, вероятно обитавшего в Африке повсеместно 35 тыс. лет назад. Это было время верхнего палеолита с его достаточно развитой техникой изготовления различных орудий, применявшихся в первобытном охотничье-собирательском хозяйстве.

Судя по костным находкам человека в местечке Мешта аль-Арби (Алжир), в Северной Африке в верхнепалеолитическое время обитали люди европеоидного облика, а к югу от них, вероятно, формировались негроидные группы. Во всяком случае, в неолите (VII—V тысячелетие до н. э.) негроидные племена занимали значительную часть Сахары — тогда еще не пустыни, а увлажненной лесостепи (подвергшейся постепенному усыханию и запустению начиная с III—II тысячелетий до н. э.). Возможно, смешение негроидных и европеоидных расовых типов происходило в лесостепной Сахаро-Нильской полосе уже много тысяч лет назад, в мезолите или даже в верхнем палеолите.

Хозяйственно-культурная история Африки наиболее известна с эпохи развитого неолита, когда на севере, в Сахаре и долине Нила не только совершенствовались исконные охота и собирательство, но и развивались новые для этого периода занятия — земледелие, скотоводство, керамическое дело, более высокая камнеобработка, а искусство наскальной живописи (например, фрески Тассили и др.) отразило возникновение производящего сельского хозяйства.

Поселения ранних земледельцев и мастеров неолитической техники обнаружены в Западной Африке, в плодородных долинах рек Сенегала и Нигера. Своеобразием отличалась неолитическая культура земледельцев, охотников и собирателей Гвинейского побережья и бассейна р. Конго, развивавшаяся в III—I тысячелетиях до н. э. в условиях тропического леса. В саванне, в степных и полупустынных районах Восточной и Южной Африки каменный век просуществовал дольше всего; обитатели здешних открытых пространств до рубежа нашей эры, а местами и позднее занимались исключительно охотой и собирательством (впрочем, в довольно развитых формах).

Древняя Африка, несмотря на ее особое географическое положение — удаленность значительной части территории от Средиземноморья и Передней Азии, т. е. от древних центров и цивилизаций, как свидетельствуют многие научные факты, поддерживала определенные связи с ними. Открытием и использованием навыков культуры земледелия и скотоводства Африка в целом обязана коренным племенам Сахаро-Нильского региона, передавшим это искусство более южным соседям. Прежняя версия западноевропейских ученых о том, что земледелие и скотоводство занесены в Африку высокоодаренными переднеазиатскими «хамитами», полностью дискредитирована современными археологическими находками. Что же касается зарождения первоначальных очагов металлургии, то они, по всей вероятности, возникли в Африке под воздействием передовых стран Древнего Востока.

В низовья Нила (Египет) и центральную часть Сахары (область развитого неолита Тассили) культура бронзового литья пришла из первичных центров Ближнего Востока и Средиземноморья (крито-микенская цивилизация). И если культура Тассили в связи с усыханием Сахары заглохла к середине II тысячелетия до н. э., то сложившаяся на Ниле древнеегипетская цивилизация, обогащенная техническими достижениями бронзового века, начиная от рубежа IV и III тысячелетий до н. э., все более быстро развивалась. Будучи одним из передовых государств Древнего Востока, Египет на несколько тысячелетий занял ведущую роль в истории Африки. Так, под влиянием Египта культура бронзовой металлургии, а затем и металлургии железа (в I тысячелетии до н. э.) распространилась вверх по Нилу на юг, за первый порог, где начиналась страна Куш.

В древней стране Куш (позднее Нубия) жили племена, которых египтяне на рисунках изображали с черной кожей, курчавыми волосами и толстыми губами, т. е. негроидами; на других рисунках того же времени кушиты изображены с лицами коричневого цвета. Тем самым египетские художники хотели показать, что население страны Куш неоднородно в расовом отношении или представляет собой нечто переходное от негроидов к европеоидам (эфиопская раса). Египтяне знали и более южную страну Пунт с темнокожими обитателями, которую, по всей вероятности, надо поместить в пределах Восточного Судана и на

побережье Сомали и Эритреи. Возможно, что среди жителей этой страны были представлены древние нилоты.

Много лучше древние египтяне знали своих западных соседей — «ливийцев» (по цвету кожи более светлых, чем сами египтяне). Область их расселения, по-видимому, простиралась до Атлантического побережья (современные Марокко и Мавритания). Нынешние народы Северной Африки, говорящие как на языках берберской группы, так и на диалектах арабского языка, являются их потомками. Древние ливийцы очевидно имеют прямое отношение к истории формирования и последующего распада на самостоятельные подразделения семито-хамитской языковой семьи. Будучи европеоидами в своей антропологической основе, древнейшие представители этой семьи первоначально формировались к западу от Нила, в сахарской лесостепной и средиземноморской зонах. По мере усыхания Сахары здешние земледельцы и скотоводы или покидали эту область, отходя на восток (предки семитов и древних египтян), юг и юго-восток (предки кушитов и чадских хауса), или же, отчасти сместившись к северу, к горам Атласа, приспосабливались к изменившийся экологической среде (предки многочисленных ранее берберов — ливийцев).

В начале I тысячелетия до н. э. племена ливийцев оказались под влиянием торговой и культурной деятельности могущественного центра финикийских колонистов на африканском побережье Средиземного моря — Карфагена. Карфагенские поселения протянулись цепочкой вдоль побережья Алжира и Марокко. Карфагеняне совершали торговые экспедиции и в глубь континента, о чем свидетельствуют некоторые письменные известия античных авторов.

Во время борьбы между Карфагеном и Римом (III—II вв. до н. э.) в Северной Африке существовали два государства с ливийско-берберским населением — Нумидия и Мавритания. Нумидия занимала область восточного Алжира и южного Туниса, Мавритания — западную часть Алжира и северные районы Марокко. Наибольшее значение имела Нумидия. Поэтому прежних ливийцев чаще называли нумидийцами. Однако после захвата Римом Северной Африки упоминания о нумидийцах постепенно исчезают, и местное население стали называть маврами.

Археологические находки последних лет на широкой территории Северной и Северо-Восточной Африки свидетельствуют о глубоком проникновении античной культуры в местную среду. Есть все основания считать этот регион базой высокого хозяйственного развития и самостоятельной государственности. Таковы царства Напата (XII—VI вв. до н. э.) и Мероэ (VI в. до н. э. — IV в. н. э.), расположенные к северу и югу от слияния Белого и Голубого Нила; древний Аксум (II—VIII вв. н. э.) — на севере современной Эфиопии. В глубине Восточной Африки (на территории Кении и Танзании) связи античной культуры прослеживаются много слабее.

Западная Тропическая Африка, Центральная Африка и Южная Африка оказались практически вообще вне античной эйкумены. Вместе с тем важно отметить, что начавшееся в позднем неолите и продолжавшееся в периоды бронзы и раннего железа усыхание и запустение Сахары привело к миграции основной массы здешних земледельцев и скотоводов на юг, в суданскую зону саванны и тропического леса. Этот процесс поднял уровень хозяйственного развития Западной и Центральной Африки. Своеобразие материальной культуры негроидного населения этого региона состоит в том, что оно не знало собственного медно-бронзового века и к железу перешло непосредственно от затянувшегося каменного века. Существует научное мнение о самостоятельном открытии населением Суданского пояса искусства плавки и ковки железа. На самом же деле, недавно открытая культура Нок раннего железного века, существовавшая в V в. до н. э. — III в. н. э. в междуречье Нигер-Бенуэ (Центральная Нигерия), имея местную основу, сложилась явно под сильным влиянием и воздействием развитой металлургии государства Мероэ на верхнем Ниле, где железоплавильные печи действовали уже в VI в. до н. э. Железный век в Южной Африке по-настоящему начинается только в I тысячелетии н. э.

Историческим продолжением оттока негроидного населения из Центральной, а затем Южной Сахары являлась миграция формировавшихся первоначально в Суданской зоне бантуязычных племен в центральную и южную части континента. Исходной областью переселения предков банту было плато центрального Камеруна, откуда началось их движение через тропический лес или морское побережье на юг, в бассейн р. Конго, к плато северной Шабы (юг Заира). Здесь переселенцы банту встретили благоприятные для хозяйственно-культурного развития природные условия: лесистую саванну с обильной охотничьей фауной и места, удобные для земледелия, а также легкодоступные залежи железных руд. Именно на плато Шабы сложилось то ядро народов банту, которое послужило этнической основой для дальнейших миграций бантуязычных групп по всей Экваториальной Африке. Начало этих больших переселений банту было положено на исходе II тысячелетия до н. э., продолжалось и позднее, а выход банту в Межозерье и Восточную Африку с последующим распространением в Южную Африку датируется суммарно I тысячелетием н. э. По данным арабских источников, уже в IX—X вв. на восточном побережье Африки существовали обширные политические объединения — «царства» банту, находившиеся под властью «царя зинджей» («черных», африканцев).

Широкое расселение бантуязычных племен внесло большие изменения в исконно сложившийся этнический состав населения Тропической Африки и Южной Африки. Так, проникнув в тропические экваториальные леса бассейна Конго с севера, банту оттеснили или ассимилировали здешних пигмеев, говоривших на каких-то своих, ныне неизвестных, языках. Банту, передвигавшиеся через саванну Восточной Африки, оказали сильное воздействие на нилотов и кушитов, передав части из них свой язык. Восточноафриканские койсанские племена подверглись примерно такой же участи. Под давлением банту восточнокойсанские племена, достигавшие южной Кении, отступили далеко на юг и, видимо, начали смешиваться друг с другом в языковом отношении. В настоящее время в материковой Танзании сохранились только одно готтентотское племя сандаве и одно бушменское племя хадзапи.

Двигаясь на юг вслед за койсанскими группами, банту заняли удобные лесостепи Южной Африки, где, занимаясь скотоводством и земледелием, передали свой тип хозяйства готтентотам, а бушменов — собирателей и охотников — оттеснили в пустынную Калахари.

Средневековая история. Заметный этап в этнокультурной и социально-политической истории Африки связан с арабскими завоеваниями VII—VIII вв., вследствие чего на целую тысячу лет Африка оказалась изолированной от европейской цивилизации и в большей мере связанной с культурным миром средневекового Востока. Но надо иметь в виду, что пришедшая с арабскими завоевателями восточная цивилизация наслоилась на богатые культурные традиции аборигенов Северной Африки, оказала воздействие на приморскую часть Восточной Африки (вовлеченную через арабо-африканские города на побережье в международную торговлю стран Индийского океана) и несколькими потоками проникла в Суданскую зону, но Тропической Африки она коснулась в слабой степени. Как и в античные и раннесредневековые времена, эта важная область коренной Африки оставалась вне мировых хозяйственно-культурных связей вплоть до появления на ее побережье европейцев.

Со времен арабского завоевания Северная Африка получила на Востоке название стран Магриба. На первых порах это завоевание не вызвало больших изменений в этническом составе местного населения — по-арабски «берберов» (вместо прежних ливийцев, нумидийцев, мавров). Более серьезные последствия имело широкое переселение кочевых арабских племен Передней Азии в XI в. Пришлые кочевники отчасти сохранились как собственно арабские группы, отчасти растворились в основной массе таких же скотоводов — берберов, но одновременно арабизировали их по языку и в культурном отношении. В настоящее время большинство населения Северной Африки говорит по-арабски, исповедует ислам и считает себя арабами. Только примерно пятая часть жителей стран Магриба, расселен-

ных мелкими группами в горных районах и некоторых оазисах, сохраняет еще берберские наречия.

Определенное этнокультурное воздействие средневекового Востока на коренные народы Сахаро-Нильского и отчасти Суданского регионов северной половины Африки сомнению не подлежит. Вместе с тем и это этнокультурное проникновение и прямое политическое воздействие арабского мира накладывалось на вполне созревшие предпосылки самобытного развития народов южнее Сахары. Ученые давно обратили внимание на вполне зрелые формы устойчивых военно-племенных и государственных образований, возникших, конечно, не на пустом месте и существовавших сотни лет в наиболее развитых и передовых странах Африканского континента.

К числу таких социально-политических образований принадлежало государство Гана. В XIII в. оно уступает место другому негрскому государству — Мали, сложившемуся в долине р. Нигер. К началу XV в. политическое преобладание перешло к народу сонгаи, создавшему одноименное государство. Столетием позднее власть правителей Сонгай распространилась в глубь Африки, вплоть до границ Триполи и Марокко. Другой древний центр народов Западного Судана лежал у берегов озера Чад, где в средневековье возвысились государства Канем, Борну и др. Здесь и южнее, в бассейне Конго, существовали культуры развитого железного века, а также массового медного литья из рудничного сырья, доставляемого из богатых месторождений Шабы. Важнейшие города средневекового Судана имели оживленные связи со странами Магриба. В XI в. в Судан проник ислам, а вместе с ним арабская письменность и обучение ей.

На Гвинейском побережье существовало несколько государственных объединений — Ифе, Ойо, Йоруба, Ашанти, Дагомея и др. Часть из них возникла не позднее XV—XVI вв. Могущественным государством был Бенин на островах дельты Нигера, расцвет его относится к XVI—XVII вв.

В те же века возвысились государства южной половины Африки — Конго, Ангола, Мономотапа (в долине р. Замбези); входящие в их состав бантуязычные народы создали яркую и своеобразную культуру.

Социально-экономические структуры. Красноречивые факты длительного существования во многих странах доколониальной Африки самобытной государственности, опиравшейся на социально-имущественные отношения неравенства, прямого господства и подчинения между местной знатью и простым народом, требуют ясного ответа на вопрос относительно конкретно-исторического типа и уровня развития этих общественных структур. Ответ оказывается не простым, ибо наблюдения историков вскрывают сложный и противоречивый характер одновременного существования и взаимовлияния в отдельных регионах и странах доколониальной Африки различных общественно-экономических укладов, специфических форм классообразования, эксплуатации, политического строя. Очевидно прежде всего то, что глубокой причиной такого разнообразия общественных форм является неравномерность процессов социально-исторического развития африканских народов, в особенности неодинаковый, нередко замедленный темп роста производительных сил и в связи с этим эволюционно затянувшаяся смена архаических социально-экономических структур новыми, исторически более зрелыми отношениями.

В странах Африки южнее Сахары историками обнаружено особенно много застойных форм социальной организации — семейно-патронимического (семейно-общинного), родоплеменного, военно-деспотического, кастового и иного характера. Все эти формы экономически были связаны с малопродуктивным натуральным сельским хозяйством и построены на традиционной кооперации рабочих сил узколокальных объединений ближайших родственников и соседей. Конечно, и в этих условиях вызревали отношения имущественного и социального неравенства, но в целом требовались особо благоприятные обстоятельства экономического развития (хозяйственный подъем, регулярный обмен и накопление избыточных жизненных благ), чтобы отношения зачаточного неравенства переросли в общественно выраженные формы зависимости и экс-

плуатации. Несмотря на общую замедленность исторического развития и длительное сохранение живых остатков архаических доклассовых отношений, во многих странах Африки в разное время возникли сословно-классовые общественные структуры.

Наличие в древних государственных образованиях Северной Африки и Эфиопии рабовладельческого уклада, кабально-имущественных и даннических отношений, а позднее, в средневековье, и отношений феодальной зависимости особых сомнений в науке не вызывает. Но относительно конкретно-исторического типа средневековых социально-экономических структур в странах южнее Сахары научные мнения разделились между сторонниками признания их типично рабовладельческими или феодальными, но в специфическом «африканском» выражении. Предлагалось даже считать эти структуры порожденными особым «африканским способом производства» — патриархально-общинным в своей производственной основе при имущественном доминировании правящей социальной верхушки.

В марксистско-ленинской африканистике наших дней разрабатывается более детализированная концепция разнообразия путей и особенностей перехода большинства африканских народов от доклассовых отношений к раннефеодальным, выраженного и в особенностях политического строя — от простейших предгосударственных военных союзов многих общин и племенных групп, солидарно противостоящих окружающему миру, до построенных на внутренних противоречиях государственных образований с правящей эксплуататорской корпорацией феодалов во главе.

Путем анализа отношений фактического владения землей и распределения в связи с этим основного и прибавочного продукта среди социально уже неравного населения доколониальных государств южнее Сахары советские африканисты выявили существование такого распространенного порядка, при котором владеющая землей кровнородственная или соседская община передавала в пользу правящей и управляющей всеми общественными делами иерархической верхушки (во главе с царем и его приближенными) некоторую долю прибавочного продукта. Правящая верхушка могла иметь и собственное хозяйство при использовании в нем подневольного труда военнопленных и преступников, но она отнюдь не монополизировала основные средства производства — племенные земли, леса, воды и пастбища. Последние находились в полном хозяйственном использовании силами земледельческих общин. Вместе с тем давно уже возвысившаяся над общинной и взявшая политические бразды традиционная (родоплеменная) и служилая (при царе) знать явно монополизировала в своих руках основные хозяйственно-организаторские, внешнеторговые и военные функции сложившихся государственных образований (местных «империй», «королевств», «княжеств» по терминологии европейских письменных источников). Правители государств страны йорубов, Бенина, Дагомеи получали также доходы от военной добычи, работорговли, разных даней, пошлин и судебных сборов. Соответственно и общественная распорядительная власть правящего сословия была возвышена до возможного предела и освящена традицией, идущей от культа предков, а власть царей была прямо обожествлена.

Среди советских африканистов распространено мнение, что описанные выше системы отношений непосредственного господства и подчинения по своему характеру были раннеклассовыми, но считать эти отношения собственно феодальными было бы упрощением реальной действительности. Африканские общества южнее Сахары совершали в доколониальный период своеобразную социально-экономическую эволюцию от структур типично общинно-классовых к структурам многоукладным, социально и имущественно дифференцированным. Отношения господства и эксплуатации, налагаемые на традиционную общину, еще не сложились в экономический порядок феодального строя общества. В структурах государственноорганизованных общественных организмов исподволь пролагала себе путь тенденция перерастания раннеклассовых дофеодальных и предфеодальных отношений в отношения собственно раннефеодальные.

Однако общая картина социально-экономи-

ческого состояния и развития доколониальной Африки южнее Сахары была намного сложнее, нежели только что обрисованное положение в исторически выделившихся государственных образованиях. Наука давно отметила в странах Суданского и Гвинейского регионов, Центральной, Восточной и Южной Африки поразительную живучесть социальных форм, свойственных родо-племенному строю и не преодоленных ни раннеклассовыми структурами, ни системами колониального управления. Согласно новейшим данным, различные народы стран южнее Сахары переживали три основные ступени общественной эволюции: а) стадию разложения первобытнообщинного строя; б) различные стадии перехода к раннеклассовым отношениям; в) стадию раннеклассового общества. На всех этих ступенях видную роль играла традиционная земледельческая община как основная экономическая и социальная организация непосредственных производителей материальных благ.

При исключительном разнообразии конкретных форм и вариантов африканской общины, этот устойчивый социальный организм в виде «коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде» (К. Маркс) проходит через всю известную нам историю народов Африки, составляя важное структурное звено в процессе смены всех стадий их общественного развития в самом широком плане. Община как социально-экономическая организация закономерно возникает из свойственных африканцам (и не только им) докапиталистических способов производства, связанных с низким уровнем производительных сил, с господством естественных предметов и орудий труда, ручной техники, а отсюда и преобладанием живого труда над овеществленным. Община с ее коллективным трудом выступает в условиях этих способов производства как основной и главный производственный коллектив и одновременно как производственная среда. Она же есть единственная микросреда воспроизводства человека, обеспечения его существования и безопасности.

В доколониальный период африканской земледельческой общине была свойственна генеалогическая (семейно-родовая) и гетерогенная (одновременно кровнородственная и соседско-корпоративная) структура. Низшие хозяйственные ячейки общины составляли неразделенные большесемейные коллективы (численностью по нескольку десятков, даже до сотни человек). Ядро гетерогенной общины чаще составлял какой-либо кровнородственный коллектив (патронимия или отдельная большая семья), который, однако, выступал прежде всего как локальная ячейка общества и с другими подобными ему ячейками был больше связан соседско-корпоративными, чем родовыми, узами. Дуализм кровнородственного и территориально-соседского начал в организации труда и потребления выступал здесь слитным общественно-производственным основанием, определяющем собой единую систему социальных отношений. Гетерогенная форма общины была наиболее характерна для переходных общественно-экономических структур, непосредственно сочетающих элементы доклассовых и раннеклассовых отношений.

Возникнув еще на стадии первобытнообщинного строя, африканская община не только сохранилась до настоящего времени, но и — в измененных, конечно, разновидностях — продолжает оставаться одной из главных форм общественной организации местного населения. В условиях колониального и послеколониального обществ совершалась модификация некоторых традиционных форм общинной организации, отходили в прошлое такие архаические институты, как система половозрастных групп и рангов, родовые общины с материнским счетом родства и пр., возникали новые формы общинной организации, порожденные колониализмом, в виде профессионально-земляческих союзов, ремесленных и торговых гильдий, племенных ассоциаций, приспособленных к условиям рынка. Традиционные связи сообщников слабели вследствие начавшейся миграции части населения в новые города, на горнорудные разработки и строительство транспортных магистралей.

Будучи видоизмененной, но все еще разносторонней по социальному назначению формой организации коренного населения, зем-

ледельческая община отнюдь не исчерпала себя как социально-производственный коллектив в условиях современной Африки. Достаточно сказать, что и в наши дни до 60—80% населения стран Африки южнее Сахары по-прежнему являются членами территориально-соседских общин, налагающих на своих уроженцев определенные экономические и социальные обязательства.

Историко-культурные особенности народов Африки

При изучении этнографии народов Африки можно выделить несколько больших историко-географических областей, из которых каждая характеризуется сходством этнографических черт на обширной территории при наличии, впрочем, более или менее заметных локальных различий.

Народы Северной Африки. Северную и часть Северо-Восточной Африки нередко называют Арабской Африкой, так как большинство ее жителей говорит на арабском языке. Это страны Магриба, Египет и северная часть Демократической Республики Судан; к ним нередко относят Западную Сахару и Мавританию.

Сплочение арабов и берберов, ускоренное национально-освободительным движением против европейских колонизаторов, способствует процессам формирования крупных наций в странах Магриба — египетской, ливийской, тунисской, алжирской, марокканской. В Демократической Республике Судан с ее сложным этническим составом в суданскую нацию консолидируется арабоязычное население, но проживают там также отдельные негроидные народы различного происхождения.

Во всех этих странах население в основном занято сельским хозяйством, однако соотношение земледелия и скотоводства в различных областях неодинаково. Земледельческим является население Египта и отчасти Судана, живущее в плодородной долине Нила. В южной части Демократической Республики Судан мотыжное земледелие сочетается со скотоводством и рыболовством. В странах Магриба, в прибрежной полосе и в горных районах Атласа господствует земледельческое хозяйство в сочетании с молочным животноводством. Но чем дальше от побережья, тем значительнее роль скотоводства. Во внутренних частях Магриба живут преимущественно скотоводы.

Большой интерес представляет египетское земледелие, изучение которого позволяет восстановить картину возникновения и развития земледелия вообще.

Долина Нила обладает неисчерпаемым плодородием, ибо ежегодно в период разлива она удобряется и орошается водами реки, несущими огромное количество ила. Вода же размягчает почву, делая излишней ее предпосевную обработку. Земледелие в этом районе началось в глубокой древности с того, что люди попросту бросали семена злаков во влажный ил, а затем, предоставив растения самим себе, дожидались урожая. Еще в прошлом столетии таким образом совершали посев египетские крестьяне — феллахи — в случае запоздания нильского наводнения. Подобная примитивная система получила название лиманного (болотного) земледелия. Ее, по-видимому, знали уже носители неолитической бадарийской культуры V тысячелетия до н. э. (Средний Египет).

С IV тысячелетия до н. э. древние египтяне начинают практиковать простейшее искусственное орошение и обработку полей мотыгой. Первые свидетельства о введении легкого бесподошвенного плуга относятся к III тысячелетию до н. э. В последующем тысячелетии появляется устойчивый подошвенный (полозный) плуг, необходимый при обработке заболоченных площадей. Тогда же создается ирригационная система — густая сеть каналов, орошающих «высокие поля».

Современное земледельческое хозяйство египетских крестьян во многом повторяет эту древнюю систему полеводства. Сельскохозяйственный год в Египте делится на три сезона — зимний, летний и осенний. В первый сезон (ноябрь — март) сеют пшеницу, ячмень, лук, бобовые и др.; в следующий сезон (апрель — август) сеют хлопок, лен, коноплю, сахарный тростник, рис, кукурузу; и, наконец,

осенью (сентябрь — ноябрь), в период наивысшего подъема нильских вод, — рис, кукурузу, просо.

Феллахи пользуются плугом, который мало чем отличается от древнеегипетского. По-прежнему в ходу мотыга, особенно при обработке огородов, посевов хлопка и кукурузы, рытье каналов. Созревшие злаки жнут серпами или вырывают стебли с корнем. Для молотьбы употребляют цепы или нурег — молотильную доску с металлическими дисками или каменными зубьями, в которую впрягают пару быков.

В Египте применяются современные способы ирригации, но значительная часть бедных крестьян, как встарь, вынуждена поднимать воду на свои поля примитивными средствами: это шадуф, по устройству напоминающий колодец-журавль, и сакийе — водоподъемное вертикальное колесо с закрепленными на нем кувшинами.

Скотоводство в Египте из-за отсутствия пастбищ не получило достаточного развития. Разводят главным образом рабочий скот, но и его немного, так как при простейшей технике обработки почвы, ухода за посевами и уборки урожая потребность в рабочем скоте сравнительно небольшая.

Арабо-берберское земледельческое хозяйство Магриба имеет свои особенности. Основные районы земледелия здесь — прибрежная полоса и горные долины Атласа. Обилие водных источников, частые дожди и мягкий климат благоприятствуют земледелию и скотоводству. Но в засушливых местностях приходится прибегать к искусственному орошению полей.

Главные продовольственные культуры — пшеница и ячмень, в Марокко также кукуруза. Коренное население предпочитает твердую пшеницу, из которой в большом количестве приготавливается манная крупа.

Арабо-берберские земледельцы — опытные садоводы. На побережье моря они разводят виноград, цитрусовые, инжир, миндаль и др. В Тунисе широко распространена культура олив. У побережья выращиваются различные овощи. В южной части Магриба одним из главных видов пищи служат плоды финиковой пальмы.

Несмотря на значительное развитие земледелия, техника его остается весьма отсталой. С глубокой древности до наших дней сохраняются деревянный плуг с железным лемехом, мотыга, ручная зернотерка для размола зерна.

На севере Магриба, особенно в горных долинах, земледелие сочетается с животноводством, преимущественно молочным. Но в глубинных засушливых районах преобладает кочевое или полукочевое скотоводство. Жители этих мест разводят главным образом мелкий рогатый скот (овец, коз). Рабочим скотом служат лошади, мулы, ослы и верблюды.

Сельское население Северной Африки занимается различными видами домашней обработки сырых материалов и мелким ремеслом — изготовлением глиняной посуды вручную и на гончарном кругу, тканьем циновок и т. д. Скотоводы заняты обработкой шерсти и кожи, ковроткачеством, изготовлением шерстяных тканей и покрышек для шатров, седел и упряжи, кожаной обуви. Между земледельцами и скотоводами издавна существует обмен изделиями домашнего производства.

В городах Египта и Магриба развито специализированное ремесло — кузнечное, ювелирное, кожевенное (например, выработка сафьяна), гончарное и др. Промышленность была развита слабо. Развивались в основном горнодобывающие промыслы, дававшие различное ценное сырье (фосфаты, руды, ртуть, нефть) преимущественно на вывоз. В годы независимости вступили или вступают в строй современные промышленные предприятия.

Материальная культура арабоязычного населения Северной Африки имеет массу сходных черт, но все-таки для каждой страны характерны свои особенности.

Египетские крестьяне-феллахи живут в небольших деревнях, расположенных в орошаемой зоне нильской долины. Дома строят из сырцового кирпича, одноэтажные, с плоской крышей. Жилище обычно однокамерное, без окон. Половину помещения занимает

глинобитная печь, на которой в холодное время спят.

В летнее время пища приготавливается в небольших печах около дома. Мясо и пшеничный хлеб (лепешки) — большая редкость в питании рядовых феллахов. Обычно они довольствуются кашами из проса, кукурузы или бобов, овсяными лепешками, кислым молоком, финиками, овощами. Излюбленные напитки — черный кофе без сахара, чай, ячменное пиво, кислое молоко.

Традиционный костюм феллаха состоит из хлопчатобумажных штанов и рубахи с длинными рукавами; в холодную погоду на плечи набрасывают плащ из верблюжей шерсти.

Горожане дополняют эту одежду кафтанами и халатами, стянутыми широкими кушаками. Впрочем, в городах обычен европейский костюм.

Египетские женщины ходят в рубашках и длинных платьях традиционно черного цвета. В большом ходу шали и платки, металлические украшения, косметика. Крестьянки не закрывают лица при посторонних, но в городах женщины изредка пользуются вуалью.

Оседлое население Магриба живет большими деревнями, вытянутыми вдоль дороги. Старинным типом жилища является гурби — примитивная хижина, стены которой сложены из глины, смешанной с соломой, а крыша тростниковая или соломенная. Однако более распространены дома арабского типа: глинобитные, прямоугольные по форме, большей частью одноэтажные, с плоскими кровлями.

У берберов в горах Атласа, сохранивших старинную сельскую общину, дома в деревнях построены из камня и лепятся вокруг скал так, что крыша одного дома служит двором другого. В центре поселения часто возвышается башня — некогда убежище от воинственных соседей. Население каждой деревни состоит из нескольких большесемейных коллективов.

Кочевники степей не имеют прочного жилища. От палящего зноя и песчаных бурь их укрывает фелидж — широко раскинутый на кольях шатер из верблюжьей или козьей шерсти.

Более трети населения Магриба проживает в городах. Во внутренних районах сохранились еще города с чертами средневековых мусульманских городов с их узкими кривыми улочками, одно- и двухэтажными домами, фасад которых обращен во двор, а на улицу выходит лишь глухая стена. В центре города обязательно расположен базар, он же — средоточие ремесленного производства.

Напротив, приморские города имеют современный облик. Со стороны моря открываются мощные портовые сооружения, широкие прямые улицы с многоэтажными домами и развитым транспортом. На окраинах теснятся небольшие хижины городской бедноты.

Основу национальной одежды магрибцев составляют хлопчатобумажные штаны и рубахи, поверх которых надевается просторный бурнус — накидка. Бурнусы бывают различного цвета и качества: от грубых шерстяных до тонких с богатой вышивкой или из цветного шелка.

Пищевой рацион большинства магрибцев состоит в основном из ячменной или кукурузной похлебки, небольшого количества хлеба, картофеля, овощей и фруктов. Кочевники питаются финиками и продуктами животноводства — кислым молоком, сыром и далеко не всегда мясом.

В общественном строе народов Северной Африки сосуществуют элементы различных социально-экономических укладов. Исторически эти народы пережили в древности различные стадии раннеклассового общества, а со времени арабского завоевания во всех странах Северной Африки развивались феодальные отношения. Однако у кочевников Магриба и Восточного Судана длительное время сохранялись отношения разлагающегося первобытнообщинного строя — родовой коллективизм в низших звеньях родо-племенной структуры, среди близких родственников, совместно кочевавших и связанных взаимопомощью. Вместе с тем у кочевников существовала и более развитая система неравноправных отношений господствующих и подчиненных племен, которой было свойственно внутреннее социально-имущественное расслоение.

С установлением колониального господства европейских держав в XIX—XX вв. в странах Северной Африки начинают развиваться капиталистические отношения, что, впрочем, не привело к полному исчезновению докапиталистических отношений экономической и личной зависимости.

Европейский колониализм наложил тяжелые оковы на североафриканские страны. По его вине даже завоевавшие национальную независимость североафриканские народы еще не вышли из состояния экономической отсталости и низкого уровня жизни. Тем не менее на современном этапе развития рабочий класс и крестьянство демократических стран, например Алжира, Ливии и других, активно включившись в борьбу за искоренение феодальных пережитков и ограничение буржуазных элементов, за улучшение условий работы на предприятиях с гарантированной оплатой труда, за создание земледельческих кооперативов, коллективов и комитетов народного самоуправления, добились в этих жизненно важных сферах определенных социально-экономических завоеваний.

Население внутренних районов Магриба до сих пор не изжило патриархально-общинных и полуфеодальных отношений. В горах Атласа сохранились сельские общины, практикующие хозяйственную взаимопомощь соседей и имеющие общинное самоуправление. Но главы этих сельских объединений — традиционный староста — давно уже превратились в мелких феодалов, по-своему приспособившихся к социально-экономическим условиям нового времени.

Этнографы отметили наличие у туарегов Сахары материнского счета родства, матрилокального брака, матрилинейного наследования, достаточно высокого или равноправного положения женщины в семье и кочевой общине. Возможно, что длительному сохранению этих отношений способствовали обстановка преднамеренной изоляции туарегов от арабоязычного населения с его строгими патриархальными и патриархально-феодальными порядками. Но в колониальный период и в настоящее время у туарегов господствуют отношения отцовской семьи, хотя положение женщины в ней по-прежнему самостоятельное.

Архаические общественные институты прослеживаются среди кочевников Восточного Судана (баккара и др.). Существуют своеобразные брачно-семейные обычаи, при которых женщина не сразу переходит в дом мужа, продолжая жить в семье отца до рождения двух или трех детей, причем один ребенок остается в этой семье.

Народы Северо-Восточной Африки. Северо-Восточная окраина африканского континента — Эфиопское нагорье и полуостров Африканский Рог — населена народами, которые тесно связаны между собой исторически, говорят на родственных языках семито-хамитской семьи, обладают многими общими чертами в культуре.

В Северо-Восточной Африке в современную эпоху происходит формирование эфиопской нации, основу которой составляют амхара и сливающиеся с ними другие народы — тигре и тиграи, а также галла и сидамо. Государственным языком Эфиопии является амхарский язык.

Демократическая Республика Сомали населена одним народом — сомали, который также консолидируется в нацию.

В этнографическом отношении Эфиопия среди других африканских стран выделяется прежде всего богатством культурных традиций, истоки которых восходят еще ко времени государства Аксум, возникшего в IV в. С этого времени здесь утвердилось христианство. Слоговое письмо аксумитов, их высокоразвитое прикладное искусство были по наследству восприняты населением феодальной Эфиопии, сложившейся как государство в XIII—XVI вв. Это время ознаменовалось созданием оригинальной литературы (например, исторических хроник), написанной на древнеэфиопском языке геэз; на его основе развилось современное эфиопское письмо.

В хозяйственном укладе народов Эфиопии мы также находим много своеобразных черт. Жители обширных плоскогорий и равнин центральной части страны (амхара, галла) с отдаленных времен занимаются земледелием в сочетании со скотоводством; они разводят

зебу, овец и коз. В горных районах Северной и Северо-Западной Эфиопии, где живут мелкие народности агау, роль скотоводства заметно повышается. В степях и пустынях Восточной Эфиопии у некоторых племен галла, сомали и данакиль развито типичное кочевое скотоводство с преобладанием в стаде верблюдов, овец и коз.

Эфиопия по праву считается одним из древнейших центров земледельческой культуры и родиной различных злаков (некоторых видов пшеницы), а также кофе. Местное население выращивает различные злаки, некоторые из них нигде больше не встречаются. Таковы хлебные растения: мелкозернистый тэфф, дурра (род проса), дагусса. Характерны бобовые культуры: бобы, горох, чечевица, а особенно чисто эфиопские нут и чина. Посевной период отличается большой длительностью — с июня по сентябрь, причем сначала сеют бобовые, затем последовательно тэфф, дурру, ячмень, дагуссу и, наконец, пшеницу.

Широко распространена культура хлопка, из которого эфиопы вырабатывают добротные и красивые ткани. Кофейные бобы собирают в дикорастущем виде, но за последние десятилетия созданы также многочисленные плантации культурного кофейного дерева. Кофе — неотъемлемая часть питания населения ряда районов Эфиопии.

Несмотря на значительное развитие земледелия, техника его очень отсталая. Землепашество существует только в Северной Эфиопии. В центральных районах страны по-прежнему господствует обработка почвы ручным орудием — мотыгой; кое-где почву разрыхляют длинными заостренными палками-копалками, которые утяжеляют камнями, насаженными на конец орудия. Практикуются такие архаичные системы земледелия, как подсечно-огневая и переложная.

В питании оседлого населения преобладают продукты земледелия. Основная пища большинства эфиопских крестьян — пресные лепешки, испеченные из муки различных злаков, и подливы к ним. Излюбленная подлива — шуро — приготавливается из бобовых с маслом и обязательно со жгучим красным перцем. Мясо земледельцы употребляют сравнительно редко. Напротив, пищевой рацион скотоводов отличается преобладанием мясных и молочных продуктов. Традиционные напитки эфиопов — разведенный в воде пчелиный мед и ячменное пиво.

У народов Эфиопии развиты различные виды домашнего и ремесленного производства, имеющие солидный возраст. На одном из первых мест стоит обработка металлов. Кузнецы весьма искусны в изготовлении железных орудий труда и оружия. На высоком уровне ювелирное дело. Драгоценные браслеты, серьги и другие украшения эфиопских мастеров отличаются большим изяществом.

До сих пор в крестьянском хозяйстве большое значение имеет производство хлопчатобумажных тканей, а у скотоводов — выделка кож и изготовление из них различных предметов обихода. Эти виды производства давно уже выделились в самостоятельные отрасли ремесла, работающего на широкий местный рынок.

Эфиопские гончары с большим мастерством формуют сосуды от руки способом спирального налепа или путем вытягивания. Самодельная глиняная посуда прекрасно обожжена, нередко покрыта снаружи красивой глазурью.

Имея столь развитое ремесло, Эфиопия, однако, остается страной, где фабрично-заводская промышленность делает только первые шаги. Многие промышленные товары ввозятся из-за рубежа, оттесняя изделия местных мастеров.

Сугубо сельскохозяйственный характер страны проявляется в типах поселений и жилищ. Давно сложившихся городов здесь немного (Аксум, Гондер, Харэр и др.). Большинство же небольших городков Эфиопии скорее напоминают разросшиеся деревни. Даже в столице Аддис-Абебе мало улиц с домами в несколько этажей. Большинство домов представляет собой прямоугольный плетеный каркас, обмазанный глиной, с дверью и остекленными окнами.

В сельских местностях амхара, галла, сидамо устраивают деревни, в которых нет улиц, и постройки расположены без опре-

деленного плана. В поселениях тиграи выделяются «кварталы», сплошь заселенные родственниками. Крестьяне живут в тукулях — хижинах круглой формы с конусообразной кровлей, покрытой соломой. Каждое жилище окружено высоким забором, охватывающим также некоторые хозяйственные постройки. В тукуле имеется центральный очаг для варки пищи, у одной из стен возвышается место для спанья. Обстановка дома весьма скромная — низкие бамбуковые столики и скамейки из цельного куска дерева. Едят крестьяне на высоких круглых столах — корзинах, которые хранятся обычно вне жилища и вносятся в дом только на время трапезы.

Население северных и восточных районов Эфиопии строит жилища прямоугольного плана со стенами из камня и щебня, смешанных с глиной, землей и коровьим навозом, с плоской дерево-земляной крышей. У скотоводов-кочевников (например, сомали) бытует своеобразное жилище в виде решетчатого овального каркаса, покрытого толстым слоем сухой травы, поверх которой набрасываются верблюжьи или бычьи шкуры. Впрочем, в связи с начавшимся переходом к оседлости, скотоводы восточной Эфиопии все чаще строят тукули.

Население Эфиопии в большинстве своем носит одежду традиционного типа. У мужчин — это хлопчатобумажные длинные и очень узкие штаны, длинная рубаха со стоячим воротником, поверх которой надевается специальная накидка с подкладкой — шамма, а в холодное время — дополнительно бурнус из черной шерсти с капюшоном. В обычных условиях никакого головного убора не полагается. Обувь также отсутствует. Только в пустыне с ее раскаленным песком крестьяне ходят в кожаных сандалиях. В последнее время горожане и состоятельные сельские жители стали носить костюмы на европейский манер.

Женщины Эфиопии одеваются в длинные платья с узкими рукавами и с каймой на подоле, носят шамму и бурнус. Крестьянки ходят босиком, с непокрытой головой, лишь изредка повязывая ее платком. У горожанок появляются фетровые шляпы, сандалии и европейская обувь.

В социально-экономическом строе Эфиопии до недавнего времени преобладали феодальные отношения, сочетавшиеся с патриархальными пережитками и элементами развивающегося капитализма.

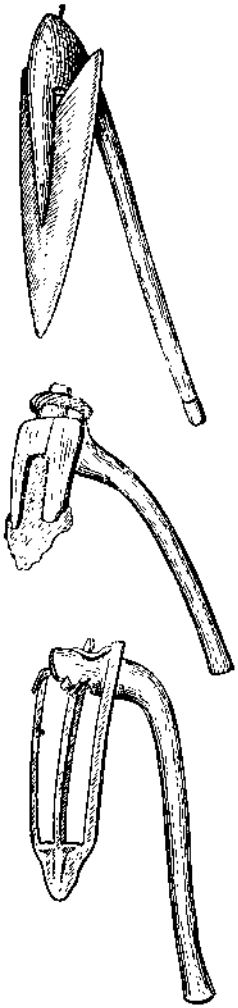
После недавнего свержения реакционного феодально-монархического режима и установления народно-революционной власти передовые силы Эфиопии взяли курс на преодоление вековой отсталости. Этой цели служат проведение последовательной демократической аграрной реформы, создание промышленных очагов и обеспечение условий, необходимых для широкого культурного развития.

Многое из того, что было сказано о народах Эфиопии, свойственно и сомалийцам; но есть и существенные отличия. Так, среди сомали только пятая часть — оседлые земледельцы, живущие на небольшом пространстве по морскому побережью и в приречных долинах. Главные сельскохозяйственные культуры, выращиваемые ими, — просо, кукуруза, бананы, бобы, арахис, хлопок. Около трети всего населения сочетает земледелие с отгонным скотоводством, но свыше двух пятых сомали — типичные кочевые скотоводы.

Народы Западной Тропической Африки. Гвинейское побережье и Западный Судан отличаются значительной этнической пестротой, но с точки зрения исторической и этнографической их можно рассматривать как единую историко-географическую область.

По уровню социального и культурного развития многие народы этой области идут вслед за народами Северной и Северо-Восточной Африки. В Западной Тропической Африке уже произошло общественное разделение труда — отделение скотоводческого населения от земледельческого, возникло самостоятельное ремесленное производство, появился довольно развитый внутренний и внешний товарообмен. В прошлом здесь существовали раннеклассовые государства (Гана, Мали, Сонгаи, Канем-Борну), города-государства йоруба, ашанти и др.

В современных независимых государствах этой зоны происходят очень важные этнические процессы. Здесь нет еще сложившихся



Мотыги эве, ашанти и хауса. Западная Африка

наций, однако во многих странах, несмотря на этническую пестроту, выделяются два-три наиболее крупных народа или группы близкородственных народов, которые составляют большинство населения и играют роль этнического ядра в процессе национальной консолидации. Таковы, например, этнические группы манде, йоруба, хауса и др.

Разнообразные природные условия Западной Тропической Африки — влажные тропические леса с ценными породами деревьев, парковая саванна — лесостепь с богатым травостоем, переходящая в сухую степь в средней полосе, — благоприятствуют развитию сельского хозяйства.

Многие народы этой зоны занимаются земледелием, заметно отличающимся от земледелия Северной и Северо-Восточной Африки. Земледелие Западной Тропической Африки основано исключительно на мотыжной обработке почвы, которой в лесной полосе предшествует вырубка и выжег древесной поросли (например, у народов вольты и западноатлантической группы). Основное земледельческое орудие — мотыга — представляет собой изогнутую деревянную палку, но обязательно с железным наконечником.

Все народы Западной Тропической Африки придерживаются проверенного вековым опытом определенного порядка смены культурных растений, позволяющего наиболее рационально использовать земельный участок. Так, мандинго несколько лет кряду засевают небольшое поле рисом, а затем, меняя культуру, сажают клубнеплод маниоку, кукурузу или просо. Маниоку ценят в особенности за то, что сроки ее созревания более ранние, нежели злаковых растений. Однако клубневые корни маниоки, содержащие синильную кислоту, ядовиты. Поэтому женщины, выкопав клубни из земли мотыгой, очищают их и оставляют в проточной воде на несколько дней (вода растворяет и уносит ядовитые вещества). Затем ставшие безвредными клубни измельчают и растирают в сосудах до тестообразного состояния. Полученную массу завертывают в листья и варят на пару.

В общем же подбор сельскохозяйственных культур соответствует природным условиям различных районов. Население Западной Тропической Африки выращивает рис, кукурузу, просо, фонио (низкорослое злаковое растение), маниоку, бататы (типа сладкого картофеля), бобовые, арахис, сахарный тростник, перец, дыни, тыкву, табак. Многие из этих растений — местные, но маниока, бататы и кукуруза завезены сюда европейцами из Америки. Важнейшая продовольственная культура — рис.

В тропических лесах Гвинейского побережья у народов йоруба, ибо, ашанти и других зерновые (сорго, кукуруза, рис) большого значения не имеют, их явно оттесняют такие типично тропические культуры, как корне- и клубнеплоды ямс, маниока, таро; земляной орех арахис, хлебное дерево, бананы, цитрусовые и различные фруктовые.

Необходимо подчеркнуть, что именно в этой области, испытавшей наибольший гнет европейцев, колонизаторы стремились насадить выгодные им формы сельского хозяйства. Всеми мерами, в том числе и принудительными, местное население побуждалось к возделыванию культур, ценных для вывоза, но мало используемых в собственном хозяйстве. Поэтому сельское хозяйство народов Гвинейского побережья получило однобокое развитие: посевы продовольственных культур для собственного потребления резко сокращались, но зато возрастало производство культур на экспорт — какао, хлопка, арахиса, пальмового масла и др. Некоторые колонии были превращены в производителей монокультуры: Сенегал и Гамбия давали главным образом арахис; Золотой Берег (Гана) и Берег Слоновой Кости — какао-бобы; Нигерия и Дагомея — пальмовые продукты.

Земледельцы центральных и восточных степных районов Западной Тропической Африки — волоф, серер, мандинго, хауса — возделывали преимущественно зерновые культуры — сорго, просо, кукурузу, пшеницу (у границы леса), рис (там, где имелось достаточно воды для орошения). Второстепенное значение имели корне- и клубнеплоды. У хауса значительное развитие получили культуры хлопка и индиго.

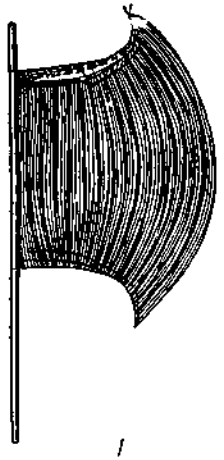
У всех перечисленных народов животноводство было развито относительно слабо. Домашний скот держали хауса, мандинго, отдельные этнические группы Западной Тропической Африки. Недостаток мясной пищи восполнялся за счет охоты и рыболовства.

Скотоводами были частично западные и восточные фульбе (соответственно на плато Фута-Джаллона и плато Адамауа), туареги, жившие севернее хауса. Они разводили зебу, небольших безгорбых коров — ндама, лошадей, верблюдов, овец и коз. Фульбе жили в оседлых поселениях на севере Фута-Джаллона, подле которых располагались их небольшие поля кукурузы и проса, а также летние пастбища для скота. Осенью, с наступлением сухого сезона, фульбе откочевывали со своими стадами на юг, оставляя в поселках только стариков и детей. С началом весенних дождей скотоводы возвращались на север и приступали к полевым работам. Примерно так же вели свое хозяйство туареги.

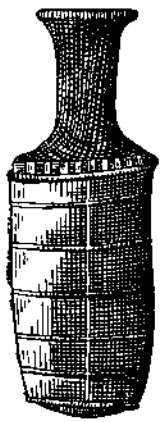
Народы Западной Тропической Африки с давних пор отличались высоким развитием домашнего и ремесленного производства. Все предметы домашнего обихода — всевозможные изделия из дерева, кожи, ткани — и сейчас изготавливаются самими крестьянами. Широко распространено ткачество. У хауса северной Нигерии и их соседей канури оно еще в доколониальную эпоху приобрело ремесленный характер. Ткачи до сих пор пользуются самодельными горизонтальными станками с подножками. Хауса выделывают ткани самых разнообразных расцветок: красную с белыми полосами, черную с голубыми и синими полосами, синюю с белыми, голубую с черными полосами и т. д. Главным центром изготовления и окраски тканей был и остается город Кано. В прошлом столетии ткани отсюда шли на север — в Триполи, на запад — в г. Томбукту, на юг — в страну йоруба, на восток — в Канем-Борну и др.

Ремесленники хауса, например, в том же городе Кано достигли высокого искусства в в обработке кожи; ее дубят, окрашивают, превращают в тонкий и дорогой сафьян. Особым способом изготовляют из бычьей кожи плотные сосуды танду для масла и меда. Из обычной кожи вырабатываются кожаные сумки и мешки для перевозки тяжестей, пояса, обувь, седла, высокие сапоги для верховой езды и многое другое.

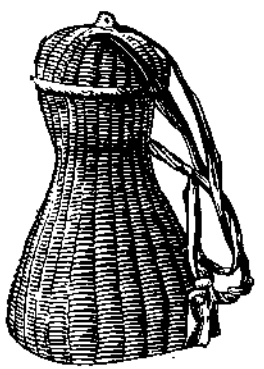
Западноафриканские кузнецы, сохраняющие одну из почетных ремесленных корпораций, издавна умели выплавлять из руды железо и медь и обрабатывать их. У мандинго, хауса, фульбе кузнецы выковывали из железа орудия труда — наконечники мотыг и лопат,



1



2



3

топоры, серпы, ножи; оружие — мечи, кинжалы, наконечники копий и стрел; даже украшения — браслеты, кольца, серьги и т. п. Они же были мастерами медного и бронзового литья.

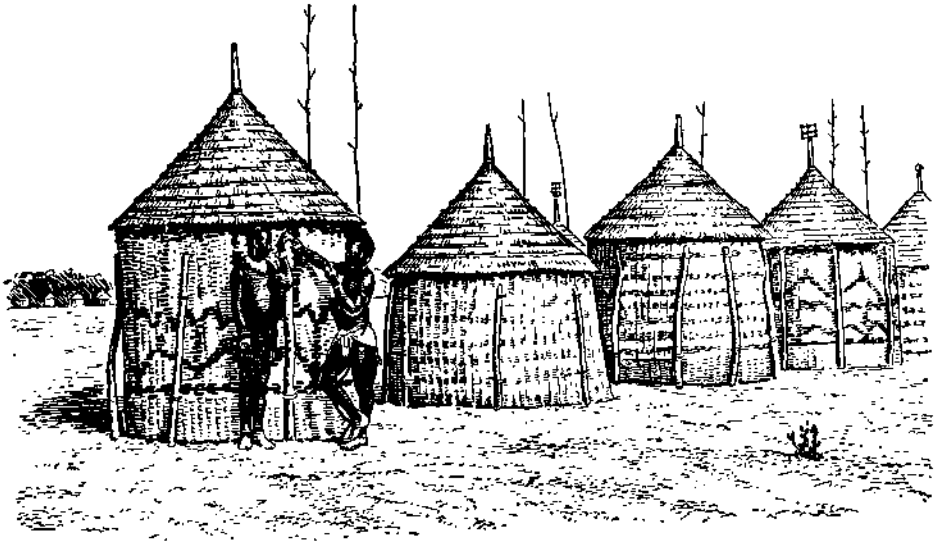
Наибольшее развитие художественное ремесло получило у прибрежных народов — у эве и фон в Бенине, у ашанти в Гане, у йоруба в Нигерии, у бамум в центральном Камеруне. Уже в глубокой древности в Юго-Западной Нигерии, в священном городе йоруба Ифе, местные мастера создали превосходные образцы скульптуры из терракоты, слоновой кости и бронзы. Искусство Ифе оказало большое влияние на Бенин, где в XVI—XVII вв. сложился собственный центр художественного бронзового литья и резьбы по кости.

Бронзовые скульптуры средневекового Бенина обычно отливались посредством техники «потерянного воска». Делалось это следующим образом: из глины лепилась точная модель изображения и покрывалась воском, по которому мастер наносил тончайшие детали будущей отливки; затем эту модель сверху наглухо обмазывали глиной, оставляя небольшое отверстие, и высушивали на солнце. Далее модель нагревали в воде, чтобы воск вытек, а освободившееся пространство заполнялось расплавленной бронзой. Оставалось лишь дать металлу застыть, удалить глиняную оболочку и отделать гравировкой готовую вещь.

Таким способом бенинские ремесленники умели изготовлять различные предметы — от миниатюрных фигурок животных до крупных скульптурных изображений царей и предков, огромных бронзовых горельефов, которыми украшались дворцы бенинских владык. Европейские путешественники, побывавшие в городе Бенине, с восхищением описывали потом его величественные дворцы с башнями, увенчанными огромными бронзовыми птицами с распростертыми крыльями и свисающими головой вниз бронзовыми змеями, тогда

Плетеные изделия Западного Судана:

1 — веер из соломы (хауса); 2 — корзина (северо-западная область Камеруна); 3 — корзина для хранения перца (экон)



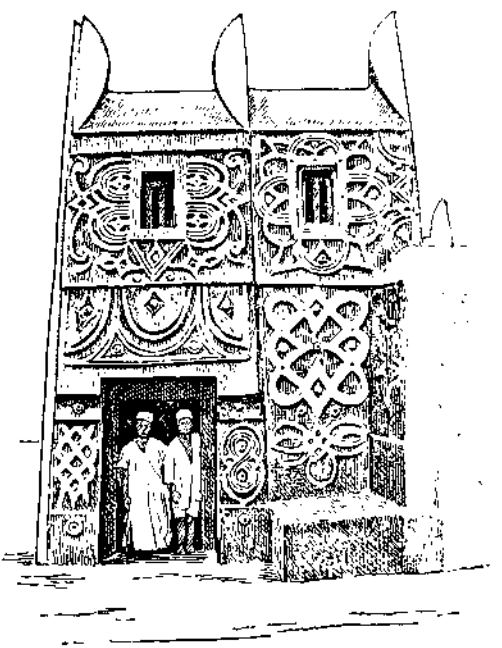
Хижины [illegible]стяков в деревне коньяги. Северная Гвинея

как стены дворцов были сплошь покрыты рельефными бронзовыми изображениями царей и их придворных, драматическими сценами военных сражений и охотничьих подвигов.

Английские колонизаторы в 1897 г. безжалостно бомбардировали и сожгли Бенин. При колониальном господстве художественное ремесло в Нигерии пришло в упадок, но его традиции живы и в настоящее время. Так, литейщики йоруба и сейчас делают различные отливки: человеческие и звериные фигурки, браслеты и т. п.

В условиях колониализма незавидной оказалась судьба многих других ремесел. Заметно упало искусство гончарства у йоруба и ашанти. Кузнецы, они же и металлурги, мандинго и западные фульбе прекратили добычу и выплавку железной руды, получая теперь металл из привозного железного лома. Превосходные изделия ткачей хауса потерпели поражение в неравной конкуренции с заморскими тканями и готовой одеждой.

Численно преобладающее над городским сельское население Западной Тропической Африки живет большими деревнями. Жилища сооружаются из дерева и глины и имеют



Дом в г. Кано. Северная Нигерия

Глиняные конические жилища в долине реки Логоны. Северо-Западный Камерун

различные формы. Например, народы волоф, бамбара, хауса строят круглые в плане глинобитные хижины с конусообразной крышей из соломы, без окон и дымового отверстия. В этих домах только спят, а все остальное время проводят на чистом воздухе; пища приготавливается во дворе под навесом.

Народы манде до недавнего времени жили большими неразделенными семьями, состоявшими из двух-трех поколений в 30—40 человек и более, которые занимали несколько хижин, стоящих особняком за высокой изгородью; такой комплекс построек называется сукала. У скотоводов фульбе большие семьи и сейчас обитают в нескольких хижинах, поставленных по кругу, в центре которого располагается загон для скота. Вся усадьба называется вуро.

В лесной зоне Западной Тропической Африки, где жилища имеют круглый план, интересны большие прямоугольные постройки общественного пользования. Таков, в частности, общедеревенский дом собраний, отличающийся большими размерами. Это, собственно, крытый навес, возвышающийся на резных столбах. Здесь мужчины всей деревни занимаются плетением корзин, циновок, резьбой по дереву, обсуждают различные дела, творят общественный суд и т. п.

У народов Вольты существуют огромные дома, сложенные из необожженного кирпича, нередко двухэтажные, с плоскими кровлями и внутренними двориками. Каждый дом напоминает небольшую крепость. Деревня состоит всего из нескольких таких домов, довольно далеко отстоящих друг от друга.

Народы Гвинейского побережья живут в домах прямоугольного плана, построенных из дерева и глины, с двускатной соломенной крышей. Например, дома йоруба представляют собой большие строения с внутренним двором и состоят из нескольких комнат с выходами во двор. Нередко стены жилища украшены росписью, а столбы, поддерживаю-

щие кровлю, покрыты резьбой; у народов акан двор с несколькими хижинами, обнесенными глинобитной стеной, делится на две части: в одной из них живут женщины с малолетними детьми, а в другой — взрослые мужчины и юноши.

Типичная одежда западных африканцев — широкая рубаха (бубу) и шаровары у мужчин, а у женщин — сшитая из нескольких полос ткань, которой обертывают туловище от пояса до лодыжек. Скотоводы фульбе плоскогорья Фута-Джаллон одеваются теплее: мужчины поверх рубахи и штанов носят шерстяные плащи темно-синего цвета, женщины — нижнюю и верхнюю хлопчатобумажные рубахи без рукавов, которые крепятся ямками на плечах.

Все жители Гвинейского побережья носят набедренные повязки. Мужчины, кроме того, одеваются в рубахи и короткие штаны, а женщины — в кусок пестрой ткани, повязанной выше талии и спадающей до лодыжек в виде юбки; верхняя часть тела остается обнаженной.

Изучая социально-экономический строй народов Западной Тропической Африки, исследователи обратили внимание на его большое своеобразие и сложность. Даже у наиболее развитых народов Гвинейского побережья, знавших сословно-кастовое расслоение и государственность, долгое время сохранялись, правда в трансформированном виде, стойкие пережитки первобытнообщинных связей и отношений. Так, в государстве Ашанти, образовавшемся в XVII в. и разгромленном англичанами на рубеже XIX и XX вв., в социальной структуре общества преобладали земледельческие общины смешанного родового состава, включавшие в себя различные родовые группы на основе матрилинейного счета родства и происхождения. Родовая матрилинейная группа была основной организационной ячейкой в таких сферах общественных отношений, как наследование, присвоение земли, семейно-брачные отношения, распределение общественных должностей и титулов от старейшины сельского поселка до племенного вождя — оманхене и даже верховного правителя народа — ашантихене. Там, где сохранялся материнский счет родства, женщина обычно принимала участие в семейном совете и могла дублировать роль вождя матрилинейной группы (у народов акан — ашанти и др.) или даже занимать пост вождя селения или племени (например, у народов бауле и др.).

В наименее развитых обществах с первобытнообщинными отношениями (племена лесистых и лагунных районов Берега Слоновой Кости, Ганы, Того) долго сохранялись и более явственные порядки материнско-родового строя: например, и в замужестве женщина сохраняла полную принадлежность к своему матрилинейному роду и пользовалась такими же правами, как и мужчина, вплоть до свободы расторжения брака. Правда, дети от прекращенного брака оставались в семье мужа.

Значительная роль женщин в хозяйственной и общественной жизни многих народов Западной Тропической Африки послужила этнографам основанием для предположения о том, что, по крайней мере, некоторые из этих народов к классовому обществу и государству перешли непосредственно от материнского родового строя, минуя развитой патриархат. При этом матрилокальность сохранившегося рода этнографы связывают с определенным социально-экономическим содержанием — с преобладанием экстенсивного мотыжного земледелия, в котором были заняты преимущественно женщины; тогда как наличие патрилокальности и патриархальности — с развитием скотоводства, интенсификацией земледелия, выделением семьи как ячейки мелкого производства.

Патриархальные отношения в наиболее развитой форме отмечены у кочевых фульбе, которые в конце XVIII в. создали крупное политическое объединение — имамат (к этому времени у них прочно утвердился ислам). Имамат базировался на феодально-патриархальном строе, в основе которого лежала эксплуатация знатью фульбе рядовых соплеменников и покоренного иноязычного земледельческого населения — волоф, серер, малинке, бамбара и др.

У народов Западной Тропической Африки сложились развитые религиозные представле-

ния, отражавшие конкретные условия их жизни, в особенности своеобразные черты общественного строя, долгое время сохранявшего в себе формы или пережитки общинно-родовых отношений на фоне становления классовых отношений. Африка, в том числе и Западная Тропическая, считается классической страной культа предков. Он развит как у земледельческих, так и у скотоводческих народов. Исторически этот культ вырос на основе патриархально-родового строя, но также несомненно, что у многих африканских народов, особенно земледельческих, он связан и с пережитками материнско-родовой организации. В связи с выделением индивидуальной семьи культ предков принял и семейные формы. Далее, следствием укрепления племенных союзов и образования примитивных государств явился племенной и государственный культ предков — обожествление предков вождя, царя и т. д.

У народов Западной Тропической Африки отмечены общинные культы духов и богов-покровителей. Эти существа представляются в антропоморфном, нередко чудовищном виде. У некоторых народов Нигерии такие божества почитаются в виде животных (пережиток тотемизма). Здесь же распространена вера в личных фетишей, представленных какими-либо предметами, которые по собственному желанию может выбрать каждый человек.

Одним из интереснейших институтов в Западной Тропической Африке являются тайные союзы, в общем схожие с меланезийскими, но приспособленные к более сложной организации общества. Здесь тайные союзы более многочисленны, прочнее организованы, очень влиятельны. Таковы могущественные мужские союзы Поро в Либерии, Эгбо в Нигерии, Геледе — в Бенине и др. Так, союз Эгбо — это сложная организация, члены которой подразделяются на ранги, причем высшие ступени посвящения были доступны только знати, а во главе союза стоял местный верховный вождь.

Мужские союзы Западной Тропической Африки не столько были направлены против материнско-родовой организации (как это в значительной степени характерно для Меланезии), сколько в условиях складывающихся здесь форм примитивной государственности выполняли судебные и полицейские функции при местных вождях и правителях. Союзы, опираясь на грубую силу, взыскивали налоги, занимались вымогательством и расправой с политическими противниками в угоду и пользу своим правителям. Все это делалось под оболочкой религиозных обрядов и было связано со сложной системой анимистических представлений и магических действий. Члены союза наряжались в страшные маски и костюмы, изображая духов, устраивали ритуальные пляски и представления, запугивали непосвященных.

Эти союзы существуют и сейчас, но их тайный характер весьма относителен. Анахронизмом стали и террористически-полицейские функции союзов. В качестве примера можно привести союз Поро. Для поступления в этот союз мальчики в возрасте 12—14 лет должны пройти специальное обучение и посвящение в полноправные члены племени. Обучение юношей длится несколько месяцев и состоит в том, что испытывается их физическая закалка, смекалка, смелость и терпеливость к лишениям. Наставники обучают молодежь строить дома, плести корзины и циновки, обрабатывать дерево, пользоваться оружием, обучают приемам охоты и рыбной ловли. Юношам сообщают так же священные предания племени. Наконец, на собрании всех членов союза над новичками совершается обряд посвящения, обычно в глухом лесу, вдали от постороннего глаза, сопровождаемый сложными церемониями.

Время от времени замаскированные члены союза большой группой появляются в селениях. Предупрежденные громкими звуковыми сигналами непосвященные (женщины, дети и др.) прячутся по домам. Изображающие духов предков мужчины устраивают в центре поселка обрядовые танцы.

В Западной Тропической Африке отмечены и женские союзы, в которых пожилые женщины обучают девушек домашнему хозяйству, врачеванию, сообщают им основные сведения о предстоящей брачной жизни. Члены этих союзов совершают также особые

религиозные обряды. Таковы, например, женские союзы Санде в Либерии, Бунду, Нимобоандем в Нигерии и др.

Народы Центральной, Восточной и Южной Африки. Значительная часть африканского континента к югу от 5° с. ш. населена многочисленными народами языковой подгруппы бенуэ-конго, часть из которых объединяют под общим названием банту. Экономическое развитие банту не достигло уровня развития западноафриканских народов, тем не менее оно было сравнительно высоким, особенно у народов баконго, баганда, зулу и др.

Банту хорошо знали мотыжное земледелие, а отдельные народы даже земледелие с искусственным орошением. В саванне и сухих степях процветало скотоводческое хозяйство. Банту занимались плавкой железа и меди, добывали золото. Их изделия из металла, дерева, слоновой кости достигали настоящего совершенства. Памятники культуры Зимбабве свидетельствуют о высокой технике кладки каменных зданий из блоков без всякого связывающего раствора. Банту создали ряд самостоятельных государственных образований — Баконго, Балуба, Буганда, Мономотапа, подвергшихся позднее разгрому со стороны колонизаторов.

Исторически у банту сложились два основных хозяйственно-культурных типа — земледельческий и скотоводческий.

Земледельцами, по существу, являются банту тропической зоны в бассейне Конго. Земледельческая культура здесь очень древняя и своеобразная. В хозяйственный оборот введены такие растения, как тропический вид сорго, сезам, масличная пальма и др. Важнейшими продовольственными культурами служат в наше время корнеплоды — маниока и ямс, а вслед за ними просо, кукуруза, рис и др.

В восточной части Тропической Африки, отличающейся более сухим климатом, на первом месте стоят просо, сорго, бобовые, но важны также кукуруза, ячмень, корнеплоды, тогда как пшеницы производится немного. С появлением европейцев распространились плантационные культуры: хлопок, кофе, чай, табак и др.

Для всей Африки типична подсечно-огневая система земледелия с мотыжной обработкой почвы. Готовя новый участок, мужчины вырубают мелкий лес и кустарники, оставляя крупные деревья. Срубленная поросль сжигается, зола разбрасывается по полю в качестве удобрения. Расчищенный участок используется под культурные растения несколько лет подряд, до полного истощения почвы, затем переходят на другой.

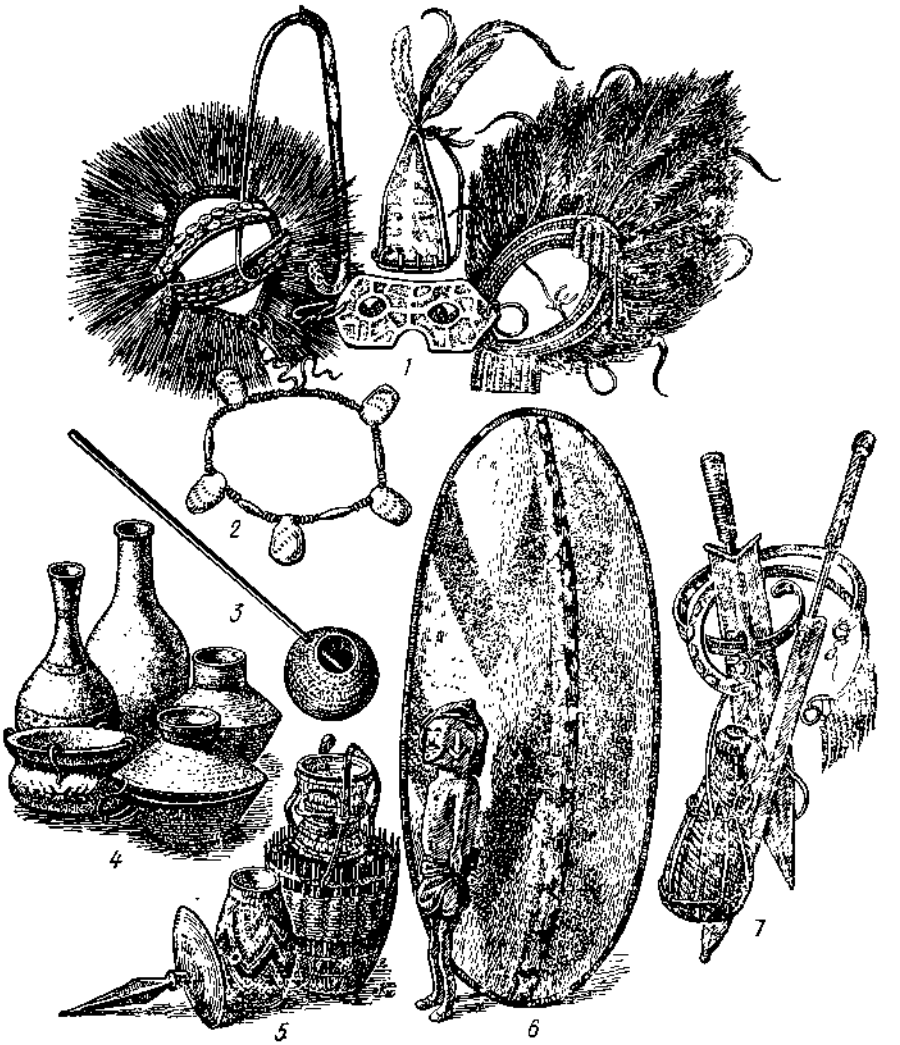
Из-за недостатка пригодной земли крестьяне банту теперь стремятся продлить срок использования полевых участков как путем простейшего чередования посевов разных культур, например кукурузы и бобовых, так и внесения в почву естественных удобрений, навоза, кухонных остатков.

В густонаселенных восточных районах, в Руанде и Бурунди, давно уже существует хорошо организованная общественная система ирригации, проведено множество оросительных каналов, местами вода подается на поля по деревянным желобам. На склонах холмов применяется террасное земледелие.

Скотоводческое хозяйство народов Центральной Тропической Африки имеет свои специфические особенности. В бассейне Конго совсем мало домашних животных, потому что содержать их в непроходимом тропическом лесу, где распространена муха цеце, несущая смертельную болезнь «нагана» крупному рогатому скоту, весьма трудно. Население Заира разводит только коз, овец, кое-где свиней, домашнюю птицу. Недостаток в мясной пище отчасти покрывается продуктами охоты и рыболовства.

В степных районах Восточной Тропической Африки скотоводство развито в большей степени, но и здесь почти нет чисто скотоводческих групп населения. Местный скот принадлежит тем же земледельцам, и только масаи (нилоты), сохраняющие навыки былого кочевого быта, строят свое хозяйство на разведении овец, коз и крупного рогатого скота. Главное транспортное животное в этом районе — осел, лошади малочисленны.

С типичными и очень древними скотоводами мы встречаемся только к югу от р. Замбези, в саванне и засушливых полупустынных



Оружие, украшения и утварь народов Восточной Африки:
1 — украшения воина; 2 — женское украшение; 3 — черпак; 4, 5 — глиняная и плетеная посуда; 6 — щит; 7 — оружие воина

районах Южной Африки, где обитают такие крупные народы банту, как коса, зулу, басуто, тсвана. Еще совсем недавно здесь занимались исключительно скотоводством. Разводили крупный рогатый скот, овец, коз. Лошадей до европейской колонизации не было совсем. Их заменяли быки, которых использовали для верховой езды и под вьюки, а также запрягали в повозки. Но все народы банту, за исключением гереро в Юго-Западной Африке, занимались наряду со скотоводством также и обработкой земли.

Южноафриканское скотоводство было и остается пастбищным: скот круглый год на подножном корму, пасется обычно подле селений и каждый вечер возвращается домой.

Только у тсвана скот постоянно содержится на дальних пастбищах, иногда на расстоянии целого дня пути до жилья.

Массовый падеж скота от чумы в XIX в., захват земель европейскими колонистами и сгон банту в неудобные резерваты подорвали их скотоводческое хозяйство. Главным источником существования банту в текущем столетии стало земледелие. На своих полях они выращивают кукурузу, просо, бобовые растения, тыквы и дыни. В лесах собирают дикорастущие плоды.

Как указывалось, народы банту еще задолго до появления европейцев были знакомы с металлургией железа и меди. Плавка металла производилась в высоких огнеупорных термитниках, покинутых термитами, или в специальных печах, сложенных из глины и камня. Каждую такую домницу — сыродутный горн — загружали поочередно слоями древесного угля и руды, для усиления горения угля вдували в домницу воздух при помощи ручных мехов.

Металлургическое производство банту наиболее развито за пределами тропического леса — на юге Заира, в Анголе, Танзании и др. Многие народы металл сами не выплавляли, но, получая готовые слитки от соседей, умели их ковать, превращая в орудия труда, оружие, украшения.

Кузнечное ремесло у некоторых народов принимало художественные формы. Так, вышедшее из рук заирских мастеров холодное оружие — топоры, мечи, металлические метательные ножи с несколькими лезвиями — отличались не только своим качеством, но и великолепной отделкой — медной и бронзовой инкрустацией, ажурными рукоятками.

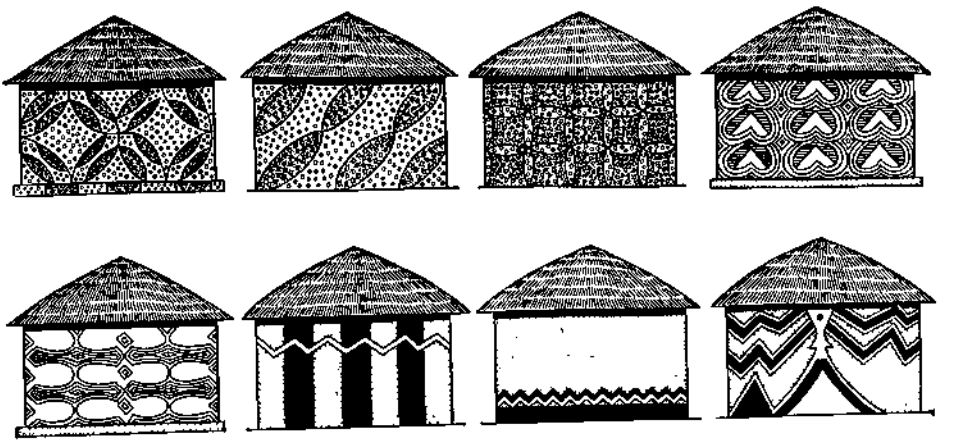
В эпоху колониализма самобытная металлургия банту выродилась. Железо теперь не выплавляют, а перерабатывают привозной железный лом. Однако кузнечное ремесло сохраняется еще в весьма широких размерах.

Такая же участь постигла и многие другие разновидности народного ремесла — ткачество, гончарство и пр. Но до сих пор живет изумительное искусство изготовления домашней утвари. Красивы и изящны деревянные изделия народа балуба — легкая мебель, бытовые

Деревянная статуэтка предка. Чокве. Конго, Ангола

сосуды, культовые чаши и маски. Превосходны циновки различных сортов и рисунков. Некоторые виды плетения из листьев пальмы рафии — тонкие и эластичные — употребляются даже для изготовления одежды. Разнообразны и добротны корзины из тростника и пальмовых листьев. Некоторые из них столь плотного плетения, что надежно сохраняют жидкости. Значительную часть утвари, заменяющую тарелки, кувшины, черпаки, ложки, изготовляют из калебасы (разновидность тыквы).

Поселения банту представляют собой большие и малые деревни вытянутой, кучевой или круглой формы, обнесенные высокой изгородью. Жилище имеет в основе плетеный каркас, с боков и сверху покрытый тростником, пальмовыми листьями, соломой, грубыми циновками. В Центральной Тропической Африке преобладают хижины прямоугольной формы с двускатной крышей. В Восточной Тропи-



Стенная роспись жилищ басуто. Южная Африка

ческой Африке и Южной Африке распространены круглые хижины с конической соломенной крышей. В некоторых районах, примыкающих к побережью Индийского океана, наряду с типичными домами круглого плана встречаются прямоугольные жилища с двускатной (дома суахили) или плоской крышей (дома вахехе), а также ульевидные (овальные, копнообразные — дома хайя).

В каждой деревне имеется специальный дом или по крайней мере навес для общественных собраний мужчин. Нередко на деревенской площади стоит большой барабан для подачи сигналов к общему сбору сельчан или для передачи звуковых эстафет на расстояние.

У народов Южной Африки основной формой поселения был крааль, в котором, как правило, обитала большая патриархальная семья. В центре крааля располагался скотный двор, обнесенный по кругу деревянной изгородью, каменной или глинобитной стеной. Вокруг скотного двора в определенном порядке стояли хижины: ближе к выходу из скотного двора — хижина матери или первой жены, затем хижина второй жены, третьей, хижина детей и т. д. Подле каждого дома — легкая постройка для приготовления пищи. Зерно хранилось в ямах, обмазанных глиной, или в объемистых куполообразных корзинах на высоких помостах. Снаружи весь крааль обносился прочным забором или стеной с воротами.

Живущие в жарком климатическом поясе банту обходились минимумом одежды. И мужчины и женщины носили набедренные повязки или передники, сплетенные из травы или сшитые из шкуры животного. Ткачество большинству народов банту не было известно. Только часть населения восточного побережья, испытавшая сильное арабское влияние, знала приемы тканья волокнистых растений.

Вместо тканой одежды банту тропических лесов в непогоду укрывались мягкими циновками или накидками из тщательно обработанного луба фикусовых деревьев. Скотоводы банту носили каросс — род плаща или накидки из кожи домашних и диких животных.

В последнее время среди населения этих частей Африки стали распространяться привозные текстильные ткани и одежда европейского покроя. Но так как для многих крестьян они слишком дороги, то их надевают лишь по торжественным случаям.

В XIX в., когда народы банту стали доступны непосредственному наблюдению этнографов, они стояли на различных ступенях социально-экономического развития. На восточном берегу Африки в арабских султанатах давно уже господствовали феодальные отношения в

сочетании с широко развитым применением рабского труда. Во многих районах Заира и Анголы существовали крупные политические объединения. Это были либо союзы племен, либо раннефеодальные государства. Но во внутренних областях Центральной Восточной и Южной Африки преобладали еще отношения разлагающегося общинно-родового строя, сохранились племена, сильной была родовая организация.

У некоторых наиболее отсталых племен бассейна Конго (например, у басаката), обитавших в густых, малодоступных лесах, удерживались порядки материнского рода и даже матрилокальность брака. И сейчас у басаката главой деревни является старший в роде дядя по материнской линии. Он распределяет землю и руководит религиозными обрядами всей общины.

Однако у большинства народов Центральной Тропической Африки в прошлом столетии сохранялся патриархальный род, который ныне существует только в пережитках. Земля находится в совместном владении деревни-общины, каждый член ее наделен полевым участком, который нельзя продать или подарить. Наряду с общинной собственностью появилась уже частная, например, на участки, отвоеванные у леса единоличным трудом и засеянные кофе и хлопком. Родовые и племенные вожди при поддержке прежней колониальной администрации превратились в эксплуататорскую верхушку.

В Центральной Тропической и Южной Африке есть отдельные племена и народы, у которых сильны остатки родового строя. Например, у народа бемба (Замбия) счет родства все еще ведется по женской линии, но брак обычно патрилокален. Лишь в тех случаях, когда мужчина не может уплатить выкуп за невесту, он входит в семью своего тестя. Женщина пользуется уважением, в ее руках все домашнее хозяйство, однако главою семьи и налогоплательщиком является мужчина.

Родовой строй восточноафриканских банту в общем находится в состоянии глубокого разложения. Основной экономической ячейкой стала индивидуальная семья. Принцип родового поселения и владения землей систематически нарушается. Члены одного рода свободно поселяются на территории другого, родовая община все больше превращается в соседскую.

В недавнем прошлом родовая организация существовала и у южноафриканских банту. Род был строго экзогамным, исключающим браки между его членами даже отдаленной степени кровного родства, а кое-где и тотемными, т. е. имеющими свой тотем — животное, с которым род считал себя состоящим в определенном родстве.

К приходу европейцев у большинства южных банту род распался на патриархальные семьи. В их пользовании находились обработанная земля и продукты собственного труда, главное богатство — скот был собственностью семьи. Общими оставались пастбища и водопои для скота; совместно осуществлялась защита от внешних нападений.

Развитая в прошлом племенная организация с выборными и наследственными вождями также пришла в упадок, в лучшем случае от нее осталась лишь форма. В отдельных местностях она еще существует, но в сильно трансформированном виде.

Из древних государственных образований банту наиболее известным и значительным было государство Конго, в XVI в. объединявшее многие племена во главе с баконго. Большинство населения составляли свободные общинники, сообща несшие различные повинности в пользу старейшин и государственной казны. Наряду со свободными крестьянами в Конго существовали рабы из военнопленных и неисправных должников. Самым крупным рабовладельцем был глава государства маниконго.

Все управление страной находилось в руках знати, которая из своей среды избирала «царя». Любопытно, что все высокие посты в государстве наследовались первоначально по женской линии, от дяди к племяннику — сыну родной сестры; позднее установился отцовский счет родства, и сын наследовал отцу. В этом нашла свое отражение характерная для банту Центральной Тропической Африки довольно поздняя смена материнско-родовой

организации патриархатом. Государство Конго просуществовало до конца XIX в. Кроме того, в Восточной Тропической Африке было государство Баганда, в Южной — Зимбабве, Мономатапа и др.

Колониальные державы в корыстных целях пользовались отсталостью и племенной раздробленностью народов банту. Однако проникновение капитализма в Центральную, Восточную Тропическую и Южную Африку неизбежно ускорило распад родо-племенных связей и развитие товарно-денежных отношений, вызвало появление крупного плантационного хозяйства, горнодобывающей промышленности и многих крупных городов. Это привело к широкому развитию миграций коренного населения в города и рабочие поселки и к формированию местного рабочего класса, буржуазии и интеллигенции.

Началось объединение разрозненных прежде племен в крупные этнические общности и народности банту. Объединение очень близких друг другу южных банту — коса, зулу, басуто — усиливается их упорной борьбой против расистской политики «белого» меньшинства правительства ЮАР.

Интересны данные о древних религиозных воззрениях банту, среди которых преобладал патриархальный культ предков духов отцов, дедов и т. д. Каждая семья поклонялась своему мужскому предку, племя в целом поклонялось предкам вождя, которые считались основателями данного племени. Живой вождь рода или племени считался важнейшим посредником между родовичами и предками-духами. Во всех значительных случаях жизни (начало и конец хозяйственного цикла, война и пр.) и при стихийных бедствиях вожди руководили коллективным обращением к духам предков с просьбой о помощи, отвращении зла и т. д.

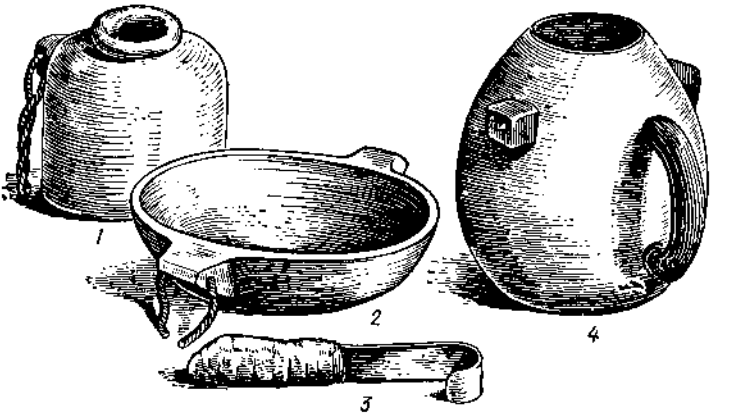
Для банту было характерно смутное представление о небесном боге. В одних случаях такой бог наделялся чертами создателя мира и человека; в других — «антропоморфного» божества, посылающего дождь, грозу; в третьих — это просто олицетворение неба. Но почти во всех случаях небесное божество — не предмет культа. К нему обращались с молитвами о даровании благ лишь в самых крайних случаях, когда не «помогали» предки — обычный предмет культа.

Койсанские народы. Пигмеи. На крайнем юге Африки живут койсанские народы — готтентоты и бушмены. Экономический и общественный строй первых во время появления европейцев был довольно высоким. Главное занятие готтентотов составляло скотоводство, всецело находившееся в руках мужчин. Скотом очень дорожили, убивали только одряхлевших животных, предпочитая мясную пищу добывать охотой. Оружием служили копья с железными наконечниками, лук со стрелами, метательные палицы. Готтентоты сами добывали и обрабатывали железо. В общественной жизни у них господствовал патриархальный родо-племенной строй. В настоящее время значительная часть готтентотов занята в сельском хозяйстве на фермах европейцев, а также в горнорудной промышленности Намибии. Наблюдается смешение их с банту.

Немногочисленные ныне бушмены, загнанные колонизаторами в безводную пустыню Калахари, принадлежат к числу наиболее обездоленных народов Африки. Еще совсем недавно материальная культура бушменов отличалась крайней бедностью. Средства к существованию они добывали охотой и собирательством дикорастущих плодов и кореньев. Мужчины были снаряжены метательными копьями, луком со стрелами и кожаным мешком для убитой дичи. От готтентотов путем обмена бушмены иногда получали железные орудия (ножи, наконечники копий и стрел).

В охоте бушмены были очень искусны и выносливы: нередко охотник преследовал антилопу в течение двух-трех суток. Замаскировавшись под страуса, он подкрадывался к стаду и бил на выбор. Бушмены применяли различные ловушки, устраивали коллективные облавы на крупных животных. Загонщиками были женщины и дети.

Постоянно бродя в поисках пищи, бушмены не имели прочных поселений. На временных стоянках сооружались ветровые заслоны, реже — шалаши. Застигнутые ночью охотники спали в вырытых в теплом песке ямах. Единственной одеждой служила набедренная



Деревянные сосуды и нож готтентотов (1, 2, 3) и резной бушменский сосуд (4)

повязка. Домашней утвари почти не было. Драгоценную в пустыне воду хранили в сосудах из страусовых яиц. В период засухи женщины добывали воду, высасывая ее из водоносного почвенного слоя с помощью длинной тростинки.

У бушменов существовали этнические объединения — племена, но хозяйственной единицей выступали локальные группы, возглавляемые наиболее умелыми охотниками. И теперь бушмены живут небольшими группами, объединяющими родственников по отцовской линии. Примерно половина всех бушменов сохраняет традиционный образ жизни, остальные же работают батраками на сельскохозяйственных фермах.

В религиозных верованиях бушменов центральное место занимал промысловый культ. Охотники обращались к солнцу, луне, звездам и сверхестественным существам с молитвами о даровании успеха на промысле. В мифологии бушменов примечателен образ Ц'агна (кузнечика-богомола) — небесного духа и героя, творца земли и людей, тотема и покровителя племенных инициаций.

Большой интерес у современной науки вызывает яркая по исполнению цветная наскальная живопись бушменов, созданная в прошлые столетия (в XVII—XIX вв., а может быть, и раньше).

В глубине тропических лесов, по всему бассейну рек Конго, Огове, Итури и других рек небольшими группами рассеяны пигмеи, говорящие на языках банту. Это очень отсталое население, не умеющее добывать и обрабатывать металлы, не знающее ни земледелия, ни скотоводства. Пигмеи ведут охотничий образ жизни. Еще совсем недавно их единственным оружием были лук и стрелы. Женщины и дети занимались собирательством.

Пигмеи объединялись в небольшие группы, которые в поисках пропитания постоянно странствовали с места на место, но в пределах строго установленных границ. Их сношения с банту сводились к обмену лесных продуктов и дичи на земледельческие продукты и железные ножи, наконечники для копий и стрел.

Верования охотничьего народа — пигмеев — религиозно-магические, связанные с промыслом. Главным предметом почитания был лесной дух — хозяин дичи, к которому охотники обращались с молитвами, всякий раз отправляясь за добычей. Были развиты тотемические верования. К тотему (животному, растению) пигмеи относились с величайшим почтением, как к близкому родственнику.

Население Мадагаскара. Обособленной историко-культурной областью Африки является остров Мадагаскар. Основную массу островитян составляют малагасийцы, по своему языку и физическому типу заметно отличающиеся от населения близкого африканского континента и имеющие несомненную связь с далекими островами Индонезии. Ученые полагают, что древнейшее население острова было близко к койсанским народам (об этом свидетельствуют данные палеоантропологии). В X—VI вв. до н. э. сюда стали проникать южные монголоиды с островов Юго-Восточной Азии, которые вначале селились на восточном побережье острова, а затем стали продвигаться в центральные горные районы. Примерно в это же время или чуть позднее на западном побережье Мадагаскара стали появляться восточные негроиды. При последующем смешении их с аборигенами и отчасти арабами образовались современные малагасийцы. Вообще вопрос об этногенезе населения Мадагаскара наукой мало изучен.

На востоке и в центральных районах острова среди населения преобладают южномонголоидные черты, а на западе — негроидные. До недавнего времени среди малагасийцев наблюдались деления на этнические группы, вероятно племенного происхождения. В сознании малагасийцев еще сохраняется этническая принадлежность к той или иной этнической группе, которая имеет и некоторые хозяйственные, социальные и бытовые особенности. Наиболее крупная группа — мерна (или мерина), бецимизарака, бецилеу, сакалава, атандруй и др.

Этнографическую специфику малагасийцев нельзя считать простым слепком с культуры малайского мира. В малагасийской культуре переплетаются юговосточноазиатские и африканские элементы, к тому же приспособленные к своеобразным географическим условиям Мадагаскара.

Это наблюдается прежде всего в хозяйстве, основу которого составляет земледелие. В центральной горной части острова с отдаленных времен существует развитая ирригационная система, без которой было бы невозможно возделывать главную продовольственную культуру — рис. Посадки риса расположены по склонам гор на широких террасах. Сюда подведены многочисленные каналы, питаемые горными потоками.

В лесных районах острова практикуется подсечно-огневая система; обработка почвы производится железной лопаткой с узким, вытянутым и слегка вогнутым лезвием. Здесь рис сеется без искусственного орошения под обильный тропический дождь.

В тех районах, где рис не растет, большое значение приобретает кукуруза. Кроме того, малагасийцы разводят картофель, фасоль, сахарный тростник, сажают фруктовые деревья, держат пчел и разводят шелковичных червей. В колониальный период получили развитие экспортные культуры, особенно кофе и ваниль.

У земледельческого населения скотоводство не играет большой роли в хозяйстве. Скот иногда используется в качестве рабочего, например, следующим образом: вместо мотыжной обработки на залитые водой рисовые поля выпускают стадо быков и гоняют их по участку до тех пор, пока разрыхляемая копытами почва не будет готова к посеву.

На Мадагаскаре есть и преимущественно скотоводческие районы на западе и юге. Так, сакалава, проживающие на равнинах запада, разводят коз, овец, крупный рогатый скот — зебу.

Живут малагасийцы в домах различного устройства. Во многих районах постройки представляют собой прямоугольный деревянный каркас со стенами из тростника с остроконечной двускатной крышей, покрытой пальмовыми листьями. В центральной горной части страны дома глинобитные, но также прямоугольные в плане, с высокой поднятой остроконечной крышей.

Отличительная особенность малагасийского жилища — богатство и разнообразие домашней утвари. Это резная мебель, плетеные циновки, служащие скатертями и салфетками, устилающие пол, украшающие стены дома, а также искусно орнаментированная деревянная посуда, скульптура и т. д.

Традиционной одеждой малагасийцев была набедренная повязка у мужчин, юбка у женщин, изготовленные из ткани собственной выработки. Непременная принадлежность одежды обоих полов — ламба — представляет собой прямоугольный кусок ткани либо белого цвета, либо с пестрым узором, которую носили по-разному: обматывали вокруг пояса, набрасывали на плечи или закутывались в нее с головой. Ныне распространена европейская одежда.

О прежнем родовом устройстве малагасийцев мало известно. В XVI—XVII вв. в центральной части Мадагаскара существовало государство Имерина с феодальным строем. Основную массу его населения составляли лично свободные крестьяне хова, объединенные в соседские общины, которые несли различные феодальные повинности в пользу государства.

В конце минувшего столетия Мадагаскар оказался под властью Франции. Местное королевское управление было упразднено, а соседская община малагасийцев поставлена под надзор колониальной администрации. Под влиянием французского капитала начали складываться буржуазные отношения, проникшие и в малагасийскую деревню.

В 1960 г. Мадагаскар получил независимость.

Глава 4

Народы Америки

Этногенез и этническая история. Современное население двух материков Америки насчитывает около 585 млн. человек. По языковой принадлежности его нередко делят на две части: население Латинской Америки, т. е. стран Северной (Мексика), Центральной и Южной Америки, где господствующими языками являются испанский (в большинстве стран) и португальский (в Бразилии); и население Северной Америки, в основном говорящее на английском языке (США и Канада), хотя в одной из восточных областей Канады до сих пор сохраняет этническую самостоятельность франкоязычное население. Подобное деление не учитывает, что до сих пор не только сохранились индейские языки коренного населения, но на них говорят почти 36 млн. человек.

Америку нередко называют Новым Светом, подразумевая при этом, что для части американского населения материк Евразии был прежней родиной (Старым Светом) до их переселения после открытий Колумба. Но это справедливо не только по отношению к потомкам европейцев или негритянскому населению, выходцам из Китая или Индии. Для человечества в целом Американские материки — это Новый Свет. Правда, переселение началось задолго до плавания Колумба. За последние десятилетия накапливается все больший археологический материал, который позволяет датировать появление человека в Америке очень ранней эпохой — 40 тыс. лет до н. э. Археологическое изучение американских материков, хотя и сделало огромные успехи, находится еще в самом начале своего развития. Возможно, дальнейшее изучение еще более удревнит эту дату.

Были в науке попытки доказать, что формирование человека шло не только в Старом Свете (Евразия и Африка), но возможна эволюция местных американских широконосых обезьян до стадии антропоидов. Однако научными данными такие гипотезы подтверждены не были, а мнение большинства исследователей, что Америка была заселена человеком через Северо-Восточную Азию, с каждым годом получает все больше подтверждений самого различного характера. Геология, исследуя историю оледенений и колебаний уровней океана, считает, что были периоды (и не один), когда Чукотка и Аляска соединялись перешейком. С этим согласны и зоологи, отмечающие близость видового состава животных Евразии и Северной Америки.

К такому же выводу приводит и сопоставление археологических материалов Сибири и Северной Америки. В эпоху верхнего палеолита исследователи находят между археологическими культурами этих частей света много общих черт.

Данные антропологии коренного населения Америки, даже с учетом спорности многих проблем, также склоняют нас в пользу того, что американоидная раса ближе всего по основным, наиболее устойчивым антропологическим признакам к монголоидам Старого Света. Многие классификации включают американоидов как особую ветвь, подрасу, в состав большой монголоидной расы человечества. Прямые жесткие волосы, выступающие скулы, темная пигментация волос и глаз, темная пигментация кожи — от желтоватой до красно-коричневой, слабо развитый третичный волосяной покров — все это доказывает близкое родство монголоидов Старого Света и американоидов. Основные отличия американских индейцев от монголоидов — резкая профилировка лица, сильно выступающий нос (иногда с горбинкой, «орлиный»), редко встречающийся эпикантус — можно отнести, как считают специалисты, либо к вариациям, которые возникли позже, когда американоидная и монголоидная расы развивались уже обособленно, либо объяснить тем, что американоиды сохранили ряд черт древнейших монголоидов, которые в Старом Свете были утрачены.

Гораздо сложнее объяснить наличие в антропологическом облике южноамериканских индейцев негроавстралоидных черт. Были по-

пытки объяснить это прямыми контактами между населением Америки и Южной части Тихого океана. Но есть и другое объяснение — миграции отдельных групп не ограничивались только периодом верхнего палеолита, были и более поздние продвижения населения. Антропологи прослеживают целую цепочку проявлений негроавстралоидных черт (о. Тайвань, Южная Япония, айны на о. Хоккайдо). Возможно, что какие-то группы негроавстралоидного облика продвинулись по побережью Тихого океана до областей Южной Америки.

Эскимосское население Аляски, Канады, Гренландии и алеуты отличаются от остальных аборигенов Америки как раз очень большой близостью к основным антропологическим группам Северо-Восточной Азии, что позволяет предполагать их более позднее переселение в Америку.

Учитывая, что археология Америки изучена недостаточно и, главное, очень неравномерно по зонам, можно наметить лишь самые общие пути освоения людьми нового материка. Первоначально, по-видимому, были заселены западные регионы, из которых шло распространение групп первобытных охотников все дальше на юг. Позднее начались перемещения населения внутри Америки в целом и отдельных американских материков. Это освоение заняло от 20 до 30 тыс. лет. Исследователи не отрицают возможности более поздних переселений из Азии. Но вряд ли они сыграли сколько-нибудь заметную роль, за исключением Арктического региона, в жизни коренного американского населения до эпохи Колумба. Переселившись в Америку в эпоху верхнего палеолита через Берингоморье и Аляску, предки американских индейцев создали классовые цивилизации, убедительно доказав тем самым общность законов исторического развития человеческого общества, его культуры.

Северная и Южная Америки, соединенные ко времени появления там человека узким перешейком, продолжали сохранять ощутимые различия в видовом составе растений и животных. Южная Америка, отделившаяся от остальных материков раньше Северной, обладает до сих пор весьма своеобразной флорой и фауной. Значительные ее площади, лежащие в тропической зоне, заняты американскими джунглями — сельвой, с буйной растительностью, обилием насекомых и птиц, неблагоприятными для человека. Немногим лучше были и прилегающие с севера и юго-востока области более засушливых американских саванн, подверженных резким сезонным колебаниям: то заливаемых проливными дождями, то иссушаемых солнцем. Более благоприятным был умеренный юг материка, где в травянистых степях пампы обитали стада небольших животных — гуанако, объект охоты местного населения.

С севера на юг всю западную часть Южной Америки занимает обширная горная система Анд. В горных долинах, открывающихся к Тихому океану, и в северных предгорьях условия для жизни человека оказались наиболее благоприятными, и с течением времени здесь стали возникать одни из первых цивилизаций этого континента. Сходные условия были и на территории обширного перешейка, который часто называют Мезоамерикой. Тропические леса здесь чередуются с горными плато, а на севере Мезоамерики появляются засушливые степи, переходящие порой в настоящие пустыни. В предгорьях Мезоамерики сложились наиболее благоприятные условия для развития материальной культуры, и именно эту область многие исследователи считают родиной основного хлебного растения Америки — кукурузы, или маиса.

Северная Америка гораздо более благоприятна для расселения людей. Только западная ее часть занята громадной горной системой Кордильер. Остальная территория представляет собой сравнительно плоскую равнину, приподнятую в центре востока невысокими и сильно сглаженными горами Аппалачей. Основные речные системы, особенно течение Миссисипи с Миссури, также благоприятствовали расселению групп первобытных охотников на всем пространстве материка. Умеренный климат материка только на юге отличается засушливостью, а на севере, открытом Ледовитому океану, — холодной зимой и прохладным летом. Животный мир Се-

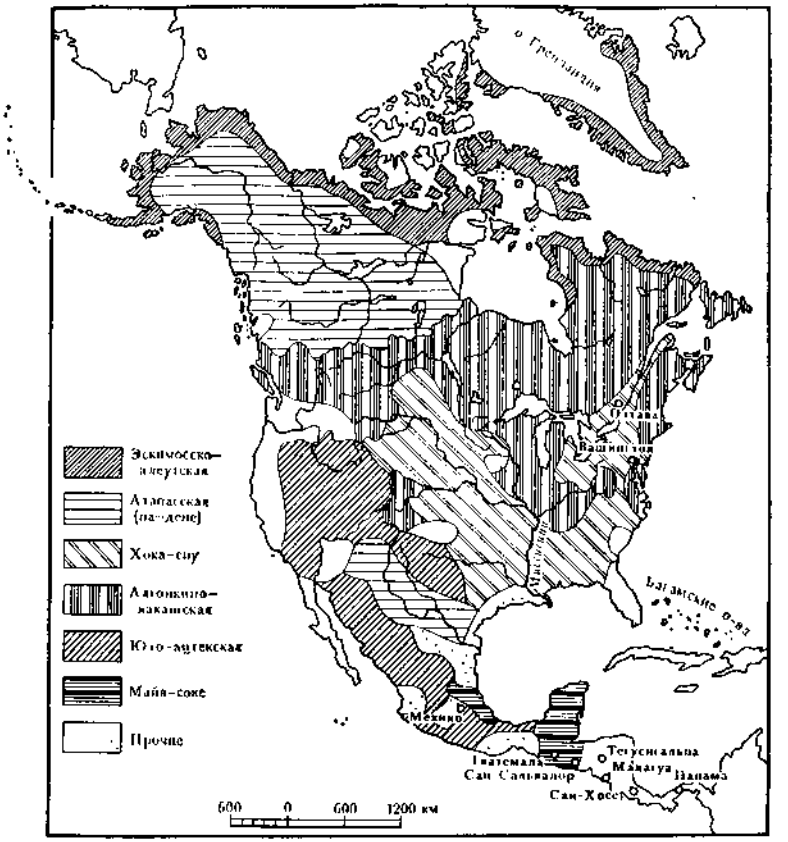
верной Америки был богат и разнообразен: северные и благородные олени, бизоны, масса водоплавающей птицы, изобилие рыбы в реках и озерах. Североамериканские хищники — горный лев (пума) и серый медведь (гризли) не могли составить серьезную опасность для людей и сами становились объектом охоты.

Одним из важнейших факторов исторического развития является сам человек, размеры человеческих коллективов. По весьма приблизительным оценкам, численность всего индейского населения до появления европейцев составляла всего несколько десятков миллионов человек. И это на два огромных материка. В то же время в Африке проживало не менее 85 млн. В Северной Америке (без Мексики) жило едва ли более 10 млн. индейцев. Группы первобытных охотников, проникших в Америку, были очень невелики, и, хотя таких переселений было много, потребовались время и колоссальные усилия, чтобы расселиться по материкам, приспособиться к местным, часто очень непривычным условиям жизни, освоить окружающую среду и т. д.

Серьезное этнографическое изучение жизни американских индейцев началось сравнительно поздно, в конце XIX — начале XX в. К этому времени многие племена и целые народы были истреблены в колониальных войнах, а те, что оставались, сильно изменили свой образ жизни. Современные специалисты справедливо указывают на то, что жизнь американских индейцев, представленная в первых этнографических описаниях, отражает в значительной степени не их состояние к моменту появления европейцев, а результат сложных процессов влияния колониальной эпохи на быт и культуру, социальные отношения и мировоззрение коренного населения Америки. Учитывая разную степень европейского влияния и разные судьбы различных племен, реконструировать хотя бы в основных чертах жизнь американских индейцев до появления европейцев удается с большим трудом, после тщательных и кропотливых исследований.

Одной из сложнейших задач, не решенных полностью и сейчас, остается изучение и классификация языков коренного населения Америки. Более или менее определено положение только одной языковой семьи — эскимосско-алеутской. В языках этой семьи прослеживаются заметное отличие от остального индейского мира и связь с группами палеоазиатского населения Чукотки и Камчатки (чукчами, коряками, ительменами).

Остальные языки коренного населения Америки отличны от языков Старого Света прежде всего грамматической структурой. Их называют полисинтетическими или инкорпорирующими. Управление словами в таких языках сильно отличается от систем языков Старого Света, так как в глагол, между его корнем и окончанием, может быть вставлено существительное или другая часть речи. Это свойство большинства (но не всех) индейских языков сильно затрудняет построение генеалогических систем родства отдельных американских языков между собой. Этим и объясняются существующие среди специалистов сильные расхождения в оценке языковых группировок индейских языков. Одни насчитывают до 2000 языковых семей (практически каждый язык — семья), другие — около 100, третьи — еще меньшее число. Трудности лингвистического порядка породили стремление объединять языки с учетом и других, не языковых признаков — этнографических, историко-культурных. Причем исследователи пытаются показать известную последовательность переселений носителей таких «надсемей», или фил, на американский материк. Но все исследователи согласны в оценке большой дробности и разнообразия языков коренного населения Америки. Деление племен и их расселение в разных местах неизбежно приводило к обособлению языков через несколько поколений. И в этом смысле исследование языковых отношений в Америке чрезвычайно важно для понимания истории языковых отношений в остальном мире. Крупные, многомиллионные языки сложились только там, где население достигло высокого уровня развития культуры, и социальные отношения предполагали и стимулировали постоянное общение населения в пределах государственной



Языковые семьи народов Северной и Центральной Америки до европейской колонизации

системы (ацтеки в Мексике, кечуа в государстве инков, майя на п-ве Юкатан). Наоборот, наибольшая языковая пестрота и дробность встречаются среди остальных племен.

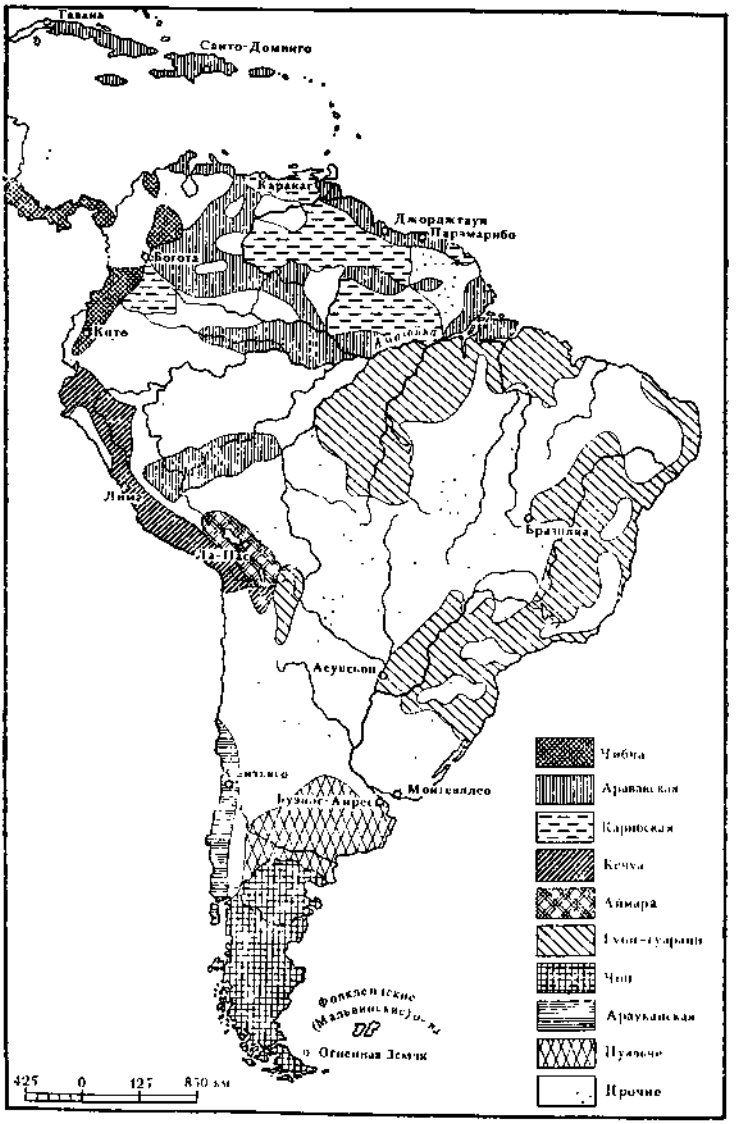
Приводимое здесь перечисление некоторых языковых семей или групп включает в себя лишь наиболее известные и интересные для этнографии языковые общности индейцев Америки.

I. Эскимосско-алеутская семья. В нее входят эскимосы, занимающие приполярные области Аляски, Северной Канады, Гренландии. Распадается на ряд диалектов. Алеуты расселены на Алеутских о-вах.

II. Атапаскская семья или на-дене. Племена, говорившие на языках на-дене, расселены очень широко, от Аляски до Калифорнии и Мексики. На юг они продвинулись позже (навахи и апачи). Первоначально расселялись в таежной зоне северо-запада.

III. Алгонкино-вакашская семья. Племена были расселены на северо-востоке, в районе Великих Озер и по р. Св. Лаврентия. И сейчас здесь живет (в Канаде и в США) до 90 тыс. индейцев, говорящих на алгонкинских языках.

IV. Семья хока-сиу. На языках этой семьи говорили многочисленные племена в центральных и восточных районах Северной Аме-



Языковые семьи народов Южной Америки до европейской колонизац

рики (дакота, ирокезы). Сейчас язык сохраняют примерно 300 тыс. человек.

V. Юто-ацтекская семья. Одна из самых крупных языковых семей в прошлом. На ее языках говорили в государстве ацтеков, а также многие племена, занимавшие юго-запад Северной Америки. И сейчас около 1,7 млн. индейцев говорят на языках этой семьи.

VI. Семья языков майя-соке. Эти языки — майя, киче, хуастеки, соке, туанаки — распространены на п-ве Юкатан и в соседних областях южной Мексики. На различных языках этой семьи говорят не менее 2 млн. человек.

VII. Языковая семья чибча. В прошлом на этих языках говорили создатели группы государственных образований, возникших до появления испанцев. Сейчас эти языки употребляются группами индейцев Мезоамерики и в северной части Южной Америки (около 300 тыс. человек).

VIII. Аравакская семья. Была широко распространена на островах Карибского бассейна и на севере Южной Америки. Большая часть аравакских народов и племен истреблена колонизаторами, остатки метисировались и потеряли свой язык. Небольшие группы индейцев в бассейнах рек Ориноко и Амазонки продолжают говорить на диалектах этой семьи (около 300 тыс.).

IX. Карибская языковая семья. Многочисленные и воинственные племена, говорившие на ее языках, были расселены к северу от Амазонки и на островах Карибского моря, в тесном соседстве с аравакаами, с которыми они враждовали. Их постигла та же участь, что и аравакаов. Сейчас на этих языках говорит немногим более 100 тыс. человек.

X. Семья тупи-гуарани. Языки этой семьи делятся на 4 ветви. Народы и племена, говорившие на языках этой семьи, расселялись от Анд до Атлантики в средней части Южной Америки. Язык гуарани был своего рода межплеменным языком местных племен в их общении между собой. На языке гуарани говорит большинство населения Парагвая, хотя официальным языком признан испанский.

XI. Семья кечуа. Язык кечуа — самый крупный из сохранившихся индейских языков. На нем говорит от 8 до 10 млн. индейцев, расселенных в Перу, Эквадоре, Боливии. Только в Перу он признан государственным языком наряду с испанским. В прошлом это язык большинства населения огромной империи инков.

XII. Семья аймара. В прошлом аймара были вторым по численности этническим компонентом в государстве инков. Сейчас на этом языке говорит индейское население в Боливии и Перу (около 2 млн.).

XIII. Араукаанский язык (мапуче). Когда-то он был распространен среди многих племен, населявших современную Аргентину и южную часть Чили. Промышленники-скотоводы частью истребили, частью вытеснили араукаанов в малоплодородные области юга Чили, где они живут и сейчас (около 300 тыс.).

XIV. Семья пуэльче. В центральной Аргентине обитали немногочисленные охотники на гуанако, говорившие на ее языках. Заселение Аргентины европейцами привело к полному истреблению этого населения.

XV. Семья чон. Племена, говорившие на языках семьи чон, были также полностью истреблены. К ним относились и знаменитые огнеземельцы.

О многих языковых семьях и языках коренного населения Америки нет никаких материалов, так как говорившие на них племена были истреблены прежде, чем их языки както удавалось зафиксировать. О некоторых языках исчезнувших народов остались лишь краткие записи в несколько десятков слов.

В этнографии принято классифицировать народы Америки, жившие до появления европейцев, не по языковому, а по хозяйственно-культурному принципу или по «культурным ареалам». Такое деление не учитывает многих аспектов — исторических (народы переселялись, меняли образ жизни в течение даже последних 500 лет), этногенетических и этноисторических (народы, родственные по языку и происхождению, оказываются в разных ареалах, и, наоборот, разные по происхождению народы объединяются в одну группу). Но данный принцип классификации рель-

ефно отражает стадиальный уровень развития отдельных групп, что в данном случае кажется наиболее важным.

Арктические охотники и рыболовы. На обширных пространствах арктического побережья Северной Америки от Аляски и до побережья Гренландии жили и живут до сих пор группы эскимосов. Общая их численность около 60 тыс. человек. Территориально они делятся на эскимосов Аляски, Канады, Гренландии со своими диалектами. В постоянном общении находятся сравнительно небольшие группы эскимосов, причем живут они в условиях почти полной изоляции от остальных групп.

Происхождение эскимосов и их жизнь изучены неплохо. Привлечение археологических данных позволило установить время формирования специфической арктической культуры в Берингоморье. Считают, что такая культура уже сформировалась за 4000 лет до н. э. Некоторые исследователи склонны возводить ее к более ранней эпохе. Несомненно, что многие основы этой культуры могли сложиться только в более южных широтах (мореплавание и приемы морской охоты), а затем уже были приспособлены к специфическим условиям Арктики. Следовательно, в формировании предков эскимосов и алеутов принимала участие какая-то группа переселенцев с юга. Но конкретные этапы этого раннего этногенеза пока не выяснены.

Эскимосы создали специализированный и хорошо приспособленный к местным условиям тип хозяйства. В основе его лежат охота и рыболовство. Весьма важную роль, хотя и ограниченную по возможностям, играло собирательство. Хозяйственные занятия определяли весь образ жизни эскимосов, и отдельные виды охоты строго чередовались в зависимости от экологических условий. Больше всего добывали морских животных (тюленей, моржей), причем эта охота велась круглый год — летом с лодок, зимой по льду, у лунок. Добыча утилизировалась почти полностью: мясо и жир шли в пищу, шкуры — на обувь, изготовление лодок, полостей в жилищах, из костей выделывали орудия охоты.

Охотились на сухопутных животных — оленей, медведей, мускусных быков, на пушных зверей. Немало добывалось и водоплавающей птицы. Но эта охота была продуктивной только в летний сезон. Летом же заготовляли рыбу самыми различными способами. Стремились собрать побольше ягод, так как нехватка растительной пищи ощущалась очень остро.

Орудия лова и охоты выделывались из подручных материалов. Основным снаряжением охотника в море был гарпун — копье с отделяющимся наконечником. К гарпуну на длинном ремне привязывали пузырь, чтобы добытое животное не утонуло в море, а конец ремня был прикреплен к лодке. Эскимосские лодки делились на два типа: мужская одиночная байдарка (каяк), с которой и охотились, и женская большая лодка, в которой помещалось несколько гребцов, использовавшаяся для переездов и транспортировки добычи (обычно этим занимались женщины). Обшивку лодок шили из шкур морских животных сухожильными нитками и натягивали на каркас, изготовленный из дерева. Дерево очень ценилось. Эскимосы не умели плавать (да это и невозможно в ледяной воде), поэтому, усаживаясь в каяк, вокруг пояса стягивали наглухо специальный кожух, так, что ни капли воды не могло проникнуть внутрь каяка. Если лодка переворачивалась набок, то ударом руки о воду эскимос мог вернуться в нормальное положение.

В сухопутной охоте использовали обычное копье, лук и стрелы, различного рода силки, ловушки, сети. На рыбу тоже чаще охотились, т. е. лучили ее острогами, били из луков, применяя сложные системы запруд, загородей.

В значительной степени от охоты зависели характер поселений и жилища эскимосов. В летний период, когда более целесообразно было добывать пищу мелкими группами, расселялись широко, подальше друг от друга. Некоторые группы эскимосов уходили далеко в глубь материка. В это время сооружали жилища типа чума — на конический остов из жердей натягивали шкуры. Зимой, когда многое зависело от количества охотников в стойбище, селились на побережье в землянках,

где помещалось сразу несколько семей. Такие землянки служили подолгу и строились основательно, с длинным низким входом, внутри сооружались нары, подвешивались пологи, пол устилался шкурами. Отапливалось помещение светильниками, изготовленными из камня. В них наливали нерпичий жир, вставляли фитиль из мха. Несмотря на весь примитивизм такой системы, в помещении было очень тепло. Более экзотичны знаменитые снеговые дома эскимосов «иглу», когда остов дома складывали из кусков плотного снега в форме полусферы. Внутри такой сферы подвешивался полог из оленьих шкур, отделявший собственно жилую часть от снеговых «стен и потолка». Когда возник такой тип жилища и насколько он был характерен в прошлом для всех групп эскимосов, точно неизвестно.

Одежда была хорошо приспособлена к образу жизни. Шилась она в основном из меха оленя. Основу одежды составляла меховая рубаха с капюшоном и меховые штаны. На ногах — меховые мокасины, подвязывавшиеся к поясу. Обязательны были и меховые рукавицы, тоже привязывавшиеся к рукавам (потерять зимой рукавицу — отморозить руку). Зимой одежда была двухслойной: нижний комплект одевался мехом внутрь, верхний — мехом наружу. Женская одежда отличалась тем, что рубаха и штаны сшивались вместе, а на груди был разрез. Одежда украшалась кусочками меха разного цвета, позже стали применять и бисер.

Пища эскимосов — мясо и жир животных, рыба. Ели, если была возможность, помногу. К столь концентрированной мясной пище примешивали сушеные и сырые ягоды, коренья, растения. Там, где современные эскимосы вынуждены переходить на мучную и другие виды европейской пищи, появились болезни, неизвестные у них раньше, — рахит, авитаминозы.

Общественная организация эскимосов вызывает постоянные дискуссии среди исследователей. Обычно эскимосы живут сравнительно небольшими группами, по нескольку родственных семей. Принцип объединения не всегда последователен, чаще это родственники по мужской линии, но могут быть и по женской. Один такой коллектив или община живет порой на очень значительном расстоянии от соседнего. Какие-либо формы племенной организации в крупные и постоянные по контактам общности у эскимосов не прослеживаются, что и не удивительно в столь специфических условиях. Но нельзя и отрицать наличие более широких, чем община, групп, осознающих свое единство, хотя и не подкрепляемое регулярным общением, — ведь единственным способом передвижения было хождение на лыжах-ракетках или небольшая собачья упряжка. По-видимому, большое влияние на изменение социальных отношений оказала и роль европейцев — развитие специализированного пушного промысла, торговля. Все это не объединяло, а разобщало эскимосов, индивидуализировало их быт. Если мясом, добытым на охоте, нужно поделиться с другими семьями, то пушнина была полной собственностью добытчика.

Эскимосы до тонкостей знали окружающую их природу, повадки и образ жизни зверей и птиц, пользу и вред от растений. Они безошибочно ориентировались в однообразных просторах тундры и в море, выработали свою систему лечения многих болезней. Знания эти были эмпирические, накоплены тяжелым опытом многих поколений и передавались в форме преданий, навыков, сказок, обрастая причудливой образностью, фантастикой. Окружающий мир населялся духами, добрыми и злыми, которых нужно было ублажать жертвами. Особенно популярна была «хозяйка моря». У эскимосов была и своя система космогонических представлений о возникновении и устройстве мира, также выраженная в мифологических образах. Среди них были и «специалисты» по общению с духами, шаманы, которых приглашали в серьезных случаях жизни (болезнь, например) выступить в защиту перед духами, изгнать из тела дух болезни. Но общаться с духами мог и каждый.

Современное положение эскимосов вызывает постоянную тревогу у прогрессивной общественности Канады, США, Дании. Эскимосы, жители малопродуктивной тундры, не вы-

теснялись и не истреблялись европейцами. Более того, в них были заинтересованы как в охотниках, поставщиках пушнины. Однако «блага цивилизации» — моторные лодки, огнестрельное оружие, транзисторы, консервированная пища, нейлон и т. п. — вовлекают жителей тундры в товарное обращение, бездумно и бездушно разрушают их специализированный жизненный уклад, основы коллективизма и взаимопомощи. Добыча шкурок отнимает все время, и мясо заменяется консервами. Попытки ввести оленеводство быстро привели к появлению кучки богатеев и массы бедняков. Современная культура возможна для них только в узких рамках миссионерских школ. Не имея профессий, они пополняют население поселков, живущее случайными заработками. Болезни, тяжелые условия жизни остановили демографический прирост эскимосского населения. Только в Гренландии прогрессивным кругам Дании удалось добиться для эскимосов определенных прав и улучшения условий жизни.

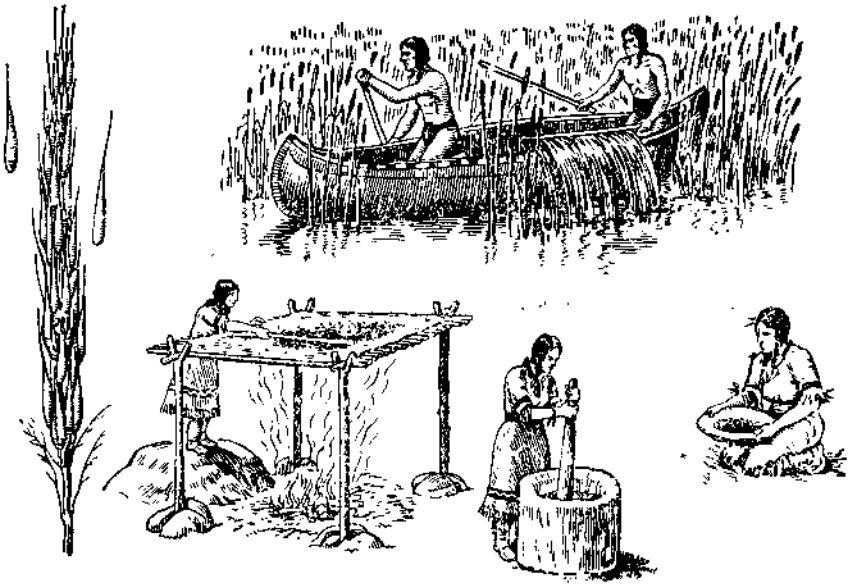
Племена лесных охотников. Во внутренних областях Аляски, в лесных районах современных Канады и США жили многочисленные племена охотников, рыболовов и собирателей. В литературе США их обычно называют охотниками на оленя карибу. По языку это представители двух семей — алгоникинов, расселявшихся на северо-востоке (оджибве, наскапи и др.) и атапасков (чайпеваи и др.), занимавшие центральную и северо-западную часть Северной Америки. Несмотря на различия в языке и происхождении, в образе жизни этих племен было много общих черт.

Действительно, охота на оленей во многом определяла их образ жизни. В зависимости от перекочевок оленьих стад строились и сезонные передвижения охотничьих групп. Во время самых крупных весенних и осенних передвижений оленьих стад на переправах их поджидали охотники. Здесь же нередко сосредоточивалось и все племя. Массовый забой оленей позволял заготавливать значительные запасы мяса, жира, шкур (особенно осенью). Все это различными способами (копчение, сушение) стремились заготовить впрок, на долгую зиму. Орудия охоты изготовлялись из дерева, кости, камня. Индейцам была известна и медь. Ее добывали, но для изготовления орудий не употребляли. Медь шла на изготовление украшений или для обмена с соседними племенами.

Охота на оленей существенно дополнялась другими видами охоты — на лосей, боровую дичь, перелетных птиц. Большое место занимало рыболовство. Добывали и пушных зверей, используя самую разнообразную снасть и орудия: лук и стрелы, капканы различных видов, силки, ловушки, копья. Собирательство корней растений, плодов, ягод уравновешивало мясной рацион индейцев необходимой растительной пищей. Собирательством занимались дети и женщины. Эмпирически у населения этих областей выработалась своеобразная и хорошо скоррелированная система хозяйства, сочетавшая различные виды охоты, собирательства и рыболовства.

Небольшие охотничьи группы, состоявшие из двух или нескольких семей, перекочевывали с места на место по охотничьим и рыболовным угодьям. Летом эти группы были меньшими по составу, зимой — бо́льшими. В случаях массовой охоты индейцы объединялись в очень крупные коллективы, до племени включительно, но лишь на короткий период. К такой жизни было приспособлено и их жилище. У западных, атапасских, племен это типи — остроконечный чум, крытый корой, берестой (летом), шкурами оленя (зимой). Обогревался такой чум костром, на котором готовили и пищу. Все имущество во время перекочевок переносили на себе. Только часть поклажи грузили на небольшие волокуши, которые тащили собаки.

Одежда этих групп индейцев стала своеобразным символом индейской одежды вообще. Шили ее из кожи и шкур животных. Особенно знаменита индейская замша — оленья кожа, выделанная вручную. И мужчины, и женщины носили рубахи с длинными рукавами. Мужские рубахи до колен, женские — длиннее. Летом эта одежда была преимущественно из замши, зимой — меховая. На ногах — мокасины и ноговицы, защищавшие ноги. Были известны и кожаные штаны. Голову чаще всего оставляли непокрытой, только в



Сбор и обработка урожая дикого риса на Великих Озерах индейцами оджибве

холода к одежде прибавлялся меховой капюшон. Но почти обязательным было головное украшение из перьев. У простых охотников — из одного-двух орлиных или ястребиных перьев, у вождей племен и старейшин для торжественных случаев были сложные перьевые уборы. Вся одежда украшалась орнаментом из разного цвета кусочков меха, узорами из окрашенных игл дикобраза. Орнамент, характер украшений говорили о месте человека в социальной структуре племени, были его своеобразным паспортом.

Разнообразная утварь изготовлялась из бересты, коры, дерева, часть ее после использования выбрасывали. Из бересты делали и легкие челноки, быстроходные и вместительные, которые на перекатах легко переносились и по суше.

Общественные отношения лесных индейцев ко времени их изучения этнографами претерпели сильное изменение. Благодаря развитию меновой торговли пушниной и вовлечению в нее всех племен таежной зоны традиционная система хозяйства и образ жизни индейцев стали все больше зависеть от этой торговли. Как и у эскимосов, пушнина быстро превратилась в главный продукт хозяйства, обеспечивающий благосостояние семьи, родовой группы, всего племени. В традиционной системе распределения добычи пушнина была личной собственностью того, кто ее добыл, теперь же она превратилась в инструмент частнособственнических отношений среди индейцев, быстро разъедавших их первобытно-общинную организацию. И хотя прежние обычаи уравнительного распределения пищи продолжали бытовать очень долго, социальная система сильно изменилась. Возросла роль мужчин, главных охотников и главных добытчиков пушнины, а вместе с нею и всех тех благ, которые на эту пушнину можно было выменять. Резче обозначилось имущественное неравенство внутри родовых групп, между родовыми группами в одном племени, между отдельными племенами. Группы индейцев, располагавшие богатыми пушными угодьями или жившие поблизости от торговых факторий, получили возможность

наживаться на обменных операциях. Распространение железных орудий — ножей, топоров, калканов, огнестрельного оружия — не только намного увеличило продуктивность охоты, но вместе с ростом, накоплением богатств стало причиной грабежей, военных столкновений. Возросла роль и отдельной семьи. Прежняя зависимость ее от остальных ячеек племени в случае неудачной охоты благодаря торговле уменьшилась. Процессу индивидуализации позднее способствовали и политика администрации, наделявшей охотничьими участками посемейно, а не на основе традиционного общеплеменного владения угодьями.

Реконструкция традиционных общественных отношений индейцев до появления в Америке европейцев сильно затруднена. По-видимому, основной производственной ячейкой была небольшая родовая община, состоявшая из нескольких семейных пар. Счет родства и принцип объединения в большинстве случаев были по женской линии, но с отмеченным уже ростом влияния мужчин наметился переход к отцовской филиации. Состав охотничьих групп не был устойчивым, как и их размеры. Все это менялось в зависимости от сезона, количества дичи в районе промысла, но при этом соблюдался и известный порядок, регулируемый во время общеплеменных собраний один или несколько раз в году. Во время таких массовых встреч решались и другие общеплеменные дела — обмен товарами, заключение браков, исполнение религиозных ритуалов и т. п.

Собиратели и охотники Калифорнии. Несколько особый, специфический хозяйственный уклад сложился у группы племен Калифорнии. Очень мягкий и сухой климат этой части Северной Америки создал особые условия для человека. Здесь были расселены племена различных языковых семей. У всех на первое место в хозяйстве вышло интенсивное специализированное собирательство. Плоды, корни, семена трав, дубовые желуди — все это почти круглый год составляло основную пищу населения. Попутно женщины и дети, занимавшиеся собирательством, добывали мелких грызунов, змей и тому подобную живность. Нередко из-за специфики их хозяйства племена Калифорнии объявлялись чуть ли не самым примитивным населением среди американских индейцев. Вряд ли это справедливо, так как при ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что само это собирательство было доведено до совершенства. Технологические процессы переработки растений в пригодное для пищи состояние (например, дубовых желудей) были очень сложны. Вместе с тем само собирательство было главным, но не единственным занятием. Охота с применением ловушек, лука и стрел играла также очень существенную роль в их жизни.

Общественная организация калифорнийских племен отражает достаточно сложный механизм приспособления к местным условиям. Племенные группы регулировали распределение участков для обитания, вожди распоряжались распределением работ и порядком переселений. Отдельные группы, состоявшие из нескольких семей родственников по женской линии, строго соблюдали неписаный порядок эксплуатации земли. Счет родства в большинстве племен велся по мужской линии.

Скудная одежда (дети и старики ходили вообще без одежды бóльшую часть года), минимальная забота о постройке жилищ — конические, полусферические сооружения, крытые корой, полуземлянки — все это объясняется особенностями климата Калифорнии.

С появлением европейцев судьба индейцев в этом ареале вначале складывалась вполне благополучно. Появившиеся здесь еще в XVI в. испанцы отнеслись к этим землям без особого интереса. Но открытие в 1848 г. богатых россыпей золота привлекло в Калифорнию поток золотоискателей, и за несколько десятилетий число индейцев сократилось здесь почти в десять раз — до 16 тыс. человек в 1910 г. Вытесненные в пустынные и горные районы индейцы продолжали сохранять прежний образ жизни.

Охотничьи племена степных областей Америки. В умеренном поясе обоих американских материков сложились значительные пространства степного ландшафта. В Северной Америке их называют прериями, в Южной —

пампой. Как считают специалисты, до появления европейцев в этих степных районах обитало сравнительно малочисленное население степных охотников. Только европейская колонизация и вызванная ею цепная волна переселений индейских племен привели к увеличению населения этого ареала. И вместе с этим произошли очень значительные изменения в жизни степных племен, особенно в прериях Северной Америки, что связано в первую очередь с появлением лошадей.

Сейчас трудно восстановить состав племен XVI в. По-видимому, и тогда он был неоднороден — здесь обитали племена различных языковых семей, попадавшие в прерии с разных концов материка. Основой их жизни была охота на бизонов. Однако пешая охота даже при обилии дичи удовлетворяла лишь минимум потребностей. Дополнением к охоте служило собирательство, довольно скудное в степных условиях. Племена вели кочевой образ жизни, перемещаясь вслед за стадами животных и предпочитая зимой предгорные области.

Положение стало меняться в XVII—XVIII вв. Завезенные европейцами лошади, попав в прерии, иногда дичали и образовывали стада диких лошадей (мустангов). Индейцы, освоившие приемы приручения и обращения с лошадьми, быстро оценили все преимущества конной охоты, а затем и коневодства как подсобной отрасли хозяйства. Уплотнение населения прерий за счет невольных переселенцев еще больше интенсифицировало процессы развития этих племен, так как переселенцы часто несли с собой навыки и культуру более высокого уровня (некоторые из них на прежней родине знали земледелие, гончарство). В результате в течение XVIII — XIX вв. в прериях сложился своеобразный жизненный уклад, столь популярный у романистов XIX—XX вв.

Главным занятием по-прежнему оставалась охота. Но теперь она (даже одиночная) стала намного продуктивнее, так как появилась возможность активно преследовать бизонов на лошадях, загонять их в ловушки. Определенное значение имело и облегчение транспортировки мяса к стойбищам. Наряду с бизонами добывали и другую дичь, в том числе и пушных зверей, которые особенно ценились как средство обмена.

Орудием охоты и оружием были как традиционные копья, дротики, лук со стрелами, так и появившиеся ружья. Железные ножи, топоры, металлические котлы не только быстро завоевали популярность, но и стали необходимой частью кочевой культуры. Из традиционных изделий продолжали употреблять кожаную и деревянную посуду. Наконечники стрел по-прежнему делали из кости и кремня. Почти без изменения остались и способы пассивного лова — силки, ловушки.

Но главное изменение было в коневодстве. Вначале лошадей в каждой семье было немного — до одного-полутора десятков. Но без лошадей индеец становился уже беспомощным. Он не мог наравне с другими участвовать в загонной охоте, не мог равноправно вести перекочевки с места на место — теперь для всего этого использовали лошадей. Все социальное положение стало фокусироваться в том, сколько лошадей имеет семья. Собственность на лошадей возвысила положение мужчин. Лошади, а за ними и другое имущество, добываемое теперь с их помощью, стали наследоваться по мужской линии, характер поселений изменился на патрилокальный. Старые традиции сохраняли и женский счет родства, значение и влияние родственников со стороны матери, наследование некоторой части имущества по женской линии. Но быстрый рост богатств, сосредоточенных теперь в руках мужской части племени, явно господствовал над всем остальным. Накопление богатств — шкуры бизонов, пушнина, стада лошадей — не только увеличило имущественную дифференциацию внутри племен, но и привело к частым грабежам, войнам, попыткам заполучить чужое во время удачного налета. Резко возросла роль военных вождей в организации обороны от набегов соседей и походов в чужие владения. За короткий срок мирная жизнь прерий переродилась в почти постоянные стычки с соседними племенами. Стали возникать военные союзы родственных и неродственных племен. Достаточно сказать, что в руках не-

которых племенных вождей к концу XIX в. были тысячные табуны лошадей, за которыми присматривали их обедневшие сородичи.

Бытовая обстановка индейцев прерий изменилась не столь сильно: по-прежнему они жили в чумах (типи), крытых кожами бизонов, по-прежнему шили одежду из мехов и замши, по-прежнему сохранялись спартанские нормы воспитания детей и женщины пользовались свободой и уважением. Но многое изменилось разительно. Возникли своеобразная военная организация, где нужно было последовательно пройти все стадии обучения воина, а также полусамостоятельные отряды воинов во главе с предприимчивыми и удачливыми предводителями, которые вели походы на свой страх и риск. Как правило, именно из них избирались и племенные вожди. Во время общеплеменных собраний и советов палатки таких воинов ставились в центре. Их мнение было решающим и на племенном совете.

Более четкая и строгая организация повлияла и на охоту — теперь она была уже не делом отдельных локальных групп охотников на отведенных им угодьях, а планировалась и проводилась нередко при участии всего племени, особенно массовые облавные охоты. Руководили ими все те же вожди, получавшие бо́льшую, чем рядовые индейцы, часть добычи. Но и о действиях отдельных групп знал племенной совет и санкционировал их. Только зимой племена охотников прерий по-прежнему вынуждены были разбиваться на небольшие группы, чтобы обеспечить себя и своих коней кормом в это трудное время года.

Племенная организация в таких условиях стала играть все большую роль: племенной совет, племенные вожди, собрание взрослых воинов-охотников племени — все эти институты развились и окрепли. Появилась потребность закрепить в памяти события. Покрышки типи у вождей разрисовывались сценами их подвигов, существовали начатки и своеобразного пиктографического летописания, когда каждый год «записывался» рисунками наиболее значительных событий. Можно отметить и возрастание роли ритуалов, сопровождавших религиозные праздники, развитие и усложнение культов (культ солнца). Но сохранялись и старые родовые культы, культы тотемов отдельных родов. Несколько четче, особенно у знатных, стал проявляться культ личных тотемов-покровителей. Наряду со специальными прорицателями, шаманами большую роль в качестве распорядителей стали играть в религиозных церемониях и вожди.

Самобытная культура индейцев прерий продержалась только до середины XIX в., когда здесь появились европейцы — охотники за бизоньими шкурами, именно шкурами, так как только шкуры интересовали торговцев. Хорошо вооруженные и снабженные боеприпасами они за 50 лет полностью истребили всех бизонов. Последний погиб в 1881 г. Теперь этот редкий вид древних животных есть лишь в заповедниках и зоопарках.

В то же время из-за Миссисипи нарастающей волной начинается продвижение европейских колонистов. Отчаянные попытки индейских племен отстоять свои права на угодья и независимость с трудом, но были подавлены регулярной армией Соединенных Штатов. С редкой жестокостью, истребляя почти поголовно племена непокорных, утверждало новое государство свою власть в прериях. Остатки когда-то многочисленных и сильных племен были загнаны в резервации, на самые засушливые земли. Но и там их не всегда оставляют в покое, так как в недрах оказались богатства, прельщающие предпринимателей.

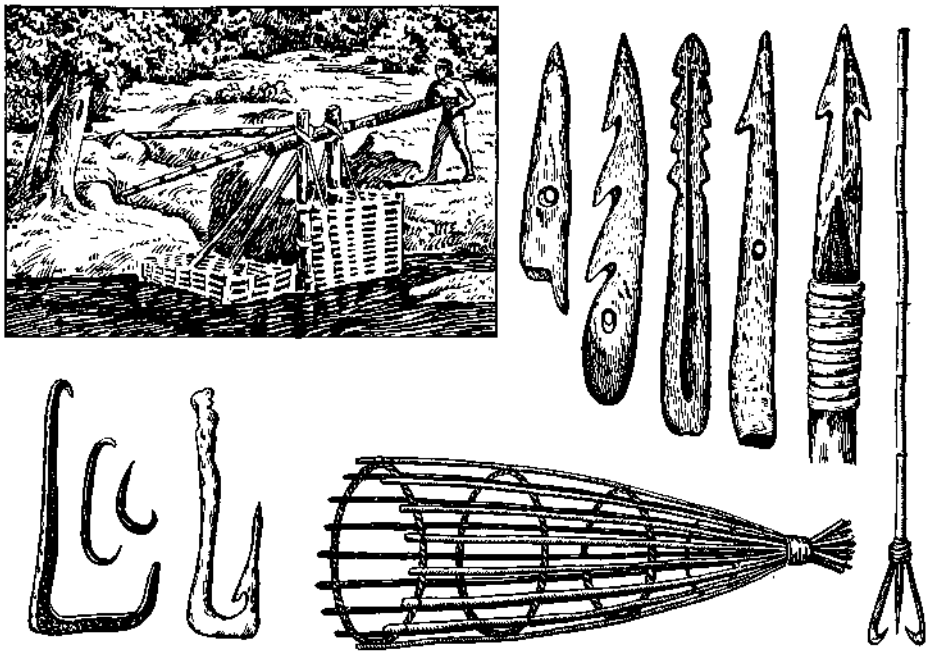
В другой части Нового Света, в степях Южной Америки, пампе, жили разноязычные (керанти, хэт, техуэльче, чон) племена охотников на гуанако, страусов и другую степную дичь. Нередко эту часть Америки называют Патагонией, а жителей — патагонцами. До появления европейцев они, как и жители прерий, были пешими охотниками и собирателями. Добыча их была очень ограниченна и уровень культуры невысок. Орудиями лова служили лук и стрелы, лассо, пращи и особый снаряд — бола. К концам нескольких ремней привязывались камни. Пущенная умелой рукой бола запутывала ноги гуанако или страуса.

Появление лошадей у жителей пампы превратило их не только в искусных наездников, но и в великолепных конных охотников. Добыча резко возросла. Стала преобладать массовая облавная охота, после которой мясо заготавливали впрок. Женщины занимались собирательством, вели домашнее хозяйство, в котором все больше места стала занимать переработка того, что раздобыли мужчины. Мужчинам принадлежали и лошади. В пампе также сложился своеобразный дуализм в правовых нормах: счет родства и наследование имущества велись и по мужской и по женской линиям, только по мужской наследовались главные богатства — лошади, шкуры. Изменился и характер общественной организации. Основной единицей стала группа семей (30—40), во главе которой стоял вождь — предводитель и на охоте и на войне. Власть вождя стала почти наследственной: новый избирался из той же родовой группы. В поселениях утвердился патрилокальный принцип. Сыновья селились в одном длинном шатре с отцом. Такой шатер (тольдо) имел заднюю длинную общую стену, общую крышу, а жилища семейных пар отделялись одно от другого занавесками из шкур. Передней стены не было — здесь разводились костры. В шатрах хранилось и немудреное имущество каждой семьи — кожаная и деревянная посуда, одеяла из шкур, подстилки. Несложной была и одежда — набедренная повязка у мужчин и передник у женщин. В прохладную погоду набрасывали на плечи меховой плащ. На ногах носили мокасины, для которых нередко просто снимали чулком кожу с ног лошадей или гуанако и подшивали ее снизу.

В XVIII в. в пампе появились из-за Анд группы индейцев араукано, вытесненные европейцами. Они несколько потеснили патагонцев, но не нарушили существенно их жизнь. Беда пришла с появлением европейцев-скотоводов. Воинственные и мужественные индейцы не подчинились пришельцам. Разгорелась длительная война, шедшая с переменным успехом. Только к 1883 г., после почти поголовного истребления индейцев, аргентинский скот смог спокойно пастись в пустынной пампе. Из нескольких тысяч араукан осталось к 1914 г. всего 50 человек, из 4 тыс. пуэльче в 1925 г. было всего 10 человек.

Индейцы Северо-Западного побережья. Северо-Западную часть Северной Америки в хозяйственном отношении можно разделить на два района. Один из них, более северный, занимали алеуты, расселенные до сих пор на Алеутских островах. Южнее, между заливом Якутата и р. Колумбией, жили разноязычные племена — тлинкиты, хайда, сэлиш, вакаши. Хозяйство и тех, и других базировалось на морском зверобойном промысле и рыболовстве, причем уровень развития этих промыслов благодаря поразительному богатству природных условий был настолько высок, что у индейцев Северо-Западного побережья появились зачатки социального неравенства, рабство.

Море и реки не просто изобиловали рыбой и морским зверем. Во время периодических ходов рыбы на нерест в верховья рек добыча рыбы оказывалась очень простой. Реки буквально кишели рыбой. На каждую семью заготавливали более тысячи крупных лососей. Ловили рыб и других пород. Особенно знаменита рыба-свеча, вся пропитанная жиром настолько, что действительно ее употребляли для освещения. Ловили рыбу преимущественно пассивными способами: перегораживали реки заколами, ставили ловушки, сети, реже применяли неводы. Многие приемы лова сохранили и сейчас промысловое значение. Немало давал и зверобойный промысел. Привлеченные обилием рыбы сюда стекались стада тюленей, котиков, моржей. Добыча их была не столь проста, но постоянно давала много шкур, мяса, жира. Для охоты на морского зверя применяли гарпун, копья, а в море выходили на вместительных лодках, выдолбленных из огромных стволов деревьев. Алеуты пользовались каяками и лодками наподобие эскимосских. Сухопутная охота имела меньшее значение, но и она поставляла в хозяйство пушнину, мясо диких коз, овец. Изобилие пищи привело к тому, что индейцы устраивали загоны, в которых пойманных животных не убивали, а только стригли. Их шерсть шла на производство кра-



Орудия и один из способов лова рыбы у индейцев Северо-Западного побережья Америки

сивых орнаментированных покрывал-накидок. Из луба кедров изготовляли различные плетеные изделия.

Орудия охоты и оружие делали из дерева, кости, камня. Медь, которую выменивали у атапасских племен за Скалистыми горами, чаще хранилась как сокровище в больших пластинах. Плавить медь не умели.

В общественной организации этих племен можно проследить как бы два слоя, два уровня отношений. Для сородичей, членов данного племени сохранялась, хотя далеко не последовательно, система родовой организации со всеми ее подразделениями. Племена делились на фратрии, которые, в свою очередь, делились на роды. Роды имели своего покровителя-тотема, считавшегося их общим предком. Но рост численности отдельных родов приводил к тому, что внутри возникали дополнительные подразделения — например, род ворона делился на род крыла ворона, род головы ворона и т. д. Члены рода были тесно связаны между собой общими культами, общими правами на наследование имущества родственников, местом поселения. Перед домами родовых общин ставился резной столб с изображением в условной манере символов тотема. У некоторых племен в таких домах жили отдельные группы близкородственных семей по отцовской филиации. Но у тлинкитов сохранялся еще матрилинейный счет родства и наследование имущества по материнской линии. Племенные связи были весьма прочными. Племенной совет, состоявший из родовых старейшин, устанавливал порядок использования угодий, организовывал промысел в море, строго следил за охраной племенных владений от посягательств соседних племен, вел войны для захвата рабов. Однако фактически в племенном совете решающим словом пользовались наиболее богатые индейцы, располагавшие большим коли-

чеством лодок, рабов, имущества. Они чаще других избирались в племенной совет. Бедные сородичи считали себя обязанными их поддерживать, так как получали от богатых помощь, подарки. Чтобы поддержать свое влияние, богатеи иногда устраивали особый праздник — пóтлач. Во время такого праздника, сопровождавшегося обильным угощением, устроитель демонстративно «раздавал» свои богатства сородичам. Иногда, чтобы показать свое презрение к богатству, убивали рабов. Все это через некоторое время с лихвой компенсировалось обязательным отдариванием, помощью в рыбной ловле и промысле морского зверя. Устроитель приобретал больше, чем затратил, главное же было в упрочении своего влияния среди соплеменников, в том решающем голосе во всех делах, который он получал, демонстрируя щедрость и расточительство.

Рабом мог стать только чужеплеменник. Труд рабов широко использовали в домашнем хозяйстве (заготовка впрок рыбы, мяса, обработка шкур, приготовление снастей) и в морском промысле, где они были гребцами в лодках. Войны часто велись только для захвата новых рабов, но количество их оставалось небольшим.

Производственная база алеутов была скромнее: не так много рыбы и гораздо труднее было добывать морского зверя. Общественная структура носила несколько иной характер. Обычно племенные группы занимали один или несколько соседних островов. Родовые связи здесь были много слабее, господствовал отцовский род. Но и здесь было известно рабство и использование труда рабов в морском промысле и на других работах.

Индейцы этого ареала рано вошли в контакт с европейцами, в том числе и с русскими. В обмен на меха, рыбу, кожи они стали получать железные орудия труда, безделушки. Появление стальных ножей, топоров, наконечников гарпунов резко увеличило результативность их промысла, хотя увеличило и количество войн между племенами. Вскоре появились рыбопромышленники, захватившие самые богатые угодья, морские животные были значительно истреблены (котики и каланы почти уничтожены), да и рыбные запасы стали истощаться. Традиционная культура и быт индейцев оказались разрушенными. Работа на рыбных промыслах давала нищенский доход, а непривычная пища и условия жизни привели к значительному сокращению численности индейцев, оказавшихся на положении дискриминируемых групп.

Огнеземельцы. На самой южной оконечности Америки, в соседстве с Антарктидой лежит остров Огненной земли и несколько мелких островков. Здесь обитали когда-то три племени: óна (близкие по языку жителям материка), алакалуфы и ягана. В условиях, крайне неблагоприятных для жизни человека, огнеземельцы выработали свою специализированную охотничье-собирательскую культуру.

Они жили на севере и востоке Огненной земли, постоянно переселяясь с места на место, охотились на гуанако. Жилища строили из ветвей, покрывая их шкурами. Из шкур шили плащи. Мясо шло в пищу. Охотничьи угодья строго распределялись между родовыми группами. Неизвестно, как племена óна попали на остров, так как лодок у них не было.

Алакалуфы и ягана — охотники и рыболовы. Все, что могло быть употреблено в пищу, добывалось и потреблялось — мясо тюленей, гуанако, морских птиц, моллюски. Охотники нередко сутками проводили время в море, стремясь что-нибудь добыть из пищи. В утлой лодчонке разводили и маленький костерок, чтобы согреться посреди холодных волн. Орудиями лова были лук со стрелами, гарпуны, крючки. Все готовилось очень тщательно из кости, раковин, кремня, дерева. Постоянных жилищ не было, на месте недолгих ночевок строили небольшой навес и разжигали костер. Собирательством занимались женщины и дети. Одежда была минимальной — накидки из меха. Закаленные огнеземельцы легко переносили влажный и холодный климат.

Племена делились на экзогамные родовые группы. Счет родства велся и по женской и по мужской линиям, и по обеим линиям

строго запрещались браки. Четких правил поселения не было, хотя и преобладал патрилинейный принцип. Парная семья не исключала полигамии.

В 1870-х годах европейцы обнаружили, что мягкий сырой климат Огненной земли и островов очень хорош для овцеводства. Появились скотоводы и овцы. Местное население никак не могло усвоить принципов частной собственности пришельцев на овец, которые паслись на их родовых охотничьих угодьях. Скотоводы-европейцы устраивали охоту на огнеземельцев, иногда облавную, с собаками. За каждого убитого индейца платили вознаграждение. Из 3—4 тыс. индейцев она не осталось ни одного. Оставшихся алакалуфов и яган, загнанных в резервации и церковные миссии, проповедники заставили носить европейскую одежду «для сокрытия наготы». Во влажном климате эта одежда превращалась в мокрый компресс. Простуда и туберкулез завершили дело «охотников за головами». Из племени яганов осталось несколько человек, алакалуфов — около 80.

* *
*

Прежде чем перейти к характеристике земледельческих народов Америки, остановимся кратко на некоторых общих проблемах появления производящего хозяйства в Новом Свете. То обстоятельство, что, несмотря на самостоятельное и независимое развитие определенных стадий человеческой культуры в Америке, развитие охотничье-собирательского и рыболовецкого хозяйства неизбежно переходит в качественно иную ступень, подтверждает общие закономерности, лежащие в основе истории производительных сил человека и всей его культуры в целом. И флора и фауна Америки далеко не похожи на то, что окружало людей в Старом Свете, да и сами основы возникшего земледелия значительно отличаются от известных уже в Евразии или в Африке. И все же цивилизации возникли, как и в Старом Свете, только на базе земледельческой культуры, причем многие особенности производства (системы орошения), социальной организации общества (деление на классы и положение классовых групп) и идеологии поражают своим сходством.

Земледелие, как предполагают ученые, возникло в предгорных областях Центральной Америки примерно в V тысячелетии до н. э. с освоением в качестве зерновой культуры маиса (кукурузы). Из этого центра постепенно культура маиса распространилась в Северную и Южную Америку вместе с переселениями некоторых племен или путем заимствования. К приходу европейцев во всех районах, где знали земледелие, маис занимал ведущее место среди возделываемых культур. За тысячелетие индейцы путем отбора и селекции создали десятки сортов этой культуры, отличавшихся разными сроками созревания, разным качеством зерна, приспособленностью к разным условиям возделывания. Очень высокая урожайность, устойчивость к недостатку влаги, удобства при сборе урожая и хранении — все это обеспечило кукурузе первое место среди возделываемых культур в самых разных климатических зонах Нового Света. Возделывались и различные виды бобовых, перца, тыквенные, клубневые (картофель, маниока), томаты и многие другие растения, шедшие в пищу или служившие приправой. Не меньшее значение имели и различные плодовые деревья, кустарники. Достаточно упомянуть какао, дынное дерево, различные виды орехов. Среди исследователей истории американского земледелия есть сторонники того, что культурное освоение кукурузы есть завершение, а не начало процесса возникновения земледелия, что первоначальные навыки возделывания растений люди получили главным образом на клубневых культурах (маниока, картофель и др.). Большую роль в этом процессе могло сыграть и культивирование плодовых и ореховых деревьев. Зачатки перехода от развитого собирательства к возделыванию растений можно видеть у алгонкинских племен (оджибве), которые регулярно обмолачивали заросли дикого риса на Великих озерах.

Земледелие Нового Света было не поле-

вым, а огородным, базировавшимся во всех стадиях на применении труда человека. Введение искусственного орошения обеспечивало лишь стабильность урожая; основой успеха в получении урожая оставался ручной труд и применение простейших орудий обработки земли: палок-копалок, реже мотыг с костяным, каменным, а у инков (очень редко) и с металлическим наконечником. В отличие от большинства главных продовольственных культур Старого Света, в Америке господствовали культуры пропашные, т. е. такие, которые требовали не только обработки поля под посев, но и постоянного ухода и обработки в течение всего роста растений (прополка, рыхление, окучивание). Кукуруза, картофель, бахчевые, бобовые — культуры скорее огородные, а не полевые. Это обстоятельство, видимо, сказалось и на процессе приручения животных. Появление упряжных животных и плужных орудий, привезенных европейцами, сильно изменило положение в земледелии лишь там, где стали широко практиковать посевы европейских зерновых. При выращивании кукурузы плужная обработка только готовила поля к посеву. Сам посев и все основные работы по уходу за растениями производили по-старому, зачастую применяя и прежние, традиционные орудия труда.

Очень слабое развитие животноводства — вторая особенность, резко бросающаяся в глаза при сравнении культур Старого и Нового Света. Разведение собак, появившихся в Америке вместе с человеком, разведение индюков в Центральной Америке, приручение и разведение лам в Андском нагорье — вот и все, чем исчерпывается животноводство Америки до появления европейцев. А вместе с тем среди диких животных Америки было достаточно таких видов, которые могли бы быть одомашнены человеком. В Северной Америке водились овцы и козы, могли стать объектом одомашнивания бизоны, мускусные быки. Но скотоводство возникло в Южной Америке, животный мир которой намного беднее. Здесь приручили лам, альпак, в полудомашнем состоянии содержались викуньи. По-видимому, основную причину неразвитости скотоводства в Америке до прихода туда европейцев нужно искать не в особенностях природной среды, а в специфике хозяйственного и социального развития Нового Света.

Земледельцы востока и юго-востока Северной Америки. История племен этого региона еще не ясна. Известно, что до появления европейцев здесь возникли и развивались достаточно сложные культуры, основанные на земледельческом производстве. Пока еще недостаточно понятен процесс гибели или распада этих обществ.

По материалам XVIII—XIX вв. довольно подробно изучена жизнь индейских племен восточной части Северной Америки.

В языковом отношении эти племена были очень различны. Северо-восточные земли занимали алгонкинские племена (делавары, могикане и др.). К югу от них, частично вклиниваясь в прежние владения алгонкин, жили пять ирокезских племен (сенека, кайюга, онондага, онейда и могауки). Южнее собственно ирокезов, вплоть до берегов Карибского моря, были расселены родственные им по языку (из одной языковой семьи хока-сиу) племена (мускоги, сиу и др.).

Примером культуры и особенностей социальной организации этих земледельческих племен могут служить ирокезы.

Хозяйство ирокезов было прочно связано с земледелием, хотя роль охоты, рыболовства и собирательства нельзя приуменьшать: они доставляли ирокезам необходимое дополнение к растительной пище их полей — огородов. И сами эти занятия под влиянием земледелия и оседлого быта несколько изменились.

Земледелие начиналось с выбора участков. Ирокезские поселения не были постоянными, поселки переносили с места на место через 10—15 лет. На новом месте в ближайшей лесной округе выбирались участки под устройство полей. Крупные деревья очищали от коры и засушивали, кустарник и подлесок вырубали. Когда все это высыхало (иногда через год), участок поджигали и на выжженном пространстве разрабатывали поля. В работах по расчистке и выжиганию принимало участие все население, основная тяжесть ложилась на мужчин.

Выжженный участок делился на поля, по количеству семейных пар в поселении. Каждая женщина, в зависимости от размеров своей семьи, получала в свое распоряжение несколько больший или несколько меньший участок. На таком поле производился посев и посадка растений. Перед этим землю несколько рыхлили с помощью заостренных палок или примитивных мотыг, затем теми же палками делали углубления, стараясь расположить их квадратами или в шахматном порядке. В каждое углубление бросали несколько зерен кукурузы, семена тыквенных, бобовых. В междурядьях позже могли высадить и другие растения. С момента посева и до уборки кукурузы поле поступало в полное распоряжение его хозяйки. На ее плечи и плечи ее семьи ложились все работы по уходу за растениями. Урожаи бобовых и других растений и ранние сорта кукурузы с поля поступали в собственность семьи. Почти все время женщины проводили на своих полях, так как размеры урожая, его качество были предметом гордости и оценки достоинства женщин.

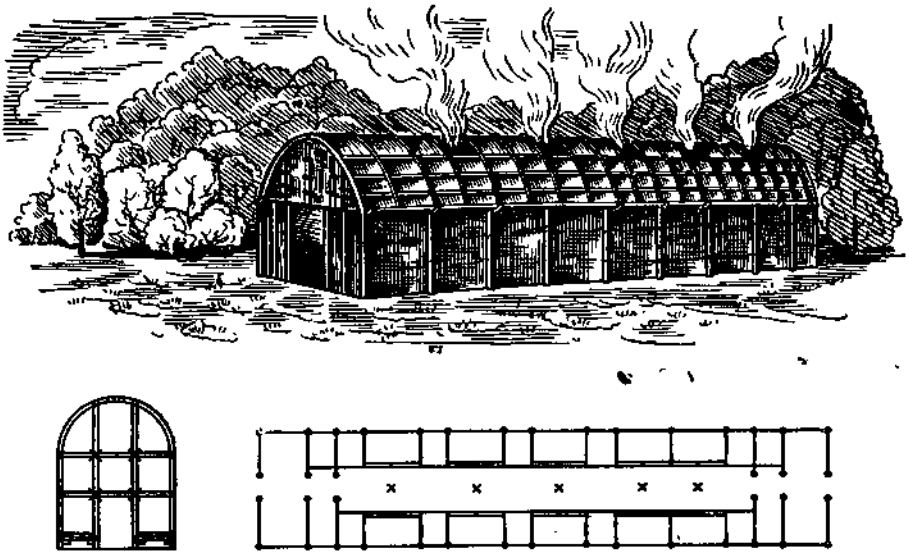
Урожай поздних сортов маиса, который шел в запасы на зиму (а у ирокезов были и многолетние запасы), убирался всеми, кто был в это время в поселении. Уборка выливалась в праздник. Границы личных участков во внимание не принимались — весь урожай поступал в общие запасы, хотя часть этого урожая и хранилась в жилых отделениях семейных пар. Бо́льшая часть закладывалась либо в специальные хранилища (ими служили земляные ямы и амбары), либо в чердачные помещения жилища. Дальнейшая обработка и потребление маиса, как правило, оставались в ведении семьи. Каждая женщина брала из запасов столько, сколько ей было необходимо. Если кончались запасы в жилище, вскрывали зерновые ямы. Все общественные работы и распределение зерна велись под наблюдением старших женщин и по их указаниям.

Существенным дополнением к земледелию было и собирательство. Все, что пригодно было в пищу, — ягоды, орехи, желуди, корни, листья растений — все это собиралось в течение всего года. Некоторые виды собирательства, например сбор и выварка кленового сока, становились работами всего поселения.

Охота была мужским делом. Оседлость привела к тому, что охотничьи угодья делились на две категории. Близкие к поселкам земли были объектом постоянной, но строго регулируемой охоты. Дичь берегли, соблюдая запреты по сезонам, не били самок и т. д. В отдаленных угодьях все эти запреты не соблюдались, главное — принести побольше добычи. До развития пушной торговли с европейцами главными объектами охоты были мясные животные — олени, лоси, боровая и водоплавающая дичь. Меха добывали по мере потребностей в одежде. Рыболовством занимались круглый год. Добыча мужчин поступала в распоряжение той овачиры, где они жили, хотя по поздним материалам трудно уточнить нормативы ее распределения. Дело в том, что именно охота, как и у лесных племен, оказалась наиболее широким каналом, через который стали проникать в жизнь ирокезов частнособственнические отношения. Пушнина, меха, видимо и раньше по обычаю бывшие собственностью охотника, так как им не придавали тогда особой ценности, стали теперь средством получения европейских товаров. Во всяком случае, социальное положение добытчика пушнины сильно возросло. Это повлияло и на положение самого охотника и на нормы распределения его добычи — она стала поступать преимущественно семье охотника.

Орудия охоты и лова зверей и способы их добычи почти не отличались от тех, которые применяли соседние охотничьи племена. Преобладали методы пассивной охоты — ловушки, силки, западни, которые периодически осматривали, извлекая добычу. Однако и активные способы — загоны, преследования продолжали широко практиковаться.

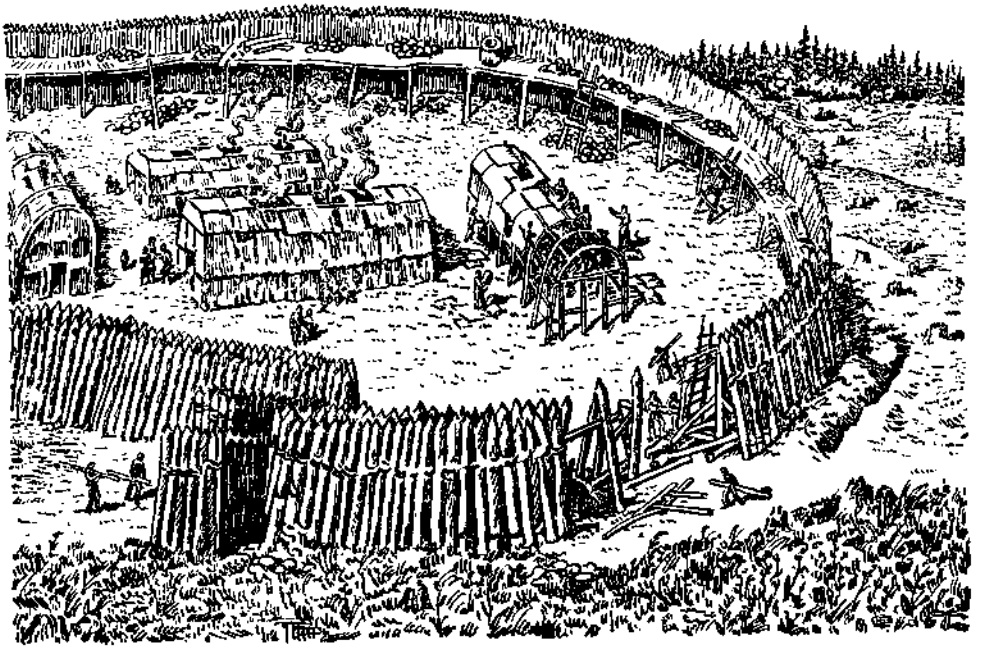
После работ Л. Г. Моргана социальная структура ирокезов стала своеобразным эталоном организации материнского родового общества. Дальнейшее изучение материалов об ирокезах подтвердило основные наблюдения и выводы Л. Г. Моргана. В основе социальной организации ирокезов лежала материнская родовая община, известная в лите-



Пятиочажный «длинный дом» ирокезов на 10 семейных пар (XVII—XVIII вв.)

ратуре под названием овачи́ры. Овачира объединяла всех женщин данного рода и их потомство как по женской, так и по мужской линиям. Обычно овачира занимала один «длинный дом», в котором селились все замужние женщины этой овачиры и их дети. Здесь же жили и мужья этих женщин. Но если для женщин овачира была постоянным местом жительства, то мужская ее часть была более изменчивой. Женившиеся юноши уходили в овачиры своих жен, при разводах менялась и часть мужей. Всеми делами овачиры распоряжались старшие и наиболее опытные женщины, одна из которых была главной распорядительницей. Порядок общих работ, поведение домочадцев, споры — все это улаживалось и решалось с учетом общего мнения старшей женщиной. От ее имени кто-либо из мужчин данного рода мог выступать на родовом или племенном совете. Положение мужчин определялось двумя факторами. Для тех, кто родился в данной овачире, она всегда оставалась его родным домом и в любой момент он мог сюда вернуться, найти пищу и ночлег. Для мужей все зависело от их личных достоинств, их отношений с женами, но, главное, от их трудолюбия и удачливости в охоте. Нерадивый охотник или человек со сварливым характером, возвратясь с охоты, мог найти узелок с личными вещами у входной двери овачиры, после чего он молча и без споров удалялся в свою родовую овачиру. Впрочем, такие случаи были сравнительно редки, и парные семьи распадались в исключительных случаях. Более ранние стадии в развитии этого родового организма из-за недостатка бесспорных данных определить трудно. Возможно, что в прошлом, при относительной малочисленности родов, весь род занимал одну или несколько расположенных по соседству овачир, с общим управлением. По-видимому, то, что каждая семейная пара готовила ежедневную пищу только для себя, также по́здднее явление. Вопрос о дислокальном поселении мужей и жен в прошлом остается спорным.

В жизни ирокезских племен XVIII—XIX вв. все большую роль стала играть община-поселение. Овачиры уже не объединяли всего рода. Овачиры одного рода располагались в разных поселениях, а в одном поселении были овачиры разных родов. Общие заботы все-



Укрепленное селение ирокезского племени гуронов

го поселка — разработка полей, возведение оборонительных частоколов и т. п. — цементировали племенные связи ирокезов, но, с другой стороны, невольно вклинивались в единство родовой организации в самой главной, определяющей сфере, сфере производства: работа на полях становилась не только и не столько заботой рода, сколько заботой жителей всего поселка, состоявшего из представителей нескольких родов. Но никаких органов общинного, поселкового управления у ирокезов не было.

В ведении ирокезского материнского рода оставались многие важнейшие сферы жизни. В роде наследовалось имущество, род заботился о гарантии жизни своих членов, их прав, где бы они не находились. Убийство влекло за собой кровную месть, хотя практически, если дело касалось членов данного племени, конфликт улаживался мирно — виновный род отдавал в усыновление одного из своих членов потерпевшему роду. Род имел и избирал родовых старейшин, которые представляли интересы рода на племенном совете, решали вопросы землепользования в пределах своего племени, распределяли участки для отдельных поселений. Род ведал и отправлением родовых культов, хотя в жизни ирокезов они теснились более общими культами. Власть родового старейшины опиралась только на авторитет. Все его решения (а для вынесения важнейших собирался весь род) были обязательны прежде всего потому, что отражали мнение большинства. Ослушаться такого решения было немыслимо для рядового члена рода. Самым страшным наказанием было неодобрение или презрение соплеменников. Нарушение законов экзогамии, трусость в бою могли караться и смертью, но это бывало крайне редко.

Племенная структура базировалась на родовых делениях. Племя распадалось на две экзогамные фратрии. Общность членов фратрии воспринималась как отдаленное кровное родство. Впрочем, племенная общность понималась примерно так же. Но фратриальные

Обрядовая пляска в доме совета. Рисунок, сделанный ирокезом из резервации Корнплантер (Пенсильвания, 1939)

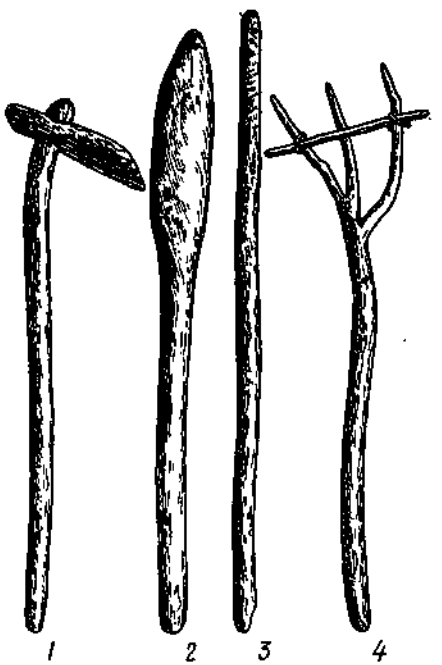
деления проявлялись слабо, скорее в формальном расположении старейшин в племенном совете по фратриям, фратриальные партии в состязаниях и т. п. Племенной совет играл у ирокезов более действенную роль. Племя и его совет были хранителями и блюстителями племенного суверенитета над владениями племени. Вопросы мира и войны могли решаться только там. Мелкие конфликты (нарушения соседями прав племени на охотничьи угодья и т. п.) улаживал только племенной совет. Он же ведал и обменными сделками, заключением союзов, решал вопросы о распределении земель между родами и поселками, следил за нормальным соотношением численности родов и т. д. Как показывают источники, ирокезские племена через систему «усыновления» включали в себя множество соседних, часто «неирокезских» по языку индейцев (алгонкинов и др.). Были случаи «перевода» из одного рода в другой. Прочно укоренившаяся в сознании система принадлежности к обществу через родовую систему быстро стирала прежние различия.

Собрания племенного совета были открыты для всех. Любой мужчина (но только полноправный охотник) мог там выступить. Иногда они выступали по полномочиям женщин, правительниц овачир. Решения принимали родовые старейшины сахе́мы. Единогласие при вынесении решения было обязательным. Такие решения, учитывавшие мнение всего племени, не нуждались в особом аппарате для их проведения в жизнь. Выбирались на племенном совете только специальные военные вожди, но их власть ограничивалась временем военных действий.

Появление европейцев, учащение межплеменных конфликтов и насилий подтолкнули создание и оформление знаменитой Лиги ирокезов, союза пяти ирокезских племен. Общий совет этой лиги состоял из 50 сахемов. В его ведении находились главным образом военно-политические дела — ведение войны, заключение мира и союзов с другими племенами. Но совет регулировал и споры между племенами, входившими в союз. Для руководства военными действиями избирались два военных вождя. Все решения принимались только единогласно. Лига ирокезов сыграла видную роль не только в защите прав ирокезов от посягательств европейцев; нельзя не видеть и того, что союз ирокезских племен часто выступал как пособник в покорении других племен. Разложение основ первобытнообщинного строя, стимулированное торговлей с

европейцами, привело к появлению рабства у ирокезов, к имущественному и правовому неравенству внутри их общества. Предполагают, что племенные союзы начали появляться у племен, освоивших земледелие, и до появления европейцев в Северной Америке. Аналогичные союзы известны также у сиу, дакота.

Религиозные представления ирокезов и других земледельческих племен сочетают в себе разные уровни. Еще очень прочные позиции занимают родовые культы, почитание тотемных животных. Кроме родовых тотемов у каждого человека были и его личные тотемы-покровители. Выбор их был часто случайным (сон, встреча, истолкованные как доброе предзнаменование). Господствовали и различные магические культы и поверья. Но все большее значение приобретает почитание сил природы. Культы солнца, воды, некоторых растений (маиса), поклонение им, попытки воздействовать на природу исполнением специальных обрядов, принимавших уже общеплеменной характер, — все это было порождено решающей ролью земледелия в жизни индейцев. Формы этих культов были в основных чертах сходны у всех племен. Усложнилась и система космологических представлений, обогатившись мифами о стихиях. Более разработанными стали и представления о причинах возникновения мира. Постепенно складывался не только календарь, но и цикл календарных обрядов.



Земледельческие орудия индейцев пуэбло.
1 — мотыга; 2 — палка для разбивания комьев земли; 3 — палка-копалка; 4 — вилы

Судьба ирокезских племен и других земледельцев востока и юго-востока Северной Америки сильно изменилась в XVIII в. Первые поселения колонистов привлекли в Новый Свет значительное число последователей, которым нужны были земли для ведения сельского хозяйства. Индейцев стали вытеснять любыми способами. После образования США этот процесс резко усилился. К 1779 г. ирокезы были лишены своих земель и поселены в резервациях США и Канады. Постепенно прежние родовые и племенные связи почти распались. Грозные когда-то воины превратились в мелких фермеров, рабочих, ограниченных в своих правах дискриминационными законами об индейцах.

Земледельцы юго-запада. На юго-западе США и в северных районах Мексики существовала высокоразвитая земледельческая культура несколько иного типа, чем культура земледельцев востока. Здесь жили племена двух языковых семей. Наиболее древними были юто-ацтекские народы (папáго, пúма, зýньи и др.). Позже сюда пришли воинственные атапаски (навáхи, апáчи). После длительных военных столкновений навахи и апачи подверглись сильному влиянию своих соседей, осели, стали заниматься земледелием, хотя некоторые их племена долго сохраняли полукочевой образ жизни.

Племена юто-ацтекской группы часто называют племенами пуэбло (по-испански «пуэбло» — деревня, деревенская община). В засушливых районах этого региона племена пуэбло создали земледелие на основе орошения. Разводили маис, бобовые, тыквенные, перец и другие растения. Орудиями труда слу-

жили палки с заостренным концом и мотыги. Необходимость пользоваться орошением привела к двум существенным сдвигам в организации земледелия. Во-первых, поля стали постоянными. На окраинных землях отдельных племен еще продолжалась система периодической смены полей после их истощения, но на основных землях, к которым были подведены оросительные каналы, земля использовалась регулярно, и земледелие стало более интенсивным. Во-вторых, потребность в сооружении систем орошения потребовала объединения усилий крупных коллективов. Если у ирокезов и других племен лесной зоны численность племени редко превышала 4—5 тыс. человек, то племена пуэбло насчитывали 10 тыс. и более. Укрупнились и поселения. Нередко одно поселение насчитывало до 4 тыс. жителей. Вокруг центрального поселения могла располагаться группа более мелких, но тесно связанных с ним поселков.

Центральное поселение иногда превращалось в своеобразный город-крепость, представлявший собой как бы единое здание, которое вмещало все население этого центра, все его жилые и хозяйственные постройки. Наружу, в сторону окружавших этот поселок полей, пастбищ и других угодий, это здание-город было обращено почти отвесными глухими стенами, сложенными из песчаниковых плит или сырцового кирпича, с несколькими небольшими входами. В плане оно чаще всего напоминало неполную окружность, незамкнутая часть которой была обращена к реке. Внутренняя часть такого дома-крепости состояла из ряда огромных ступеней, каждая из которых была рядом жилищ, обращенных входами к центру поселка. Крыши нижнего ряда были своеобразными двориками для жителей следующего ряда жилищ. В случае военных действий проникнуть внутрь такого поселка можно было либо со стороны реки или преодолев достаточно высокие отвесные стены.

У пуэбло еще сохранилась родо-племенная организация. Члены одной родовой общины (как правило, материнской) селились в соседних помещениях. Каждая семейная пара имела свою комнату. В работе и общественных делах родовая община выступала как подразделение племени. Сохраняла она свое господство в наследовании, культах, семейных отношениях, но производственная жизнь уже перешла в ведение общины. Земля не только номинально, юридически, но и фактически находилась полностью в ведении всей общины. Она же руководила всеми работами по орошению. Каждая семейная пара на общем поле получала свой участок, урожай с которого и шел на удовлетворение ее нужд. Кроме того, были еще участки для общинных нужд, которые обрабатывали сообща. Всеми работами в такой общине руководили уже специально выбранные распорядители — ка́сики. Они от работ освобождались, а их участки обрабатывали другие общинники. Должность касика чаще была пожизненной, хотя власть его опиралась только на авторитет. Касики (их было два) ведали и религиозными делами. Избирались и два военных вождя, в ведении которых были военные действия, некоторые административные обязанности, руководство охотничьими экспедициями. Касики и вожди выделялись только пока своим авторитетом, а не имуществом.

Четкое разделение труда, усложнение общественной организации, развитие ремесла и даже некоторая его специализация — все это привело к появлению сложных систем представлений о строении мира, сложных культов почитания сил природы. Выделились и «специалисты» — гадатели, прорицатели (часто — женщины), пользовавшиеся большим влиянием. Они же занимались и врачеванием. У пуэбло был развит и культ предков.

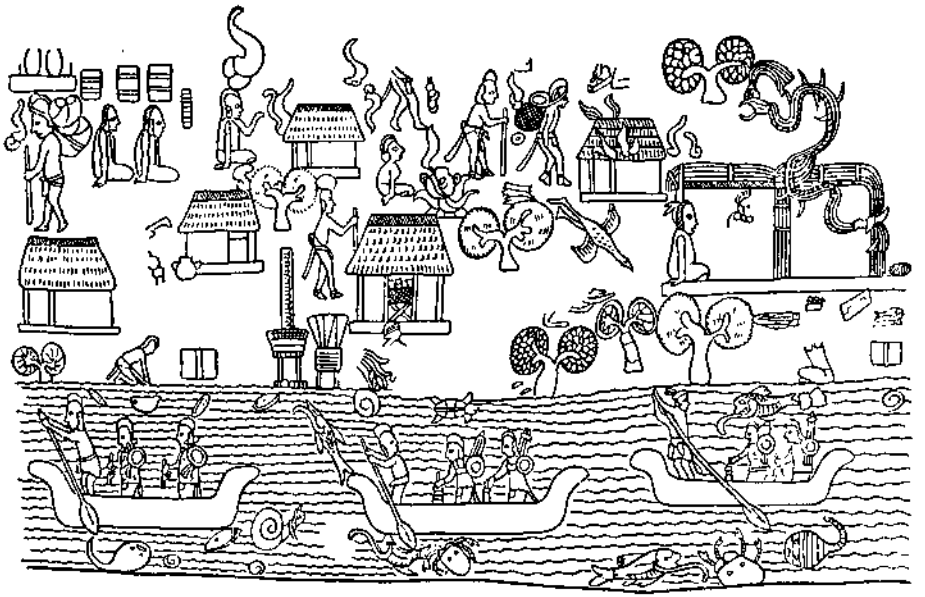
Искусство народов пуэбло сохранилось до наших дней. Прекрасные гончарные изделия, расписанные минеральными красками, тканые изделия из шерсти и хлопка с четким геометрическим орнаментом, тонкое и изящное плетение корзин — все это производится в старинных традициях и раскупается туристами в качестве редких сувениров.

Племена пуэбло, враждовавшие с апачами и навахами, дольше всего оказывали сопротивление, теперь уже в союзе с северными соседями, нашествию европейцев. Испанцам так и не удалось их покорить. Сейчас бо́ль-

шая часть пуэбло ассимилировалась с испаноязычными мексиканцами и вошла в состав мексиканской нации. Часть ушла на север, смешавшись с навахами. Но и апачи, и навахи после длительной и жестокой борьбы с войсками США оказались в резервациях.

Государственные образования в Центральной и Южной Америке. Испанские конкистадоры, попав на земли Центральной Америки, столкнулись с народами, не только различными по языку, но и стоявшими на разных уровнях социального развития. Здесь начинается цепь государств, которая тянется затем по западной части Южной Америки. Кажется, споры о том, государства это или не государства, стали достоянием историографии. Не проходит года, чтобы археологи не открыли в зарослях тропических лесов новый город, новый храм, новые доказательства высоких и своеобразных цивилизаций этого региона Америки. Накопленные материалы позволяют в основных чертах проследить историю становления этих культур, их расцвета и падения, перемещения центров развития из одного места в другое. Воссоздать историю этих народов нелегко из-за отсутствия письменных источников, и многие моменты ее утрачены совсем. Но теперь нет сомнений в том, что история этих народов и цивилизаций заслуживает не меньшего внимания, чем история древнейших цивилизаций Старого Света. Одним из наиболее крупных государств, разгромленных и разрушенных конкистадорами в XVI в., было государство ацтеков (или астеков). Ацтеки, или теночки,— группа племен юго-ацтекской языковой семьи, которые до XIII в. жили где-то на Севере. В XIII в. они вторглись в долину Мехико, основали здесь свой город Теночтитлáн, постепенно покорили или склонили к военному союзу многие соседние племена и создали целую государственную систему, в которой занимали господствующее положение до столкновения с испанцами. Но основы материальной культуры были заложены в этом регионе намного раньше появления воинственных ацтеков. По археологическим данным известны существовавшие задолго до нашей эры развитые культуры ольмеков, затем тольтéков, позднее — сапотеков. Ацтеки оказались лишь наследниками прошлого развития местного населения. Задолго до них сложились местные системы орошаемого земледелия. Техника и технология возделывания главной продовольственной культуры — маиса была та же, что и у племен пуэбло. Столь же примитивны были и орудия труда — палка с заостренным концом, мотыга. Но небольшие системы орошения и возникавшее постепенно разделение труда и обмен некоторыми изделиями между областями создавали значительные излишки прибавочного продукта. Ремесло еще полностью не отделилось от земледелия, но специализация отдельных мастеров и целых районов на производстве тех или иных изделий (ткачество, гончарство, выделка каменных орудий, оружия) привела к постоянному обмену и торговле; возникали даже меры обмена (бобы какао, трубочки перьев с золотым песком). Ацтекам были известны и металлы, больше всего самородные — медь, серебро, золото. Из них делались украшения и предметы культа, из меди — оружие. В поздний период появилась и бронза. Широко обменивались и продовольственные товары — кукуруза, какао, бататы, табак. Почти повсеместно возделывали хлопок, а часть изделий из хлопка шла на продажу.

На основе этого развитого и разнообразного в пределах ацтекских владений хозяйства поднялась сложная и своеобразная пирамида классового общества ацтеков. На вершине ее было «племя» собственно ацтеков (теночек). Вероятнее всего, союз семи племен к XVI в. сохранял только некоторые черты былой организации. Главный город ацтеков и главное место их поселения, Теночтитлан, делился уже на 4 (а не на 7) районов, в каждом из которых было по пять кварталов. Население такого квартала состояло из группы семейных общин. В ведении общины находились как земли внутри города, располагавшегося на острове, так и участки в приозерной зоне. Работами внутри такой семейной общины распоряжался ее старейшина. Старейшины кварталов и районов города ведали общими делами: строительством, обработкой общественных участков для нужд жрецов, воинов, государства, сбором податей и т. п. Они



Настенная роспись из Храма воинов в Чичен-Ице

же ведали и организацией общегородских работ по строительству храмов, акведуков, оросительных систем. Во главе ацтеков стояли два избираемых поочередно вождя. Практически к XVI в. власть стала наследственной в одном из знатных родов: недаром испанцы считали владыку Теночтитлана «императором».

За чисто формальными остатками прежней племенной организации видны уже нормы классовой организации общества. Ацтеки были своеобразным господствующим сословием среди покоренных ими народов. Ведя постоянные войны с соседями, войска ацтеков и их союзников захватывали все новые и новые земли, население которых превращалось в зависимое, обязанное платить дань сословие. Вожди, знать некоторых из покоренных народов постепенно сливались со знатью ацтеков, а поборы и тяготы оказывались бременем лишь для рядовых общинников покоренных земель. В некоторых случаях вновь присоединенные земли сохраняли большую самостоятельность и обособленность в составе ацтекского государства. Часть населения покоренных областей превращали в рабов, труд которых широко использовали на общественных работах (строительство храмов, дворцов, дорог, акведуков). Некоторое количество попадало в прямую зависимость от знати и эксплуатировалось в их хозяйствах. Все это сказалось и на положении собственно ацтекского населения. За долги могли продать в рабство не только семью ацтека, но и его самого. Знать и жречество уже заметно отделились от простых общинников.

Это проявилось и в их роскошных одеждах, сложном ритуале жизни, их жилищах. Бедная тростниковая хижина, обмазанная глиной, набедренная повязка, ежедневная пища из кукурузы стали уделом лишь простых людей. Из среды рядовых общинников постепенно выделились и профессиональные воины, хотя военное ополчение, состоявшее из всех боеспособных ацтеков, еще продолжало играть свою роль. Отделилось жречество, разработавшее сложный культ и ритуал молений. Во время самых торжественных из обрядов были человеческие жертвоприношения. В ведении жречества был календарь, астрономи-

Рисунки из рукописей майя:

1 — охотник с дротиками и копьеметалкой; 2 — олень, попавший в ловушку; 3 — рубка деревьев; 4 — посев кукурузы; 5 — курение

ческие вычисления, от которых зависели сроки сельскохозяйственных работ. Можно говорить и о начале письменности у ацтеков, хотя она была еще по преимуществу пиктографической.

К югу от государства ацтеков, в тропических лесах и саваннах Центральной Америки археологи открыли и открывают памятники древней культуры, наиболее известные под именем городов-государств майя. Ко времени появления испанцев сохранилось лишь около полутора десятков самостоятельных областей («провинций»), самые крупные из которых имели население до 120 тыс. человек. Они постоянно враждовали между собой, их главные города (Майяпан, Чичен-Ица и др.) сохраняли лишь следы былого величия. Работами археологов и историков сейчас уже восстановлена общая картина развития государственных образований в этой области Америки. В начале н. э. на территории расселения майянских племен появились первые города-государства (около двадцати). Это были сравнительно небольшие по территории объединения вокруг центрального поселка, игравшего роль административного и культурного центра. Между отдельными объединениями шла постоянная борьба за власть, приводившая к возвышению то одного, то другого центра. Периоды расцвета сменялись периодами упадка и запустения городских центров. Причины такого неровного развития пока недостаточно ясны.

Хозяйство базировалось уже не на орошении, а на подсеке участков тропического леса, его выжигании и посеве кукурузы и других растений в землю, удобренные золой. В первые год-два такие участки давали обильный урожай, а затем быстро истощались, и приходилось все начинать сначала — вырубать лес, сжигать его и т. д. Обработку участков вели группы семейных общин, объединенные между собой уже не столько по родственному, сколько по территориальному принципу. Кроме собственных полей они должны были обработать поля для жречества и для общегосударственных нужд.

В центре небольшой сельскохозяйственной округи возникало городское поселение, где жили правители, воины, жречество. Здесь же воздвигали и храмовые сооружения. Наиболее распространенной их формой были ступенчатые пирамиды с плоской вершиной. Во главе города и округи стоял местный правитель халáч-вúник (великий человек). Бывшие в его подчинении сановники и правители собирали с населения дань, созывали военное ополчение, распоряжались общественными работами по строительству храмов, дорог. В тесном союзе с правителями жило и жречество, располагавшее очень большим влиянием прежде всего потому, что в его руках были все астрономические вычисления. От правильного определения даты начала дождей зависел урожай. Календарь майя и их математические расчеты поражают совершенством и точностью. Располагая всего тремя цифровы-

ми знаками и используя позиционные системы счисления, они определили продолжительность солнечного года с точностью до одной минуты. Разработанная жрецами двадцатиричная система счета легла в основу майянского календаря. Год у майя имел 18 месяцев плюс 5 дней без названия в конце года. Каждые 20 лет ставилась специальная каменная стела, украшенная, а точнее вырезанная иероглифами. Вершиной развития культуры майя считается их письменность. Она известна как в каменной резьбе стел и барельефов, так и в рукописях, из которых сохранилось лишь три отрывка. На основе, приготовленной из листьев фикуса, писали красками. Здесь же и цветные рисунки. Много сделал для дешифровки письменности майя советский исследователь Ю. В. Кнорозов.

Жрецы разработали также очень сложную систему религиозных представлений и культов. Пантеон божеств включал в себя наряду с духами стихий и переработанные мифологические предания родословных правителей.

Высокого развития у майя достигли ремесла. Обработка золота и резьба по камню выделились в специальные профессии. Оживленно шла и торговля как внутри каждой области, так и между соседями. Торговые и культурные связи майя выходили далеко за рамки их государств. Не без основания многие исследователи считают, что возникновение календаря, астрономии, письменности у других народов Америки происходило под влиянием достижений майя.

Столь высокое развитие культуры, знаний, искусства покоилось на широком применении рабского труда, на эксплуатации полузависимых общинников, на постоянном ведении войн с соседями ради захвата рабов, ради установления гегемонии. Среди причин, приводивших к упадку и гибели государства этого региона, называют и нараставшие противоречия между ограниченными возможностями производства и непомерно разраставшимися тратами господствующего класса. Появившиеся здесь испанцы застали лишь несколько разрозненных и слабых «княжеств», которые без труда покорили. Современные потомки майя прочно сохраняют память о своей прежней высокой культуре, свой язык, самосознание.

Южную часть перешейка между Американскими материками и значительную часть современной Колумбии населяли народы, говорившие на языках чибча. Одни из них — чи́бча-муи́ски — создали здесь, вокруг города Боготы, высокую цивилизацию. Система их хозяйства была похожа на ту, которая существовала у майя: выжигание уча́стков тропического леса, разведение кукурузы и других растений, среди которых значительное место занимали маниока и бататы. Все это сочеталось с охотой, служившей источником добывания мясной пищи. Но природные условия в этом регионе несколько иные, почвы при некотором удобрении и орошении истощаются не так быстро. Здесь развилось своеобразное террасное земледелие. Орудия труда крайне просты — палка с сучком использовалась как мотыга; топоры, наконечники копий, дротиков, стрел сделаны из камня. Зато украшения из меди, серебра, золота и сплавов этих металлов поражают тонкостью исполнения. Однако металл шел только на украшения. Были развиты и другие ремесла (ткачество, плетение). Большую роль в жизни племен муиска играл обмен. Они получали от соседних племен хлопок, оживленно шла торговля между областями и внутри областей. Были и деньги — золотые диски, листья коки.

В области расселения муисков существовало несколько небольших государств, то враждовавших между собой, то объединявшихся в недолгие союзы. Во главе каждого из них стоял верховный правитель, приобретавший в глазах подданных черты полубога — простому смертному нельзя было на него смотреть, говорить с ним. Правителя окружала знать, жившая в просторных домах, имевшая многочисленных жен и наложниц, слуг и воинов. Общинники обязаны были платить подати на содержание как знати, воинов, так и жречества. Неуплата подати каралась: у входа в дом привязывали пуму, ягуара и до тех пор пока родственники или сам хозяин не уплатит подать, он не мог выйти из дома.

Социальная дифференциация отразилась и в религии — в ряде областей у простых об-

щинников и у знати были разные пантеоны божеств. Создается впечатление, что роль жречества у муисков была несколько меньшей, чем у майя или ацтеков, но заметнее в отправлении культов роль правителей областей или «княжеств».

По предгорьям Андской горной цепи, обращенной к Тихому океану, тянется область сравнительно небольших горных долин. Здесь на основе террасной оросительной системы, созданной по берегам горных рек, еще с I тысячелетия до н. э. формируются центры высокой культуры. Сейчас известны многие этапы истории этих цивилизаций. В VI в. до н. э. возникают и первые развитые культуры в горных областях. В долине Куско возникло объединение кечуаязычных племен, среди которых были и инки, грозные властители позднейшей «империи» инков. Только к XIII в. н. э. возник воинственный племенной союз инков, которые, спустившись к побережью, покорили многие из земледельческих народов, населявших горные долины, и распространили свою власть почти на все андское побережье и многие горные области. В XV в. государство инков стало самым могущественным во всей Южной Америке.

Как и у ацтеков, в структуре государства инков можно проследить сочетание как бы двух формообразующих начал. С одной стороны, это организация собственно инков, народа или племени, занимавшего господствующее положение в силу своего происхождения и племенного родства. Здесь нетрудно увидеть формальные черты «племенной» организации. Главный город инков, место их постоянного жительства, Куско делился на две части: Ханан и Хурин. Каждая из этих частей делилась на родовые группы. Правитель государства, верховный инка, должен был выбираться поочередно из жителей то одной, то другой части города. Во время торжественных церемоний инки располагались в соответствии со своей принадлежностью к частям города и «родам». Тот же принцип учитывался при назначениях военачальников, правителей. Все инки были формально равноправны между собой, и никто не мог быть лишен свободы. Говорили они между собой только на особом языке, во всяком случае, в присутствии не инкского населения. Только инки могли носить расцвеченные одежды, украшения из золота и драгоценных камней. Этот кодекс прав инков резко отделял их от остального населения государства. Если здесь и была племенная организация, то эта организация была формой отношений внутри господствующего класса. Поэтому прежние попытки трактовать инкское общество чуть ли не как первобытно-общинное не выдерживают никакой критики.

В подчинении инков были области, населенные разными по происхождению группами населения. Инки стремились к ликвидации областных различий: ввели обязательный общий язык кечуа, часть населения покоренных долин переселяли в другие области, сознательно перемешивая разные группы, стремясь подорвать областной сепаратизм. По-видимому, покоряемое население не всегда было кечуаязычным, но сохранили свой язык лишь аймара на севере, да часть араукапов на юге инкского государства. Объединению населения отдельных областей-долин способствовало и проведение двух дорог, тянувшихся через все государство с севера на юг. Одна из них шла в горах, вторая — в предгорьях. Дороги эти были так хорошо сделаны, что частично служат и теперь.

Основой хозяйства у инков было земледелие. На склонах горных долин устраивались сложные системы террас, орошаемых из реки. Каждая семья наделялась участком земли, который обязана была обработать. Земли группы семей входили в общину (áйлью). Общины объединялись системами орошения и административной властью в областные единицы, во главе которых был наряду с местным старшиной и администратор инка. Кроме собственных полей, урожай которых шел на личное потребление и общинные нужды, во всех общинах были особые поля: «поле инки», «поле солнца». Урожай с них шел в пользу государства и верховного жречества. Платили общинники и некоторые другие подати. Они же содержали как собственных правителей, так и инкскую администрацию. В эксплуатации горных народов, занимавшихся выращиванием картофеля и скотоводством (раз-

ведение лам, альпак), преобладал принцип выплаты дани и исполнение транспортных повинностей.

Между разными областями страны по дорогам и тропам шел усиленный обмен товарами. Ремесленное производство было хорошо развито. Инкское государство располагало медными и оловянными рудниками, из бронзы делали не только оружие, но и орудия труда (топоры, наконечники для мотыг, ножи, серпы). Стремились инки выделить и другие ремесла, переселяя в Куско гончаров, заводя ткацкие мастерские. Но эти мастера обслуживали по преимуществу потребности самих инков.

Большую роль в жизни всего государства играли жрецы. Верховный инка (Сана Инка) считался сыном солнца и в аграрных культах играл главную роль — в тот же день и час, когда вонзит свою золотую мотыгу в землю Сана Инка, в стране начинали посев кукурузы. Культ солнца был центральным в религиозной системе. Но были культы и природных стихий, растений. Жречество держало в своих руках и научные вычисления по астрономии. Оно же было хранителем тайн ки́пу (узелкового письма). Есть все основания предполагать, что у инков могла быть и более совершенная графическая письменность, которой записывались исторические предания, религиозные мифы. Образцов этой письменности нет, но есть сведения, что на полотне, вставленном в золотые рамы, были такие записи, уничтоженные испанцами.

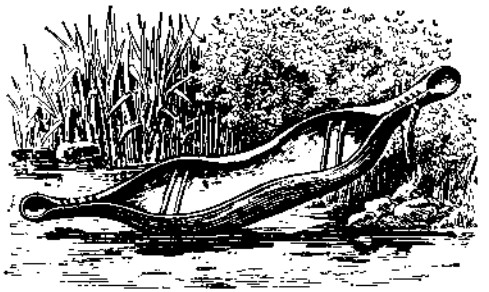
Государство инков было разгромлено конкистадором Писарро в 1531—1533 гг. Но борьба инкского населения против испанцев шла еще 40 лет. Не прекращалась она и позже. Последнее из восстаний было уже в XX в. Испанцы стремились использовать централизацию государства инков в своих целях. Они содействовали дальнейшему распространению языка кечуа, так как переводили на него христианские книги, вели проповеди, использовали кечуа в общении с индейцами. Но только совсем недавно язык кечуа был официально признан в Перу.

Другие земледельческие народы Южной Америки. К югу от инков обитали племена

Инка со связкой «кипу». Старинный рисунок

арауканов (правильнее — мапу́че). Большинству этих племен в той или иной степени было знакомо земледелие. Разводили они картофель, маис, бобы. Под влиянием северных соседей мапуче разводили лам. Но в их хозяйстве земледелие существовало наравне с другими занятиями — охотой, рыболовством, собирательством. Даже свое имя «араукан» они получили от араукарии — дерева, дававшего большое количество съедобных семян. Поселения их были уже оседлыми. Знакомы им были и некоторые ремесла: гончарство, ткачество. Появление в хозяйстве лошадей и других нововведений европейской культуры сильно изменило их хозяйственную и социальную структуру. Сплоченность племен позволяла им отстаивать самостоятельность до 1883 г. Группы мапуче и сейчас живут в резервациях Чили.

Гораздо более сложной и разнообразной была жизнь многочисленных племен, расселенных к востоку от Андской горной цепи.



Лодка из древесной коры. Восточная Бразилия

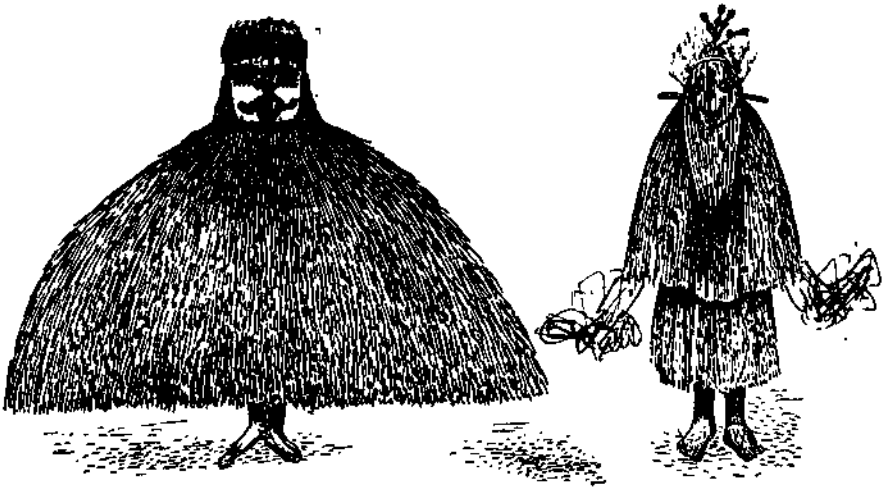
Многие из этих племен и народов были поголовно уничтожены в ходе португальской и испанской колонизаций, многие погибли несколько позже, сталкиваясь с миром грабежа и наживы. Некоторые племена предпочли уйти подальше в глубь тропических лесов, сельвы. «Открывают» ученые такие племена и сейчас. Но судьба всех этих народов и племен похожа, несмотря на разницу в веках, — они постепенно или сразу гибнут, сталкиваясь с миром капиталистической цивилизации.

В лесах Амазонки разбросаны поселения небольших групп индейцев различной языковой принадлежности. Хозяйство у них комплексное. Наряду с земледелием очень большую роль играет рыболовство, собирательство, меньшую — охота. Земледелие тропическое, с выжиганием лесных участков и разведением кроме маиса маниоки, бататов и т. п. Общественные отношения изучены недостаточно полно. Многие исследователи отмечают возможность сильной деградации культуры этих народов после переселения их в сельву. Но были, видимо, и группы очень отсталые, не знавшие земледелия.

К племенам сельвы близки и группы индейского населения, жившие в саваннах к северу от Амазонки. Земледелие им было знакомо, но они больше занимались охотой, собирательством, рыбной ловлей. Изучены также недостаточно хорошо.

До появления европейцев восточные нагорья современной Бразилии и области к югу от Амазонки населяли многочисленные, ныне почти полностью истребленные племена разных языковых семей и групп. Наиболее известные из них племена жес, бороро, тупи,

Глиняная посуда индейцев бассейна р. Амазонки



Танцоры в масках. Индейцы бассейна р. Амазонки

гуайкуру. В этих областях с очень своеобразным климатом (чередование засух и наводнений) было развито собирательство и рыболовство. Почти все племена знали и земледелие, хотя здесь оно не могло быть устойчивой формой хозяйства из-за климата. Немного давала и охота. Изучены эти племена недостаточно полно. Многие из них и не успели стать объектом изучения этнографии, так как были истреблены или вытеснены в малопригодные и непривычные для жизни места, где быстро погибали. Какая-то часть индейских групп осталась и живет здесь до сих пор.

Колонизация Америки европейцами и формирование ее современного этнического состава. Как установили археологи и историки, Америку открыли люди верхнего палеолита еще 30—40 тыс. лет тому назад. Но споры о том, кто ее открыл, порой сильно будоражат современную печать Нового Света. То появятся сведения о поселениях викингов на Ньюфаундленде или карте китайского монаха, то обнаружат сходство в керамике с древней керамикой Японских островов. Каждое из таких сведений заслуживает внимания, а многие и полного доверия. Но все эти случайные посещения и даже поселения европейцев или жителей Азии, Океании в Америке так и остаются единичными, случайными фактами в ее истории. Только открытие Америки мореплавателями Колумба и последовавшие за этим события буквально перевернули всю историю коренного населения, обернувшись для большинства индейцев подлинной трагедией.

Демографы по-разному оценивают общую численность индейцев к XVI в. — от 20 до 40 млн. человек, но все они согласны в том, что за первые 250 лет европейского владычества это население уменьшилось в несколько раз. Несмотря на иммиграцию европейцев и ввоз рабов из Африки, доля населения Америки в населении мира уменьшалась (с 4,5 до 1,5%). Только позднейший приток иммигрантов и стабилизация роста местного населения с трудом выровняли демографические процессы.

Появление европейцев перекроило до неузнаваемости карту расселения народов в Америке. Сейчас трудно отыскать область, где бы этнические регионы хоть в чем-то совпадали с прежними границами расселения народов. Этнические процессы шли по-разному в различных частях Америки. На них оказывали влияние не только изменения в составе населения или изменения в господствующем языке, но и то, каким образом шло

социально-экономическое развитие разных областей Америки. Часто от этого зависел и характер формирования этнических отношений. Процессы этнического развития и изменения в большинстве стран Америки не закончились и сейчас. Изучены они очень неравномерно и неполно. Можно наметить лишь в самых общих чертах характеристику процессов по отдельным регионам, выявить определенные типы становления современного этнического состава, учитывая, что в каждой стране, а порой и в каждой области такое становление обладало своими особенностями.

Процессы начального периода колонизации определялись двумя факторами: природными ресурсами завоеванной области, ценными для захватчиков, и уровнем социального развития местного населения, т. е. тем, насколько предшествующие завоеванию системы общественных отношений были пронизаны отношениями господства и подчинения, насколько это население можно было использовать на рудниках и сахарных плантациях в качестве рабочей силы.

Первоначальный период простого грабежа золота, драгоценных камней и других редкостей быстро сменился системой хищнической эксплуатации местного населения в энкомиендах. Фактические владельцы плантаций, рудников установили систему рабского труда покоренных индейцев, применяя самые жестокие меры насилия. Там, где местное население было предшествующим развитием подготовлено к принудительному труду, его отправляли на плантации и в рудники. Но во многих местах, несмотря на самые изуверские методы, местное население было не способно жить и работать в неволе. Испанцы и португальцы быстро уничтожали население ближайшей покоренной округи. Начинались экспедиции за рабами в глубинные районы страны. Реляции о таких походах не часто попадали на страницы хроник. Куда больше повезло немногим экспедициям в поисках мифической страны Эльдорадо. Но последствия походов за рабами оказались решающими для обширнейших областей с многомиллионным населением. За короткий срок, до конца XVII в., значительная часть островов Карибского бассейна, бóльшая часть плодородных земель Бразилии оказались полностью лишенными коренного населения. Тогдашний хронист епископ Лас Касас свидетельствует, что за 50 лет только в испанских владениях было таким образом уничтожено около 15 млн. человек. Захват новых земель породил одну из самых уродливых страниц американской истории — ввоз рабов из Африки, которые и составляли теперь основную рабочую силу на плантациях и в рудниках. Ученые пришли к выводу, что всего из Африки было вывезено около 100 млн. негров, но сколько из них выжило — на этот вопрос ответить очень трудно. С самого начала ввоза появились и группы смешанного происхождения. Поэтому можно сказать лишь о большем или меньшем влиянии негритянского населения на формирование населения американских стран.

Системы рабской эксплуатации были возможны далеко не везде. В наиболее развитых странах Андского побережья, в Центральной Америке, во-первых, не было условий для плантационного хозяйства; во-вторых, слишком жестокие формы эксплуатации были опасны из-за многочисленности местного населения. Поэтому здесь утвердилась система, близкая к феодальной организации самой метрополии Испании, хотя нормы эксплуатации были намного выше, а население было лишено каких-либо прав. Здесь установилась система этносословного деления. Потомки испанцев-завоевателей составили слой креолов — владельцев поместий, высшей администрации, духовенства. Местное население попало в слой пеонов, рабов на рудниках, местной мелкой администрации и составляло массу зависимого населения. С течением времени вместе с распространением испанского языка эту часть населения стали называть метисами, термином антропологического, расового характера. В действительности метисы, т. е. потомки от браков европейцев с индейцами, составляли ничтожно малую часть зависимого населения испанских колоний. Но они, близкие к правящему слою, быстрее овладевали испанским языком, занимали часто более привилегированное положение (управляющих, мелких администраторов) и в то же

время не теряли связи со своими индейскими родственниками. Их более высокое социальное положение, знание грамоты или просто испанского языка обеспечивало им значительное влияние среди индейской части населения. Именно через них шло главное распространение испанского языка, элементов испанской культуры, грамотности. Поэтому не только действительных метисов по крови, но и всех, кто овладел испанским языком и сумел несколько подняться по иерархической лестнице, стали называть метисами, а позднее, уже в XIX—XX вв., так стали называть всех, кто переходил на испанский язык, усваивал тот социально-бытовой уклад, который сложился в странах Латинской Америки среди городского и сельского населения в отличие от нормативов индейских общин. Индейцами стали называть лишь население, сохранившее индейские языки и индейские нормы жизни.

Гораздо сложнее шли те же процессы в среде зависимого населения тех стран, где значительную часть населения составили негры — рабы, вывезенные из Африки (Бразилия, острова Вест-Индии, Колумбия, Венесуэла, Эквадор, Гвиана). Плантаторы, потомки европейцев, составляли здесь ничтожно малую часть населения. По внешнему облику и социальному положению они резко отличались от рабов-негров, превращаясь в строго изолированную элиту общества. В то же время привозимые партии негров-рабов были очень неоднородны по происхождению, языку, специфике их родной культуры. Попадая в совершенно чуждую им среду, они вынуждены были перенимать язык своих хозяев как единственно возможное в этих условиях средство человеческого общения не только с хозяевами и надсмотрщиками, но и между собой, с окружающим их местным индейским населением. Так получалось, что господствующим языком становился язык тех, кто владел данной колонией. Кроме португальского и испанского такими языками стали английский на Ямайке, в Гондурасе и Гвиане, французский на Гаити, в Гвиане и на некоторых островах Карибского моря.

И негры-рабы и местное индейское население были в этом случае в одинаково бесправном положении, что способствовало смешанным бракам между ними, взаимопроникновению особенностей культуры, быта, обычаев. Расовые различия не играли здесь сколько-нибудь существенной роли, особенно в тех странах, где местного индейского населения сохранилось совсем мало.

Процессы становления буржуазных отношений, неизбежно вовлекавшие в процесс национального общения массы населения, сгладили и противопоставление между потомками европейцев и остальным населением, хотя не следует и преувеличивать его последствия, так как сохранение системы латифундий и других остатков феодализма все еще дают себя знать. Полного равенства в расово-этнических отношениях нет и не может быть здесь в условиях капитализма.

В некоторых странах Центральной и Южной Америки проживают многомиллионные массы индейского населения, сохранившего свой язык. Положение их, как и судьба их языков, различны. Но во всех этих странах определяющим фактором оказывается социально-экономическая система отношений и положение в ней индейцев. В Мексике, где большинство местного населения перешло на испанский язык, при вовлечении отдельных групп индейцев в общее экономическое общение страны, наблюдается быстрый переход их к двуязычию, а затем и к забвению родного языка. Попав в города, учебные заведения, на предприятия, такие индейцы стремятся как можно быстрее стать «настоящими мексиканцами», т. е. неиндейцами. Стремление это распространяется и на культурно-бытовую сферу. Но и в Мексике среди некоторых групп майя процесс этот сталкивается с упорным стремлением сохранить и отстоять права своего языка, своей культуры, своего образа жизни.

Столь же противоречиво проходят эти процессы и в странах Андского региона. Вовлекаемые в общенациональную жизнь государств этой части Америки, где господствует испаноязычная современная культура, индейцы вынуждены осваивать испанский язык, без знания которого просто невозможно овладеть культурой, знаниями, получить признание в

любой сфере жизни. Вместе с языком они вынуждены перенимать и образ жизни, нормативы поведения господствующей в этих странах национальной группы или, как часто называют этот процесс специалисты, подвергаться не только языковой, но и культурной ассимиляции. Современная, высокоразвитая культура доступна индейцам лишь через посредничество как испанского языка, так и испаноязычного населения городов этих стран. Другого пути у них пока нет. Роль индейских языков ограничена узкой сферой устного общения населения внутри экономически отсталых сельских районов. Письменность (т. е. тексты на местных языках, выраженных латинской графикой) обслуживает главным образом религиозные потребности. Попытки местной интеллигенции создать гражданскую литературу на индейских языках наталкиваются на упорное сопротивление властей. На местных языках можно получить лишь убогое начальное образование в церковных школах. Сохраняющийся здесь примитивный уровень хозяйства и это образование делает излишним — знания негде применить. А любая форма более высокого, особенно технического образования возможна только на испанском. Простое признание равноправия индейских языков (признание, например, языка кечуа в Перу) еще не решает действительных проблем равноправия. Для этого необходима колоссальная работа по созданию разнообразной (и не только художественной) литературы на местных языках, резкий подъем уровня производительных сил национальных районов, развитие здесь техники, культуры, административной системы. Усилия прогрессивных кругов интеллигенции по сохранению и развитию индейской культуры, индейских языков дают немного, так как решение этих проблем связано с решением более кардинальных вопросов социального переустройства общества. Пока здесь идет лишь процесс ассимиляции индейских групп испаноязычным слоем, господствующим в этих странах.

В ряде стран Южной Америки — Уругвае, Аргентине — колонизация происходила в первый период менее интенсивно. Образование военных поселений вскоре привело к тому, что земли этих стран стали использовать для экстенсивного скотоводства. Население было невелико. Образовался слой га́учо — метисного населения, пасшего скот во владениях латифундистов. Длительное время, до конца XIX в., сохранялись и значительные группы индейцев. Во второй период, когда земли пампы стали осваиваться под земледелие и более интенсивное скотоводство, в эти страны хлынул поток иммигрантов не только из соседних американских стран, но и из многих стран Европы. Индейские племена были быстро вытеснены, а большей частью истреблены фермерами. Потеряли свое значение и гаучо. Население стало по преимуществу европейским по происхождению (испанцы, итальянцы, немцы и др.).

В соседнем Парагвае процессы начальной колонизации привели к образованию испаноязычной верхушки и слабо метисированного большинства населения. После образования независимого государства влияние большинства населения оказалось решающим. Индейский язык гуарани оказался наиболее распространенным, и на нем сейчас говорит более 80% населения. Но не следует приуменьшать и роль испанского, который не только считается государственным языком, но фактически это и язык парагвайской культуры (образование, литература, администрация).

Этнические процессы в Северной Америке пошли далеко не так, как в большинстве стран Южной и Центральной Америки. Несколько неудачных походов испанцев на Север в поисках золота охладили их интерес к этому краю настолько, что появившиеся здесь соперники — англичане и французы — без особого труда установили в Северной Америке свою власть. Вначале эта власть была номинальной. Несколько укрепленных фортов по Атлантическому побережью поддерживали деятельность многочисленных торговых факторий на востоке материка. Торговля пушниной была очень прибыльной, но ее успех зависел от индейцев, главных добытчиков пушного зверя. Отношения с индейцами носили чаще всего мирный характер, хотя англо-французское соперничество и разъедающее влияние торговли привели к усилению войн

между индейскими племенами. Перелом наступил в начале XVII в., когда появились первые поселения колонистов. Решающую роль в этом сыграла Англия, в которой обезземеливание крестьян создало массу избыточного населения. За первыми поселениями пуритан в Новой Англии появились колонии в Виргинии. К середине XVIII в. население английских колоний состояло из 1300 тыс. свободных и 300 тыс. негров-рабов. Местное индейское население вытеснялось и истреблялось самыми различными способами. Превратить их в рабов было невозможно, так как они предпочитали рабскому состоянию смерть. Все же до войны за независимость западная граница колонистов не заходила дальше бассейна Миссисипи, и в пределах их владений оставались значительные массивы индейских земель.

Переселенцев из Франции было много меньше, хотя юридически Франция до Семилетней войны (1756—1763) владела обширными землями не только в Канаде, но и в бассейне Миссисипи вплоть до Нового Орлеана. Основная масса переселенцев из Франции сосредоточилась в провинции Квебек по р. Св. Лаврентия.

История колонизации западных земель Соединенными Штатами ни в чем не уступает «подвигам» испанцев и португальцев в Южной Америке. Появление во владениях индейцев «вольных» колонистов бывало лишь предлогом для вмешательства армии США, которая вела войну не в защиту «бедных» колонистов, а войну на истребление индейцев. Таким же лицемерием отличалась и война с Мексикой, у которой Соединенные Штаты отняли половину территории в 1848 г.

Первоначальный поток переселенцев, если не считать негритянское население, ввозимое работорговцами, шел из Англии (до 77%). Небольшие группы переселялись из Голландии, Швеции, Норвегии, Ирландии, Германии. Потомки этих первых переселенцев составляют и сейчас бóльшую часть сельского населения восточных штатов. На юго-востоке, кроме англичан, было много плантаторов французов. Здесь же, на табачных и хлопковых плантациях, появились и невольники из Африки. Привозили их из Тропической Африки, из разных стран, прилегающих к Гвинейскому побережью. К началу XIX в. в США было ввезено до 1 млн. негров. В 1860 г. их было уже 4 млн. Расселяли их кроме юго-восточных штатов в южных и юго-западных, там, где выращивали хлопок. И сейчас в этих штатах негритянское население составляет значительный процент (около половины всех негров США живет на юге страны).

Изменение этнического состава эмигрантов в США наступило во второй половине XIX в. Развитие капитализма в Европе, быстрый рост промышленности в США привели к массовой иммиграции. За 1860—1900 гг. более половины прироста населения США составили приезжие из Европы. На западном побережье появилось много переселенцев из Китая и Японии. Новая волна иммигрантов пополнила прежде всего городское население Штатов. В таких крупных городах, как Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, и других образовались целые национальные кварталы, население которых в какой-то степени продолжает сохранять хотя бы некоторые черты прежнего национального быта, нередки национальные школы (частные), национальные рестораны и т. п. В городах быстрее проходит процесс прежде всего языковой адаптации. Переход на английский язык оказывается первейшей необходимостью.

Но значительная часть иммигрантов стремилась осесть в сельской местности, заняться привычным им сельскохозяйственным трудом. Так, в ряде северных штатов, и особенно в Канаде, возникли небольшие «кусты» национальных поселений (польских, украинских, русских и др.). Здесь видимых черт прежнего бытового уклада больше, чаще слышится и неанглийская речь, сохраняющаяся в качестве домашнего языка. Те же явления можно встретить и в местах сельского расселения ранних колонистов — голландцев, шведов, немцев. Но все эти черточки локального быта некоторых групп американского населения явно уступают нивелирующему влиянию как общего английского языка (в американском его варианте), так и подавляющему влиянию американских стандартов образа жизни во всех ее сферах: бытовой, психологической, социаль-

ной. Несмотря на то что поток иммиграции, правда уже тонкой, строго регулируемой законами об иммиграции струйкой, идет и сейчас, только 10% населения США считает английский язык неродным. Стандартизация быта, культуры, мышления происходит еще интенсивнее. Велика роль массовой рекламы через прессу, радио, телевидение, кино. Она ошеломляет и подавляет рядового американца, особенно приезжего. Стремление к быстрейшей адаптации, быть «как все» (а от этого часто зависит и материальное благополучие) быстро стирает национальные черты.

И вместе с этим закономерным и объяснимым в условиях капиталистического общества нивелирующим влиянием стандартов жизни в США очень резко проявляются национальная рознь, расовые противоречия в их самых крайних формах: масса националистических, фашиствующих организаций, прием или, наоборот, неприем на работу по национальному признаку (хотя это и запрещено законом), национальные группировки в профсоюзном движении, скрытая и открытая расовая дискриминация по отношению к неграм, мексиканцам, пуэрториканцам, японцам, китайцам, дискриминация индейского населения, узаконенная до сих пор в законодательстве ряда штатов, — все это обыденные явления жизни США.

Аналогичные процессы, но несколько более спокойные, происходили и при формировании населения Канады. Англоязычное население ее составилось как из ранних английских переселенцев, так и из переселенцев из США. Англоязычным становилось и большинство эмигрантов из других стран, хотя в Канаде, в сельских районах есть массивы польского, украинского населения и некоторых других национальных групп, сохраняющих до известной степени свой язык и особенности быта.

Франкоязычное население, группирующееся в провинции Квебек, не только сохраняет свой язык (признанный наряду с английским государственным языком Канады), но и выражает стремление к национальному отделению от остальной Канады. Северные земли Канады, как и земли Аляски в США, населены индейцами.

Глава 5

Народы Зарубежной Европы

Народы Западной Европы

Самый крупный полуостров материка Евразии — Европу издавна принято выделять в особую часть света. Причина выделения совсем не географическая, ибо нет таких естественных рубежей — морского пролива или водораздела, — которые оправдывали бы его. Этимологически же название обозначает всего лишь географический ориентир: греческое Эуропе (от ассирийского Эреб) обозначает «страна запада», в данном случае — запад Евразии. Только большая роль народов западного полуострова Евразии в мировой культуре и истории народов Земли, огромное влияние созданной многовековым трудом романских, германских и славянских народов Европы цивилизации на развитие всего человечества лежит в основе признания Европы частью света.

Суша Европы не раз меняла очертания, но всегда характеризовалась сильной изрезанностью морского побережья и большой доступностью для заселения как с побережья, так и по суше из Азии. Три четверти европейской суши с $^{9}/_{10}$ современного населения и экономического потенциала расположены не далее 300 км от моря. Самые глубинные районы удалены от моря всего на 600 км и почти всюду соединены с морем судоходными реками.

В границах собственно Европы принято немало подразделений, в основе которых лежат современные или прошлые социально-экономические, этнические, географические, антропологические и конфессиональные критерии.

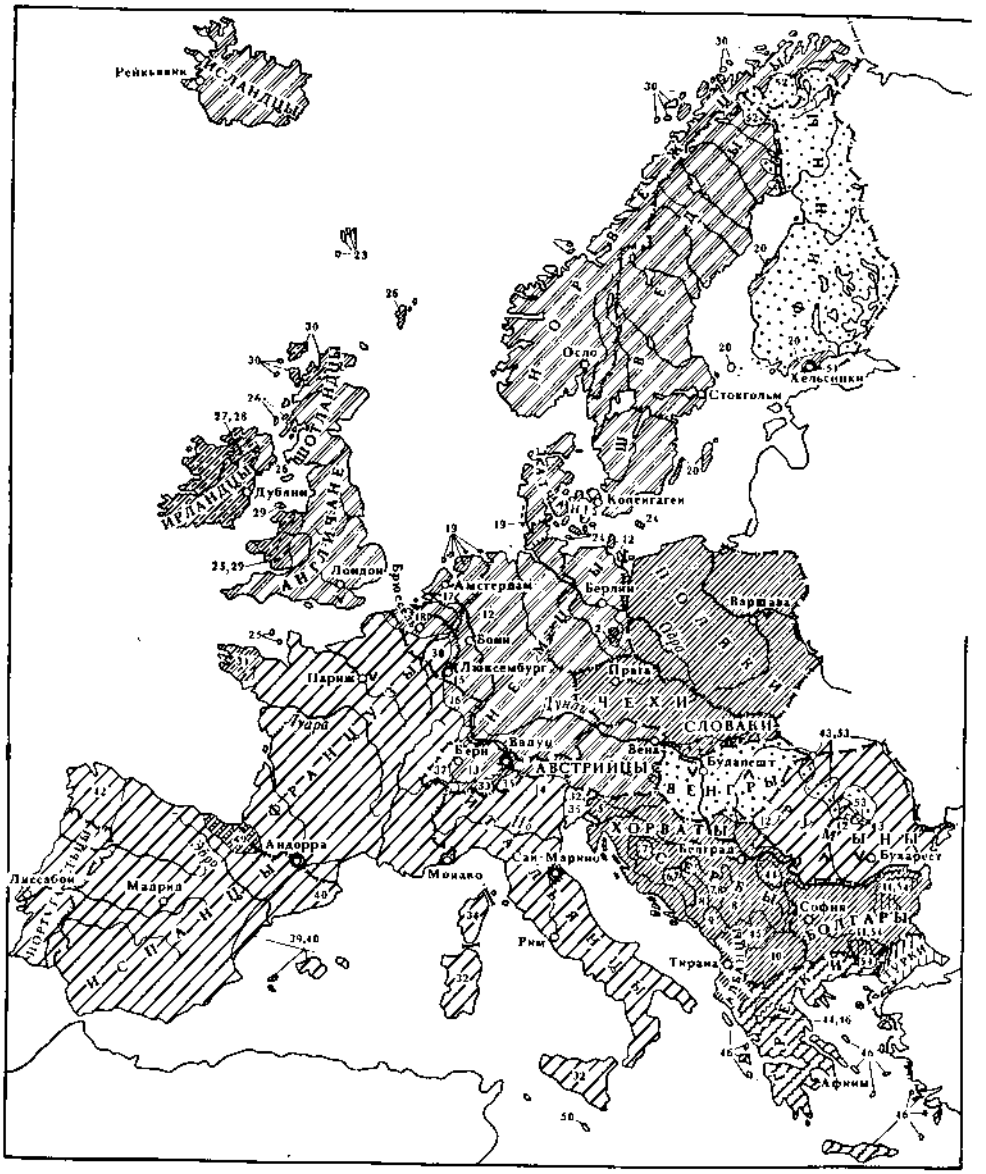
Так, когда говорят о разных социальных системах — капиталистической и социалистической — в современной Европе, то ее принято делить на Западную и Восточную — по восточной границе Финляндии, ФРГ, Австрии, Италии и северной границе Греции и Турции. В Советском Союзе существует также понятие Зарубежная Европа. В него входят все страны Европы помимо собственно европейской части СССР.

Для I тысячелетия до н. э. принято этническое понятие «кельтская Европа», распространяющееся на большую часть Зарубежной Европы, а от середины I тысячелетия н. э. вплоть до XX в. динамичные этнические понятия — романоязычная, германоязычная, славяноязычная части Европы. В наименованиях «блондин», «шатен», «брюнет», относящихся к коренному населению Европы и характеризующих степень пигментации их волосяного покрова, заложено наиболее обобщенное определение обитателей этой части света с севера на юг по антропологическим группам европеоидной большой расы. По конфессиональному критерию с III в. н. э. христианскую Европу часто противопоставляют Европе языческой, с XIV в. — мусульманской; саму христианскую Европу делят на католическую и православную, с XVI в. — на католическую, протестантскую, православную и мусульманскую.

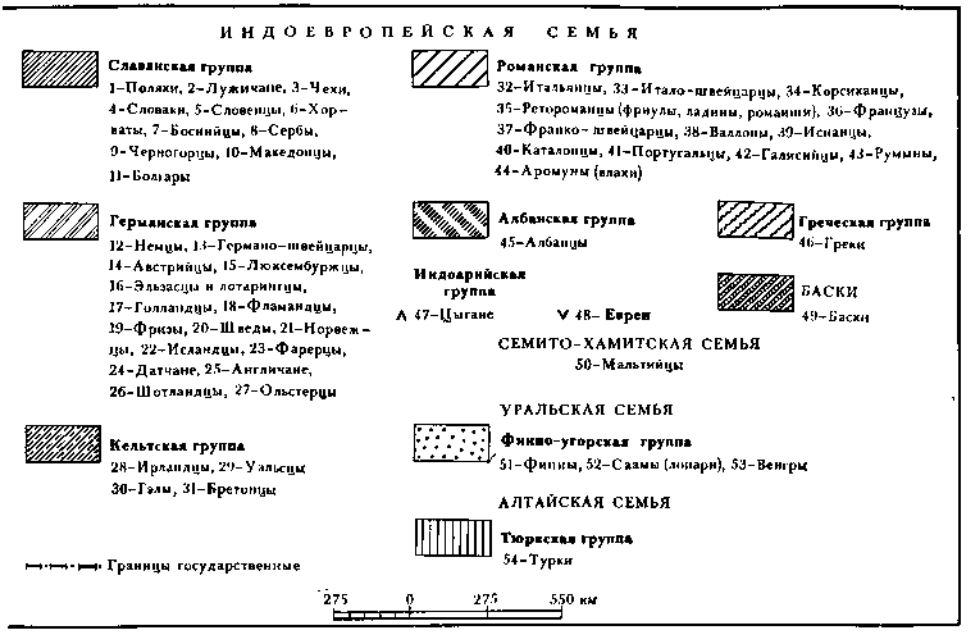
Европа — самая маленькая после Австралии часть света. Ее площадь вместе с островами составляет 9,7 млн. кв. км (7,1% площади суши всего мира). Территория Зарубежной Европы составляет 5 млн. кв. км, или 3,6% площади суши всего мира, население — 480,5 млн. человек (1978), или 12% численности всего человечества, средняя его плотность — 96 человек на 1 кв. км — значительно превосходит среднюю плотность населения в любой другой части света или в среднем на планете (27 человек на 1 кв. км). По развитию экономики Зарубежная Европа занимает одно из ведущих мест в мире. На ее долю приходится треть мирового промышленного производства.

Этническая характеристика. В Зарубежной Европе живет 58 народов. В это число не включены представители еще почти полусотни народов — иммигрантских меньшинств, оказавшихся в этой части света после второй мировой войны на положении иностранных, или «гостевых», рабочих и отчасти натурализовавшихся там.

96% населения Зарубежной Европы, зани-



Народы Зарубежной Европы



мающего примерно такую же часть ее территории, говорит на языках индоевропейской семьи. Наиболее значительная из этой семьи как по числу народов, так и по общей численности — германская группа. Она состоит из 17 народов и составляет 177,7 млн. человек. Вторая по численности — романская группа. В нее входит 15 народов, и она насчитывает 177 млн. человек. Славянская группа представлена в Зарубежной Европе 11 народами общей численностью 79 млн. человек. Кельтская группа немногочисленна (4 народа) и объединяет 7,4 млн. человек. В индоевропейскую семью включают и цыган (0,9 млн.). Греческая и албанская группы — это соответственно греки (9,5 млн.) и албанцы (4 млн.). Три народа в Зарубежной Европе относятся к финно-угорской группе (18 млн. человек) уральской языковой семьи: финны в собственном национальном государстве, а также в Швеции (как самое большое там национальное меньшинство, составляющее 2,5% населения страны), саамы, или лопари, на севере Норвегии, Швеции и Финляндии, а также венгры (мадьяры) в своем национальном государстве и в качестве национальных меньшинств в соседних с ним. Два народа Зарубежной Европы входят в состав тюркской группы алтайской языковой семьи: турки в пределах европейской части Турции и как национальное меньшинство в Болгарии и гагаузы в Болгарии. Семитская группа семито-хамитской семьи представлена в Зарубежной Европе небольшим населением острова Мальта. На особом языке, не входящем в какую-либо языковую семью, говорят баски — народ, населяющий северо-западную часть Пиренейских гор.

Антропологический состав. Еще в XVII в. антропологическое своеобразие народов Европы было отнесено Франсуа Бернье в один общий как для народов Передней Азии, так и Северной Африки европеоидный расовый тип. Во всех последующих классификациях антропологи выделяют этот тип как одну из трех или четырех больших человеческих рас Земли под названием европеоидная, кавказская, или белая, в отличие от негроидной, монголоидной и австралоидной.

С конца XIX в. появилось несколько детальных схем больших рас, в частности евро-

пеоидной большой расы, учитывавших пигментацию и географические вариации отдельных признаков. Отмечаемые кое-где в Южной Европе, особенно на юге Франции, некоторые черты негроидности являются следствием того, что «евроафриканский тип» был стадией развития, общей как для негроидов, так и для собственно европеоидов. Своеобразное положение среди европеоидов занимают саамы, или лопари. Этих северных европеоидов отличают темная пигментация, самый низкий в этой части света рост, широкое лицо, круглая голова, глубокая посадка глаз и вогнутый профиль спинки носа. Комплекс этих признаков вместе с некоторой монголоидностью характеризует лопаноидный тип.

Греки. Достоверное начало этого этноса на землях современной Греции — древнейшее в Европе. Крито-микенские тексты, как это доказано новейшими исследованиями, принадлежали одним из предков греков — ахейцам и относились к III—II тысячелетиям до н. э. Периодом бурного экономического и культурного развития древних греков были VIII—V вв. до н. э. Именно тогда расцвели ремесла, торговля и происходила так называемая великая греческая колонизация — устройство многочисленных городов-колоний на берегах Средиземного, Черного и Азовского морей, установилось общегреческое культурное единство, общее этническое самоназвание — эллины и название родины — Эллада. Античная цивилизация сыграла выдающуюся роль в развитии всей последующей культуры Европы и Ближнего Востока. Римляне называли эллинов-колонистов Южной Италии греками, и через римлян этот этноним распространился среди европейских, а затем и других народов.

Но современные греки восходят не только к древним эллинам. В VI—VIII вв. н. э. на Балканах, в том числе на Пелопоннесе, расселялись славяне. Именно как славянский этнический элемент они сохранились на северной окраине современной Греции (македонцы), остальные же были ассимилированы эллинами, хотя следы пребывания их остались в топонимии (например, гора Геликсон в Беотии ныне именуется Загора). В XIII—XIV вв. по северой Греции расселились албанцы, и часть их также ассимилирована греками. Потомками местного же населения, то ли фракийцев, то ли кельтов, являются греческие влахи (аромуны), романизованные во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. Захват Греции турками-османами в XV в. вызвал борьбу греков за освобождение и способствовал пробуждению их национального самосознания.

Ныне греки живут не только на своей родине и на Кипре (киприоты, 0,5 млн. человек), но и во многих странах Средиземноморья, в других странах Европы, обеих Америк, в Австралии.

Самые характерные хозяйственные занятия греков с древних времен — выращивание винограда, маслин и миндаля, отгонное овцеводство и разведение коз, гончарство и ковроделие. Возделывание зерновых не удовлетворяет собственного спроса. В послевоенные годы возросло значение высокотоварных субтропических культур, хлопка, а также рыболовства, морской торговли. Основу пищи греков составляют фасоль, приправленная лимоном, оливковым маслом, чесноком, петрушкой, а также блюда из сладкого перца, баклажан, помидоров, маринованные маслины, турецкий плов, сыр и кислое молоко.

Застройка традиционных поселений скученная, дома строят из необработанного камня одно- и двухэтажные, в последнем случае на первом этаже помещается скот, второй служит жильем. Окна и веранды домов обращены на солнечную сторону. Жилое помещение обогревается жаровней с углями. Народный мужской костюм лучше сохранился у населения островов: черные или синие шаровары, белая рубаха, жилет со множеством луговиц, красный или черный кушак, красный фес, иногда с черной кисточкой, шерстяной плащ. Женский костюм: длинная белая рубаха туникообразного покроя, с широкими и длинными рукавами, вышитым подолом, широкая длинная юбка, встречается вариант сарафана.

После многовекового закабаления турками греки получили национальный суверенитет в 1830 г. при активном содействии России. Важную роль в этой борьбе, как и вообще в общественной жизни современной Греческой республики, играла православная церковь.

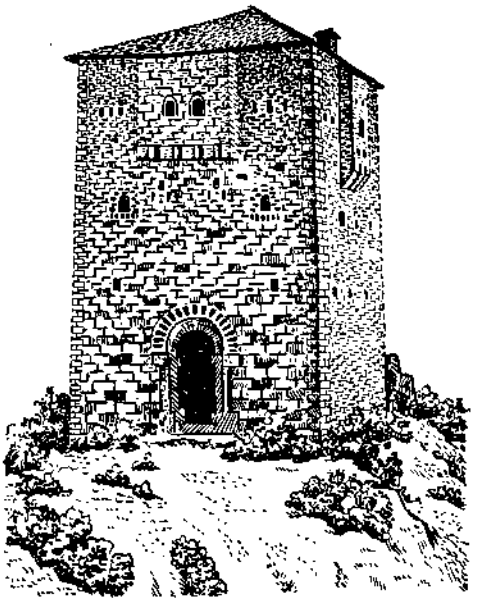
Христианства, распространившегося в стране со II в. н. э. придерживается почти все верующее население, лишь небольшое число греков на острове Родос и во Фракии исповедует ислам.

Греция до сих пор остается аграрной страной при довольно значительном развитии промышленности.

Албанцы. Их самоназвание — шчиптар, этимология — «говорящие понятно». Происходят от древнего аборигенного населения Балкан — иллирийцев или фракийцев. Уже в IV в. до н. э. известны первые государственные образования иллирийско-фракийских этносов на западном побережье Балканского полуострова, которые в течение двух последующих столетий были подчинены Римом и заселены римскими колонистами. Население южной части иллирийско-фракийской территории, в частности земли нынешней Албании, культурно и экономически было более развитым благодаря тесным связям с Элладой, оно сохранило свой язык. С VI в. в Албании селились славяне. Они ассимилированы, но следы их пребывания здесь повсеместно сохранились в топонимии.

В конце XII в. возникло первое известное по документам суверенное албанское государство — Арбери. В конце XV в. Албания была захвачена турками. С XVI в. в стране распространился ислам. Многовековая борьба за независимость, особенно в партизанской войне в начале XX в., способствовала формированию единой албанской нации.

Традиционное и главное занятие албанских крестьян — отгонное овцеводство. В земледелии преобладало зерновое направление: в горных районах выращивали ячмень, рожь, овес и пшеницу, в долинах — просо. С XVII в. культивируется кукуруза, с XIX в. — картофель, в XX в. — также хлопок и сахарная свекла. В прибрежной полосе издавна развиты садоводство (маслины, фрукты и виноград) и виноделие. Известно, что еще в конце I тысячелетия н. э. в Албании были высоко развиты десятки видов ремесел: изготовление золотошвейных изделий, оружия, орнаментированного серебром, шелковых тканей, серебряных литых пряжек и др. Ныне большинство



Кула — дом-башня. Северная Албания

мастеров ремесленного дела объединено в производственные кооперативы. Особое значение сохранили те ремесла, которые связаны с народной одеждой или предметами быта: шьют белые фески для мужчин, покрывают золотым шитьем нарядные бархатные безрукавки невесты, ткут безворсовые или ворсовые ковры ярких расцветок с геометрическим или стилизованным растительным орнаментом.

Сельские поселения албанцев — трех типов: разбросанного, скученного и регулярного (современные). В Албании встречаются те же типы традиционного жилища, что и в других странах Балканского полуострова. Обычны двухэтажные дома с верандой вдоль верхнего, жилого этажа, нижний этаж — хлев и другие хозяйственные помещения. В северной Албании встречаются двух- и трехэтажные дома-башни из необработанного (или обработанного лишь на углах) камня с бойницами. В низменных, отчасти в болотистых местах распространены плетневые одноэтажные дома, оштукатуренные глиной.

Среди верующих албанцев более $^2/_3$ составляют мусульмане (из них $^2/_3$ сунниты и

1/3 — шииты), которые живут в основном в центральных районах страны — как в селах, так и в городах. Около четверти верующих — православные, они населяют преимущественно юг страны. Остальные, немногим более 10% верующих, — католики, живущие на севере Албании.

Романская группа представлена 15 народами: итальянцы (в мире — 65 млн., из них 85% в Италии), италошвейцарцы (230 тыс.), фриулы (400 тыс.), романши (50 тыс.), ладины (14 тыс.), корсиканцы (280 тыс.), каталонцы (7,2 млн.), испанцы (27 млн.), галисийцы (3 млн.), португальцы (10,7 млн.), французы (44 млн.), франкошвейцарцы (1 млн.), валлоны (4 млн.), аромуны, или влахи (225 тыс.), и румыны (19 млн.).

Все 15 ныне романоязычных народов у истоков этногенеза говорили на других языках, в том числе отчасти и предки итальянцев. В VIII—III вв. до н. э. римляне постепенно подчинили себе и ассимилировали родственные по языку италийские племена на Апеннинском полуострове, а также неиндоевропейские этносы — этрусков, или тирсенов, затем на северо-востоке Италии иллирийское племя венетов, в I в. н. э. — многочисленные кельтские племена в долине реки По, а на северо-западе страны — лигуров. На юге Апеннинского полуострова и на о-вах Сицилия, Сардиния, Корсика римляне покорили разноязыкие народы — япидов, карфагенян, сиканов, выходцев из Эллады — и романизовали их, хотя греки сохраняли остатки своего языка до XV в.

В III в. до н. э. римлянам удалось захватить Пиренейский полуостров с его многоязыким племенным составом. Юг и восток занимали иберийские племена, север — баски, запад (нынешние Галисия и Португалия) — кельтские племена, в центре полуострова в зоне контакта с иберийскими — смешанные, кельтиберы.

Столь же этнически сложной была территория Галлии и Бельгии. Присредиземноморскую полосу заселяли иберы, позже здесь оседали лигуры, финикийцы, греки. Центральный и северный районы населяли кельтские племена, галлы. После завоевательных походов Юлия Цезаря (58—51 гг. до н. э.) римские колонии, основанные на месте древних поселений коренного населения, стали очагами романизации указанных этносов, которые переходили на местные народные диалекты латинского языка.

Процесс романизации неравномерно, но достаточно интенсивно проходил вплоть до конца существования Римской империи (V в. н. э.) как на землях нынешних Франции и Бельгии, так и всех этносов Пиренейского полуострова. Немалую роль в цементации этих этносов в романоязычные народы сыграла с III в. н. э. христианская церковь Рима, официальным языком которой всегда была латынь. Так стали складываться языки валлонов (в Бельгии), французов, а на Пиренейском полуострове — испанцев, каталонцев, галисийцев, португальцев.

В I в. до н. э. римляне подчинили несколько разноязыких племен в центре Альп (это были родственные этрускам реты) и к северу от Адриатического моря (аборигенных эвганеев, иллирийских венетов и кельтоязычных карнов). В течение пяти последующих веков романизация положила начало трем ретороманским народам — романшам, живущим в кантоне Граубюнден в Швейцарии, ладинам (там же и в Доломитовых Альпах в Италии), а также фриулам — в провинции Удине на северо-востоке Италии.

В 146 г. до н. э. Рим завершил покорение Греции. Однако греческий язык выстоял благодаря высокой культуре эллинов. Более того, греческий язык нашел широкое распространение в Италии как язык культуры и науки. Но некоторые местные этносы Балканского полуострова романизовались. Уже упоминавшиеся аромуны живут также в Албании и Югославии. Этноним аромун с византийских времен имеет более распространенный, хотя и несколько пренебрежительный по этимологии синоним — влах («грубый, некультурный») или куцовлах («хромой влах») как намек на плохое знание языка византийцев — греческого.

Романизации подверглись этносы также и к северу от низовий Дуная — в Дакии, которую римский император Траян захватил в начале II в. н. э. Здесь жили фракийские племе-

на — даки или дакогеты. Важную роль в романизации провинции сыграли расположенные здесь римские легионы и вспомогательные когорты. Откуда бы ни были набраны легионеры, они сами романизовались по языку в течение многих десятилетий службы и невольно содействовали романизации местного населения. Особенно способствовали этому те дакийцы, которые, отслужив в римских легионах на чужбине, обосновались на родине как земельные собственники, ремесленники, купцы. Даже в послеримский период (после 271 г. н. э.) не менее 50 поселений в Дакии сохраняли свой дако-романский характер.

В отличие от романоязычных католиков и протестантов в Западной Европе, аромуны и румыны — православные.

Традиционные занятия итальянцев — садоводство, зерновое хозяйство и животноводство. Виноградарство и на его базе виноделие стоят на первом месте как по древности самих отраслей, так и по распространенности их почти на всей территории Италии. Итальянцы занимают третье место в мире после США и Испании по производству цитрусовых, из других садовых культур выращивают яблоки, груши, оливы. Древние истоки имеет овощеводство (бобовые, лук, чеснок), ныне в сельской местности выращивают также картофель, помидоры, бахчевые и капусту, сахарную свеклу, табак и коноплю. В гористых районах итальянцы заняты отгонным овцеводством, в долинах и предгорьях Северной Италии разводят крупный рогатый скот.

В пище итальянцев популярны блюда из макаронных изделий (по-итальянски — «паста»). Обычно первым блюдом (минестра) подается паста, сдобренная томатным соусом или маслом и сыром, иногда — промолотым мясом. В пище много специй и приправ. Деревенская минестра — дзупла (суп из фасоли и овощей с размоченным в супе хлебом). Хлеб пшеничный, иногда из кукурузной муки. Из нее же готовят поленту — разновидность кукурузной каши, мамалыги, которую подают на стол нарезанной ломтями. Распространены овощные салаты, жареные овощи, фрукты, сыры. Непременная принадлежность обеда — виноградное вино, очень популярен кофе.

Более половины итальянцев живут в городах. Итальянские города — древнейшие в европейской части света после финикийских и греческих. Некоторые города в Италии основаны еще в доримское время: греками — Неаполь, этрусками — Болонья, а большинство — в античное время (Рим, Генуя и др.).

Современный итальянский город не только административный и культурный центр, это прежде всего средоточие промышленности самых разнообразных отраслей. Италия — развитая индустриально-аграрная страна (6-е место по объему промышленного производства в капиталистическом мире).

Сельские поселения итальянцев — трех типов. В альпийской зоне на севере, частично в центре и на юге страны распространены крупные села и деревни с линейной или радиальной планировкой. На равнинах — хутора. Своеобразный тип поселения в центральных предгорных районах — вершинный на холмах, напоминающий крепость по месту расположения и внешнему виду.

Для сельских усадеб характерно четыре типа — два предполагают расположение жилых и хозяйственных построек под одной крышей, в двух других постройки представляют отдельные помещения. Первый тип латинский, встречается по всей Италии. Это двухэтажный каменный дом под двускатной черепичной крышей. Внешняя каменная лестница с площадкой наверху ведет на второй этаж, а сам дом разделен по вертикали на две части. В одной половине внизу расположена кухня, наверху — жилые комнаты, во второй — над хлевом находится сеновал. Второй тип — альпийский, распространен в самых северных частях Италии. Двухэтажный дом состоит из каменного первого этажа и срубного второго. Вокруг стен второго этажа тянется открытая галерея с деревянными перилами и резьбой по дереву на столбах, дощатой облицовке галереи, карнизах и наличниках. В доме — вертикальное разделение, как и в латинском доме. Третий тип — корте, замкнутый прямоугольник, образованный каменными жилыми и хозяйственными постройками, в центре — двор с током для обмолота зерна. Четвертый тип — апеннинский, предполагает раздельное

расположение жилых и хозяйственных построек, а вся усадьба огорожена изгородью. Два последних типа усадьбы восходят к древнеримским виллам и небольшими вкраплениями встречаются в романоязычной Европе. Сохранились в Италии архаические куполообразные каменные постройки — трулли. Стены их кладут всухую; внутри — единственное помещение без окон.

Хотя народная одежда в деревне вытесняется общеевропейским костюмом, но кое-где она сохраняется довольно стойко. Мужской народный костюм итальянцев: панталони (короткие, ниже колен, штаны), камича (белая, иногда расшитая туникообразная рубаха с вшивными рукавами), джакка (короткая куртка) или панчотто (безрукавка), шляпа или берретто (мешкообразный головной убор). Женский народный костюм: гонна (длинная широкая юбка, грембиуле (передник), камича, корсетто (короткая кофточка до талии, со шнуровкой), джакетта или джубетто (распашная верхняя одежда — до бедер или более короткая), фаццолетто (головной платок). В альпийских районах ходят в деревянных туфлях с железными шипами, чтобы не скользить по камням, и с кожаными носками или несят чочи (мягкие сандалии из недубленой кожи, привязываемые к ноге поверх чулок или портянок длинными ремнями, — обувь античного происхождения).

Подавляющее большинство верующего населения Италии — католики.

Ретороманцы близки к итальянцам и италошвейцарцам в традиционных занятиях и материальной культуре. У ладинов и романшей распространен альпийский тип усадьбы, у фриулов — корте, а также карнийский вариант альпийского дома, обширные галереи, дугообразные портики, лестница на второй (и на третий) этаж, чаще внутренняя. Есть и два характерных блюда у фриулов: броваде (репа, выдержанная в виноградных выжимках и протертая на терке) и вареники с творогом и изюмом.

Франция — развитая индустриальная страна с высокопродуктивным сельским хозяйством. В сельской местности французы занимаются животноводством, полеводством и виноградарством. Крупный рогатый скот может содержаться почти весь год на открытых пастбищах, разбитых на участки с загонами. В высокогорных районах Альп и Пиренеев сохраняется отгонное животноводство.

Пшеница, овес, ячмень, в меньшей степени рожь, кукуруза и рис — основные полевые культуры французских крестьян. Почти повсеместно во Франции, кроме севера и северо-запада страны, издавна развито виноградарство и на его базе виноделие. Французы занимают первое место в мире по устричному промыслу (в Атлантике).

Французская национальная кухня давно славится разнообразием блюд. В пище много овощей и корнеплодов, популярен сыр. Среди мясных блюд значительное место занимает мясо кроликов, домашней птицы, на юге — голубей. Традиционное национальное блюдо — бифштекс с картофелем в кипящем растительном масле. Суп из лука-порея с картофелем и луковый суп, заправленный сыром, популярны по всей стране. В Провансе традиционен суп буйабез из различных видов рыбы, сдобренный перцем, там же любимое кушанье — улитки с серым хлебом, натертым чесноком. Стол южан разнообразят маслины. Дважды в день к столу обязательно подается сухое вино. По потреблению сухого вина французы занимают первое место в мире.

Две трети французов живет в городах, многие из которых восходят еще к римскому времени.

Сельские поселения французов представлены двумя зонами: зоной сел уличного или рядового плана — в северо-восточной Франции, кучевого плана — в горных районах средиземноморского побережья, и зоной хуторов — на остальной территории Франции. Бытует четыре типа традиционной усадьбы. Французский тип распространен на большей части страны. Это одноэтажная постройка, в которой под одной крышей объединены жилые и хозяйственные помещения, вытянутые в линию параллельно улице. Тип корте преобладает на северо-востоке и вдоль средней Сены, альпийский — в Альпах и Пиренеях, а на юге Франции и на острове Корсика — тип, больше всего напоминающий латинский.

Народный костюм был вытеснен у французов общеевропейским раньше всех в Европе, столетие назад. Мужской костюм состоял из штанов (в XVIII в. — коротких, подвязываемых шерстяными подвязками под коленями, с конца XVIII в. — длинных и узких), рубахи, жилета, шейного платка, фетровой или соломенной шляпы. В последнее столетие распространена блуза навыпуск. Костюм современного рабочего — комбинезон или спецовка, на голове — кепи или берет. В общих чертах французский женский костюм напоминает итальянский.

По религиозной принадлежности большинство верующих в стране — католики. Около 1 млн. французов — протестанты.

Общественную жизнь французов отличает высокая политическая активность, особенно рабочего класса, прошедшего большую школу классовой борьбы. Большую роль в политической и культурной жизни страны играет Французская коммунистическая партия.

Валлоны составляют 40% населения Бельгии и живут в ее юго-восточной половине. Они издавна известны как ремесленный народ. В позднее средневековье валлоны-ремесленники находили спрос в странах Европы, образуя в некоторых (например, в Швеции) земляческие колонии и составляя этническое меньшинство. И сейчас в наиболее развитых отраслях промышленности Бельгии (угольная, металлургическая, машиностроительная, химическая) заняты преимущественно валлоны. Сельское хозяйство привлекало незначительную часть народа, в основном для круглогодичного выкорма на открытых пастбищах крупного, мясо-молочного скота. Близость и густота поселений городского типа породили узкую специализацию фермерских хозяйств (огородно-оранжерейная, птицеводческая, свиноводческая).

Большая часть валлонов живет в небольших городах и рабочих поселках, насчитывающих не более 15 тыс. человек. Подобные поселки, небольшие города, иногда села образуют цепь сливающихся друг с другом и растянутых на десятки километров поселений. Такая цепь поселений тянется вдоль р. Самбра в угольном бассейне Монс — Шарлеруа, и далее вдоль р. Маас, от Намюра до Льежа, т. е. от границы Франции до границы ФРГ, поперек всей Бельгии.

Для сельских поселений валлонов характерны небольшие деревни уличного или кучевого типа, а в Арденнах — крупные села. Традиционные постройки прошлого — каркасные, в Арденнах — каменные, современные — кирпичные. Покатые стропильные крыши валлоны кроют черепицей или шифером. Валлонские дома принято не оштукатуривать, а украшение красных кирпичных домов предусматривается при постройке — прокладкой в стенах слоя из белого известнякового кирпича и облицовкой наличников белым камнем. У валлонов традиционны три типа усадьбы: замкнутый тип, напоминающий корте в Италии; валлонский, подобный апеннинскому в Италии; в Арденнах — альпийский тип.

Народы Пиренейского полуострова издавна славились как искусные виноградари и виноделы. И сейчас почти половина португальцев и галисийцев и около 40% испанцев и каталонцев заняты в сельском хозяйстве, причем Испания стоит на первом месте в мире по производству оливкового масла, на втором по площади виноградников и на третьем — по сбору винограда и производству вина, а португальцы — на первом месте в мире по производству вина на душу населения.

Культура олив, завезенная еще эллинами, привилась на полуострове. Испанцы и каталонцы дают половину всей ее мировой продукции. Аналогична значимость в хозяйственных занятиях испанцев и каталонцев цитрусовых, по которым Испания занимает первое место в мире по экспорту и второе после США по сбору, инжира и миндаля — второе место в мире после Италии.

Невзирая на засушливый климат двух третей полуострова, здесь издавна развито зерновое хозяйство. Выращивают пшеницу и другие культуры. Ирригационная система имеет давние традиции. Бытует нория, введенная еще в века арабского господства, — колесо с бадейками для зачерпывания воды из водоема, приводимое в движение ослом или лошадью. В провинции Валенсия действует и поныне Водяной трибунал — пережиток обычного права. Водяной трибунал разрешает все

споры владельцев оросительных каналов, возникающие из-за пользования водой. Приговоры его обжалованию не подлежат.

Уже в римскую эпоху в Испании и Португалии на орошаемых лугах разводили крупный рогатый скот. Бык почитался народами Пиренейского полуострова священным животным. Разведение крупного рогатого скота и сейчас одно из важнейших занятий португальцев на севере их страны, галисийцев и испанцев. С древнейших времен население полуострова разводило коз, используя их молоко, мясо и шерсть. Мериносовые овцы были завезены арабами, а после Реконкисты овцеводство распространилось во всех областях Испании и Португалии, кроме прибрежных. Кастильские изделия из шерсти известны во всем мире. По поголовью овец и коз Испания уступает в Зарубежной Европе только Англии (по мясным породам) и Греции (по дойным породам).

Рыболовство имеет на полуострове очень древние истоки, особенно у португальцев и галисийцев. В этнографической литературе даже встречается мнение, что португальские рыбаки — потомки финикийских колонистов, а португальские рыбацкие суда с высоко поднятыми изогнутыми носами и традиционной парой громадных глаз на носу судна как бы подтверждают это предположение.

Почти все города Пиренейского полуострова очень древнего происхождения. Многие из них выросли на месте древнеиберийских или кельтских укрепленных поселений, планировка которых поныне просматривается в центрах некоторых городов (испанские Севилья, Сагунто). Испанский Кадис (Гадес) основан финикийцами, испанская Картахена (Новый Карфаген) — карфагенянами, каталонская Барселона — эллинами, при римлянах многие селения стали красивейшими городами (испанская Мерида, каталонская Таррагона и др.). Черты мавританского стиля носят многие южные города полуострова, в том числе Кордова и Гранада.

Негородские поселения полуострова складываются в четыре типа, в соответствии с главной профессией жителей, а иногда с границами этносов. Так, вдоль Атлантического и Средиземноморского побережий тянутся рыбачьи поселки полугородского типа, расположенные на месте селений античных времен. Хуторской тип характерен для галисийцев. Известно, что у португальцев еще в древности северные области отличались от южных: и сейчас на севере преобладают хутора, а у остальных португальцев, как у испанцев и каталонцев, — села уличного типа.

Сельские жилища Пиренейского полуострова представлены семью типами. Некоторые из них имеют аналогию с итальянскими. Территориально эти типы условно соответствуют климатическим зонам и выявляют отчасти влияние культур разных этносов. Во влажной зоне, считая с запада от северной Португалии и Галисии на восток до Наварры, распространены два типа усадьбы: галисийский (у галисийцев, астурийцев и северных португальцев) — аналог апеннинского типа в Италии, а также баскский (см. «Баски»). В центральной полосе, считая с запада от южной Португалии на северо-восток к середине Пиренейских гор, распространен глинобитный вариант типа корте. Четыре типа усадьбы характерны для юга и востока Пиренейского полуострова — от Андалусии до Каталонии. Первый — левантская баррака, тип хаты из камышовой плетенки, обмазанной глиной, с высокой крутой, без трубы двускатной крышей, прикрывающей снаружи стены едва ли не до земли. Второй — андалусский корте, несущий следы традиций римлян и отчасти арабов. Третий — андалусский террасовый, с земляными или глинобитными стенами и плоской крышей, распространен у испанцев Андалусии и Мурсии и каталонцев Валенсии и Каталонии, в местах былого господства арабов. Четвертый — андалусский помещичий кортихо, в общих схематических чертах сходный с итальянским типом корте, отличается фундаментальностью каменных зданий, образующих замкнутый двор, в который ведут ворота через башню, внутри двора располагаются хозяйственные постройки.

Варианты народного костюма испанцев сохранились в повседневном быту лишь в некоторых районах, и в наиболее обобщенном виде женский костюм представлен широкой

сборчатой юбкой с передничком, светлой блузкой, корсажем или короткой шерстяной курткой мантон (пестрая, скрепленная на груди шаль), на голове — платок или сомбреро. Состав мужского костюма: кальсонес (узкие и чуть ниже колен темные штаны), камиса (белая льняная рубаха), чалеко (жилет), короткая шерстяная куртка на пуговицах, фаха (кушак из яркой ткани), монтера (двурогая шапочка «испанка») или сомбреро. Верхняя одежда: капас (темный плащ), плащеобразные накидки, пледы. На ногах носят сапатос (кожаная остроносая обувь) или абаркас (сыромятные сапоги), а в сырую погоду поверх надевают деревянные альмадреньяс.

Каталонцы одеваются как и испанцы, кроме того они носят барретину (шапочка типа фригийского колпака), у галисийцев одежда более приспособлена к сырому климату, они предпочитают плотные ткани (сукно и фланель темных тонов или кожу), а в дождь надевают коросу (длинный соломенный плащ-колпак, распахивающийся спереди). Одежда португальцев в отличие от испанской характеризуется большей яркостью — например, излюбленные цвета передника — красный, желтый, зеленый

Верующие испанцы, каталонцы, галисийцы, португальцы — католики. Многие освященные церковью праздники имеют дохристианское происхождение (кельтское происхождение праздника майского дерева — майос, столь же древнее происхождение карнавала с «боем цветов» в Мурсии, шуточные похороны сардинки в Мадриде и других городах, ярмарки-феерии, валенсийский фальяс со сжиганием чучел великанов). Давние корни на Пиренеях имеет любовь к корриде — бою быков.

Баски. Их самоназвание — эускалдунак, «говорящий по-баскски». Это потомки древнего доиндоевропейского населения, занимающие изолированное по языку положение. Живут в северной части Пиренейского полуострова по обоим склонам у стыка Кантабрийских и Пиренейских гор, бо́льшая часть в Испании, меньшая — во Франции. Численность басков — около 1 млн. человек. Традиционные занятия в горных районах — отгонное овцеводство, на равнине и в предгорьях — мясо-молочное животноводство, а также зерновое хозяйство, садоводство и виноградарство. С XIV в. из-за обезземеливания части крестьянства возросла роль рыболовства, высвободились рабочие руки и для морских торговых судов. Из народных промыслов издавна развита добыча лежащей на поверхности железной руды (сейчас — горнодобывающая и металлургическая промышленность) и кузнечество.

Характерен хуторской тип поселения в сельской местности. Поселок вокруг церкви и административного здания — относительно недавнее явление. Баскский тип жилища — это двух- или трехэтажный дом, прямоугольный в плане, под одной общей с хозяйственными постройками двускатной крышей, стоит в центре усадьбы, в окружении пашни, сада и виноградника. Нижний этаж — из крупного отесанного камня, оштукатурен, верхний — рамной конструкции, иногда весь дом — рамной конструкции.

Баскский народный костюм носят лишь на карнавалах. Однако чисто баскский национальный головной убор — берет не только остался мужским головным убором баска любого возраста, но и распространился среди других народов по обе стороны Атлантики.

Испанские баски получили в 1980 г. областную автономию.

Мальтийцы. Это единственный семитоязычный народ в Европе, населяющий два острова (Мальту и Гоццо). Он сложился из многих последовательно прибывавших на остров разноязыких этносов. Материальные следы первых поселенцев остались от неолита в виде могильников и развалин каменных построек. Наиболее близкий к тунисскому диалекту арабского языка мальтийский все же носит следы сицилийского диалекта итальянского языка, а также английского, ибо с 1900 до 1964 г. остров был британской колонией, с 1964 г. стал суверенным государством. Мальтийцев более 360 тыс. человек, у них самая большая в Европе плотность населения — более 1 тыс. человек на 1 кв. км.

Земледелие осуществляется на крошечных, террасных участках, веками отвоевываемых в каменистых горах под огородные (картофель, лук, чеснок, фасоль, горох, перец) и зерно-

вые (пшеница, ячмень) культуры, а также виноградники и сады. Нехватка пастбищ ограничивает животноводство до домашнего (ослы, мулы, свиньи, овцы, козы). Возделывают землю по старинке — мотыгой. Климат и естественные удобрения позволяют снимать в год по 2—3 урожая некоторых культур. Мальтийцев со средневековья прославили ремесла: выделка шелковых и хлопчатобумажных кружев, соломенное плетение и филигранные работы.

Дома каменные, с непременной галереей перед фасадом. В одежде преобладает черный цвет.

Религия — католицизм играет очень большую роль в жизни мальтийцев.

Демократическое правительство Мальты принимает меры к развитию экономики, в первую очередь портового и судоремонтного хозяйства, ликвидации пережитков в общественной и частной жизни.

Германская группа. 17 народов Зарубежной Европы говорят на языках или диалектах германской языковой группы. Это — немцы (60 млн. в ФРГ, 17 млн. в ГДР и 2 млн. в Западном Берлине), австрийцы (7,2 млн.), германошвейцарцы (4 млн.), люксембуржцы (300 тыс.), эльзасцы (1,4 млн.), лотарингцы (200 тыс.), фламандцы (7 млн. в Бельгии и Франции), голландцы (11,6 млн.), фризы (410 тыс.), датчане (5 млн.), шведы (8 млн.), норвежцы (4 млн.), исландцы (220 тыс.), фарерцы (40 тыс.), англичане (44 млн.), шотландцы (5 млн.) и ольстерцы (1 млн).

Народы германской группы населяют земли Центральной, Западной и Северной Европы, включая и острова Северной Атлантики. В середине I тысячелетия до н. э. германцы занимали земли лишь на севере современных ФРГ и ГДР, а также Скандинавию. Во II—III вв. н. э. германские племена стали прорываться в пределы Римской империи, а в V—VI вв. заселили всю Западную Римскую империю вплоть до Северной Африки. После распада империи Карла Великого (843) на землях между Рейном и Эльбой и Верхним Дунаем, заселенных саксами, баварами, алеманами и другими племенами, стала складываться немецкая народность. На Ютландском полуострове и близлежащих островах сформировались датчане, на Скандинавском полуострове — шведы и норвежцы. На побережье Северного моря образовалась голландская народность, в Нидерландах, на северо-западе ФРГ и на прилегающих к материку островах — фризская, в северной Бельгии — фламандская, близкая по языку к голландцам.

В V—VI вв. германские племена англов, саксов и ютов завоевали значительную часть Британских островов с их кельтским населением, а затем Ирландия подверглась набегам данов и норвежцев, сопровождавшимся их колонизацией в Восточной Англии. В результате этих сложных процессов сформировались новые народы: англичане, шотландцы и много столетий спустя ольстерцы. Романские корни в английском языке возникли от воздействия римлян на язык кельтов и самих норманнов, которые ко времени завоевания Англии в 1066 г. успели почти утратить свой язык и говорили, после длительного пребывания в Нормандии, на древнефранцузском.

Северогерманцы Ютландии, Датских островов и Скандинавского полуострова в «эпоху викингов» (от прим. 800 до 1050 г.) захватили и колонизовали острова Северной Атлантики. При этом выходцы из Норвегии дали начало новым этносам — фарерцам и исландцам, язык которых очень близок древненорвежскому.

Традиционные занятия германских народов — животноводство, в основном разведение крупного рогатого скота, и земледелие. В горной Скандинавии, Швейцарии, Австрии, Шотландии и на юге ФРГ животноводство всегда носило отгонно-стойловый характер (отгон скота на летние пастбища в горы при стойловом содержании его зимой в деревне). В Исландии, на Фарерах традиционно развито овцеводство, в Исландии, кроме того, — пищевое коневодство. Земледелие получило большее развитие у немцев и австрийцев, где зерновые культуры дают высокие урожаи и их возделывание имеет огромное значение в хозяйстве. Благодаря высокой оснащенности земледелия техникой, электроэнергией и применению химикатов, немцы, датчане, отчасти

голландцы получают ныне самые высокие в Европе урожаи пшеницы, ржи, картофеля. Другие германские народы часто занимаются земледелием как подсобным к животноводству хозяйством, выращивая кормовые культуры. Рыболовством из германских народов ранее всех занялись голландцы. Они же еще в раннем средневековье стали применять засолку сельдей. Рыболовство у скандинавов, прежде всего у норвежцев, исландцев и фарерцев, приобрело товарный характер лишь с XIX в.

Более двух третей немцев ныне живет в городах. Традиционный тип поселения германцев, о котором писал еще Тацит (I в. н. э.) и который сохранялся до нового времени на немецких землях, — большие кучевые деревни с беспорядочно расположенными дворами и кривыми улицами. Лишь на востоке ГДР сохранились круговые поселения с центральной площадью, видимо унаследованные от ассимилированного когда-то славянского населения. На западе и юге ФРГ, отчасти у шведов, датчан и фарерцев встречается хуторской тип поселения. Почти исключительно хуторской тип распространен у фризов, фламандцев, голландцев, норвежцев и исландцев.

Традиционная для немцев, фламандцев, фризов, датчан и южных шведов строительная техника жилища — рамная, или каркасная, так называемый фахверк. Срубные постройки распространены в лесных районах на юге ФРГ, востоке ГДР, у норвежцев и шведов, отчасти у австрийцев и германошвейцарцев. Каменные и кирпичные дома строили прежде лишь в городах и кое-где в деревнях на Рейне и в Верхней Баварии. Локальные особенности, сохраняющиеся в материальной культуре немцев, особенно четко выявляются именно в типах жилища. В прошлом они были связаны с областным делением, отсюда и названия традиционных типов домов и усадеб — саксонский, франконский, алеманский и др.

В северной половине ФРГ, в Дании и Голландии преобладает саксонский или фризский дом-двор — большая прямоугольная каркасная постройка с жилыми и хозяйственными помещениями под одной крышей, крутой, чаще четырехскатной, соломенной, позже — черепичной. Вся тяжесть крыши лежит не на

Фризский дом

стенах, а на внутренних столбах. Крытый двор-гумно занимает середину дома, напротив входа находится очаг с подвесным котлом.

В срединной части ФРГ и на юге ГДР распространен каркасный франконский, или южнолимбургский тип. Вне собственно немецких земель он встречается в Швейцарии, Австрии, Бельгии и отчасти в Голландии. Жилой дом и хозяйственные строения порознь охватывают с трех или четырех сторон двор усадьбы. Кроме открытого очага, в жилой комнате устроена печь. Граница между саксонским и франконским типами усадеб совпадает с границей между нижненемецким и средненемецким диалектами.

На юго-западе ФРГ (земля Баден — Вюртемберг) распространен срубный алеманский тип усадьбы. Бревенчатые жилые и хозяйственные помещения составляют непрерывное здание под одной крышей и расположены или П-образно, окаймляя двор усадьбы с трех сторон, или прямоугольником, образуя внутри него замкнутый двор. Последний подвариант схематически подобен итальянскому типу усадьбы корте.

Для Верхней Баварии характерен альпийский тип усадьбы, распространенный также в Западной Австрии, Швейцарии, Северной Италии, Северо-Западной Югославии.

Усадьбы норвежцев, а также шведов лесных районов состоят из срубного двух- или трехэтажного жилого дома и множества хозяйственных построек. Планировка усадьбы зависит от условий местности. На равнине отдельные помещения образуют прямоугольник вокруг мощеного камнем двора. На горном

Альпийские дома в деревне уличного типа. Верхняя Бавария

склоне постройки располагались в «скотном ряду» (ниже по склону) и «чистом» (выше по склону). Наиболее архаические формы жилых и хозяйственных построек в Исландии и на Фарерах. Их строят из камня (туф, базальт), дерна, плавуна или привозного лесоматериала. Щели меж валунов прокладывают дерном. Поверх каменных стен дома обшивают досками. Крыша двускатная, из бересты и досок, на стропильной обрешетке укрытых дерном. Художественная резьба по дереву развита у норвежцев, шведов, немцев, германошвейцарцев, австрийцев (наличники, опорные столбы жилищ и складских помещений, предметы утвари).

Первые сведения об одежде германцев относятся к началу нашей эры. Мужчины носили рубаху с вшивными рукавами или без рукавов, состоявшую из двух полотнищ ткани, сшитых на плечах, длинные штаны, обувью (одинаковой для мужчин и женщин) служила кожаная подошва с перепонками из ремней. Нательная женская рубаха также состояла из двух полотнищ, которые скреплялись фибулами над плечами. Позже к этому одеянию пришивали рукава. Тогда же была известна верхняя одежда — плащ с капюшоном.

У германских народов сложилось множество областных костюмов. Но в отличие от более южных народов, корсаж, кофту, юбку, фартук всегда шили из теплых, тяжелых шерстяных тканей. Жительницы Гессена (ФРГ) и сейчас надевают несколько коротких, со сборками юбок (число их прежде доходило до 20, и этим подчеркивалась зажиточность), из-под которых выступает край белой рубахи, черный корсаж с рукавами до локтя и маленькую красную шапочку. Традиционный костюм женщин Франконии выдержан в красных и коричневых цветах и состоит из юбки, пестрого передника с зигзагообразным узором, кофты со стеганными рукавами, собранными сборками на плечах, лифа с широким вырезом. Женский костюм германошвейцарских католиков кантона Аппенцель в Швейцарии — темная или красная юбка и фартук, черный корсаж с серебряными украшениями, кофта с пышными рукавами до локтя, головной

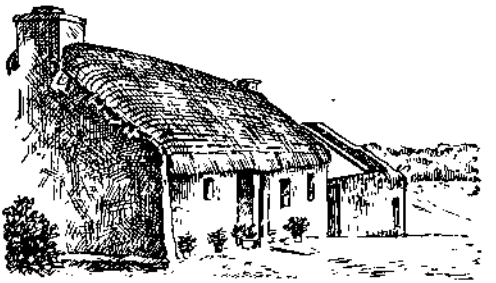
убор из белых и черных кружев в виде двух больших крыльев, кружевная наплечная косынка с изображением горного цветка эдельвейса. В Норвегии сохранилось до 150 видов женской областной одежды, в которую женщины наряжаются на праздник.

В настоящее время народный костюм у всех германоязычных народов вытеснен общеевропейским городского типа и сохраняется лишь для особых случаев (праздники, хоры и т. п.). Тем не менее некоторые детали (выбор цвета, орнамента, украшений и т. д.) сохраняются, особенно в женской деревенской одежде, достаточно стойко.

Такие древнейшие виды ремесла у германских народов, как вязание (в том числе свитеров, варежек, носков, украшенных геометрическим и зооморфным орнаментом), ковроделие, ткачество, изготовление кружев и вышивание, имеют широкое распространение и в наши дни.

Кельтская группа. Четыре народа представляют эту некогда многочисленную языковую группу. На Британских островах живут ирландцы (3 млн. человек в Ирландской республике и 500 тыс. в Ольстере на том же острове Ирландия), валлийцы (700 тыс. в Уэльсе) и гэлы (90 тыс. в Шотландии и на Гебридских островах), а на полуострове Бретань во Франции — бретонцы (1,1 млн. человек). Только ирландцы Ирландской республики имеют свое национальное государство. Борьба за культурную автономию остро стоит у бретонцев и особенно у ирландцев Ольстера, которым противостоят экстремистские организации ольстерцев — потомков смешанных англоирландских и англошотландских семей.

Традиционные занятия этих четырех кельтских народов до конца позднего средневековья, а у ирландцев до середины XIX в. — земледелие и животноводство. Выращивали ячмень, овес, пшеницу. Постепенно главную роль стало играть животноводство, причем у гэлов прежде всего овцеводство, затем разведение крупного рогатого скота. У ирландцев, валлийцев и бретонцев на первом плане — разведение крупного рогатого скота. Земледелие у кельтов нацелено на выращивание фуражных культур (корнеплоды, овес).



Традиционное жилище ирландского крестьянина

Бретонцы в прибрежных, наиболее развитых районах занимаются также выращиванием овощей на экспорт или для консервной промышленности (цветная капуста, горошек, артишоки и др.). Развито также одно из их старейших занятий — рыболовство (лов тунца, сардин, макрели), а после войны резко увеличены сбор водорослей и устричный промысел. У кельтов сохранились старые ремесла — шерстяное и кожевенное. Ирландцы занимаются, как и в былые времена, поделками из соломы, сена и тростника. Гэлы остаются мастерами гончарного ремесла — делают кувшины и чайные сервизы. Бретонцы производят кустарную мебель старинных моделей; бретонки славятся своим искусством вышивальщиц и кружевниц.

Традиционная пища кельтов не отличается разнообразием. У кельтов Британских островов она состоит из крупяных (особенно поридж — жидкая овсяная каша), у гэлов и ирландцев рыбных и молочных блюд, преимущественно супов; популярен хаггиса — суп из бараньей или телячьей требухи, сваренный с овсяной мукой, с перцем и луком. Распространены солонина и сельдь. Национальные спиртные напитки — пиво (эль) и виски. Пища южных бретонцев разнообразнее, они употребляют больше овощей и фруктов.

Один из старейших городов кельтов — Дублин основан англонорманнами в XII в. Преобладают в последние полтора столетия сельские поселения хуторского типа. Археологически подтверждается, что древние кельты дома строили из камня. В средние века, как

Народная одежда из области Даларна. Швеция

свидетельствуют археология и письменные источники, распространились дома с плетневыми стенами, обмазанными глиной. С XVIII в. встречаются дома, как каменные — в горных и прибрежных районах, так и плетневые — в равнинных, болотистых местах.

Каменные дома бретонцев, построенные из гранита, широкие, приземистые, с крутой, низко спускающейся крышей, сходны с каменными домами гэлов, ирландцев и валлийцев. Своеобразие интерьера жилого дома составляли деревянные высокие с раздвижными дверцами кровати-шкафы в форме открытых сверху ящиков.

Традиционные костюмы в ходу на фольклорных праздниках, их множество особенно у бретонцев (66 видов только женского костюма). В костюме пожилых женщин разных районов Бретани наиболее типичен черный цвет одежды (длинная широкая юбка, чулки, вязаная кофта или шерстяная накидка) и обувь, даже деревянных сабо. У молодых бретонок длинная широкая юбка и корсет с пришивными рукавами (и юбка, и корсет густо покрыты вышивками), длинный белый передник и белый кружевной чепец. В мужском костюме узкие короткие штаны носили в Восточной Бретани (как и в остальной романоязычной Западной Европе), а в Западной Бретани — широкие штаны одного из двух типов: или длинные со складками, собранными у пояса, или короткие со складками, закрепленными шнуром как у пояса, так и у колен. Куртка с глухим воротом и двумя рядами пуговиц, безрукавка поверх и шляпа завершали наряд.

Ирландки носили длинную, до лодыжек, очень широкую юбку красного, синего или зеленого цвета, прилегающую в талии, светлую кофту с длинными узкими рукавами, круглым вырезом и густыми сборками вокруг шеи. На кофту надевали темный корсаж. Поверх юбки надевали светлый клетчатый или полосатый передник, на плечи — шаль с цветной каймой по краю и длинной бахромой. Плащи-накидки с капюшонами защищали от непогоды. Еще столетие назад у ирландцев существовал обычай одевать детей обоего пола в короткую красную юбочку на холщовом лифчике, вязаную рубашку и коричневую курточку. Лишь после первого причастия на мальчика надевали штанишки, обычно короткие.

Мужское народное платье ирландцев и гэлов еще в XIV — XV вв. было сходным. льняная рубаха шафранного цвета доходила до колен, а у шеи и по талии собрана в густые складки. Гэлы набрасывали поверх плед, который до наших дней остался характерной чертой шотландского костюма. Костюм гэлов-горцев состоял из клетчатой юбки до колен — кильт, полотняной белой рубахи с отложным воротником, короткой куртки с отворотами и без воротника, вязаных чулок с клетчатой расцветкой и грубых кожаных башмаков с большими металлическими пряжками.

Верующие бретонцы и три четверти ирландцев острова Ирландия исповедуют католицизм. Валлийцы и гэлы, а также часть ирландцев относятся к разным протестантским

церквам или сектам (англикан, пресвитериан, методистов, баптистов).

Финноугорская группа. Три народа Зарубежной Европы представляют уральскую семью языков: саамы, или лопари (50 тыс.), финны, или суоми (5 млн.), и венгры, или мадьяры (13,4 млн.).

Саамы — единственный оленеводческий народ Зарубежной Европы. Часть из них до сих пор ведет полукочевой образ жизни со стадами оленей, вторая занята рыболовством на озерах и реках или прибрежным морским. Оседлые саамы в нерыболовецких поселках разводят крупный мясо-молочный скот, выращивают кормовые травы для него, а также картофель для собственного питания. Развиты ремесла: шитье меховой и суконной одежды, искусно декорированной мехом и цветными кусками сукна, плетение корзин, резьба по кости, вышивание, изготовление ковриков. Большая часть изделий идет для удовлетворения спроса коренного населения, но их покупают также иностранные туристы и музеи.

Народный костюм — разновидность арктической одежды — распространен и поныне, особенно у оленеводов. Мужской: длинная, до колен блуза из грубошерстной ткани с разрезом у ворота, узкие суконные штаны, четырехухий колпак (у шведских) или колпак-ушанка (у норвежских саамов). Женский: глухая длинная рубаха и суконное (или летом — ситцевое) платье, прямое, на маленькой кокетке. Обувь для мужчин и женщин: мягкие меховые сапоги из оленьей шкуры мехом внутрь, с загнутыми носками. Зимняя одежда — малица (меховой мешок с капюшоном и рукавами), ее подпоясывают для сохранения тепла.

Как и у большинства верующей части народов Северной Европы, у лопарей распространено христианство (лютеранство). Саамы не имеют своей государственности, а права культурной автономии осуществляют через Саамские советы, совещательные органы при парламентах Норвегии, Швеции и Финляндии, а также через Общесаамский совет при межпарламентском Северном совете этих государств

Предки финнов появились на территории нынешней Финляндии очевидно двумя волнами в эпоху неолита — в III — II тысячелетиях до н. э. с востока и с юга-востока, оттеснив на север протолопарское население. Продолжительное и сильное воздействие шведской культуры обусловило существование устойчивой этнографической границы между западом и востоком — от города Котка через центр страны на Рахе и Оулу.

Половина финнов живет в городах. Для сельской местности характерны поселения селами на юго-западе, хуторами — на востоке. Срубные усадьбы состоят из многих строений — жилых и хозяйственных, и принципиально не отличаются по планировке от норвежских или шведских.

Для традиционного женского костюма характерна туникообразная рубаха, юбка, цветной лиф, передник и чепец с кружевной отделкой, на юго-востоке — полотенчатый головной убор, для мужского — штаны до колен, кафтан, орнаментированные шерстяные чулки, постолы, или лапти.

Несмотря на суровые, приполярные и полярные условия, сельское хозяйство (животноводство и земледелие, до позднего средневековья — подсечное) — исконное занятие финнов. Но зерновые (овес, рожь, ячмень) никогда не обеспечивали потребностей населения, поэтому главным было разведение крупного мясо-молочного скота. Для него же выращиваются на двух третях пашни кормовые культуры. Рыболовство, как озерно-речное, так и морское прибрежное, всегда было важным подспорьем. Издавна развитые лесные промыслы теперь превратились в мощную отрасль хозяйства.

Верующие финны по-преимуществу лютеране.

Предки венгров жили в южном Приуралье. Теснимые гуннами и аварами, они в середине I тысячелетия н. э. оказались в Причерноморье, а к концу IX в. дошли до современной Венгрии. По языку они родственны живущим ныне на нижней Оби в СССР народам ханты и манси.

Хотя венгры прибыли в среднее Подунавье скотоводами, здесь на плодородных землях они стали также и земледельцами,

возможно научившись этой отрасли хозяйства у славян. Во всяком случае земледельческая терминология у венгров — славянская.

Главные культуры — зерновые, особенно пшеница. Хорошо развито виноградарство и виноделие, речное рыболовство и многоплановое животноводство (разведение крупного рогатого скота, овец, свиней, лошадей). Очень развито традиционное кустарное производство: скорняжное, суконное, войлочное, гончарное, ткаческое, саложное.

Пища венгров разнообразна: мучная (лапша, клецки), овощная (изделия из капусты, бобовых, лука, чеснока, помидоров и др.), мясо (особенно свинина) с острыми приправами, фрукты. Пьют виноградное вино.

Более половины венгров — сельские жители. В сельской местности преобладают либо хутора — к западу от Дуная, на восток — громадные деревни правильной планировки, в пуште (степях). Строительный материал жилищ и хозяйственных построек — глина и тростник. Усадьбы огорожены забором, плетнем или естественной зеленой изгородью и бывают двух типов: в одном хозяйственные помещения пристраиваются частично или все под одну крышу с жильем; в другом — все помещения выстроены отдельно. Жилой дом — одноэтажный, внутри — трехраздельный (кухня, комната, кладовая).

Мужской костюм: узкие суконные брюки (на востоке) или очень широкие холщовые (на западе), короткая холщовая рубаха, обычно с широкими рукавами, короткий жилет, отделанный тесьмой и шнуровкой, высокие черные сапоги, соломенная или войлочная шляпа. Женский костюм: очень широкая юбка в сборку или плиссированная, надеваемая поверх нижних юбок, пруслик (яркая безрукавка, прилегающая в талии и украшенная шнуровкой, металлическими петлями и вышивкой), фартук, чепец или платок, высокие сапоги из цветной кожи или папучи (туфли из бархата и кожи, украшенные яркой вышивкой, без задника). Девушки повязывают голову широкой пестрой лентой с бантом.

Две трети верующих венгров — католики, около трети — протестанты (реформаты).

Западные и южные славяне

Общие сведения. Одной из самых больших и широко расселившихся групп народов Зарубежной Европы являются славяне, которых в этнографической и исторической литературе принято подразделять на западных и южных. Славянские народы Европы ныне населяют ряд социалистических государств и частично территории соседних стран Центральной и Южной Европы.

Согласно переписи 1978 г., в ПНР проживает 34 400 тыс. поляков, в ЧССР — 15 140 тыс. чехов и словаков (10 248 тыс. чехов и 4890 тыс. словаков), в НРБ — более 7800 тыс. болгар, в СФРЮ — 21 968 тыс. славянских народов (из них сербов — 9000 тыс., хорватов — 4800 тыс., словенцев — 1800 тыс., македонцев — 1300 тыс., боснийцев — 1800 тыс., черногорцев — 560 тыс.). Кроме того, западно- и южнославянское население проживает в СССР, ГДР, ВНР, СРР, Албании, Италии, Греции, европейской части Турции, Австрии и других странах мира, в частности в Америке.

Третье место среди индоевропейских языков Зарубежной Европы (после германских и романских) принадлежит славянским, делящимся на западно- и южнославянскую языковые ветви. Сегодня на них говорят в Европе около 80 млн. человек. Западнославянские языки распространены в Центральной Европе, и на них говорит население Польши (поляки, кашубы и родственные им словенцы и кабатки севера Польши), Чехословакии (чехи и словаки), а также лужицкие сербы в ГДР. Языки южнославянской ветви распространены на Балканах — в Болгарии и Югославии, и на них говорят болгары, сербы, хорваты, словенцы, македонцы, боснийцы, черногорцы, а также славянское население соседних стран.

В антропологическом отношении западные и южные славяне относятся к европеоидному расовому типу, или к большой европеоидной расе, состоящей из ряда связанных между собой множеством переходных форм малых рас, в состав которых входят и различные группы зарубежных славян. Так, поляки вместе с чехами, словаками и лужицкими сербами ГДР в целом относятся к центрально-

европейской группе европеоидов, однако чехи и словаки обнаруживают в своем облике много общих черт с типичными представителями так называемого «альпийского антропологического типа» (австрийцами, баварцами, населением Швейцарии и др.).

Южные славяне в целом относятся к средиземноморской ветви большой европеоидной расы, к так называемому «динарскому антропологическому типу», однако включают в свой состав и ряд переходных форм, например словенцев СФРЮ, у которых преобладает альпийский тип. Это разнообразие антропологических типов зарубежных славян исследователи объясняют их расселением на огромных пространствах от Балтики до Средиземноморья и включением в свой состав с последующей ассимиляцией остатков многих древних народов Европы: германцев и балтов в Польше, кельтов и германцев в Чехии и Словакии, фракийцев, греков и романоязычных «влахов» в Болгарии, греков, кельтов и иллирийцев в Югославии, а также более поздних групп евразийских кочевников, вторгавшихся в Европу, — сарматов, язигов, аланов, гуннов, аваров, болгар, печенегов, половцев и др.

Этническая история западных и южных славян в I — II тысячелетиях н. э. На сегодняшнем уровне развития исторической науки и анализа разнообразных источников (археологических, письменных, лингвистических) ранние следы славян можно проследить лишь с первых веков нашей эры, т. е. фактически с начала эпохи «великого переселения народов», когда славяне становятся известными античным и раннесредневековым авторам.

Современная археология непосредственно со славянами связывает носителей культуры лепной неорнаментированной керамики «пражского типа» и близких к ней вариантов, распространившихся в V — VII вв. на территориях Чехословакии, Южной и Средней Польши, Восточной Австрии и Германии, Румынии и Балкан. Начальный этап развития этой культуры был весьма единообразен в тех этнических показателях (керамика, жилища, обряд погребения и др.), по которым сегодня археологи определяют «славянские древности» Центральной, Восточной и Южной Европы. Именно эта культура, принесенная древними славянами со своей прародины, обогащенная во время переселения и в районах их нового обитания, лежит в основе традиционно-бытовой культуры позднейших славянских народов Европы.

Начало переселения славян со своей прародины, локализуемой ныне исследователями в бассейне Верхней и Средней Вислы, а также в южной части бассейна р. Припяти, относится к середине V в., когда были разгромлены гунны, стоявшие на пути продвижения славян к границам бывшей Римской империи и Византии. Так, на западе славяне в VI—VII вв. расселились за Одру (Одер) и Лабу (Эльбу), вплоть до Датских островов и Люнебургской пустоши в ФРГ, где они заняли земли после ухода германцев на юг. Через Моравские ворота славяне двинулись на юг и юго-запад, в сторону Альп и Адриатики, на юго-востоке появились на Нижнем Дунае и вышли к берегам Черного моря, причем в колонизации Балкан приняли большое участие и восточнославянские племена антского союза. К 580 г. славяне, заселив весь Балканский полуостров, проникли на юг Пелопоннеса и высадились на о. Крите.

С расселением славянских племен и оседанием их на новых землях в V — VII вв. связан и активно протекавший в их среде процесс образования первых раннегосударственных организмов. Под влиянием ряда внутренних и внешних факторов — развитие производительных сил, имущественное расслоение общества, выделение и обособление родо-племенной верхушки, зарождение княжеской власти и т. п. — у западных и южных славян на территориях Чехии, Моравии, Польши и Болгарии начинают складываться свои первые государства: Само (623), Первое Болгарское царство (681), Великая Моравия (начало IX в.), Древнепольское государство Пястов (середина X в.), Чешское государство Пржемысловичей (X в.). Аналогичные процессы происходили в VIII—X вв. и на землях Югославии, особенно в Старой Сербии, что привело здесь к возникновению сербского государства Неманичей (1168), просущество-

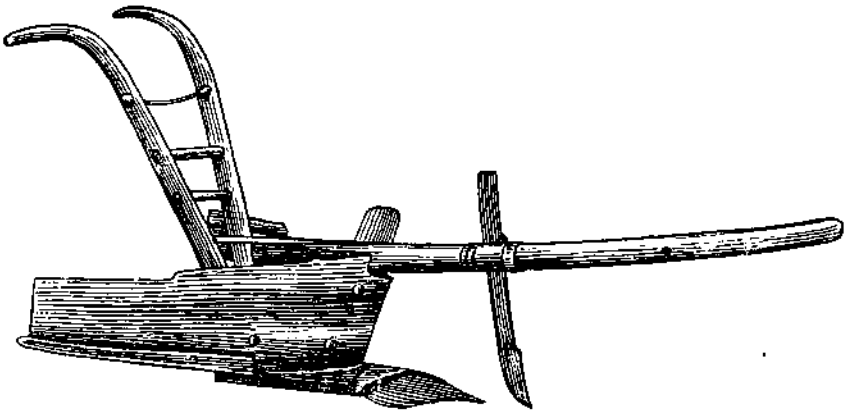
вавшего до завоевания Балкан турками-османами. В этих государствах на месте старых племенных центров возникают города, развиваются ремесла и культура, зарождается славянская письменность, складываются средневековые народности западных и южных славян.

В последующие века позднего средневековья и нового времени мы видим славянские народы Зарубежной Европы входящими в состав различных государств, что наложило глубокий отпечаток на все дальнейшее их этническое развитие. Раздробленные, раздираемые междоусобной борьбой государства и отдельные области Балкан — Болгария, Сербия, Босния, части Хорватии и Черногории (за исключением некоторых горных районов) во второй половине XIV в. становятся добычей турок-османов и включаются в состав огромной Оттоманской империи с ее жестоким и тираничным военно-феодальным режимом, надолго задержавшим развитие балканских народов.

К середине XVI в. чешские, словацкие, а также словенские и значительная часть хорватских земель попадают под власть монархии Габсбургов; начинается активное онемечивание населения славянских областей. После ряда разделов во второй половине XVIII в. и наполеоновских войн части Польши оказались в составе России, Пруссии и Австрии. Однако, вопреки тяжким условиям иноземного господства, политике насильственной ассимиляции славян (а на Балканах — и насильственной исламизации), западные и южные славяне смогли сохранить свои национальные языки и культуру.

Борьба порабощенных народов Европы, в том числе западных и южных славян, за свободу и независимость способствовала во второй половине XIX в. подъему их национального самосознания, консолидировала угнетенные народы, что в конце концов привело к возрождению национальных славянских государств в Центральной и Южной Европе, к складыванию в их границах буржуазных наций нового времени. После ряда кровопролитных русско-турецких войн XVIII — XIX вв. на Балканах при самой активной помощи и поддержке братского русского народа обрели свою свободу сербы, черногорцы и болгары, со временем добились автономии и независимости другие южнославянские народы.

Только после первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции в Центральной Европе возродились национальные государства западных славян — Польша и Чехословакия. Воссоединились в 1918 г. в одно государство с Сербией Черногория, Хорватия, бóльшая часть Словении и другие югославянские земли (с 1929 г. — королевство Югославия). После второй мировой войны и разгрома гитлеровской Германии и ее союзников Советской Армией к Польше отошли ее старые силезские, великопольские и поморские земли (до границ по Одеру и Нейсе), Югославия получила часть словенских земель, до этого находившихся под властью фашистской Италии. В национальном развитии народов многих европейских стран наступил новый этап. В Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии и других странах к власти пришли подлинно народные правительства — в них установился народно-демократический строй и начались процессы социалистического национального строительства. Впервые за всю историю в странах народной демократии получили независимость и равноправие все славянские народы и национальные меньшинства. В ЧССР равноправными стали чешский и словацкий народы, ныне проживающие в двух братских социалистических республиках. Рядом законов были обеспечены права лужицкого населения ГДР на национальное культурное развитие, причем лужицкий язык, наряду с немецким, был объявлен официальным языком в государственных органах лужицко-немецких областей ГДР. На правах народных федеративных республик вошли в 1945 г. в состав новой Югославии (с 1963 г.— СФРЮ) Сербия, Хорватия, Словения, Македония, Черногория, Босния и Герцеговина. Сегодня народы социалистических стран Европы, в том числе и братские славянские народы, с дружеской помощью Советского Союза успешно строят зрелое социалистическое общество, добиваются больших успехов в дальнейшем развитии промышленности и сельского

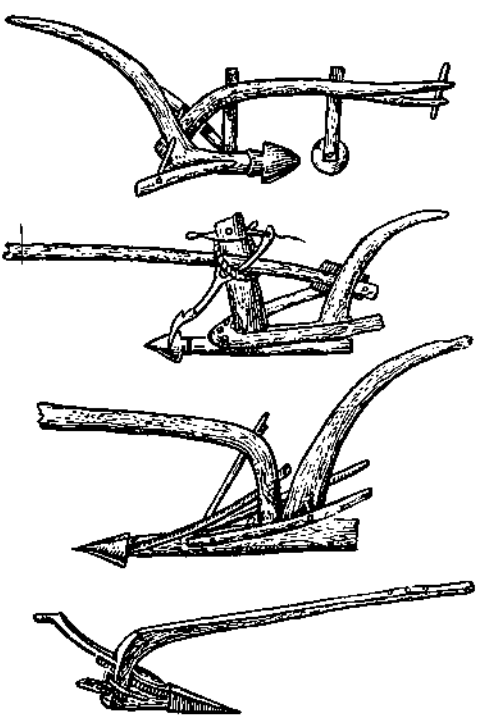


Плуг пражского типа

хозяйства, развивают науку и культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Хозяйство и материальная культура. С момента своего появления на исторической арене славяне, как и многие другие индоевропейские народы Европы, были оседлым земледельческо-скотоводческим народом, в хозяйстве которого земледелие и скотоводство дополнялись рядом других не менее важных занятий — охотой, рыболовством и лесными промыслами. Земледельческо-скотоводческое направление хозяйства, лежащее в основе традиционно-бытовой культуры славянских народов Европы, сохранялось у них и в последующее время.

Славяне издавна занимались пашенным земледелием, возделывая многие злаковые и технические культуры, — пшеницу, рожь, овес, просо, лен, коноплю и др. У славян было развито и огородничество, из огородных растений им были известны репа, редька, огурец, свекла, морковь, лук, бобы, чечевица. Уже в древности славяне окультивировали яблоки, груши, сливы, вишню, малину и другие садовые растения. Полевые, огородные и садовые культуры, судя по их общеславянским названиям, славяне продолжали возделывать и после своего расселения по Европе. В новых районах к ним добавился и ряд местных сельскохозяйственных культур, заимствованных у коренного населения (например, на Балканах—виноград, некоторые виды плодовых и масличных, перец и т. п.). В позднем



Типы пахотных орудий. Болгария

Крестьянские дома (Польша):

1 — срубный дом (Жешовский повят); 2 — дом с причулковой крышей (Мазовия); 3 — дом с рыгловой конструкцией стен (Вармия); 4 — дом с начулковой крышей; 5 — современный дом из кирпича; 6 — Оравский дом с вышкой

средневековье и в новое время были освоены и другие полевые, огородные и технические культуры — картофель, кукуруза, рис, табак, хлопок. В Болгарии кроме того с XV—XVI вв. развилось розоводство с целью получения ценного парфюмерного сырья — розового масла.

Не менее давним занятием славян было отгонное скотоводство, дававшее продукты животного происхождения (мясо, молоко, шерсть, кожи и др.). Разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, свиней, домашнюю птицу — кур, гусей, уток. В древности были одомашнены пчелы, и пчеловодство получило большое развитие как у западных, так и у южных славян (особенно в лесных районах Польши, в Карпатах и на Балканах). Продукты животного происхождения давала и

охота на мясного и пушного зверя, боровую и водоплавающую дичь, широко распространенная в славянских странах Европы в древности, средневековье и новое время (например, в лесах Польши, на Карпатах, в горах Балканского полуострова и др.). Исконной отраслью промыслового хозяйства славян следует считать и рыболовство.

С ростом городов и ремесленных центров (особенно в Центральной Европе — Чехословакия, Польша) в средние века на основе традиционных ремесел — обработка металлов, ткачество, гончарство, стеклоделие и др. — начинает формироваться мелкая кустарная промышленность, которая затем, с началом капиталистической эпохи, становится основой крупного фабрично-заводского производства. Новый культурно-хозяйственный тип в промышленно-урбанизированных районах Центральной Европы ранее всего сложился в Чехословакии — западные районы Чехии, ставшие одними из самых развитых в промышленном отношении областей Европы уже в XIV — XVI вв. Довольно рано выделились в Польше промышленные районы Варшавы, Лодзи и Силезии, где, как и в Чехии, стал формироваться рабочий класс. В силу определенных исторических условий (длительное османское иго) медленнее шло развитие промышленности в славянских странах Балканского полуострова, за исключением отдельных районов Сербии, Хорватии и Словении. В настоящее время в странах социализма неравномерность экономического развития повсеместно преодолевается, и в ранее отсталых аграрных районах быстрыми темпами развивается тяжелая и легкая промышленность, эти районы по уровню своего развития догоняют передовые регионы.

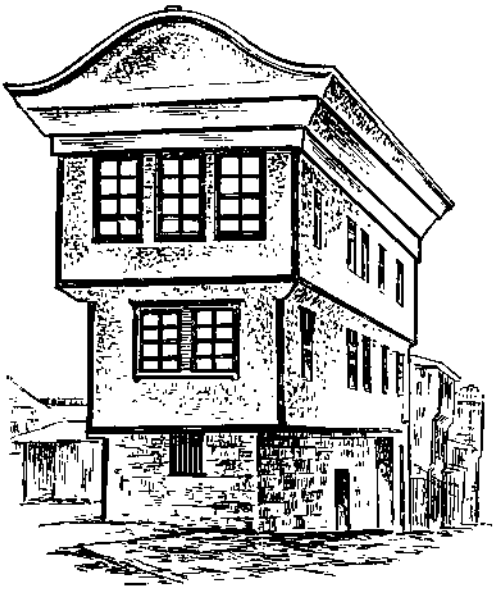
Наиболее ранней формой поселения у западных и южных славян в прошлом являлись небольшие селища, разнообразные по своему типу. Как правило, они в древности располагались «кучами» и «гнездами», представляя собой древние родовые поселки. Со временем селища укрупнялись и сливались, образуя многодворные поселения соседских общин. Сегодня многодворные поселения, как правило, преобладают в большинстве зарубежных славянских стран и их можно классифицировать по нескольким основным типам: разбросанные (во многих районах Болгарии, альпийской Словении, Македонии, Черногории), кучевые (Польша, Чехословакия, Болгария, Сербия, Хорватия), круговые (Западная Польша, Чехословакия, Лужица в ГДР, фракийские районы Болгарии), уличные —

1

2

3

Крестьянские дома (Сербия):
1 — сельская улица (Воеводина); 2 — старинный крестьянский дом (Студеница); 3 — срубное жилище — бревнара (Златибор)



Типичный дом старого Охрида

вдоль дорог или рек (Восточная Польша, Словакия, Хорватия, Воеводина в СФРЮ), «веретенообразные» — сочетание кругового и уличного планов (Западная Польша и Лужица в ГДР).

Что же касается типов традиционных жилищ в центральноевропейских и южных славянских странах Балкан, то здесь наблюдается большое их разнообразие, связанное с воздействием ряда социально-экономических и природных факторов, а также с определенными дославянскими строительными традициями коренного населения (кельтов, фракийцев, иллирийцев и др.). В целом же жилища зарубежных славян Европы по своим конструктивным особенностям и планировке можно сгруппировать в несколько основных типов — восточный среднеевропейский, южноевропейский, западный среднеевропейский и альпийский, — имеющих много подтипов и вариантов. Первый тип — однокамерные, срубные и столбовые жилища — в основном встречался у славян Центральной Европы — поляков, чехов и лужичан; он наиболее близок к восточноевропейским типам (из него со временем развилось многокамерное жилище). К первому же типу относится и одна из его широко распространенных по всем зарубежным славянским странам разновидностей — срубный или каркасный подсеневый дом, наиболее известный в западных и северо-западных районах Польши (свое название он получил от пристроенного с торцевой стороны дома навеса — подсеней, опирающегося на несущие столбы).

Южноевропейский тип славянского жилища бытует у южных славян, и в нем различают шесть основных подтипов, из них у южных славян наиболее распространен паннонский, или моравский подтип (вначале это было однокамерное жилище, со временем превратившееся в двух-трехкамерное со старым «ядром» в основе). К южному типу относятся и земляные многокамерные жилища (землянки и полуземлянки) северных болгар, живших по соседству с румынами, у которых этот тип восходит к древнему жилищу гето-даков. Наконец, к южному типу относятся и свайные постройки Хорватии, восходящие в своей основе к древнему иллирийскому населению края (неолит).

Западный среднеевропейский тип дома во многом близок к южноевропейскому и встречается в Лужице, на западе Польши и в Чехии (однокамерная постройка со стойлом для скота, из которой впоследствии развилось многокамерное жилище); в древности он был широко распространен у кельтского населения Центральной Европы. И наконец, в горных районах Словении встречается альпийский тип жилища — огромная двух-трехэтажная постройка с жилыми и хозяйственными помещениями под одной крышей. Разнообразен и строительный материал, используемый при возведении жилищ, — дерево, камень, земля, турлук (плетень) и глина.

Не менее разнообразны и типы традиционной одежды у западных и южных славян, в которой уже с начала средневековья четко прослеживалась сословная и имущественная дифференциация. Основу женского и мужского костюма в прошлом составляла рубаха из домоткаиого льняного или конопляного полотна, причем наиболее архаичной следует

считать одежду туникообразного покроя (Польша, Западная Чехия, Болгария и Югославия). Широко распространен у славян и тип рубахи с поликами (наплечными вставками), кроме того, встречались и другие варианты покроя — из двух полотнищ со сборками у ворота (Прикарпатье), а также женские рубахи без рукавов и на одной или же двух лямках (Моравия, Словакия, Западное Прикарпатье) и другие типы. Наиболее архаичной частью женской поясной одежды был передник (фартук), встречавшийся в прошлом повсеместно у западных и южных славян, либо два фартука (спереди и сзади), как, например, в северных районах Болгарии. Со второй половины XIX в. широкое распространение в Центральной и Южной Европе получила юбка европейского городского покроя.

Разнообразием форм и фасонов отличалась и верхняя одежда западных и южных славян (полушубки, кафтаны, безрукавки, накидки и т. п.), древнейшей ее разновидностью можно считать несшитую плащевидную одежду, сохранившуюся до наших дней в национальном костюме у карпатских и балканских горцев, поляков и лужичан. Многообразием локальных форм отличались и головные уборы мужчин и женщин (круглые славянские шапки, отороченные мехом, платки, чепцы, головные полотенца, суконные шапочки с повязанным сверху платком, фески и т. п.). Разнообразны были и типы традиционной обуви — бродни, кожаные башмаки, мягкие туфли, шерстяные ноговицы, обувь на деревянной подошве и др.

В позднем средневековье и особенно в новое время в одежде западных и южных славян происходят дальнейшие изменения, что было вызвано различными историческими и социально-экономическими процессами. В настоящее время национальная одежда славян сохраняется лишь в немногих районах Центральной и Южной Европы, чаще всего она используется во время народных праздненств, фестивалей искусств, а также во время выступлений фольклорных коллективов. Сейчас во всех славянских странах зарубежной Европы в быту повсеместно распространен европейский городской костюм.

Сербский народный костюм

Традиционный костюм силезских горцев

Общественный и семейный быт, духовная культура. К середине XIX — началу XX в. у различных славянских народов Зарубежной Европы в той или иной мере сохранились пережитки крестьянской сельской общины, особенно на Балканах — у болгар, сербов и черногорцев, а также в отдельных районах Польши, Чехии и Словакии. В других промышленно развитых областях у западных и южных славян община в сельских районах сохранила лишь административную функцию в структуре общественных отношений.

В Польше XII—XVI вв. крестьянская община, пока ее земли не были захвачены шляхтой, именовалась ополе (возделываемые поля с прилегающей округой — лугами, пустошами, лесными массивами, водными источниками, дорогами и др.). К началу XIX в. она сохранялась лишь в Мазовии и Малой Польше в пережиточных формах, как остатки бывшего общинного землевладения — «навсь», «нався» — распространявшегося на общесельские земли с постройками (костел, корчма), водные источники, дороги, выгоны, кладбища и т. п.

Аналогичная единица — «обце», «обчина» — бытовала в конце XIX в. и в некоторых районах Чехии и Словакии, являя собой своего рода административный вариант прежней крестьянской общины (в Словакии и Прикарпатье община более длительное время сохраняла свои традиционные функции в области поземельных отношений). Особенно живучи были пережитки общинных отношений у южных славян на Балканах — болгар («околина» в значении, близком к «ополю»), сербов («општина»), черногорцев. Ранее всего на Балканах община стала распадаться у словенцев и хорватов, однако следы ее сохранялись у них еще в середине XIX в. (различные формы общинного владения угодьями, которые в последующее время активно захватывались частными лицами).

Представляя собой низшую территориально-административную единицу в организации общества, крестьянская сельская община в средние века основывалась на совместном владении определенной земельной территорией, причем коллективные начала полностью распространялись (чуть ли не до XX в.) на общинные пастбища, пустоши, леса, водные источники и другие угодья. В то же время пашенные и приусадебные участки являлись собственностью отдельных — больших и малых — семей. В большинстве случаев этими землями семьи могли свободно распоряжаться, что зависело обычно от развитости поземельных отношений, силы или слабости общины в тех или иных районах. В других случаях община контролировала и ограничивала право свободной продажи или передачи земель в чужие руки как внутри общины, так и за ее пределы. Но и в тех районах, где не сохранилось право контроля со стороны общины, она продолжала функционировать как самоуправляющаяся административная единица во главе со своими выборными органами власти (в Польше, Чехии, Лужице и др.).

Помимо поземельных отношений, контролируемых общиной, все ее члены были связаны между собой рядом сложившихся традиций и норм обычного права, а также сетью различных личностно-родственных и других отношений. Это проявлялось, например, не только в традициях соседской взаимопомощи (толока, спрягачество и т. п.), различных видах бытового труда (женские посиделки и др.), но и в совместном проведении досуга, сельских праздников, семейной обрядности (свадьбы, похороны и др.). В таком виде, например, община продолжала функционировать даже в развитых районах Чехии, Польши и Лужицы, где коллективное право на землю давно уже практически не существовало. Несмотря на свои древние коллективистские начала, в общине сохранялось имущественное и правовое неравенство ее членов (последнее в завуалированной форме), поскольку руководство общиной — совет наиболее уважаемых стариков, выборный старшина и другие должностные лица — всегда находилось в руках зажиточной верхушки.

Большой архаичностью в конце XIX — начале XX в. отличались семейные отношения у южных славян, где издавна сохранялись старые общинные традиции, большие патриархальные семьи (задруга) и иные патриар-

хально-родовые пережитки (Болгария, Сербия и Черногория), что было связано с особенностями исторического развития и натуральным характером хозяйства. «Задруга» у южных славян Балканского полуострова (у западных славян ей в прошлом соответствовала «недельна роди́на») представляла большой патриархальный коллектив родственников, численностью от 30 до 50 и даже до 100 человек, состоявший из главы — «домачина», «стопана», «главатара», «управника» и т. п., его взрослых сыновей с семьями, а зачастую и женатых братьев «главатара» и других родственников. Большие семьи сохранялись в некоторых сельскохозяйственных районах и у западных славян (например, в Словакии — «недельни братья», «велке газдовство», «фамилия» со своим «господаром» «газдой», «дедко», или «отчиком»).

Другим не менее распространенным типом семьи у западных и южных славян издавна была малая, индивидуальная семья, состоящая из мужа, жены и их детей, сосуществовавшая параллельно с большой задружной семьей. Активное же выделение малой семьи из состава большой было связано с интенсивным распадом большесемейных коллективов в период капиталистического развития многих славянских стран в середине XIX в. В настоящее время повсеместно в городах и урбанизированных поселках Центральной и Южной Европы распространена типично европейская малая (городская) семья, отличающаяся от аналогичных семей сельских районов рядом особенностей.

По своему вероисповеданию западные и южные славяне в целом относятся к христианам — православным, католикам, протестантам и униатам. Православие, например, распространено в основном среди болгар, сербов, черногорцев, македонцев; католицизм — преимущественно среди словенцев и хорватов на Балканах, незначительной части болгар и сербов, а также среди населения Польши и Чехословакии; протестантизм — в Чехословакии и Лужицкой области ГДР (часть лужичан является католиками), а также среди словенцев и хорватов в Югославии; униатство — среди части населения Польши и Чехословакии (в Прикарпатских районах). В период османского владычества на Балканах отдельные группы болгарского и югославянского населения вынуждены были по тем или иным причинам принять ислам («помаки» Болгарии, боснийцы, часть македонцев — «торбешей», часть черногорцев — «потуреченцев»).

Однако и у западных и у южных славян христианство различных направлений уживалось с целым комплексом древних языческих верований самих славян и других народов, вошедших в их состав (русалии, кукери, нестинарство и др.). Особенно сильна была вера в вампиров, вилов, вурдалаков-оборотней, домовых, леших, водяных и других духов природы, связанных как со славянским, так и с дославянским населением. Довольно стойко сохранялись у западных и у южных славян в повседневной бытовой практике многие старинные языческие обряды, приуроченные к всевозможным христианским праздникам, связанным с сельскохозяйственным календарем, а также многочисленные народные верования и магические обряды семейных циклов — при справлении свадеб, рождений детей, похорон, поминовении усопших и др.

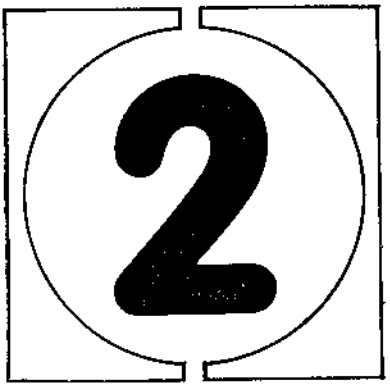
Так, у западных славян — в Польше, Словакии, Лужице — особой любовью пользуется один из самых больших праздников, «дожинки» или «обжинки» (у лужицких сербов в ГДР — день «убиения петуха»). Этот древний славянский земледельческий праздник урожая приходится на август — сентябрь, сопровождался в прошлом различными магическими действиями и обрядами, цель которых — сохранить этот и обеспечить урожай следующего года. В наши дни он бытует в виде трудового праздника урожая (в Польше, например, «всепольские дожинки»), на который съезжаются передовики сельскохозяйственного производства, чтобы подвести итоги своего труда за год. К другим традиционным торжествам этого цикла у западных славян в прошлом относился весенний праздник стада на троицу (в Польше — «духов день»), молодежный праздник «майского дерева» — высокий ствол березы с обрубленными сучьями и оставленными на вершине ветвями, украшенными яркими лентами, парни «сажали» у домов

своих избранниц, а также ряд традиционных календарных праздников зимнего цикла.

Архаичностью и наследием различных этнических пластов отличаются праздники у южных славян на Балканах: здесь и восходящий еще к античным временам «оброк» с его магией плодородия земли и принесением ей жертвы, здесь и древние «волчьи дни»—первые две-три недели ноября, посвященные волкам, когда их нельзя «тревожить», и «мышиные дни» и многое другое (у болгар). Кроме того, популярны были в Болгарии и соседних районах Югославии восходящий также к античному времени день Трифона Зарезана, отмечавшийся 14 февраля (подрезание виноградных лоз и поливание их вином «для доброго урожая»), древние дославянские танцы «кукеров» или «сурвакаров», связанные с магией плодородия, отвращения зла и болезней от людей и домашних животных, которые исполнялись в ночь под Новый год и на масленичной неделе.

Наконец, у болгар, сербов и у ряда других югославянских народов справлялся и специальный девичий праздник «лазарок» или «лазарица» (Лазарова суббота у сербов) в день св. Лазаря — за неделю до пасхи, Тодоров день или «конская пасха» с соревнованиями в беге лошадей в марте месяце, Георгиев день (6 мая) — первый весенний выгон скота на луга (сейчас День животноводства в Болгарии), Енев день (Иван Купала) у болгар и др. Особой известностью у сербов и других югославянских народов Балкан в прошлом пользовался семейный «праздник славы» с его сельским коллективным вариантом — «заветиной», в котором ярко проступают пережитки семейно-родового культа, связанного с весенними обрядами вызывания плодородия, а также ряд зимних и летних календарных праздников земледельцев и скотоводов с их символической защитой посевов от стихийных бедствий и скота от болезней, например в дни св. Ивана (24 июня), св. Ильи (20 июля) и др.

В настоящее время во всех странах социализма активно ведется атеистическая пропаганда, борьба с вредными обычаями и пережитками прошлого. За последние годы здесь значительно возросло число атеистов (особенно в городах), что находит свое отражение и в официальных документах, например в переписях населения. В повседневный быт народов стран социализма помимо прежних традиционных национальных праздников — День создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия в Болгарии, День гибели чешского национального героя Яна Гуса в Чехословакии и др. — в послевоенные годы вошли новые социалистические праздники. Это — юбилей Великой Октябрьской социалистической революции, Первое мая, День Победы 9 мая, дни народных восстаний, годовщины освобождения от фашистского ига и провозглашения народных республик, празднование дней конституции и ряд других национальных праздников.



Народы СССР

Советский Союз — крупнейшая в мире страна, территория которой составляет свыше 22,4 млн. км², или около $^1/_6$ всей земной суши. По численности населения (более 262,4 млн. человек)[1] СССР занимает третье место в мире.

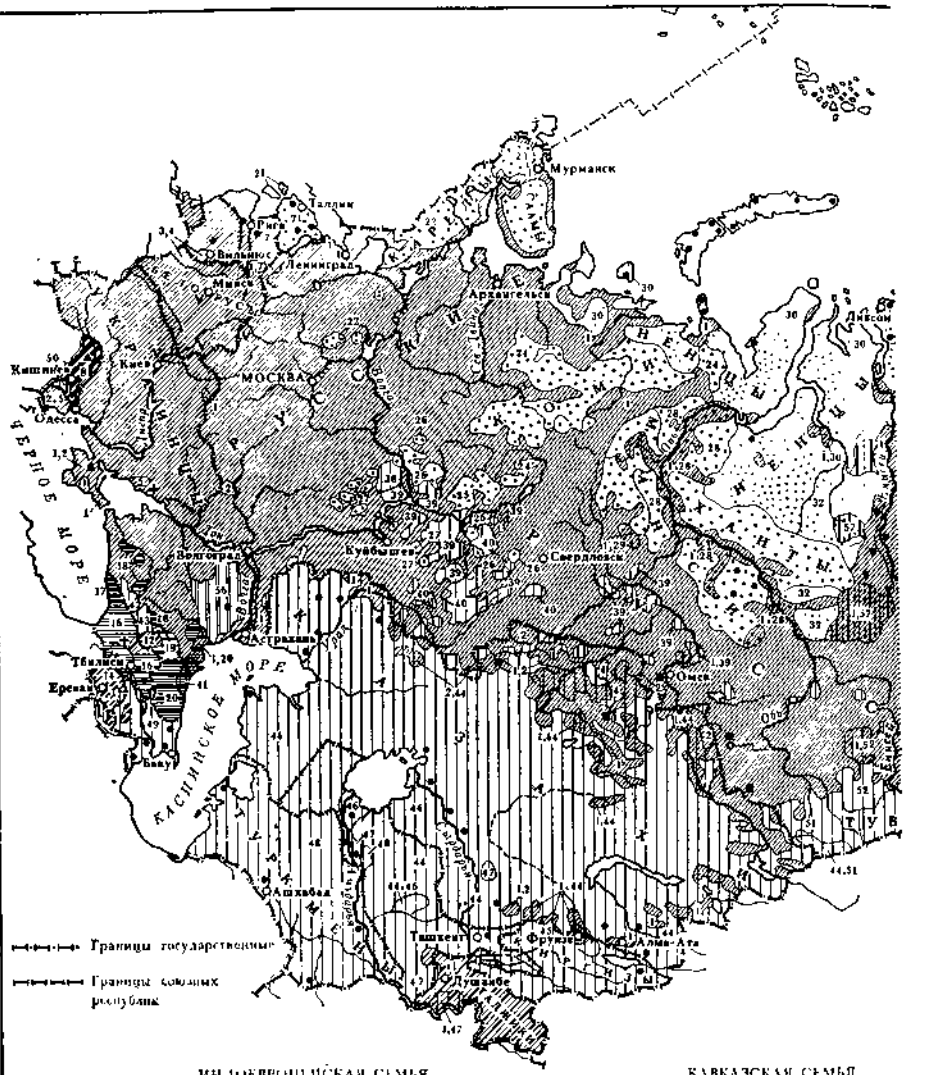
Огромная территория СССР необычайно разнообразна по своим физико-географическим условиям. Все возможные типы ландшафтов есть в нашей стране: от суровых тундр Арктики до влажных субтропиков Закавказья, от болотистого Полесья Белоруссии до знойных песков Каракумов Туркмении.

По антропологическим признакам население Советского Союза принадлежит к двум расам. Подавляющее большинство населения Европейской части СССР, значительной части Сибири и Дальнего Востока относится к европеоидной (евразийской) большой расе (к северным, южным, переходным и среднеевропейским группам). К монголоидной (азиатско-американской) большой расе (азиатской ветви северных, восточных и арктических групп) принадлежит население части Сибири и Дальнего Востока. Однако резкой грани между расами нет: существуют различные промежуточные (смешанные и переходные) формы — это население Средней Азии, Казахстана, отдельных районов Европейской части СССР и Западной Сибири, относящееся к среднеазиатским, южносибирским, уральским, лапоноидному и другим антропологическим типам.

Довольно сложен и национальный состав Советского Союза. Здесь живут свыше 100 народов. Крупнейшие и крупные из них (а таких 22 народа) насчитывают миллионы и десятки миллионов человек: русских — 137,4 млн., украинцев — 42,3 млн., узбеков — 12,4 млн., белорусов — 9,4 млн., казахов — 6,5 млн., татар — 6,3 млн., азербайджанцев — 5,5 млн.; а самые малочисленные насчитывают всего по нескольку тысяч человек (например, агулы, коряки, манси, долганы, нивхи, селькупы, ульчи, саамы, удэгейцы, эскимосы, ительмены, орочи, кеты) и даже по нескольку сот человек (нганасаны, юкагиры, алеуты и др.).

По языковой принадлежности большинство населения Советского Союза (свыше 80%) входит в индоевропейскую семью: это прежде всего славянская (восточнославянские народы — русские, украинцы, белорусы), летто-литовская (литовцы, латыши), романская (молдаване), иранская (таджики, осетины), германская (немцы) группы; а также армяне, греки, евреи, цыгане. К алтайской языковой семье принадлежит свыше 15% населения, из

[1] Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1980, с. 3.



ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

Славянская группа
1–Русские, 2–Украинцы
3–Белорусы, 4–Поляки,
5–Болгары

Летто-литовская группа
6–Литовцы, 7–Латыши

Романская группа
8–Молдаване

Германская группа
9–Немцы

Греческая группа
10–Греки

Иранская группа
11–Таджики и припамирские таджики, 12–Осетины

Индоарийская группа
13–Цыгане

Армянская группа
14–Армяне

15–Евреи

КАВКАЗСКАЯ СЕМЬЯ

Картвельская группа
16–Грузины

Адыго-абхазская группа
17–Абхазы, 18–Кабардинцы, черкесы и адыгейцы

Нахская группа
19–Чеченцы и ингуши

Дагестанская группа
20–Аварцы, лезгины, лакцы, даргинцы и другие народы Дагестана

Народы СССР

УРАЛЬСКАЯ СЕМЬЯ

Финно-угорская группа
21–Ижорцы, 22–Карелы, 23–Саамы (лопари), 24–Коми и коми-пермяки, 25–Удмурты, 26–Марийцы, 27–Мордва, 28–Ханты, 29–Манси

Самодийская группа
30–Ненцы, 31–Нганасаны, 32–Селькупы

ПАЛЕОАЗИАТСКИЕ НАРОДЫ
33–Чукчи, 34–Коряки, 35–Ительмены, 36–Юкагиры, 37–Нивхи

АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ

Тюркская группа
38–Чуваши, 39–Татары, 40–Башкиры, 41–Кумыки, 42–Карачаевцы, 43–Балкарцы, 44–Казахи, 45–Киргизы, 46–Каракалпаки, 47–Узбеки, 48–Туркмены, 49–Азербайджанцы, 50–Гагаузы, 51–Алтайцы, 52–Хакасы, 53–Тувинцы, 54–Якуты и долганы

Монгольская группа
55–Буряты, 56–Калмыки

Тунгусо-маньчжурская группа
57–Эвенки, 58–Эвены, 59–Нанайцы, 60–Удэгейцы, 61–Орочи

ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКАЯ СЕМЬЯ

62–Эскимосы 63–Алеуты

ГОРОДА
Киев

350 0 350 700 км

них подавляющее большинство относится к тюркской группе (узбеки, казахи, татары, азербайджанцы, туркмены, киргизы, чуваши, башкиры, якуты, каракалпаки и др.), остальные представлены монгольской (буряты и калмыки) и тунгусо-маньчжурской (эвенки, эвены, нанайцы, удэгейцы, орочи) группами. К кавказской языковой семье относится около 2,5% населения страны (грузины, чеченцы, аварцы, лезгины, даргинцы, кабардинцы, лаки, ингуши, адыги, абхазы, черкесы, абазины и др.). На языках уральской семьи разговаривает примерно 1,7% населения (эстонцы, мордва, марийцы, коми, карелы, удмурты, саами, ханты, манси, ненцы, финны, венгры). Народы, принадлежащие к другим языковым семьям (палеоазиатской, эскимосо-алеутской, семито-хамитской, китайско-тибетской), в СССР немногочисленны.

К ландшафтам приспособлены исторически сложившиеся формы хозяйственной деятельности человека. Среди населения СССР можно встретить всевозможные типы хозяйства: в отдельных областях господствуют или еще недавно господствовали арктическая морская охота, кочевое тундровое оленеводство, речное и морское рыболовство, таежный охотничий промысел, кочевое скотоводство в степях, пашенное земледелие в умеренной лесной, лесостепной и степной зонах, горная и обрабатывающая промышленность в индустриальных центрах. И каждый тип хозяйства связан с определенным культурно-бытовым укладом; эти уклады тоже весьма неодинаковы в разных частях нашей страны.

Многонациональный состав населения СССР, многоукладность в прошлом его хозяйства и быта нисколько не мешают тому, что народы нашей страны сплочены в одно нерасторжимое единство. Исторические связи между народами нашей страны складывались веками. Археологи прослеживают еще с эпохи неолита сложные и разнообразные связи между отдельными районами территории СССР, от Прибалтики и Приднепровья до Прибайкалья и Охотского моря. В более поздние эпохи экономические и культурные связи дополнялись по временам политическим объединением. Со времени образования Русского многонационального государства (XVII — XVIII вв.) хозяйственные и культурные связи все более расширялись и укреплялись. Особенно большое и положительное значение имело влияние культуры русского народа, расселившегося на север, восток и юг до крайних пределов государства. Феодально-крепостнический гнет царского самодержавия, капиталистическая эксплуатация, национальное неравноправие, умышленно поддерживавшаяся межнациональная рознь — все это сдерживало развитие национальных культур народов России. Однако приобщение к русской культуре имело для многих в прошлом отсталых народов, особенно на севере и востоке, большие положительные последствия.

Октябрьская революция уничтожила все помехи социального и культурного прогресса. Народы СССР сплотились в дружную семью, и общение между ними ныне взаимно обогащает культурную сокровищницу каждого из них.

Победа социалистического строя в СССР (как позже и в ряде других стран) создала новые условия жизни народов, а перед этнографами поставила новые задачи. Этнографические исследования в нашей стране направлены на разрешение ряда проблем, раньше никогда не возникавших: это социалистическая перестройка быта, борьба с вредными пережитками прошлого, изучение ценных национальных культурно-бытовых традиций, изучение процессов национальной консолидации и межэтнической интеграции.

Многонациональность состава населения СССР отразилась и в его административно-территориальном делении.

Этнографический обзор народов СССР ведется по большим историко-этнографическим областям. Такими большими областями СССР являются: 1) Европейская часть СССР (в ней выделяются подобласти—Центральная, населенная восточными славянами, Прибалтика, Север, Среднее Поволжье, Юго-Запад), 2) Кавказ и Закавказье, 3) Средняя Азия и Казахстан, 4) Сибирь и Дальний Восток. По этим областям и располагается в дальнейшем этнографический материал.

Глава 6

Восточнославянские народы

Русские, украинцы и белорусы — народы, очень близкие между собой по языку, культуре, общности исторического развития. Среди народов СССР они составляют по численности три четверти всего населения.

По официальным данным переписи населения 1979 г. в СССР проживает 137 397 тыс. русских, 42 347 тыс. украинцев, 9463 тыс. белорусов. Подавляющее большинство русских, украинцев и белорусов живет в пределах своих исторически сложившихся этнических территорий в Восточной Европе. Но и в других национальных республиках и областях русские, украинцы и белорусы расселены широко и нередко составляют значительную часть населения. Так, в автономных республиках Поволжья и Северного Кавказа восточнославянское население составляет около половины, в республиках Прибалтики — до $^1/_3$ населения, в Молдавии — больше четверти. Несколько меньше доля восточнославянского населения в Среднеазиатских республиках ($^1/_6$) и в республиках Закавказья ($^1/_{10}$). В Казахской ССР русские, украинцы и белорусы составляют более половины населения. Среди населения Сибири русских, украинцев и белорусов безусловное большинство (90%).

Такая картина расселения восточнославянских народов складывалась в течение длительного периода — на протяжении II тысячелетия н. э., причем это расселение шло одновременно со сложными процессами этнического формирования как самих восточнославянских народов, так и соседних с ними народов. Особенно заметна интенсивность расселения восточнославянского населения с XVI в. и до настоящего времени. Это приводило и приводит к большому влиянию культуры восточнославянских народов на жизнь и прогресс всех народов Советского Союза. Вместе с тем и культура самих восточнославянских народов обогащалась и развивалась в тесном взаимодействии с культурой других народов СССР.

За пределами СССР проживает несколько более 2 млн. русских, украинцев и белорусов. Из полумиллиона всех восточных славян Европы около половины живет в Польше, Чехословакии, Румынии. В остальных странах Европы это сравнительно небольшие группы (наиболее крупные в Югославии, Англии, Франции). Значительное количество русских и украинцев осело в Америке (США, Канада) — 970 тыс. русских, 1250 тыс. украинцев, 40 тыс. белорусов. Иногда группы русского и украинского населения сосредоточены компактно в сельских районах, сохраняя в какой-то степени язык, некоторые черты быта и культуры. Бóльшая часть иммигрантов восточнославянского происхождения переселилась в Америку еще до революции, в начале XX в. Значительный поток переселенцев шел из украинских земель буржуазной Польши.

Восточнославянские языки — русский, украинский и белорусский входят в славянскую группу индоевропейской семьи языков. Среди других языковых групп этой семьи к славянским близки летто-литовские языки (литовский и латышский). Исследователи отмечают большую близость всех славянских языков между собой. Из трех ветвей славянской группы наиболее сходны восточнославянские и южнославянские языки (болгарский, сербохорватский, македонский). Несколько меньше лингвистической общности у восточных славян с западными (чехами, словаками, поляками). Языковая близость славян при широком географическом расселении — явление трудно объяснимое. Особенно большое сходство в лексике и грамматике между русским, украинским и белорусским языками: практически возможно понимание бытовой речи без специальной подготовки. Были даже попытки считать эти три языка одним, разделенным на 4 наречия (А. А. Шахматов в качестве четвертого наречия выделял южнорусские диалекты). Как известно, язык не только лингвистическое явление, но и социальное. Каждый из восточнославянских языков обслуживает потребности в общении самостоятельных

наций русских, украинцев и белорусов. На этих языках существуют и развиваются обширная литература (художественная, общественно-политическая, научная) и национальное искусство. При естественном распространении русского языка как средства межнационального общения всего советского народа национальные языки продолжают играть решающую роль во внутринациональном общении Украинской и Белорусской советских республик.

Языковая близость восточнославянских народов привела к тому, что, с одной стороны, даже в конце XIX в. было трудно провести четкую языковую границу между русскими и белорусами, между белорусами и украинцами. Пограничные диалекты сочетали в себе особенности соседних языков. С другой стороны, в областях со смешанным населением (Донбасс, Криворожье, причерноморские земли Украины, Кубань) возникли в повседневном, бытовом языке нормы сочетания особенностей русского и украинского языков (в лексике, фонетике). Близость языков порождает и органическое двуязычие, когда использование в разговоре двух родственных языков нисколько не мешает взаимопониманию. Это же относится и к чтению литературы.

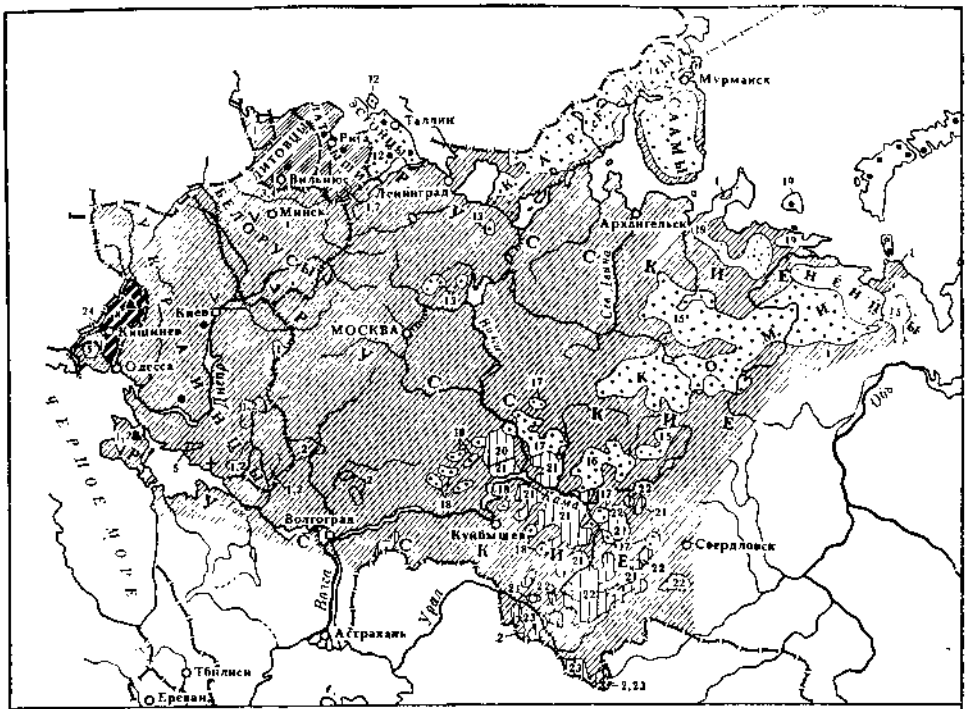
Современное развитие культуры и образования, массовых средств информации (радио, телевидение) постепенно сводит на нет бытование ряда диалектов, местных говоров. Сохраняющиеся различия сводятся в основном к фонетике. Так, в русском языке северные и южные говоры различались в произношении буквы «г». В литературном русском и севернорусских говорах «г» произносится твердо, в южнорусских, как и в украинском, мягко, с придыханием. Севернорусское население «окает», ясно произнося «о» в безударных слогах. В южнорусских диалектах, как и в литературном русском, «акают». Есть и другие различия, но они не выходят за нормы единого языка.

Украинский язык делится на три группы диалектов: северную, юго-восточную и юго-западную. Литературный язык складывался преимущественно на базе юго-восточных украинских диалектов. В белорусском языке различия между северо-восточными и юго-западными диалектами невелики.

Антропологически население, входящее в восточнославянские нации, относится к большой европеоидной расе. Однако сложные и длительные процессы смешения различных по происхождению групп населения на равнинах Восточной Европы, постепенные преобразование и распространение их антропологических особенностей — все это создало сложную картину распространения антропологических типов. В северных районах расселения русских, как и среди соседнего финноязычного населения, преобладает беломоро-балтийский антропологический тип. Кроме европеоидных признаков (четкая профилировка лица, сильное развитие третичного волосяного покрова, волнистые волосы) для него характерно сильное развитие скул. Пигментация варьируется от очень светлых блондинов до умеренных типов — серые глаза, русые волосы. Здесь же, на Севере, заметна и примесь лапоноидных черт. Антропологи считают их наследием древнейшего населения Северной Европы.

В обширной области центральных районов Восточной Европы, среди русского, белорусского и украинского населения распространены типы среднеевропейской малой расы. У них гораздо выше степень пигментации, чем у северной группы. Определенные антропологами особенности отдельных типов этой малой расы позволяют пока говорить лишь об очень большой смешанности населения этой зоны. В восточных районах нарастает степень проявления черт монголоидности. Это — наследие древней зоны контакта европеоидов и монголоидов эпохи мезолита. Влияние более поздних монголоидных групп прослеживается очень слабо.

Среди степного населения южных районов Украины и Приазовья антропологами отмечено преобладание атланто-черноморских типов южной малой расы европеоидов. Эти типы распространены и среди соседних народов — от Северо-Западного Кавказа до Балкан и Дуная. В степных районах заметно проявляются и черты монголоидности, связанные с проникновением в южнорусские степи ко-



Народы европейской части СССР

чезников (печенеги, половцы и др.). Среди восточнославянского населения Сибири, Средней Азии, Кавказа заметно появление антропологических черт, типичных для групп неславянского населения этих регионов.

Этническая история. Происхождение восточнославянских народов давно интересовало ученых. Еще в прошлом веке было твердо установлено, что славяне как по языку, так и по происхождению прочно связаны с Европой. В начале XX в. известный чешский ученый Л. Нидерле на базе обширнейших письменных, лингвистических, антропологических, этнографических и имевшихся к тому времени археологических источников попытался воссоздать общую картину формирования и расселения славянских народов, наметив обширный ареал их формирования — от Карпат до низовьев Вислы и от Эльбы до Днепра. В общих чертах эта концепция разделяется и сейчас многими исследователями, хотя появление новых материалов, особенно археологических, позволило во многом уточнить и детализировать историю формирования народов Центральной и Восточной Европы. Систематические археологические исследования на базе современной научной методики выявили сложную картину взаимодействия различных групп древнего населения на протяжении большого хронологического периода. Безусловно, основная масса современного населения Восточной Европы — потомки местных племен, живших здесь в течение многих столетий до нашей эры. Но те же археологические данные позволили правильно оценить и роль миграций, переселений и смешений пришельцев с местным населением. Подобные процессы происходили неоднократно. За ними скрывается и сложная картина этноязыковых процессов, вытеснение одних языков, распространение других, процессы языковой ассимиляции. Данные языкознания (работы Ф. П. Филина и др.) позволяют наметить древнейший ареал становления славянских языков — бассейн р. Припяти и Среднее Поднепровье. Но это лишь древнейший ареал. Пока затруднительно соотнести какую-либо археологическую культуру или ряд культур с древнеславянским населением. На эту тему постоянно идут дискуссии. Даже появление первых упоминаний славян в письменных источниках не уточняет мест их обитания. С достаточной уверенностью можно утверждать, что к середине I тысячелетия н. э. славяноязычные племена были расселены на обширных пространствах в бассейнах рек Лабы (Эльбы), Вислы, в Среднем Поднепровье. В это же время начинается продвижение отдельных групп славянских племен на юг, через Карпаты, и на северо-восток в Верхнее Поднепровье и Верхнее Поволжье. При этом славяноязычные группы вступали с местным населением в сложные взаимоотношения, что вело к языковой ассимиляции местного населения и распространению славянских языков.

Первую достаточно подробную карту расселения племен Восточной Европы дает нам «Повесть временных лет». Картина, нарисованная летописцем, отражает уже результат сложных этнических и политических процессов, происшедших в Восточной Европе к VIII—IX вв. «Племена» словен, кривичей, вятичей и другие представляли собой обширные союзы племен, в которых кроме славянских компонентов входили и неславянские группы. К VIII—IX вв. объединение зашло уже настолько далеко, что бо́льшая часть населения таких племенных союзов была действительно по языку славянской, как об этом и рассказывает летопись. В летописи специально отмечается, какие из названных «племен» были славянскими, а какие — неславянскими (меря, мурома, мещера и др.).

Дальнейшие этнические процессы в Восточной Европе происходили уже в рамках Древнерусского государства. Становление феодальных отношений оказало большое влияние на характер и интенсивность этнических преобразований. Образование державы Рюриковичей с центром в Киеве, организация феодальной централизованной системы политической власти вызвали к жизни принятие христианства как общей идеологической надстройки, появление письменности, распространение древнерусского языка как общего официального языка нового государства, унификацию судебно-правовых норм. Активная завоевательная политика киевских князей

включила в состав новой державы многие соседние народы: мерю, мурому и мещеру на северо-востоке в Волго-Окском междуречье, весь — на Севере, водь, ижору и другие группы финноязычного населения («чудь» русских летописей) — на северо-западе. Длительные взаимоотношения с кочевниками степей (половцами и др.) приводили к оседанию части этих племен на юго-западных границах Киевской земли. Оказавшись в составе Киевского государства под воздействием его феодальной государственной системы, эти народы постепенно ассимилировались, смешивались с переселенцами из других областей Древнерусского государства. Вливаясь в состав славяноязычного населения Древней Руси они оказывали и свое влияние на местные особенности в языке, культуре, обычаях.

Распад Киевского государства на отдельные феодальные земли привел к тому, что прежние деления по племенным союзам отошли в прошлое. Население новых крупных государственных образований, таких, как Киевское, Черниговское, Галицко-Волынское, Полоцкое, Владимиро-Суздальское и других княжеств, состояло из потомков разных племенных групп, и не только славяноязычных. Уже в XII в. со страниц летописей исчезают последние упоминания прежних «племен». В то же время политические, экономические связи внутри княжеств постепенно объединяют их население вокруг феодальных центров — городов. Население такого города и окружающих его земель сознавало теперь себя определенной общностью (киевляне, новгородцы, смоленцы, владимирцы и т. д.). Территориальные связи заняли господствующее место. Внутри таких земельных объединений интенсивнее шло смешение отдельных групп населения, распространение общего языка (диалектов), общего самосознания. Но не следует и преувеличивать роль этих процессов, так как замкнутость, обособленность отдельных округ при феодальном способе производства ограничивали степень складывания общности населения.

Нормальное развитие древнерусских княжеств было прервано татаро-монгольским нашествием. Трудно представить себе масштабы разгрома и разорения, которые обрушились на Русь. Опустели целые области, города лежали в развалинах, складывавшиеся веками хозяйственные и культурные связи были нарушены. Ослабленные борьбой с татаро-монголами западные и юго-западные русские княжества были захвачены усилившимся к этому времени литовским государством, а часть их — Польшей и Венгрией. Дальнейшее этническое развитие восточнославянских народов сосредоточилось теперь внутри трех областей.

Поступательное развитие производительных сил восточнославянского населения было замедлено войнами и гнетом поработителей, но не остановлено. В силу ряда причин центры хозяйственного, торгового, политического и культурного развития сместились на северо-восток, в лесистые области. К XV в. заметно выдвигается на первое место Московское княжество, возглавившее политическую и военную борьбу против Золотой орды. Политическая роль Москвы как объединительного центра всех русских земель опиралась на растущие и крепнущие экономические связи русских княжеств. Развитие городского ремесла, рост посадов и торговли, развитие сельскохозяйственного производства в лесных районах — все это усиливало тенденцию к централизации, объединению всех русских княжеств в единое целое. Московским государям удалось без особого сопротивления объединить основные русские земли под своей властью в XV в., создать сильное государство и освободиться от остатков зависимости от Золотой орды.

Новое государство обеспечивало благоприятные условия для дальнейшего экономического развития объединенных земель. Быстро росло население городских и монастырских посадов, а вместе с этим и их торговые связи. Совершенствовалась административная система, организация войска. Все это потребовало единообразия норм государственной жизни (в налоговой системе, законах, религии и др.). Резко возросло значение письменности, единого языка. Естественно, что нормативом, образцом такого языка стал язык московского населения, сочетавший в себе при-

знаки южнорусских и севернорусских диалектов. Москва с ее многотысячным населением стала формировать общерусские нормы и в других областях культуры. Не следует, конечно, преувеличивать значение этой культуры в жизни всего населения — крестьянские массы, а они составляли 97% населения, продолжали жить интересами узкой округи, сохраняя свои обычаи, местные диалекты, местные типы костюма, местные верования. Но господствующий слой населения, быстро увеличивавшееся служилое дворянство, духовенство, именитое купечество подражали теперь московским образцам жизни.

С XVI в. начинается расширение земель Московского государства. После победы над Казанским ханством русские крестьяне продвигаются на восток и юго-восток, в Поволжье. Это продвижение вместе с русской административной системой в ряде мест приводило к обрусению местных групп населения, особенно в Мордовии. Медленно, но неуклонно шло возвращение в состав русских земель лесостепных и степных областей на юге. Продвижение все дальше на юг «засечных черт», т. е. полосы укреплений против крымских татар, приводило к оседанию на новых землях мелких служилых дворян, которых позднее стали называть «однодворцами». Эта своеобразная группа до XIX в. сохраняла обособленность в культуре и говоре от местного южнорусского крестьянского населения. За «однодворцами» стали переселяться и крестьяне, добровольно или по воле помещиков (иногда целыми волостями). Они вместе с остатками коренного домонгольского населения этих областей образовали основную массу южнорусского населения. Переселенцы и до XX в. сохраняли некоторые особенности в культуре, принесенные с собой с прежних мест.

Много неясного остается еще в истории формирования казачества. По ранним документам оно выступает как особая группа военно-служилого населения, сохранявшая почти полную самостоятельность. От московских государей они нерегулярно получали жалованье боеприпасами, тканями, деньгами за службу в интересах Москвы. Сношения с ними шли через Посольский приказ, как с иностранными государствами. По происхождению казачество было очень пестрым, вбирая в себя удальцов из русских земель, из Причерноморья, из тюркского населения степей. К XVI в. наметились уже центры притяжения и оседлости казачьих групп — на Волге, на Дону, у днепровских порогов, немного позднее — на Тереке и Урале (Яике). Большинство казачества было из русских и украинских земель, исповедовало православие и сознавало свою общность с остальным восточнославянским населением, но в ведении своих дел стремилось к независимости, решая все дела в казачьих «кругах».

Казачьи области были притягательными центрами для всех недовольных властью феодалов и постоянно пополнялись беглыми крестьянами. Но в среде казачества были неизбежны имущественное неравенство и социальное расслоение. Часть пришлого населения и здесь оказывалась на положении зависимых, полукрепостных «хлопов» в хуторах-поместьях казачьей старшины. Казачье самоуправление и вольности правительство терпело, пока была нужда в военной силе казаков как заслоне против набегов крымских татар. В XVIII в. положение меняется. Часть казачества удалось закрепостить, часть (старшина) влилась в дворянство. Основную же массу пришлось определить как особое сословие, сохранившее личную свободу и некоторые права в самоуправлении. Казаки превратились в обычных землепашцев. Но за это несколько привилегированное положение они были обязаны нести военную службу, «платить налог кровью». Запорожские казаки были выселены с Днепра в низовья Дона и на Кубань, где они вместе с украинскими переселенцами-крестьянами и частью донских казаков и русских солдат составили кубанское казачество. Столь же смешанно формировались казачьи области в Сибири, Средней Азии, где в число казаков включали («записывали») и местное население — бурят, казахов, эвенков.

Старообрядцы, или староверы, не представляют собой единой группы ни в этнографическом, ни в социальном плане. Раскол русской церкви в XVII в. в крестьянской сре-

де был воспринят как форма антифеодального протеста. Несмотря на сильное давление властей, в ряде мест сохранялись группы крестьян, не признававших официальную церковь. Часть старообрядцев бежала от властей подальше, в заволжские леса, на Урал, на Алтай, в Сибирь. В Сибирь же их и ссылали целыми селами («семейские» в Забайкалье). От окружающего их населения старообрядцы отличались лишь большей патриархальностью быта да особенностями культа. В то же время у них была почти всеобщая грамотность, в том числе и среди женщин. Много было среди старообрядцев ремесленников, предприимчивых дельцов, купцов.

Еще одна известная группа русского населения — поморы — обитали на побережье Белого моря. Выделялись они тем, что основой их хозяйства были морской промысел тюленей и рыболовство, а земледелие и скотоводство отошли на второй план. Раннее развитие товарных отношений (рыбу и шкуры зверя они продавали) привело к сильной имущественной дифференциации в поморских селах. По происхождению бóльшая часть поморов связана с Новгородом, откуда еще с XII в. расселялись группы ушкуйников. Но в состав поморов вливались и местные архангельские крестьяне, и много пришлого люда, искавшего заработка у богатых владельцев лодок и снастей.

Население южных и юго-западных русских княжеств после татарского нашествия оказалось в несколько ином положении. Установление политической власти литовских и польских феодалов не способствовало процессам интеграции населения в Польско-Литовском королевстве. Подавляющее большинство господствующего класса во вновь присоединенных землях было резко отчуждено от крестьянских масс как по языку, так и по религии. Стремление к увеличению эксплуатации покоренных земель со стороны польско-литовских магнатов и шляхты еще больше увеличивало это отчуждение. Классовые противоречия сливались с противоречиями национальными, религиозными и приобретали черты национально-освободительных движений. Во главе этой борьбы оказались немногие потомки прежних феодальных слоев русских княжеств, сохранивших православие, и казачество. Последнее постоянно впитывало в себя наиболее активных борцов с панской неволей из крестьянской среды и стало фактически руководителем всей национально-освободительной борьбы украинского народа. В этой борьбе естественным союзником украинцев оказалось возвысившееся и крепнущее Московское государство, с которым украинское население связывали не только общее историческое прошлое, языковая близость, но и общая религия, общность в культуре, письменности. К тому же власть польско-литовского государства простиралась на восток не далее Поднепровья. К востоку от Днепра лежали земли, хотя и слабо заселенные из-за постоянных татарских набегов, но манившие украинских крестьян возможностью избавиться там от панского гнета. В «слободскую Украину», находившуюся под покровительством Москвы, шел поток переселенцев как из русских областей, так и из украинских. После воссоединения в 1654 г. Украины с Россией это переселение на восток усилилось.

Большая часть украинских земель, наиболее населенных и развитых экономически, оставалась под властью иноземцев (Польши, Турции). Польское государство и католическая церковь усилили национальный гнет к концу XVII в., запретив употребление украинской письменности, резко ограничив права православной церкви. Национально-освободительная борьба украинцев все более принимала антифеодальный характер. Разделы Польши воссоединили бóльшую часть украинцев в составе Российской империи, но часть украинцев (Галиция, Буковина, Закарпатье) смогли окончательно объединиться с Украиной только после 1945 г. Несмотря на национальное угнетение, преследование любых проявлений национальной культуры, украинское население и в Польше, и во владениях Австро-Венгрии сохранило свой язык, национальную самобытность, сознание общности с другими восточнославянскими народами.

Разные исторические судьбы отдельных групп украинского народа повлияли на формирование некоторых особенностей их куль-

туры. Заметны известные различия в лексике, элементах культуры между Левобережной и Правобережной Украиной. На Правобережье больше сказалось влияние культуры польских городов, еще больше это заметно в Галиции. Но различия эти невелики и несущественны и связаны с проникновением уже городских влияний.

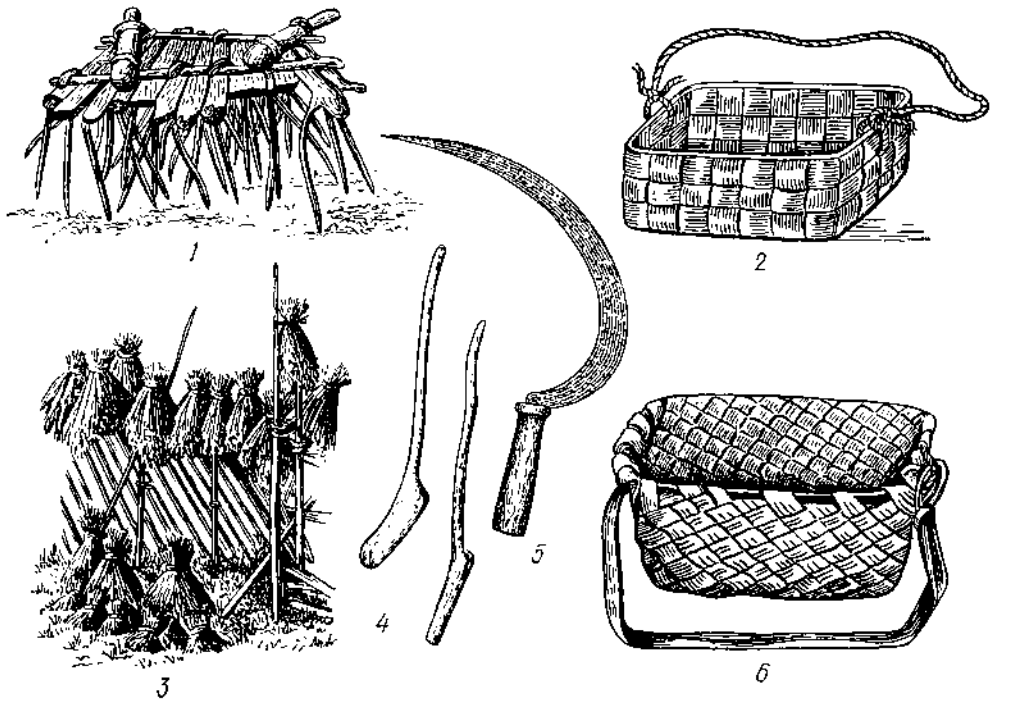
Для всех групп украинцев, в каких бы политических условиях они не жили, характерно сознание общеукраинской общности, в основе которого лежит общность языка и культурного наследия. Но наряду с этнонимом «Украина», «украинец» бытовали другие. Так, население Галиции сохраняло древний этноним «русины», идущий еще от Киевской Руси и ее княжеств. Те же корни имеют названия «Закарпатская Русь», «руснаки» (украинцы Словакии). В горных и предгорных районах Карпат жили несколько обособленные по культуре группы верховинцев, гуцулов и др. Отличались от остальных украинцев и «полехи», население украинско-белорусского Полесья по р. Припять. Переходные говоры между украинским и белорусским языками, своеобразная культура, сложившаяся в условиях болотисто-лесного края, отличали «полехов» от украинцев и от белорусов.

Западнорусские княжества (Турово-Пинское, Полоцкое), оказавшись с XIV в. в составе Литвы, в первое время сыграли в жизни этого государства заметную роль. Язык населения этих княжеств долгое время оставался государственным языком Литвы. И сами княжества, хотя и разделенные на мелкие уделы, сохраняли значительную самостоятельность. После уний Литвы с Польшей началось распространение католицизма как государственной религии, а вместе с этим интенсивные процессы колонизации среди господствующих слоев. Постоянная и длительная военно-политическая борьба с Московским государством еще больше обостряла в Литве эти процессы. Стараясь сохранить свои права, большая часть феодалов отказывалась от православия и родного языка. Как и на Украине, сложилось положение, при котором классовые различия слились с национальными. Борьба за свою культуру, свой язык, свою веру становилась одновременно и борьбой с магнатами и шляхтой. Попытки распространить униатство среди крестьянских масс успеха не имели. Особенно обострились национально-классовые противоречия к концу XVII в., когда католическая церковь и власти усилили нажим: в 1696 г. был введен в качестве государственного польский язык, православие фактически было запрещено, крестьян насильно обращали в униатство. Но все эти меры оказались малорезультативными, так как белорусский народ видел поддержку своей борьбе за самостоятельное существование в соседней России. Разделы Польши в 1772, 1793, 1795 гг. включили почти все белорусские земли в состав России. Белорусский народ получил возможность развивать свою культуру в более благоприятных условиях.

Условия крепостнической Российской империи задерживали развитие капиталистических тенденций и формирование национальных рынков. Возникший еще в XVII в. всероссийский рынок обслуживал потребности всего государства, господствуя над местными интересами. Но постепенно экономическое развитие привело к росту экономических связей и в национальных областях (особенно сильным этот процесс стал после отмены крепостного права). Все это сопровождалось заметными проявлениями национального самосознания, появилась украинская и белорусская интеллигенция, усилилась борьба за национальные школы, национальную литературу, самостоятельность национального развития. К середине XIX в. три близких по культуре и языку народа — русские, украинцы и белорусы сложились в нации.

Материальная культура восточных славян складывалась исторически на основе достижений и опыта многих поколений населения Восточной Европы. Она имеет много общего с культурой соседних народов не только потому, что в тесном соседстве неизбежны были взаимовлияния, но и потому, что в процессе формирования самих народов в них вливались группы, имевшие единые или сходные культурные традиции. Большое значение имели и общие географические условия.

Земледелие появилось в Восточной Европе

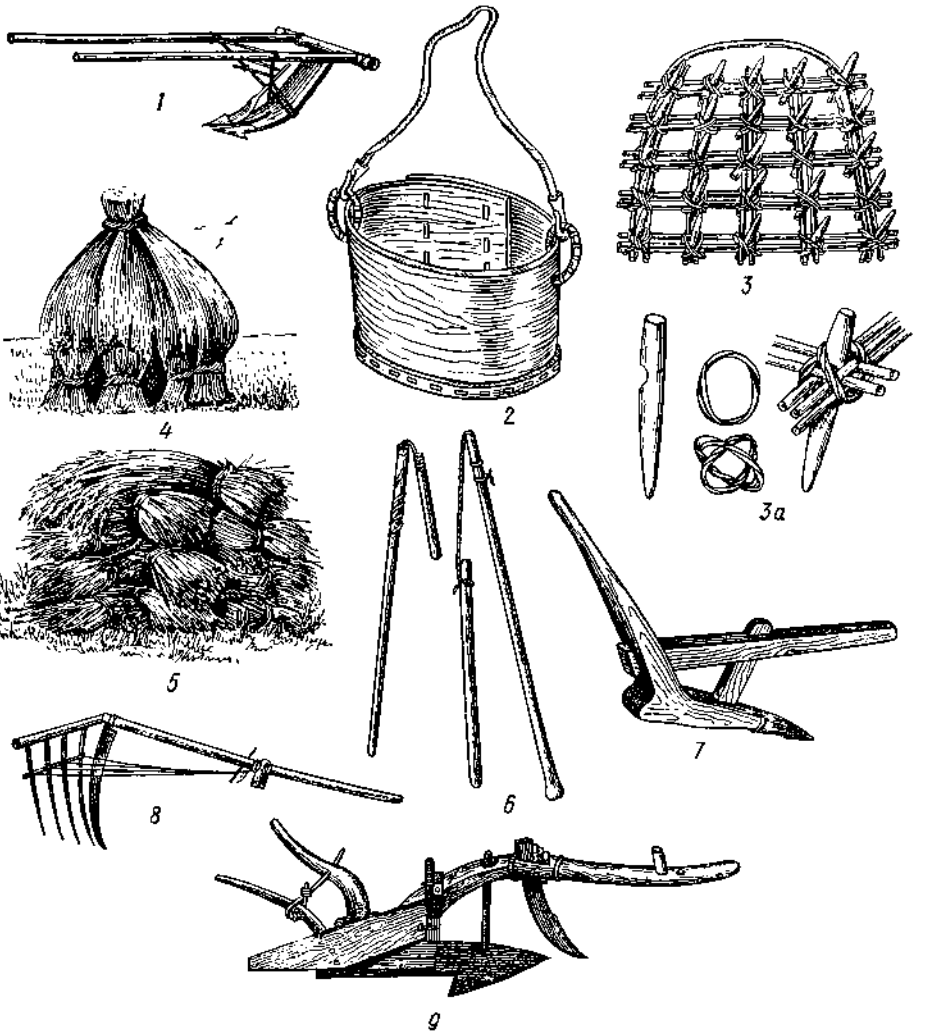


Сельскохозяйственные орудия северной зоны:

1 — борона-суковатка для заделывания семян после посева; 2, 6 — севалки (2 — из бересты, 6 — из сосновой щепы); 3 — сушка снопов на «вешалах» (Оломецкая губ.); 4 — кички, приспособления для молотьбы снопов; 5 — серп зубреный

не позднее IV тысячелетия до н. э. К I тысячелетию до н. э. оно распространилось почти по всем областям, от степной зоны до таежных лесов Севера. Распространение его шло из двух центров — Поднепровья и Среднего Поволжья. Постепенно у населения Восточной Европы сложились хозяйственные комплексы, сочетавшие в себе земледелие и скотоводство с другими отраслями хозяйства — охотой, собирательством, рыболовством. В зависимости от почвенных и климатических условий можно выделить два основных типа использования земли. В степных и лесостепных зонах земледелие базировалось на разных видах перелогов, когда постоянно распахивались участки целинных земель или залежей. Несколько лет такие поля давали хороший урожай, потом их забрасывали на много лет, превращая в залежь для восстановления плодородия. В соответствии с этим употреблялись и определенные наборы орудий обработки земли — для взмета целины и залежей — тяжелые плуги, иногда с колесным передком; для обработки старопахотных полей служили более легкие орудия ального типа. Поля засевались пшеницей, ячменем, овсом, бобовыми. Поблизости от поселений, в огородах разводили овощи (капусту, лук, свеклу и др.). Здесь же сеяли и технические культуры — лен, коноплю. С XVIII в. широко распространились на Украине и в некоторых южнорусских областях подсолнечник, сахарная свекла, томаты. Меньшие площади занимал картофель.

В лесных областях сложился иной хозяйственный комплекс, основанный на использовании либо лесного перелога, либо подсечно-огневого земледелия в чистом виде. И в том



Сельскохозяйственные орудия и способы укладки снопов в лесной зоне:

1 — соха с полицей; 2 — лубяная сеялка; 3, 3а — деревянная плетеная борона и способ ее крепления; 4 — укладка снопов на поле («бабкой», «суслоны»); 5 — укладка снопов на поле («крестьи», «крестцы»); 6 — цепы; 7 — полозовое рало; 8 — коса с грабельками для косьбы хлебов; 9 — степной тяжелый плуг для распашки залежи и целины

и в другом случае перед посевом вырубался участок леса. Когда срубленные кустарники и деревья подсыхали, их жгли. На таком поле, удобренном золой, сеяли ячмень, рожь, овес, гречиху, просо, бобовые. За два-три года земля истощалась, и ее пускали под покосы или забрасывали, разрабатывая новые участки. В таких условиях для обработки земли применяли иной тип орудий — сохи, хорошо приспособленные к работе на небольших лесных полях с тонкой подзолистой почвой. Крестьяне создали много модификаций пахот-

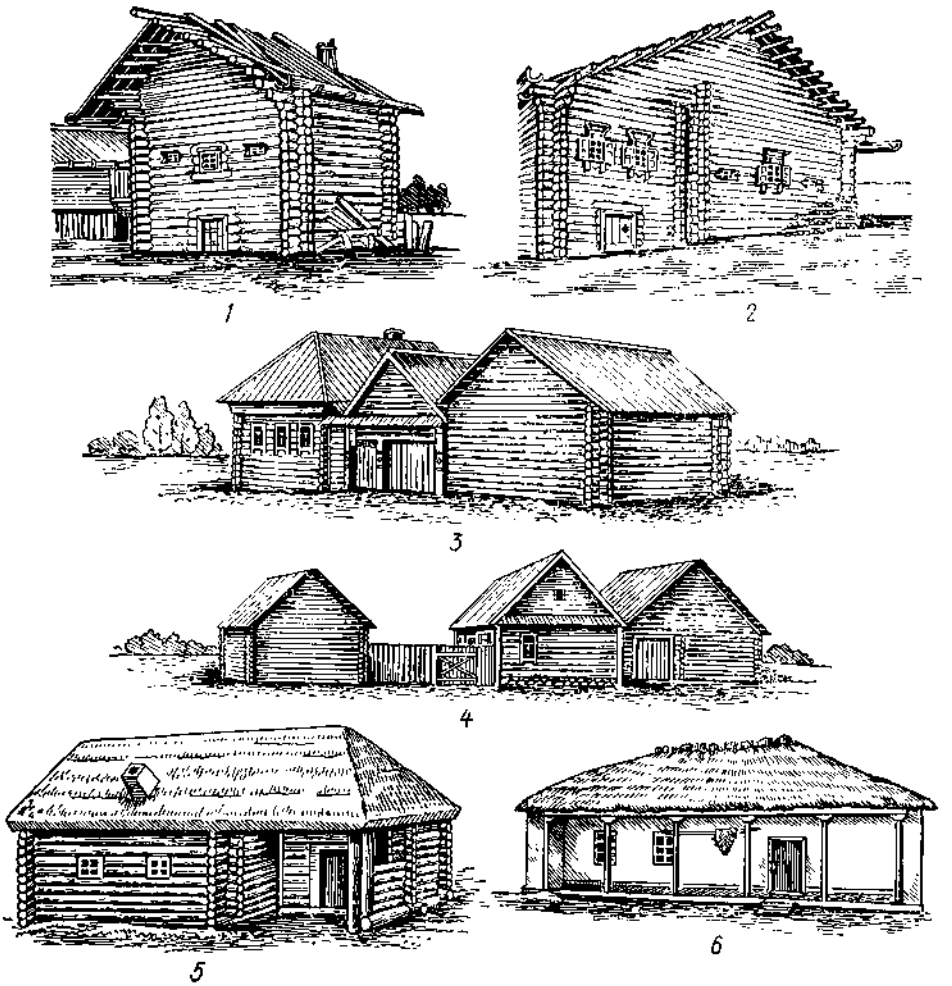
ных орудий, каждая из которых была хорошо приспособлена к местным особенностям почвы (плуги-косули, разные типы сох). Для заделки семян в землю служили бороны. Орудия уборки урожая и трав были более однотипны. Жали серпом. Косили разными типами кос. Перед обмолотом обязательно выдерживали снопы на поле. В северных и северо-западных районах их еще и подсушивали в овинах, ригах.

Скотоводство восточнославянских народов было тесно связано с земледелием. Преобладало пастбищно-стойловое содержание скота. Только в Карпатском регионе было развито отгонное скотоводство, да в XIX в. в степях Причерноморья развилось овцеводство в значительных размерах. Крупный рогатый скот, лошади, овцы, свиньи, домашняя птица были обязательной принадлежностью обычного крестьянского хозяйства. Скот использовали как тягловую силу и для получения молока, шерсти, мяса, кож. В зонах подзолистых почв большое значение имел и навоз как удобрение для полей. Очень рано возникшая, с XI—XII вв., система трехпольного севооборота не могла обходиться без удобрения навозом.

В XIX в. роль охоты, рыболовства в большинстве мест сошла до уровня подсобного занятия или любительства. Но там, где еще достаточно было дичи и рыбы, эти занятия были постоянными и играли заметную роль в хозяйстве семьи. Большим подспорьем для крестьян было собирательство. Не только ягоды, орехи, грибы, но и многие виды трав шли в пищу. В голодные годы и весной это спасало многих от смерти.

Географические условия и социально-политические, экономические факторы сказались на особенностях расселения, типах поселений и крестьянских дворов. В степной зоне селились крупными селами либо вытянутого уличного, улично-квартального плана, либо кучевыми селами, с запутанными кривыми улочками. Такие улочки когда-то помогали обороняться от конных налетов татар. Чем дальше к северу, тем малодворнее поселки. К XIX в. они уже приобретают определенный порядок — рядовой или уличный. Были и другие виды поселений. Типология крестьянских дворов также меняется в широтном направлении. В севернорусских областях сложились внушительные комплексы жилых и хозяйственных построек, объединенных под одной крышей. Такие хоромы, рубленные из крупных бревен, и сейчас еще можно встретить в северных деревнях. В центральных русских районах и в лесной Белоруссии жилые помещения были пониже, хозяйственные постройки ставили рядом с домом или позади него. В южнорусских районах и на Украине, юго-западной Белоруссии дом и дворовые постройки располагались либо свободно, либо по периметру двора. На Украине и в Белоруссии сохранялась ориентация дома по сторонам света.

Гораздо больше этнографической специфики можно обнаружить в народной одежде. Ее производство до недавнего времени было одним из видов домашнего ремесла. Выращивали сами лен, коноплю, сами получали шерсть и пряли ее, сами обрабатывали кожи. Женщины были обязаны напрясть, наткать все необходимое для семьи. Такое домашнее производство, а также ряд суеверных поверий, считавших отдельные виды одежды оберегом, защитой от злых сил, долго сохраняли традиционные, очень устойчивые типы в одежде. Основой и женской и мужской одежды была рубаха, у мужчин до колен, у женщин — длиннее. Мужские рубахи однотипного туникообразного покроя. Только у русских ряда областей бытовала рубаха с косым разрезом ворота. Гораздо больше разнообразия было в покроях женских рубах, например рубахи с косыми поликами в южнорусских областях, рубахи с прямыми поликами в Поднепровье. Были и другие разновидности рубах. Столь же интересны и типы традиционной «горничной» одежды. Во-первых, эта одежда у женщин отражала деление по половозрастным группам. Носить ее могли только женщины. Во-вторых, область распространения разных типов такой одежды как будто совпадает с ареалом расселения древних этнокультурных общностей. Так, клетчатые юбкообразные комплексы, как правило, совпадают с регионом расселения индоевропейских групп. Аналогичные им полосатые юбки



Жилища и хозяйственные постройки:

1, 2 — старинные крестьянские избы на русском севере; 3, 4 — крестьянские дворы умеренной лесной зоны; 5 — старинная белорусская хата; 6 — хата из сырцового кирпича (Донецкая обл.)

характерны для более северных районов, т. е. совпадают с зоной распространения угро-финских языков. Такая одежда шилась обязательно из полушерстяной ткани, обильно украшалась, расцвечивалась.

Сарафан, или ферязь, как тип женской горничной одежды появился много позднее. Возникновение его связано с преобразованием верхней одежды типа свиты, сукмана в горничную. Сарафан был распространен в центральных и северных русских областях и у некоторых соседних народов (карел, вепсов, коми, мордвы и др.).

Еще более интересны для этнографии женские головные уборы восточнославянских народов. Они были строго различны у девушек и замужних женщин. Одевание женского головного убора было в традиционной свадебной обрядности кульминационным моментом всего обряда. Девичьи уборы оставляли го-

лову открытой сверху, с ними сочетались и прически — распущенные волосы или заплетенные в одну косу. В XIX в. выработались уже определенные типы девичьих перевязок. В южнорусских областях, у украинок, белорусок в обычае были венки, да и многие перевязки в центральных областях напоминают такие венки по орнаменту и форме. Женские головные уборы обязательно были глухими, закрытыми, чтобы ни один волос не был виден. В свою очередь женские уборы подразделялись на повседневные (небольшая шапочка — чепец, повойник и платок) и праздничные или обрядовые, состоявшие из многих частей и имевшие иногда причудливые сложные формы. Интересно, что типы крестьянских обрядовых головных уборов совпадают (хотя далеко не всегда и не во всем) с ареалами распространения и некоторыми особенностями височных колец у восточнославянских племен.

Верхняя одежда была более универсальной, не было сильных различий между мужской и женской. Это кафтанообразные свиты, чуни, сукманы, более широкие по покрою армяки, тулупы. Из овчин шили кожухи, которые у русских позднее стали звать шубами. Ноги обертывали онучами. Обувь была разных покроев: постолы или опанки — кусок кожи, охватывавший ступню и стянутый вокруг щиколотки, сапоги. Носили и лапти, плетенные из бересты, липового лыка, коры вяза, ивы. Обнищание крестьян в центральнорусских деревнях сделало этот тип обуви чуть ли не единственно возможной.

Особый интерес вызывает украшение одежды орнаментом — вышитым или тканым. В образах орнамента дожили до наших дней многие персонажи древних языческих верований. Типология орнамента и история его развития изучены еще недостаточно и обещают много интересных выводов, в том числе и по этнической истории народов Восточной Европы.

Общинная организация у восточных славян существовала долго. Но за внешними формами общинных порядков скрывались сложные реальные отношения внутри крестьянского мира, «громады», имущественное неравенство и жестокая эксплуатация. В семейной организаци до XX в. сохранялись как сложные большесемейные коллективы, объединявшие несколько поколений, так и наиболее распространенные малые семьи. Внутренние взаимоотношения в семье и этика поведения подчинялись суровым правилам строгого разделения труда между членами семьи. Условия жизни крестьян сохраняли многие традиции взаимопомощи соседской, семейной. Этим объясняется и наличие связей между родственниками, которые обычно называют патронимией. Такие связи отразились в бытовании до XX в. сложной терминологии родства и свойства.

По официальному вероисповеданию русские, украинцы и белорусы относились к православной церкви христианской религии. Но само христианство в народных массах воспринималось как внешний, официальный обряд. Даже святых, канонизированных церковью, крестьяне «приспособили» на роль покровителей своих нужд и интересов. Святой Николай считался патроном ремесленников, торговцев, Георгий-Победоносец слыл покровителем скота и пастухов, Параскева-Пятница считалась заступницей и покровительницей женщин и женских занятий. Словом, в облике святых продолжали жить представления, связанные с прежними языческими божествами. Сохранялись и верования «малого пантеона»: мир, по представлениям крестьян, был населен лешими, домовыми, русалками, упырями. Сохранились и суеверные почитания животных (медведя, курицы, ворона). Подобное «язычество» мирно уживалось с церковью. И в церковные обряды вошли некоторые древние обряды (угощение медом в медовый спас, обрядовая каша «кутья» на похоронах и др.). Достаточно полно сохранялся и цикл календарных обрядов — сочельник, масленица, троица, праздник Ивана Купалы. Церковь лишь вписала в этот цикл свои праздники. Сама же обрядность была пронизана древними языческими чертами. Много следов древних верований сохранилось и в фольклоре (волшебные сказки).

Обрядность, семейная и календарная, была средоточием богатейшего художественного творчества народа (песни, пляски, игры).

1

2

3

4

5

6

7

8

Крестьянская мужская и женская одежда конца XIX — начала XX в.:

1 — рязанская крестьянка в праздничном костюме и рогатой кичке; **2** — русский крестьянин в будничной одежде; **3** — русская крестьянка в поневе, шушпане и полотенчатом головном уборе; **4** — украинский крестьянин в традиционной одежде (Полтавская губ.). **5** — украинская женская и девичья праздничная одежда крестьянок; **6** — белорусский крестьянин в традиционной одежде (Минская губ.) **7, 8** — белорусская крестьянка в старинном головном уборе

В художественной форме народ передавал и исторические предания (русские былины, думы на Украине) и лирические переживания (песни), и юмор, сатиру на господ (бытовые сказки, кукольный театр). Разыгрывались и сложные драмы («Царь Максимилиан», «Лодка»).

Неистощимая художественная фантазия и мастерство проявлялись и в ремесленных занятиях. Орнамент, расписные сцены украшали предметы быта, утварь, орудия труда, жилище. Уже с XVI в. стали возникать и центры художественного производства. Гжель под Москвой славилась гончарами, на Украине возникли стеклодувные мастерские, волжские села производили расписную деревянную посуду, сундуки. Таких центров было множество по всем восточнославянским землям. В конце XIX — начале XX в. земские власти и демократическая интеллигенция пытались развитием художественных промыслов решить острые проблемы русской деревни. Под их влиянием возникли такие известные производства, как лаковая миниатюра Федоскина, производство расписных подносов в Жестове и др.

Подлинный национальный расцвет во всех областях культуры, во всех сферах жизни начался лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Советская власть, социалистический строй создали действительные условия для полного развития каждой национальной культуры на самой широкой, общенародной основе. Только в СССР каждая республика обрела свою государственность, национальные искусства (театр, литература, кино), образование на национальном языке. Новый подъем испытало народное творчество, сохранившее и продолжившее древние художественные традиции народов. Вместе с этим укреплялись и развивались интернациональные связи во всех областях культуры, обогащая и дополняя культуру каждого народа.

Глава 7

Неславянские народы европейской части СССР

Европейскую часть Советского Союза помимо восточных славян населяют многие народы, различающиеся по своему происхождению и культурно-бытовому облику.

Народы Волго-Камья

Особый историко-этнографический регион в европейской части СССР представляет Волго-Камье, в котором живут шесть крупных народов, имеющих свои национальные автономии: поволжские или казанские татары — 2806 тыс., чуваши — 1165 тыс., башкиры — 936 тыс., мордва — 389 тыс., удмурты (вотяки) — 505 тыс. и марийцы (черемисы) — 433 тыс.

По расовой принадлежности все названные народы относятся к разным антропологическим типам большой европеоидной расы, среди которых преобладают типы, сочетающие в себе помимо европеоидных также в большей или меньшей степени монголоидные признаки. Наиболее распространенным из них является вятско-камский антропологический тип.

В лингвистическом отношении все народы Волго-Камья делятся на две группы. Одну из них составляют удмурты, марийцы и мордва, говорящие на языках финской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи, другую — чуваши, татары и башкиры, языки которых относятся к тюркской группе алтайской языковой семьи.

Этногенез и этническая история. Область, где по мнению большинства исследователей, происходило формирование уральской языковой семьи, лежала по обе стороны Уральского хребта. В восточной части этой территории складывались самодийские языки, в западной — угро-финские. В конце III тысячелетия до н. э., как полагают лингвисты, произошло отделение финнов от угров. В эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.) началось постепенное распространение финноязычных племен из района Прикамья на запад вплоть до Балтийского моря. При этом они смешивались с местным населением и испытывали его культурное воздействие.

В раннежелезный век в Волго-Камье сложилась ананьинская археологическая культура (VIII—III вв. до н. э.), носители которой явились далекими предками коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов и марийцев. Начало формирования современных финноязычных народов Волго-Камья относится к первой половине I тысячелетия н. э.

Основу удмуртского этноса составили племена, жившие по р. Чепце, а также по среднему и нижнему течению р. Вятки. В дальнейшем этногенез удмуртов протекал на более широком пространстве от Вятки до Камы, где в процессе консолидации удмуртских племен образовывались более крупные территориально-племенные объединения, имевшие диалектные и культурные различия. Наиболее четко были разграничены северные и южные удмурты. Среди северных удмуртов известны этнографические группы ваткá (на р. Вятке) и калмез (на р. Кильмезь). В этногенезе южных удмуртов («арских людей» русских источников) приняли участие различные тюркские племена, оседавшие в Нижнем Прикамье, начиная с эпохи великого переселения народов.

Особый компонент в удмуртском этносе составляют бесермяне, живущие в бассейне р. Чепцы и в настоящее время почти полностью слившиеся с удмуртами. Происхождение бесермян до сих пор не выяснено. Одни исследователи считают их потомками какой-то группы тюрок, переселившихся из Нижнего Прикамья на Чепцу, другие видят в них южных удмуртов. После присоединения Удмуртского края к России начался процесс консолидации удмуртской народности.

Область формирования марийских племен охватывала правобережье Волги между устьями Суры и Цивиля и противоположное левобережье вместе с нижним Поветлужьем. Основу их составили потомки ананьинцев, испытавших этническое и культурное воздействие позднегородецких племен — предков мордвы.

Из этого района марийцы расселялись в восточном направлении вплоть до р. Вятки, где они вошли в соприкосновение с удмуртскими племенами, и в южном, где граница их расселения доходила до р. Казанки. Ко времени включения Марийского края в состав России марийский этнос состоял из ряда групп, различавшихся своими диалектами, особенностями материальной и духовной культуры и этническим самосознанием. Позднее, под воздействием более тесных социально-экономических связей, особенно с развитием капиталистических отношений, эти группировки консолидировались в марийскую народность.

До сих пор сохраняется деление марийцев на горных, луговых и восточных. Горные марийцы, живущие по правобережью и на противоположном левом берегу Волги, отличаются от других групп марийцев своим наречием и некоторыми особенностями традиционной культуры. Луговые марийцы, составляющие большинство марийского народа, занимают Волго-Вятское междуречье. Восточные марийцы сложились из переселенцев с луговой стороны Волги в Башкирию и Приуралье.

Древнемордовские племена формировались в междуречье Оки и Волги на основе местного финноязычного населения, которое оставило, по-видимому, памятники позднегородецкой археологической культуры. В начале I тысячелетия н. э. здесь образовалось несколько этно-лингвистических группировок предков мордвы, которые в процессе исторического развития вступали во взаимодействие с различными ираноязычными и тюркоязычными племенами на южных границах своего расселения. На севере и западе мордва длительное время находилась в тесных контактах с восточными славянами. Часть мордвы обрусела. Ко времени включения Мордовии в состав России среди мордвы выделялись две крупные группы: мокша и эрзя. Мокша сложилась в бассейне рек Мокши и Цны, эрзя — в бассейне Суры. Дальнейшее этническое развитие этих групп привело к образованию двух близких по происхождению народностей (мокша и эрзя) со своими языками, этническим самосознанием и особенностями материальной и духовной культуры. В XVII—XVIII вв. происходило постепенное движение мордвы на восток, в Заволжье и Башкирию. К концу XIX в. мордва расселилась на обширных пространствах, но не сплошными массивами, а чересполосно с русскими и татарами.

Проникновение тюрок в Среднее Поволжье началось в первой половине I тысячелетия н. э. Наиболее крупной волной было переселение в VII—VIII вв. булгар из степей Северного Кавказа и Приазовья. Заняв территорию преимущественно на левобережье Волги, ограниченную с севера Камой, а на юге простиравшуюся до Самарской луки, кочевники-булгары пришли в соприкосновение с местным финно-угорским населением и тюрками, поселившимися здесь ранее. В X в. булгары создали государство — Волжскую Булгарию, игравшую значительную роль в экономической и политической жизни Восточной Европы. В XIII в. это государство пало под ударами монголо-татар. Его города (Булгар, Биляр, Сувар и др.) подверглись разрушению. Часть населения была истреблена, часть уведена в плен, оставшееся отошло в леса к северу от Камы и в правобережные районы Поволжья.

Переселившиеся на Правобережье булгары положили начало чувашам. Возможно, что большинство переселенцев составляли сувазы (от них происходит название чувашей), которые, как полагают, являлись добулгарским тюркским населением Нижнего Прикамья, испытавшим сильное влияние булгар. При продвижении на север булгары смешивались с жившими там горными марийцами. Это смешение отразилось в лексике чувашского языка и в формировании этнографической группы: чувашей — вирьялов (верховых), которые в традиционной культуре имеют много общего с горными марийцами и отличаются от юго-восточных чувашей — анатри (низовых).

Казанские татары своим происхождением также связаны с местной поволжской средой. Непосредственными предками их являются булгары, отошедшие после разгрома Волжской Булгарии в лесные области к северу от нижнего течения Камы. Там они смешивались с местным финноязычным населением — луговыми марийцами и удмуртами. Вторгшиеся на территорию Среднего Поволжья монголы не

оказали заметного влияния на формирование поволжских или казанских татар, в антропологических типах которых не прослеживаются черты центральноазиатского монголоидного типа, к которому принадлежали монголы. Но значительную роль в их этногенезе сыграли тюркоязычные кипчаки, составлявшие основное население Золотой Орды. Сам этноним «татары» связан с одним из монгольских племен. В эпоху походов Чингизхана и его преемников этим термином стали обозначать тюркоязычное население причерноморско-прикаспийских степей.

В период распада Золотой Орды и образования Казанского ханства (XV в.) кипчаки оседали в Заволжье, вливаясь в местную булгароязычную среду. Постепенно булгарский язык был вытеснен кипчакским.

Среди татар выделяется сравнительно небольшая группа мишарей, происхождение которых до сих пор не выяснено. Большинство исследователей считают их потомками отюреченной финно-угорской мещеры. Также особую группу представляют касимовские татары, живущие вокруг города Касимова на р. Оке. Эта группа образовалась в XV в., когда московский царь пожаловал казанского царевича Касима землями по Оке. Пришедшие с ним татары и стали предками касимовских татар.

Особенно сложно протекал этногенез башкир. Основу их составили тюркские племена центральноазиатского происхождения, которые под названием баджгардов и бурджан были зафиксированы источниками VII—VIII вв. в районе Приаралья и Сырдарьи. Оттуда эти племена в составе печенежского союза племен в VIII в. продвинулись в прикаспийские и северокавказские степи. Затем в конце VIII—начале IX в. предки башкир вслед за булгарами отошли на север в степные и лесостепные районы, расположенные между Волгой и Уралом. Сравнительно небольшая территория Бугульминской возвышенности, ограниченная с севера и востока течением р. Белой, с запада — левыми притоками Волги и с юга степями, примыкающими к р. Самаре, стала местом, где в IX—X вв. шел процесс формирования древнебашкирского этноса, ставшего известным под названием башкорт. В этот период в состав башкир влились близкие им по культуре кочевые булгаро-мадьярские племена, жившие по соседству в Приуральских степях. Там же, в Приуралье, древние башкиры смешивались с ранее поселившимися в тех местах финно-угорскими, сармато-аланскими, угорско-самодийскими племенными образованиями.

В период монголо-татарского нашествия и господства Золотой Орды происходила усиленная кипчакизация башкир, начавшаяся еще в домонгольский период. Кипчаки оказали большое влияние на формирование башкирского языка, который относится к кипчакской ветви тюркских языков.

После распада Золотой Орды в XV — начале XVI в. башкиры подпали под власть ногайских ханов. Лучшие кочевья башкир, особенно на юге, были заняты ногайцами. Под давлением ногайцев башкиры продвинулись на север, где вошли в соприкосновение с финноязычными и угорскими (манси) народами и частично смешались с ними. Длительные контакты с кочевниками-ногайцами привели к вхождению части ногайцев в состав башкир. Последние значительные вкрапления иноэтничных элементов в башкирский этнос происходили в XVII—XVIII вв., когда на территории северо-западной Башкирии поселились выходцы из области Поволжья — татары, марийцы, удмурты и мордва. Особенно интенсивное этно-культурное взаимодействие было между татарами и башкирами, чему способствовало родство их языков.

Ко времени присоединения Башкирии к России (XVI в.) башкирский этнос находился на пути консолидации в народность, которая оформилась уже в рамках Российского феодального государства.

В дореволюционный период этническое развитие народов Волго-Камья не пошло дальше стадии народности, за исключением татар, ставших на путь консолидации в буржуазную нацию. После Октябрьской революции все народы Волго-Камья получили свои национальные автономии, в рамках которых и шло образование социалистических наций.

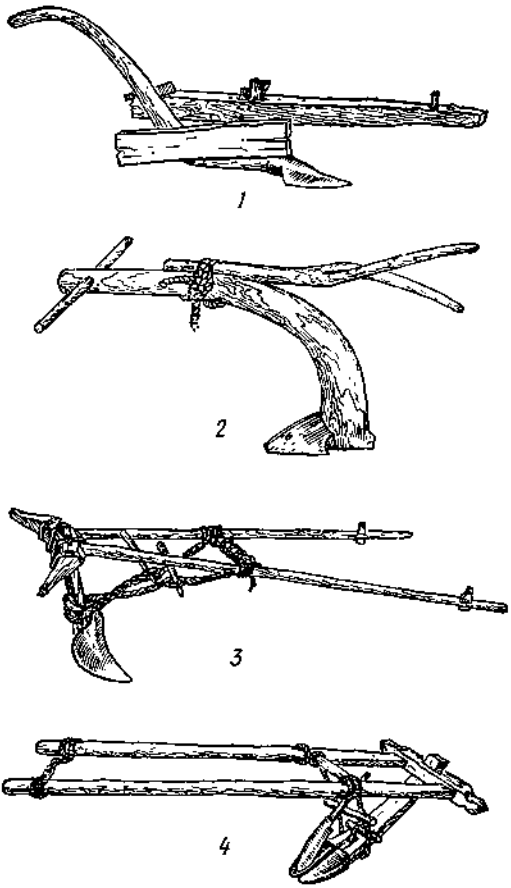
Хозяйство. С давних времен основными занятиями народов Волго-Камья были земледелие и скотоводство. В XIX в. в земледелии господствовала трехпольная система. Пахотными орудиями служили различные виды сох и тяжелый деревянный плуг — сабан, применявшийся для поднятия тяжелых почв и целины. Скотоводство имело подсобное значение и было тесно связано с земледелием. Исключение представляли башкиры, которые до XVII в. были типичными скотоводами — кочевниками и полукочевниками. По мере сокращения пастбищ они постепенно переходили к оседлому образу жизни и к земледелию. Древними занятиями народов Волго-Камья были также охота и бортничество. С вырубкой лесов эти занятия пришли в упадок. Вместо бортничества появилось пасечное пчеловодство.

В период капитализма развивалась лесная промышленность, возникали мелкие предприятия по обработке местного сырья, широкое распространение получили кустарные, связанные преимущественно с обработкой дерева, и отхожие промыслы. Последними больше других занимались татары и мордва.

В советское время в республиках Поволжья стала создаваться тяжелая промышленность по добыче и переработке нефти, горнорудная, машиностроительная, металлообрабатывающая, бумажно-целлюлозная, а также различные отрасли легкой промышленности. Сложился национальный рабочий класс. Развитие промышленности привело к росту старых и строительству новых городов, значительный процент населения которых составляют выходцы из коренных национальностей.

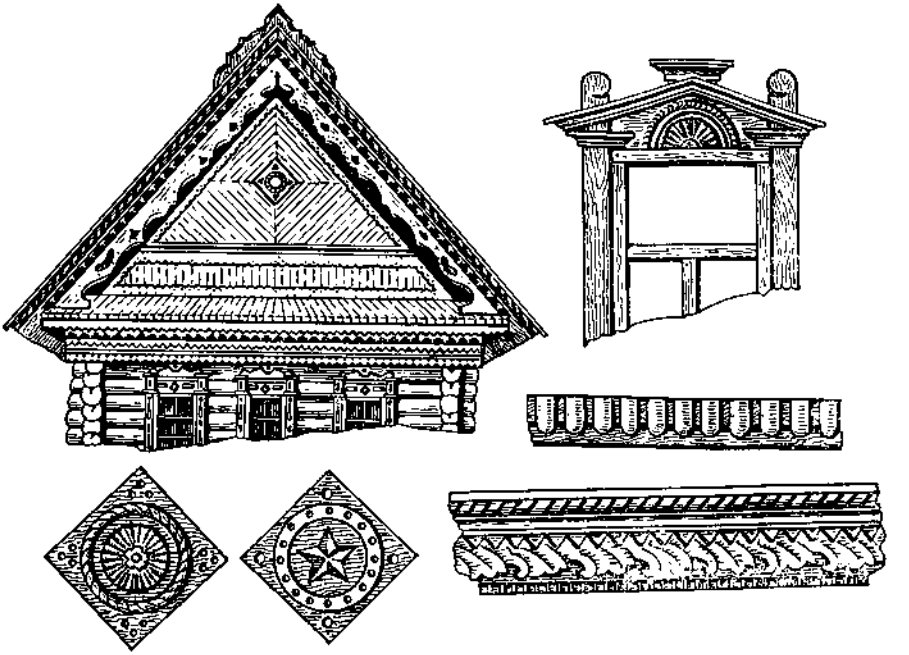
Колхозное строительство способствовало подъему сельского хозяйства за счет широкого внедрения механизации, роста квалифицированных кадров, совершенствования организации труда. Многие колхозы реорганизованы в совхозы со специализацией на определенных отраслях сельскохозяйственного производства.

Материальная культура. В традиционной материальной культуре народов Волго-Камья прослеживается много общих черт, обусловленных единой географической средой, сходным уровнем экономического и социального развития, а также длительным этно-культурным взаимодействием.



Сельскохозяйственные орудия неславянских народов европейской части СССР:
1 — молдавское старинное рало с полозом; 2 — сабан — старинное пахотное орудие удмуртов; 3 — сабан коми-пермяков; 4 — соха у вепсов

В лесных районах в прошлом селения были небольшими. Хозяйственные и жилые постройки в них располагались без определенного плана. Это объясняется тем, что у народов Поволжья долго сохранялся обычай совместного поселения родственных семей отдельными гнездами. Уличная планировка деревень стала преобладать в XIX в.



Резные украшения эрзянского дома

Жилищем всем народам Поволжья, за исключением части башкир, служила срубная изба. Планировка жилого помещения была различной, в зависимости от численности и имущественного положения семьи, — двухраздельной (изба + сени) и трехраздельной (две избы и сени между ними, или изба + сени + + клеть, как у русских). У башкир, кроме срубных, были плетневые, пластовые (из дерна) и каменные жилища, а у восточных и юго-восточных — также кибитки тюркского и монгольского типов.

По внутренней планировке и убранству жилища удмуртов, марийцев, чувашей и мордвы ничем не отличались от изб соседнего русского населения. В доме находилась русская печь, полати, неподвижные лавки и стол в переднем углу. У татар и башкир большое место у стены занимали нары, на которых работали, ели, спали, принимали гостей. В настоящее время сохраняется традиция строить срубные жилища, но они значительно изменили свой внешний вид и внутреннее убранство. Дома обычно состоят из нескольких комнат с городским интерьером.

Преобразился облик современной поволжской деревни. Повсюду идет процесс укрупнения деревень, позволяющий приблизить условия жизни в сельской местности к городским.

Разнообразной и красочной была традиционная одежда, особенно женская. Она устойчиво сохранялась на протяжении ряда столетий и служила своеобразным отличительным признаком отдельных этнографических групп. Одежду до революции почти целиком изготовляли из домашних конопляных, льняных и шерстяных тканей. Только татары и отчасти башкиры в период капитализма приобретали ткани фабричного производства.

Основу мужского и женского костюма составляли туникообразная (без шва на плечах) рубаха и штаны (кроме эрзянок, которые как и русские женщины, в прошлом штанов не

носили). Женские рубахи богато украшались вышивкой шерстяными и шелковыми нитями преимущественно темно-красных тонов. В орнаменте преобладали зооморфные и геометрические узоры, а у мусульман — растительные. Искусством вышивания особенно отличались марийки и мордовки.

Разнообразны были женские головные уборы, как мягкие (полотенечные и платки), так и на твердой основе (высокие в виде усеченного конуса у удмурток, мариек, башкирок, лопатообразные сороки у мариек и эрзянок, рогатый шымакш у мариек и др.). Праздничный наряд у женщин дополнялся обилием украшений, которые носили на голове, в ушах и на ушах, на шее, груди, спине, поясе. Их изготовляли из серебра, серебряных монет, бус, бисера, пуговиц, кораллов, раковин-каури и др.

В капиталистический период мужская традиционная одежда исчезла, заменившись городской. Женский традиционный костюм продолжал бытовать, но в советское время в связи с широким распространением фабричных тканей, готовой одежды и городских мод многие его элементы исчезли совсем, другие приспосабливались к городской одежде. В настоящее время он сохраняется местами только у пожилых женщин.

Духовная культура. До революции народы Волго-Камья, кроме татар, не имели своей письменности, если не считать отдельных попыток создания грамматик на языках коренного населения и печатания религиозной литературы.

Духовное творчество народов Волго-Камья находило свое выражение в богатом фольклоре, народной музыке, танцах и прикладном искусстве, особенно в вышивке, резьбе по дереву, в меньшей степени — в узорном ткачестве.

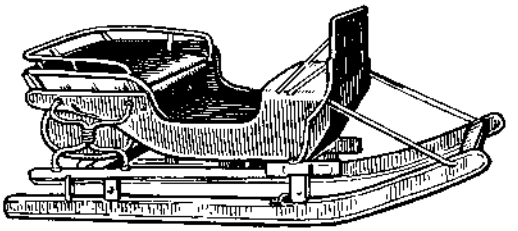
По вероисповеданию народы Волго-Камья делились на две группы: христиан и мусульман. Мусульманами были татары и башкиры. Ислам рано пустил корни в Поволжье. С X в. он был государственной религией в Волжской Булгарии. Христианство же стало распространяться преимущественно после присоединения Поволжья к России и насаждалось оно зачастую насильственным путем. Однако народы Поволжья, принимая православие, продолжали придерживаться своих древних обрядов и верований, которые часто переплетались с христианскими. Из языческих верований наибольшее распространение имели аграрные культы и культ предков.

После установления Советской власти и организации национальных автономий у народов Волго-Камья были созданы все условия для развития национальных культур. Все народы Поволжья получили письменность. У татар она была переведена с арабской графики на русскую. В автономных республиках были созданы высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты, что способствовало быстрому росту национальной интеллигенции, занятой в различных областях народного хозяйства и культуры. Больших успехов достигло творчество национальных писателей и поэтов, скульпторов, композиторов, артистов и художников. Дальнейшее развитие получило прикладное искусство.

Народы Прибалтики

Советская Прибалтика в историко-культурном отношении представляет особый регион. Ее населяют три крупные социалистические нации: литовцы (лиетувяй) — ок. 2750 тыс., латыши (латвиеши) — ок. 1340 тыс. и эстонцы (эестласед) — ок. 1 млн. В антропологическом отношении все они принадлежат к европеоидной расе. Среди латышей и особенно эстонцев преобладают светлопигментированные антропологические типы. По языку прибалтийские народы делятся на две группы. Языки литовцев и латышей составляют небольшую летто-литовскую ветвь индоевропейских языков, ближе всего стоящую к славянской ветви. Эстонский язык относится к западной или прибалтийской ветви финских языков угро-финской группы уральской семьи. Он близок к карельскому и финскому.

Этногенез и этническая история. Прибалтика была освоена человеком с древнейших времен. Этническая принадлежность ее первоначального населения неизвестна. В эпоху бронзового века (II тысячелетие до н. э.) в



Выездные сани «шледелес». Паневежский р-н, Литовская ССР

южных районах Прибалтики распространились пришедшие с юга и юго-востока, возможно из Поднепровья, племена, знавшие земледелие, скотоводство и металлургию бронзы. По своему антропологическому типу они были ярко выраженными европеоидами. Считают, что они говорили на индоевропейских языках. Эти племена рассматриваются как далекие предки летто-литовских народов. Осев в Прибалтике, они постепенно ассимилировали местное неолитическое население.

Северные районы Прибалтики занимали продвинувшиеся с востока племена финно-угорского происхождения. До сих пор в науке нет единого мнения о времени появления этих племен на современной территории их расселения. Во всяком случае, это произошло не позже I тысячелетия до н. э. С этого времени прослеживается довольно четкая археологическая граница, проходившая по Северной Латвии и делившая Прибалтику на две культурные области. К северу от этой границы шло формирование прибалтийских финнов — предков эстонцев, ливов и води, которые упоминаются на страницах начальной русской летописи.

К югу от указанной границы складывались летто-литовские племена, занимавшие более обширную территорию и находившиеся в постоянных этно-культурных контактах с восточными и западными славянами. К концу I тысячелетия н. э. образовался ряд территориально-племенных группировок, положивших начало современным литовцам и латышам. В состав латышей вошли известные летописям земигола, летьгола, корсь и селы; в состав литовцев — жмудь и аукштайты (литва русских летописей).

Сложные исторические условия, в которых находились народы Прибалтики в эпоху средневековья (начиная с XIII в. происходили захваты прибалтийских земель немецкими рыцарями, Данией, Швецией, Польшей), сказались на их этническом и культурном развитии. Был нарушен процесс их самобытного социально-экономического и исторического развития. Из всех народов Прибалтики только литовцы создали в XIII в. свою государственность.

В XVIII в. Прибалтика была включена в состав России, однако господствующее положение в Эстонии и Латвии продолжали занимать немецкие бароны, а в Литве — польские феодалы и ополяченная литовская знать. В феодальный период у народов Прибалтики складывались этнографические области, различавшиеся особенностями культуры. У литовцев таких областей было две — Жемайтия (Западная Литва) и Аукштайтия (Восточная). У латышей прослеживаются пять культурных районов—Курземе, Земгале, Латгале, Аугшземс и Видземе. В Эстонии в этнографическом отношении различались северные и южные эстонцы. Кроме того, среди эстонцев выделяются сету (или сетукезы), живущие на юго-востоке республики и в соседних районах Псковской области. Они приняли православие и испытали сильное влияние восточных славян.

В условиях феодальной России продолжался процесс консолидации народов Прибалтики в народности, а в период капитализма происходило формирование эстонской, латышской и литовской буржуазных наций.

Победа Октябрьской революции в России привела к установлению Советской власти в Прибалтике. Но местные буржуазные националисты, опираясь на помощь иностранных войск, восстановили буржуазную диктатуру. В 1940 г. народы Прибалтики вошли в единую семью народов Советского Союза.

Материальная культура. Древнейшими занятиями народов Прибалтики были земледелие, скотоводство и рыболовство. Промышленность стала развиваться после отмены крепостного права, особенно в Латвии и Эстонии.

В период буржуазных республик Прибалтика превратилась в аграрный придаток западноевропейских империалистических держав. В настоящее время Эстония, Латвия и Литва являются передовыми индустриально-аграрными республиками с высокоразвитыми промышленностью и сельским хозяйством.

С развитием промышленности в Прибалтике росло городское население. В настоящее время оно преобладает над сельским. Большинство прибалтийских городов имеет многовековую историю. В период феодализма, особенно в Эстонии и Латвии, в городах жили преимущественно немцы, которые держали в своих руках ремесло и торговлю. При капитализме города росли за счет коренного населения — выходцев из крестьян.

После воссоединения Прибалтики с Советским Союзом росли и благоустраивались старые, возникали новые города и городские поселки, создаваемые с учетом всех требований современного градостроительства.

В сельской местности с древнейших времен были распространены деревни (кучевого и уличного плана) и однодворные поселения типа хуторов. Число последних стало расти после отмены крепостного права и особенно в период буржуазных республик. В настоящее время в Прибалтике все большее распространение получают сельские поселения, которые по своему благоустройству приближаются к поселкам городского типа.

Крестьянское жилище народов Прибалтики за время своего существования претерпело значительные изменения. В феодальный период в Прибалтике бытовало несколько типов крестьянских жилищ. В Эстонии и Северной Латвии существовали жилые риги, представлявшие собой высокие срубные постройки с соломенной крышей и печью, топившейся по-черному. Осенью в риге сушили снопы. В восточных районах Латвии и Литвы крестьянское жилище не отличалось от жилища соседнего русского и белорусского населения и состояло из избы с русской печью, холодных сеней и клети. На западе Литвы и Латвии в середине жилища находились отапливаемые сени, по бокам которых располагались жилые помещения. В период буржуазных республик

Старинная эстонская курная жилая рига

в сельской местности все большее распространение получал городской тип жилища. В настоящее время в селениях все чаще возводятся жилища по типовым проектам со всеми необходимыми удобствами.

Традиционная одежда народов Прибалтики свою законченную форму приобрела в феодальный период. Она целиком изготовлялась из тканей домашнего производства. У всех трех народов сложилось по нескольку комплексов традиционной одежды, характерных для определенных местностей. Основу женского костюма у эстонцев в древний период составляла туникообразная рубаха, несшитая поясная одежда, передник и полотенчатый головной убор. Ворот рубахи закалывали подковообразной фибулой. В XVIII—XIX вв. эта одежда испытала сильное западноевропейское влияние. На смену ей пришли полосатые юбки, короткие пышные кофты и головные уборы разных типов.

Женская традиционная одежда латышей и литовцев имела много общих черт. Женщины носили рубахи разного покроя с длинными рукавами, юбки, передники, безрукавки в виде лифа, наплечные покрывала, полотенчатые головные уборы, чепчики. В этом наряде прослеживалось сходство с соседними восточными славянами и поляками.

Мужской костюм прибалтийских народов во многом напоминал одежду немецкого городского населения.

В капиталистический период с распространением фабричных тканей и городских мод традиционная одежда начала быстро исчезать. Некоторые ее элементы трансформировались

Латышский женский костюм первой половины XIX в.

в костюмы участников певческих праздников и бытуют в наши дни.

Духовная культура. Республики Прибалтики — одни из передовых республик Советского Союза по уровню развития культуры. В прошлом развитие национальной культуры тормозилось в Эстонии и Латвии гнетом немецких баронов, в Литве — польских помещиков. Этому способствовала также конфессиональная разобщенность. По вероисповеданию население Прибалтики делилось на католиков, лютеран и православных. Католичество было распространено в районах, которые долго находились под властью Польши, в Литве и восточной Латвии у латгальцев. Лютеранство с XVI в. насильственно насаждалось немецкими пасторами среди эстонцев и западных латышей. Православными были жители пограничных с русскими областей.

В культуре господствующих классов было сильно влияние немецких провинциальных традиций, обычаев польской шляхты и католического духовенства. Народные же массы продолжали сохранять и развивать многие национальные культурные традиции, которые дожили до нашего времени. Глубокие корни имеет прикладное искусство. В современных условиях самодеятельное творчество тесно переплетается с профессиональным. Из прикладного искусства наиболее развиты деревянная скульптура, производство изделий из янтаря, художественное ткачество и вязание, обработка кожи, керамика и др.

После отмены крепостного права в Прибалтике зародилось движение за национально-культурное возрождение. Во главе этого движения встала демократически настроенная интеллигенция. Большое внимание уделялось собиранию и изучению фольклора, шла борьба за создание школ, национальной литературы, театра. Национальный поэт Эстонии Ф. Крейцвальд на основе фольклора написал поэму «Калевипоэг» (Сын Калева). Латышский поэт А. Пумпур по народным мотивам создал поэму «Лачплесис» (Разрывающий медведя), посвященную борьбе латышского народа с немецкими рыцарями. Большое развитие у народов Прибалтики получило хоровое пение. Со второй половины XIX в. стали устраиваться праздники песен. Особенное распространение они получили в советское время.

Народы Европейского Севера СССР

На севере европейской части СССР кроме русских живут карелы, вепсы, коми (зыряне), коми-пермяки, ненцы и саамы (лопари). Все это население, за исключением ненцев, относится к большой европеоидной расе. Несколько особняком стоят лопари, в антропологическом типе которых прослеживается древнее смешение монголоидных и европеоидных признаков. Ненцы принадлежат к монголоидам.

Карелы (138 тыс.) живут в Карельской АССР и Калининской обл. Вепсы (8,1 тыс.) населяют смежные районы Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской областей. Лопари или саамы (2 тыс.) занимают северные районы Кольского полуострова. Основная масса их живет за пределами СССР — на севере Норвегии, Финляндии и Швеции. Коми-зыряне живут в Коми АССР, а также за Уралом. Коми-пермяки расселены в Коми-Пермяцком ав-

тономном округе и отчасти за его пределами. Ненцы (29 тыс.) обитают на широких пространствах тундры и лесотундры Европы и Западной Сибири. В европейской части СССР они составляют коренное население Ненецкого автономного округа и небольшими группами живут дальше к западу, включая Кольский полуостров (О ненцах см. в главе 10 «Народы Сибири»).

Этногенез и этническая история. Языки народов Европейского Севера относятся к уральской языковой семье. Коми-зырянский и коми-пермяцкий очень близки между собой и вместе с удмуртским составляют пермскую подгруппу финских языков. Карельский и вепсский языки относятся к прибалтийско-финским языкам. К ним же причисляется язык лопарей. Но как считают исследователи, лопари в древности говорили на другом языке, возможно самодийском, и только попав в прибалтийско-финскую этническую среду, они утратили свой древний язык.

Заселение Европейского Севера происходило в эпоху мезолита (12—10 тыс. лет тому назад). С юга продвигалось европеоидное население, этническая принадлежность которого остается неизвестной. С востока просачивались монголоиды, говорившие, по-видимому, на уральских языках. Раньше других, вероятно, появились предки лопарей, которые в эпоху неолита широко были расселены по всему Европейскому Северу. Тогда же сложился их антропологический тип. Позднее значительная часть лопарей была ассимилирована расселявшимися на Севере угро-финскими и ненецкими племенами. На Кольском полуострове лопари появились в I тысячелетии до н. э. В это время в районе Финского залива уже жили предки эстонцев, карел, вепсов и финнов-суоми.

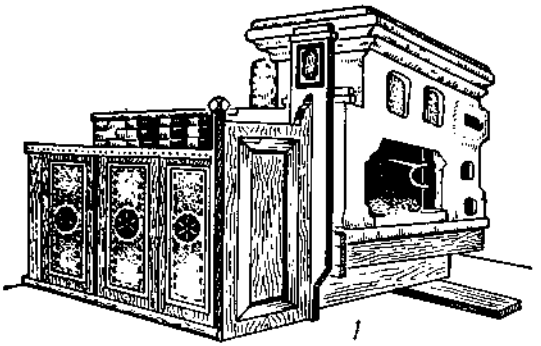
Формирование карел происходило на Карельском перешейке и прилегающих районах Финляндии. В русской летописи они известны под названием корелы. В начале XIII в., когда Швеция захватила Финляндию, часть карел (сайминские и прибыборгские карелы) осталась на территории Финляндии и затем вошла в состав финского народа. В этот же период началось постепенное продвижение карел на Кольский полуостров. К XV в. они достигли побережья Белого моря. Оседая в южных районах современной Карелии, они смешивались с жившими там вепсами. В результате этого смешения образовались две этнографические группы карел со своими диалектами карельского языка — ливвики и людики. Третью группу составили собственно карелы, занимающие северные районы Карельской АССР.

В XVII в. после захвата Швецией Карельского перешейка происходило добровольное переселение карел в Тверскую, Новгородскую и Вологодскую земли. Так образовались верхневолжские или тверские карелы.

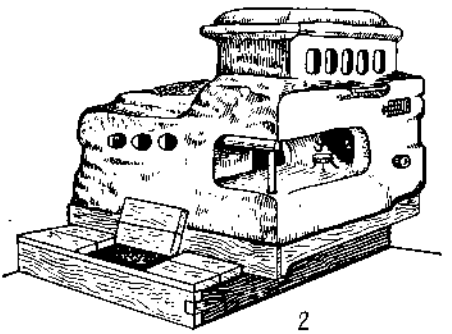
Этногенез коми-зырян и коми-пермяков связан с этническими процессами, протекавшими на территории Верхнего Прикамья в начале I тысячелетия н. э., где на базе различных племен, связанных по происхождению с ананьинскими племенами, формировались племена коми. В конце I тысячелетия н. э. часть их продвинулась на север в район Вычегды, где смешалась с местным населением, говорившем на языке, близком к вепсскому. Так было положено начало коми-зырянам. Отсюда они расселялись по другим рекам Вычегодского бассейна. В XIV в. территория, населенная различными группами коми-зырян, в русских источниках известна под именем Перми Вычегодской. В феодальный период отдельные группы коми-зырян были слабо связаны между собой, особенно выделялись коми-ижемцы. Развитие капиталистических отношений способствовало консолидации коми-зырян в народность.

Оставшиеся на Каме племена коми сложились в коми-пермяцкий народ. Область их расселения носила название Перми Великой. В XIV—XV вв. Пермь Вычегодская и Пермь Великая вошли в состав Московской Руси. С этого времени начались тесные контакты народов коми с русскими, что привело к широкому распространению среди них русской культуры.

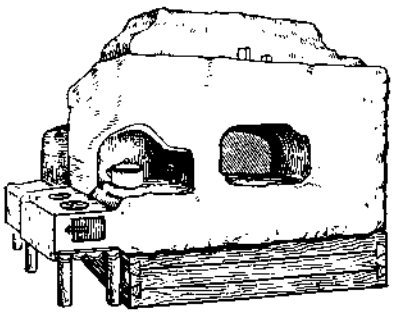
Хозяйство и материальная культура. Народы Севера, за исключением лопарей, рано начали заниматься земледелием. Однако эта отрасль хозяйства значительное развитие полу-



1



2



3

Карельские печи:

1 — южнокарельская печь с голбцом. 2 — печь с низким голбцом; 3 — северо-западный тип печи с угловым камельком

чила только в южных районах их расселения. Наряду с земледелием повсюду было распространено скотоводство. Эти виды занятий дополнялись лесными промыслами, преимущественно охотой, а также рыболовством, особенно на крупных реках и озерах. Коми-зыряне, жившие на р. Ижме, под влиянием ненцев перешли к занятию оленеводством, однако сначала сами они не кочевали со стадами оленей, а нанимали пастухов из тех же ненцев. Но постепенно ими был освоен этот вид занятий, и они стали сами выпасать своих оленей Занимая все новые пастбища, они в конце XIX в. продвинулись на Урал.

В период капитализма народы Севера, особенно коми-зыряне, широко практиковали различные виды отхожих промыслов.

У лопарей хозяйство было комплексным. Они занимались оленеводством, рыболовством и охотой, в том числе и на морских животных. В отличие от ненцев они доили оленей. В течение года лопари совершали несколько перекочевок. С конца XIX в. кочевать стали только мужчины, а остальные члены семей переселялись лишь из зимних поселков в летние.

В материальной культуре карел, вепсов, коми-зырян и коми-пермяков в XIX в. прослеживалось много общих черт. Для них был характерен гнездовой тип расселения, при котором вокруг главного селения располагались небольшие выселки. Жилищем им служили срубные избы на высоком подклете. Под одной крышей с избой ставились хозяйственные постройки.

У всех этих народов сложились сходные традиционные комплексы одежды, особенно женской. Она состояла из рубахи с длинными рукавами, на которую надевали разного покроя сарафаны на лямках. Головные уборы были обычно сложными: непосредственно на волосы надевали шапочки, затем головной убор на твердой основе. Широко бытовали различные платки и шали.

Мужской костюм был таким же, как у соседнего русского населения.

Жилищем лопарей первоначально служила вежа — низкий, углубленный в грунт сруб, засыпанный сверху землей. В крыше для све-

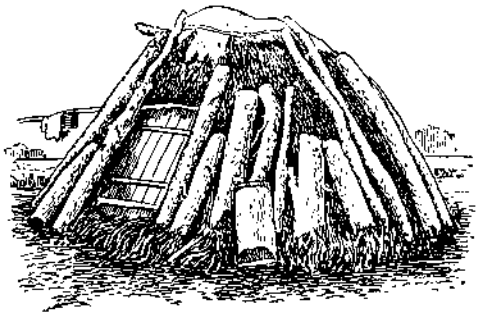
та и выхода дыма оставлялось небольшое отверстие. Летом они сооружали конические шалаши, покрытые берестой. Под влиянием русских в XV—XVII вв. лопари стали переходить к полуоседлому образу жизни, в связи с чем появились небольшие срубные избушки с окнами, позднее распространились срубные избы.

За годы Советской власти произошли коренные изменения во всех сторонах жизни народов Европейского Севера. На Севере стали развиваться различные отрасли тяжелой и легкой промышленности и специализированное сельское хозяйство. Вырос национальный рабочий класс. Преобразилась и материальная культура. Традиционные особенности еще сохраняются во внешнем облике сельского жилища, но его внутренняя планировка и убранство все более приближается к городским. Традиционная одежда повсюду сменилась городской, только в немногих местах отдельные ее элементы сохраняются в костюме пожилых женщин. Продолжает бытовать меховая зимняя одежда у лопарей.

Духовная культура. До революции ни один из народов Европейского Севера не имел своей письменности, если не считать особой зырянской письменности, созданной в XIV в. Стефаном Пермским, но не получившей распространения и быстро забытой. В духовной жизни этих народов большое место занимало устное художественное творчество и прикладное искусство. Широко бытовали эпос, предания, песни, сказки, особенно богат по содержанию был карело-финский эпос «Калевала». Из прикладного искусства популярны были вышивка, узорное ткачество, резьба по дереву.

По вероисповеданию народы Севера были православными, но у них в той или иной степени сохранялись пережитки дохристианских верований, особенно у лопарей, которые почитали «оленью хозяйку» и других «хозяев» — покровителей промыслов; у них же существовал культ священных камней и пережитки шаманизма.

При Советской власти была создана письменность у коми-зырян и коми-пермяков, а также у карел, у которых в основу литературного языка был положен финский язык. Большое развитие получили национальные литературы, художественное творчество.



Вежа. Мурманская обл. Ловозеро

Народы Юго-Запада и Юга европейской части СССР

На юго-западе европейской части СССР живут молдаване (молдовень, 2968 тыс.), составляющие основное население Молдавской ССР. По расовой принадлежности они преимущественно темнопигментированные европеоиды. Язык молдаван относится к романской ветви индоевропейской языковой семьи, он близок к румынскому языку.

В этногенезе молдаван приняли участие различные этнические компоненты. Непосредственными предками молдаван, как и других восточнороманских народов, были влахи, или волохи, сформировавшиеся на Карпато-Балканских землях в IX—X вв. из смешения романизированного в период Римской империи фракийского населения и славян, поселившихся в этом районе в VI—VII вв. В языке волохов, положившем начало восточнороманским языкам, в их материальной и духовной культуре прослеживается значительное влияние древних славян.

Волохи были пастушескими племенами, принявшими православие. В XIII—XV вв. они продвинулись из северных предгорий Карпат в верховья Прута и Днестра и осели на землях, освоенных земледельцами — восточными славянами. Здесь продолжалось формирова-

нке молдавской народности в процессе этнической консолидации пришельцев-волохов и местного восточнославянского населения. Молдавская народность сложилась в XIV в., когда возникло Молдавское государство, занимавшее территорию от Карпат до Днестра. В Молдавском княжестве государственным языком служил древнеславянский, который в XVI—XVII вв. был заменен молдавским литературным языком, основанным на древнеславянской графике.

Сложная этническая история молдаван и этнокультурные контакты с различными народами в разные исторические эпохи наложили отпечаток на их материальную и духовную культуру. Особенно значительным было культурное взаимодействие с украинцами и русскими в XIX в.

Основными занятиями молдаван были земледелие и скотоводство; до середины XIX в. скотоводство выступало ведущей отраслью хозяйства. В земледелии наряду с полеводством большое место занимали виноградарство и садоводство.

Типичным жилищем у молдаван в прошлом была плетневая мазанка с соломенной или камышовой крышей. На смену мазанке пришли глинобитные и саманные жилища, последние получили наибольшее распространение в настоящее время.

Традиционный костюм молдаван сложился в средневековый период. Он имел много локальных различий. Особенно красочной с богатой вышивкой была женская одежда, состоявшая из полотняной рубахи, шерстяной юбки (местами сарафана), пояса, безрукавки и платка.

За годы Советской власти сильно изменились культура и быт молдавского народа. Выросли города, благоустраиваются селения. Наряду с сельским хозяйством в Молдавии развивается промышленность, особенно пищевая. Дальнейшее развитие получили складывавшиеся веками богатые национальные традиции и не только в народном художественном творчестве, но и в разнообразных формах профессионального искусства.

В южной Молдавии и соседних областях Украины живут гагаузы (173 тыс.) — тюркоязычный народ, переселившийся из Болгарии в XVIII в. Они считаются потомками средневекового тюркоязычного народа, принявшего православие. По культурному облику гагаузы близки к своим соседям — молдаванам, украинцам и особенно к болгарам, переселившимся из Болгарии также в XVIII—XIX вв.

В Нижнем Поволжье живут калмыки (147 тыс.), главным образом в Калмыцкой АССР. По антропологическому типу они монголоиды и говорят на монгольском языке. В степях Нижнего Поволжья они появились в XVII в. из Западной Монголии. Вплоть до Октябрьской революции вели кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством.

За годы Советской власти коренным образом изменился весь их традиционный жизненный уклад. Они полностью перешли на оседлость. В республике получила развитие промышленность. Перестроилось сельское хозяйство, в котором наряду со скотоводством появились другие отрасли.

На юго-западе европейской части СССР живут евреи, говорившие в прошлом на языке идиш, диалекте немецкого языка. В настоящее время они говорят в большинстве на русском языке и языках тех народов, среди которых живут.

Цыгане — небольшой народ, живущий в разных областях европейской части СССР, преимущественно в южных и юго-западных районах, а также на Кавказе и в Средней Азии. Всего цыган в СССР—209 тыс. Предки цыган вышли в X в. из Индии и расселились по странам Передней Азии, Северной Африки и Европы. В Россию цыгане переселились из Западной Европы в XV—XVI вв. Самоназвание цыган — ром. Язык их принадлежит к индийским языкам индоевропейской языковой семьи. До революции цыгане вели оседлый и кочевой образ жизни.

После революции цыганам были предоставлены условия для перехода к оседлой жизни. Многие таборы осели. Были организованы цыганские колхозы. Значительная часть цыган стала работать на промышленных предприятиях.

Глава 8

Народы Кавказа

Кавказ представляет собой историко-этнографическую область, очень сложную по своему этническому составу. Своеобразие географического положения Кавказа как связующего звена между Европой и Азией, близость его к древним цивилизациям Передней Азии сыграли значительную роль в развитии культуры и в формировании некоторых населяющих его народов.

Общие сведения. На сравнительно небольшом пространстве Кавказа расселено много народов, различных по своей численности и говорящих на разных языках. На земном шаре немного областей с таким пестрым населением. Наряду с крупными народами, насчитывающими миллионы человек, такими, как азербайджанцы, грузины и армяне, на Кавказе, особенно в Дагестане, живут народы, численность которых не превышает нескольких тысяч.

По антропологическим данным все население Кавказа, за исключением ногайцев, имеющих монголоидные черты, принадлежит к большой европеоидной расе. Большинство жителей Кавказа темнопигментированы. Светлая окраска волос и глаз встречается у некоторых групп населения Западной Грузии, в горах Большого Кавказа, а также частично у абхазов и адыгских народов.

Современный антропологический состав населения Кавказа сложился в отдаленные времена — с конца бронзового и начала железного веков — и свидетельствует о древних связях Кавказа как с областями Передней Азии, так и с южными районами Восточной Европы и Балканского полуострова.

Самыми распространенными языками на Кавказе являются кавказские или иберо-кавказские языки. Эти языки сформировались в глубокой древности и в прошлом имели более широкое распространение. В науке до сих пор еще не решен вопрос, представляют ли кавказские языки единую семью языков или они не связаны единством происхождения. Кавказские языки объединяют в три группы: южную, или картвельскую, северо-западную, или абхазо-адыгскую, и северо-восточную, или нахско-дагестанскую.

На картвельских языках говорят грузины, как восточные, так и западные. Грузины (3571 тыс.) живут в Грузинской ССР. Отдельные группы их расселены в Азербайджане, а также за рубежом — в Турции и Иране.

На абхазо-адыгских языках говорят абхазы, абазины, адыгейцы, черкесы и кабардинцы. Абхазы (91 тыс.) живут компактной массой в Абхазской АССР; абазины (29 тыс.)— в Карачаево-Черкесской автономной области; адыгейцы (109 тыс.) населяют Адыгейскую автономную область и некоторые районы Краснодарского края, в частности Туапсинский и Лазаревский, черкесы (46 тыс.) живут в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края и других местах Северного Кавказа. Кабардинцы, черкесы и адыгейцы говорят на одном — адыгском языке.

К нахским языкам относятся языки чеченцев (756 тыс.) и ингушей (186 тыс.)— основного населения Чечено-Ингушской АССР, а также кистин и цова-тушин или бацбиев — небольшого народа, живущего в горах на севере Грузии на границе с Чечено-Ингушской АССР.

На дагестанских языках говорят многочисленные народы Дагестана, населяющие его горные районы. Наиболее крупными из них являются аварцы (483 тыс.), живущие в западной части Дагестана; даргинцы (287 тыс.), населяющие его центральную часть; по соседству с даргинцами живут лакцы, или лаки (100 тыс.); южные районы заняты лезгинами (383 тыс.), к востоку от которых живут табасараны (75 тыс.). К аварцам примыкают по языку и географически так называемые андо-дидойские или андо-цезские народы: андийцы, ботлихцы, дидойцы, хваршины и др.; к даргинцам — кубачинцы и кайтаки, к лезгинам — агулы, рутулы, цахуры, часть которых живет в пограничных с Дагестаном районах Азербайджана.

Народы Кавказа

Значительный процент населения Кавказа составляют народы, говорящие на тюркских языках алтайской языковой семьи. Самым многочисленным из них являются азербайджанцы (5477 тыс.), живущие в Азербайджанской ССР, Нахичеванской АССР, а также в Грузии и Дагестане. За пределами СССР азербайджанцы населяют Иранский Азербайджан. Азербайджанский язык относится к огузской ветви тюркских языков и обнаруживает наибольшее сходство с туркменским.

К северу от азербайджанцев, на плоскостной части Дагестана, живут кумыки (228 тыс.), говорящие на тюркском языке кипчакской группы. К этой же группе тюркских языков относится язык двух небольших близко родственных народов Северного Кавказа — балкарцев (66 тыс.), населяющих Кабардино-Балкарскую АССР, и карачаевцев (131 тыс.), живущих в пределах Карачаево-Черкесской автономной области. Тюркоязычными являются и ногайцы (60 тыс.), расселившиеся в степях Северного Дагестана, в Ставропольском крае и других местах Северного Кавказа. На Северном Кавказе живет небольшая группа трухмен, или туркмен, выходцев из Средней Азии.

На Кавказе представлены также народы, говорящие на иранских языках индоевропейской языковой семьи. Самым крупным из них являются осетины (542 тыс.), населяющие Северо-Осетинскую АССР и Юго-Осетинскую автономную область Грузинской ССР. В Азербайджане на иранских языках говорят талыши в южных районах республики и таты, расселенные преимущественно на Апшеронском полуострове и других местах Северного Азербайджана; часть татов, исповедующих иудаизм, иногда называют горскими евреями. Они живут в Дагестане, а также в городах

Азербайджана и Северного Кавказа. К иранским принадлежит и язык курдов (116 тыс.), проживающих небольшими группами в разных районах Закавказья.

Особняком в индоевропейской семье стоит язык армян (4151 тыс.). В Армянской ССР проживает более половины армян СССР. Остальная часть их живет в Грузии, Азербайджане и других районах страны. Более миллиона армян рассеяно по разным странам Азии (преимущественно Передней Азии), Африки и Европы.

Помимо вышеперечисленных народов на Кавказе живут греки, говорящие на новогреческом языке и частично на турецком (урумы), айсоры, язык которых относится к семито-хамитской языковой семье, цыгане, пользующиеся одним из индийских языков, евреи Грузии, говорящие на грузинском языке, и др.

После присоединения Кавказа к России там стали селиться русские и другие народы из Европейской России. В настоящее время на Кавказе значительный процент русского и украинского населения.

До Октябрьской революции большинство языков Кавказа были бесписьменными. Имели свою древнюю письменность только армяне и грузины. В IV в. н. э. армянский просветитель Месроп Маштоц создал армянский алфавит. На древнеармянском языке (грабаре) была создана письменность. В качестве литературного языка грабар существовал до начала XIX в. На этом языке создана богатая научная, художественная и другая литература. В настоящее время литературным языком является современный армянский язык (ашхарабар). В начале н. э. возникла также письменность на грузинском языке. В основу ее было положено арамейское письмо. На территории Азербайджана, в период Кавказской Албании, существовала письменность на одном из местных языков. С VII в. стала распространяться арабская письменность. При Советской власти письменность на азербайджанском языке была переведена на латинскую, а затем на русскую графику.

После Октябрьской революции многие бесписьменные языки народов Кавказа получили письменность на основе русской графики. Некоторые небольшие народы, не имевшие своей письменности, такие, как, например, агулы, рутулы, цахуры (в Дагестане) и другие пользуются русским литературным языком.

Этногенез и этническая история. Кавказ был освоен человеком с древнейших времен. Там обнаружены остатки раннепалеолитических каменных орудий — шелльских, ашелльских и мустьерских. Для эпохи позднего палеолита, неолита и энеолита на Кавказе можно проследить значительную близость археологических культур, что дает возможность говорить об историческом родстве населявших его племен. В эпоху бронзы существовали отдельные культурные центры как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. Но несмотря на своеобразие каждой культуры, у них все-таки прослеживаются общие черты.

Начиная со II тысячелетия до н. э. народы Кавказа упоминаются на страницах письменных источников — в ассирийских, урартских, древнегреческих и других памятниках письменности.

Самый крупный кавказоязычный народ — грузины (картвелы) — сформировался на занимаемой им в настоящее время территории из древних местных племен. В состав их вошла также часть халдов (урартийцев). Картвелы делились на западных и восточных. К числу картвельских народов относятся сваны, мегрелы и лазы, или чаны. Основная масса последних живет за пределами Грузии, в Турции. В прошлом западные грузины были многочисленнее и населяли почти всю Западную Грузию.

У грузин рано начала складываться государственность. В конце II тысячелетия до н. э. в юго-западных областях расселения грузинских племен образовались племенные союзы Диаохи и Колха. В первой половине I тысячелетия до н. э. известно объединение грузинских племен под именем сасперов, которое охватывало большую территорию от Колхиды до Мидии. Сасперы сыграли значительную роль в разгроме Урартского царства. В этот период часть древних халдов была ассимилирована грузинскими племенами.

В VI в. до н. э. в Западной Грузии возник-

ло Колхидское царство, в котором было высоко развито сельское хозяйство, ремесло, торговля. Одновременно с Колхидским царством существовало Иберийское (Картлийское) государство в Восточной Грузии.

На всем протяжении средневековья, в связи с феодальной раздробленностью, картвельская народность не представляла собой монолитного этнического массива. В ней долго сохранялись отдельные этнотерриториальные группы. Особенно выделялись грузины-горцы, живущие на севере Грузии в отрогах Главного Кавказского хребта; сваны, хевсуры, пшавы, тушины; обособились аджарцы, долгое время находившиеся в составе Турции, принявшие мусульманство и несколько отличавшиеся по культуре от других грузин.

В процессе развития капитализма в Грузии сложилась грузинская нация. В условиях Советской власти, когда грузины получили свою государственность и все условия для экономического, социального и национального развития, сформировалась грузинская социалистическая нация.

Этногенез абхазов протекал с древнейших времен на территории современной Абхазии и прилегающих районов. В конце I тысячелетия до н. э. здесь сложились два племенных союза: абазгов и апсилов. От имени последних происходит самоназвание абхазов — апсуа. В I тысячелетии до н. э. предки абхазов испытывали культурное влияние эллинского мира через посредство греческих колоний, возникших на побережье Черного моря.

В феодальный период складывалась абхазская народность. После Октябрьской революции абхазы получили свою государственность и начался процесс формирования абхазской социалистической нации.

Адыгские народы (самоназвание всех трех народов — адыгэ) в прошлом жили компактной массой в области нижнего течения р. Кубани, ее притоков Белой и Лабы, на Таманском полуострове и вдоль побережья Черного моря. Проводимые в этой области археологические исследования показывают, что предки адыгских народов заселяли этот район с глубокой древности. Адыгские племена, начиная с I тысячелетия до н. э., воспринимали культурное воздействие античного мира через Боспорское царство. В XIII—XIV вв. часть адыгов, у которой значительное развитие получило скотоводство, особенно коневодство, в поисках свободных пастбищ продвинулась на восток, к Тереку, и позднее стала называться кабардинцами. Эти земли прежде занимали аланы, которые в период монголо-татарского нашествия были частью истреблены, частью оттеснены на юг, в горы. Некоторые группы алан были ассимилированы кабардинцами. Кабардинцы, переселившиеся в начале XIX в. в верховья Кубани, получили название черкесов. Оставшиеся на старых местах адыгские племена составили адыгейский народ.

Этническая история адыгских народов, как и других горцев Северного Кавказа и Дагестана, имела свои особенности. Феодальные отношения на Северном Кавказе развивались более медленными темпами, чем в Закавказье, и переплетались с патриархально-общинными отношениями. Ко времени присоединения Северного Кавказа к России (середина XIX в.) горские народы стояли на разных уровнях феодального развития. Дальше других по пути складывания феодальных отношений продвинулись кабардинцы, которые оказывали большое влияние на общественное развитие других горцев Северного Кавказа.

Неравномерность социально-экономического развития отражалась и на уровне этнической консолидации этих народов. У большинства из них сохранялись следы племенного деления, на базе которого формировались этнотерриториальные общности, развивавшиеся по линии интеграции в народность. Раньше других этот процесс завершился у кабардинцев.

Чеченцы (нахчо) и ингуши (галга) — близкородственные народы, образовавшиеся из родственных по происхождению, языку и культуре племен, представлявших собой древнее население северо-восточных отрогов Главного Кавказского хребта.

Народы Дагестана также являются потомками древнейшего кавказоязычного населения этой области. Дагестан — самый пестрый по этническому составу район Кавказа, в кото-

ром до недавнего прошлого насчитывалось около тридцати небольших народов. Основной причиной такого разнообразия народов и языков на сравнительно небольшой территории была географическая обособленность: труднопроходимые горные хребты способствовали замкнутости отдельных этнических групп и сохранению самобытных черт в их языке и культуре.

В течение средневековья у ряда наиболее крупных народов Дагестана возникали раннефеодальные государственные образования, но они не привели к консолидации этнотерриториальных группировок в единую народность. Например, у одного из самых крупных народов Дагестана — аварцев возникло Аварское ханство с центром в селении Хунзах. Одновременно с ним существовали так называемые «вольные», но зависимые от хана, аварские общества, занимавшие отдельные ущелья в горах, в этническом отношении представлявшие собой обособленные группировки — «землячества». У аварцев не существовало единого этнического самосознания, но четко проявлялось земляческое.

С проникновением в Дагестан капиталистических отношений и ростом отходничества былая замкнутость отдельных народов и их групп стала исчезать. В условиях Советской власти этнические процессы в Дагестане приняли совершенно иное направление. Здесь происходит консолидация в народности более крупных народов с одновременной консолидацией в их составе мелких родственных этнических групп — например, в аварскую народность объединяются вместе с аварцами родственные им по происхождению и языку андо-дидойские народы.

На плоскостной части Дагестана живут тюркоязычные кумыки (кумук). В их этногенезе участвовали как местные кавказоязычные компоненты, так и пришлые тюрки: булгары, хазары и особенно кипчаки.

Балкарцы (таулу) и карачаевцы (карачайлы) говорят на одном языке, но разобщены географически — балкарцы живут в бассейне Терека, а карачаевцы — в бассейне Кубани, и между ними трудно доступная горная система Эльбруса. Оба эти народа образовались из смешения местного кавказоязычного населения, ираноязычных алан и кочевых тюркских племен, преимущественно булгар и кипчаков. Язык балкарцев и карачаевцев относится к кипчакской ветви тюркских языков.

Живущие на крайнем севере Дагестана и за его пределами тюркоязычные ногайцы (ногай) являются потомками населения золотоордынского улуса, возглавлявшегося в конце XIII в. темником Ногаем, от имени которого происходит их название. В этническом отношении это было смешанное население, в состав которого вошли монголы и различные группы тюрок, особенно кипчаки, передавшие ногайцам свой язык. После распада Золотой Орды часть ногайцев, составлявших большую ногайскую орду, в середине XVI в. приняла русское подданство. Позднее вошли в состав России и другие ногайцы, кочевавшие в степях между Каспийским и Черным морями.

Этногенез осетин протекал в горных районах Северного Кавказа. Их язык относится к иранским языкам, но он занимает среди них особое место, обнаруживая тесную связь с кавказскими языками как в лексике, так и в фонетике. В антропологическом и культурном отношениях осетины составляют единое целое с народами Кавказа. По мнению большинства исследователей, основу осетинского народа составили аборигенные кавказские племена, смешавшиеся с оттесненными в горы ираноязычными аланами.

Дальнейшая этническая история осетин имеет много сходного с другими народами Северного Кавказа. Существовавшие у осетин до середины XIX в. социально-экономические отношения с элементами феодализма не привели к образованию осетинской народности. Разобщенные группы осетин представляли собой отдельные земляческие объединения, носившие названия по занимаемым ими ущельям Главного Кавказского хребта. В дореволюционный период часть осетин спустилась на плоскость в районе Моздока, образовав группу моздокских осетин.

После Октябрьской революции осетины получили национальную автономию. На территории расселения северокавказских осетин была образована Северо-Осетинская АССР,

Сравнительно небольшая группа закавказских осетин получила областную автономию в пределах Грузинской ССР.

При Советской власти происходило переселение большинства северных осетин из неудобных для жизни горных ущелий на равнину, которое нарушило земляческую обособленность и привело к смешению отдельных групп, что в условиях социалистического развития экономики, общественных отношений и культуры поставило осетин на путь формирования социалистической нации.

В сложных исторических условиях протекал процесс этногенеза азербайджанцев. На территории Азербайджана, как и в других областях Закавказья, рано стали возникать различные племенные объединения и государственные образования. В VI в. до н. э. южные районы Азербайджана входили в состав могущественного Мидийского государства. В IV в. до н. э. в Южном Азербайджане возвысилось самостоятельное государство Малая Мидия или Атропатена (само слово «Азербайджан» происходит от искаженного арабами «Атропатена»). В этом государстве шел процесс сближения различных народов (маннеев, кадусиев, каспиев, части мидян и др.), говоривших преимущественно на иранских языках. Наиболее распространенным среди них был язык, близкий к талышскому.

В этот период (IV в. до н. э.) на севере Азербайджана возник албанский союз племен, а затем в начале н. э. создалось государство Албания, границы которого на юге доходили до р. Аракса, на севере она включала Южный Дагестан. В этом государстве насчитывалось более двадцати народов, говоривших на кавказских языках, главная роль среди которых принадлежала языку утиев или удин.

В III—IV вв. Атропатена и Албания были включены в состав Сасанидского Ирана. Сасаниды, чтобы укрепить свое господство на завоеванной территории, переселяли туда население из Ирана, в частности татов, осевших в северных районах Азербайджана.

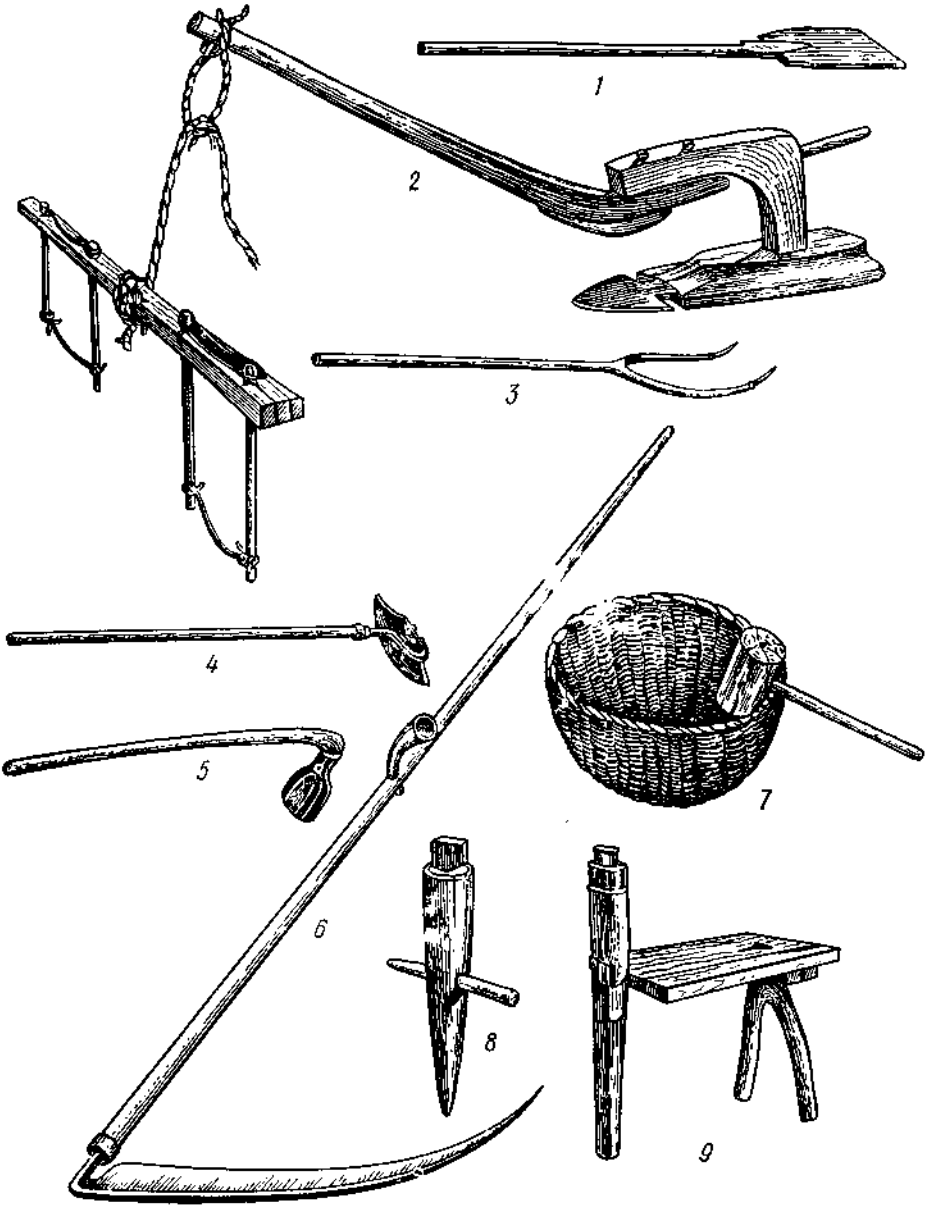
К IV—V вв. относится начало проникновения различных групп тюрок в Азербайджан (гуннов, болгар, хазар и др.).

В XI в. Азербайджан подвергся нашествию тюрок-сельджуков. В последующее время продолжался прилив тюркского населения в Азербайджан, особенно в период монголо-татарского завоевания. В Азербайджане все более распространялся тюркский язык, который стал господствующим к XIII в. С этого времени стал формироваться современный азербайджанский язык, принадлежащий к огузской ветви тюркских языков.

В феодальном Азербайджане начала складываться азербайджанская народность. По мере развития капиталистических отношений она стала на путь превращения в буржуазную нацию.

В советский период в Азербайджане наряду с консолидацией азербайджанской социалистической нации происходит постепенное слияние с азербайджанцами мелких этнических групп, говорящих как на иранских, так и на кавказских языках.

Одним из крупных народов Кавказа являются армяне. Они имеют древнюю культуру и богатую событиями историю. Самоназвание армян — хай. Область, где происходил процесс образования армянского народа, лежит за пределами Советской Армении. В этногенезе армян выделяются два основных этапа. Начало первого этапа относится ко II тысячелетию до н. э. Основную роль на этом этапе сыграли племена хайев и армиев. Хайи, говорившие, вероятно, на языках, близких к кавказским, во II тысячелетии до н. э. создали племенной союз на востоке Малой Азии. В этот период с хайями смешивались проникавшие сюда с Балканского полуострова индоевропейцы — армины. Второй этап этногенеза армян протекал на территории государства Урарту в I тысячелетии до н. э., когда в формировании армян приняли участие халды, или урартийцы. В этот период возникло политическое объединение предков армян Арме-Шуприя. После разгрома Урартского государства в VI в. до н. э. армяне вышли на историческую арену. Считают, что в состав армян вошли также ираноязычные киммерийцы и скифы, проникавшие в течение I тысячелетия до н. э. из степей Северного Кавказа в Закавказье и Переднюю Азию.



Сельскохозяйственные орудия и инвентарь осетин:

1 — деревянная лопата для провеивания зерна; 2 — соха; 3 — деревянные вилы с роговыми наконечниками; 4 — тяпка; 5 — мотыга 6 — коса; 7 — корзина для обмолота кукурузы; 8, 9 — приспособления для оттяжки и выравнивания лезвия косы

Азербайджанская медная посуда для воды

В силу складывавшейся исторической обстановки, из-за завоеваний арабов, сельджуков, затем монголов, Ирана, Турции многие армяне оставили свою родину и переселились в другие страны. До первой мировой войны значительная часть армян проживала в Турции (более 2 млн.). После армянской резни 1915 г., инспирированной турецким правительством, когда было перебито много армян, оставшиеся в живых переселились в Россию, страны Передней Азии, Западной Европы и в Америку. Сейчас в Турции процент сельского армянского населения незначителен.

Образование Советской Армении явилось великим событием в жизни многострадального армянского народа. Она стала подлинной свободной родиной армян.

Хозяйство. Кавказ как особая историко-этнографическая область отличается большим своеобразием в занятиях, быту, материальной и духовной культуре населяющих его народов.

На Кавказе с древнейших времен получили развитие земледелие и скотоводство. Начало земледелия на Кавказе относится к III тысячелетию до н. э. Раньше оно распространилось в Закавказье, а затем на Северном Кавказе. Древнейшими зерновыми культурами были просо, пшеница, ячмень, гоми, рожь, рис, с XVIII в. стали выращивать кукурузу. В разных районах преобладали различные культуры. Например, абхазо-адыгейские народы предпочитали просо; густая пшенная каша с острыми подливами была излюбленным их блюдом. Пшеницу сеяли во многих районах Кавказа, но особенно на Северном Кавказе и в Восточной Грузии. В Западной Грузии преобладала кукуруза. Рис разводился во влажных районах Южного Азербайджана.

Виноградарство известно в Закавказье со II тысячелетия до н. э. Народами Кавказа выведено множество различных сортов винограда. Наряду с виноградарством рано получило развитие и садоводство, особенно в Закавказье.

Землю с древних времен обрабатывали разнообразными деревянными пахотными орудиями с железными наконечниками. Они были легкими и тяжелыми. Легкие применялись при неглубокой пахоте, на мягких почвах преимущественно в горах, там поля были небольшими. Иногда горцы устраивали искусственные пашни: в корзинах приносили зем-

лю на террасы по склонам гор. Тяжелые плуги, в которые впрягалось по нескольку пар волов, употреблялись для глубокой вспашки, главным образом в равнинных местах.

Урожай повсюду убирали серпами. Зерно обмолачивали молотильными досками с каменными вкладышами на нижней стороне. Такой способ молотьбы восходит к эпохе бронзы.

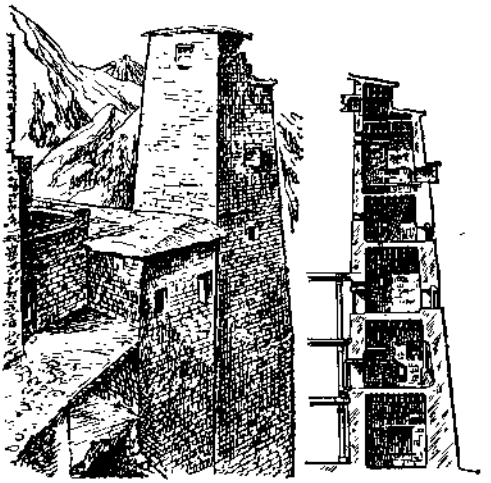
Скотоводство появилось на Кавказе в III тысячелетии до н. э. Во II тысячелетии до н. э. оно стало широко распространяться в связи с освоением горных пастбищ. В этот период на Кавказе сложился своеобразный тип отгонного скотоводства, существующий до настоящего времени. Летом скот пасли в горах, зимой перегоняли на равнины. Отгонное скотоводство развилось в кочевое только в некоторых районах Восточного Закавказья. Там скот круглый год держали на подножном корму, перегоняя его с места на место по определенным маршрутам.

Древнюю историю на Кавказе имеют также пчеловодство и шелководство.

Рано получили развитие кавказское ремесленное производство и торговля. Некоторые ремесла насчитывают не одну сотню лет. Наиболее были распространены ковроткачество, ювелирное дело, изготовление оружия, производство гончарной и металлической посуды, бурок, ткачество, вышивка и др. Изделия кавказских мастеров были известны далеко за пределами Кавказа.

После присоединения к России Кавказ был включен в общероссийский рынок, что внесло значительные изменения в развитие его экономики. Земледелие и скотоводство в пореформенный период стали развиваться по капиталистическому пути. Расширение торговли вызвало упадок ремесленного производства, так как изделия ремесленников не выдерживали конкуренции более дешевых фабричных товаров.

После установления Советской власти на Кавказе начался быстрый подъем его экономики. Стала развиваться промышленность нефтяная, нефтеперерабатывающая, горнорудная, машиностроительная, строительных материалов, станкостроение, химическая, различные отрасли легкой промышленности и др., строились электростанции, дороги и т. д.



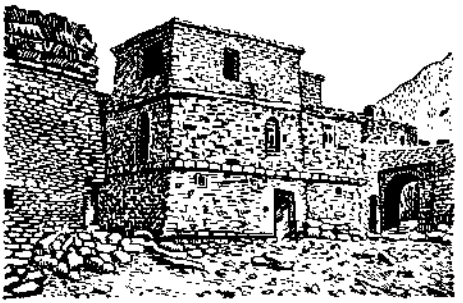
1 2

Древняя башня в аварском селении:
1 — общий вид; 2 — разрез башни

Создание колхозов позволило в значительной степени изменить характер и направление сельского хозяйства. Благоприятные природные условия Кавказа дают возможность выращивать теплолюбивые культуры, которые в других местах СССР не произрастают. В субтропических районах основное внимание уделяется культурам чая и цитрусовых. Растет площадь под виноградниками и плодовыми садами. Земледелие ведется на базе новейшей техники. Много внимания уделяется орошению засушливых земель.

Шагнуло вперед и скотоводство. За колхозами закреплены постоянные зимние и летние пастбища. Проводится большая работа по улучшению пород скота.

Материальная культура. При характеристике культуры народов Кавказа следует различать Северный Кавказ, включая Дагестан и Закавказье. Внутри этих больших районов также наблюдаются особенности в культуре крупных народов или групп малых народов. На Северном Кавказе большое культурное



Агульский старинный дом-крепость

Старинное абхазское жилище

единство прослеживается между всеми адыгскими народами, осетинами, балкарцами и карачаевцами. С ними связано население Дагестана, но все-таки дагестанцы имеют много самобытного в культуре, что позволяет выделить Дагестан в особый район, к которому примыкают Чечня и Ингушетия. В Закавказье особыми районами являются Азербайджан, Армения, Восточная и Западная Грузия.

В дореволюционный период основную массу населения Кавказа составляли сельские жители. Крупных городов на Кавказе было немного, из них наибольшее значение имели Тбилиси (Тифлис) и Баку.

Существовавшие на Кавказе типы поселений и жилищ были тесно связаны с природными условиями. Эта зависимость прослеживается в какой-то мере и в настоящее время.

Для большинства селений в горных местностях была характерна значительная теснота застройки: строения вплотную примыкали одно к другому. На плоскости селения располагались более свободно, при каждом доме имелся двор, а часто и небольшой участок земли.

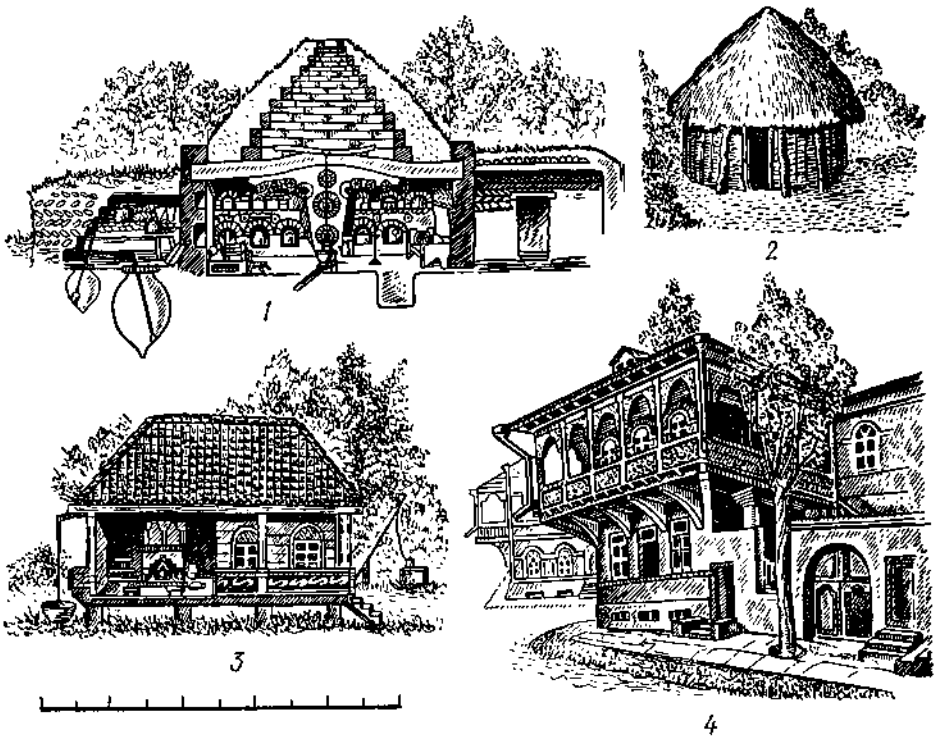
У всех народов Кавказа долгое время сохранялся обычай, по которому родственники селились вместе, образуя отдельный квартал. С ослаблением родственных связей локальное единство родственных групп стало исчезать.

В горных районах Северного Кавказа, Дагестана и Северной Грузии типичным жилищем была четырехугольная каменная постройка, одно- и двухэтажная с плоской крышей.

Значительно отличались от горных жилищ дома обитателей плоскостных районов Северного Кавказа и Дагестана. Стены построек возводились из самана или плетня. Турлучные (плетневые) сооружения с двускатной или четырехскатной крышей были характерны для адыгских народов и для жителей некоторых районов равнинного Дагестана.

Жилища народов Закавказья имели свои особенности. В некоторых районах Армении, Юго-Восточной Грузии и Западного Азербайджана встречались своеобразные здания, представлявшие собой сооружения из камня, иногда несколько углубленные в землю; крышей служило деревянное ступенчатое перекрытие, которое снаружи засыпалось землей. Этот тип жилища — один из древнейших в Закавказье и по своему происхождению тесно связан с подземным жилищем древнего оседлого населения Передней Азии.

В других местах Восточной Грузии жилище строилось из камня с плоской или двускатной



Типы жилищ (Грузия):

1 — разрез дарбази (Восточная Грузия); 2 — конусообразное жилище (пацха); 3 — жилой дом (Западная Грузия); 4 — городской жилой дом

крышей, одно- или двухэтажное. Во влажных субтропических местах Западной Грузии и в Абхазии дома возводились из дерева, на столбах, с двускатными или четырехскатными крышами. Пол такого дома был высоко приподнят над землей, чтобы предохранить жилище от сырости.

В Восточном Азербайджане типичными были саманные, обмазанные глиной, одноэтажные жилища с плоской крышей, выходившие глухими стенами на улицу.

За годы советской власти жилище народов Кавказа претерпело существенные изменения и неоднократно обретало новые формы, пока не были выработаны типы, имеющие широкое распространение в настоящее время. Теперь нет такого разнообразия жилищ, какое существовало до революции. Во всех горных районах Кавказа основным строительным материалом остается камень. В этих местах преобладают двухэтажные дома с плоскими, двускатными или четырехскатными крышами. На равнине в качестве строительного материала используется саманный кирпич. Общим в развитии жилища всех народов Кавказа является тенденция к увеличению его размеров и более тщательной отделке.

Изменился вид колхозных селений по сравнению с прошлым. В горах многие селения из неудобных мест перенесены в более удобные. Азербайджанцы и другие народы стали строить дома окнами на улицу, исчезают высокие глухие заборы, отгораживающие двор от улицы. Улучшилось благоустройство селений, водоснабжение. Многие селения имеют водопроводы, увеличиваются посадки

плодовых и декоративных растений. Большинство крупных селений по своему благоустройству не отличаются от городских поселков.

В одежде народов Кавказа в дореволюционный период прослеживалось большое разнообразие. Она отражала этнические особенности, экономические и культурные связи между народами.

Много общего в одежде было у всех адыгских народов, осетин, карачаевцев, балкарцев и абхазов. Мужской костюм этих народов получил распространение по всему Кавказу. Основные элементы этого костюма: бешмет (кафтан), узкие штаны, заправленные в мягкие сапоги, папаха и бурка, а также узкий пояс-ремень с серебряными украшениями, на котором носили шашку, кинжал, кресало. Высшие сословия носили черкеску (верхняя распашная приталенная одежда) с газырями для хранения патронов.

Женская одежда состояла из рубахи, длинных штанов, распашного платья в талию, высоких головных уборов и покрывал. Платье в талии туго перетягивалось поясом. У адыгских народов и абхазов признаком красоты девушки считалась тонкая талия и плоская грудь, поэтому девушки до замужества носили жесткие тугие корсеты, стягивавшие талию и грудь. В костюме ярко прослеживалось социальное положение его владельца. Богатством и роскошью отличались костюмы феодальной знати, особенно женские.

Мужской костюм народов Дагестана во многом напоминал одежду адыгов. Женский наряд немного варьировался у разных народов Дагестана, но в основных чертах был одинаков. Это была широкая туникообразная рубаха, подпоясывавшаяся поясом, длинные штаны, которые были видны из-под рубахи и мешкообразный головной убор, в который убирали волосы. Дагестанки носили разнообразные тяжелые серебряные украшения (поясные, нагрудные, височные) преимущественно кубачинского производства.

Обувью и мужчинам и женщинам служили толстые шерстяные носки и постолы, сделанные из целого куска кожи, обтягивавшего ступню. Мягкие сапоги у мужчин были праздничными. Такая обувь была характерна для населения всех горных районов Кавказа.

Одежда народов Закавказья в значительной степени отличалась от одежды жителей Северного Кавказа и Дагестана. В ней наблюдались многие параллели с одеждой народов Передней Азии, особенно это касалось одежды армян и азербайджанцев.

Для мужского костюма всего Закавказья в целом были характерны рубахи, широкие или узкие штаны, заправленные в сапоги или носки, и короткая распашная верхняя одежда, подпоясываемая поясом. Перед революцией среди грузин и азербайджанцев имел распространение адыгский мужской костюм, особенно черкеска. Одежда грузинок по своему типу напоминала одежду женщин Северного Кавказа. Это была длинная рубаха, на которую надевалось длинное распашное приталенное платье, перетянутое поясом. На голове женщины носили обтянутый материей обруч, к которому прикреплялось тонкое длинное покрывало — чечаки.

Армянки одевались в яркие рубахи (желтые в западной Армении, красные — в восточной) и не менее яркие штаны. На рубаху надевалась распашная на подкладке одежда в талию с более короткими, чем у рубахи рукавами. На голове армянки носили маленькие твердые шапочки, которые повязывались несколькими платками. В обычае было прикрывать платком нижнюю часть лица.

Азербайджанки кроме рубах и штанов носили также короткие кофты и широкие юбки. Под влиянием мусульманской религии азербайджанки, особенно в городах, прикрывали лицо чадрой, когда выходили на улицу.

Для женщин всех народов Кавказа было характерно ношение разнообразных ювелирных украшений, изготовлявшихся местными мастерами преимущественно из серебра. Особенно богато украшались пояса.

После революции традиционная одежда народов Кавказа, как мужская, так и женская, стала быстро исчезать. В настоящее время сохраняется мужской адыгский костюм как одежда участников художественных ансамблей, получившая широкое распространение почти по всему Кавказу. Традиционные эле-

менты женской одежды еще можно видеть на пожилых женщинах во многих районах Кавказа.

Общественный и семейный быт. У всех народов Кавказа, особенно у северокавказских горцев и дагестанцев, в общественной жизни и быту в большей или меньшей степени сохранялись следы патриархального уклада, строго поддерживались родственные связи, особенно ярко проявлявшиеся в патронимических отношениях. Повсюду на Кавказе существовали соседские общины, которые были особенно крепки у западных адыгов, осетин, а также в Дагестане и Грузии.

Во многих районах Кавказа в XIX в. продолжали бытовать большие патриархальные семьи. Основным же типом семьи в этот период были малые семьи, уклад которых отличался той же патриархальностью. Господствующей формой брака была моногамия. Многоженство встречалось редко, преимущественно среди привилегированных слоев мусульманского населения, особенно в Азербайджане. У многих народов Кавказа был распространен калым. Патриархальность семейного быта тяжело отражалась на положении женщин, особенно у мусульман.

При Советской власти коренным образом изменился семейный быт и положение женщины у народов Кавказа. Советские законы уравняли женщину в правах с мужчиной. Она получила возможность активно участвовать в трудовой деятельности, в общественной и культурной жизни.

Религиозные верования. По вероисповеданию все население Кавказа делилось на две группы: христиан и мусульман. Христианство начало проникать на Кавказ в первые века новой эры. Первоначально оно утвердилось среди армян, у которых в 301 г. возникла своя церковь, получившая название «армяно-григорианской» по имени ее основателя архиепископа Григория Просветителя. Вначале армянская церковь придерживалась восточно-православной византийской ориентации, но с начала VI в. стала самостоятельной, присоединившись к монофизитскому учению, признававшему только одну «божественную природу» Христа. Из Армении христианство начало проникать в Южный Дагестан, Северный Азербайджан и в Албанию (VI в.). В Южном Азербайджане в этот период был распространен зороастризм, в котором большое место занимали огнепоклоннические культы.

Армяне (карабахцы) в национальной одежде

В Грузии христианство стало господствующей религией к IV в. (337). Из Грузии и Византии христианство пришло к абхазам и адыгским племенам (VI — VII вв.), к чеченцам (VIII в.), ингушам, осетинам и другим народам.

Появление ислама на Кавказе связано с завоевательными походами арабов (VII — VIII вв.). Но ислам при арабах не пустил глубоких корней. Утверждаться по-настоящему он стал только после монголо-татарского нашествия. Это в первую очередь относится к народам Азербайджана и Дагестана. В Абхазии ислам стал распространяться с XV в. после турецкого завоевания.

Среди народов Северного Кавказа (адыгов, черкесов, кабардинцев, карачаевцев и балкарцев) ислам насаждался турецкими султанами и крымскими ханами в XV — XVII вв.

К осетинам он проник в XVII — XVIII вв. из Кабарды и был принят преимущественно только высшими сословиями. В XVI в. мусульманство стало распространяться из Дагестана в Чечню. Ингуши приняли эту веру от чеченцев в XIX в. Особенно укрепилось влияние ислама в Дагестане и Чечено-Ингушетии в период движения горцев под руководством Шамиля.

Однако ни христианство, ни ислам не вытеснили древних местных верований. Многие из них вошли составной частью в христианскую и мусульманскую обрядность.

В годы Советской власти проводилась и проводится большая антирелигиозная агитационно-массовая работа среди народов Кавказа. Большинство населения отошло от религии, и только немногие, преимущественно пожилые люди, остаются верующими.

Фольклор. Богато и разнообразно устное поэтическое творчество народов Кавказа. Оно имеет многовековые традиции и отражает сложные исторические судьбы народов Кавказа, их борьбу за независимость, классовую борьбу масс против угнетателей, многие стороны народного быта. Для устного творчества кавказских народов характерно разнообразие сюжетов и жанров. Многие знаменитые поэты и писатели, как местные (Низами Гянджеви, Мухаммед Физули и др.), так и русские (Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой и др.), заимствовали сюжеты из кавказского быта и фольклора для своих произведений.

В поэтическом творчестве народов Кавказа значительное место занимают эпические сказания. У грузин известны эпос о герое Амирани, боровшемся с древними богами и прикованного за это к скале, романтический эпос «Эстериани», повествующий о трагической любви царевича Абесалома и пастушки Этери. У армян широко распространен средневековый эпос «Сасунские богатыри», или «Давид Сасунский», отражающий героическую борьбу армянского народа с поработителями.

На Северном Кавказе среди осетин, кабардинцев, черкесов, адыгейцев, карачаевцев, балкарцев, а также абхазов бытует нартский эпос, сказания о героях-богатырях нартах.

Разнообразны у народов Кавказа сказки, басни, легенды, пословицы, поговорки, загадки, в которых отражены все стороны народного быта. Особенно богат на Кавказе музыкальный фольклор. Большого совершенства достигло песенное творчество у грузин; у них распространено многоголосие.

Выразителями народных чаяний, хранителями богатой сокровищницы музыкального искусства и исполнителями народных песен выступали странствующие народные певцы — гусаны (у армян), местире (у грузин), ашуги (у азербайджанцев, дагестанцев). Их репертуар был очень разнообразен. Свои песни они исполняли под аккомпанемент музыкальных инструментов. Особенно популярным был народный певец Саянг-Нова (XVIII в.), который пел на армянском, грузинском и азербайджанском языках.

Устное поэтическое и музыкальное народное искусство продолжает развиваться и в наши дни. Оно обогатилось новым содержанием. В песнях, сказках и других видах народного творчества широко отражается жизнь Советской страны. Много песен посвящено героическому труду советских людей, дружбе народов, подвигам в Великой Отечественной войне. Широкой популярностью у всех народов Кавказа пользуются ансамбли художественной самодеятельности.

Многие города Кавказа, особенно Баку, Ереван, Тбилиси, Махачкала, превратились в настоящее время в крупные культурные центры, где ведется разнообразная научная работа не только общесоюзного, но нередко и мирового значения.

Глава 9

Народы Средней Азии и Казахстана

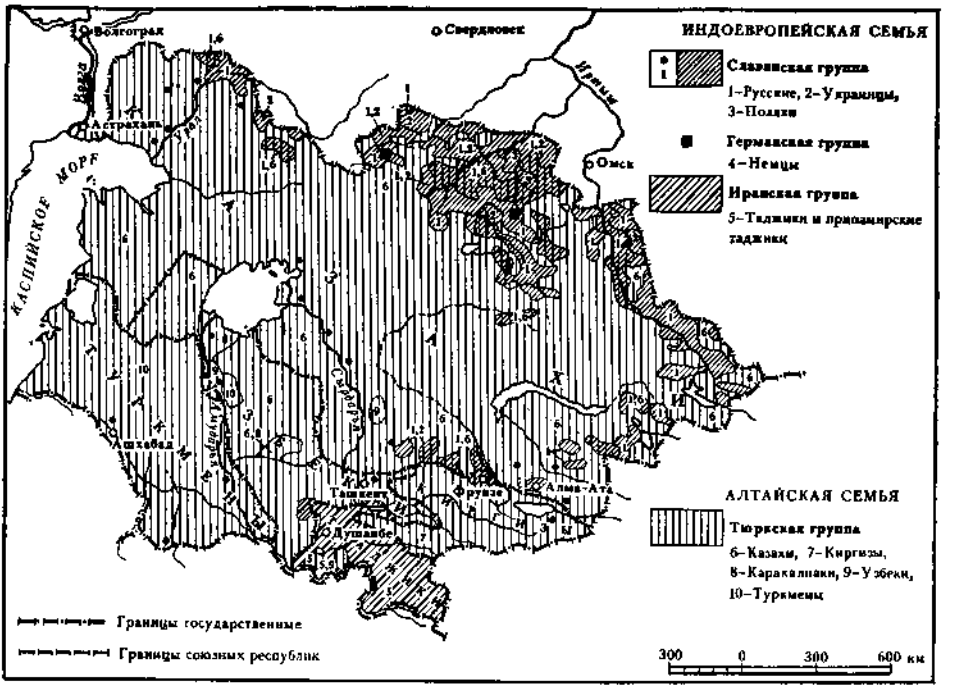
Площадь Средней Азии и Казахстана занимает 4 млн. кв. км. На этой огромной территории расположены пять союзных республик — Казахская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР и автономная республика — Каракалпакская АССР, входящая в Узбекскую ССР.

Большую часть поверхности Средней Азии и Казахстана занимают сухие степи и пустыни с жарким и сухим климатом, переходящие на юге и юго-востоке страны в горные массивы Тянь-Шаня, Памира и Копет-Дага. Климат горных долин, которые издавна были заселены человеком, значительно мягче. В некоторых из них выращиваются даже субтропические растения (долина р. Сумбара в Юго-Западной Туркмении). Средняя Азия не имеет выхода к Мировому океану. Каспийское и Аральское моря являются лишь большими озерами. Рек мало. Достаточно обводнены лишь северо-восточные области современного Казахстана. В южной части только две главные реки Сырдарья и Амударья имеют сток в Аральское море. Остальные, например Зеравшан, разбираются на орошение и теряются в песках.

Вдоль рек и в предгорных районах расположены наиболее освоенные человеком земли-оазисы. Эти природно-хозяйственные зоны не имеют себе аналогов в природе. Границы оазисов непостоянны, они изменяются в различные исторические эпохи в зависимости от природных и социальных факторов.

Этногенез и этническая история. Исследованиями советских ученых установлено, что Средняя Азия была одним из центров, где проходило становление мировой цивилизации. Наиболее ранние свидетельства пребывания человека на этой территории относятся к среднему палеолиту. В неолитическое время вся Средняя Азия уже освоена человеком. С V тысячелетия до н. э. в южных районах страны складывается одна из древнейших в мире земледельческих культур. При раскопках археологических памятников, относящихся к тому времени, найдены остатки земледельческих орудий и кости домашних животных. Языковая принадлежность этого древнейшего населения неизвестна. В неолитическое время намечается деление Средней Азии по хозяйственному признаку на две части — степную северную, где население продолжает заниматься охотой, рыболовством и собирательством, и южную, где на основе орошаемого земледелия и скотоводства в последующую эпоху — эпоху бронзы, складываются крупные поселения городского типа. В степной части страны широко распространяется подвижное скотоводство, а в оазисах земледелие занимает ведущее положение. Языки, на которых говорило население в это время, как и в более ранний период, нам достоверно неизвестны. Существует мнение, что они принадлежали к индоевропейской языковой семье. Высокоразвитые замледельческие цивилизации эпохи бронзы на юге Средней Азии по еще неясным причинам постепенно замирают.

Следующий этап этнической истории Средней Азии начинается с первой половины I тысячелетия до н. э., когда наиболее развитые в хозяйственном отношении земледельческие районы страны входили в державу Ахеменидов и появились первые письменные свидетельства о народах, живущих в северных сатрапиях Ирана и в пограничных с ними районах. Персидские и вслед за ними греческие источники называют жителей оазисов хорезмийцами, согдийцами и бактрийцами, а население степей скифами и несколько позднее — саками и массагетами. Согласно этим свидетельствам население Средней Азии в античную эпоху говорило на индоевропейских (иранских) языках. Во второй половине I тысячелетия до н. э. южные районы Средней Азии были завоеваны греко-македонскими войсками и включены в державу Александра Македонского. Греческое завоевание оказало заметное влияние на культуру части народов Средней Азии. После распада державы Александра Македонского в Средней Азии обра-



Народы Средней Азии и Казахстана

зовалось несколько государств, жителей которых античные источники именовали парфянами, бактрийцами и т. д. (по названиям государств). Большинство известных нам языков населения Средней Азии того времени относилось к восточноиранской группе, и лишь парфянский язык занимал как бы промежуточное положение между восточноиранскими и западноиранскими языками.

На рубеже н. э. бóльшая часть Средней Азии была завоевана юэчжами, пришедшими из пограничных со Средней Азией восточных районов. Юэчжи создали мощное кушанское государство, население которого говорило на языках иранской семьи и в антропологическом отношении было европеоидным. Немногим позднее на восточных границах появляется кочевой народ усуни, о котором мы мало что знаем, и не менее загадочные эфталиты, создавшие в южных районах Средней Азии обширное государство. Предполагают, что эфталиты говорили на языках иранской группы. Скорее всего, именно в период эфталитского государства в Средней Азии стал распространяться западноиранский язык дари, явившийся впоследствии основой для формирования таджикского языка.

С северных и северо-восточных границ страны в это же время (приблизительно с V в.) в Среднюю Азию стали проникать тюркоязычные народы. Приток тюркоязычного населения особенно усилился во время тюркского каганата (VI — VII в.) — государства, охватившего почти все пространства степей и полупустынь Центральной Азии. Проникновение тюркоязычного населения в Среднюю Азию продолжалось и после падения тюркского каганата. В первую очередь было тюркизировано ираноязычное кочевое население степной части Средней Азии. Тюркизированные кочевники, оседая в оазисах, приносили туда с собой и тюркскую речь.

С юга шло наступление западноиранского языка дари. Эти процессы постепенно привели к почти полной ликвидации восточноиранских языков древнего населения Средней Азии; к новому времени эти языки сохранились лишь у немногочисленных групп, расселенных в труднодоступных горах Памира.

Начало следующему периоду в этнической истории Средней Азии положило арабское завоевание, последствия которого применительно к этнической истории еще недостаточно исследованы. Очень велико было влияние арабов на духовную культуру населения. Арабские завоеватели принесли с собой новую религию — ислам, воспринятый подавляющим большинством народов Средней Азии. Время послеарабского завоевания—рубеж I и II тысячелетий — примечательно тем, что происходит складывание двух больших хозяйственно-культурных областей, представляющих в то же время органическое единство — кочевнической степи и оседлоземледельческих оазисов. В этих двух зонах на основе хозяйственной деятельности сложились свои особые культурные традиции, развивавшиеся в последующие исторические периоды и заметные в культуре современных народов Средней Азии. Языкового барьера между этими двумя группами населения не существовало. Жители оазисов и степной зоны говорили как на тюркских, так и на восточноиранских языках. Исключение составлял лишь дари, на котором говорили только в оазисах и преимущественно жители городов.

Монголы, завоевавшие Среднюю Азию в XIII в. и разорившие ее культурные центры, внесли существенные изменения в этнический состав населения региона. Под натиском завоевателей произошли значительные передвижения больших групп населения степной части, а жители оазисов укрылись в горы, многие тысячи оседлых земледельцев были физически уничтожены. Существует мнение, что вместе с монгольским нашествием в страну в больших масштабах стал проникать новый антропологический тип — монголоидный, хотя в северных районах Казахстана и в Киргизии монголоидные группы населения появились несколько раньше. Спустя некоторое время после монгольского нашествия в основном сложилась антропологическая карта Средней Азии. Она стала областью контакта двух больших рас — европеоидной и монголоидной.

Более древний европеоидный компонент ослабевает в направлении с запада на восток и характерен для туркмен, таджиков и подавляющего числа узбеков. Монголоидные черты присущи каракалпакам, казахам, особенно киргизам и преобладают у небольших групп узбеков. Однако это деление в значительной мере условно, ибо есть много смешанных и промежуточных в антропологическом отношении групп.

После монгольского нашествия проникновение тюркских языков в оазисы продолжалось, и уже к XVII в. тюркские языки победили во всех районах Средней Азии, исключая Таджикистан. Послемонгольский период в истории Средней Азии важен и в том отношении, что в это время оформились в отдельные народности современные коренные народы Средней Азии — таджики, узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи, киргизы и уйгуры.

Формирование таджикского народа проходило на основе древнего оседлоземледельческого населения оазисов среднеазиатского междуречья — согдийцев, бактрийцев и ферганцев. Процесс формирования таджикского народа, как и других народов Средней Азии, протекал в сложных социально-экономических, политических и географических условиях. Таджикоязычное население послемонгольской Средней Азии группировалось вокруг крупных экономических центров — Бухары, Самарканда, Ходжента, Куляба, отделенных друг от друга или труднопроходимыми горами или безводными степями и пустынями. Это нашло свое отражение в существовании до недавнего времени внутри таджиков нескольких этнографических групп, различающихся по уровню хозяйственного и культурного развития. Одновременно с процессом консолидации шел и процесс расселения таджиков и освоения ими новых земель, что в немалой степени способствовало тюркизации оторвавшегося от основных массивов таджикского населения. В свою очередь, расселяясь в горных местно-

стях, таджики передавали свой язык и элементы культуры небольшим по численности группам восточноиранского (по языку) населения — ваханцам, ишкашимцам, язкулемцам, шугнанцам и др., которых называют сейчас припамирскими таджиками.

В формировании узбекского народа принимали участие два главных компонента — древнее оседлоземледельческое ирано- и тюркоязычное население оазисов современного Узбекистана и кочевое тюркоязычное население степной части Средней Азии. Процесс оседания кочевников в оазисах в различные периоды истории проходил с неодинаковой интенсивностью. Оседая в оазисах и переходя к земледелию, скотоводы смешивались с местными жителями и воспринимали их культуру. Последняя большая группа кочевников, которая осела в оазисах Узбекистана и принесла с собой этноним «узбек», кочевала в степях между Аральским и Каспийским морями. Существует мнение, что название свое эти племена получили от имени золотоордынского хана Узбека (XIV в.), хотя слово «узбек» встречается в письменных источниках, относящихся к несколько более раннему времени. В начале XVI в. кочевые узбекские племена под предводительством Шейбани-хана продвинулись в Хорезм, в оазисы вдоль течения р. Зеравшан, в Ферганскую долину, в Ташкентский и во многие другие оазисы южной части Средней Азии. Переселение большой массы скотоводческого населения в оазисы не внесло существенных изменений в языковую ситуацию, так как большинство населения оазисов к тому времени уже было тюркизировано. Вторжение больших масс скотоводов отрицательно сказалось на хозяйстве земледельческих областей, но упадок экономической и культурной жизни не был таким затяжным, как после монгольского нашествия. На территории оазисов современного Узбекистана образовалось три ханства — Хивинское, Бухарское и Кокандское, где важной политической и военной силой были кочевые племена. Скотоводы постепенно стали переходить к земледелию. Этот процесс длился несколько столетий и завершился в XIX в. Вместе с переходом к оседлой жизни кочевников продолжался и процесс тюркизации части сельского таджикоязычного населения. Но не все узбеки-кочевники перешли к земледелию. Некоторая часть узбеков до наших дней имеет основным направлением своего хозяйства животноводство.

Особенностью формирования узбекского народа является то обстоятельство, что оно проходило одновременно и в значительной мере на одной и той же территории, что и формирование таджиков. В складывании узбекского народа наблюдаются те же, что и у таджиков, процессы — формирование больших территориально-хозяйственных комплексов, как, например, Хорезм, Фергана, оазисы бассейна Сурхан-Дарьи и т. п. У населения этих областей вырабатывались свои особенности материальной и духовной культуры, явившиеся выражением специфики этнографических групп узбекского народа.

Немногим отличались этнические процессы в западной части Средней Азии, приведшие к формированию туркменского народа. Кочевое скотоводческое население степей Прикаспия и оседлоземледельческое подгорной полосы Копет-Дага меньше, чем их восточные соседи, испытали на себе влияние тюркоязычных кочевников. В значительно меньшей степени население современной Туркмении подверглось и монголизации. И тюркский язык и монголоидный антропологический тип проникали на территорию Туркмении опосредованно через тюркизированных по языку и монголизированных по антропологическому облику в прошлом ираноязычных и европеоидных кочевников-скотоводов. Еще в XIV в. источниками упоминаются ираноязычные скотоводческие группы в прикаспийских степях. Находясь в географическом отношении в большей изоляции от многих событий, происходивших в восточной части Средней Азии, предки туркмен сохранили в своей духовной и материальной культуре больше черт от дотюркского периода.

В то же время, в послемонгольский период, скотоводческие группы на территории современной Туркмении мало чем отличались от кочевников остальной Средней Азии. Процесс оседания кочевников в оазисах совре-

менной Туркмении проходил в тех же условиях, что и в оазисах Узбекистана. Особенно он усилился с XVI в., когда большая группа скотоводов осела по берегам Амударьи, в Хорезме, в подгорной полосе Копет-Дага, в Тедженском и других оазисах. Здесь кочевники смешались с оседлоземледельческим населением, отличавшимся от пришельцев преимущественно хозяйственным занятием. Так же как в Узбекистане и Таджикистане, вокруг главных торгово-экономических центров, в оазисах, проходил процесс складывания крупных этнографических групп туркменского народа.

Формирование казахов проходило на огромных степных пространствах северной и восточной частей Средней Азии. Население этой зоны, в силу географии расселения, первым встречало пришельцев из восточных районов, несших с собой сначала тюркскую речь, а позднее и монголоидный антропологический тип, что обусловило и бóльшую монголоидность казахов по сравнению, например, с туркменами. В то же время население районов, где проходило формирование казахов, почти не испытало влияние западноиранского (по языку) населения. Этим обстоятельством объясняется большее сохранение у казахов древних, восточноиранских (сакских) элементов материальной культуры.

В XV — начале XVI в. в различных районах (побережье Сырдарьи, Семиречье и т. д.) современного Казахстана складываются небольшие «ханства» — политико-территориальные объединения различных племен, которые перерастают в крупные объединения — жузы — Большой, Средний и Малый. Основой формирования каждого жуза служит тот или иной оазис, к которому тяготели скотоводческие племена и с которыми у кочевников устанавливались регулярные и достаточно прочные экономические связи. Таким образом, формирование казахского народа проходило тем же путем, что и других народов Средней Азии. Различие заключалось лишь в том, что процесс перехода к оседлой жизни кочевников в Казахстане не был столь интенсивным, как в других частях Средней Азии.

Несколько меньше разработана этническая история киргизов. Вопрос об их происхождении усложняется тем, что усилия большинства ученых были направлены на выяснение истории этнонима «киргиз», а не на установление истории народа. Было предпринято немало попыток связать в одну цепочку древних, енисейских, киргизов и киргизов Тянь-Шаня. Положительных результатов эти опыты не дали.

Скорее всего киргизов надо рассматривать как часть большого кочевого массива, сложившегося на рубеже II тысячелетия н. э. в Средней Азии. На территории Киргизии к этому времени уже тюркизированные племена в большей мере испытали на себе влияние монголоязычных групп, которые в южных районах Казахстана и в Киргизии дольше сохраняли свою обособленность. Вплоть до XVI в. эти районы назывались Моголистаном. На территории Киргизии не было таких крупных оазисов, которые могли бы сыграть роль объединительных экономических центров. Это обстоятельство в значительной мере определило и более медленный переход киргизов к оседлости и сохранение в прошлом более стойкой племенной организации. Складывание больших территориальных групп на хозяйственной основе у киргизов шло медленно.

Формирование каракалпаков проходило в послемонгольское время, на основе части тех же кочевых скотоводческих племен, из которых складывались казахский, узбекский и туркменский народы. К XVI в. сформировалось довольно устойчивое объединение кочевников, тяготевшее к оазисам низовья Сырдарьи. Здесь предки каракалпаков вели полуоседлое хозяйство, в котором земледелие сочеталось со скотоводством. К XVIII в. эта группа племен настолько сплотилась, что последующие трагические события, вызванные постоянными притеснениями со стороны более сильных групп и Хивинского ханства, не смогли остановить ход консолидационных этнических процессов, и каракалпаки к XIX в. сформировались в народность, как и более крупные их соседи.

На территории Семиречья проходил этногенез уйгурского народа. Этноним «уйгур» применительно к оседлоземледельческому

тюркоязычному населению семиреченских оазисов и сопредельных районов Китая стал употребляться только после установления Советской власти в Средней Азии. До этого его называли по месту жительства («кашгарцы», «джаркендцы» и т. п.) или «таранчи».

В результате сложных и многовековых этногенетических процессов в Средней Азии к XVIII — началу XX в. сложились крупные народы, которые за годы Советской власти сформировались в социалистические нации и народности: узбеки (12 456 тыс. человек), туркмены (2028 тыс. человек), казахи (6556 тыс.), киргизы (1906 тыс.), каракалпаки (303 тыс.) и уйгуры (211 тыс.). Все они говорят на тюркских языках, входящих в большую алтайскую языковую семью. Таджики (2898 тыс.) — единственный из крупных народов Средней Азии, чей язык входит в иранскую группу индоевропейской языковой семьи.

Кроме этих народов в Средней Азии к началу XIX в. уже жили небольшие по численности группы курдов, белуджей, среднеазиатских (бухарских) евреев, арабов, персов и цыган.

Значительные изменения претерпел этнический состав Средней Азии после присоединения ее к России и особенно за годы Советской власти. На территории Среднеазиатских республик, кроме вышеперечисленных народов, живут русские (9313 тыс.), украинцы (1194 тыс.), белорусы (181 тыс.), татары (1154 тыс.), корейцы (195 тыс.), дунгане (52 тыс.) и меньшие по численности группы других братских народов нашей страны.

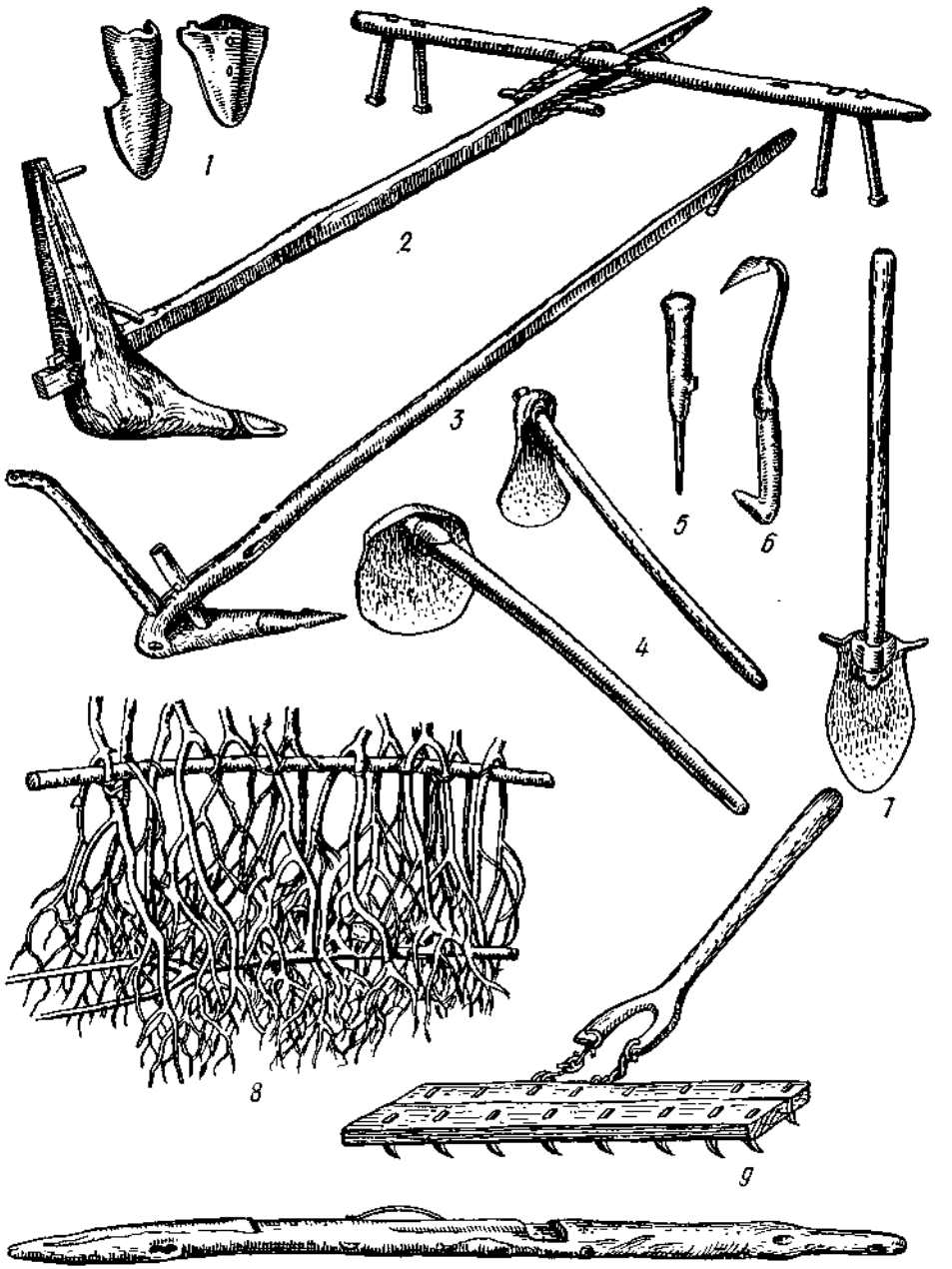
Изменилась и языковая ситуация. Наряду с развитием национальных языков, широкое распространение получил русский язык как средство межнационального общения. Для районов со смешанным населением обычно знание не только родного и русского языков, но и языка соседнего народа.

Хозяйство. Современное хозяйство многонационального населения Среднеазиатских республик представляет собой высокоразвитый промышленно-аграрный комплекс с мощной энергетической и сырьевой базой, высокомеханизированным земледелием и животноводством. Но таким оно стало только за годы Советской власти, в результате героических усилий всех братских народов нашей страны.

В составе царской России Средняя Азия была отсталой колониальной окраиной, сырьевым придатком промышленно развитых районов. Уровень развития производительных сил в Средней Азии был чрезвычайно низок. Основу хозяйства составляло низкотоварное орошаемое земледелие, экстенсивное кочевое скотоводство и ремесленное производство.

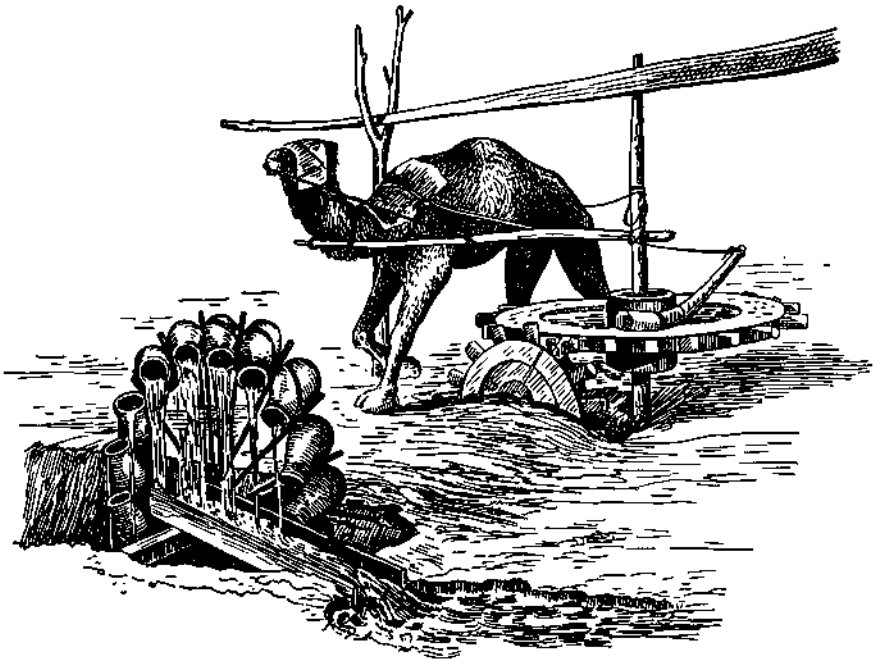
В XIX — начале XX в. на территории Средней Азии этнографами выделяются три исторически сложившихся хозяйственно-культурных типа: оседлые земледельцы оазисов, кочевники-скотоводы степей и полупустынь и полуоседлые земледельцы-скотоводы, жившие на окраинах оазисов и в дельтах больших рек. Границы хозяйственно-культурных типов не совпадали с этническими. Оседлым земледелием занимались таджики, подавляющее большинство узбеков и туркмен, группы каракалпаков и киргизов, уйгуры. Кочевым скотоводством помимо казахов и киргизов занимались часть туркмен (Западная Туркмения) и узбеков. Комплексное хозяйство (полуоседлое), в котором земледелие сочеталось с кочевым или отгонным скотоводством, вели каракалпаки, часть хорезмских узбеков и туркмен, группы казахов и киргизов.

Земледелие в Средней Азии известно давно. Земледельческие культуры на юге Туркмении прослеживаются уже с V тысячелетия до н. э. К началу II тысячелетия до н. э. ареал земледельческих культур значительно расширился. Были освоены дельты таких крупных рек, как Мургаб и Теджен. В начале I тысячелетия до н. э. земледелие как основа хозяйства распространилось почти на все южные районы Средней Азии. Применение железных орудий, пришедших на смену бронзовым, при обработке почвы и строительстве оросительных сооружений, позволило осваивать большие участки земли. Орошаемое земледелие развивалось вширь. К середине I тысячелетия н. э. в Средней Азии были освоены почти все пригодные для земледелия площади. Во второй половине I тысячелетия н. э. обрабатываемые площади стали сокращаться



Сельскохозяйственные орудия народов Средней Азии:

1 — чугунный и железный лемехи для омача, **2** — омач и ярмо (узбеки и таджики); **3** — пахотное орудие «озад» (туркмены); **4** — кетмень и мотыга (узбеки и таджики); **5, 6** — инструмент и копалка для прополки посевов (припамирские таджики), **7** — лопата «бель» (каракалпаки), **8** — борона «шахмала» из веток карагача (узбеки и таджики); **9** — борона с железными зубьями (узбеки и таджики); **10** — борона «мала» (таджики)



Старинное водоподъемное сооружение чигирь. Хорезм

за счет интенсификации земледелия — совершенствования оросительных систем и обработки почвы. С меньших площадей стали получать больше продукции, увеличилось население оазисов.

Сокрушительный удар среднеазиатскому земледелию, от которого оно долго не могло оправиться, нанесло монгольское нашествие. Разрушение завоевателями ирригационных систем, истребление и угон в рабство населения повлекло за собой обезлюдение целых областей. В позднем средневековье только часть земель, заброшенных во время монгольского нашествия, была заново освоена. Оросительная система была восстановлена в далеко не полном объеме. Монгольское нашествие отрицательно сказалось на всех сторонах хозяйственной деятельности и наряду с другими причинами способствовало консервации старых методов ведения земледельческого хозяйства.

Основа среднеазиатского земледелия — оросительная система — требовала большего приложения труда не только во время ее сооружения, но и при эксплуатации. Огромные массы населения были ежегодно заняты на очистке каналов и арыков, ремонте и сооружении головных заборных устройств воды из рек. В горных местностях оросительные системы были значительно меньше и могли орошать только небольшие участки земли, которой в горах (имеется в виду пригодная для земледелия) было немного.

До установления колхозного строя сельскохозяйственные орудия были примитивны и малопроизводительны. Основным пахотным орудием была деревянная соха с железным или чугунным наконечником. Вспашку производили несколько раз — вдоль и поперек поля. Землю боронили деревянной доской с закрепленными в ней каменными, а позднее железными зубьями. Тягловыми животными были быки, лошади, а в отдельных районах верблюды. Сеяли вручную. Урожай собирали серпами. Очень важными земледельческими орудиями были своеобразная мотыга — кет-

мень и лопата. За исключением вспашки и боронования кетменем и лопатой производили все земляные работы. Сеяли пшеницу, ячмень, джугару и просо. Из технических культур первое место занимал хлопок. После присоединения края к России значение хлопководства резко возросло. Кроме полеводства во всех оазисах широкое распространение получило садоводство, бахчеводство и виноградарство.

В специальной литературе часто противопоставляется орошаемое земледелие другим видам сельского хозяйства населения Средней Азии, например кочевому скотоводческому хозяйству. Последнее называют экстенсивным, а земледелие — интенсивным, подчеркивая «независимость» орошаемого земледелия от погодных условий. Это далеко не так. Получая воду из рек, берущих свое начало в горах, земледелец полностью зависел от количества снега, выпадавшего в ту или иную зиму в горах и от летних температур. Если выпадало мало снега, то и воды было недостаточно в оросительных системах. Если же при обильном снегопаде зимой летом наступала жара, то быстрое таяние снега и ледников вызывало большие паводки и вода разрушала оросительные системы. И то и другое отрицательно влияло на урожай. Так же зависело от погодных условий и богарное земледелие — возделывание полей под дождь, без оросительных систем. Этот вид земледелия в большей мере был распространен в тех местах, где основу хозяйства составляло скотоводство различных направлений — кочевое, полукочевое или отгонное.

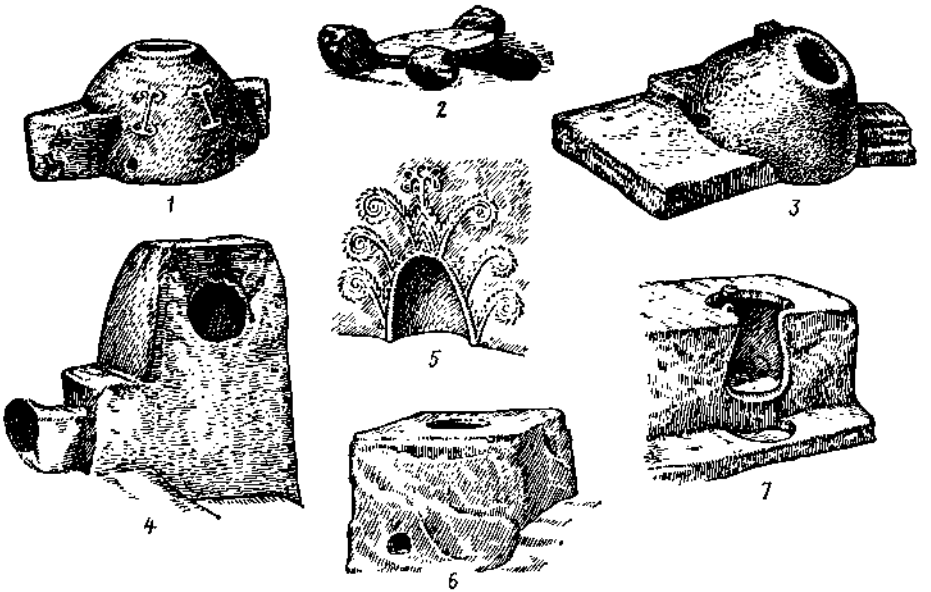
Кочевым скотоводством занималось население Средней Азии и Казахстана, обитавшее на обширных пространствах степей, полупустынь и гор. Под кочевничеством понимается такой вид скотоводческого хозяйства, когда основу существования какого-либо народа или части народа составляет экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевок. В Средней Азии выделяется три способа кочевания: «меридиональное», «вертикальное» и «стационарное». Вид кочевания в скотоводческих обществах определялся социальными факторами (количество скота в хозяйстве скотовода) и географическими условиями, в которых находилась та или иная группа населения. Среда обитания порой имела решающее значение для определения вида кочевания.

Суть «меридионального» кочевания состоит в том, что зимние кочевья скотоводов располагались в самых южных районах той области, где они обитали. С наступлением весны скотоводы начинали движение на север, вслед за теплом. Лето стада проводили на северных пастбищах, а с приближением осени кочевники начинали продвижение на юг, на зимовки. Маршруты перекочевок регулировались, в первую очередь, расположением водных источников. «Меридиональное» кочевание применялось широко в центральных и северных частях Казахстана и на юго-западе Туркмении.

«Вертикальное» кочевание применялось скотоводами в горных местностях — в Киргизии и в северо-восточной части Казахстана. Зиму скотоводы проводили в горных долинах, защищенных от холодных ветров, там, где было не так много снега и скот мог доставать корм. Весной стада пасли на южных склонах, где снег таял быстрее и появлялась молодая трава. Постепенно поднимаясь в горы скотоводы приводили свои стада на альпийские луга, где скот пасся все лето. Осенью стада спускались на зимовки.

«Стационарное» кочевание больше всего было распространено в наиболее засушливых районах Средней Азии — в Туркмении, на юге Узбекистана, на полуострове Мангышлак. При этом способе кочевания стада наименее подвижны. Зиму скотоводы проводили в песках или горных долинах, где почти не бывает снежного покрова и скот обеспечен кормами, а люди топливом. На лето скотоводы собирались около водных источников, где устанавливали свои жилища. Стада паслись на расстоянии одного дневного перегона от поселений, и их пригоняли на водопой через 1—2 дня.

Для разных систем кочевания специфичен и видовой состав стада. При «меридиональном» больше было лошадей, овец и верблюдов, а при «вертикальном» значительное место занимал крупный рогатый скот, который



Типы хлебных печей у народов Средней Азии:

1 — у туркмен (ташауэская обл.); 2 — у узбеков-карлуков; 3 — у южнохорезмских узбеков; 4 — у горных таджиков (Пенджикент); 5 — у горных таджиков (р-н Ховелинга); 6 — у киргизов (Иссыкульская обл.); 7 — очаг для печения хлеба и варки пищи у горных таджиков (Каратегин)

не мог переносить длительные перекочевки на большие расстояния. Климатические условия, при которых применялось «стационарное» кочевание, в еще большей мере ограничивали набор скота. У туркмен и узбеков основу стад составляли овцы и верблюды. Лошадей, в отличие от казахов и киргизов, держали только для верховой езды, так как и лошади и крупный рогатый скот требовали большого количества сочных кормов.

В предгорных районах Средней Азии было широко распространено отгонное скотоводство, которое всегда сочеталось с земледелием. При отгонном скотоводстве стада на лето перегонялись на горные пастбища, куда отправлялась с ними часть населения — пастухи и женщины, которые летом занимались обработкой молочной продукции. Другая часть жителей оставалась в долинах, где занималась орошаемым земледелием. На зиму скот пригоняли к селениям, где он пасся на прилегающих к селению пастбищах и по стерне. При этом виде скотоводства на зиму запасалось значительное количество кормов.

Комплексное, или полуоседлое хозяйство, вели жители на окраинах больших оазисов и по берегам озер и морей. Здесь кочевое скотоводство сочеталось с земледелием или с рыболовством. После сбора урожая все население аула вместе со скотом откочевывало в степи и занималось скотоводством, возвращаясь к полям лишь перед началом земледельческих работ. Аналогичный цикл совершали и группы населения, расселявшиеся по берегам больших водоемов. Более или менее оседлый образ жизни они вели только во время путины, с окончанием которой возвращались к кочевничеству. Полуоседлый тип хозяйства по сравнению с земледелием и кочевничеством был в значительно меньшей мере специализирован и давал меньше прибавочного продукта. В засушливые годы или в снежные холодные зимы скотоводческие хозяйства теряли большое количество живот-

ных, и наиболее бедная часть скотоводов после потери скота вынуждена была переходить к земледелию. Этот процесс в Средней Азии и Казахстане начался одновременно с развитием и выделением кочевничества в самостоятельный хозяйственный тип.

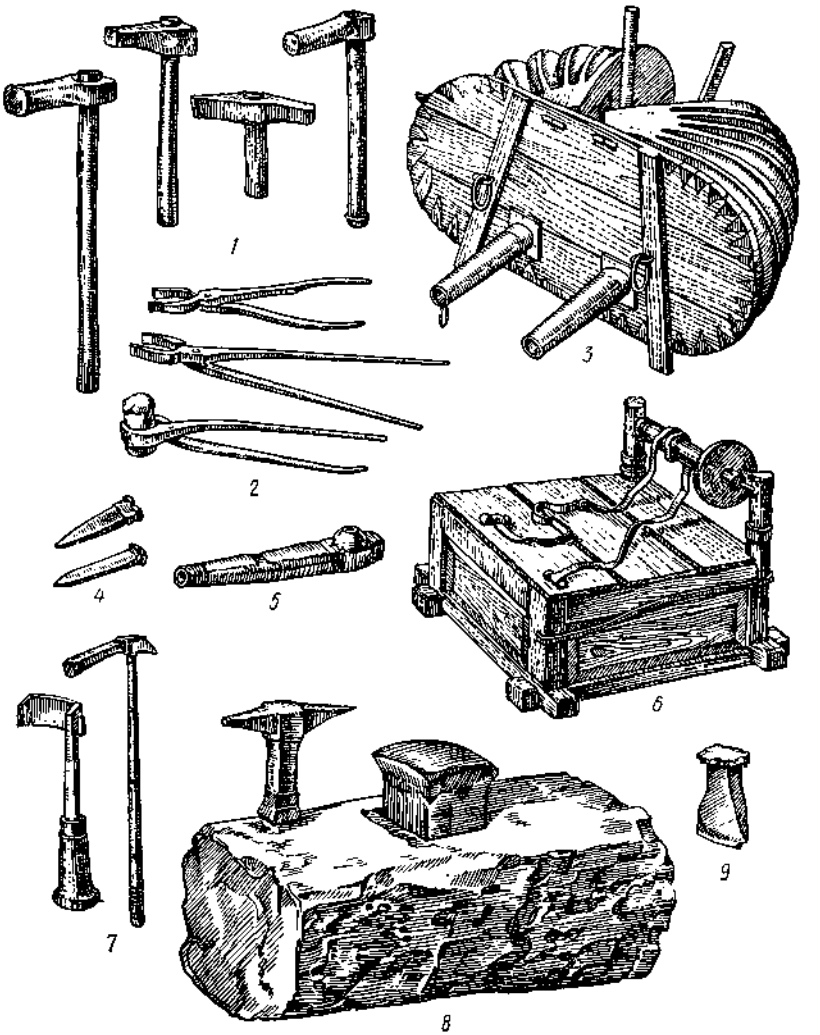
Одной из важнейших составных частей производственной деятельности населения Средней Азии и Казахстана, наряду с земледелием и скотоводством, были домашние промыслы и ремесло. К концу XIX в. у народов Среднеазиатского региона прослеживаются все три этапа становления ремесленного производства — изготовление необходимых вещей внутри и силами каждой семьи, выработка различных изделий мастерами-профессионалами для членов той общины, в которой живут эти мастера, и собственно ремесло, когда мастера заняты изготовлением изделий на рынок и полностью оторваны от сельскохозяйственного производства. Второе крупное разделение труда — отделение ремесла от земледелия — произошло в Средней Азии уже в эпоху бронзы.

Ремесленное производство было сосредоточено в оазисах — в городских и крупных сельских поселениях. Мастера различных профессий работали на рынок, поставляя земледельцам и кочевникам различные виды тканей, керамическую, металлическую и деревянную посуду, орудия труда из металла и тому подобные вещи. Специализация труда была очень высокой. Например, выделка тканей распадалась на несколько операций, каждую из которой выполнял отдельный мастер — прядильщик, ткач, красильщик и т. д.

В кочевом скотоводческом обществе собственно ремесленного производства не было. В каждой семье вырабатывались необходимые вещи — кошмы (войлоки), шерстяные ткани, шилась одежда и изготовлялись сбруи, арканы и другие предметы. Продукцию ремесленного производства скотоводы получали в обмен на скот и продукты скотоводства на базарах, расположенных в земледельческих оазисах или на их окраинах. Помимо ремесленной продукции кочевники получали из оазисов хлеб, который наряду с молочными продуктами составлял основу их пищевого рациона. В нормальных торговых отношениях в одинаковой мере были заинтересованы как скотоводы, так и жители оазисов, которые получали от скотоводческих групп скот и шерсть.

Общественная организация. Разные способы добывания материальных благ, существовавшие у народов Средней Азии, определили и неодинаковый уровень развития общественных отношений. В обществе земледельцев классовые отношения зародились уже в эпоху бронзы (середина III тысячелетия до н. э.). К рубежу нашей эры четко оформились классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Однако сам характер классовых отношений у этих народов до сего дня остается не совсем ясным. Многоукладность хозяйственной деятельности породила и многообразие форм общественной организации, что в большей мере определялось и постоянным притоком в оазисы кочевого скотоводческого населения. Оседая в оазисах, кочевники приносили с собой и иные формы общественной организации, которые причудливо переплетались с формами социальной организации земледельцев. Неодинаковый социально-экономический уровень развития отдельных областей региона не мог служить базисом и для одновременного перехода к новой формации населения даже оазисов, не говоря уже о населении степей и гор. В целом социальные отношения у населения оазисов большинство исследователей определяют как патриархально-феодальные. Это определение в известной мере условно, так как в Средней Азии формы собственности на землю существенно отличались от форм собственности в феодальных государствах Западной Европы и России.

Дело в том, что в Средней Азии при наличии частного, общинного и государственного владения землей, вода, в большинстве случаев, была собственностью государства. Это обстоятельство усложняет, а порой делает невозможным однозначное определение общественных отношений в земледельческих оазисах даже при наличии там государственных образований — Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств, где власть главы государ-



Орудия кузнечного ремесла (Самарканд):

1 — молоты; 2 — клещи; 3 — кузнечный мех «дем»; 4 — стальные зубильце и бородок для нанесения рисунка на кузнечные изделия; 5 — форма «колиб» для формовки шляпки гвоздей; 6 — точило «чарх»; 7 — нож и молоток, используемые при подковке животных; 8 — основание для наковальни «кунда» из орехового дерева; 9 — стальное зубило для отсечки железа и стали

ства мало отличалась от власти правителей восточных деспотий более раннего времени. В среднеазиатских ханствах не оформились замкнутые сословия, имеющие те или иные социальные преимущества. Не было и прикрепления крестьян к земле, и зависимость крестьян от богатеев выражалась в долговой кабале. В то же время формы эксплуатации были очень жестокими. Основной формой получения земельной ренты была аренда, виды которой были очень разнообразны. В аренду землю сдавали не только крупные земельные собственники, но и мелкие крестьяне, которые в большинстве случаев не имели ни сельскохозяйственного инвентаря, ни тягловой силы и не могли обрабатывать свой участок земли. Сдав землю в аренду крестьянин нанимался в работники к богатым землевладельцам за мизерную плату, а порой и только за еду. С разной степенью интенсивности в различных оазисах шел процесс концентрации земли в руках зажиточных слоев и обезземеливание крестьян. Этот процесс в какой-то мере сдерживала община.

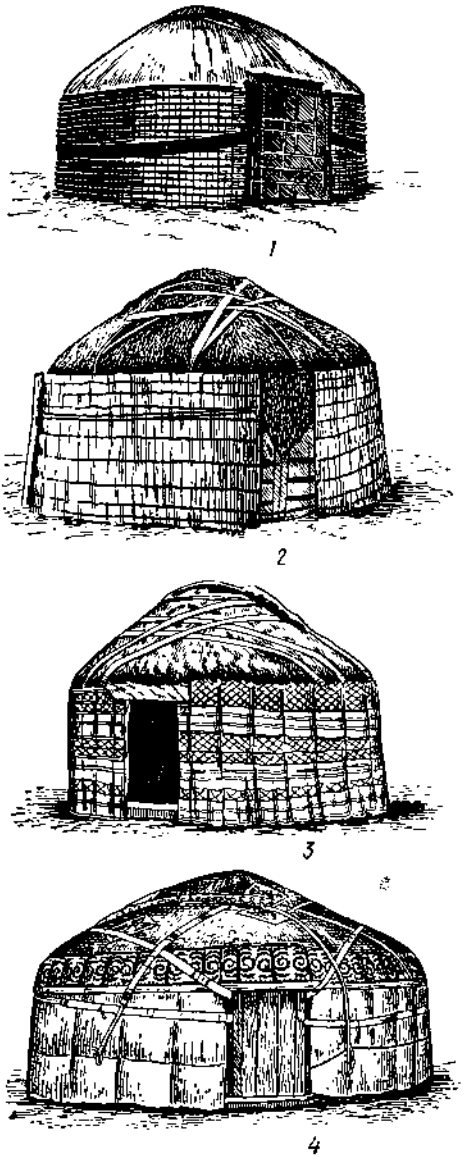
Формы общины у земледельцев были неодинаковы даже в границах одного оазиса. Больше всего демократических форм сохранялось в общинах недавно (относительно каждого периода) осевших кочевников. Здесь более или менее регулярно проводились переделы земли, ограничивались размеры земельных площадей. В таких общинах в частном владении находилась вода, а не земля, которая считалась общественной собственностью. В обществах, где земледелие имело более древние традиции, переделы земли проводились нерегулярно и земельные участки становились собственностью семей. Здесь отчуждение наделов — их продажа — стало правилом, что способствовало разложению общинных порядков. Постоянный приток в оазисы кочевников в какой-то мере регенерировал общинные отношения, которые в кочевом обществе существовали вплоть до установления Советской власти в Средней Азии.

Кочевая община была основной и главной ячейкой общества скотоводов. В общине объединялось несколько родственных семей, которые совместно выпасали скот, находившийся в личной собственности каждой семьи. Из таких общин составлялись небольшие племенные подразделения, которые формировали скотоводческие племена. Племена в кочевом скотоводческом обществе выполняли все необходимые общественные функции — защита племенных пастбищ, регулирование их использования, племенные советы в необходимых случаях решали внутриплеменные дела. Все пастбища, как и водные источники, считались собственностью племени. Только в XIX в. источники фиксируют появление частных колодцев, принадлежавших богатым скотоводам.

Имущественное неравенство внутри скотоводческого общества было сильно развито.

Наряду с многотысячными стадами, принадлежавшими баям, в степи паслись объединенные стада скота бедняков, где на долю каждого хозяйства приходилось по 20—30 голов. Основной формой эксплуатации был наем пастухов и сдача скота на выпас бедным родственникам за право использовать некоторое количество молочных продуктов и часть приплода. Практически баи получали даровых батраков.

Помимо деления на бедных и богатых, в скотоводческих обществах выделялись социальные группы. Казахи подразделялись на «белую кость» и «черную кость». К «белой кости» принадлежали ханы и султаны, возглавлявшие племена, к «черной кости» — весь остальной народ. Схожа была и социальная стратификация у туркмен, подразделявшихся на благородных игов и занимавших подчиненное положение кулов. В то же время у туркмен не сложилось замкнутой социальной группы, аналогичной казахской «белой кости». У киргизов господствующей верхушкой была племенная знать — манапы. Манапы подразделялись на «главных» и «младших». В большей мере такое деление, как и само манапство, отражало имущественное положение скотовода. Разбогатевший бедняк становился манапом, и, наоборот, обедневший манап переходил в разряд простых скотоводов.



Жилище кочевников:
1, 2, 3 — туркменские юрты; 4 — казахская юрта

Большое влияние на общественную жизнь скотоводов оказывало обычное право, которое регулировало всю внутреннюю жизнь кочевников. С разложением общинных порядков оно стало использоваться зажиточной верхушкой для прикрытия эксплуатации соплеменников традициями «взаимопомощи». В целом же в скотоводческих обществах к моменту присоединения Средней Азии и Казахстана к России классовые отношения были слабо развиты. Неравномерность социального развития отдельных областей Средней Азии усилилась в конце XIX в., когда страна была разделена царским правительством на «русские владения» и владения Хивинского хана и Бухарского эмира — вассалов России. В областях, включенных непосредственно в состав России, капиталистические отношения стали развиваться несравненно быстрее, нежели в Хиве и Бухаре, где продолжали сохраняться старые порядки. Изменения коснулись, в первую очередь, направления в развитии хозяйства. Ведущей культурой в «русских владениях» стал хлопок, начала развиваться обрабатывающая промышленность, появились более совершенные сельскохозяйственные орудия фабричного производства, были проложены железные дороги. На среднеазиатский рынок хлынул поток фабричных товаров, что подорвало в большей степени местное ремесленное производство.

Вместе с тем царизм не стремился изменить образ жизни среднеазиатских народов. В повседневной жизни изменения происходили очень медленно. Материальная и духовная культуры большинства населения оставались на прежнем уровне.

Материальная культура. Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана в большей мере отражала хозяйственные занятия и региональные особенности, нежели этническую специфику. Например, жилище, независимо от национальной принадлежности, делилось на оседлое и кочевое. В оседло-земледельческих оазисах жилище представляло собой прямоугольный дом с плоской крышей, огороженный со всех сторон глинобитной стеной. Региональные различия заключались во внутренней планировке, в приемах

сооружения стен и в интерьере. Много архаических черт сохранило жилище в горных районах, где дома не имели даже окон. Их заменяли отверстия для выхода дыма, оставленные над дверью или в потолке.

У кочевников основным жилищем была войлочная юрта. Остов юрты состоял из деревянных решеток и жердей, которые покрывались войлоком. Выделяются два типа юрты — монгольский и тюркский. Разница между ними заключается лишь в форме крыши. Первый имеет конусообразную крышу, второй — куполообразную. У казахов, киргизов, каракалпаков и узбеков бытовали оба типа, у туркмен — тюркский тип. Региональные различия в кочевом жилище выражались в незначительных конструктивных особенностях и в убранстве юрты. Как и в земледельческих оазисах, в кочевой степи резко различались жилища богатеев и бедняков.

Еще меньше различий было в покрое традиционной одежды народов Средней Азии. Основные элементы как мужского, так и женского костюма в большинстве случаев были одинаковы. Основу мужского костюма составляла рубашка туникообразного покроя и штаны с широким шагом. Верхней одеждой повсеместно был распашной халат с длинными рукавами. Покрой и цвет халатов больше различались по областям, нежели по национальной принадлежности. В земледельческих районах преобладали ватные стеганые халаты, а у скотоводческого населения к ним добавлялись халаты из шерстяных тканей. Традиционная женская одежда к XIX в. сохраняла больше архаических черт.

По существу, отсутствовала национальная специфика в изделиях ремесленников. Например, керамической и металлической посудой, сделанной хорезмскими ремесленниками, с одинаковым успехом пользовались как оседлоземледельческие, так и кочевые скотоводческие группы узбеков, туркмен, каракалпаков и казахов. Одежду из тканей, выработанных в Самарканде, носили таджики, кочевые и оседлые узбеки. Аналогичная ситуация была и в других областях Средней Азии. Больше национальной специфики прослеживается в изделиях домашних промыслов, но и здесь преобладают областные или племенные традиции, что хорошо видно на примере орнаментального искусства.

Киргизский женский национальный костюм

Духовная культура. В сфере духовной культуры этническая самобытность прослеживается полнее. Одновременно в ней с большей четкостью проступают и общие, свойственные всем народам Средней Азии, культурные традиции. В частности, много общего в эпических сказаниях разных народов Средней Азии, где совпадают не только сюжеты, но и имена героев, названия отдельных поэм, циклов и целых сказаний. Героический эпос узбеков «Алпамыш» хорошо известен казахам и каракалпакам, «Героглы» («Кероглы») — таджикам и туркменам. До наших дней почти у всех среднеазиатских народов в эпических песнях и сказаниях сохранились

сюжеты из сакского эпоса и Авесты («Ширин и Шакар») и т. п.

Большое влияние на духовную жизнь народов Средней Азии и Казахстана оказывал ислам, который после арабского завоевания страны распространился повсеместно. Причудливо переплетаясь с предшествующими религиозными системами, распространенными в Средней Азии, — зороастризмом, христианством, шаманизмом и т. д., ислам проникал во все сферы общественной и семейной жизни. Велико было значение неофициального духовенства — ишанов, ахунов, суфиев, смотрителей «святых» могил — шейхов. Ортодоксальные служители культа — муллы до присоединения Средней Азии к России особым влиянием не пользовались. Их роль в общественной жизни резко возросла после установления в стране власти царя, которому была нужна контролируемая государственная религия. Мусульманское духовенство в Средней Азии было очень реакционно, что особенно проявилось в годы установления Советской власти.

Подлинное освобождение от классового и национального гнета народы Средней Азии получили только после установления Советской власти. С 1924 по 1926 г. в Средней Азии было проведено национальное размежевание и районирование. Впервые за свою многовековую историю народы были объединены по национальному признаку и получили свою государственность. Это явилось одним из важнейших условий формирования социалистических наций.

Огромное значение имела культурная революция. До установления Советской власти в Средней Азии не было ни одного светского высшего учебного заведения. Все образование находилось в руках мусульманского духовенства. Не хватало школ, учителей со светским образованием насчитывалось единицы. С приходом Советской власти и отделением церкви от государства образование было поставлено на совершенно новую основу. Для каждого народа была создана своя письменность, вначале латинизированная, а с 1938—1940 гг. переведенная на русский алфавит. В школах введено преподавание на родных языках народов. Открылись высшие и средние учебные заведения, где наряду с мужчинами стали учиться и женщины. Во всех республиках созданы академии наук, где работает национальная интеллигенция. В республиках Средней Азии ликвидирована неграмотность.

Всестороннее развитие получили литература и искусство. Во всех республиках открыты национальные театры, созданы кино- и телестудии, консерватории и т. д.

Широкое распространение русского языка как средства межнационального общения и средств массовой информации сделало доступными для среднеазиатских народов достижения мировой культуры, помогло сделать богатое культурное наследие народов Средней Азии достоянием многонациональной культуры советского народа.

Громадные изменения в хозяйственной и культурной жизни повлекли за собой и коренное изменение быта народов Средней Азии. Особенно хорошо это видно на положении женщины: она получила равные права с мужчиной, перестав быть рабой своего отца и мужа. Создание детских учреждений, школ-интернатов, широкой сети коммунального и бытового обслуживания позволило женщине принять активное участие в общественном производстве. В республиках Средней Азии сейчас насчитывается большое число женщин с высшим и средним образованием.

Развитое социалистическое общество определило и сложение нового образа жизни народов Средней Азии.

Глава 10

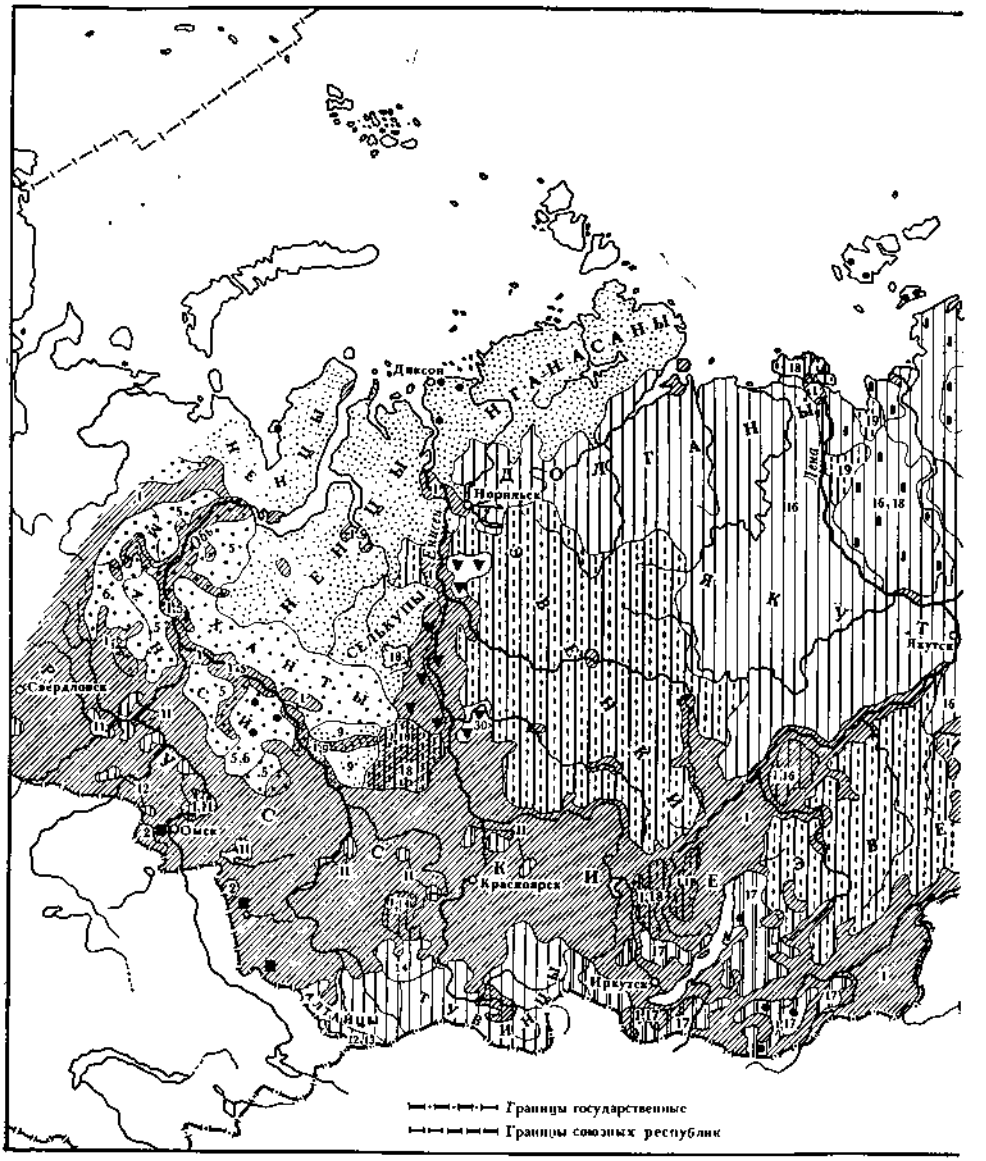
Народы Сибири

В составе основных этнографических регионов Советского Союза многими историко-культурными особенностями выделяется Сибирь — обширная географическая область от Урала до Тихого океана, в пределах которой с глубокой древности формировались своеобразные этнолингвистические общности и хозяйственно-культурные типы коренного населения. Историко-этнографическое изучение Сибири имеет большое научное значение не только для установления региональных этнокультурных особенностей населяющих ее народов, но и в более широком общеэтнографическом аспекте, позволяющем выяснить целый ряд «глобальных» вопросов возникновения и развития различных социально-культурных явлений на определенных стадиях всемирно-исторического процесса. Не меньшее значение для современности имеет этнографическое изучение конкретной действительности, образа жизни населения Сибири наших дней, так как оно раскрывает яркую картину глубоких социалистических преобразований в социально-экономическом строе и культурно-бытовом укладе всех (даже самых малых) этнических общностей сибирского региона.

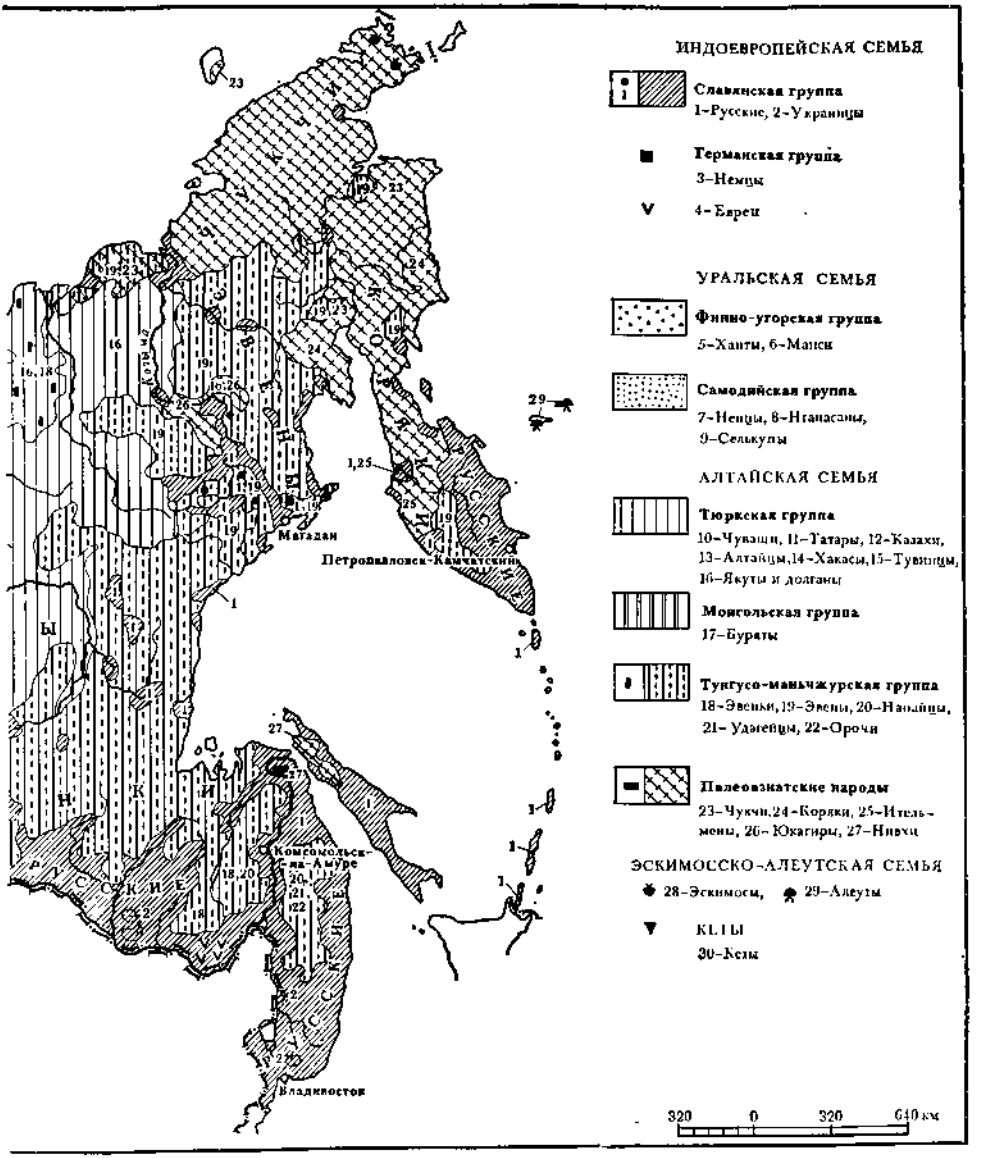
Этногенез и этническая история. Среди важнейших вопросов исторической этнографии Сибири видное место занимает проблема многовековых этнокультурных контактов и взаимодействий ее коренных народов друг с другом и с народами соседних историко-культурных областей Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии, Центральной Азии и Дальнего Востока. Эти этнокультурные взаимодействия оказались усиленными и обогащенными на более высоком уровне вследствие включения многочисленных этносов Сибири в состав Российского централизованного государства, а также начавшегося с XVII в. формирования местных («сибирских») очагов пришлого русского населения. Еще до Октябрьской революции Сибирь по преобладающей массе населения и по важнейшим экономическим связям была настоящей «русской стороной» — органической составной частью аграрно-индустриальной России. Коренное нерусское население, сохранившее свои этнические территории, родные языки и традиционные культурно-бытовые особенности, было повсеместно вовлечено в тесные хозяйственно-экономические связи с русскими соседями.

Всесоюзные переписи населения начиная с 1926 г. регистрируют быстрое возрастание общей численности жителей Сибири, которая ныне превышает 25 млн. человек. Согласно данным на 1979 г., среди старожилов преобладают русские, прочно освоившие не только южную лесную и лесостепную часть Сибири, но и многие удаленные места северной и северо-восточной Сибири и Дальнего Востока. Русский демографический компонент численно преобладает среди населения всех промышленных новостроек и на транспорте, столь важном для экономического и культурного подъема глубинных районов Сибири.

Коренное население Сибири численно также возрастает, составляя в настоящее время несколько более 1 млн. человек. В этнолингвистическом отношении это население весьма дробно и распределяется по многим отдельным народам и группам различной численности. Наиболее крупные коренные народы Сибири — буряты (353 тыс.), якуты (328 тыс.) и тувинцы (166 тыс.). Средней численности народы — западносибирские татары (до 100 тыс.), хакасы (71 тыс.), алтайцы (60 тыс.). Остальные народы (их насчитывается до 24) по причине их малочисленности и сходных особенностей промыслового быта отнесены к группе «малых народов Севера» (общая численность 150 тыс. человек). Среди них выделяются ненцы (около 29 тыс.), эвенки (28 тыс.), ханты (21 тыс.), заметные по численности и сохранению традиционного уклада чукчи (14 тыс.), эвены (12 тыс.), нанайцы (10 тыс.), манси (7,7 тыс.), коряки (7,9 тыс.). Остальные народы севера Сибири совсем не-



Народы Сибири и Дальнего Востока


ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ
Славянская группа
1–Русские, 2–Украинцы
Германская группа
3–Немцы
4–Евреи
УРАЛЬСКАЯ СЕМЬЯ
Финно-угорская группа
5–Ханты, 6–Манси
Самодийская группа
7–Ненцы, 8–Нганасаны,
9–Селькупы
АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ
Тюркская группа
10–Чуваши, 11–Татары, 12–Казахи,
13–Алтайцы, 14–Хакасы, 15–Тувинцы,
16–Якуты и долганы
Монгольская группа
17–Буряты
Тунгусо-маньчжурская группа
18–Эвенки, 19–Эвены, 20–Нанайцы,
21–Удэгейцы, 22–Орочи
Палеоазиатские народы
23–Чукчи, 24–Коряки, 25–Ительмены, 26–Юкагиры, 27–Нивхи
ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКАЯ СЕМЬЯ
28–Эскимосы, 29–Алеуты
КЕТЫ
30–Кеты
Магадан
Петропавловск-Камчатский
Комсомольск-на-Амуре
Владивосток
320 0 320 640 км

большие (например, алеуты, эпцы, ороки — численностью по нескольку сот человек), но этнографически они представляют значительный интерес.

Современные исследования отмечают большое своеобразие языковой ситуации в среде коренного населения Сибири. Ведущей тенденцией является, наряду со свободным развитием родной речи и письменности, все большее распространение двуязычия (знание наряду с родным языком русского или языка какой-либо соседней народности) и расширение функций русского языка во всех сферах общественной жизни. У большинства народов Севера с 1926 г. значительно сократилось число лиц, признающих родным язык своей национальности, и увеличилась доля лиц, признающих родным русский язык (например, среди манси, селькупов, нивхов, орочей — до 50%). Эти явления свидетельствуют как о высокой престижности русского языка, так и о его выдающейся роли в общем подъеме культурного уровня коренного населения. Однако ни один из существовавших до революции самобытных языков Сибири не исчез, будучи поглощенным иноэтническим окружением. Это дает основание классифицировать народы Сибири прежде всего по этнолингвистическому признаку, имеющему большое значение для раскрытия прошлой «бесписьменной» истории этих народов.

Народы Сибири принадлежат к различным языковым семьям и группам. По численности говорящих на родственных языках на первом месте стоят народы алтайской языковой семьи, по крайней мере от рубежа нашей эры начавшей распространяться с Саяно-Алтая и Прибайкалья в глубинные районы Западной и Восточной Сибири.

Алтайская языковая семья в пределах Сибири делится на три ветви: тюркскую, монгольскую и тунгусскую. Первая ветвь — тюркская — очень обширна. В Сибири к ней принадлежат: алтае-саянские народы — алтайцы, тувинцы, хакасы, шорцы, чулымцы, карагасы, или тофалары; западносибирские (тобольские, тарские, барабинские, томские и др.) татары; на Крайнем Севере — якуты и долганы (последние живут на востоке Таймыра, в бассейне р. Хатанги). К монгольским по языку народам в Сибири принадлежат только буряты, расселенные группами в западном и восточном Прибайкалье.

В тунгусскую ветвь алтайских народов входят эвенки («тунгусы»), обитающие рассеянными группами на обширной территории от правых притоков Верхней Оби до Охотского побережья и от Прибайкалья до Ледовитого океана; эвены (ламуты), расселенные в ряде районов северной Якутии, на Охотском побережье и Камчатке; также ряд небольших народностей Нижнего Амура — нанайцы (гольды), ульчи, или ольчи, негидальцы; Уссурийского края — орочи и удэ (удэгейцы); Сахалина — ороки.

В Западной Сибири с отдаленных времен формировались этнические общности уральской языковой семьи. Это были угроязычные и самоедоязычные племена лесостепной и таежной полосы от Урала до Верхнего Приобья. В настоящее время в Обь-Иртышском бассейне обитают угорские народы — ханты и манси. К самодийским (самоедоязычным) принадлежат селькупы на Средней Оби, эпцы в низовьях Енисея, нганасаны, или тавгийцы, на Таймыре, ненцы, населяющие лесотундру и тундру Евразии от Таймыра до Белого моря. Некогда небольшие самодийские народности обитали и в Южной Сибири, на Алтае-Саянском нагорье, но остатки их — карагасы, койбалы, камасинцы и др. — были тюркизированы в XVIII—XIX вв.

Целый ряд народов Сибири по установившейся научной традиции называют «палеоазиатами», предполагая в них потомков древнейших обитателей азиатской части СССР. Вопрос этот очень сложный, так как даже приблизительно не известно, где и в какую археологическую эпоху первоначально формировались те или иные «палеоазиатские» этнические общности. Во всяком случае, ученым ясно то, что, видимо, никогда не существовало единой «палеоазиатской» этнолингвистической семьи, ибо условно причисляемые к ней нынешние языки весьма различны в лингвогенетическом отношении.

Только три «палеоазиатских» народа — чукчи, коряки и, вероятно, ительмены — состав-

ляют генетическое языковое единство, группу чукотско-камчатских языков. Остальные «палеоазиатские» языки стоят особняком друг от друга, да и с другими языковыми общностями Сибири им трудно подыскать какие-либо прямые генетические соответствия. Это языки небольших народностей — кетов на Среднем Енисее, колымских юкагиров с примыкающими к ним чуванцами, нивхов (гиляков) в низовьях Амура и на Северном Сахалине. Столь же условно причисление к «палеоазиатским» своеобразных, но генетически родственных друг другу языков советских эскимосов на Чукотке и о-ве Врангеля и алеутов на Командорских островах. Современная наука располагает некоторыми данными относительно того, что «палеоазиатским» эскимосскому и чукотско-камчатским языкам на Крайнем Северо-Востоке Азии в отдаленные времена предшествовали какие-то иные языки (соответственно этнические группировки), которые и могут считаться, по-видимому, древнейшими «палеосибирскими».

О том, что в глубинных этногенетических основаниях многих народов Сибири залегают очень древние «аборигенные пласты», свидетельствуют данные антропологии. В самом деле, все коренные народы Восточной Сибири и Дальнего Востока монголоидны по основным особенностям их антропологических типов. Монголоидами, видимо, были и древние обитатели верхнепалеолитических стоянок этого региона (яркий пример: костные останки архаического монголоида на Афонтовой горе в Красноярске). Монголоидный тип населения Сибири генетически мог зародиться только в Центральной Азии. Археологи доказывают, что палеолитическая культура Сибири развивалась в том же направлении и в сходных формах, что и палеолит Монголии. Исходя из этого, археологи полагают, что именно эпоха верхнего палеолита с его высокоразвитой охотничьей культурой была наиболее подходящим историческим временем для широкого заселения Сибири и Дальнего Востока «азиатским» — монголоидного облика — древним человеком.

Монголоидные типы древнего «байкальского» происхождения хорошо представлены среди современных тунгусоязычных групп населения от Енисея до Охотского побережья, также у колымских юкагиров, отдаленные предки которых, возможно, предшествовали эвенкам и эвенам на значительном пространстве Восточной Сибири. Северовосточные «палеоазиаты» — эскимосы, чукчи и коряки — принадлежат к особо выделенной арктической монголоидной расе второго порядка, генетически связанной с каким-то очень древним населением материковой и приморской части Северо-Восточной Азии. Не менее древен специфический амуро-сахалинский физический тип нивхов (гиляков), который сложился в результате этногенетического взаимодействия североазиатских и тихоокеанских антропологических популяций.

Среди значительной части алтаеязычного населения Сибири — алтайцев, тувинцев, якутов, бурят и др. — распространен наиболее монголоидный центрально-азиатский тип, представляющий собой сложное расово-генетическое образование, истоки которого восходят к смешавшимся друг с другом монголоидным группам разного времени (от глубокой древности до позднего средневековья).

У коренных народов к западу от Енисея наблюдается заметное ослабление монголоидных признаков; здесь преобладает уральская раса во многих ее разновидностях, возникшая в целом как следствие давнего и неоднократного смешения монголоидных и европеоидных групп. Разные варианты этой расы представлены среди хантов, манси, селькупов, ненцев, западносибирских татар, северных алтайцев и шорцев.

Лингвистическая и антропологическая классификация народов Сибири помогает понять многие, до конца еще не выясненные вопросы их этнической истории. Но советская этнография стремится разработать и собственный историко-культурный метод типологии устойчивых и преемственных форм целостного образа жизни этих народов, исходя из свойственных им исторически особенных способов этнокультурной деятельности, лежащих в основании традиционных этнических культур.

Историко-культурный метод этнографии, ретроспективно обращенный и к наиболее от-

даленным временам истории Сибири, позволяет установить целый ряд региональных историко-культурных процессов, протекавших вполне самостоятельно и во взаимодействии друг с другом в конкретных условиях однородной и дифференцированной природохозяйственной среды, а также под влиянием инокультурных регионов Евразии. Следствием этих процессов, с одной стороны, было возникновение и развитие традиционно устойчивых хозяйственно-культурных типов: (1) пеших охотников и рыболовов таежной зоны; (2) охотников на дикого оленя в Субарктике; (3) оседлых рыболовов в низовьях больших рек (Оби, Амура, а также на Камчатке); (4) таежных охотников-оленеводов Восточной Сибири; (5) оленеводов тундры от Северного Урала до Чукотки; (6) охотников за морским зверем на Тихоокеанском побережье и островах; (7) скотоводов и охотников Алтая и Саян; (8) скотоводов и земледельцев Южной и Западной Сибири, Прибайкалья и др. С другой стороны, историческим следствием тех же процессов, развивавшихся в системе более широкого межплеменного обмена продуктами и способами предметно-культурной деятельности, явилось формирование пяти больших историко-этнографических областей: западно-сибирской (с южным, примерно до широты Тобольска и устья Чулыма на Верхней Оби, и северным, таежным и субарктическим, регионами); алтае-саянской (горнотаежной и лесостепной смешанной зоны); восточносибирской (с внутренней дифференциацией промысловых и сельскохозяйственных типов тундры, тайги и лесостепи); амурской (или амуро-сахалинской) и северовосточной (чукотско-камчатской).

Выделенные хозяйственно-культурные типы и региональные историко-этнографические области характеризуют собой историко-этнографическое многообразие Сибири. Но современная наука требует ответа и на более сложные вопросы зарождения и этнической истории коренных сибирских народов. Достаточно хорошо эта история известна со времени появления множества русских документов о Сибири, т. е. с XVII в. Более древние периоды этой истории реконструируются в основном по данным археологии, лингвистики и антропологии.

Правда, весь накопленный археологический материал древнейших времен (в основном интервале от 30—20 до 10—8 тыс. лет назад) отвечает скорее на вопрос о специфике хозяйственного освоения Сибири первобытным человеком, нежели на вопрос о предполагаемой этнической принадлежности различных групп первопоселенцев в степи, тайге и тундре Сибири и Дальнего Востока. Антропологи к этому добавляют лишь то, что процессы формирования и эволюции антропологических типов значительной части сибирских аборигенов происходили на базе «генетического материала» верхнепалеолитического или раннеонеолитического местного населения.

Большинство исследователей сходится на том, что наиболее реальны поиски истоков этногенеза и этнических культур палеоазиатских, уральских и алтайских по языку народов начиная с эпохи развитого неолита и раннего металла (суммарно: IV—I тысячелетия до н. э.). В этот период известные науке локальные («племенные») культуры аборигенов Сибири по их важнейшим признакам группировались по крайней мере в четыре больших региона: западносибирский, енисейско-байкало-ленский, средне- и нижнеамурский, северо-восточный (охотско-камчатско-чукотский). Возможно, что этим культурным регионам соответствовали какие-то этнолингвистические общности. Так, многие соображения свидетельствуют в пользу того, что уральская (угорская и самодийская) языковая общность формировалась в Западной Сибири, первоначально в лесостепной и южнотаежной области от Среднего Урала до Верхнего Приобья. В Восточной Сибири, вокруг Байкала и в Енисейско-Ленском междуречье, вероятно, формировалось то древнейшее «палеоазиатское» население, которое — по его предполагаемым потомкам юкагирам — может быть условно названо «протоюкагирским». Древний палеоазиатский пласт, но иного происхождения, угадывается в носителях неолитических культур Охотско-Камчатского побережья. Это был «проточукотско-камчатский» этнолингвистический пласт, включивший в свой состав еще более архаич-

ные этнические группы крайнего Северо-Востока Азии. Наконец, неолитические обитатели Среднего и Нижнего Амура вполне могут быть признаны «палеоазиатскими» предками нивхов.

Сложнее обстоит дело с решением проблемы этногенеза народов алтайской языковой семьи, формировавшейся поначалу в среде весьма подвижного степного населения Центральной Азии, за пределами южной окраины Сибири. Размежевание этой общности на прототюрков и протомонголов произошло на территории Монголии в пределах I тысячелетия до н. э. В Сибири позднее расселялись уже вполне сформировавшиеся порознь древние тюрки (предки саяно-алтайских народов и якутов) и древние монголы (предки бурят и ойратов-калмыков). Область зарождения первичных тунгусоязычных племен находилась в Восточном Забайкалье, откуда и началось около рубежа нашей эры передвижение пеших охотников протоэвенков на север, в Енисейско-Ленское междуречье, а также впоследствии и на Нижний Амур.

Самостоятельное течение этнокультурного развития народов Сибири неоднократно осложнялось внешними переселениями и хозяйственно-бытовыми воздействиями. В конце III — начале II тысячелетия до н. э. в Южной Сибири существовала афанасьевская культура пастушеских скотоводов, типичных европеоидов по внешнему облику. Исследованные археологами вещественные остатки их жизни сходны с одновременными им вещами на территории Средней Азии и Нижнего Поволжья, где в древности формировались некоторые протоиранские (индоевропейские) племена, также европеоидного облика. Эти вполне сопоставимые факты порождают гипотезу о ранних «европейско-сибирских» этнокультурных контактах.

Интересна, хотя и загадочна в этногенетическом плане яркая самусьская культура медно-бронзовых изделий XV—XIII вв. до н. э., как бы вдруг возникшая и распространившаяся по лесостепи от Томского Приобья до Тюменского Зауралья, а затем исчезнувшая, оставив некоторые свои традиции в кулайской (вероятно, южносамодийской) культуре железного века. Существует мнение, что носители самусьской культуры отошли в таежную зону в связи с расселением на юге Западной Сибири пришедших с запада андроновских пастушеско-земледельческих племен древнеиранского происхождения. Под несомненным воздействием этих племен уралоязычное население Иртышско-Обского междуречья поднялось на новую ступень культуры — частично восприняло навыки сельского хозяйства и медно-бронзовой металлургии, ранние формы бытовой утвари, в частности керамику со сложным геометрическим орнаментом.

Эпоха раннего металла (II—I тысячелетий до н. э.) в Сибири вообще характеризуется многими потоками южных культурных влияний, доходивших до низовьев Оби и п-ова Ямала, до низовьев Енисея и Лены, до Камчатки и Берингоморского побережья Чукотского п-ова. Но разумеется, наиболее значительными, сопровождаемыми этническими включениями в аборигенную среду, эти явления были в Южной Сибири, Приамурье и Приморье Дальнего Востока. На рубеже II—I тысячелетий до н. э. имело место проникновение в Южную Сибирь, в Минусинскую котловину и Томское Приобье степных скотоводов центрально-азиатского происхождения, оставивших памятники карасукско-ирменской культуры. По убедительной гипотезе, это были предки кетов, которые позднее под давлением ранних тюрок отошли далее на Средний Енисей, а частично смешались с ними. Эти тюрки — носители таштыкской культуры I в. до н. э. — V в. н. э. — разместились на Алтае-Саянах, в Мариинско-Ачинской и Хакасско-Минусинской лесостепи. Они занимались полукочевым скотоводством, знали земледелие, широко пользовались железными орудиями, строили многоугольные бревенчатые жилища, имели упряжных лошадей и верховых домашних оленей. Возможно, что именно через их посредство домашнее оленеводство стало распространяться в Северной Сибири. Но время действительно широкого расселения ранних тюрок по южной полосе Сибири, к северу от Саяно-Алтая и в Западном Прибайкалье, — это, вернее всего, VI—X вв. н. э. Между X и XIII вв. начинается по-

редвижение прибайкальских тюрок на Верхнюю и Среднюю Лену, что положило начало формированию этнической общности самых северных тюрок — якутов и объякученных долган.

Железный век, наиболее развитый и выразительный в Западной и Восточной Сибири, в Приамурье и Приморье на Дальнем Востоке, был ознаменован заметным подъемом производительных сил, ростом народонаселения и увеличением разнообразия средств культуры не только в прибрежьях крупных речных коммуникаций (Оби, Енисея, Лены, Амура), но и в глубинных таежных районах. Обладание хорошими транспортными средствами (лодками, лыжами, ручными нартами, упряжными собаками и оленями), металлическими орудиями и оружием, промысловыми снастями, добротной одеждой и переносными жилищами, а также совершенными способами ведения хозяйства и заготовки пищи впрок, т. е. важнейшими хозяйственно-культурными изобретениями и трудовым опытом многих поколений, позволило ряду аборигенных групп широко расселиться по труднодоступным, но богатым зверем и рыбой таежным местностям Северной Сибири, освоить лесотундру и выйти к побережью Ледовитого океана.

Значительные передвижения в северной половине Западной Сибири совершали угорские и самодийские группы. В раннем средневековье они обитали не только в бассейне Нижнего и Среднего Приобья, но и освоили Северный Урал, отчасти Припечорье, Ямал и лесотундру между низовьями Оби и Енисея. На Крайнем Севере Западной Сибири и в тундре к западу от Полярного Урала стала складываться ненецкая (самоедо-юрацкая) народность. От Таза до Нижнего Енисея распространилась новая самоедоязычная общность — лесных и тундровых энцев. Отсюда самодийцы проникли и на Таймыр, где, смешавшись с местными палеоазиатами юкагирского ствола, образовали народность нганасан

Но пожалуй, наибольшие переселения с широким освоением тайги и ассимилятивным внедрением в «палеоазиатско-юкагирское» население Восточной Сибири совершили тунгусоязычные группы пеших и оленных охотников на лося и дикого оленя. Перемещаясь в различных направлениях между Енисеем и Охотским побережьем, проникая из северной тайги на Амур и в Приморье, вступая в контакты и смешиваясь с иноязычными обитателями здешних мест, эти «тунгусские землепроходцы» в конечном итоге образовали многочисленные группы эвенков и эвенов и амуро-приморские народности. Средневековые тунгусы, сами овладевшие домашними оленями, способствовали распространению этих полезных транспортных животных среди юкагиров, коряков и чукчей, что имело важные последствия для развития их хозяйства, культурного общения и изменений в общественном строе.

Наименее подвижными и в хозяйственных занятиях и в бытовой сфере оказались оседлые рыболовы и охотники за морским зверем в низовьях Амура и на Сахалине (нивхи), на Камчатке (ительмены), на Чукотке (эскимосы и береговые, «сидячие» чукчи). Однако и они не остались в полной изоляции от внешних культурных воздействий, переживая одновременно и внутренние социально-бытовые перемены.

Необходимо особо подчеркнуть, что ко времени прихода русских в Сибирь коренные народы не только лесостепной полосы, но также тайги и тундры отнюдь не находились на той стадии социально-исторического развития, которую можно было бы считать глубоко первобытной. Социально-экономические отношения в ведущей сфере производства условий и форм общественной жизни у многих народов Сибири достигли довольно высокой ступени развития уже в XVII—XVIII вв. Этнографические материалы XIX столетия констатируют преобладание у народов Сибири отношений патриархально-общинного строя, связанного с натуральным хозяйством, простейшими формами соседско-родственной кооперации, общинной традицией владения угодьями, организации внутренних дел и сношений с внешним миром при достаточно строгом учете «кровных» генеалогических связей в брачно-семейной и бытовой (по преимуществу религиозно-обрядовой и непосредственного обще-

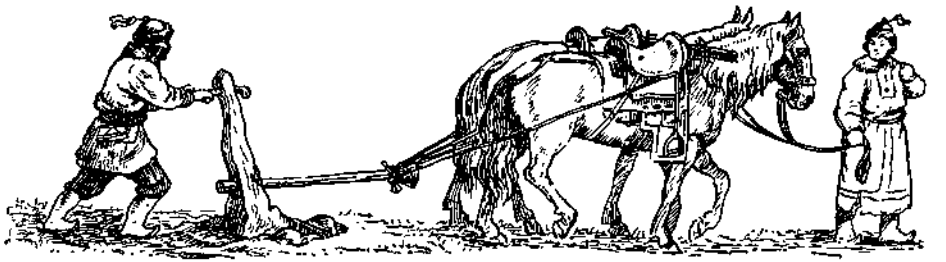
ния) сферах. Основной социально-производственной (включающей в себя все стороны и процессы производства и воспроизводства человеческой жизни), общественно-значимой единицей социальной структуры у народов Сибири была территориально-соседская общность, внутри которой воспроизводились, передавались от поколения к поколению и накапливались все необходимые для существования и производственного общения материальные средства и навыки, общественные и идеологические отношения и свойства. Как территориально-хозяйственное объединение это могло быть отдельное оседлое поселение, группа взаимосвязанных промысловых стойбищ, локальное сообщество полукочевников.

Но этнографы правы и в том, что в бытовой сфере народов Сибири, в их генеалогических представлениях и связях долгое время сохранялись живые остатки прежних отношений патриархально-родового строя. К числу таких стойких явлений следует прежде всего отнести родовую экзогамию, распространенную на довольно широкий круг родственников в нескольких поколениях. Существовали многие традиции, подчеркивающие святость и нерушимость родового начала в общественном самоопределении индивида, его поведении и отношении к окружающим людям. Высшей добродетелью считалась родственная взаимопомощь и солидарность даже в ущерб личным интересам и делам. В центре внимания этой родовой идеологии находилась разросшаяся отцовская семья и ее боковые патронимические линии. Учитывался и более широкий круг родственников отцовского «корня» или «кости», если, конечно, они были известны. Исходя из всего этого, этнографы полагают, что в истории народов Сибири отцовско-родовой строй представлял собой самостоятельную, весьма длительную стадию развития первобытнообщинных отношений, но в поле зрения письменных и этнографических источников он оказался уже в сильно модифицированном — упадочном или осложненном новыми социальными явлениями виде.

Что же касается проблемы, предшествующей отцовскому роду материнско-родовой организации, то обоснование факта ее существования в Сибири носит характер гипотетической реконструкции на материале некоторых реликтовых явлений, которые могут быть истолкованы по морганавской схеме архаического материнского рода. Например, ссылаются на бытование у кетов, энцев и нганасан экзогамных норм, исключающих брачные связи с партнерами как отцовского, так и материнского счета родства. Эту билатеральность экзогамной системы некоторые авторы объясняют как сохранившееся свидетельство такой исторической стадии, когда на севере Сибири отцовский род еще не получил всех прав по отношению к своим членам, а материнский род еще не утратил прежних прав по отношению к потомкам своих членов, перешедших в другой род. Ссылаются также на старинный обычай поселения молодого мужа в семье его жены у юкагиров, эскимосов, ительменов, нивхов. У юкагиров известен старый порядок, при котором жених отрабатывал право взять жену в доме будущего тестя, а затем поселялся у него в качестве зятя.

Однако все эти явления существовали в рамках промысловой общины с подчеркнутым преобладанием родства и норм обычного права по отцовской линии. Производственные и бытовые отношения между мужчинами и женщинами в семье и локальной общине строились на основе разделения труда по полу и возрасту. Значительная роль женщины в домашнем хозяйстве была отражена в идеологии многих сибирских народов в форме культа мифологической «хозяйки очага» и связанного с ним обычая «хранения огня» реальной хозяйкой дома.

Следует, впрочем, учитывать, что используемый этнографами сибирский материал прошлых столетий наряду с архаикой показывает и очевидные признаки давнего упадка и разложения родовых отношений. Даже в тех местных обществах, где социально-классовое расслоение не получило сколько-нибудь заметного развития, обнаруживались черты, преодолевающие родовое равенство и демократию, а именно: индивидуализация способов присвоения материальных благ, частная собственность на продукты промыслов и предметы обмена, имущественное неравенство меж-



Старинный способ пахоты у алтайцев

ду семьями, местами патриархальное рабство и кабала, выделение и возвышение правящей родовой знати и т. д. Эти явления в тех или иных разновидностях отмечены документами XVII—XVIII вв. у обских угров и ненцев, саяно-алтайских народов и эвенков. Этнография XIX в. обнаружила того же характера патриархально-общинные порядки на Нижнем Амуре и у северо-восточных палеоазиатов.

Тюркоязычным народам Южной Сибири, бурятам и якутам в указанное время была свойственна специфическая улусно-племенная организация, сочетающая в себе порядки и обычное право патриархальной (соседско-родственной) общины с господствующими институтами военно-иерархического строя и деспотической властью племенной знати. Царское правительство не могло не считаться с такой сложной социально-политической ситуацией и, признавая влиятельность и силу местной улусной знати, практически передоверяло ей фискально-полицейское управление рядовой массой сообщников.

Необходимо учитывать и то, что российский царизм не ограничивался только сбором дани — ясака с коренного населения Сибири. Если так обстояло дело в XVII в., то в последующие столетия государственно-феодальная система стремилась максимально использовать производительные силы этого населения, налагая на него все большие платежи и натуральные повинности и лишая его права верховной собственности на все земли, угодья и богатства недр. Составной частью экономической политики самодержавия в Сибири было поощрение торговой и промышленной деятельности российского капитализма и казны. В пореформенный период усилился поток аграрного переселения в Сибирь крестьян из Европейской России. Вдоль важнейших транспортных магистралей стали быстро складываться очаги экономически активного пришлого населения, которое вступало в разносторонние хозяйственно-культурные контакты с коренными обитателями заново осваиваемых местностей Сибири. Естественно, что под этим прогрессивным в целом воздействием народы Сибири утрачивали свою патриархальную самобытность («самобытность отсталости») и приобщались к новым условиям жизни, хотя до революции это происходило в противоречивых и небезболезненных формах.

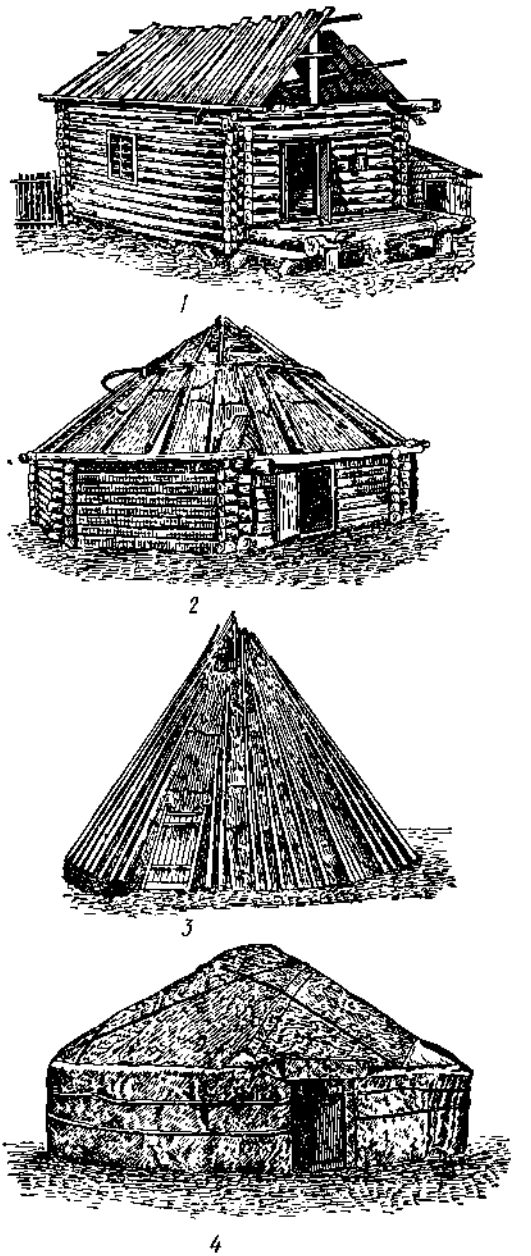
Хозяйственно-культурные типы коренного населения Сибири. Это прежде всего формы хозяйственного и материально-бытового уклада скотоводов и земледельцев-татар лесостепной полосы Западной Сибири, тюркских народностей (тувинцев, хакасов, алтайцев, шорцев) Алтае-Саян, западных и восточных бурят Прибайкалья, восточносибирских (ленско-алданских) якутов. У всех этих народов к периоду прихода русских скотоводство было развито значительно больше земледелия. Но с XVIII в. земледельческое хозяйство занимает все большее место у западносибирских татар, распространяется оно и среди традиционных скотоводов южного Алтая, Тувы и Бурятии. Соответственно изменялись и материально-бытовые формы: возникали прочные оседлые поселения, кочевнические юрты и полуземлянки сменялись бревенчатыми домами. Впрочем, у алтайцев, бурятов и якутов дол-

гое время бытовали многоугольные срубные юрты с конической крышей, по внешнему виду имитирующие войлочную юрту кочевников.

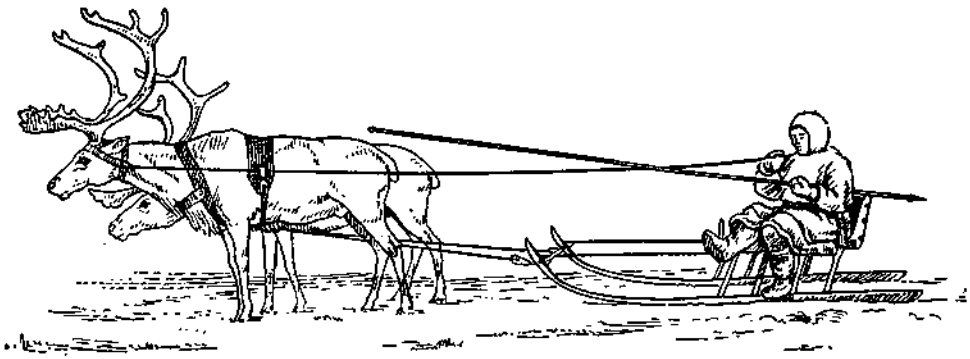
Традиционная одежда скотоводческого населения Сибири была сходна с центральноазиатской (например, монгольской) и относилась к типу распашной (меховой и матерчатый халат). Характерной одеждой южноалтайских скотоводов была длиннополая овчинная шуба. Замужние женщины-алтайки (как и бурятки) поверх шубы надевали своего рода длинную безрукавку с разрезом спереди — «чегедек». Якутки тоже носили длиннополый меховой кафтан «сангыях», по покрою близкий алтайскому «чегедеку», но в отличие от последнего — с рукавами. Интересен высокий головной убор замужних якуток — «туосахта». Русская торговля в Сибири способствовала широкому распространению, особенно в XIX в., русских тканей и матерчатой одежды по русским народным образцам.

Наибольший этнографический интерес представляют хозяйственно-культурные типы промыслового населения Севера — прямых потомков древних обитателей различных районов Сибири. Специфическими чертами отмечен очень древний хозяйственно-культурный комплекс оседлых рыболовов низовий больших рек, а также ряда малых рек Северо-Восточной Сибири. Рыболовство в качестве основного занятия преобладало в бассейне Оби (у хантов, манси, селькупов), в нижнем течении Амура (у нивхов, ульчей, нанайцев), на Камчатке (у ительменов), а также у «пеших» коряков и эвенов Охотского побережья. Применялись различные способы и снасти круглогодичного рыбного промысла. Охота имела вспомогательное значение. Главная цель этого добывающего хозяйства — массовый улов, различные виды переработки рыбной продукции для текущего потребления и заготовки впрок. Обычно рыбу вялили и сушили, часть ее сохраняли в квашеном виде в ямах. Вытапливали рыбий жир и смешивали его с сушеной рыбой. Рыбьи кожи специально обрабатывались для изготовления одежды и обуви.

С оседлым рыболовческим бытом были связаны такие элементы материальной куль-



Жилые постройки алтайцев:
1 — срубная изба с пристройкой; 2 — восьмиугольная бревенчатая юрта; 3 — корьевая юрта; 4 — войлочная юрта



Ненецкая оленья упряжка

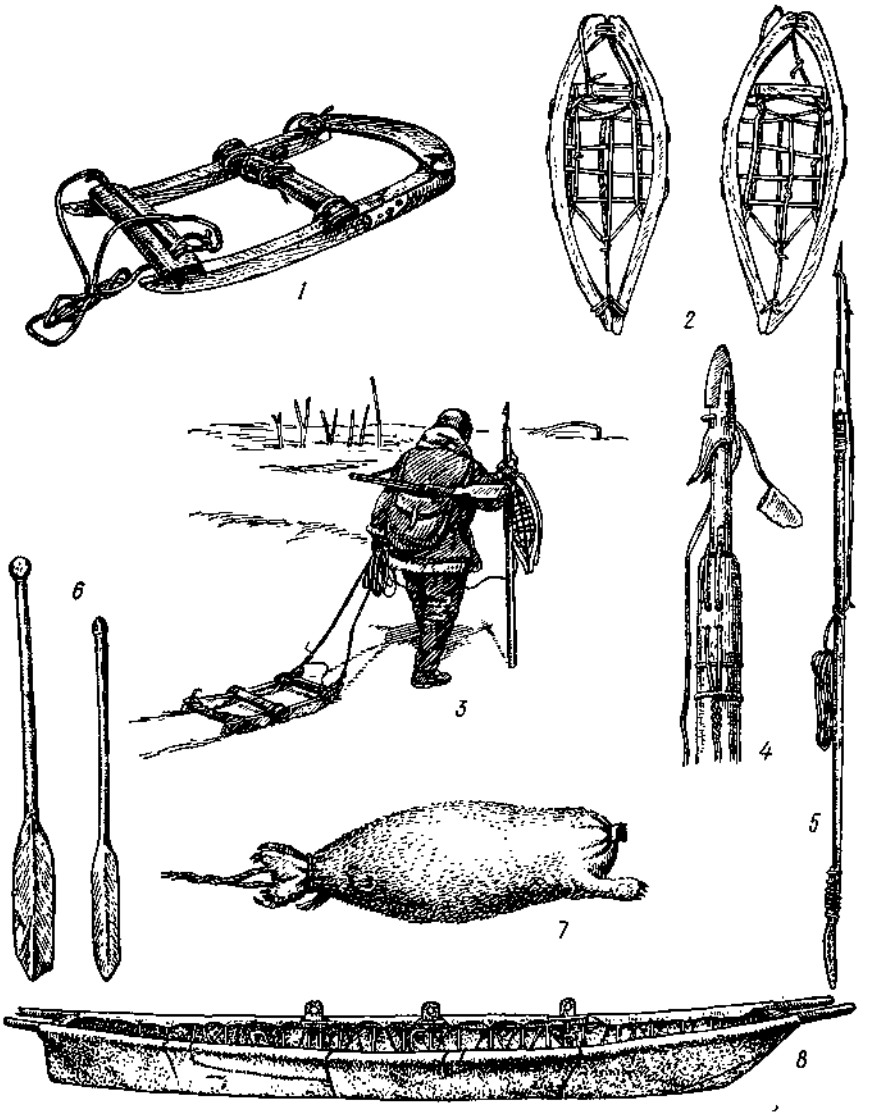
туры, как коллективные зимние землянки, наземные берестяные чумы и даже свайные «балаганы» (Камчатка) в качестве жилища, применение ездового (санного) собаководства. Обские ханты имели ткацкий станок для изготовления ткани из крапивных ниток. В XIX в. рыболовы низовьев Амура стали переходить к теплому наземному жилищу типа фанзы, а обские рыболовы — к бревенчатым юртам, отапливаемым пристенным камином — «чувалом». Все группы сохранили меховую долгополую одежду в качестве зимней и обыденной летней, но вместе с тем стали носить и покупную тканевую одежду.

В обширной таежной зоне Сибири на основе древнего охотничьего уклада сформировался специализированный хозяйственно-культурный комплекс охотников-оленеводов, к которым относились эвенки, эвены, юкагиры, ороки, негидальцы. Промысел этих народов состоял в добывании диких лосей и оленей, мелких копытных и пушных зверей. Рыболовство почти повсеместно было вспомогательным занятием. В отличие от оседлых рыболовов охотники-оленеводы тайги вели кочевой образ жизни. Таежное транспортное оленеводство — исключительно вьючно-верховое.

Материальная культура охотничьих народов тайги была полностью приспособлена к постоянным передвижениям. Характерный пример этого — эвенки. Жилищем у них служил конический чум, покрытый оленьими шкурами или выделанными кожами («ровдугой»), также сшитой в широкие полосы вываренной в кипятке берестой. При частых перекочевках эти покрышки перевозились во вьюках на домашних оленях. Для передвижения по рекам эвенки пользовались берестяными лодками, настолько легкими, что их без труда мог переносить на спине один человек. Превосходны эвенкийские лыжи: широкие, длинные, но весьма легкие, подклеенные шкурой с ноги лося. Старинная одежда эвенков была приспособлена к частой ходьбе на лыжах и езде верхом на олене. Эта одежда из тонких, но теплых оленьих шкур — распашная, с несходящимися спереди полами, грудь и живот закрывались своеобразным меховым нагрудником.

Типичными оленеводами тундры являлись ненцы, оленные чукчи и коряки. В их хозяйстве главную роль играло оленеводство, которое имело не только транспортное значение, но было основным источником средств существования. Охота и рыболовство имели лишь вспомогательное значение.

Оленеводы тундры круглый год кочевали, передвигаясь со своими стадами с зимних пастбищ (у границ тайги) на летние (близ морского побережья), а осенью снова откочевывая к границам леса. Ненцы имели специальных пастушеских собак, которые помогали им собирать и охранять стадо от волков. Чукчи и коряки пастушеских собак не держа-



Орудия и принадлежности морского промысла у эскимосов:

1 — санки с полозьями из моржового клыка; 2 — лыжи «лапки»; 3 — охотник в полном снаряжении; 4 — наконечник гарпуна с железным лезвием; 5 — гарпун; 6 — весла; 7 — поплавок к гарпуну; 8 — байдара

Каяк у коряков

ли. В любое время года оленеводы тундры ездили на легких санках — нартах, запряженных 2—4—5 оленями.

Материальная культура оленеводов небогата, но она удивительно приспособлена к кочевому быту и к тяжелым природным условиям. Число предметов обихода сведено до возможного минимума. Жилищем ненцам служил разборный конический чум с остовом из шестов, покрытый оленьими шкурами. Посуда употреблялась деревянная, только для варки пищи приобретали у русских металлический котел. Одежда была исключительно меховая, в виде длинного мешка с рукавами и капюшоном, надеваемая через голову. В холодное время надевали малицу из оленьих шкур шерстью внутрь, а поверх — совик, или сокуй, из таких же шкур, но шерстью наружу. Обувью служили высокие меховые сапоги — пимы.

Жилище кочевых чукчей и коряков — яранга — отличалось от конического чума ненцев тем, что остов ее сооружался из шестов различной длины и состоял из двух частей: нижней цилиндрической и верхней конической. Внутри яранги, покрытой сверху оленьими шкурами, устанавливался дополнительный полог — закрытое со всех сторон кубической формы помещение из оленьих шкур. Если ненцы отапливали чум открытым очагом (костром), то чукчи и коряки свою ярангу — плошкой с жиром, в которой горел фитиль из скрученной жгутом травы.

Наконец, арктическими охотниками на морского зверя в Сибири были эскимосы, оседлые чукчи и коряки, жившие не в тундре, а на морском побережье Чукотки. Весь их хозяйственный цикл состоял в промысле тюленей (зимой и весной) и моржей (весной и летом).

Морского зверя били гарпуном с поворотным отделяющимся наконечником. Зимою охотник подстерегал добычу у проделанных тюленем (нерпой) отдушин (отверстий) во льду, а весной и летом выходил на промысел в море на легкой лодке, состоящей из деревянного каркаса, обтянутого кожей. Для передвижения по суше использовались собаки, запряженные в нарты.

Некогда приморские жители обитали в землянках, имевших ход сверху, через дымовое отверстие, но уже в XIX в. они стали сооружать яранги такого же типа, как и оленеводы чукотской тундры. Традиционная одежда тех и других была меховой, двухслойной: нижняя — шерстью к телу, верхняя — шерстью наружу; будучи нераспашной («глухой»), она надевалась через голову.

Хотя хозяйственный строй, культура и общественные институты промысловых народов Севера отличались отсталостью, общий ход исторического процесса в различных районах Сибири резко изменили события XVI—XVIII вв., связанные с появлением русских землепроходцев и включением в конечном итоге всей Сибири в состав Российского государства. Оживленная русская торговля и прогрессивное влияние русских поселенцев произвели значительные изменения в хозяйстве и быту не только скотоводческо-земледельческого, но и промыслового коренного населения Сибири. Уже к концу XVIII в. эвенки, эвены, юкагиры и другие промысловые группы Севера стали широко использовать огнестрельное оружие. Это облегчило и количественно умножило добычу крупных животных (дикого оленя, лося) и пушных зверей, особенно белки — основного объекта пушного промысла XVIII — начала XX в. К исконным промыслам стали добавляться новые занятия — более развитое оленеводство, использование тягловой силы лошадей, земледельческие опыты, зачатки ремесла на местной сырьевой базе и т. д. Вследствие всего этого изменялась и материально-бытовая культура коренных жителей Сибири.

Духовная жизнь. Однако в бытовой жизни народов Сибири до самой революции существовала и такая сфера, которая менее всего поддавалась прогрессивному культурному воздействию. Это область религиозно-мифологических представлений и различных рели-

гиозных культов. Наиболее распространенной формой верований у народов Сибири был шаманизм.

Отличительной чертой шаманизма является вера в то, что определенные люди — шаманы — имеют способность, приведя себя в исступленное состояние, вступать в непосредственное общение с духами — покровителями и помощниками шамана в борьбе с болезнями, голодом, пропажами и прочими несчастьями. Шаман же обязан был заботиться об успехе промысла, удачном рождении ребенка и т. д. Шаманизм имел несколько разновидностей, соответствующих различным стадиям общественного развития самих сибирских народов. У наиболее отсталых народов, например у ительменов, шаманить могли все, и особенно старые женщины. Пережитки такого «поголовного» шаманства сохранились и у других народов; в частности, у чукчей наряду с наличием профессиональных шаманов существовали шаманские обряды, которые исполнялись главами семей во время семейных празднеств.

У некоторых народов функции шамана составляли уже особую специальность, но сами шаманы обслуживали родовой культ, в котором принимали участие все взрослые члены рода. Такое «родовое шаманство» отмечалось у юкагиров, хантов и манси, у эвенков и бурят.

Профессиональное шаманство расцветает в период распада патриархально-родового строя. Шаман становится особым лицом в общине, противопоставляющим себя непосвященным сородичам, живет доходами со своей профессии, которая становится наследственной. Именно такая форма шаманизма наблюдалась в недавнем прошлом у многих народов Сибири, особенно у эвенков и тунгусоязычного населения Амура, у ненцев, селькупов, якутов.

У бурятов шаманизм приобрел усложненные формы под воздействием буддизма, а с конца XVII в. вообще стал сменяться этой религией. Среди народов Алтае-Саян распространился тот же буддизм (в Туве), частью христианство (у какасов и алтайцев), а в связи с ними появились новые верования (так называемый бурханизм — поклонение богу Бурхану). Западносибирские татары некогда исповедовали шаманизм, но с XVI в. он был вытеснен исламом.

У народов Сибири существовали и другие формы религии, частью связанные с шаманством, частью бытовавшие отдельно от него. К категории таких самостоятельных верований можно отнести семейно-родовой культ. У нивхов культ медведя был чисто родовым культом, во время свершения которого шаману не дозволялось камлать. У ненцев существовало развитое шаманство, но изображения семейных духов-покровителей изготовляли и хранили главы семей.

Известен также промысловый культ, состоящий в жертвоприношениях «хозяевам» природы, духам-покровителям. Этот культ местами увязывался с шаманизмом, но чаще носил характер родового и даже индивидуального культа. Например, ненцы, приступая к промыслу, каждый в отдельности приносили жертвы «сядеям» — покровителям охоты и рыболовства.

Царское правительство, начиная с XVIII в., усердно поддерживало миссионерскую деятельность в Сибири православной церкви, причем христианизация нередко проводилась принудительными мерами. К концу XIX в. большинство сибирских народов было формально крещено, однако их собственные верования не исчезли и продолжали оказывать немалое воздействие на мировоззрение и поведение коренного населения.

В целом накануне Октябрьской революции большинство народов Сибири, особенно Севера, продолжало оставаться в состоянии хозяйственной, социальной и культурно-бытовой отсталости. Хищнический российский капитализм, вторгшийся в жизнь этих народов, больше заботился об их безудержной эксплуатации, нежели о развитии элементарной образованности и культуры.

Социалистические преобразования. Сразу же после установления Советской власти в Сибири возникло государственно организованное и поддержанное трудящимися на местах своеобразное направление перехода от патриархальной отсталости к социалистическим фор-

мам экономики и культуры, минуя капиталистическую стадию развития.

Уже в 1922—1924 гг. были предприняты первые шаги по ликвидации отсталости народов Сибири путем развития потребительской кооперации, материальной помощи через государственные органы, ограничения неэквивалентной частной торговли и эксплуататорских элементов в натуральном производстве. В 1922 г. были образованы Бурятская и Якутская АССР, Автономная область алтайцев; в 1923 г.— Хакасская автономная область.

Каждая автономия должна была объединить коренное население, выявить его силы и мобилизовать трудовые массы на строительство новой жизни в братском сообществе народов СССР. Автономия была наиболее удобной формой связи между Советской властью и национальностями Сибири. Она же сыграла важную роль в налаживании на местах школьного образования, культурно-просветительной и медицинской работы. С помощью центральных учреждений создавалась национальная школа, письменность, печать.

В области материального производства развитие автономных единиц пошло по линии переустройства, кооперирования и укрупнения сельского хозяйства, по линии создания промышленных очагов, улучшения всех видов транспорта и связи. В результате социалистического строительства Бурятия, Алтай, Тува и Якутия превратились в развитые промышленно-сельскохозяйственные районы с высоким уровнем культуры коренного населения. Здесь возникло много новых городов и рабочих поселков.

Труднее было поднять к новой жизни население глухих, удаленных районов тайги и тундры Крайнего Севера. Мало того, что это население вообще отличалось вековой отсталостью, в период империалистической и гражданской войн оно совершенно разорилось. Советское строительство у народностей Севера развернулось на 5—8 лет позже, чем в Центральной России. Первоначальная советизация Севера проводилась на основе территориально-родового деления населения. Органами местного управления с 1926 г. становились родовые Советы, районные туземные съезды и исполнительные комитеты, которые должны были собрать воедино разрозненные части коренных народов, донести до них основные идеи советской национальной политики, обеспечить на местах власть народным массам при изоляции эксплуататорских элементов.

Дальнейшим шагом советского строительства на Севере было создание национальных районов, а в 1929—1931 гг. — национальных (ныне автономных) округов: Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского, Долгано-Ненецкого, Эвенкийского, Корякского и Чукотского. В ведении окружных руководящих органов, состоящих из представителей местных национальностей, оказались все стороны экономической и социально-культурной жизни, все рычаги социалистического воздействия на процесс преобразования традиционного образа жизни промыслового населения. В задачи округов входило социально-экономическое кооперирование и коллективизация охотников, рыболовов и оленеводов, сначала в форме ППО — простейших производственных объединений, а затем, с конца 30-х годов, в форме уставных колхозных артелей. В 60-х годах имело место массовое преобразование окрепших промысловых колхозов в государственные хозяйства — совхозы. Техническая реконструкция северного промыслового хозяйства потребовала специальной подготовки массовых кадров охотников, рыбаков и пастухов путем сочетания государственной общеобразовательной и профессионально-технической системы с традициями народной «школы» трудового воспитания и обучения. В различных отраслях общественного производства северных округов, по данным за 1970 г., было занято до одной тысячи лиц с высшим образованием и до четырех тысяч лиц с незаконченным высшим и средним образованием из коренных национальностей.

Основная масса коренного населения северных округов (до 70% в 1970 г.) по своему социальному положению остается сельским. Тем не менее в среде северных народов развиваются процессы урбанизации, причем в настоящее время даже более быстрыми темпами, чем в целом по стране. Это выражается в том, что все большая часть север-

ного населения непосредственно втягивается в процесс промышленного освоения местных природных ресурсов и в связи с этим совершает массовое переселение из промысловых поселений в новые города и поселки городского типа на территории округов и вне их пределов. Так, в 1970 г. среди ненцев северных округов горожане составляли 68% всех ненцев, среди чукчей — 62,6, среди хантов — 66,5%. Миграция в города представителей северных народов связана в первую очередь с изменениями характера труда, условий жизни, образовательного уровня, развитием социально-культурных ориентаций и новых потребностей. Урбанизация определенной части народов Севера находится в тесной связи со степенью освоения широкими массами этих народов языка и культуры русских поселенцев в округах; она же, в свою очередь, способствует их взаимному сближению через участившиеся смешанные браки.

О современном уровне общего образования народностей Севера можно судить по таким красноречивым данным: если в 1926 г. среди коренного населения было свыше 90% неграмотных, то к 1970 г. подавляющее большинство северян имело образование выше начального, причем была заметна тенденция опережающего роста образовательного уровня женщин не только по доле имеющих более высокую степень образования (среднее специальное и частично высшее), но и по среднему числу лет обучения. В целом по Северу в настоящее время созданы все условия для осуществления всеобщего среднего образования через систему школ-интернатов на полном государственном обеспечении. Подготовку специалистов коренных сибирских национальностей успешно проводит широкая сеть средних специальных и высших учебных заведений как на местах, так и в других областях Сибири, Дальнего Востока и европейской части страны.

Подъем образовательного уровня народов Севера сопровождается заметными сдвигами и в других сферах массовой социалистической культуры. За последние годы выросла и окрепла сеть местных клубных учреждений, киноустановок и библиотек, поднялся тираж местных газет, шире распространяются радиотрансляция и прием телевизионных передач. Культурная информация поступает к населению как на русском, так и национальных языках. Заметно выросла современная художественная литература. Издаются альманахи и книги на языках народов Севера. В их среде выросли известные всей стране ученые, писатели, поэты, деятели профессионального искусства. Новые стимулы и формы приобрело массовое народное творчество — танцевальное, певческое, поэтическое, художественно-прикладное.

Современная Сибирь находится на стадии высокого подъема — не только через ускоренное и крупномасштабное индустриальное развитие, но и путем глубокой перестройки сельского образа жизни, а в целом благодаря расширению материального базиса и социально-культурных средств и форм по-новому устроенного общественного процесса жизнедеятельности, в типических чертах представленного новой исторической общностью советского народа периода развитого социализма.

Основные тенденции этнической истории

(вместо заключения)

При всем многообразии этнической истории народов мира ей присущи некоторые общие тенденции, определенные закономерности. Они особенно отчетливо проявляются в сфере этнических процессов, т. е. изменений этносов-народов во времени. Такого рода процессы и составляют главное содержание этнической истории человечества. Как показывает изучение этой истории, для доклассовых обществ особенно характерны были процессы этнического разделения. Основная причина их возникновения — деление племен в результате увеличения их размеров и истощения естественных ресурсов в пределах племенной территории.

Именно процессы этнического разделения лежат в основе расселения людей по земному шару из области (или нескольких областей) формирования Homo sapiens. В докапиталистических формациях процессы этнического разделения и связанные с ними массовые миграции послужили основанием для возникновения многих народов.

Своеобразным видом процессов этнического разделения в раннекапиталистическую эпоху были переселения европейцев (испанцев, англичан, голландцев и др.) за пределы Европы (в Америку, Южную Африку, Австралию), сопровождавшиеся возникновением новых этнических общностей. В XX в. процессы этнического разделения проявляются уже в значительно меньших масштабах, чем прежде.

Начиная с эпохи разложения первобытного общества доминирующими становятся процессы этнического объединения. Эти процессы обычно в общей форме характеризуются как процессы сближения и слияния. В то же время возможно разграничение объединительных процессов в зависимости от их конечных результатов. В этой связи принято выделять три типа этнических процессов объединительного характера: консолидацию, ассимиляцию и интеграцию.

К процессам этнической консолидации могут быть отнесены процессы слияния нескольких родственных по языку и культуре этнических единиц в одну этническую общность. При этом следует отличать консолидацию народностей из близкородственных племен и этнографических групп от консолидации наций из близких по языку и культуре народностей, этнических групп, национальных меньшинств

и т. п. Так как родственные народы обычно ведут свое происхождение от какой-то единой в прошлом этнолингвистической общности, то развитие процессов консолидации в ряде случаев является как бы своеобразным диалектическим отрицанием процессов этнического разделения.

К процессам этнической ассимиляции принято относить процессы растворения небольших групп (или отдельных представителей) одного народа в среде другого народа. Существуют два типа ассимиляции: насильственная и естественная, из которых последняя всегда имела, как указывал В. И. Ленин, прогрессивное значение [1].

Под межэтнической интеграцией понимаются взаимодействие существенно различающихся по своим языково-культурным параметрам основных этнических единиц (племен, народностей, наций), ведущее к появлению у них некоторых общих черт культуры. Между всеми разновидностями собственно этнических процессов объединительного характера существует тесная взаимосвязь. Например, этническая консолидация нередко в той или иной степени сопровождается ассимиляцией. Вместе с тем рассматриваемые процессы различаются своими результатами. Консолидация и ассимиляция приводят к относительно полной этнической однородности, интеграция сопровождается, как сказано, лишь возникновением некоторых общих черт культуры у взаимодействующих этносов.

Этнические процессы развиваются под воздействием разнообразных факторов, одни из которых обусловлены взаимодействием этносов (прежде всего, в языково-культурной сфере), другие — как бы внеэтническими причинами (экономическими, территориально-политическими, демографическими, идеологическими и т. д.).

Собственно этнические процессы, подобно этническим общностям, представляют собой иерархическое явление. Иначе говоря, они могут идти как бы на разных ярусах и притом подчас даже в разных направлениях. В результате одна и та же группа людей, принадлежащая к одному этносу, оказывается одновременно как в сфере «внутреннего» развития этого этноса, направленного на укрепление его в качестве самостоятельной системы, так и в сфере процесса, направленного на объединение того же этноса с другими образованиями. Эти в известном смысле противоположные тенденции пронизывают всю этническую историю человечества. Так, характерные для первобытности дивергентные (разделительные) этнические процессы обычно сочетались с консолидацией в рамках союзов племен. В условиях докапиталистических классовых формаций консолидационные процессы были чрезвычайно сложными и противоречивыми.

Одним из факторов, способствовавших консолидации племенных этнических общностей в народности, было усиление межплеменных контактов по мере роста общей численности населения. «Возрастающая плотность населения, — писал Ф. Энгельс, — вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их...» [1].

Другим еще более важным фактором формирования народностей были раннеклассовые государства. Часто они возникали на базе группы родственных племен. В таких случаях наряду с уже имевшейся у этих племен близостью языка и культуры (в узком смысле слова) государство объединяло консолидирующиеся племена в территориально-политическом отношении, создавало определенную общность экономических, социальных и других интересов.

Вместе с тем не следует забывать неустойчивость раннеклассовых государственных образований, в частности относительную подвижность их политических границ. Но особенно осложняла процесс формирования народностей характерная для большинства докапиталистических классовых обществ иерар-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 125.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164.

хичность политической структуры, сопряженная с острыми противоречиями между центростремительными и центробежными тенденциями. Именно соотношение этих тенденций во многом предопределяло конкретные рамки, в пределах которых наиболее интенсивно шел процесс консолидации народности.

В одних случаях большую интенсивность имели процессы, проходившие в границах обширных политических образований, охватывавших целую группу племенных общностей. В других случаях более интенсивными оказывались процессы этнической консолидации в рамках небольших политических единиц, объединявших лишь несколько племен. Но как правило, эти разновидности консолидационных процессов в той или иной степени сосуществовали.

Примером консолидационных процессов на сравнительно узкой основе может служить возникновение афинской, спартанской и других древнегреческих народностей, формировавшихся в рамках отдельных полисов. В Афинском государстве этому процессу, в частности, немало содействовало введение в VI в. до н. э. административного нового деления (реформы Клисфена), которое было построено на чисто территориальном принципе, призванном заменить древние родо-племенные деления. Но наряду с народностями, сложившимися в пределах древнегреческих государств (полисов), во второй половине I тысячелетия до н. э. в рамках общегреческих политических объединений происходит формирование более широкой общности — эллинской народности.

Таким образом, можно говорить о сосуществовании народностей различных уровней. При этом народность одного уровня могла выступать лишь в качестве этникоса (так сказать, по инерции после исчезновения соответствующего ЭСО), а другого уровня — как функционирующее ЭСО. Так, начавшая складываться с возникновением в IX в. Германского королевства (с X в. «Священной Римской империи германской нации») немецкая народность сохраняется в качестве этникоса и после усиления там в XII — XIV вв. политической раздробленности. Наряду с этой народностью и в ее рамках одновременно функционируют в качестве ЭСО сформировавшиеся в результате политической раздробленности баварская, саксонская, швабская и другие народности.

На процессах формирования народностей сказывались и характерные для рубежа бесклассовых и классовых обществ массовые переселения, сопровождавшиеся завоеванием одних этнических групп другими. В прошлом, когда этногенетическая проблематика решалась главным образом на основе лингвистических данных и сводилась, по существу, к истории языков, миграциям отводилась определяющая роль в формировании большинства народностей мира. Теперь эта проблематика стала все чаще разрабатываться комплексно. Причем расширяющееся привлечение наряду с археологическими антропологических материалов позволило поставить под сомнение традиционные представления, будто подавляющее большинство переселений народов влекло за собой почти полное уничтожение или вытеснение местного аборигенного населения. Очень многие народности возникли в результате симбиоза аборигенного и пришлого населения. Вообще следует иметь в виду, что человеческая история всегда была историей контактов и смешения различных по своей антропологической, языковой и культурной принадлежности групп, что в мире нет ни одного «чистого», не впитавшего множества инородных элементов народа.

Народности как основные этнические подразделения докапиталистических классовых обществ существенно отличаются от соответствующих образований первобытности. Это проявляется прежде всего в том, что народность имеет принципиально иную, чем у племени, социальную структуру. Основным социальным фактором, связывающим народность воедино (особенно при ее возникновении), выступают уже не брачно-родственные отношения, а такая политическая сила, как государство со всеми его атрибутами.

Народность отличается от племени и в сфере этнических свойств. С одной стороны, наличие антагонистических классов ведет за

собой определенное ослабление культурного единообразия в рамках народности по сравнению с тем, что имеет место у племени. С другой стороны, если рассматривать вопрос в пространственном отношении, то окажется, что в пределах территории, занимаемой народностью, культурная однородность выше, чем на той же территории в первобытной формации, даже в случае расселения на этой территории одной семьи племен. Словом, происходит либо просто увеличение культурных информационных связей внутри этносоциальной общности (при превращении союза племен или его части в народность), либо даже расширение пространственных рамок однородной культуры (при образовании народности на базе нескольких неродственных племен). Большую роль в этом процессе играют сборы воедино значительных масс людей на общественные работы или в военных целях, создание внутригосударственных коммуникаций всех видов, передача информации приказного характера и особенно развитие письменности, которая при наличии чтеца выполняет свои информационные функции даже в случае неграмотности большинства населения.

Вместе с тем в докапиталистических классовых формациях межэтнические процессы иногда влекут за собой возникновение макроэтнических подразделений, например, когда одно крупное социально-политическое образование (государство) «перекрывает» несколько различных по своему происхождению этнических единиц, сформировавшихся в прошлом в рамках отдельных социальных организмов. В пределах таких образований наряду с находящимися в них народностями подчас зарождается как бы стоящая над ним этническая общность, что выражается в появлении некоторых общих для всех народностей этнических черт. Однако эти черты по сравнению с этническими свойствами народностей всего лишь тонкая амальгама, к тому же распределенная неравномерно. Примером такой общности может служить поздняя Римская империя с характерной для нее тенденцией к нивелировке населения, наиболее отчетливо проявившейся в широком распространении римского гражданства и романизации.

Следующее за народностью основное этническое подразделение — нация. В социально-этническом отношении она представляет собой образование совершенно определенного уровня — уровня капиталистического и социалистического обществ.

В этническом отношении нация отличается от народности примерно так же, как эта последняя от племени. При этом обнаруживаются те же два варианта их пространственного соотношения. В одних случаях нация — результат трансформации соответствующей народности (например, венгерской народности в венгерскую нацию). В других нация — продукт консолидации нескольких народностей (например, французская нация — результат слияния провансальской и северофранцузской народностей).

Однако в рассматриваемой связи существенно, что и в первом и во втором случаях имеет место дальнейшее повышение однородности культуры, что особенно наглядно проявляется в формировании единого общенационального литературного языка, в постепенном исчезновении локальных различий в бытовой культуре. Впрочем, дело не только в повышении однородности культуры (подчас степень такой однородности у какой-либо сложившейся народности могла быть в известном смысле большей, чем на начальном этапе у нации, вобравшей в себя несколько таких народностей). Гораздо важнее, что нация, как правило, превосходит народность интенсивностью внутренних культурно-информационных связей горизонтального (синхронного) характера; причем это повышение плотности внутренней информационной сети сочетается со всевозрастающей межнациональной информационной сетью.

Этноконсолидационные процессы внутри наций подчас сопровождаются расовым смешением. Это особенно характерно для латиноамериканских наций, в состав многих из которых входят представители трех рас: европеоидов, негроидов и монголоидов (индейцы и отчасти выходцы из стран Азии). Так, в Бразилии в результате заключения межрасо-

вых браков менее чем за 100 лет (с 1819 по 1910 г.) удельный вес лиц смешанного происхождения (более всего мулатов) возрос с 20 до 60% численности жителей.

Изменения, происходящие с нациями, принято именовать национальными процессами, представляющими собой одну из разновидностей этно-социальных процессов.

Национальные процессы (подобно любой другой разновидности этносоциальных процессов) — чрезвычайно сложные явления. Они охватывают самые различные сферы общественной жизни: от экономики до общественного сознания. Поэтому для удобства анализа такого рода национальных процессов в последнее время советскими учеными принято условно выделять две основные взаимосвязанные стороны: собственно социальную и собственно этническую. При этом под социальной стороной подразумеваются социальные явления в узком значении слова, т. е. в первую очередь производственные отношения, классово-профессиональная сфера общественной жизни. Под этнической же стороной национальных процессов в таком случае имеются в виду изменения собственно этнических свойств этносоциальных общностей, включая этническое самосознание.

Хотя определяющая роль в национальных процессах (в широком значении слова), несомненно, принадлежит собственно социальным явлениям, прежде всего экономике, однако этническая сторона представляет не только существенную, но и непременную составляющую этих процессов (ведь существование национального без этнического просто невозможно).

В соответствии с социально-экономическими параметрами наций они подразделяются на буржуазные и социалистические. Буржуазные нации состоят, как известно, из антагонистических классов, основными из которых являются буржуазия и пролетариат. При социализме коренным образом меняется социальная структура нации. В этом смысле возникновение социалистических наций представляет собой коренное преобразование наций буржуазного общества. Нации при социализме характеризуются единством дружественных классов — рабочих и крестьян. Руководящая роль в жизни социалистической нации принадлежит рабочему классу. Устанавливая всестороннюю связь и взаимозависимость наций, капитализм в силу своей эксплуататорской природы порождает и угнетение одной нации другой. Характерной чертой социалистических наций является социалистический интернационализм, дружба и солидарность народов.

Социальная структура нации оказывает огромное влияние на ее культурную однородность. Для буржуазной нации с ее классовым антагонизмом характерно, как указывал В. И. Ленин, наличие двух культур [1]. На ранней стадии развития капитализма в духовной культуре нации ведущую роль играет по преимуществу культура господствующих классов. Однако на современном этапе в капиталистических странах, хотя и доминирует буржуазное содержание в национальной культуре, все же в духовной жизни нации заметно усиливается роль демократических элементов культуры. С переходом к социализму эта сторона национальной культуры получает всестороннее развитие. При этом установление социальной однородности наций неизбежно влечет за собой интенсификацию процессов культурной консолидации, представляющих диалектическое отрицание их былой культурной раздвоенности. Таким образом, социалистическая нация — это не просто продолжение прежней национальной общности, а во многом качественно иное образование.

Важнейшим фактором формирования буржуазных наций является резкое усиление экономических связей в условиях возникновения капитализма. Данное обстоятельство было специально подчеркнуто В. И. Лениным, показавшим на примере складывания русской нации значение для процесса национальной консолидации усиливающегося в период генезиса капитализма обмена между областями, постепенно растущего товарного обращения, слияния небольших местных рынков в один национальный рынок. Раскрывая сущность

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.

процесса формирования наций, В. И. Ленин подчеркивал, что так как «руководителями и хозяевами... были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных» [1].

Существенное влияние на процессы этнической консолидации буржуазных наций оказывает государственно-политический фактор. На это неоднократно указывал В. И. Ленин, подчеркивавший, что «для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке...» [2]. И напротив, если государственные границы расчленяют однородные в языково-этническом отношении массивы, то это оказывает тормозящее воздействие на процессы национальной консолидации.

В условиях капитализма особенно отчетливо проступает иерархичность этнических процессов. Помимо основных этнических общностей они протекают на уровне как макро-, так и микроэтнических подразделений. В первом случае наглядным примером могут служить интеграционные процессы, происходящие сейчас в некоторых полиэтнических государствах Азии, в частности в Индии и Индонезии. Здесь в пределах одного многонационального государства складываются некоторые общие черты культуры и общего самосознания, т. е. наблюдается тенденция постепенного возникновения макроэтнической общности. Впрочем, в капиталистическом мире процессы межэтнической интеграции подчас выходят за пределы политических границ. В этом отношении показательно появление в последнее время общего этнического самосознания у всех индейцев Америки. Что касается этнических процессов на микроуровне, то в данной связи можно сослаться, скажем, на наблюдающийся сейчас в США рост самосознания относительно малых этнических групп, состоящих из выходцев (или их потомков) из Европы и Азии (итальянцев, поляков, армян, арабов и т. д.).

Одним словом для капитализма с момента его возникновения характерно взаимопересечение этнических процессов, протекающих как бы на разных уровнях и отражающих, по существу, диалектическую противоречивость национального развития в эту эпоху. Именно данное обстоятельство и раскрывает разработанная В. И. Лениным концепция двух тенденций в национальном вопросе.

«Развивающийся капитализм,— указывал он в данной связи,— знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.» [1].

На протяжении существования капиталистической формации соотношение этих двух тенденций не оставалось неизменным. Первая, отмечал В. И. Ленин, преобладала в ее начале, «вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм» [2].

Взаимодействие этих тенденций при капитализме имеет противоречивый, антагонистический характер, сопровождаясь установлением привилегированного положения или даже прямого господства одной нации над другой. При этом складывающееся в ходе борьбы за «свою» государственность национальное самосознание трудящихся используется буржуазией для разжигания национализма, поставленного на службу ее империалистическим притязаниям.

Развертывающаяся в наше время научно-техническая революция еще более углубляет противоречивость этнических процессов в странах капитала. С одной стороны, характерные для нее урбанизация и стандартизация ведут ко все большей интернационализации бытовой культуры, с другой — развитие

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.
[2] Там же.

средства массовой информации способствует усилению этнического самосознания самых широких слоев населения. Особенно обостренным оно оказывается у тех этнических общностей, которые находятся в неравном положении в государстве, ибо расширение информации делает общеизвестным, а потому и нетерпимым такое неравенство. Этим во многом объясняется основной этнический парадокс современного капиталистического мира, а именно тот факт, что, несмотря на все большую интернационализацию повседневной жизни, в нем происходит дальнейшее обострения межнациональных отношений. Характерным примером могут служить столкновения между фламандцами и валлонами в Бельгии, противоречия между франко- и англо-канадцами и т. д.

Рабочий класс, его революционный авангард — марксистско-ленинские партии отвергают реакционную идеологию национального неравенства и поддерживают национальное чувство угнетенных наций в той мере и поскольку в нем «есть общедемократическое содержание против угнетения...» [1].

Марксизм рассматривает национально-освободительное движение как необходимую предпосылку широкого развертывания борьбы угнетенных народов за социализм. Вместе с тем марксистам совершенно очевидно, что полностью национальный вопрос может быть решен лишь с ликвидацией антагонистических классов, являющейся кардинальной предпосылкой уничтожения всех видов угнетения и неравенства, в том числе и в сфере национальных отношений.

Именно поэтому воздействие идеалов рабочего класса на современные этнические процессы получает полное выражение лишь в условиях социалистического общества. Об этом наглядно свидетельствует более чем полувековой опыт национального строительства в нашей стране.

При рассмотренни этого опыта следует подчеркнуть, что было бы ошибочно механически переносить представление о тенденциях, характерных для национальных процессов при капитализме, на социалистическое общество. Ведь экономическая основа нации, ее классовая структура, духовный облик, т. е. все то, что характеризует определенный социально-исторический тип жизни, коренным образом изменяются в результате перехода от капитализма к социализму. Вместе с тем если чисто классовые характеристики нации при смене формаций изменяются коренным образом, то присущие ей этнические свойства в значительной мере сохраняются.

Соответственно между действующими при капитализме и при социализме двумя тенденциями в национальном вопросе имеются и преемственность, и качественные различия. Тенденция развития наций преобразуется в условиях социализма под воздействием таких новых закономерностей национальных отношений, как утверждение равенства рас, наций и языков, самоопределение народов, выравнивание уровня экономического и культурного развития. На другой экономической и социальной основе происходит при социализме и процесс межнациональной интеграции, сближения наций.

Взаимосвязь этих двух модифицированных тенденций обнаруживается повсюду: как в социально-экономических, так и в «чисто» этнических явлениях, причем первые обычно самым непосредственным образом воздействуют на вторые (особенно на этническое сознание), а последние, в свою очередь, могут оказывать заметное обратное воздействие на базисные явления.

Определяющее значение для развития в нашей стране рассматриваемых тенденций в этнической сфере, несомненно, имел прогресс в сфере производительных сил, сопровождавшийся коренными социальными изменениями. Обусловив усиление хозяйственных связей как внутри отдельных регионов, так и в масштабе всей страны, этот прогресс в конечном счете явился основной материальной предпосылкой этнической консолидации внутри отдельных наций и внутригосударственной межнациональной интеграции.

Уже с первых лет Советской власти социально-экономические преобразования созда-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 275—276.

ли в нашей стране благоприятные условия для бурного развития процессов этнической консолидации. В окраинных, прежде отставших в своем развитии областях страны такие процессы выражались в объединении этнических групп, близких по языку и культуре, в крупные народности и нации. Так произошло, например, образование многих среднеазиатских наций, в частности туркменов, сложившихся из племенных групп иомудов, теке, гокленов и др. В результате консолидационных процессов сформировались и многие народы Сибири, в том числе алтайцы, в состав которых вошли алтай-кижи, телеигиты, телеуты и другие малочисленные племена и народности.

За годы Советской власти стали более монолитными и многие давно сложившиеся нации. Так, поморы, отдельные группы казаков, камчадалы, колымчане, в первые годы Советской власти иногда даже не осознавали себя частью русского народа, отличаясь от основной массы русских по диалекту, культуре и быту. Теперь же их можно выделить лишь в качестве так называемых этнографических групп русского народа. Быстро стираются также различия между латгальцами и латышами и т. д. В итоге в СССР, с одной стороны, появились новые крупные народы, с другой — уменьшилась этническая мозаичность страны.

Как и во всех многонациональных государствах, так и в нашей стране происходят и процессы этнической ассимиляции. Говоря о них, следует сразу же подчеркнуть, что, во-первых, речь идет об естественной ассимиляции, во-вторых, этот процесс затрагивает главным образом территориально рассредоточенные народы (евреи, мордва, карелы и др.) и группы людей, поселившиеся на территории, занимаемой другой национальностью.

Об естественном характере ассимиляции в нашей стране убедительно свидетельствует тот факт, что основной ее «канал» — национально-смешанные браки. Выросшим в соответствующих семьях детям при достижении совершеннолетия приходится выбирать национальность одного из родителей. В случае предпочтения такими подростками какой-либо одной национальности численность этой национальности, разумеется, возрастет за счет той, которая не будет ими выбираться. Рост территориального смешения и ослабления национальных предпочтений привели к увеличению смешанных в национальном отношении браков. Если в 1925 г. в целом по стране национально-смешанным был лишь каждый 40-й брак, то теперь таковым является каждый 7-й, а в ряде городов, как показывают специальные исследования, даже каждый 4-й брак. Особенно часты национально-смешанные браки в городах Молдавии, Украины, Белоруссии и т. д.

Магистральную линию межнациональных процессов в нашей стране составляет не ассимиляция, а межэтническая интеграция. Она теснейшим образом сопряжена с экономической интеграцией, сложением однотипной социальной структуры у всех народов нашей страны и возникновением на этой базе новой исторической общности советского народа. Советский народ — сложное интернациональное образование, охватывающее наряду с экономической и социально-политической сферами жизни общества также культуру.

Межэтническая интеграция привела за годы, прошедшие с момента образования Союза ССР, к возникновению у советского народа общих черт культуры. Это проявилось прежде всего в складывании единого социалистического содержания духовной культуры. Ее неотъемлемыми компонентами становятся пролетарский интернационализм и советский патриотизм. Нельзя, конечно, не учитывать и процесса культурной унификации, связанной с распространением среди народов СССР элементов культуры (главным образом материальной, например автомобилей, радиоприемников, холодильников и т. п.), аналогичных для населения многих стран мира, т. е. принадлежащих к современной урбанизированной общечеловеческой культуре.

Однако в отличие от материальной культуры, где преобладают тенденции к унификации, духовная культура народов нашей страны в значительной степени сохраняет свой этнический колорит. Отчасти это связано с

новым расцветом художественных промыслов, возрождением художественных традиций. Но особенно значительная роль принадлежит в данном отношении развитию профессиональной художественной культуры в ее национальных формах. Несмотря на активный межнациональный обмен, даже многие из тех компонентов художественной культуры, которые приобретают интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах. В то же время в целом для профессиональных видов культуры более характерно межнациональное взаимопроникновение. Идет этот процесс и на повседневно-бытовом уровне духовной культуры. Складываются и единые для советских людей традиции, праздники, обряды и даже общая антропонимика.

Важнейшим фактором формирования и вместе с тем компонентом общесоветской культуры является русский язык, выступающий в качестве языка общения между всеми народами нашей страны. При этом его распространение неуклонно возрастает. Если по переписи 1926 г. лишь 6,4 млн. человек нерусской национальности признали русский язык своим родным языком, то по переписи 1959 г. их число увеличилось уже до 10 млн., в 1970 г. — до 13 млн., а в 1979 г. — до 16,3 млн. Кроме того, в 1979 г. зафиксировано около 62 млн. свободно владеющих русским как вторым родным языком. Учитывая при этом 137 млн. русских, можно считать, что в настоящее время на русском языке свободно объясняется по крайней мере $^4/_5$ населения Советского Союза.

Процесс формирования общесоветской культуры продолжается. Дальнейшие перспективы этого процесса намечены в Программе КПСС. В ней подчеркивается, что, «придавая решающее значение развитию социалистического содержания культур народов СССР, партия будет содействовать их дальнейшему взаимообогащению и сближению, укреплению их интернациональной основы и тем самым формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества» [1]. Свой вклад в этот процесс вносит и развернувшийся в последнее время культурный взаимообмен между странами социалистического содружества, играющий немалую роль в формировании социалистической цивилизации.

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1980, с. 115.

Литература

Общие проблемы этнографии

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.

Энгельс Ф. Диалектика природы.—Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч, т. 24.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. — Полн. собр. соч., т. 21.

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии М., 1981.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

Брук С. И. Население мира. М., 1981.

Громов Г. Г. Методика полевых этнографических исследований. М. 1967.

Народы мира, М.—Л., 1954—1966, т. 1—13.

Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974.

Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры. М., 1979.

Современные этнические процессы в СССР. М., 1975.

Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы и культуры. М., 1971.

Народы Австралии и Океании

Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй). М., 1968.

Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.

Пучков П. И. Население Океании. Этногеографический обзор. М., 1967.

Пучков П. И. Формирование населения Меланезии. М., 1968.

Народы Зарубежной Азии

Малые народы Южной Азии. М., 1978.

Марков Г. Е. Народы Индонезии. М., 1963.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976.

Шпажников Г. А. Религии стран Западной Азии. М., 1976.

Шлажников Г. А. Религии стран Юго-Восточной Азии. М., 1980.

Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М., 1963.

Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.

Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976.

Народы Африки

Брайант А. Т. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953.

Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975.

Исмагилова Р. Н. Этнические проблемы современной Тропической Африки М., 1973.

Обычаи и фольклор Мадагаскара. М., 1977.

Райт М. В. Народы Эфиопии. М., 1965.

Шаревская Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964.

Шлажников Г. А. Религии стран Африки. М., 1981.

Народы Америки

Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974.

Липунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975.

Морган Л. Дома и домашняя жизнь американских индейцев. Л., 1934.

Морган Л. Древнее общество. Л., 1935.

Очерки общей этнографии. Австралия и Океания, Америка, Африка. М., 1957.

От Аляски до Огненной Земли. Сборник статей. М., 1967.

Североамериканские индейцы. Сборник статей. М., 1978.

Файнберг Л. А. Индейцы Бразилии. М., 1975.

Народы Зарубежной Европы

Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в.: Зимние праздники. М., 1973; Весенние праздники. М., 1977; Летне-осенние праздники. М., 1978.

Культура и быт народов Зарубежной Европы. Этнографические исследования. М., 1967.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968.

Этнические процессы в странах Зарубежной Европы. М., 1970.

Восточнославянские народы

Восточнославянский этнографический сборник. — Труды Института этнографии АН СССР, новая серия. М., 1956, т. XXXI.

Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.

Матейко К. І. Український народний одяг. Київ, 1977.

Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. Минск, 1968.

Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.

Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М., 1957.

Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. М., 1970.

Неславянские народы европейской части СССР

Балтийский этнографический сборник. — Труды Института этнографии АН СССР, новая серия. т XXXI. М., 1956.

Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р. Чуваши. Часть 1, Чебоксары, 1956.

Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.

Народы Кавказа

Инал-Ипа И. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. 1890, т. I—II.

Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968.

Магометов А. Х. Культура и быт осетинского крестьянства. Орджоникидзе, 1963.

Харадзе Р. Л. Грузинская семейная община. Тбилиси, 1960, т. I; Тбилиси, 1961, т. II.

Хозяйство и материальная культура народов Кавказа. М., 1968.

Народы Средней Азии и Казахстана

Ленин В. И. О Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1960.

Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962, т. I; М., 1963, т. II.

Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

Народы Сибири и Дальнего Востока

Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961.

История Сибири, Л., 1968, т. II.

Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970.

Социальная организация и культура народов Сибири. М., 1974.

Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.

Алексеенко Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.

Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969.

Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Л., 1975.

Указатель этнических терминов

абазины 228, 257
абхазы 257, 258, 260, 268—270
аварцы 228, 257, 261
австралийцы 35, 38, 40—42, 45
австрийцы 208—210, 215
агау 142
агулы 225, 259
аджарцы 260
адыгейцы (адыги, адыгэ) 228, 257, 260, 266, 268—270
азанде 127
азербайджанцы 63, 64, 225, 228, 257, 258, 262, 267, 268, 270
аймара 165, 188
айны 16, 109, 111, 161
айсоры (атурая, новоассирийцы) 63—66, 76, 259
акан 127, 149
албанцы 64, 199—201
алгонкины 177
алеуты 161, 163, 166, 225, 290, 291
алтайцы 287, 290, 291, 296, 297, 301, 311
американо-либерийцы 130
американцы 37, 51, 55, 59
амхара 141, 142
англичане 5, 43, 78, 126, 130, 149, 194, 208, 304
англо-австралийцы 42, 43
англо-ирландцы 211
англо-канадцы 5, 310
англо-новозеландцы 56, 57
англо-шотландцы 57, 211
андаманцы 78, 80, 85—88, 90
андийцы 257
андхра 86
апачи 163, 182, 184
арабы 9, 63, 64, 66, 68, 71, 73, 75, 76, 97, 123, 126, 127, 134, 158, 206, 264, 269, 276, 309
аравакн 165
араканцы 94
арауканы (мапуче) 165, 173, 188, 189
армяне (хай) 6, 63—65, 76, 130, 225, 257, 259, 262, 264, 268—270, 309
ассамцы 83
астурийцы 206
атандруй 158
атаисака 182
африканеры 126, 130
афшары 65
аче 96
ачоли 127
ацтеки (астеки) 163, 165, 184, 185, 188
ашанти 143, 145—147, 149
аэта 92, 97, 98, 101

баварцы 215
баганда 151
багирми 127
бай 110
баконго 151, 155
баккара 141
балийцы 96
балкарцы (таулу) 258, 261, 266, 268—270
бамбара 127, 148, 149
бамилеке 127
бамум 146
банджары 96
банда 127
банту 127, 134, 151—157
басаката 155
баски 199, 206, 207
басуто 152, 156
батаки 92, 96, 99, 103, 104
бауле-анья 149
бахтиары 65, 73, 75
башкиры 228, 244, 246, 247
беджа 127
белорусы 225, 229, 236, 242, 251, 276
белуджи 65, 66, 68, 73, 75, 76, 83, 86, 276
бемба 127, 155
бенгальцы 81, 87
берберы 126, 127, 133, 134, 140
берта 127
бецилеу 158
бецимизарака 158
биколы 97
бирманцы 93, 94, 96, 104, 106
бихарцы 81
болгары 10, 214, 216, 220, 222—224, 256
бонтоки 97
бороро 190
боснийцы 214, 223
ботлихцы 257
бретонцы 211, 212
буги 96
буи 110
букиты 98
булан 110, 111
буряты 228, 234, 287, 290—292, 294, 296, 297, 301
буте 127
бушмены 15, 126, 134, 156, 157
бхотии 84, 86
бэилун 110, 111

ва 94
вакаши 173
валлийцы 211, 212
валлоны 202, 205
ваханцы 274
вахехе 154
ведды 15, 78, 80, 85, 87, 88, 90
венгры (мадьяры) 199, 213, 214, 228
вепсы 240, 252—254
верховинцы 236
висайя 97
влахи (аромуны) 200, 202, 203, 215
вьетнамцы (вьеты) 51, 93, 96, 106, 121

гавайцы 52, 54, 55
гагаузы 199, 256
галисийцы 202, 205—207
галла 127, 141, 142
ганда 127
гаошань 110, 113
гаро 80, 88
гаучо 194
гбайя 127
гереро 152
германо-швейцарцы 208, 210
гилянцы 65
голландцы 37, 78, 126, 195, 208, 209, 304
гонды 83, 84, 87
готтентоты 15, 126, 130, 134, 156
греки 76, 130, 199—203, 215, 225, 259
грузины (картвелы) 63, 64, 228, 257, 259, 268, 270
груси 127
гуайкуру 191
гуджератцы 81
гуцулы 236
гэлао 110
гэлы 211, 212

дамара, горные 130
данакиль 142
дакота 165, 182
даргинцы (кубачинцы, кайтаки и др.) 228, 257
дагестанцы 266, 269, 270
дегчане 208, 209
доаки 96, 101, 103, 105
джакуны 96
джерма 127
дидойцы 257
динка 127
долганы 225, 290, 294
дравиды 16, 78, 130
дулун 113
дун 110
дунгане 120, 276 см. хуэй
дунсян 110

евреи 64—66, 130, 225, 256, 311
  горские 259
  среднеазиатские (бухарские) 276
европейцы 14, 32, 33—38, 48, 51, 52, 55—57, 70, 123, 125, 126, 130, 134, 144—146, 151, 155, 156, 160, 162, 165, 168, 171—173, 175—178, 181, 183, 190, 191, 193, 194, 304

жес 190

зулу 151, 152, 156

ибибио 127
ибо 127, 145
илоки (илоканы) 97
ингуши (галга) 228, 257, 260, 269
индейцы (Америки) 9, 15, 22, 160—163, 165, 168—173, 175, 176, 181, 182, 189—191, 193—196, 307, 309
индийцы 10, 52, 66, 96
индонезийцы 96
  горные 96
ироку 127
ирландцы 43, 211, 212
ирокезы 165, 177—180, 182, 183
исландцы 208, 209
испанцы 37, 57, 130, 165, 170, 183—186, 189, 192, 194, 195, 205—207, 304
итальянцы 130, 194, 202, 204, 319
итало-швейцарцы 202, 204
ительмены 11, 162, 225, 290, 294, 295, 297, 301
ифугао 97, 99
ицзу 110, 113, 117, 119
ишкашимцы 274
йоруба 127, 136, 143—148

кая 94
кабардинцы 228, 257, 260, 269, 270
кабатки 214
кава 110, 111
казачество 234, 310
казахи 109, 111, 225, 228, 243, 273, 275, 276, 280, 283, 285
калинга 97
калмыки 228, 256, 293
калонг 94
кампучийцы 106 см. кхмеры
канури 127, 145
каракалпаки 228, 273, 275, 276, 279, 285
карачаевцы (карачайлы) 258, 261, 265, 268—270
карелы (ливики, людики, верхневолжские, тверские) 228, 240, 252—255, 311
карены 94, 96
касимовские татары см. татары, касимовские
каталонцы 202, 205, 207
качины 93, 94
кашубы 214
керанти 172
кеты 225, 291, 295
кечуа 163, 165
киприоты 200
кирати 84
киргизы 109, 121, 228, 273, 275, 276, 280, 283, 285
кистины 257
китайцы 55, 96, 97, 108, 110, 111, 113, 117—119, 121, 130, 196
киче 165
кома 130
коми 228, 240, 244
  -зыряне 252, 254, 255
  -пермяки 252, 254, 255
кон 94
копты 127
корейцы 107, 109, 110, 113, 117—119, 121, 276
корку 80
корсиканцы 202

коряки 11, 162, 225, 287, 290, 291, 294, 297, 298, 300
коса 152, 156
коте 96
коши 9
кубу 92, 96, 98, 101
куи 94
кумыки (кумук) 258, 261
кунама 127
курды 63—68, 75, 76, 259, 276
курумба 88
кхаси 80, 84, 86, 88, 89
кхмеры 93, 94, 96, 99, 104
  горные 96
кхму 96
кхунунг 96
кюн 94

ладины 202, 204
лазы (чаны) 64, 259
лакцы (лаки) 228, 257
ламет 96
лампонгцы 96
ланао (маранао) 97
лао 93, 94, 96
лаосцы (лаотянцы) 104, 106
латыши (латвиеши) 225, 249—252, 311
левантинцы 66
лезгины (агулы, рутулы, цахуры) 228, 257, 259
ли 110, 113
ливийцы 133, 134
лису 96, 110
литовцы (лиетувей) 225, 249—251
ломбокцы 96
лопари см. саамы
лотарингцы 208
лу 94
луба 127, 130
лубу 101
лужицкие сербы (лужичане, сорбы) 214, 216, 219, 221, 223
луры 65, 73, 75
луо 127
лы 94, 96
люксембуржцы 208

маба 130
магинданао 97
мадурцы 96
мазендаранцы 65
майя 163, 165, 186—188, 193
макассары 96
македонцы 200, 214, 222, 223
малагасийцы 126, 158, 159 см. мерна
малайцы 92, 94, 96, 97
малинке 127, 149
мальтийцы 207, 208
манде 144, 148
мандинго 144, 145, 147
манси 213, 225, 228, 246, 287, 290, 291, 297, 301
маньчжуры 108, 110, 113, 120
маори 52, 54, 56, 57
маратхи 81
марийцы (черемисы) 228, 244—246, 248, 249
  восточные 245
  горные 245
  луговые 245
маршальцы 57
масаи 127
мбунду 127
мегрелы 259
мексиканцы 57, 184, 196
меланезийцы 9, 15, 45, 47—50, 61, 99
ментавеи 92, 96
мерна (мерина) 156
метисы 38, 55, 192, 193, см. мулаты
микронезийцы 9
минангкабау 96, 103—105, 192
минахасы 96
мишари 246
молдоване (молдовень) 225, 255, 256
монголы 108, 110, 113, 121
мон-кхмеры 9
моны 94
  горные 99
мордва 228, 240, 244—249, 311
  мокша 245
  эрзя 245, 249
мору-мангбету 127
моси 127
мулаты 308, см. метисы
мунда 17, 78, 80, 84
мыонги 96
мяо 93, 96, 108, 110, 113, 120

навахи 163, 184
нага 80, 84, 86—89, 94, 99, 105
наиры 88
нанайцы 9, 228, 287, 290, 297
наси 110
наскапи 168
нахуа 165
нганасаны (тавгийцы) 225, 290, 294, 295
негидальцы 290, 298
негритосы, негрилли 15
негры 15, 193, 195, 196
немцы 126, 130, 194, 195, 208—210, 225
ненцы 11, 228, 252, 253, 287, 290, 291, 296, 298, 300, 301, 303
ниасы 92, 96
нивхи (гиляки) 9, 225, 290, 291, 294, 295, 297, 302
никобарцы 80
новогвинейцы 35 см. папуасы
новокаледонцы 49
ногайцы 246, 257, 258, 261
норвежцы 208—210
ну 113
нубийцы 127
нуристанцы 65
нуэр 127
ньямвези 127

огнеземельцы 165, 175, 176
оджибве 168, 176
ольстерцы 208, 211
ороки 290, 298
орочены 110, 116 см. эвенки
орочи 225, 228, 290
ория 81
осетины 225, 258, 261, 266, 267—270

палайяны 84, 86
палауны 94
папуасы 15, 27, 35, 36, 39, 43—47, 61, 99
патагонцы 172, 173 см. гаучо
пенджабцы 87
персы 64, 66, 276
пигмеи 126, 134, 157
полехи 236
полинезийцы 36, 51, 52, 53, 55
поляки 195, 196, 214, 218, 220, 229, 251, 309
помаки 223
поморы 235, 310
понапе 57
португальцы 37, 55, 78, 106, 130, 192, 195, 202, 205, 206, 207, 208
пунаны 9, 98
пуштуны 65, 66, 68, 71, 73, 75, 76, 83, 86
пуэбло 182—184
пуэрториканцы 196
пшавы 260
ретороманцы 204
романши 202, 204
румыны 202, 203, 220, 229
русины 236
руснаки 236
русские 7, 64, 175, 195, 216, 225, 229, 230, 235, 236, 242, 248, 256, 276, 287, 294, 296, 300, 303, 311

саамы (лопари) 199, 200, 213, 225, 228, 252 254, 255
сакаи 96, 98
сакалава 158
салары 109
сандаве 130, 134
санталы 80, 83, 86—88
сваны 259, 260
северо-американцы 5 см. американцы
селькупы 225, 290, 291, 297, 301
семанги 92, 94, 96, 98
сенои 94, 96, 98, 101
сенуфо 127
сербы 214, 216, 222, 223, 224
серер 127, 145, 149
сиамцы (таи) 93, 94
сингалы 78, 81
сингапурцы 108
сидамо 127, 141, 142
синдхи 85 сиу 177, 181
словаки 214, 216, 229
словенцы 214, 215, 223
словинцы 214
соке 165
сомали (сомалийцы) 127, 141—143
сонгаи 127
суахили 154
сулу-самаль 97
сумбаванцы 96
сунда 103
сэлиш 173

табасараны 257
таджики 65, 225, 273, 274, 276
припамирские (горные) 65, 274
тагалы 92, 93, 97
таи 96, 118
горные 93, 96, 99
таиландцы 106 см. таи, сиамцы
таитяне 52, 54, 56
тай 110
тамилы 78, 86
тасманийцы 35, 37, 39, 40—42
татары 64, 225, 228, 247—249, 276, 287
западносибирские (тобольские, тарские, рабинские, томские) 290, 291, 296, 301
казанские (поволжские) 244—246
касимовские 241
таты 258, 262
тенггеры 96, 98
техуэльче 172
тибетцы 96, 108, 110, 113, 117, 118, 127
тив 127
тигре 127, 141
тиграи 127, 141, 143
тлинкиты 173
тоала 92, 96, 98, 101, 104
тода 85, 88
тораджи 96, 99, 105
тофалары (карагасы) 290
трук 57
трухмены (туркмены) 258
тсвана 152, 153
ту (монгоры) 110
туанаки 165
туареги 127, 141, 145
тубу 127
тувинцы 287, 290, 291, 296
тунгару (гилбертцы) 57
тупи 190
турки 63, 64, 71, 199, 200, 201, 216
туркмены 64—66, 68, 75, 76, 228, 273—276, 283, 311
туцзя 110
тушины 260
тхай 96
тхай-фон 96
тямы (чамы) 94, 96

удэгейцы (удэ) 225, 228, 290
удмурты (вотяги) 228, 244—246, 248, 249

бесермяне 244
ватки 244
килмез 244
узбеки 65, 225, 228, 273, 274, 276, 280, 285
уйгуры 109, 111, 117, 121, 273, 275, 276
украинцы 6, 7, 195, 196, 225, 229, 235, 236, 242, 256, 276
уладаны 86
ульчи (ольчи) 9, 225, 290, 297
уни 96
урумы (греки) 259 см. греки

Фанг 127
фарерцы 208, 209
фиджийцы 38, 49, 52
филиппинцы 55, 57, 59 см. илоки
финны (суоми) 199, 213, 228, 244, 253
фламандцы 208, 209
фон 146
франко-новокаледонцы 51
франко-швейцарцы 202
французы 51, 78, 126, 130, 194, 195, 202, 204, 205
фризы 208, 209
фриулы 202, 204
фуан 94
фула 96
фульбе 127, 145, 148, 149
фур 130

хазарейцы 64, 65
хазянг 96
хайда 173
хайя 154
хакасы 287, 290, 296, 301
халха-монголы 108 см. монголы
хани 110
ханты 213, 228, 287, 290, 291, 297, 298, 301, 303
хатса (хадзапи, тиндига) 130, 134
хауса 127, 133, 144, 145, 147, 148
хваршины 257
хевсуры 260
хиндустанцы 81
хо 80
хорваты 214, 222, 223
хуастеки 165
хуэй 120 см. дунгане
хэт 172
хэчжэ (нанайцы) 110, 111 см. нанайцы

«цветные» ЮАР 130
цова-тушины (бацбии) 257
цыгане (ром) 199, 225, 256, 259, 276

чайпеваи 158
чаморро 57, 58, 59
чончу 85
черкесы 64, 228, 257, 260, 269, 270
черногорцы 214, 216, 222, 223
чехи 214, 216, 218, 229
чеченцы (нахчо) 228, 257, 260, 269, 270
чжуан 110
чон 172
чонг 94
чуванцы 291
чуваши 228, 244, 245
анатри (низовые) 245
вирьялы (верховые) 245
чукчи 162, 287, 290, 291, 294, 298, 300, 301, 303
чулымцы 290

шаны 94
шведы 195, 208—210
шорцы 290, 291, 296
шотландцы 43, 208
шунганцы 274
шуй 110
шэ 110

эве 127, 146
эвенки («тунгусы») 11, 110, 116, 228, 234, 287, 290, 291, 296, 298, 301 см. орочены
эвены (ламуты) 228, 287, 290, 291, 297, 298, 300
эльзасцы 208
энцы 290, 295
эрзя 249 см. мордва
эскимосы 9, 11, 20, 167, 169, 173, 225, 291, 294, 295, 300
эстонцы (эстласед) 228, 249—253
эфиопы 16, 142

юкагиры 225, 291, 295, 298, 301, 302
юрюки 64, 68, 75

яванцы 51, 92, 96, 103, 104
язгулемцы 274
яканы 97
якуты 228, 287, 290, 291, 293, 294, 296, 302
яо 93, 110, 113
японцы 10, 55, 108, 109, 111, 117, 119—121

Оглавление

Предисловие (Г. Е. Марков) 3

Введение 4

Предмет и задачи этнографии (Ю. В. Бромлей) 4
Классификация народов мира (Г. Е. Марков) 13
История этнографической науки (Г. Е. Марков) 21
Источники и методы исследования этнографической науки (Г. Г. Громов) 26

1. Народы зарубежных стран . . . 32

Глава 1. Народы Австралии и Океании (П. И. Пучков) 32
Народы Австралии 38
Народы Папуасии (Новой Гвинеи) 43
Народы Меланезии 47
Народы Новой Каледонии и островов Луайоте 50
Народы Фиджи 51
Народы Полинезии 52
Народы Гавайских островов . 55
Народы Новой Зеландии . . . 56
Народы Микронезии 57

Глава 2. Народы Зарубежной Азии Е. Марков) 60
Народы Западной Азии (Г. Е. Марков) 61
Народы Южной Азии (Г. Е. Марков) 77
Народы Юго-Восточной Азии (Г. Е. Марков) 91
Народы Восточной и Центральной Азии (М. В. Крюков) 106

Глава 3. Народы Африки (Л. П. Лашук и Г. А. Шпажников) . . . 122

Глава 4. Народы Америки (Г. Г. Громов) 160

Глава 5. Народы Зарубежной Европы 197
Народы Западной Европы (Г. И. Анохин) 197
Западные и южные славяне (Л. Б. Заседателева) . . . 214

2. Народы СССР 225

Глава 6. Восточнославянские народы (Г. Г. Громов) 229

Глава 7. Неславянские народы европейской части СССР (К. И. Козлова) 244
Народы Волго-Камья 244
Народы Прибалтики 249
Народы Европейского Севера СССР 252
Народы Юго-Запада и Юга европейской части СССР 255

Глава 8. Народы Кавказа (К. И. Козлова) 257

Глава 9. Народы Средней Азии и Казахстана (С. П. Поляков). . . 271

Глава 10. Народы Сибири (Л. П. Лашук) 287

Основные тенденции этнической истории (Ю. В. Бромлей) 304

Литература 313

Указатель этнических терминов . . . 315

ЭТНОГРАФИЯ

Под редакцией
Юлиана Владимировича Бромлея
и Геннадия Евгеньевича Маркова

Редактор Н. В. Павлова. Художник А. В. Алексеев. Художественный редактор Т. Н. Коленкова. Технический редактор Т. Д. Гарина. Корректор Л. Э. Ганненко.

ИБ № 2699

Изд. № Ист-251. Сдано в набор 20.04.81. Подп. в печать 30.11.81. А-09876. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Объем 23,4 усл. печ. л. 23,4 усл. кр.-отт. 29,93 уч.-изд. л. Тираж 40 000 экз. Зак. № 274. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Высшая школа»,
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.